

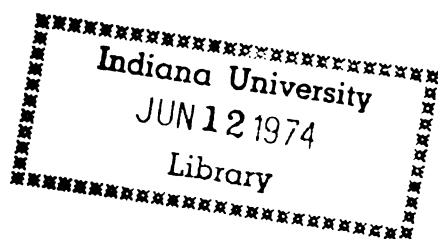

1971
UNIVERSITY
LIBRARY

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

94/26

Published by Europe Printing Establishment

This volume was previously announced as

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS, 265/7

a series published by Mouton Publishers, The Hague, Netherlands

(supplements Slavistic Printings and Reprintings, 94/1–11)

EUROPE PRINTING ESTABLISHMENT

VADUZ – LIECHTENSTEIN

1973

БЫЛОЕ

Byloe

14

1919

15

DK1
.B982
New ser.
no. 14-15

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

Сановники въ Шлиссельбургской тюрьмѣ.

Въ первое десятилѣтіе послѣ того, какъ въ Шлиссельбургской крѣпости, въ іюлѣ 1884 г., была открыта новая тюрьма, построенная специально для народовольцевъ и другихъ, наиболѣе важныхъ государственныхъ преступниковъ, каждыя полгода насъ посѣщаль какой-нибудь сановникъ изъ Петербурга. Это были: министры и товарищи министра внутреннихъ дѣлъ, директора департамента полиціи и разные генералы. Такъ, за долгій срокъ заключенія мы перевидали цѣлую плеяду высокопоставленныхъ лицъ, смѣнявшихъ другъ друга въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Военные прѣзжали для ревизіи военнаго отдѣла крѣпости и заходили къ намъ, такъ сказать, попутно; остальные же имѣли специальною цѣлю посѣщеніе политическихъ заключенныхъ, оставленныхъ, не въ примѣръ обитателямъ всѣхъ другихъ тюремъ имперіи, въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ,— въ частности, департамента государственной полиціи.

Какъ только тюрьма была готова, изъ Петропавловской крѣпости въ нее перевезли оставшихся въ живыхъ узниковъ нынѣ уже не существующаго Алексѣевского рavelина. Оставшихся въ живыхъ,— потому что народовольцы: Ширяевъ, Баранниковъ, Александръ Михайловъ, Колодкевичъ, Лангансъ, Клѣточниковъ уже умерли, какъ умеръ и Нечаевъ. Перевезли, съ одной стороны, тѣхъ, кто уцѣлѣлъ изъ осужденныхъ по процессамъ «Народной Воли» 81-го, 82-го и 83-го гг.¹⁾, а съ другой—каторжанъ (различныхъ политическихъ процессовъ), возвращенныхъ изъ Сибири, куда они были уже отправлены. Этими и возвращенными съ Карійскихъ рудниковъ были: Мышкинъ, Юрковский, М. Поповъ, Буцинскій, Долгушинъ, Кобылянский, Гелисъ, Игнатій Іва- яловъ, Минаковъ, Кржановскій, Малавскій и Щедринъ.

Въ октябрѣ къ первоначальнымъ насельникамъ присоединили меня и восемь человѣкъ другихъ осужденныхъ по процессу 14-ти: Людмилу Ал. Волкенштейнъ, Василія Иванова, Суровцева, Немоловскаго и военныхъ: Ашенбреннера, Похитонова, Ювачева и Тихоновича. Въ декабрѣ привезли четверыхъ кievскихъ народовольцевъ: Панкратова, Мартынова, Шебалина и Караулова. Въ 85-мъ г. нашъ составъ увеличился Яновичемъ и Варынскимъ по дѣлу польскаго «Пролетаріата», Манучаровымъ изъ Харькова и Лаговскимъ, заключеннымъ административно. Дальнѣйшее увеличеніе произошло въ 87-мъ году, когда привезли сначала Лукашевича и Новорусскаго, а позднѣе: Лопатина, Антонова, Конашевича, С. Иванова и Стародворскаго. Въ 88-мъ году къ намъ присоединили Оржиха, послѣ чего прошло 13 лѣтъ, пока въ 1901 году явился Карповичъ, человѣкъ поко-

¹⁾ Мсеговъ, Богдановичъ, Исаевъ, Грачевскій, Тритони, Вудевичъ, Францко, Златотопольскій, Арончикъ, Клименко, Подивановъ.

дѣнія, народившагося безъ насъ и открывшаго новую полосу революціоннаго движенія.

Первымъ высокопоставленнымъ лицомъ, посѣтившимъ насъ въ январѣ 1885 г., былъ высокій, стройный, красивый генералъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ же шефъ корпуса жандармовъ — Оржевскій. Я видѣла его два раза, послѣ моего ареста, въ департаментѣ полиціи, гдѣ меня продержали дня три и водили на показъ директору департамента полиціи, товарищу министра внутреннихъ дѣлъ и самому министру. Три фигуры: Плеве, Оржевскій и Д. А. Толстой. Одинъ былъ грубъ. Кивнувъ небрежно головой, не то для поклона, не то для указанія на рядъ стульевъ вдоль стѣны, онъ бросилъ: «возьмите стулъ» и, когда я сѣла, сталъ издѣваться надъ тѣмъ, что учащаяся молодежь восторженно отзывалась обо мнѣ. «Неужели васъ удовлетворяетъ этотъ восторгъ?» — пожалъ онъ плечами, изобразивъ на лицѣ полное пренебреженіе. «Быть можетъ», иронизировалъ онъ дальше, «теперь вы были бы не прочь занять то общественное положеніе, которое могли занять раньше?» — и, какъ бы желая заглянуть въ психологію человѣка, измученнаго нелегальной жизнью: «быть можетъ, вы такъ устали, что рады, что наступилъ конецъ», — сказалъ онъ въ заключеніе. Другой, изящный, былъ предупредителенъ, вѣжливъ и велъ себя, какъ хорошо воспитанный человѣкъ. Мягкій въ манерахъ, тактичный въ обращеніи, онъ вызывалъ на собесѣдованіе по политическимъ вопросамъ, но я уклонилась, указавъ, что политическіе взгляды гораздо лучше выяснить на судѣ. Третій — некрасивый, сутуловатый, графъ Толстой, былъ старчески грубоватъ и добродушенъ. «Никакъ не ожидалъ, что вы имѣете такой скромный видъ», — привѣтствовалъ онъ меня, вставая съ кресла въ кабинетъ Оржевскаго, куда меня позвали во второй разъ. «Какая вы гордая!» — покачалъ онъ головой, когда на вопросъ, не имѣю-ли я какихъ-нибудь желаній, я совершенно просто отвѣтила: «Хотѣла бы одного — повидать мать». Графъ говорилъ о классической системѣ образованія, о томъ, что мы, революціонеры, противники этой системы и имѣемъ злые умыслы на его жизнь, о бесполезности политическихъ убійствъ. «Чего вы достигнете своими покушеніями на царствующихъ особъ?» — говорилъ онъ. «Ну, убьете, и вмѣсто одного государя на престолъ взойдетъ другой». Въ его словахъ не было силы, а интонація походила на воркотню дѣда, обращающагося къ внучкѣ. «Жаль, нѣтъ времени», — заключилъ онъ бесѣду, — «а то я убѣдилъ бы васъ». Не желая оставлять послѣдняго слова за нимъ, я отвѣтила, улыбаясь: «Я тоже жалѣю объ этомъ: надѣюсь, я обратила бы васъ въ народо-вольца». Шутка стала крылатой и передавалась жандармскими чиновниками изъ устъ въ уста. При первой же встрѣчѣ съ прокуроромъ Добржинскимъ, который велъ слѣдствіе, онъ разсмѣшилъ меня вопросомъ: «Неужели, вы въ самомъ дѣлѣ надѣялись обратить графа Толстого въ свою вѣру?». Съ серьезной миной я отвѣтила: «Но почему же нѣтъ?!».

Теперь въ Шлиссельбургской крѣпости, когда Оржевскій входилъ въ камеру № 26, которую занимала я, обстановка и условія были не тѣ, что въ прекрасномъ кабинетѣ въ департаментѣ полиціи. Генералъ былъ такъ же изященъ, красивъ и элегантенъ, какимъ я видѣла его за рабочимъ столомъ съ дѣловыми бумагами, а я — тогда, хоть и была лишена свободы, не была еще осуждена и не стояла, остриженная подъ гребенку, въ безобразномъ арестантскомъ халатѣ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ передъ посѣтителемъ, явившимся въ тюрьму, въ качествѣ начальства.

Мнѣ бы подумать объ этомъ контрастѣ положеній и замкнуться въ молчаньи, вспомнить о гордости, о которой не къ мѣсту замѣтилъ графъ Толстой въ присутствіи Оржевскаго. Но я не подумала и не вспомнила.

Первая камера направо отъ меня была пустая, а за ней жилъ кто-то; я не знала, кто. Сначала по вечерамъ оттуда слышались тяжелые, разнѣренные шаги, пять впередъ, пять назадъ. Кто могъ бы ходить такими крупными, тяжелыми шагами? — гадала я. И мнѣ казалось, что это долженъ быть молодой, здоровый силачъ, сгибавшій подкову, Баранникъ. Когда въ Одессѣ сестра композитора А. Рубинштейна однажды завлекла меня на оперу «Демонъ», написанную ея братомъ, то наружность Демона была, какъ разъ, наружностью мрачнаго красавца Баранникова, и теперь его образъ вставалъ въ воображеніи, какъ только шаги неизвѣстнаго начинали вечеромъ раздаваться справа. Молодой, здоровый богатырь, эта красивая эмблема террора, умеръ отъ цыги однимъ изъ первыхъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Убийственный режимъ подкашивалъ всего скорѣе организмы, казавшіеся наиболѣе крѣпкими, а люди слабосильные оказывались наиболѣе стойкими и выносливыми. Такъ, не смотря на равелинъ и Шлиссельбургъ, выжилъ Н. Морозовъ, не разъ въ тюрьмѣ страдавшій кровохарканьемъ, худой и хрупкаго тѣлосложенія. Черезъ нѣсколько недѣль шаги смолкли; въ часы прогулки дверь въ камеру № 28 не отпиралась: узникъ заболѣлъ. И днемъ, и ночью, когда бы я ни проснулась, я стала слышать не то короткій стонъ, не то маленькій кашель, подобный стону, и этотъ звукъ не давалъ мнѣ покоя: кто-то неподалеку отъ меня страдалъ, быть можетъ, умиралъ. Но кто же? Баранниковъ или кто-нибудь другой? Знаю я этого человѣка или нѣтъ? За каждой дверью, которую отворяли и съ шумомъ запирали утромъ, когда поднимали койки къ стѣнамъ, и вечеромъ, когда желѣзо съ лягомъ ударяло въ асфальтовый полъ, я старалась угадать личность узника, запертого въ кельѣ, старалась подстеречь какой-нибудь признакъ, звукъ голоса или кашля, чтобы узнать кого-нибудь изъ друзей. Но изъ всѣхъ дверей, которыхъ я насчитывала до 30, эта дверь — черезъ камеру — особенно фиксировала мое вниманіе.

Надѣво, тоже черезъ камеру отъ меня, я помѣщала Мартына Ланганса. Мартына, какъ и Баранникова, не было уже въ живыхъ. Но звенящій, больной голосъ Малавскаго, умиравшаго въ ней, вводилъ меня въ заблужденіе: онъ живо напоминалъ нѣсколько пѣвучій голосъ Ланганса.

Умирающій справа, умирающій слѣва. 28 человѣкъ извѣстныхъ и любимыхъ или же неизвѣстныхъ, но связанныхъ со мной одинаковою участію; 28 живыхъ, но безмолвныхъ, какъ мертвые, и такъ же не знающихъ обо мнѣ, какъ я не знаю о нихъ — какъ было удержаться и молчать, когда по-прежнему красивый, элегантный и спокойный Оржевскій вошелъ ко мнѣ въ камеру и спросилъ: «Нѣтъ-ли заявленій?» И я заговорила, заговорила тѣмъ бьющимъ по нервамъ голосомъ, звонкимъ и дрожащимъ, какъ говорятъ при волненіи узники послѣ длительного вынужденнаго молчанія. «Избавьте меня отъ ненужнаго мученія — отъ стоновъ больныхъ и умирающихъ. Эти стоны и днемъ, и ночью не даютъ мнѣ покоя... Переведите ихъ подальше отъ меня... Неужели здѣсь для больныхъ нѣтъ больницы?!»...

Оржевскій, молча, выслушалъ и, молча, вышелъ.

Больной справа, больной слѣва остались на прежнемъ мѣстѣ.

Это было вскорѣ послѣ исторіи съ Мышкинымъ, шумный про-

тестъ котораго потрясъ наши и безъ того разстроенные нервы. Не будучи долѣе въ силахъ переносить Шлиссельбургскій режимъ, онъ бросилъ въ день Рождества, во время раздачи ужина, тяжелую оловянную миску въ смотрителя Соколова. Съ глухимъ звономъ она упала на каменный полъ, послѣдовала отвратительная возня и крики Мышкина: «Не бейте! Не бейте меня! Судите, а не бейте!»

Потомъ его камера опустѣла. Его увели, чтобы поставить на военный судъ, чего онъ и захотѣлъ, чтобы заявить о невыносимыхъ порядкахъ заключенія и цѣною жизни добиться для другихъ смягченія ихъ.

Безрезультатны были и другія заявленія, сдѣланныя Оржевскому въ этотъ разъ.

Василій Ивановъ принесъ жалобу, что по дорогѣ въ карцеръ за разговоры стукомъ, жандармы его били. Генералъ обратился за подтвержденіемъ къ тюремному врачу, на котораго сослался Ивановъ. Но молодой военный врачъ, трусъ Заркевичъ, не подтверждалъ словъ Иванова, хотя послѣ избіенія самолично приводилъ Иванова въ чувство. Неудивительно, что на жалобу Оржевскій пожалъ плечами.

А на заявленіе кого-то изъ больныхъ туберкулезомъ, что истощенный организмъ не можетъ переносить арестантскихъ щей и каши, Оржевскій съ улыбкой заявилъ, что каша — отличная вещь, онъ очень любитъ и самъ ѣстъ ее.

Осенью того же года явился другой сановникъ—П. Н. Дурново, котораго я увидѣла тогда впервые.

Въ камерѣ было холодно. В первые годы всегда было холодно. Быть можетъ, скупились на дрова, или заслонка въ коридорной трубѣ, проводившей паръ въ калориферъ, не была вполне открыта, а я и не подозрѣвала о существованіи ея и никогда не заявляла смотрителю о холодѣ. Возможно, что ощущеніе холода зависѣло и отъ малокровія, которымъ я страдала, но только я и въ камерѣ оставалась обыкновенно въ нагольномъ полушубкѣ, въ которомъ выходила на прогулку.

Въ полушубкѣ я была и въ тотъ часъ, когда, въ сопровожденіи большой свиты, ко мнѣ вошелъ Дурново, маленькій, живой сангвиникъ, съ лицомъ, выражающимъ самодовольство.

— Почему вы въ полушубкѣ? — обратился онъ ко мнѣ.

— Мнѣ холодно, — отвѣтила я.

— Странно; я не нахожу, чтобы здѣсь было холодно, — возразилъ онъ.

На щекахъ Дурново горѣлъ румянецъ; отъ него пахло портвейномъ. Повидимому, онъ только-что плотно и вкусно позавтракалъ у коменданта, въ сопровожденіи котораго пришелъ дѣлать обходъ: немудрено, что ему было тепло.

— Ощущеніе тепла и холода субъективно, — сухо замѣтила я въ отвѣтъ.

Такъ—одинъ любилъ кашу, до которой не дотрогивался туберкулезный больной, не имѣвшій, кромѣ нея, ничего другого. Другому—было тепло послѣ хорошей ѣды и возліянія.

И еще разъ приходилъ ко мнѣ Дурново, года два или три спустя. Онъ вошелъ, какъ всегда, съ двумя жандармами по обѣ стороны его особы и цѣлой свитой изъ коменданта, смотрителя, его помощника и нѣсколькихъ офицеровъ крѣпости. Такова изъ предосторожности была обстановка при всякомъ обходѣ нашей тюрьмы высокопоставленными

посѣтителами. «Нѣтъ-ли заявленій?». «Какъ здоровье?»—задалъ онъ обычные официальные вопросы и затѣмъ вышелъ.

И вдругъ сейчасъ же дверь снова отворилась и, оставивъ всю свиту въ корридортѣ, Дурново вошелъ въ камеру, уже одинъ. Въ эту минуту я стояла въ своемъ халатѣ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, взволнованная и разстроенная, какъ всегда мы бывали взволнованы и разстроены при вторженіяхъ въ наше одиночество. Быстрыми шагами онъ приблизился ко мнѣ, интимно положилъ руку на рукавъ моего халата и, ласково заглядывая въ глаза, тихо молвилъ: «Скучно вамъ здѣсь?»

Глаза, навѣрно, выдавали меня, но я выговорила: «Нѣтъ!»

Рука съ халата тотчасъ поднялась, и уже совсѣмъ другимъ, официальнымъ тономъ, указывая на пучекъ овощей, лежавшихъ на желѣзномъ столѣ, Дурново спросилъ: «Это изъ огорода?»—и исчезъ.

Большую удачу Дурново, искавшій, очевидно, случая побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь изъ шлиссельбуржцевъ, испыталъ въ этотъ разъ у Лопатина, который велъ съ нимъ долгій разговоръ объ условіяхъ жизни въ крѣпости.

Тутіе на хорошее, эти господа не стѣснялись, когда надо было принести дурное извѣстіе. Если черезъ 5—6 лѣтъ заключенія въ крѣпости департаментъ поразилъ Яновича, извѣстивъ его одновременно о смерти семи близкихъ родственниковъ, то, другому узнику Дурново не задумался сообщить, что его жена вышла замужъ за другого...

Въ 1889 г. посѣщеніе Дурново принесло большое несчастье нашей тюрьмѣ. О томъ, что изъ Петербурга пріѣдетъ начальство, мѣстная администрація всегда знала заранее: очевидно, дружественныя отношенія съ людьми, освѣдомленными на этотъ счетъ, обезпечивали своевременное извѣщеніе о наѣздѣ сановниковъ. Такъ и на этотъ разъ смотритель Федоровъ, замѣнившій Соколова, былъ предупрежденъ и, обходя насъ, давалъ совѣтъ: «Лишнія книги кое-какія не оставляйте на виду. Сдайте въ бібліотеку или спрячьте».

Онъ имѣлъ въ виду книги, привезенныя нами при поступленіи въ крѣпость. Спустя много времени послѣ повторныхъ просьбъ взять ихъ въ бібліотеку для общаго употребленія—эти книги, съ разрѣшенія департамента, были, наконецъ, занесены въ каталогъ, возможно, что безъ предварительнаго представленія списка ихъ петербургскимъ властямъ. Между книгами были сочиненія Спенсера — «Соціологія» и «Основы соціологіи»; Минье — «Исторія великой французской революціи»; Мотлей — «Исторія революціи въ Нидерландахъ», а по исторіи: Соловьевъ, Гервинусъ, Шлоссеръ и др.

Мы всѣ послѣдовали благому совѣту смотрителя. Всѣ—кромѣ одного. Этимъ однимъ былъ Сергѣй Ивановъ (изъ процесса Лопатина).

Когда Дурново вошелъ къ нему, онъ тотчасъ обратилъ вниманіе на полураскрытый томикъ, лежавшій на койкѣ, и любопытствовалъ, что читаетъ заключенный? Это была «Исторія великой французской революціи» Минье, книга, которая, несомнѣнно, могла поддержать революціонное настроеніе въ читающемъ. Этого было достаточно, чтобы Дурново сдѣлалъ выговоръ тюремной администраціи и приказалъ очистить бібліотеку отъ всѣхъ подобныхъ сочиненій. Такъ, было изъято 35 названій, которыя при скудости книжнаго запаса составляли по своему содержанію самое цѣнное, чѣмъ мы располагали. Разумѣется,

мы были крайне раздражены такой потерей. Насъ лишали единственнаго духовнаго достоянія, и не было гарантіи, что за однимъ изъятіемъ не послѣдуютъ и другія. Поднялся вопросъ о протестѣ, и послѣ долгихъ споровъ и многихъ сговоровъ была объявлена голодовка, въ которой однако приняли участіе далеко не всѣ. Она продолжалась девять дней и кончилась и внѣшнимъ, и внутреннимъ пораженіемъ. Большинство рѣшило прекратить протестъ, не доведя его до смертнаго конца, какъ объ этомъ раньше шли переговоры; мнѣ эта исторія принесла горькое разочарованіе и чуть не стоила жизни, такъ какъ я не хотѣла подчиниться рѣшенію большинства и намѣревалась продолжать голодовку. Однако, я была принуждена отступить и отступила съ гнѣвомъ—подъ угрозой двухъ лицъ, что въ случаѣ моей смерти они покончатъ съ собою,—и никогда не могла простить имъ того, что считала нравственнымъ насиліемъ надо мной.

Книгъ, возвращенія которыхъ мы добивались, намъ не вернули, да еще наложили ограниченіе. Незадолго передъ тѣмъ департаментъ разрѣшилъ покушку книгъ на деньги, которая при полученіи въ крѣпости числилась за многимъ изъ насъ. Такъ, на деньги Морозова, по его желанію, была куплена «Всеобщая географія» Реклю и др. Теперь было объявлено особой бумагой, что остальные деньги будутъ переданы роднымъ. На дѣлѣ—ихъ просто конфисковали.

Другіе посѣтители крѣпости составляли пеструю галлерею типовъ различнаго характера.

Пріѣзжалъ неотесанный солдатъ, грубый, вызывающій фонъ-Валь, начальственнымъ тономъ обращающійся, однако, больше къ чинамъ тюремной администраціи, чѣмъ къ намъ. У меня въ камерѣ этотъ добрый христіанинъ обратилъ вниманіе на отсутствіе иконы и спросилъ смотрителя, почему ея нѣтъ? «Заключенные снимаютъ ихъ», — объяснилъ тотъ. Не желая входить въ пререканія, я промолчала: иконы сняли жандармы, и, должно быть, унесли къ себѣ на домъ, видя, что мы не молимся предъ ними.

Пріѣзжалъ — мягко стелеть, жестко спать — вѣжливый, ускользающій, изящный Зволянскій и типично барственный бюрократъ, снисходительно-величественный министръ внутреннихъ дѣлъ Н. И. Дурново. Всѣ они спрашивали, нѣтъ-ли заявленій, а когда ихъ дѣлали — толку выходило мало, но на нервы и грубые, и вѣжливые дѣйствовали одинаково: каждое посѣщеніе выбивало изъ колеи, нервы приходили въ возбужденіе, болѣла голова, тяжелѣе чувствовались условія тюремной жизни.

Много разъ бывалъ у насъ, какъ яблочко румянъ, добродушный генералъ Петровъ, съ которымъ Юрковскій охотно вступалъ въ разговоры; въ результатѣ, Петровъ обыкновенно увѣрялъ, что Шлиссельбургская тюрьма образцовая и не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Къ нему, какъ къ обычному посѣтителю, всего чаще обращались съ просьбами о книгахъ. Въ нихъ всегда чувствовался недостатокъ: департаментъ присылалъ ихъ чрезъ большіе промежутки и въ совершенно недостаточномъ количествѣ. Непремѣнно каждому посѣтителю Морозовъ подавалъ небольшой списокъ книгъ естественно-историческаго содержанія. Эта просьба обыкновенно удовлетворялась, такъ что по-немногу за 20 лѣтъ набралось довольно много хорошихъ учебниковъ по разнымъ отраслямъ естествознанія. Попробовали какъ-то заговорить о необходимости книгъ для легкаго чтенія, но благожелательнымъ отвѣ-

томъ было, что беллетристики намъ не даютъ, чтобъ не волновать насъ. Въ другой разъ, Мартыновъ, имѣя въ виду всѣхъ насъ, подалъ длинный списокъ всякаго рода книгъ, но изъ департамента пришелъ грубый окрикъ, что многого захотѣли; книги стоили бы нѣсколько сотъ рублей.

Съ этими списками выходили (во второе десятилѣтіе) порою курьезы: такъ, отказали въ книгѣ Мертваго: «Не по торному пути», принявъ это сочиненіе агрономическаго характера за беллестрику вольнолюбиваго содержанія.

Въ другой разъ не допустили учебника эсперанто, объяснивъ, что жандармамъ пришлось бы изучать этотъ языкъ, еслибъ мы вздумали употреблять его.

Три раза былъ у насъ генераль Шебеко, но изъ трехъ лишь одинъ разъ заходилъ ко мнѣ. Это было въ 1887 г., и мнѣ пришлось сдѣлать ему серьезное заявленіе. Незадолго передъ тѣмъ намъ впервые дали бумагу (тетрадь съ нумерованными страницами) и карандашъ. Оторвавъ отъ пустого листа какой-то книги кусочекъ бумаги, я написала крошечную записку, нѣсколько ласковыхъ словъ моему товарищу и другу Юрію Богдановичу и, расщипив переплетъ книги, искусно вложила записку, заклеивъ края чернымъ хлѣбомъ. Первый опытъ сошелъ благополучно, и я не удержалась отъ повторенія. Тутъ вышла неудача: жандармы нашли записку. Смотритель Соколовъ разсвирѣпѣлъ. Онъ ворвался ко мнѣ въ камеру и въ первый разъ заговорилъ на «ты». «Съ тобой обращаются по-человѣчески», — зашипѣлъ онъ, съ угрожающимъ жестомъ, — а ты этого не понимаешь! Записки вздумала писать! Я тебѣ покажу, какъ писать ихъ!..»

Когда Шебеко спросилъ: «Нѣтъ-ли заявленій?» — я сказала: «Смотритель позволяетъ себѣ грубо обращаться со мной». Смотритель вѣшался, перебивая: «Она не довольна, что я говорю ей на «ты». — Совсѣмъ нѣтъ, — живо возразила я, — смотритель грубъ не со мной одной, а и съ другими заключенными; недавно, по его приказанію, въ старой тюрьмѣ избили одного товарища (Попова), а другого грубостью и гридирками смотритель довелъ до того, что онъ ударилъ доктора, желая покончить счеты съ жизнью *). Со мной же онъ говоритъ такъ, какъ порядочные люди не говорятъ съ прислугой. Я заявляю: если это будетъ продолжаться, — я дамъ отпоръ».

На это Шебеко проникновеннымъ голосомъ, полнымъ сочувствія, сказалъ: «Вы имѣли несчастье попасть въ эту тюрьму: всякій отпоръ съ вашей стороны только ухудшитъ ваше положеніе».

Я ожидала, что смотритель будетъ вымещать на мнѣ злобу больше прежняго, но, вѣроятно, онъ получилъ соотвѣтственное внушеніе, потому что ходилъ совершенно удрученный и ужъ не подумалъ задѣвать меня, а скорѣе, послѣ самосожженія Грачевскаго, онъ былъ уволень отъ службы.

Мягкій тонъ Шебеко въ случаѣ со мной рѣзко отличался отъ того, какимъ онъ выказалъ себя при слѣдующемъ визитѣ. Началось съ того, что, войдя къ Шебалину, онъ обратился къ смотрителю съ вопросомъ: «Это что за дерзкая фізіономія?». Въ слѣдующей камерѣ, у Тригопи, на какое-то незначительное заявленіе, Шебеко разразился громогласными упреками на требовательность людей, лишен-

*) Это былъ Грачевскій, подвергшій себя потомъ самосожженію.

ныхъ всѣхъ правъ состоянія, и, выходя, рекомендовалъ смотрителю: «Розги, г. смотритель, розги!». То же упоминаніе о розгахъ онъ повторялъ у Конашевича и, наконецъ, у Л. А. Волкенштейнъ разразился цѣлымъ потокомъ брани: «Вы отвратительно ведете себя, — говорилъ онъ ей. — только и знаете, что сидите въ карцерѣ!» и т. д., и закончилъ фразой: «Въ инструкціи есть розги!!!».

Когда вся тюрьма узнала объ этихъ, ничѣмъ не вызванныхъ грубыхъ выходкахъ Шебеко, сейчасъ же было рѣшено, что надо реагировать на нихъ, не допускать повторенія. Всѣ сошлись на предложеніи боикотировать Шебеко и при слѣдующемъ посѣщеніи не принимать его, ни съ чѣмъ не обращаться; на вопросы — не отвѣчать.

Жандармы подслушивали разговоры на прогулкѣ, отчасти понимали разговоръ стукомъ. Можно было думать, что нашъ стговоръ не останется тайной для тюремной администраціи, и что въ ожиданіи непріятностей Шебеко больше не пріѣдетъ. Однако, черезъ годъ — можетъ, полтора, онъ явился и къ первой зашелъ къ—Л. Волкенштейнъ. «Ваша матушка»... едва началъ онъ, чтобъ передать ей первую вѣсть о смерти, какъ Волкенштейнъ, не взятая врасплохъ, прервала его словами: «Отъ васъ я не желаю слышать даже о матери»... Шебеко вышелъ и больше не заходилъ ужъ ни къ кому.

Чѣмъ было вызвано его поведение во второй пріѣздъ къ намъ, — осталось непонятной загадкой, въ свое время не мало занимавшей насъ.

Изъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ стоитъ упомянуть о Горемыкинѣ (1896 г.). Послѣ востествія на престолъ Николая II наше начальство было увѣрено, что Шлиссельбургъ опустѣетъ, — всѣ мы будемъ амнистированы. Смотритель Федоровъ поздравлялъ кое-кого изъ насъ и какъ-то сказалъ мнѣ: «Скоро барыней будете жить!» — вѣроятно, считая, что выше этого ничего на свѣтѣ нѣтъ. Жандармскій офицеръ Пахаловичъ, завѣдывавшій мастерскими, однажды не нашелъ ужъ нужнымъ разобщать насъ и во время работъ въ старой тюрьмѣ оставилъ всѣ мастерскія незапертыми, такъ что Людмила Александровна Волкенштейнъ, я и товарищи-мужчины сошлись въ самой большой столярной и провели нѣсколько часовъ вмѣстѣ.

Однако, время шло, и никакого намека на измѣненіе нашей участи ни откуда не приходило. Въ маѣ въ тюрьму явился Горемыкинъ. Старый, разслабленный и измозженный, онъ показался намъ полнѣйшей развалиной физически, а духовно — человѣкомъ, совсѣмъ изъ ума выжившимъ. Вопросы, крайне лаконичскіе, которые онъ задавалъ, носили характеръ прямо анекдотическій. Такъ, у Панкратова онъ однословно спросилъ: «Насѣкомыя?..» Тотъ подумалъ, не о клопахъ-ли спрашиваетъ его превосходительство? Не идетъ-ли рѣчь объ опрятномъ содержаніи камеры? Оказалось, министръ слышалъ о коллекціяхъ по энтомологіи, которыя составляли нѣкоторые изъ насъ.

Другимъ онъ также бросалъ однословно: «Камни?» — и смотритель, видя недоумѣвающій взглядъ, разъяснялъ, что его превосходительство задаетъ вопросъ о минералогическихъ коллекціяхъ.

Когда очередь дошла до меня, я высказала жалобу на то, что мы совершенно лишены умственной пищи, такъ какъ, если раньше департаментъ хоть изрѣдка снабжалъ насъ книгами, то въ послѣдніе годы всякій притокъ ихъ прекратился, и мы обречены на полную умственную бездѣятельность.

Нѣкоторые товарищи сдѣлали подобныя же заявленія. Это не осталось безъ результата: департаментъ опредѣлилъ, что на пополненіе бібліотеки ежегодно будетъ отпускаться 140 р. Съ тѣхъ поръ и до конца на эту сумму мы составляли общую сводку тѣхъ книгъ, которыя были нужны каждому изъ насъ, и онѣ покупались послѣ цензуры департамента полиціи.

Было удовлетворено и другое заявленіе: многіе указывали Горемыкину, въ какомъ напряженіи держитъ наши нервы пребываніе рядомъ съ нами двухъ психическихъ больныхъ: Конашевича и Щедрина. Непрерывное, однообразное пѣніе одного и періодическія нелѣпыя выходы другого постоянно тревожили тюрьму.

Оба были увезены въ Казань, гдѣ, какъ неизлѣчимые, находятся и сейчасъ въ лѣчебницѣ для душевнобольныхъ ¹⁾.

Прошло полгода со времени встрѣчи съ Горемыкинымъ, и мы ужъ стали забывать и объ амнистіи, и о немъ, когда 20 или 21 ноября комендантъ неожиданно объявилъ семерымъ, что по манифесту ихъ сроки сокращены. Это коснулось: Л. А. Волкенштейнъ и Суровцева (были осуждены на 15 лѣтъ каторги); Яновича (осужд. на 16 л.), Панкратова (осужд. на 20 л.); Ашенбреннера, Поливанова и Стародворскаго (безсрочныхъ).

Благодаря сокращенію, Волкенштейнъ, Суровцевъ и Яновичъ должны были выйти на поселеніе тотчасъ же. 24 ноября они простились съ нами, такъ же, какъ Шебалинъ и Мартыновъ, такъ какъ 12-лѣтній срокъ ихъ къ этому времени кончился. Мужчины были отправлены въ Якутскую область, а Волкенштейнъ — на Сахалинъ.

Еще пріѣзжалъ къ намъ Святополкъ-Мирскій, а потомъ генералъ Пантелеевъ. Пріѣздъ перваго далъ новый импульсъ для нашей индустріальной дѣятельности. С. Ивановъ просилъ разрѣшить передачу роднымъ произведеній нашей работы, и это было разрѣшено. Каждый хотѣлъ послать что-нибудь своимъ близкимъ и блеснуть искуснымъ произведеніемъ своихъ рукъ. Я приготовила прекрасную минералогическую коллекцію на собственноручно выточенныхъ блюдцахъ, коллекцію водорослей, мховъ и лишайниковъ и маленькую шкатулку изъ орѣха, покрытую мозаикой съ инициаломъ матери. Я была увѣрена, что все дойдетъ по назначенію, какъ доходили посылки другихъ товарищей. Каково же было удивленіе, когда впослѣдствіи родные сообщили мнѣ, что они ровно ничего не получили. «Мы не хотимъ, чтобъ эти вещи стали реликвіями», — сказали въ департаментъ, когда кто-то изъ родныхъ пришелъ получить ихъ. Только благодаря настойчивости моей сестры, Ольги, ей удалось выручить одну вещь: шкатулку съ игрушками, которыя я сдѣлала для ея маленькаго сына. Остальныя вещи такъ и пропали безъ вѣсти.

Генералъ Пантелеевъ, сухощавый старикъ живого темперамента, оказалъ Морозову содѣйствіе въ томъ, чтобъ его рукопись «О строении вещества» была передана для разсмотрѣнія и отзыва химику, въ которомъ онъ надѣялся встрѣтить сочувствіе своимъ научнымъ исканіямъ. Рукопись департаментъ, дѣйствительно, передать, но не тому лицу, котораго выбралъ Морозовъ, а химику Коновалову. Тотъ прислалъ хвалебный отзывъ труду Морозова, но, какъ сторонникъ неразложимости элементовъ, прибавилъ, что принципы Лавуазье на этотъ счетъ остаются въ наукѣ неизбѣжны.

¹⁾ Третій душевно-больной—Похионовъ былъ увезенъ раньше въ Петербургъ и вскорѣ умеръ въ Николаевскомъ госпиталѣ.

Кромѣ разговора о рукописи Пантелеевъ затронуть и вопросъ политическій. «Вы боролись противъ самодержавія, — сказалъ онъ тономъ побѣдителя, — но это самодержавіе теперь крѣпче, чѣмъ когда-либо». Морозовъ, не побѣжденный, отъѣчалъ: «Пусть ваше мнѣніе таково, но я остаюсь при убѣжденіи, что только политическая свобода дастъ Россіи возможность развиваться и процветать».

Министры Сипягинъ и Плеве не пріѣзжали въ Шлиссельбургъ. Мы даже и не знали въ то время, кто стоитъ у власти. Въ Россіи шумѣла улица предреволюціонной эпохи, — о насъ какъ будто бы забыли. Дѣла у высшихъ чиновъ полиціи были полны руки — имъ было не до насъ, взятыхъ въ пленъ больше, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

О Плеве, какъ министрѣ, мы узнали изъ энциклопедическаго словаря, когда пришелъ томъ на букву П, какъ о японской войнѣ прежде всего догадались по сообщенію въ англійскомъ научномъ журналѣ «Knotedge», что у дальневосточныхъ береговъ китъ наткнулся на минное загражденіе.

Что касается извѣстія о Сипягинѣ, то оно проникло неожиданно — чудеснымъ образомъ. Вскорѣ послѣ его убійства молодой жандармъ нестроевой роты, прислуживавшій при раздачѣ пищи, подаль Морозову за ужинномъ пару янцъ; они были завернуты въ кусокъ газеты. Морозовъ развернулъ обрывокъ. Это было сообщеніе о покушеніи и смерти министра. Чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ не скомпрометировать жандарма, Морозовъ, передавая новость, всѣмъ говорилъ, что кусокъ газеты онъ нашелъ въ огородѣ, куда вѣтеръ или другая случайность могла зацести его.

Проходили годы, проходили лица, по мѣрѣ смѣны ихъ на верхахъ. По нимъ, по ихъ отношенію къ намъ мы хотѣли бы подмѣтить измѣненія въ общемъ курсѣ внутренней политики. Нѣтъ, онъ былъ все такъ же неизмѣнно реакціоненъ. Если съ теченіемъ времени тюремный режимъ смягчался, то это никоимъ образомъ не зависѣло отъ какого-нибудь поворота въ сторону либерализма. Главной причиной былъ натискъ внутри тюрьмы. Насъ послали въ Шлиссельбургъ на истребленіе. Народъ еще не просыпался, общество безмолвствовало, революціонное движеніе сходило на нѣтъ. «Народная Воля» кончала свои дни, а новое намѣчавшееся теченіе еще не развернуло своего побѣднаго шествія. Въ тюрьмѣ отстаивать право на существованіе надо было своими силами, и результаты различныхъ формъ борьбы можно прослѣдить шагъ за шагомъ.

Въ началѣ были употреблены приемы героическіе. Едва новая тюрьма открылась, какъ въ сентябрѣ съ протестомъ выступилъ Мицаковъ, черезъ головы военныхъ судей заявившій о невыносимыхъ условіяхъ содержанія въ крѣпости. Онъ былъ разстрѣлянъ.

Въ декабрѣ протестовалъ Мышкинъ, и въ январѣ онъ былъ разстрѣлянъ.

И въ томъ же январѣ шести *) изъ числа больныхъ была дана прогулка вдвоемъ.

*) Фроленко и Исаеву; Морозову и Бudevичу; Тригови и Юрковскому.

Это означало конецъ цѣллюлярной системы съ ея губительнымъ молчаньемъ.

Въ 88-мъ году Грачевскій совершилъ самоубиеніе.

Вслѣдъ за нимъ былъ уволенъ смотритель Соколовъ; этотъ запечныхъ дѣлъ мастеръ, цинично заявлявшій: «Если велѣть говорить «ваше сіятельство», — буду говорить. Если велѣть задушить — задую!».

Рядъ непрерывныхъ мелкихъ стычекъ за право сообщаться другъ съ другомъ посредствомъ стука, обезпечилъ безнаказанное пользованіе этимъ способомъ сношеній черезъ стѣну. Пассивный протестъ въ формѣ отказа отъ пользованія огородамъ и прогулкой вдвоемъ до тѣхъ поръ, пока эта «льгота за хорошее поведеніе» не станетъ общимъ достояніемъ, независимо отъ оцѣнки поведенія смотрителемъ, — установилъ равенство всѣхъ какъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ пользованіи мастерскими для работъ.

Пассивный протестъ-голодовка изъ-за книгъ не обезпечила пищи духовной, но за ней послѣдовало улучшеніе пищи матеріальной, спасшее жизнь тѣхъ, кто не умеръ раньше отъ истощенія. Возможность говорить и видѣть другъ друга черезъ заборъ (на прогулкѣ) была получена захватнымъ образомъ, а затѣмъ легализована, благодаря тактичности коменданта Гангарта. Тѣмъ же захватнымъ способомъ была завоевана нѣкоторая доля свободы передвиженія въ предѣлахъ тюрьмы.

Что же остается послѣ этого на долю успѣха разныхъ заявленій, которыя повторялись многими множество разъ?

Нѣкоторое количество книгъ, ассигновка 140 р. въ годъ съ 96 года... Но, ужъ если кто помогъ намъ въ добываніи книгъ, такъ, конечно, тотъ же Гангартъ, который не только давалъ ихъ для чтенія подъ видомъ переплета, но, доставляя заказы по столярному и токарному ремеслу, получилъ отъ департамента разрѣшеніе покупать на заработокъ съ этихъ заказовъ книги, по нашему списку, представляемому въ Петербургъ.

Переписки съ родными, несмотря ни на какія обращенія, не давали въ теченіе тринадцати лѣтъ. Первое письмо, проникнувшее въ крѣпость, было передано мнѣ въ декабрѣ 96-го года, а въ началѣ 97-го всѣмъ было объявлено, что мы можемъ писать и получать письма два раза въ годъ.

Этотъ поздній даръ, который, какъ поздняя радость, не радуешь, въриѣе всего, намъ принесло время, работавшее на насъ тѣмъ, что загромождало прошлое. Но свиданій съ родными такъ до конца намъ и не дали.

Къ началу XX столѣтія революціонное движеніе приобрѣло широкій размахъ: выступили рабочіе, заводновались крестьяне; красныя флаги замелькали по городамъ. Революціонное движеніе, поглащая вниманіе властей, отодвигало насъ еще болѣе въ даль. Острое мстительное чувство къ царубійцамъ притуплялось; притуплялось, но не изсякло. П. Дурново и Плеве, бывшіе у власти, помнили о дѣятельности партіи «Народной Воли», о той дѣятельности, которая, протекая на ихъ глазахъ, «останавливала на себѣ зрачекъ міра».

Предшествующій рассказъ былъ бы не полонъ, еслибъ я не назвала двухъ лицъ, которыя, — не принадлежа къ серіи тѣхъ, кто, въ качествѣ представителей высшаго надзора надъ русской Бастиліей,

являлись къ намъ въ роли начальствующихъ,—нашли тѣмъ не менѣе доступъ въ для всѣхъ запретный Шлиссельбургъ.

Эти двое были: высокій іерархъ православной церкви, петербургскій митрополитъ Антоній и аристократка, престарѣлая княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова, сестра русскаго комиссара, вводившаго конституцію въ Болгарію.

Какъ тотъ, такъ и другая, являясь, какъ друзья, пришедшіе во имя принципа любви и братства, были заинтересованы въ томъ, чтобы слѣдять попытку возвратить въ лоно официальной церкви насъ, этихъ отщепенцевъ православнаго христіанства.

Дорогу въ Шлиссельбургъ прокладывала М. М. Корсакова. Какъ членъ тюремнаго комитета, посѣщавшая въ Петербургъ уголовныхъ въ видахъ обращенія ихъ къ болѣе христіанскимъ чувствамъ, она думала распространить свое вліяніе и на насъ. «Еще никто и никогда не обращался къ нимъ со словами любви»,—говорила она Плеве, добиваясь разрѣшенія посѣщать насъ. «Допустите меня къ нимъ; быть можетъ, сердца ихъ смягчатся, и они обратятся къ Богу».

Плеве подумаль.—Возможно, что вы и правы,—сказалъ онъ,—и двери заколдованнаго царства раскрылись предъ княжной.

Подробности о личности Дондуковой-Корсаковой и ея посѣщенійхъ изложены мной въ статьѣ: «Послѣ Шлиссельбурга», помѣщенной въ февральской книжкѣ «Русскихъ Записокъ» за 1917 г. Здѣсь надо лишь сказать, что съ самаго же начала нашего знакомства Марья Михайловна стала говорить о митрополитѣ Антоніи, какъ о своемъ другѣ и личности, заслуживающей большого уваженія, и настаивала на томъ, чтобы мы увидались съ нимъ...

Такъ она подготовила и уравнила ему путь къ намъ.

И онъ явился лѣтомъ 1904 года, мѣсяца черезъ полтора послѣ перваго посѣщенія Марьи Михайловны ¹⁾).

Онъ вошелъ къ намъ послѣ опроса каждаго изъ насъ комендантомъ: «Желаете-ли принять петербургскаго митрополита?»

Отказался только одинъ Лопатинъ.

Среди торжественной обстановки, въ приподнятомъ настроеніи обѣихъ сторонъ, митрополитъ вошелъ безъ всякой свиты, высокій, статный, въ бѣломъ клобукѣ, еще увеличивавшемъ ростъ,—въ клобукѣ, гдѣ на бѣломъ полѣ красиво сверкалъ большой брилліантовый крестъ. Бѣлый клобукъ прекрасно отгнѣялъ здоровый умѣренный румянецъ лица съ чисто русскими, немного расплывающимися отъ возраста чертами. А блескъ брилліантовъ какъ будто мягко отражался въ сѣро-голубыхъ пріятливыхъ глазахъ. Наружный видъ былъ въ высшей степени привлекательный и пріятный.

Просто, не ожидая, что я подойду подъ благословеніе, онъ протянулъ мнѣ руку для пожатія и сѣлъ.

— Вы, кажется, давно въ заключеніи? — началъ онъ своимъ ласково-серьезнымъ голосомъ.

«Скоро будетъ 22 года».

— Ахъ, какъ долго! Вѣрно ужъ привыкли, и, какъ Бониваръ въ Шильонѣ, пожалуй, будете жалѣть, выйдя изъ тюрьмы..

«Ну, что вы?! Возможно-ли жалѣть о тюрьмѣ, въ которой пережито такъ много тяжелаго!»

¹⁾ Дальѣйшее представляетъ перепечатку съ фельетона, написаннаго мной (послѣ смерти митрополитъ Антонія) для «Русскихъ Вѣдомостей» № 5, янв. 6-го, 1918 г.

— Вы вѣдь не вѣрите въ личнаго Бога... Но неужели никогда въ трудныя минуты ваша мысль не обращалась къ небу, и вы не искали утѣшенія въ религіи?

Я отвѣтила правдиво. Я сказала, что вѣра, которая была привита мнѣ въ дѣтствѣ матерью, очень религіозной женщиной, разсѣялась во мнѣ безъ особой борьбы и колебаній уже въ 17-ти лѣтнемъ возрастѣ. Былъ періодъ, когда съ юношескимъ задоромъ и насмѣшкой я относилась къ мнимымъ христіанамъ, которые вмѣсто самоотверженія и любви къ человѣчеству все свое христіанство полагаютъ въ постахъ, молитвахъ и исполненіи обрядовъ. Соціалисты по своимъ высокимъ требованіямъ къ личности казались мнѣ гораздо болѣе близкими духу Христа, чѣмъ эти люди съ ихъ формализмомъ, нетерпимостью и связью съ полицейской государственностью. Позже, благодаря серьезному отпору со стороны матери, на которую я распространила свои остроты, я стала сдержаннѣе, когда однажды за обѣдомъ мать, вѣшая постное, не поднимая глазъ отъ тарелки, твердо и проникновенно сказала: «Надо уважать чужія убѣжденія: я никогда не смѣюсь надъ твоими». Этотъ простой урокъ, простой, съ чувствомъ сказанныя слова, я никогда не могла забыть.

Когда же въ трудные первые годы заточенія мнѣ казалось, что на землѣ для меня ничто уже не существуетъ, что я отрѣзана отъ всѣхъ и отъ всего и брошена въ безнадежное безбрежное одиночество, въ которомъ ни одна человѣческая душа не услышитъ моего голоса и не скажетъ слова сочувствія.—въ эти трудные первые годы я съ тоской думала о томъ, зачѣмъ я потеряла вѣру! Зачѣмъ для меня не существуетъ Нѣкто, который все видитъ и всѣхъ слышитъ? Мнѣ страстно хотѣлось, чтобы этотъ Нѣкто, этотъ Всевѣдущій, вѣдалъ то, что переживаетъ моя душа; чтобы онъ, Всевѣдущій, присутствовалъ и здѣсь, въ моемъ одиночествѣ... Если никто не слышитъ, не можетъ слышать, пусть слышитъ Онъ!

Но вѣры не было, она высохла, она изсыкла. Вернуться къ ней было уже невозможное...

— Но что же въ такомъ случаѣ поддерживало васъ во всѣ эти долгіе годы?—спросилъ митрополитъ.

«Какъ что? Меня поддерживало то самое, что двигало и на свободѣ. Я стремилась къ общественному благу, какъ его понимала. Въ мою дѣятельность я вкладывала всѣ силы и шла безъ страха на всѣ послѣдствія, которыми грозилъ законъ, охраняющій существующій строй... Когда же наступила расплата, то искренность моихъ убѣжденій я могла доказать только твердымъ пріятіемъ и перенесеніемъ всей возложенной на меня кары...

Митрополитъ казался тронутымъ. Онъ поднялъ къверху мягко блестящіе глаза и съ чувствомъ тихо проговорилъ:—Какъ знать! Быть можетъ, тѣ, кто вѣруетъ, какъ вы, а не другіе, спасутся!

Онъ поднялся со своего мѣста.

— Вы скоро покидаете эти стѣны? Чего пожелать вамъ?

«Пожелайте найти плодотворное дѣло, къ которому я могла бы прилѣпиться»,—сказала я.

— А вы не исполните мою просьбу?—спросилъ онъ. Осѣните себя крестнымъ знаменемъ!..

Стоя передъ нимъ, я съ удивленіемъ посмотрѣла ему въ глаза. «Но вѣдь это было бы лицемѣріемъ съ моей стороны»,—проговорила я.

— Такъ позвольте мнѣ перекрестить васъ?

Твердо и сурово я повторила: «Нѣтъ».

Высокій іерархъ поклонился, и бѣлый клобукъ исчезъ за дверью.

Послѣдняя сцена сильно взволновала меня. Зачѣмъ онъ предложилъ эти послѣдніе вопросы? Вѣдь я же не могла отвѣтить иначе! Разумѣется, я произвела на него самое неприятное, жестокое впечатлѣніе, а между тѣмъ мнѣ онъ такъ понравился... Но развѣ могло быть иначе? Боярыня Морозова пошла въ ссылку и на голодную смерть изъ-за двуперстнаго знаменія, а теперь, хотя дѣло не шло объ исповѣданіи вѣры, неужели я могла покривить душой и играть комедію изъ боязни не поправиться духовной особѣ?..

Быстро, быстро ходила я по своей камерѣ, а митрополитъ обходилъ другихъ товарищей. Вездѣ было одно и то же: въ дѣтствѣ вѣрить, а потомъ—вѣру утратить. Одинъ, какъ Антоновъ, потому, что не совершилось чудо, котораго онъ жаждалъ и ждалъ; или потому, что нравственный уровень священнослужителей не отвѣчалъ высотѣ пропо-вѣдуемаго ими ученія. Другой, какъ Морозовъ,—подъ вліяніемъ естественно-историческаго міровоззрѣнія, го:о пантеизма, который признаетъ высшимъ началомъ—начало жизни, разлитой во всемъ существующемъ въ природѣ...

«Не странно ли», — сказалъ митрополитъ у Карповича, — «что хорошие русскіе люди, выходя изъ дѣтства, утрачиваютъ религію?»

... Посѣщеніе митрополита Антонія внесло большую пертурбацію въ нашъ застывшій микрокосмъ: каждый спѣшилъ подѣлиться впечатлѣніями. Разказы то трогательные, то вызывающіе улыбку, смѣялись одинъ другимъ.

Такъ у Попова. поговоривъ о Ростовѣ на-Дону, по которому собесѣдники оказались земляками, митрополитъ спросилъ: «Благодаря чему переносите вы свое четверть-вѣковое заключеніе?»

— Я зналъ одну старуху, отвѣчалъ Поповъ: всѣ ея дѣти умерли отъ пищеты и болѣзни; родственники выбросили ее, какъ ненужную ветошь на улицу, и жила она мірскимъ подавніемъ. Когда ее спросили, какимъ образомъ она можетъ переносить свою жизнь, старуха отвѣчала: «Господь Богъ, Царь небесный, въ милосердіи своемъ создалъ для несчастныхъ—терпѣніе...» То же скажу вамъ и я..

У Ашенбреннера митрополитъ послѣ бесѣды сказалъ: «Не станете-ли вы со мной на молитву?» Ашенбреннеръ отнесся къ этому легко и исполнилъ желаніе митрополита: за это отъ меня онъ потерпѣлъ большое гоненіе.

Въ результатъ, что принесло необычайное появленіе въ стѣнахъ Шлиссельбурга лицъ, съ разрѣшенія начальства пришедшихъ къ намъ въ тюрьму во имя любви и братства?

Если чисто формальная любезность Ашенбреннера едва-ли могла утѣшить митрополита Антонія, то и княжна Дондукова-Корсакова, какъ объ этомъ рассказано мной въ «Русскихъ Запискахъ», не увидала «смягченія сердецъ и обращенія къ Богу», на которыя она рассчитывала, обращаясь къ Плеве за разрѣшеніемъ посѣщать насъ.

Въ первыхъ числахъ октября, когда я была уже въ Петропавловской крѣпости, митрополитъ Антоній, сверхъ ожиданія, пожелалъ снова увидаться со мной.

Онъ былъ человѣкъ вѣротерпимый и умѣлъ понимать другихъ: мои опасенія, что я произвела на него самое непріятное впечатлѣніе, по увѣренію Маріи Михайловны, были совершенно напрасны. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! И онъ хотѣлъ еще разъ поговорить со мной.

Меня вызвали въ приемную при квартирѣ смотрителя Петропавловской крѣпости, Веревкина, сослуживца погибшаго въ Шлиссельбургѣ артиллерійскаго офицера Похитонова, вмѣстѣ съ которымъ онъ сражался подъ Плевной. Ужъ не было той торжественности, того парада и необычайности, которые въ Шлиссельбургской крѣпости такъ приподнимали нервы. Скромная гостиная, съ тусклой мебелью, и митрополитъ, сидящій на диванѣ... Онъ снялъ обременявшій, но весьма украшавшій его бѣлый клобукъ, и предо мной оказался простой деревенскій священникъ съ обнаженнымъ теменемъ...

Разговоръ коснулся моихъ товарищей, оставшихся въ Шлиссельбургѣ девяти вѣчниковъ.

Отъ родныхъ я знала, что вышелъ манифестъ по поводу рожденія давно ожидаемаго наслѣдника. Мнѣ было важно знать, измѣнить-ли это участь моихъ товарищей въ Шлиссельбургѣ. Я спросила митрополита, не знаетъ-ли онъ чего-нибудь объ этомъ; не было-ли разговора объ этомъ съ министромъ внутр. дѣлъ Святополкъ-Мирскимъ, когда онъ просилъ у него свиданія со мной?

Нѣтъ, не знаетъ.

Въ такомъ случаѣ, не можетъ-ли еще разъ побывать у него и узнать, распространяется-ли манифестъ на шлиссельбуржцевъ или они будутъ «разъяснены», какъ это не разъ бывало въ прошломъ.

Узнать мнѣніе Святополкъ-Мирскаго было потому важно, что толкованіе манифестовъ, составленныхъ обыкновенно въ общихъ выраженіяхъ, всегда зависѣло отъ усмотрѣній министровъ: хотѣть — распространять, хотѣть — нѣтъ.

Я спросила при этомъ, какое впечатлѣніе произвела на моего собесѣдника наша тюрьма, когда онъ посѣтилъ ее.

«Мнѣ кажется, имъ не такъ плохо, и, быть можетъ, выйдя на свободу, имъ стало еще хуже»...

Я такъ и встрепенулась. Было очевидно, что мой собесѣдникъ совершенно лишенъ воображенія и не можетъ реально представить себѣ, что значить лишеніе свободы, одиночное заключеніе, каторга безъ срока... Было ясно, что всего прошлаго Шлиссельбургской тюрьмы онъ не знаетъ и судить по тому, что видѣлъ теперь, когда послѣ 20 лѣтъ режимъ смягчился. Мукъ отрѣшенности отъ жизни, отъ дѣятельности и друзей онъ не понимаетъ, и такъ какъ видѣлъ оставшихся въ живыхъ узниковъ твердыми и несломленными, то считалъ, что имъ довольно хорошо. О мертвыхъ, покончившихъ съ собой и сшедшихъ съ ума — онъ не слыхалъ...

Я стала говорить. Я рассказала сжато, въ сильныхъ выраженіяхъ внутреннюю исторію нашей каторги. Разказала о Минаковѣ, Мышкинѣ и Грачевскомъ, этихъ протестантахъ противъ нестерпимаго режима, цѣной жизни купившихъ облегченіе для другихъ. Я указала ему, что угроза возврата къ прошлому никогда не переставала висѣть надъ нами, и еще недавно, спустя 20 лѣтъ отъ начала нашего скорбнаго пути, насъ снова хотѣли сжать въ желѣзные тиски, подчинивъ первоначальной жестокой инструкціи. Я рассказала о томъ, что было всего два года назадъ, 2 марта 1902 г., когда за ничтожное нарушеніе дисциплины одинъ товарищъ былъ связанъ въ рубашку для сумасшед-

шихъ и чуть было не задушенъ въ незримомъ, безсильномъ присутствіи всѣхъ насъ. Разказала и о томъ, какъ протестовала я противъ этого насилія, сорвавъ погоны со зрителя тюрьмы, за что должна была предстать передъ военнымъ судомъ и быть подвергнутой единственному наказанію «за оскорбленіе дѣйствіемъ» — смертной казни.

Митрополить словно прозрѣлъ. Онъ былъ взволнованъ, потрясенъ. Онъ заразился тѣмъ внутреннимъ волненіемъ, отъ котораго трепетала я, и, прощаясь, сказалъ, что непременно побываетъ у Святополкъ-Мирскаго и никогда не забудетъ впечатлѣній, произведеннаго этой встрѣчей. Не забыла его и я; не забыла его терпимость, его отзывчивость...

Вѣра Фигнеръ.

Кн. Бисмаркъ и цареубійство 1-го марта 1881 года.

По неизданнымъ документамъ ¹⁾).

Какъ извѣстно, однимъ изъ основныхъ правилъ всей внѣшней политики кн. Бисмарка было стремленіе ни въ какомъ случаѣ не доводить Германію до острой вражды съ Россіей. Онъ не ждалъ отъ такого столкновенія ничего хорошаго ни для монархическаго принципа въ Пруссіи и въ имперіи, ни для великодержавнаго положенія Германіи. «Это самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать»,—такъ выразился канцлеръ, когда ему сообщили, что принцъ Вильгельмъ (будущій императоръ Вильгельмъ II) хочетъ выучиться русскому языку. «Есть одно благо для Германіи,—говаривалъ Бисмаркъ,—которое даже бездарность германскихъ дипломатовъ не счумѣетъ разрушить: это—англо-русское соперничество». Подобныхъ афоризмовъ можно было бы привести немало. Сближеніе Гогенцоллерновъ съ русскимъ дворомъ на почвѣ общей борьбы противъ субверсивныхъ элементовъ съ одной стороны,—разжиганіе всѣми мѣрами вражды между Россіей и Англіей, между Россіей и Франціей,—съ другой стороны, вотъ существенные, вдохновляющіе всю политику Бисмарка принципы. И рѣдко оба эти принципа выявлялись въ такой гармонической, неразрывной связи, какъ въ дѣлѣ о конференціи великихъ державъ, проектированной послѣ цареубійства 1 марта.

Только въ 1880 году Франція отказалась выдать Льва Гартмана, явнаго участника въ ноябрьскомъ покушеніи 1879 года; только въ февралѣ 1881 года Англія потерпѣла отъ буровъ пораженіе при Маюбѣ, и положеніе кабинета было такъ неустойчиво, что его паденія ждали съ недѣли на недѣлю. При этихъ обстоятельствахъ нельзя было ждать ни отъ Франціи внезапнаго измѣненія поведенія, ни отъ Гладстона согласія на участіе въ организациі единого общеевропейскаго полицейскаго бюро для ловли революціонеровъ, что создало бы кабинету новыхъ враговъ и не создало бы новыхъ друзей. Бисмаркъ, прекрасно предугадывая, какъ всегда, образъ дѣйствій обѣихъ западныхъ державъ, сдѣлалъ все зависящее, чтобы натолкнуть русское правительство на необдуманные шаги, одновременно парадировавъ въ качествѣ единственнаго на всю Европу, истиннаго друга Россіи и ея монарха. Это было ему особенно необходимо, такъ какъ онъ хорошо зналъ, до какой степени новый русский государь не довѣряетъ ему послѣ Берлинскаго конгресса. Во всей этой исторіи министръ Гирсъ смутно беспокоился, какъ будто смутно сознавая, что изъ всей затѣи ничего, кромѣ непріятностей и конечной неудачи, не выйдетъ. Но посолъ Сабуровъ съ вполне яснымъ

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Историческомъ Обществѣ при Петроградскомъ Университетѣ 25 декабря 1918 года.

челомъ началъ дѣло и потерпѣлъ неудачу, но все время былъ очень доволенъ, такъ до конца и не догадавшись, что Бисмаркъ двигалъ имъ какъ маріонеткой.

Впрочемъ, предоставимъ говорить самимъ дѣйствующимъ лицамъ. Документы, на которыхъ я основываюсь, находятся въ папкѣ «Berlin, III» за 1881 годъ въ архивѣ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Они никогда не были изданы, и, насколько мнѣ извѣстно, даже не цитировались.

Чуть-ли не при первомъ же длительномъ свиданіи послѣ событія 1 марта кн. Бисмаркъ имѣлъ долгій разговоръ съ русскимъ посломъ Сабуровымъ. Сабуровъ поспѣшилъ сообщить объ этой бесѣдѣ въ Петербургъ Гирсу, и Александръ III написалъ карандашемъ на поляхъ, донесенія: «Объ этомъ переговоримъ еще подробнѣе. Есть предложенія непрактическія, но есть и хорошія». Вотъ какъ излагаетъ Сабуровъ Гирсу свою бесѣду съ Бисмаркомъ¹⁾. Приводимъ наиболѣе важныя мѣста:

«Я началъ съ того, что сообщилъ германскому канцлеру извѣстіе, пришедшее отъ васъ, о заговорѣ, который долженъ 22 мая повести къ покушенію на жизнь императора Вильгельма. Я узналъ при этомъ случаѣ, что не мы одни даемъ это предупрежденіе, и что подобныя же предупрежденія почти въ одно время съ нашимъ поступили въ Берлинъ изъ Парижа и Швейцаріи. Князь тогда развилъ тѣ мысли, которыя ему внушаютъ ужасныя событія, уже два года происходящія въ Россіи. Для краткости я ограничусь резюмированіемъ этихъ мыслей, пунктъ за пунктомъ.

I. Прежде всего, народы, какъ отдѣльныя лица, должны охранять свою голову. Священная особа главы государства должна быть поставлена абсолютно внѣ какихъ-либо посягательствъ. Можно сказать, что теперь большія столицы Европы сдѣлались необитаемыми мѣстами для государей. Это—муравейники, которые нужно было бы очистить и обезвредить. Послѣ покушенія на жизнь императора Вильгельма, заходила рѣчь о перенесеніи правительства и двора въ Потсдамъ. Этотъ проектъ былъ оставленъ, такъ какъ нашлось время очистить Берлинъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ болѣзни императора. Даже во Франціи республиканское правительство признало эту истину. Въ 1871 году, послѣ коммуны, Парижъ былъ признанъ неподходящимъ мѣстомъ для правительства, которое и перешло на нѣсколько лѣтъ въ Версаль. Если бы я былъ призванъ давать совѣтъ, прибавилъ князь, то я предложилъ бы такую же мѣру: Москва, какъ офиціальная столица до тѣхъ поръ, пока Петербургъ не будетъ очищенъ, и Царское Село или другая императорская резиденція, для постоянного пребыванія тамъ (императора), пока не возобновится нормальное положеніе.

II. Что касается университетовъ и учебныхъ заведеній, то канцлеръ стоитъ за усвоеніе суроваго режима по отношенію къ нимъ. Именно тамъ вербуются молодые безумцы въ томъ возрастѣ, когда умъ кипитъ больше всего. Когда образовательное заведеніе становится очагомъ политическаго фанатизма, то слѣдовало бы закрыть его какъ можно скорѣе. Лучше раздавить противника, чѣмъ раздражать его. Въ этомъ отношеніи русское правительство еще обладаетъ могущественнымъ ору-

¹⁾ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, Berlin, 1881—III. Personnelle et secrète Berlin, le 7/19 Mars 1881. A Son Excellence M. de Giers. Подписано: Sabourow.

діемъ, къ которому прибѣгаютъ въ критическія минуты даже конституціонныя страны: абсолютною властью.

III. Слѣдовало бы съ такою же суровостью отнестись и къ женщинамъ нигилисткамъ. Онѣ, впрочемъ, и не прячутся. Онѣ съ аффектаціей показываютъ даже на улицахъ отличительные свои признаки (*elles montrent avec affectation leurs signes distinctifs jusque dans les rues*). Ихъ можно было бы хватать дюжинами, заключать ихъ въ монастыри и обучать ихъ полезнымъ ремесламъ. Ибо нѣтъ сомнѣній, что женщина является однимъ изъ существенныхъ элементовъ нигилизма. Она передаетъ человѣку въ двадцать лѣтъ свой нездоровый энтузіазмъ и свои извращенныя понятія о героизмѣ въ убійствѣ.

IV. Чтобы судить о нигилизмѣ, нужно также считаться съ натурою русскаго человѣка и съ избыткомъ его національнаго самолюбія. Для него слово невозможно не существуетъ. Дѣйствуя въ хорошемъ направленіи, эта черта характера производитъ чудеса. Русскіе солдаты сражаются лучше, чѣмъ всѣ солдаты въ мірѣ. Дѣйствуя въ другомъ направленіи, эта черта производитъ, извините меня,—добавилъ князь,—чудовищности, превосходящія все, что только было видано у другихъ націй. Русскій нигилистъ, несомнѣнно, говоритъ себѣ самому: «французскіе коммунары, нѣмецкіе социалисты, ирландскіе феніи—лишь пигмеи по сравненію со мною». Поэтому русскій народъ имѣетъ дѣло съ людьми тѣмъ болѣе отчаянными, что они выходятъ изъ его собственныхъ нѣдръ.

Выслушавши всѣ эти соображенія, я сказалъ канцлеру, что всѣ мѣры, на настоятельность которыхъ онъ мнѣ указывалъ, были бы неполны, до тѣхъ поръ, пока заговоры могли бы безнаказанно составляться на чужой территоріи. Поэтому я спросилъ его, считаетъ-ли онъ возможнымъ приступить, наконецъ, практически (*d'une manière pratique*) къ бесѣдѣ между двумя дружественными и солидарными правительствами, по поводу мѣръ, которыя нужно было бы принять, чтобы достигнуть нигилистовъ и социалистовъ въ ихъ убѣжищѣ,—въ Швейцаріи? Я прибавилъ, что не имѣю никакого порученія касательно открытія (такихъ переговоровъ); но что, уѣзжая въ Россію, я не хочу явиться туда съ пустыми руками, въ случаѣ, если начнется обсужденіе такого вопроса, и что я желалъ бы имѣть возможность, въ такомъ случаѣ, дать точныя указанія относительно того, какъ германское правительство смотритъ на этотъ вопросъ, и въ какой мѣрѣ мы можемъ разсчитывать на содѣйствіе съ его стороны. Я указалъ при этомъ на главные пункты, относительно которыхъ могли бы быть скомбинированы дѣйствія обоихъ дворовъ.

1) Требованіе, которое должно быть предъявлено къ швейцарскому правительству относительно изгнанія нигилистовъ и социалистовъ.

2) Приглашеніе, съ которымъ слѣдовало бы обратиться къ Австріи, Франціи и Италіи, чтобы (сообща) образовать вокругъ Швейцаріи своего рода санитарные кордоны (*une espèce des cordons sanitaires*), посредствомъ суровой паспортной системы.

3) Соглашеніе между всѣми европейскими правительствами относительно установленія принципа, что не существуетъ политическаго убійства (подчеркнуто въ рукописи. Е. Т.), что убійство есть убійство, и что отнынѣ всякій убійца, нигилистъ-ли онъ или не нигилистъ, долженъ разсматриваться, какъ убійца, и долженъ быть отна-

сенъ къ категоріи, предусмотренной договорами о выдачѣ преступниковъ.

Германскій канцлеръ съ большою охотою послѣдовалъ за мною по этому пути, не обнаруживая ни малѣйшаго затрудненія, ни малѣйшаго колебанія.

«Я готовъ,—сказалъ онъ,—пойти съ вами по этой дорогѣ такъ далеко, какъ только это будетъ для насъ возможно сдѣлать. Я предпочитаю съ самаго начала сказать вамъ, что мнѣ кажется невозможнымъ: требованіе, за которымъ послѣдовало бы военное воздѣйствіе. Нашествіе на Швейцарію неминуемо вызвало бы войну съ Франціей».

«Но войну въ превосходныхъ для васъ условіяхъ»,—возразилъ я. Впрочемъ, я успѣшилъ прибавить, что не въ томъ заключалась моя мысль. Конечно, это не лекарство—вызвать европейскую войну. Что касается организаціи вокругъ Швейцаріи кордона суроваго наблюденія, то канцлеръ считаетъ эту идею очень осуществимой. Онъ берется убѣдить въ этомъ Австрію. Онъ полагаетъ, что Франція согласится на это, и что въ этомъ отношеніи мы бы хорошо сдѣлали, если бы воспользовались нынѣшнимъ желаніемъ французовъ поддерживать дружбу съ нами. Что касается Италіи, то здѣсь дѣло будетъ болѣе труднымъ, при нынѣшнемъ ея радикальномъ правительствѣ. Канцлеръ прибавилъ, что, касательно Англіи, хотя и нѣтъ возможности пустить въ ходъ давленіе на нее, но тѣмъ не менѣе, можно было бы попытаться достигнуть, чтобы англійская полиція слѣдила бы у себя дома за революціонными происками и держала бы въ курсѣ дѣла заинтересованныя правительства.

Канцлеръ также много говорилъ о принципѣ, что не существуютъ убійства политическія, и я думаю, что онъ охотно приметъ участіе въ шагахъ, съ цѣлью установленія общаго соглашенія между всѣми правительствами, относительно введенія этого принципа въ договоры о выдачѣ.

Въ заключеніе онъ увѣрилъ меня, что всякое предложеніе съ нашей стороны будетъ принято имъ съ симпатіей и съ желаніемъ выполнить дѣло на практикѣ. Онъ поставилъ себя въ обязанность рекомендовать эту линію поведенія его величеству императору Вильгельму, какъ только получитъ предложеніе, исходящее отъ императорскаго (русскаго) правительства.

Какъ уже отмѣчено, Александръ III призналъ, что это донесеніе содержитъ, какъ «предложенія непрактическія», такъ и «хорошія». Въ самомъ началѣ своей бумаги Сабуровъ пишетъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, если въ настоящій моментъ дипломатическая служба можетъ быть для чего-нибудь полезна, то для того, чтобы воспользоваться хорошими отношеніями между правительствами, и чтобы подчеркнуть ихъ солидарность предъ лицомъ социальнаго чудовища, угрожающаго имъ, и чтобы сообща противъ него бороться»: Государь на поляхъ противъ этого мѣста написалъ: «Совершенно справедливо».

Сабуровъ еще наканунѣ этой знаменательной бесѣды уже успѣлъ отправить въ Петербургъ коротенькую телеграмму, извѣщавшую о благопріятномъ умонастроеніи Бисмарка въ дѣлѣ борьбы противъ нигилистовъ ¹⁾, и императоръ Александръ написалъ карандашомъ на

¹⁾ Архивъ М. И. Д. Berlin 1881—III. Télégramme secret de M. Sabourow à M. de Giers le 6/18 Mars 1881. Bismarck est tout disposé à une action politique avec nous contre les réfugiés nihilistes et socialistes. Prie d'attendre les suggestions que j'apporterai.

самой телеграммѣ: «Этому я очень радъ». Разговоръ, происшедшій на другой день послѣ этой телеграммы, окончательно убѣдилъ петербургскій кабинетъ въ возможности начать дипломатическую кампанію.

Дѣло было, даже при чаемой поддержкѣ со стороны Бисмарка, въ высшей степени трудное и деликатное. Слѣдовало уже напередъ ждать многообразнаго противодѣйствія, и поэтому въ Петербургѣ рѣшили составить для Сабурова двѣ инструкціи: одну, съ которой онъ долженъ былъ начать кампанію, и другую—на случай слишкомъ большихъ препятствій. Конечно, центромъ начинавшихся дѣйствій должно было стать русское посольство въ Берлинѣ, такъ какъ это предрекалось не только полною въ данномъ случаѣ солидарностью Бисмарка, но и фактическою гегемоніею Германіи на европейскомъ континентѣ въ тотъ моментъ. Обѣ инструкціи, составленныя для Сабурова (и. быть можетъ, самимъ же Сабуровымъ во время его пребыванія въ Петербургѣ на похоронахъ Александра II) весьма интересны.

Обѣ инструкціи помѣчены 25 марта 1881 г. Въ первой изъ нихъ говорится о томъ, что происшедшая катастрофа «показала, съ одной стороны, силу и растущую дерзость революціонной социалистической партіи» и ея космополитическій характеръ, а съ другой стороны, эта катастрофа обнаружила «безсиліе правительствъ и общества въ самозащитѣ». Прежде, разсуждаетъ авторъ записки, было понятно, что возникло право убѣжища и что, напр., Швейцарія твердо за него держалась: прежде въ той или иной странѣ шла «борьба принциповъ», «убѣжденій», дѣло шло о низверженіи одной формы правленія и замѣнѣ ея другою, и нерѣдко бывало, что вчерашній изгнанникъ и эмигрантъ сегодня становился государемъ или правителемъ государства. Теперь же совсѣмъ не то: всѣ правительства имѣютъ дѣло съ одною и тою же «космополитическою» группою людей, ничтожныхъ въ количественномъ отношеніи, но сильныхъ своимъ фанатизмомъ, стремящихся открыто и при помощи самыхъ насильственныхъ пріемовъ къ разрушенію общественнаго строя. Это обстоятельство требуетъ пересмотра законовъ о правѣ убѣжища и выдачѣ преступниковъ. Записка предлагаетъ поэтому установить соглашеніе относительно надзора за революціонерами, организацію «международной полиціи, запретительные законы касательно фабрикаціи и продажи взрывчатыхъ веществъ, исключительныя кары за нарушеніе этихъ правилъ и, вообще, за пользованіе такими средствами». Необходимо, сверхъ того, установить выдачу преступниковъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ, «каковы бы ни были его мотивы или его жертва». Препровождая эту записку Сабурову, министерство иностранныхъ дѣлъ приглашало посла сообщить всѣ эти предложенія князю Бисмарку и о послѣдующемъ увѣдомить министерство. «Сообразно съ докладомъ, который вы намъ пришлете, его величество постановитъ собственное рѣшеніе».

Что Бисмаркъ въ эти дни стоялъ, можно сказать, въ центрѣ всѣхъ русскихъ дипломатическихъ интересовъ, это со всею возможною ясностью разъясняется намъ другая депеша Сабурову ¹⁾. Съ Бисмаркомъ достижимо почти все; безъ Бисмарка—очень мало: таковъ смыслъ депеши.

«Мы должны предвидѣть тотъ случай, что предлагаемыя нами основы, на которыхъ можно было бы установить единство дѣйствій... встрѣтятъ затрудненія у нѣкоторыхъ правительствъ. Эти препятствія,

¹⁾ Архивъ М. И. Д., № 157. Berlin 1881—III. *Projet de dépêche réservée à M. Sabourow à Berlin.*

проистекающія либо изъ господствующихъ идей, либо изъ существующихъ законовъ, либо изъ партійныхъ интересовъ или политическихъ вліяній, могли бы сдѣлать имѣющуюся нами въ виду солидарность правительствъ невозможною или недѣйствительною». Вотъ почему необходимо теперь же подумать о возможныхъ репрессіяхъ относительно такихъ сопротивляющихся правительствъ, и вотъ почему такъ нуженъ Бисмаркъ. «Это—пунктъ особенно деликатный, и соглашеніе относительно него съ кн. Бисмаркомъ очень важно, такъ какъ именно тутъ активная помощь Германіи дала бы намъ силу, которую не имѣло бы наше изолированное выступленіе». Противъ кого же пришлось бы бороться? Министерство начинаетъ съ пигмеевъ: «По нашему мнѣнію, главными очагами антиобщественныхъ дѣйствій, наиболѣе активными и въ то же время и наиболѣе доступными для насъ являлись Швейцарія и Румынія. Если наши дружескія представленія къ правительствамъ этихъ двухъ странъ встрѣтились бы съ болѣе или менѣе формальнымъ отказомъ, мы такъ же мало, какъ кн. Бисмаркъ, хотѣли бы дойти до мѣръ, которыя могли бы вызвать войну, но мы могли бы примѣнить къ нимъ такія репрессаліи, какъ разрывъ дипломатическихъ сношеній и уничтоженіе гарантій нейтралитета или независимости, которыми они пользуются, изгнаніе ихъ гражданъ и отозваніе нашихъ (изъ ихъ странъ), мѣры, ограничивающія торговые сношенія, въ родѣ, напр., специальныхъ тарифовъ и т. д. Эти мѣры были бы тѣмъ дѣйствительнѣе, если бы онѣ были приняты нѣсколькими правительствами. Поэтому намъ важно было бы знать, до какого пункта кн. Бисмаркъ считъ бы возможнымъ присоединиться къ намъ, идя по этому пути».

Но, конечно, главная трудность не въ Швейцаріи и не въ Румыніи: «Въ томъ случаѣ, если бы намъ удалось уничтожить эти два очага революціонной заразы, нужно предвидѣть, что они перенесутся въ другое мѣсто. Вѣроятно, Франція и Англія оказались бы двумя центрами, куда перенеслись бы ихъ дѣйствія. Репрессаліи относительно этихъ двухъ странъ были бы мѣрами болѣе затруднительными и менѣе дѣйствительными: во Франціи, вслѣдствіе преобладанія радикальныхъ элементовъ, болѣе или менѣе благопріятствующихъ революціоннымъ социалистамъ, а въ Англіи—вслѣдствіе законодательства, основаннаго на абсолютномъ уваженіи личной жизни, свободы и частнаго жилища». Но все-таки возможно было бы, быть можетъ, добиться и въ этихъ двухъ странахъ «моральной поддержки со стороны мѣстной полиціи» въ дѣлѣ «контроля и наблюденія», а при случаѣ также «въ дѣлѣ арестовъ и высылки дѣятелей социальной революціи». И въ этомъ также «помощь кн. Бисмарка была бы весьма полезна».

Министерство увѣдомляетъ далѣе Сабурова, что императоръ Александръ III предоставляетъ послу воспользоваться личными отношеніями съ Бисмаркомъ, чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, чтобы такимъ путемъ «опредѣлить точно нашу собственную дорогу на этой деликатной почвѣ, гдѣ каждая неудача могла бы имѣть опасныя послѣдствія». Мемуаръ резюмировался тремя пунктами: 1) требовать приравненія политическаго убійства къ общеуголовному; 2) требовать «при поддержкѣ или безъ поддержки другихъ державъ» у Румыніи и Швейцаріи изгнанія изъ ихъ территоріи политическихъ преступниковъ, которые будутъ имъ указаны, и недопущенія революціонныхъ центровъ; 3) добиваться соглашенія между правительствами по вопросу объ един-

ствѣ дѣйствій и единствѣ наблюденія, что могло бы быть достигнуто созданиемъ «одного центрального учрежденія».

Бисмаркъ обещать поддержку, и уже 1 апрѣля русское министерство изготовило проектъ циркулярнаго обращенія, которое должно было быть разослано изъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ русскимъ посламъ и представителямъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Римѣ и Лондонѣ ¹⁾. Русское правительство предлагало созвать конференцію державъ съ цѣлью выработки плана общей борьбы противъ анархистскихъ элементовъ. Одновременно былъ выработанъ и другой конфиденціальный циркуляръ (онъ такъ и названъ: «*projet de circulaire confidentielle*»,—*ibid.*, № 169), гдѣ находимъ перечень болѣе конкретныхъ мѣръ, принятіе которыхъ надлежитъ въ первую голову домогаться. Здѣсь находимъ нѣкоторое развитіе той мысли, что новѣйшее революціонное движеніе носить «болѣе общій характеръ», чѣмъ былия революціи, и что, поэтому, необходимо и бороться съ нимъ тоже общими, соединенными силами. Циркуляръ предусматриваетъ въ особенности установленіе каръ за приготовленіе къ политическому убійству, даже если эти приготовленія и не повели къ совершенію самого акта; предлагается также карать за соучастіе въ подобныхъ приготовленіяхъ. Циркуляръ подчеркиваетъ, что конференція, проведя тѣ или инныя мѣры въ указанномъ направленіи, вовсе не нарушитъ этимъ суверенныхъ правъ и законодательства отдѣльныхъ державъ (эта оговорка сдѣлана, конечно, специально для Англіи). Третій документъ (названный уже не *circulaire confidentielle*, а *circulaire secrète*, *ibid.*, № 170) предлагаетъ учрежденіе «интернаціональнаго полицейскаго бюро», которое централизовало бы дѣло надзора, поимки и кары преступниковъ, или, по крайней мѣрѣ, обмѣнъ особыми «полицейскими делегатами» въ видахъ взаимнаго освѣдомленія и посильной помощи.

Спустя недѣлю послѣ разсылки этихъ циркуляровъ, министерство посылаетъ особое письмо Сабурову, такъ какъ, естественно, именно онъ долженъ былъ, въ силу предполагаемой близости съ Бисмаркомъ, оставаться въ центрѣ начавшагося дипломатическаго дѣйствія. «Мнѣ кажется,—пишетъ Гирсъ,—что мы должны прежде всего стремиться въ данный моментъ заручиться согласіемъ кабинетовъ на общее обсужденіе вопроса, и не пугать (*ne pas effaroucher*) нѣкоторыхъ изъ нихъ слишкомъ обширною или слишкомъ опредѣленною программой. Высказанныя нами мысли проложить себѣ дорогу тѣмъ легче, чѣмъ онѣ будутъ умѣреннѣе и проще. Князь Бисмаркъ въ особенности оказалъ бы намъ важную услугу, если бы далъ свою могущественную поддержку въ Лондонѣ, гдѣ мы рискуемъ натолкнуться на застарѣлыя предрасудки и несправедливыя сужденія. Впрочемъ, мы ему очень признательны за ту горячность и ту искренность, съ которыми онъ поддерживаетъ защищаемое нами дѣло, являющееся дѣломъ всѣхъ монарховъ и всего человѣчества» ²⁾.

Германія тотчасъ же согласилась съ русскимъ предложеніемъ и даже намѣтила для будущей конференціи городъ Брюссель; другія великія державы встрѣтили это предложеніе довольно сдержанно. Во

¹⁾ Арх. М. И. Д. Le 1 et 3 avril 1881. Berlin 1881—III, № 168. *Projet de circulaire aux Ambassadeurs...* На поляхъ рукою Александра III написано: *Читать.*

²⁾ Арх. М. И. Д. Berlin 1881—III, № 191, le 10 Avril 1881. *Projet de lettre à M-r Sabourow à Berlin.*

французскомъ отвѣтъ, правда, Сабуровъ усмотрѣлъ желаніе пойти на встрѣчу взглядамъ русскаго правительства ¹⁾. Но съ Англіей дѣло пошло гораздо хуже. Сэръ Чарльзъ Дилкъ, тогдашній помощникъ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, по свѣдѣніямъ Сабурова, былъ стариннымъ другомъ Моста, издателя германской рѣзко революціонной газеты «Freiheit», выходившей нѣкоторое время въ Лондонѣ и открыто восхвалявшей событіе 1 марта. Правда, Бисмаркъ предложилъ германскому послу въ Лондонѣ убѣдить министра иностранныхъ дѣлъ Грэнвилля принять участіе въ конференціи, но Сабуровъ никакого толку отъ этого не ждетъ (и онъ оказался правъ). Точно также, хотя Шуваловъ, прибывшій какъ разъ изъ Рима, былъ настроенъ оптимистически относительно Италіи, но у Сабурова хватило все-таки элементарнаго пониманія необходимости отказа Италіи, разъ Англія откажется отъ конференціи ²⁾. Идти противъ Англіи съ кѣмъ бы то ни было для Италіи всегда было абсолютно невозможнымъ дѣломъ, особенно же нелѣпо было ждать, что она рискнетъ возбудить неудовольствіе Англіи,—которая можетъ съ нею сдѣлать все—только для того, чтобы оказать услугу русскому правительству, которое одинаково безспилно было принести ей вредъ или пользу. Сабуровъ, затѣявшій все дѣло (по наущенію Бисмарка, чего онъ, впрочемъ, не сознаетъ), утѣшаетъ Гирса, что даже если всѣ прочіе откажутся, кромѣ Германіи и Австріи, то и тогда можно ждать много хорошаго отъ конференціи Россіи, Германіи и Австріи «особенно, что касается мѣръ, которыя слѣдуетъ принять относительно Швейцаріи и Румыніи». «Дополняя эти мѣры тѣмъ, что намъ обѣщаетъ Франція, мы добьемся очищенія континента и заставимъ всѣхъ нигилистовъ бѣжать изъ Англію. Уже это будетъ огромнымъ результатомъ».

Сабуровъ не предвидѣлъ, что Бисмаркъ, конечно, и не подумаетъ принять участіе въ такой ограниченной конференціи, и что, вообще, германскаго канцлера въ данномъ фазисѣ дѣла занимаетъ уже не столько борьба съ нигилистами, сколько созданіе натянутыхъ отношеній между Россією и всѣми европейскими державами (кромѣ Германіи и Австріи).

14 апрѣля пришелъ, наконецъ, болѣе опредѣленный отвѣтъ отъ Франціи: французское правительство приняло рѣшеніе отказаться отъ участія въ конференціи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Франція снабдила свой отказъ нѣкоторыми существенными оговорками. Она готова была приравнять царевубійство къ обычному уголовному преступленію и заключить съ Россією соответственный договоръ о выдачѣ. Далѣе, французское правительство предоставляло свою полицію къ услугамъ Россіи и обѣщало изгонять изъ предѣловъ республики эмигрантовъ, которыхъ укажетъ Россія. Чѣмъ объясняли посоль Орловъ такой серьезный успѣхъ русскихъ требованій? «Германія энергично и лояльно поддержала насъ»,—читаемъ въ концѣ шифрованной части телеграммы министерства Сабурову, съ которымъ Гирсъ прежде всего поспѣшилъ подѣлиться новостью ³⁾.

¹⁾ Berlin, le 13 avril 1881. (Cher Nikolaï Karzewitch... подлинн.: Sabourow).

²⁾ Ibid.: J'en doute du moment où l'Angleterre refuserait.

³⁾ Apx. M. II. Д., № 199 (Berlin 1881—III), le 14 avril 1881. Télégramme secret à Mr Sabourow à Berlin (la France... mettra sa police à notre disposition, expulsera réfugiés désignés par nous... l'Allemagne nous a soutenus énergiquement et loyalement).

Министерство, тѣмъ не менѣе, учю неприятную черту въ этомъ сообщеніи: отказъ принять участие въ конференціи. Безъ Франціи, конечно, не имѣло никакого смысла созывать международное совѣщаніе. И Гирсъ уже самъ начинаетъ помышлять о томъ, чтобы оставить мысль о конференціи. Онъ только желаетъ, чтобы Сабуровъ и по этому вопросу тоже сперва совѣтовался съ Бисмаркомъ; русскій министръ признается, что хотѣлъ бы ознакомиться съ мнѣніемъ Бисмарка раньше, чѣмъ дать отвѣтъ французскому кабинету. Есть также скептицизмъ относительно французскихъ предложеній: «Полагаемъ, что можемъ удовлетвориться этими предложеніями, лишь бы они были серьезны и искренни» ¹⁾. А главное, опредѣленно выражается опасеніе, что и съ Англіей будутъ затрудненія.

Сабуровъ рѣшилъ, повидимому, бороться противъ упадка духа, охватившаго министерство и сказавшагося въ такомъ быстромъ рѣшеніи отказаться отъ конференціи. Онъ поэтому на другой же день послѣ получения отмѣченной шифровой телеграммы написалъ своему «сшег» Николаю Карловичу (какъ онъ всегда обращался къ Гирсу) длинное письмо. Онъ не хочетъ понимать,—пишетъ онъ,—вчерашнюю телеграмму, какъ отступленіе по всей линіи отъ дѣла конференціи. Вѣдь, кромѣ Франціи, есть еще Германія и Австрія, двѣ державы, вполнѣ расположенныя слѣдовать за Россіей. «Онѣ уже согласились на конференцію и намъ было бы трудно внезапно взять назадъ наше предложеніе, не зная, что онѣ объ этомъ подумаютъ» ²⁾. Конечно, Сабуровъ уже «зондировалъ» Бисмарка (*j'ai sondé Bismark*), который былъ и помимо Сабурова увѣдомленъ о французскомъ отвѣтѣ телеграммою германскаго посла въ Парижѣ Гогенлое. Но свѣдѣнія Гогенлое,—продолжаетъ Сабуровъ,—расходятся съ телеграммою Орлова: Франція еще не объявила своего окончательнаго рѣшенія по данному вопросу; она только сказала, что оставляетъ за собою возможность въ послѣдній моментъ согласиться на конференцію, если Англія выразитъ свое согласіе. Между тѣмъ Бисмаркъ полагаетъ, что «Англія, подобно Франціи, не желающая себя компрометировать предъ консервативными правительствами, окончитъ тѣмъ, что и съ своей стороны дастъ какія-нибудь завѣренія, которыми впослѣдствіи мы сможемъ воспользоваться». Поэтому Бисмаркъ рѣшительно не совѣтуетъ отказываться отъ конференціи и полагаетъ цѣлесообразнымъ внушить западнымъ державамъ мысль, что конференцію можно собрать и безъ нихъ ³⁾.

Но вотъ пришелъ, наконецъ, англійскій отвѣтъ, опредѣлившій собою, конечно, и рѣшеніе Италіи. Англія опредѣленно, хотя и въ очень вѣжливой, даже сочувственной формѣ, отклоняла участіе въ конференціи. Лордъ Грэнвилъ писалъ, что общественное мнѣніе встрѣтитъ проектируемую конференцію недружелюбно, что онъ, Грэнвилъ, за то обѣщаетъ воспользоваться всѣми средствами борьбы противъ революціонеровъ, какіе даетъ ему англійское законодательство и т. д. Въ отвѣтъ на это Александръ III повѣлѣтъ Гирсу телеграфировать русскому послу въ Лондонѣ князю Лобанову, чтобы онъ предложилъ

¹⁾ Ibid. (pourvu qu'elles soient sérieuses).

²⁾ Аpx. М. И. Д. Berlin III, personnelle, A. S. E. M-r. de Giers. Berlin le 15/27 Avril 1881.

³⁾ Ibid. (Selon lui il est utile de laisser subsister à Londres comme à Paris l'impression qu'on pourra se réunir sans eux).

англійскому кабинету выработать договоръ съ Россіей о выдачѣ политическихъ преступниковъ. Кстати, и Бисмаркъ, наконецъ, счелъ теперь благовременнымъ дружески указать, что «въ виду отказа Англіи, Франціи и Италіи отъ участія въ общемъ обсужденіи дѣла, намъ остается только способъ заключенія отдѣльныхъ договоровъ для достиженія поставленной цѣли» ¹⁾.

Итакъ, все было кончено. Если вся эта попытка имѣла какіе-либо вполнѣ реальные результаты, то, главнымъ образомъ, нѣкоторое охлажденіе начинавшихъ было приобрѣтать дружественный оттѣнокъ франко-русскихъ отношеній, что, собственно, и требовалось Бисмарку.

Сабуровъ, по всѣмъ видимостямъ, считавшій себя тонкимъ дипломатомъ, даже и не подозрѣваетъ безпритышной игры, которую все время ведетъ съ нимъ Бисмаркъ, сначала толкая Россію на рискованный путь организаціи конференціи, а потомъ, когда дѣло явно проваливается, уговариваетъ русское правительство упорствовать въ допущенной ошибкѣ. Не только Бисмаркъ, но и третъестепенные французскіе и англійскіе журналисты прекрасно знали, что ни Франція, ни Англія, управляемая, первая радикалами, вторая Гладстоновскимъ кабинетомъ, ни въ какомъ случаѣ на конференцію не пойдутъ, хотя бы по соображеніямъ парламентской тактики въ данный моментъ. Но русскіе сановники, получавшіе въ видѣ синекуры посольскія мѣста, рѣдко унижались до анализа внутреннихъ дѣлъ тѣхъ странъ, гдѣ они были акредитованы, и даже до простой фактической освѣдомленности въ парламентскихъ отношеніяхъ западныхъ державъ.

Въ Англіи кабинетъ Гладстона въ 1881 году еле держался противъ соединенныхъ нападеній, съ одной стороны, ирландцевъ, руководимыхъ Парнелемъ, а съ другой стороны, непримиримыхъ торіевъ, не прощавшихъ премьеру какъ его «руссофилизма», такъ и пораженія при Маюбѣ (въ бурской войнѣ, въ февралѣ 1881 г.). Если нужно было бы выдумать какое-либо дѣйствіе, которое было совершенно неприемлемо для Гладстона и съ принципиальной стороны, и съ точки зрѣнія парламентскихъ опасностей, то, конечно, опаснѣе участія въ подобной конференціи ничего придумать было бы невозможно. Что касается Франціи, то она переживала первыя времена, когда республика, послѣ долгихъ лѣтъ борьбы за существованіе противъ монархическихъ партій, могла, наконецъ, вздохнуть сколько-нибудь спокойно. Это были годы большого вліянія Артюра Ранка, старавшагося сплотить лѣвыхъ республиканцевъ вокругъ ревниваго отстаиванія основныхъ началъ радикализма, годы, когда Гамбетта и его политическіе сторонники все болѣе и болѣе должны были считаться съ возрастающимъ вліяніемъ группы Клемансо. Нужно было имѣть политическіе горизонты средняго петербургскаго столоначальника, чтобы не понять рѣшительной невозможности для любого французскаго кабинета въ 1881 году принять участіе въ проектированной конференціи. Но ни Гирсъ, ни Сабуровъ ничего этого не знали; а то, что они вообще знали въ этой области, они понимали очень смутно. Бисмаркъ, для котораго, конечно, какъ я уже сказалъ раньше, съ перваго момента не могло существовать никакихъ сомнѣній въ провалѣ всего предпріятія, естественно, всѣми силами желалъ поссорить Россію съ Франціей

¹⁾ Аpx. М. И. Д. Berlin 1881—III, № 242. Le 13 Mai 1881. Projet de lettre particulière à M. Sabourow à Berlin. Сверху карандашомъ пометка государя: *Читай.*

(Англія его тогда меньше интересовала), и поэтому, какъ мы видѣли, дѣятельно толкалъ Сабурова и Александра III на этотъ путь заранѣе приготовленнаго и вполнѣ неизбежнаго фіаско.

Справедливость требуетъ признать, что императоръ Александръ III, въ общемъ, гораздо проникательнѣе судилъ о Бисмаркѣ, чѣмъ всѣ его сотрудники. Вѣроятно, исторія съ конференціей 1881 года внушила ему несравненно менѣе оптимистическіе выводы, чѣмъ Сабурову, касательно искренности германскаго канцлера.

Проф. Е. Тарле.

Достоевскій — сотрудникъ „Русскаго Вѣстника“.

Неизданныя письма В. М. Достоевскаго 1866—1873 гг.

Съ «Русскимъ Вѣстникомъ» имя Достоевскаго связано тѣснѣйшимъ образомъ, ибо въ этомъ журналѣ напечатаны были четыре наиболѣе крупныхъ его произведенія: въ 1866 г.—«Преступленіе и Наказаніе», укрѣпившее за Достоевскимъ названіе писателя-психолога и давшее ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской литературѣ, въ 1868 г.—«Идіотъ», въ 1871-1872 гг.—«Бѣсы» и, наконецъ, въ 1879 - 1880 гг. — «Братья Карамазовы». Последнія 14 лѣтъ жизни писателя были, какъ извѣстно, годами его наибольшей литературной производительности и постепеннаго перехода отъ извѣстности къ славѣ и, въ то же время,—отъ тяжелой нужды къ обезпеченному существованію. Если мы прибавимъ къ этому, что съ началомъ 1867 г. связывается еще такое важное въ жизни Достоевскаго событіе, какъ вторая женитьба его (на Аннѣ Григорьевнѣ Сниткиной), то мы легко представимъ себѣ, насколько видное мѣсто въ біографіи Достоевскаго занимаетъ именно указанное пятинадцатилѣтіе.

Біографія Достоевскаго не только не написана, но и матеріалы для нея еще не собраны въ достаточномъ количествѣ ¹⁾. Фактическая сторона біографіи, внѣшнія условія дѣятельности Достоевскаго, его личные переживанія, представляють интересъ, главнымъ образомъ, какъ матеріалъ для оцѣнки творчества этого сложнаго и во многомъ еще загадочнаго художника-мыслителя; но, конечно, и сама по себѣ всѣ детали его жизни не могутъ быть для насъ безразличны; напротивъ, любознательность наша влечетъ насъ къ разысканію, къ собиранію возможно большаго количества матеріаловъ, касающихся біографіи такого крупнаго человѣка, какимъ былъ Достоевскій,—котораго безъ преувеличенія можно назвать властителемъ думъ русской молодой интеллигенціи 1870-хъ годовъ. Письма всякаго писателя въ этомъ смыслѣ представляютъ наиболѣе важный, дѣльный и надежный матеріалъ; за письмами Достоевскаго необходимо признать эти же качества.—несмотря на то, что онъ, по собственнымъ его неоднократнымъ признаніямъ, къ писанію писемъ относится съ исключительною нелюбовью. Указывая одному корреспонденту на свое «страшное, непобѣдимое, невозможное отвращеніе писать письма», онъ прибавлялъ: «Самъ люблю получать письма, но писать самому письма считаю почти невозможнымъ и даже нелѣпымъ. Я не умѣю, положительно, высказываться въ письмѣ. Напишешь иное письмо, и вдругъ вамъ присылають мнѣнія или возраженія на такія мысли, будто бы мною въ немъ написанныя, о которыхъ я никогда

¹⁾ Скончавшаяся, судя по газетнымъ сообщеніямъ, лѣтомъ 1918 года вдова писателя, А. Г. Достоевская, погорила намъ года три тому назадъ, что она занята разборкою и приведеніемъ въ порядокъ архива своего мужа; архивъ этотъ находится тогда въ Сестровѣ, гдѣ она проживала; но ни судьба этой работы, ни теперешнее мѣстонахожденіе архива намъ не извѣстны. Будемъ надѣяться, что событія послѣднихъ двухъ лѣтъ не погубили этого, безъ сомнѣнія, чрезвычайно цѣннаго собранія литературныхъ матеріаловъ. В. М.

и думать не могъ. И если я пошлю въ адъ, то жить, конечно, присуждено будетъ азъ грѣхъ мой писать по десятку писемъ въ день,—не меньше»¹⁾.

Несмотря на такую нелюбовь къ писанію писемъ, Достоевскому приходилось вести довольно большую корреспонденцію: значительную часть своей жизни, столь богатой превратностями судьбы, ему пришлось прожить въ разлукахъ или вдали отъ тѣхъ людей, съ которыми онъ былъ такъ или иначе связанъ,—и единственнымъ средствомъ сноситься съ яыми—и по влеченію сердца, и по необходимости—были письма. До насъ дошло значительное количество его писемъ къ брату, М. М. Достоевскому, къ пасынку, П. А. Исаеву, къ племянницѣ, С. А. Ивановой (по мужу Хмырской), къ барону А. Е. Врангелю, къ Н. Н. Страхову, къ А. Н. Майкову; но переписка его съ другими, безъ сомнѣнія, многочисленными корреспондентами,—съ родственниками, друзьями, собратями по перу, знакомыми и незнакомцами,—известна намъ лишь въ небольшой своей части. Мы вовсе не знаемъ, напримѣръ, переписки его съ первою и второю женами, съ нѣкоторыми братьями и родственниками, съ Бѣлинскимъ, А. Григорьевымъ²⁾, Б. П. Побѣдоносцевымъ; изъ писемъ къ И. С. Аксакову, А. Н. Майкову и А. Н. Плещееву опубликованы только части; совсѣмъ неизвѣстны письма къ Тургеневу³⁾, Некрасову, Григоровичу, князю В. П. Мещерскому и др.; наконецъ, не появлялась въ печати и переписка Достоевскаго съ Катковымъ и его правую рукою по редакціи «Русскаго Вѣстника».—Нельзя не сказать, что писемъ Достоевскаго къ указаннымъ лицамъ⁴⁾,—писемъ, какъ мы указали выше, относящихся къ важнѣйшимъ годамъ жизни Достоевскаго и связанныхъ съ печатаніемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» наиболѣе крупныхъ, замѣчательныхъ его произведеній; впрочемъ, въ переданномъ намъ собраніи не оказалось ни раннихъ писемъ Достоевскаго—1858—1859 гг., когда шла его переписка съ Катковымъ о романѣ «Село Степанчиково»,—ни писемъ 1868 г.,—эпохи печатанія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Идиота»,—но этотъ, конечно, досадный пробѣлъ не лишаетъ публикуемой переписки известной цѣлности: она объединена и личностью адресатовъ, и самою темою, которой она касается,—печатаніемъ излюблѣннѣйшихъ сочиненій Достоевскаго. Кроме того, письма эти проливаютъ свѣтъ и на характеръ творчества писателя, на самый процессъ его работы, имъ усвоенный; наконецъ,—что самое важное,—заключаютъ въ себѣ цѣльныя и очень любопытныя сужденія о нѣкоторыхъ типахъ въ «Бѣсахъ» и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», о значеніи, которое авторъ придавалъ той или другой главѣ романа, его подробностямъ и т. под.; эти авторскія мнѣнія и поясненія, повторяя кое-что изъ высказаннаго имъ въ другихъ мѣстахъ, резюмируютъ съ исключительною отчетливостью мысль автора, идею, вложенную имъ и въ произведеніе въ его цѣломъ и въ частяхъ, и въ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ; таковы особенно письма отъ 8 (20) октября 1870 г. о «Бѣсахъ», 10 мая 1879 г.,—о 5-й книгѣ 2-й части «Братьевъ Карамазовыхъ» («Pro и Contra»), которую Достоевскій характе-

¹⁾ Письмо къ В. В. Михайлову изъ Петербурга, отъ 16 марта 1878 г.—«Русск. Стар.», 1883, т. XL, стр. 715.—О той же нелюбви и неумѣнн писать письма сообщаетъ онъ и одной своей корреспонденткѣ, отъ 28 февраля 1878 г.—См. «Биографія», письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго. С.-Пб. 1883, прим., стр. 329; ср. также въ «Русск. Стар.» 1892 г., т. LXXIV, стр. 185 (въ Воспоминаніяхъ метранжажа М. А. Александрова).

²⁾ Три письма Григорьева къ Достоевскому опубликованы въ наданной Пушкинскимъ Домомъ книгѣ: «Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Матеріалы для біографіи. Подъ редакціей Влад. Княжнина». Пгр. 1917.

³⁾ Письма Тургенева къ Достоевскому напечатаны въ Первомъ собраніи писемъ Тургенева изд. Литературнаго Фонда.

⁴⁾ 4 письма къ Каткову, 30—къ Любимову и 1—въ редакцію «Русскаго Вѣстника».

ризуешь, какъ «кульминационную точку романа», 11 июня 1879 г. — объ Иванѣ Карамазовѣ, 7 (19) августа 1879 г. — о 6-й книгѣ той же части «Карамазовыхъ» (о «Русскомъ Инокѣ») и многія слѣдующія письма: читая ихъ, мы какъ бы присутствуемъ въ самой лабораторіи мастера, наблюдаемъ, какъ горячо, подчасъ мучительно, болѣзненно, истерично онъ работаетъ надъ созданиемъ своего произведенія, вкладывая въ него всю душу, всѣ болѣзненные свои нервы.

Еще Страховъ указалъ на одну особенность писемъ Достоевскаго, наблюдаемую, когда онъ о чемъ-либо проситъ своего корреспондента: его просьбы всегда излагаются «съ волненіемъ и настойчивостью, съ повтореніями, подробными поясненіями и варіаціями» ¹⁾, — мы сказали бы — съ неотвязчивой назойливостью; таковы и тонъ просьбы Достоевскаго къ Любимову, когда дѣло идетъ о сохраненіи того или иного выраженія, имъ употребленнаго, того или другого распоряженія по поводу печатанія, корректуръ, гонорара и т. д.

Послѣдній вопросъ, — вопросъ о гонорарѣ занимаетъ, увы! видное мѣсто въ публикемой жизни перепиискѣ. Известно, что нужда, подчасъ граничившая съголою нищетою, была жестокою спутницею едва не всей жизни Достоевскаго; одною изъ язвъ ея, отъ которой онъ страдалъ почти непрерывно, — была необходимость работать спѣшно, на срокъ, изъ-за куска насущнаго хлѣба; подъ гнетомъ этой спѣшки и нужды онъ находилъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей литературной жизни, доходя подчасъ до отчаянія. Хорошо знакомый съ его приемами работы и со всѣмъ его жизненнымъ обиходомъ, Н. Н. Страховъ свидѣтельствуемъ, что Достоевскому обыкновенно «приходилось торопиться, писать къ сроку, гнать работу и нерѣдко опаздывать съ работою. Причина состояла въ томъ, что онъ жилъ одною литературою и, по послѣднимъ времени, до послѣднихъ трехъ или четырехъ лѣтъ, нуждался, — поэтому забиралъ деньги впередъ, давалъ обещанія и дѣлалъ условія, которыя потомъ и приходилось выполнять. Распорядительности и сдержанности въ расходахъ у него не было въ той высокой степени, какая требуется при житьѣ литературнымъ трудомъ, не имѣющимъ ничего опредѣленнаго, никакихъ прочныхъ мѣрокъ. И вотъ, онъ всю жизнь ходилъ, какъ въ тепсетахъ, въ своихъ долгахъ и обязательствахъ и всю жизнь писалъ, торопясь и усиливаясь. Но была еще причина, постоянно увеличивавшая его затрудненія и гораздо болѣе важная. Федоръ Михайловичъ всегда откладывалъ свой трудъ до крайняго срока, до послѣдней возможности; онъ принимался за работу только тогда, когда оставалось уже въ обрѣзъ столько времени, сколько нужно, чтобы ее сдѣлать, дѣлая усердно. Это была лѣность, доходившая иногда до крайней степени, но не простая, а особенная, писательская лѣность, которую съ большою отчетливостью пришлось мнѣ наблюдать на Федорѣ Михайловичѣ. Дѣло въ томъ, что въ немъ постоянно совершался внутренний трудъ, происходило нарастаніе и движеніе мыслей, и ему всегда трудно было оторваться отъ этого труда для писанія. Оставаясь, повидному, празднымъ, онъ, въ сущности, работалъ неутомимо. Люди, у которыхъ эта внутренняя работа не происходитъ или очень слаба, обыкновенно скучаютъ безъ внѣшней работы и со сластью въ нее втягиваются. Федоръ Михайловичъ съ тѣмъ обиліемъ мыслей и чувствъ, которыя онъ носилъ въ головѣ, лжкогда не скучалъ праздностью и дорожилъ ею чрезвычайно. Мысли его кипѣли; безпрестанно создавались новые образы, планы новыхъ произведеній, а старые планы росли и развивались» ²⁾.

Вопль нуждающагося человѣка слышится почти въ каждомъ его письмѣ къ брату, къ пасынку, къ племянницѣ и къ другимъ лицамъ; этотъ же вопль преслѣ-

¹⁾ «Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго». СПб. 1882, стр. 263: «этотъ назойливый, неотвязчивый характеръ просьбы Достоевскаго, преслѣбъ, переходящихъ въ неотступное требованіе, особенно замѣтенъ, напр., въ письмахъ къ пасынку, П. А. Исаеву: см. «Свѣд. Вѣстн.». 1891 г., № 11, стр. 12—13 и слѣд.

²⁾ Тамъ-же, стр. 215.

дуетъ насъ и при чтеніи писемъ Достоевскаго къ Любимову и Каткову. Но надо отдать справедливость редактору и издателю «Русскаго Вѣстника»: они относились въ Достоевскому съ предупредительностью и съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ такъ заслуживалъ и — по столькимъ основаніямъ.

Сношенія Достоевскаго съ Катковымъ (на первый разъ окончившіяся неудачею) ¹⁾ начались въ 1858 году, когда писатель нашъ находился еще въ мѣстѣ своей ссылки: въ первой половинѣ этого года онъ послалъ Каткову письмо, предлагая ему «участвовать въ его журналѣ, и обѣщая повесть въ этомъ году, если онъ пришлетъ сейчасъ 500 рублей серебромъ. «Эти 500 рублей», сообщалъ Достоевскій брату 31 мая 1858 г. изъ Семипалатинска: «я получилъ отъ него назадъ тому съ мѣсяцъ или шедъ пять, при весьма умномъ и любезномъ письмѣ. Онъ пишетъ, что очень радъ моему участію, немедленно исполнить мое требованіе (500 р.) и проситъ какъ можно менѣе стѣснять себя, работать не оглядя, т. е. не на срокъ. Это прекрасно. Я гдѣ теперь за работою въ «Русскій Вѣстникъ» (большая повесть) ²⁾; но только то бѣда, что я не уговорился съ Катковымъ о платѣ съ листа, написавъ, что полагаюсь въ этомъ случаѣ на его справедливость ³⁾).

Надежды Достоевскаго на это не оправдались: получивъ рукопись романа обратно (уже осенью 1859 г.), онъ поручилъ своему товарищу, поэту А. Н. Плещееву, узнать навѣрно причину отказа редакціи; Плещеевъ «узнавалъ и навѣрно знаетъ, что они испугались 100 р. съ листа, что Катковъ бы и далъ, но что всѣмъ журналомъ управляетъ Леонтьевъ и держитъ Каткова въ рукахъ, и что это такіе секреты, которыхъ и на свѣтѣ не было. Про романъ же они говорятъ, что отъ начала они были просто въ восторгѣ, но что конецъ, по ихъ мнѣнію, слабъ, и что вообще романъ требуетъ сокращеній» ⁴⁾. Сообщая тогда же одному своему знакомому о полученіи отъ Каткова 500 рублей авансомъ, Достоевскій писалъ ему: «не думайте, чтобы Катковъ меня торопиль. Напротивъ, онъ мнѣ написалъ преобладающее письмо, въ которомъ просилъ меня не тяготиться долгомъ и не насиловать себя» ⁵⁾.

Итакъ, долгъ этотъ остался неотработаннымъ; несмотря на это, дальнѣйшія сношенія Достоевскаго съ Катковымъ, а потомъ и съ Любимовымъ, отличались такою же взаимною благожелательностью. Лишь только Достоевскій въ 1865 г. вступилъ въ переговоры съ «Русскимъ Вѣстникомъ» о помѣщеніи въ немъ «Преступленія и Наказанія», редакція отговаривалась согласіемъ, и на этотъ романъ былъ переведенъ упомянутый выше 500-рублевый авансъ, выданный Достоевскому за 8 лѣтъ до того. Въ 1867 г., едва закончивъ старые расчеты съ Катковымъ, Достоевскій снова ему продолжалъ: «пробавлю изъ Дрездена въ Швейцарію, онъ, будучи въ Баденъ-Баденѣ, увлекся рулеткою, «сперва выигралъ, потомъ проигрался—и только», по словамъ Острохова: «благодаря деньгамъ, полученнымъ отъ М. Н. Каткова, могъ выѣхать изъ Баденъ-Бадена» ⁶⁾. Письма 1868—1869 г. къ сестрѣ и племянницѣ показываютъ, что къ началу этого года Достоевскій «забралъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» немнѣе много, до 4500 рублей ⁷⁾, такъ, что потребовалось съ его стороны большое напряженіе, чтобы, получая отъ Каткова ежемесячно по 100 рублей, да еще и экстренныя суммы, разсчитываться съ нимъ новымъ своимъ романомъ

¹⁾ Г. И. Баренсъ называетъ Каткова «товарищемъ отрочества» Достоевскаго («Русск. Арх.», 1902 г., кн. III, стр. 145).

²⁾ Это было «Село Степанчиково и его обитатели». Б. М.

³⁾ Біографія, письма и пр., прилож., стр. 112—113, 117.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 130: письмо къ брату, М. М. Достоевскому изъ Твери отъ 11 октября 1859 г.; ср. также въ письмѣ къ Арт. Изъ Гейбовичу изъ Твери отъ 23 октября 1859 г.—«Историч. Вѣстн.», 1885 г., янв., стр. 133.

⁵⁾ «Русск. Стар.», 1883, т. XXXIX, стр. 647—648.

⁶⁾ «Біографія, письма... Ф. М. Достоевскаго», СПб. 1893, стр. 296.

⁷⁾ «Русск. Стар.» 1885, т. XLVII, стр. 140.

(«Идиотомъ»¹⁾; поэтому Достоевскій, зная, что «они» (т. е. редакция «Русскаго Вѣстника») «относѣ не принуждаютъ и не насилуютъ меня», не могъ не признать, что «они постоянно поступаютъ со мною съ удивительною деликатностью и, несмотря на то, что я много имъ остался долженъ, никогда не отказываютъ въ деньгахъ»²). И во многіе послѣдующіе годы, какъ видно будетъ и изъ напечатанныхъ ниже писемъ, Достоевскій выходилъ изъ затруднительныхъ въ денежномъ смыслѣ положеній преимущественно благодаря «Русскому Вѣстнику» и его редактору и издателю, радушно поддерживавшимъ своего сотрудника и большими и малыми ссудами»³; это дало поводъ П. И. Бартезову назвать Каткова, «часто выручавшаго Достоевскаго изъ бѣды», даже его «благодѣтельнымъ геніемъ»⁴...

Скажемъ нѣсколько словъ объ адресатѣ писемъ — Николаѣ Александровичѣ Любимовѣ. Воспитанникъ профессора Московскаго университета Ловецкаго, онъ родился, какъ и Достоевскій, въ Москвѣ, но на 8 лѣтъ позже его (26 января 1830 г.), окончивъ курсъ физико-математическаго факультета Московскаго университета и затѣмъ, получивъ ученые степени магистра (1856) и доктора (1865) физики, съ 1854 г. занималъ въ теченіе 28 лѣтъ катедру физики въ родномъ университетѣ; съ 1882 г. онъ былъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и проживалъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 6-го мая 1897 года. Итакъ, его біографія не богата важными событіями; гораздо сложнее она съ идейной, внутренней стороны. Талантливый профессоръ, пользовавшійся заслуженною извѣстностью, какъ ученый и какъ авторъ многихъ выдающихся трудовъ по своей специальности, онъ не меньшую, если даже не большую, извѣстность приобрѣлъ, какъ литераторъ и публицистъ, соработникъ Каткова и Леонтьева въ дѣлѣ изданія «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника». Вполнѣ раздѣляя ихъ политическія воззрѣнія и литературные вкусы и мнѣнія, онъ, по словамъ автора его некролога въ «Новомъ Времени»⁵, «представлялъ собою замѣтное и почтенное ученое литературное и общественное явліе. Въ дружественномъ тройственномъ союзѣ—Катковъ, Леонтьевъ и Любимовъ,—послѣднему принадлежала менѣе видная, но безусловно важная роль главнаго работника, автора черновыхъ всѣхъ проектовъ, которые затѣмъ отбывали и проводили Катковъ съ Леонтьевымъ⁶. Та же собственно роль принадлежала покойному и въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника». Перомъ Н. А. Любимова владѣлъ свободно и хорошо, писать умѣлъ красиво, образно и эстетично... Послѣ Н. А. Любимова», читаемъ далѣе: «должна остаться обширная и въ высшей степени любопытная переписка съ многъ многихъ нашихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей и писателей, изъ которой можно бы почерпнуть цѣнныя матеріалы къ характеристикѣ того времени, когда М. Н. Катковъ и его кружокъ сыграли въ нѣсколькихъ случаяхъ первую роль въ русскихъ общественныхъ теченіяхъ»⁷). Характеристику Н. А. Любимова, какъ ученаго, публициста-литератора и человека, сдѣланную, подѣ впечатлѣніемъ его смерти, въ различныхъ временныхъ изданіяхъ, можно найти въ особомъ сборникѣ, изданномъ, не для продажи, подѣ заглавіемъ: «Памяти Николая Александровича Любимова» (С.-Пб. 1897, съ портретомъ и спискомъ печатныхъ трудовъ), въ который включена

¹⁾ Тамъ-же, стр.: 146—147, 149, 151, 152, 154, 155.

²⁾ Тамъ-же, стр. 157, письмо отъ 29 августа 1869 г.

³⁾ Тамъ-же, стр. 304.

⁴⁾ «Русск. Арх.» 1902 г., кн. III, стр. 145.

⁵⁾ 1897 г. № 7612.

⁶⁾ Любимовъ былъ однимъ изъ главныхъ, если не главнѣйшимъ, создателямъ «Деляновскаго» Университетскаго Устава 1834 г.

⁷⁾ Послѣ смерти своего патрона и друга Н. А. Любимова напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» обширную статью: «Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, по личнымъ воспоминаніямъ» (1893 г., №№ 1, 2, 3, 6, 8 и 1899 г. № 1); отдельное, нѣсколько передѣланное, изданіе было выпущено въ 1899 г. подѣ заглавіемъ: «Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и его историческая заслуга». СПб., 356 стр. съ портр.

также и подробная его биография, написанная постомъ Е. К. Случевскимъ ¹⁾. Здѣсь мы приведемъ только слова автора некролога «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1897 г., № 6, стр. 42) о Любимовѣ, какъ объ ученикѣ: «Н. А. Любимовъ занимаетъ среди современныхъ физиковъ совершенно своеобразное положеііе. Онъ не былъ исключительно специалистомъ; въ физикѣ его по преимуществу интересовали общія идеи, философскія проблемы: съ этими философскими интересомъ Н. А. Любимовъ соединялъ рѣдкое у натуралистовъ знаніе исторіи своей науки,—и вотъ это сочетаніе элементовъ философскаго, историческаго и положительно научнаго придаетъ особенную цѣнность его трудамъ». За одинъ изъ нихъ,—монументальную 3-томную «Исторію физики» Любимовъ получилъ отъ Академіи Наукъ премію имени митрополита Макарія.

Редакторомъ «Русскаго Вѣстника» Любимовъ былъ съ мая 1863 года, — съ той самой поры, какъ Катковъ и Леонтьевъ всецѣло отдались веденію «Московскихъ Вѣдомостей», въ январѣ этого года перешедшихъ къ нимъ въ аренду. Во главѣ редакціи «Вѣстника», рѣдкій день не выходя съ Катковымъ, Любимовъ стоялъ въ теченіе ровно двадцати лѣтъ—до ноября 1882 г., т. е., до самаго перевода своего на службу въ Петербургъ; однако, онъ не порвалъ при этомъ связи съ журналомъ и продолжалъ въ немъ свое сотрудничество. Такъ, до 1884 г. онъ печаталъ здѣсь, сперва (съ 1880 г.) подъ псевдонимомъ Вареоламея Кочнева, а затѣмъ подъ своимъ именемъ, надѣлавшія много шума статьи: «Противъ теченія; бесѣды двухъ пріятелей о революціи»; въ нихъ онъ, «отличію изучивъ эпоху, предшествовавшую великой французской революціи,—въ эпоху «диктатуры сердца» графа Лорисъ-Меликова, задаясь цѣлью доказать трюизмъ сходство этой поры съ эпохою, предшествовавшую разгрома монархіи во Франціи... Трудъ этотъ весьма полезенъ по богатству превосходно разработаннаго фактическаго матеріала для пониманія одного изъ самыхъ важныхъ моментовъ не только въ исторіи Франціи, но и въ общей исторіи» ²⁾. «Приводимыя Вареоламеемъ Кочневымъ параллели были дѣйствительно поразительны, и предположенія его о томъ, что продолженіе господствовавшего у насъ направленія внутренней политики непременно приведетъ къ ужаснымъ послѣдствіямъ, имѣли очень вѣскія основанія. Статьи «Противъ теченія» надѣлали много шума и прошли далеко не безслѣдно. Современемъ эти статьи разрослись въ цѣлый трактатъ о французской революціи, и Николай Алексѣевичъ пересталъ прибѣгать къ псевдониму. Значительно позднее, уже въ 1893 году, эти очерки издали были особюо книгою: «Крушеніе монархіи во Франціи». Въ этомъ изданіи всѣ параллели между Франціею и Россіею, какъ не имѣвшія болѣе значенія, исключены. Въ прежнемъ видѣ осталась только первая глава, помѣщенная въ качествѣ введенія. Въ предисловіи Николай Алексѣевичъ объясняетъ первоначальное заглавіе своихъ очерковъ слѣдующимъ образомъ: «Трудъ мой былъ названъ «Противъ теченія», такъ какъ время, въ какое онъ писался, носило несомнѣнный революціонный оттѣнокъ, и культъ революціи, издавна распространенный во многихъ изъ нашихъ интеллигентныхъ кружкахъ, проявилъ отъ мечтаній перейти къ практикѣ. Въ правительствѣ чувствовалась слабость, въ обществѣ обнаруживались революціонныя симпатіи. Въ такую эпоху говорить о революціи не какъ о благотворительномъ переворотѣ, неоправданно требуемомъ законами исторіи, — значило, очевидно, говорить—противъ теченія». Статьи «Противъ теченія», какъ сказано, имѣли значительный успѣхъ. Нѣкоторые параллели были подхвачены газетами; отыскивались и другія. М. Н. Катковъ въ одной изъ своихъ статей пошелъ даже далѣе. «Нечего себя обманывать,—писалъ онъ,—мы уже въ революціи». Боль-

¹⁾ Подробную біографію о Любимовѣ см. у С. А. Венгерова, «Источники словари русскихъ писателей», т. IV, стр. 53—55.

²⁾ См. въ сборникѣ «Памяти Н. А. Любимова». СПб. 1907 г., стр. 50.

множество газетъ отнеслось къ Вареоломею Кочеву крайне враждебно. Въ «Голосѣ», напримеръ, было помѣщено нѣсколько статей (принадлежавшихъ покойному профессору Градовскому), въ которыхъ резко опровергались выводы Вареоломея Кочева. Иванъ Сергѣевичъ Алсаковъ въ «Руси», съ точки зрѣнія славянофильства, также опровергалъ предположенія автора, утверждая, что «все это такъ, но что послѣднимъ упущено изъ вида главное, а именно—бытвые особенности русскаго народа, котораго нельзя сравнивать съ французскимъ».

Относительно впечатлѣнія, произведеннаго очерками «Противъ теченія», свидѣтельствуя также многочисленныя письма, полученные, въ разное время, по поводу ихъ, Николаемъ Алексѣевичемъ лично и въ качествѣ редактора «Русскаго Вѣстника». Многія изъ нихъ сохранились въ бумагахъ покойнаго. Такъ, точнось же по прочтеніи перваго очерка Ѳ. М. Достоевскій въ письмѣ къ Любимову изъ Старой Руссы пишетъ: «Такую статью, какъ «Противъ теченія», давно бы надѣ пришлось пустить въ «Русскій Вѣстникъ», особенно для молодыхъ умовъ назидательно!». «Статьи «Противъ теченія» производятъ здѣсь впечатлѣніе, отовсюду слышу разсказы и толки»,—пишетъ Е. М. Обоимъ въ письмѣ изъ Петербурга. «Очень радъ былъ узнать, что вы авторъ интересныхъ статей «Противъ теченія»,—пишетъ К. Ш. Побѣдоносцевъ.—Зная теперь,—пишетъ онъ же нѣсколько позднѣе,—что вы, достоуважаемый Николай Алексѣевичъ, авторъ прекрасныхъ статей «Противъ теченія», обращаю ваше вниманіе на одну книгу»... «Я съ удовольствіемъ читаю въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьи «Противъ теченія»,—пишетъ И. Д. Деляновъ,—желалъ бы я, чтобы ихъ прочли и наши государственные мужи — въ нихъ много поучительнаго». «Увлекаюсь вашими «Противъ теченія», я написалъ цѣлый трактатъ объ Маріаннѣ Бонапартъ, который вчера и отправилъ къ вамъ»,—пишетъ Б. М. Маркевичъ. А. Скальковскій, въ «Новомъ Времени», въ 1882 году, дѣлая краткую характеристику Николаю Алексѣевичу, по поводу его назначенія членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, говоритъ, что Любимовъ, принадлежа по направленію къ определенной партіи, очень хорошо извѣстенъ, «какъ авторъ въ высшей степени тенденціозной и талантливой книги «Противъ теченія». «Въ сочиненіи этомъ, — говорится далѣе,—проводится блестящая параллель между нынѣшней Россіей и Франціей въ моментъ возникновенія революціоннаго броженія въ концѣ XVIII вѣка и доказывается, что революція началась у насъ фактически, пока, къ счастью, въ умѣхъ и убѣжденіяхъ»¹⁾.

О личныхъ отношеніяхъ Любимова и Достоевскаго въ литературѣ мы не имѣемъ другихъ указаній, кромѣ приведенной выше выдержки съ отзывомъ Достоевскаго о статьяхъ «Противъ теченія» и эпизода съ передѣлками въ «Преступленія и Наказанія» (см. ниже); только В. Г. Австенко, говоря о работѣ Любимова по редактированію «Русскаго Вѣстника» и свидѣтельствуя о томъ, что Катковъ мало выѣшивался въ дѣла журнала «и обыкновенно прочитывалъ въ немъ кое-что уже по выходѣ книжки», говоритъ: «Конечно, бывали затрудненія, которыхъ Любимовъ не хотѣлъ брать на свою ответственность: напримеръ, когда приходилось вычеркивать десятки страницъ изъ романовъ Достоевскаго²⁾ или когда графъ Л. Н. Толстой пріѣзжалъ къ «Ланѣ Карениной» эпилогъ философско-политическаго содержанія, представлявшій полное противорѣчіе тому, что говорилось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Въ этихъ случаяхъ Любимовъ скромно предоставлялъ дѣло усмотрѣнію Каткова, понимая, что авторитетъ послѣдняго былъ необходимъ для улаженія затрудненій»³⁾. Въ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 25—27.

²⁾ Кутисъ пишетъ.

³⁾ «Петербург. Газета», 1897 г., № 126.

менше значительных случаев Любимовъ распоряжался самостоятельно, — что видно, между прочимъ, и изъ печатаемыхъ ниже писемъ, къ которымъ мы теперь и обращаемся.

* * *

Серия писемъ Достоевскаго къ Любимову начинается съ письма отъ 8 июля 1866 года. Вернувшись, за полъ-года до этого (въ ноябрь 1865 г.) изъ-за границы, съ почти законченнымъ уже лучшимъ своимъ произведеніемъ «Преступленіемъ и Наказаніемъ», Достоевскій началъ его печатаніе съ январской 1866 года книжки «Русскаго Вѣстника», въ которомъ романъ и появился послѣдовательно — въ №№ 2, 4, 6, 7, 8, 11 и 12. Въ письмѣ къ своему другу, барону А. Е. Врангелю отъ 18 февраля 1866 года онъ такъ рассказывалъ о сношеніяхъ своихъ съ редакціей «Русскаго Вѣстника»: «Изъ-за границы, будучи придавленъ обстоятельствами, я послалъ Каткову предложеніе за самую низкую для меня плату 125 р. съ листа ихняго, т. е. 150 р. съ листа «Современника». Они согласились. Потомъ я узналъ, что согласились съ радостью, потому что у нихъ изъ беллетристики на этотъ годъ ничего не было: Тургеневъ не пишетъ ничего, а съ Львомъ Толстымъ они поссорились. Я явился на выручку (все это я знаю изъ вѣрныхъ рукъ). Но они страшно со мной осторожничали и политиковали. Дѣло въ томъ, что они страшные скупяги. Романъ имъ казался великъ. Платить за 25 листовъ (а можетъ быть и за 30) по 125 р. ихъ пугало. Однимъ словомъ, вся ихъ политика въ томъ (ужь ко мнѣ засылали), чтобъ сбавить плату съ листа, а у меня въ томъ, чтобъ набавить. И теперь у насъ идетъ глухая борьба. Имъ, очевидно, хочется, чтобъ я пріѣхалъ въ Москву. Я же выжидаю, и вотъ въ чемъ моя цѣль: если Богъ поможетъ, то романъ этотъ можетъ быть великолѣпнѣйшею вещью. Мнѣ хочется, чтобъ не менѣе 3-хъ частей (т. е. половина всего) была напечатана, эффектъ въ публикѣ будетъ произведенъ, и тогда я поѣду въ Москву и посмотрю, какъ они тогда мнѣ сбавятъ? Напротивъ, можетъ быть, прибавятъ. Это будетъ къ Святой. И кромѣ того стараюсь не забирать тамъ денегъ впередъ, жмусь и живу нищенски. Мое отъ меня не уйдетъ, а если забирать впередъ, то я уже нравственно не свободенъ, когда буду впоследствии окончательно говорить съ ними объ уплатѣ. Недѣли двѣ тому назадъ вышла первая часть моего романа въ первой январской книгѣ «Русскаго Вѣстника». Называется: «Преступленіе и Наказаніе». Я уже слышалъ много восторженныхъ отзывовъ. Тамъ есть смѣлыя и новыя вещи. Какъ жаль мнѣ, что я вамъ не могу послать! Неужели у васъ никто не получаетъ «Русскаго Вѣстника»? ¹⁾ 6 мая Достоевскій писалъ тому же Врангелю: «Вотъ вамъ мои дѣла: всю зиму жилъ анахоретомъ, работалъ, разстроилъ здоровье, жилъ болячками, а истратилъ 1500 р. Куда? Да съ меня такъ и рвутъ! На Страстной поѣхалъ въ Москву и взялъ у Каткова впередъ 1000 руб. Цѣль была та, чтобы поскорѣй поѣхать въ Дрезденъ, засѣсть тамъ на 3 мѣсяца и кончить романъ, чтобъ никто не мѣшалъ... Деньги съ Каткова получу не раньше юня» ²⁾... Въ серединѣ мая Достоевскій поѣхалъ въ Москву, для свиданія съ сестрою и зятемъ Александромъ Павловичемъ и Вѣрою Михайловною Ивановыми ³⁾ — и для устройства денежныхъ дѣлъ съ редакціей «Русскаго Вѣстника». Но черезъ недѣлю переселился на дачу въ Люблино, близъ Кузьминскъ, въ 8 верстахъ отъ Москвы, цѣль готовили ѿ Ивановы. О своихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ подробно рассказываетъ въ письмѣ къ своему доброму знакомому, известному

¹⁾ «Биографія, письма» и т. д., стр. 287—288.

²⁾ Тамъ же, прилож., стр. 166—167.

³⁾ А. П. Ивановъ (род. 3 июля 1818 г., ум. 17 января 1868 г.) былъ прачмомъ въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, въ чинѣ д. с. сов.

писателю А. П. Милюкову, отъ конца юня, сообщая между прочимъ о своихъ письмахъ съ Н. А. Любимовымъ по денежнымъ и литературнымъ вопросамъ. «Хотя я и укрѣпился основательно въ Люблино, уже болѣе двухъ недѣль, въ одномъ изъ прелестьнѣйшихъ мѣстоположеній въ мірѣ и въ пріятнѣйшей компаніи, но дѣла мало сдѣлалъ, и вообще—еще только собираюсь дѣлать,—хотя въ послѣднія 2 недѣли и очень занимался. Но есть возможность еще болѣе (почти вдвое) заниматься, и я берегу свои силы для послѣдняго времени, т. е. для августа м-ца. Катковъ на дачѣ, въ Петровскомъ паркѣ, Любимовъ (редакторъ-исполнитель «Русск. Вѣст-ка») тоже на дачѣ. Въ редакціи только и можно застать (я-то не всегда) убитого тоской секретаришку, отъ котораго ничего не узнаешь. Однако я съ первыхъ дней таки досталъ Любимова. У него уже были въ наборѣ 3 моихъ главы. Четвертую же я предложилъ ему написать ускоренно,—что и составилъ бы половину окончанія 2-й части романа (4 печатныхъ листа) и къ слѣдующему №-ру осталось бы еще 4 главы, т. е. полное окончаніе 2-й части. Но Любимовъ съ первыхъ словъ сказалъ мнѣ: «Я васъ ожидалъ, чтобы сказать вамъ, что теперь, въ іюнѣ и въ іюлѣ, не только можно (и должно) печатать по-немножку, но даже одинъ мѣсяць и совсѣмъ пропустить, ибо лѣтніе мѣсяцы, а мы лучше расположимся такъ, чтобы вся 2-я половина романа пришлась бы болѣе къ осени и послѣднія строки заключились бы въ декабрѣ, ибо эффектъ будетъ способствовать подпискѣ». Вслѣдствіе чего и рѣшено было пропустить еще м-цъ. Такъ, что 4 главы (4 листа) лягутъ въ №-рѣ, являющемъ выйти въ іюлѣ, и уже сданы въ наборъ. Но въ расчетѣ Любимова (оказалось впоследствии) была еще и другая, весьма коварная для меня мысль, а именно: что одну изъ этихъ, сданныхъ мною 4-хъ главъ,—нельзя напечатать, что и рѣшено было мнѣ, Любимовымъ, и утверждено Катковымъ. Я съ ними съ обоими объяснялся—стоятъ на своемъ! Про главу эту я ничегъ не умѣю самъ сказать; я писалъ ее въ вдохновеніи настоящемъ, но не можетъ быть она и скверная; но дѣло у нихъ не въ литературномъ достоинствѣ, а въ опасеніи за нравственность. Въ этомъ я былъ правъ,—ничего не было противъ нравственности и даже чрезмѣрно напротивъ, но они видятъ другое, и кромѣ того видятъ слѣды нигилизма. Любимовъ объявлялъ рѣшительно, что надо передѣлать. Я взялъ, и эта передѣлка большой главы стоила мнѣ, по крайней мѣрѣ, 3-хъ новыхъ главъ работы, судя по труду и тоскѣ, но я переправилъ и сдалъ. Но вотъ беда! Не видать Любимова потомъ и не знаю: удовольствуются-ли они передѣлкою и не передѣлаютъ-ли сами? То же было и еще съ одной главой (изъ этихъ 4), гдѣ Любимовъ объявлялъ мнѣ, что много выпустилъ (хотя я за это и не очень стою, потому что выпустили мѣсто неважное). Не знаю, что будетъ далѣе,—но эта, начинающаяся обнаруживаться съ теченіемъ романа, противоположность возрѣвній съ редакціей начинаетъ меня очень беспокоить»... Къ этому мѣсту письма, опубликованнаго на страницахъ того же «Русскаго Вѣстника» (1889 г., № 2, стр. 358—360), редакція сдѣлала слѣдующее объясненіе: «Писанно писанно въ іюнѣ 1866 года. Въ это время въ «Русскомъ Вѣстникѣ» печатался знаменитый романъ Ф. М. Достоевскаго «Преступленіе и Наказаніе». Девятая глава второй части, гдѣ описывается посѣщеніе Раскольниковымъ Сони, несчастной женщины, поддерживавшей своимъ печальнымъ ремесломъ существованіе семьи, и чтеніе ими Евангелія, возбудила нѣкоторые сомнѣнія въ редакціи, и М. Н. Катковъ не рѣшался печатать главу въ томъ видѣ, какъ она была доставлена авторомъ. Федоръ Михайловичъ, отношенія котораго къ редакціи всегда были дружески-уступчивыя, согласился на передѣлку, о которой и говорится въ письмѣ. Изъ писемъ видно, что ему не легко было отказаться отъ задуманной утрированной идеализаціи Сони, какъ женщины, доведшей самопожертвованіе до такой ужасной жертвы. Федоръ Михайловичъ значительно сократилъ разговоръ при чтеніи Евангелія, который въ первоначальной редакціи главы

быть много длиннее, чѣмъ сколько осталось въ запечатанномъ текствѣ. Н. А. Любимовъ и принялся улаживать это дѣло, склоняя Федора Михайловича къ уступчивости и умирѣя требованія Михаила Никифоровича.¹⁾

1.

Пятница, 8 июня (1886 г., Люблино, подъ Москвою)²⁾.

Опоздалъ однимъ днемъ, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, но зато передѣлалъ и, кажется, въ этотъ разъ будетъ удовлетворительно.

Зло и доброе въ высшей степени раздѣлено, и смѣшать ихъ и использовать превратисъ уже никакъ нельзя будетъ. Равнообразно, прочія означенныя Вами поправки я сдѣлалъ всѣ и, кажется, съ лихвою. Мало того: я даже благодарю Васъ, что дали мнѣ случай пересмотрѣть еще разъ рукопись прежде печати. Рѣшительно говорю, что не оставилъ бы самъ безъ поправокъ.

А теперь до Васъ величайшая просьба моя: Ради Христа — оставьте все остальное такъ, какъ есть теперь. Все то, что Вы говорили, я исполнилъ, все раздѣлено, размежевано и ясно. Чтенію Евангелія³⁾ приданъ другой колоритъ. Однѣмъ словомъ, позвольте мнѣ вполнѣ на Васъ понадѣяться: поберегите бѣдное произведение мое, добрый Николай Алексѣевичъ!

4-ю главу доставлю въ самое непродолжительное время. Однакоже не ранѣе середины. Можеть быть доставлю и во вторникъ. Вообще, постараюсь времени не терять.

Преданный Вамъ весь

Ф. Достоевскій.

* * *

Слѣдующее письмо Достоевскаго писано уже изъ Петербурга, куда онъ вернулся съ дачи изъ-подъ Москвы, кажется, въ началѣ сентября и долженъ былъ немедленно принятыя за срочную работу по старому обязательству⁴⁾. Именинъ, нуждаясь въ деньгахъ, снѣ, еще лѣтомъ 1865 г., еще не закончивъ «Преступленіе и Наказаніе», заключилъ договоръ съ книгоиздателемъ Стелловскимъ⁵⁾ на право изданія послѣднимъ его сочиненій. «съ условіемъ, что въ это изданіе войдетъ повѣсть, нигдѣ не напечатанная. Срокъ доставки повѣсти былъ обозначенъ въ контрактѣ»; Федоръ Михайловичъ началъ писать «Игрока»...⁶⁾ Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ В. И. Губину, подробно рассказывая объ условіяхъ договора со Стелловскимъ, говоритъ, что онъ долженъ былъ написать эту повѣсть непременно къ

¹⁾ Ср. объ этомъ также въ Письмахъ Достоевскаго къ пасынку изъ Москвы же, отъ 22 и 25 июня и 4 июня 1866 г. — «Сѣв. Вѣстн.», 1891 г., кн. 11, стр. 12—14 и кн. 10, стр. 15.

²⁾ На письмѣ Достоевскій ошибочно написалъ: «іюня, вмѣсто «іюля»: 6-е число іюня въ 1866 году приходилось въ среду, а 8-е іюля, — дѣйствительно, въ пятницу; кромѣ того, 8-го іюня писатель былъ еще, повидимому, въ Петербургѣ.

³⁾ По новому, послѣ пересмотра, распредѣленію частей и главъ, — въ IV главѣ части четвертой (въ «Русскомъ Вѣстникѣ») романъ былъ напечатанъ, раздѣленный на три части, всего на 36 главъ и эпилогъ).

⁴⁾ См. «Сѣв. Вѣстн.», 1891, кн. 10, стр. 18.

⁵⁾ Онъ въ 1865 году издалъ отдѣльными книжками всѣ сочиненія Достоевскаго и одновременно «Полное собраніе» ихъ, въ 2-хъ большихъ томахъ, въ два столбца.

⁶⁾ «Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго», стр. 290.

1 ноября 1866 г., подъ угрозой «страшной» неустойки. Видя, рассказывает Страховъ, что онъ рискуетъ не успѣть къ сроку, «если будетъ писать обыкновеннымъ порядкомъ»,—онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ стенографіи. Извѣстный преподаватель этого искусства, Павелъ Матвѣевичъ Ольхинъ, рекомендовалъ Достоевскому свою лучшую ученицу, Анну Григорьевну Сниткину, которая вскорѣ (15 февраля 1867 г.) стала его женою. «Повѣсть «Игрокъ» была уже начата, но только начата Федоромъ Михайловичемъ», пишетъ Страховъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—и онъ сталъ диктовать Аннѣ Григорьевнѣ продолженіе. Нужно было написать не мѣнѣе 7 печатныхъ листовъ... Анна Григорьевна приходила обыкновенно къ Федору Михайловичу около полудня, и они работали до 2-хъ или 3-хъ часовъ. Сначала Федоръ Михайловичъ прочитывалъ то, что было имъ продиктовано наканунѣ и теперь было принесено уже переписанное, а потомъ диктовалъ дальше. Такъ продолжалось съ 4-го по 30-е октября, когда повѣсть была кончена. Этому окончанію очень радовался Федоръ Михайловичъ и даже затѣвалъ по этому поводу обѣдъ съ близкими пріятелями. 31-го октября онъ повезъ рукопись къ Стелловскому, но не засталъ его дома и даже не могъ узнать, гдѣ онъ находится. Тогда Федоръ Михайловичъ поѣхалъ къ магазину Стелловскаго (на Б. Морской) и хотѣлъ сдать рукопись подъ расписку приказчику, но тотъ отказался принять ее, говоря, что хозяинъ на это его не уполномочивалъ. Затрудненіе было не малое, и изъ него вывелъ Федора Михайловича одинъ изъ знакомыхъ, посоветовавъ ему отвезти рукопись въ ту часть, гдѣ проживалъ Стелловскій, и вручить пристапу подъ расписку для передачи Стелловскому. Такъ и сдѣлано было»¹⁾. Другой разсказъ о работѣ Достоевскаго гдѣ «Игрокъ», о приглашеніи А. Г. Сниткиной и объ успѣшномъ окончаніи романа переданъ весьма живо однимъ изъ друзей Достоевскаго—А. П. Милуковымъ въ его «Воспоминаніяхъ»²⁾. Въ концѣ письма Достоевскій подъ нанятымъ имъ стенографомъ имѣетъ въ виду свою будущую жену.

2

Петербургъ, 8 Ноября '66.

Милостивый Государь

Николай Алексѣевичъ,

31-го Октября кончилъ я, и вчера сдалъ, романъ въ 10 листовъ, по контракту, Стелловскому (я Вамъ говорилъ объ этомъ, говорилъ и Михаилу Никифоровичу, когда просилъ у него льготы на мѣсяцъ). Эти 10 печатныхъ листовъ я началъ и кончилъ въ одинъ мѣсяцъ. Теперь принимаюсь за оканчаніе «Преступленія и Наказанія». Буду работать безъ усталы и къ 20 декабря непременно намѣренъ кончить и сдѣлать по крайней мѣрѣ не хуже того, что уже напечатано.

Начать присылать романъ я, конечно, могу скоро, но не ранѣе 15-го ноября, по главамъ, такъ что и въ будущемъ 10 № Р-го В-ка можетъ явиться нѣсколько, и за это я могу отвѣчать. Но не лучше ли будетъ, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, если вся 3-я часть романа будетъ напечатана въ 2-хъ №—въ 11-мъ и 12-мъ, то есть, если только возможно, въ X-мъ № не помѣщать (объявивъ, впрочемъ, публикѣ, что въ слѣдующихъ 2-хъ №, т. е. въ настоящемъ году, непременно будетъ конченъ «Преступленіе и Наказаніе»).

Если бы такъ, то романъ кончился бы гораздо эффектибѣе, такъ мнѣ кажется. И самому мнѣ этого бы очень желалось.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 282—293.

²⁾ «Русск. Стар.» 1881 г., т. XXXI, стр. 43—45 и въ отд. изданіи.

Но, впрочемъ совершенно—какъ рѣшить Редакція. И потому поворѣннѣе попрошу Васъ, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, уведомить меня: какъ рѣшить Редакція? Я же здѣсь не буду терять ни минуты и буду готовъ ко всякому рѣшенію.

Еще одна убѣдительнѣйшая просьба. Въ настоящую минуту я совершенно издержалъ всѣ мои деньги. ½ взятыхъ мною изъ Редакціи денегъ пошли на кредиторовъ. А между прочимъ, они продолжаютъ меня мучить, да и жить мнѣ нечѣмъ.—Прошу Васъ, представьте мое положеніе на видъ Михайлу Никифоровичу и передайте ему чрезвычайную и убѣдительнѣйшую просьбу мою—нельзя ли помочь мнѣ еще разъ. Въ настоящее время я нуждаюсь въ 500 р. (въ пятистахъ руб.). По расчету моему я думаю, что за мной теперь долгу въ Редакцію до 600 (шестисотъ). Будьте увѣрены и передайте многоуважаемому Михайлу Никифоровичу, что только испытывъ всѣ средства и самъ дойдя до послѣдняго рубля, рѣшился еще разъ беспокоить его. Богъ видитъ, какъ мнѣ самому это тяжело,—тѣмъ болѣе, что я уже столько разъ пользовался снисхожденіемъ Редакціи.

Александръ Федоровичъ Базуновъ, которому я, случайно, передалъ о моемъ намѣреніи писать къ Вамъ, (сказалъ), что онъ съ охотою возьмется выдать мнѣ до половины этой суммы (т. е. до 250-ти) по переводу отъ Редакціи.

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи.

Вашъ покорный слуга Федоръ Достоевскій.

P. S. Я теперь нанимаю Стенографа и хотя, по прежнему, продиктованное по три раза просматриваю и передѣлываю, тѣмъ не менѣе стенографія чуть ли не вдвое сокращаетъ работу. Единственно только этимъ способомъ могъ я кончить, въ одинъ мѣсяцъ, 10 печатныхъ листовъ Степановскому; иначе не написали бы и пяти.

Д.

Изложенная въ письмѣ этомъ просьба Достоевскаго о напечатаніи послѣдней, 3-й части романа, въ 11 и 12 №№ «Русскаго Вѣстника» Любимовымъ была исполнена. Упомянутый въ концѣ письма книгоиздатель А. О. Базуновъ, выѣстъ съ типографомъ Эдуардомъ Працомъ и бумажнымъ поставщикомъ Я. Рейденштраухомъ, купилъ у Достоевскаго за 7000 рублей право на отдѣльное изданіе «Преступленія и Наказанія», которое и было ими выпущено въ 1867 году, въ 2 томахъ (уже раздѣленныхъ на 6 частей,—по 3 въ каждомъ томѣ).

* * *

Въ слѣдующемъ датѣ письмѣ отъ 8 ноября Достоевскій упоминаетъ о разговорахъ, вызванныхъ «Преступленіемъ и Наказаніемъ». Страховъ въ «Воспоминаніяхъ» своихъ свидѣлствуетъ, что «впечатлѣніе, произведенное романомъ, было необычайное. Только его и читали въ этомъ 1866 году, только объ немъ и говорили охотники до чтенія, говорили, обыкновенно жалуясь на подавляющую силу романа, на тяжелое впечатлѣніе, отъ котораго люди съ здоровыми нервами почти заболѣвали, а люди съ слабыми нервами принуждены были оставлять чтеніе. Но всего поразительнѣе было случившееся при этомъ совпаденіе романа съ дѣйствительностью. Въ то самое время, когда вышла книжка «Русскаго Вѣстника» съ описаніемъ преступленія Раскольниковова, въ газетахъ появилось извѣстіе о совершенно подобномъ преступленіи, происшедшемъ въ Москвѣ. Какой-то студентъ убилъ и ограбилъ ростовщика и, по всѣмъ признакамъ, сдѣлалъ это изъ нигилистическаго убѣжденія, что дозволены всѣ средства, чтобы исправить неразумное положеніе

дѣлъ. Убіиство было совершено, если не ошибаюсь, дня за два или за три до появленія «Преступленія и Наказанія». Не знаю, были-ли поражены этимъ читатели, но Федоръ Михайловичъ очень это замѣтилъ, часто говорилъ объ этомъ и гордился такимъ подвигомъ художественной проницательности. Припоминаю я также, что покойный М. П. Покровский, много лѣтъ спустя, рассказывалъ, какъ сильно подѣйствовалъ этотъ романъ на молодыхъ людей, бывшихъ въ ссылкѣ въ одномъ изъ городовъ Европейской Россіи. Нашелся даже юноша, который сталъ на сторону Раскольникова и нѣкоторое время носился съ мыслью совершить нѣчто подобное его преступленію, и лишь потомъ одумался. Такъ вѣрно была схвачена авторомъ эта лямка людей, оторвавшихся отъ основъ и дерзко идущихъ противъ собственной совѣсти» ¹⁾).

Другой современникъ, А. Ө. Конн, также свидѣтельствуя о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ романъ при самомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, говорить, что «критикъ того времени, однако, не благоволила къ Достоевскому... Въ нѣкоторыхъ пренебрежительныхъ отзывахъ о романѣ даже указывалось, что это «клевета на молодое поколѣніе», которое, будто бы, воплощено въ Раскольникова, представляющемъ изъ себя простаго убійцу для грабежа. Находились даже люди, съ развязностью утверждавшіе, что Достоевскій написалъ «доносъ на молодежь». Но — «il tempo e un galantuomo», говорятъ итальянцы.—и оно посѣтило дѣйствительными событіями жизни подтвердить творческій вымыселъ автора «Мертваго Дома» и «Униженныхъ и Оскорбленныхъ». 12-го января 1866 года, когда первая часть романа уже была напечатана, но еще не вышла въ свѣтъ («Русскій Вѣстникъ» всегда выходилъ со значительнымъ опозданіемъ)—въ Москвѣ студентъ Даниловъ зарѣзалъ ростовщика и его служанку...» ²⁾).

3.

Петербургъ. 9 Декабря 1866.

Милостивый Государь

Николай Алексѣевичъ,

Два перевода, на сумму въ 500 рублей, получилъ отъ Редакціи Русскаго Вѣстника, за что приношу чрезвычайную благодарность.

Дня четыре тому назадъ получилъ я изъ Редакціи запросъ о времени высылки романа. Но въ письмѣ моемъ къ Вамъ, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, уже заключался отвѣтъ на этотъ вопросъ.—Напрости въ я, съ большимъ интересомъ жду Вашего отвѣта,—съ интересомъ весьма для меня важнымъ, какъ для автора.

Я вамъ писалъ, что начать доставку 3-й части «Прест. и Нак.» я могу и въ этомъ мѣсяцѣ, не ранѣе впрочемъ 15-го числа,—если ужъ это такъ необходимо для Редакціи. Но въ такомъ случаѣ могу доставить только нѣсколько главъ и не болѣе, какъ на 2½ или 3 печатныхъ листа. Если Вы скажете высылать, вышлю. Но я спрашивалъ, нельзя ли такъ сдѣлать: въ Октябрьскомъ номерѣ сдѣлать замѣтку для публлки, что окончаніе «Прест. и Нак.» послѣдуетъ непременно въ этомъ году, а напечатать окончаніе въ Ноябрьской и Декабрьской книгахъ? Я прошу объ этомъ единственно потому, что впечатлѣніе романа на публлку будетъ гораздо полнѣе и эффектнѣе, несравненно; простите самолюбіе авторское и не смѣйтесь надъ нимъ, потому что это дѣло весьма простительное.

¹⁾ «Биографія... Достоевскаго, стр. 259 — 290.

²⁾ «На жизненномъ пути», т. II. СПб. 1912, стр. 96 — 9.

Можетъ быть не будетъ и совсѣмъ эффекта.—но мнѣ то, теперь, свѣдѣ надъ романомъ, весьма простиительно.—(а по моему такъ даже и обязательно)—расчитывать на успѣхъ. Иначе, по-моему, авторъ и смѣть не долженъ прийтматься за перо. Однимъ словомъ, мнѣ бы хотѣлось кончить романъ такъ, чтобы полновѣтъ впечатлѣніе, чтобы объ немъ говорили такъ же, какъ я въ началѣ.

Но, съ другой стороны, отнюдь не желаю и стѣснять собою Редакцію. И потому жду Вашего рѣшенія: какъ скажете, такъ и сдѣлаю. Самъ же работаю безостановочно. Чтобы себя спасти, я написалъ менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, издателю Степановскому романъ въ 10 печати. листовъ (съ помощью Стенографіи). Но работа работъ рознь.

Въ ожиданіи Вашего отвѣта пребываю, съ искреннимъ уваженіемъ и преданностью

Покорный слуга Вашъ.

Федоръ Достоевскій

4.

Петербургъ, 9 Декабря 1866.

Милостивый Государь

Николай Алексѣевичъ,

Простудился, пролежалъ два дня и опять опсездалъ. Спѣшу однакоже выслать V-ю главу и ужасно боюсь, что непрерывными опаздываніями моими выведу Васъ, наконецъ, изъ терпѣнія (V-я глава отъ 50-го до 63 листа включительно). VI-я глава (небольшая и заключительная для Ноябрьской книги)—почти написана, но требуетъ нѣкоторой переписки и передѣлки. Въ два дня можетъ быть готова, если ничто не задержитъ. Вышлю, стараясь изъ всѣхъ силъ, скорее. Но на всякій случай спѣшу Васъ увѣдомить, что если Вамъ уже нельзя будетъ болѣе ждать (я рассчитываю, что вы заблагоразсудите выпустить Ноябрьскую книгу до праздника)—то въ такомъ случаѣ и V-я (теперь высылаемая) глава могла бы послужить заключительною главою для Ноябрьской книги,—такъ какъ остановилась на довольно эффектной мѣстѣ. Извините, ради Христа, за такіе мои замѣчанія и не считите за желаніе съ моей стороны вышпиваться какимъ бы то ни было образомъ въ Ваши распоряженія. Пишу на всякій случай, предугадывая случайности и желая поправить свои собственные промахи и упущенія.

Но все-таки изъ всѣхъ силъ буду стараться выслать поскорѣе VI-ю главу. Она по существу своему именно и заключаетъ этотъ отдѣлъ и почти не обходима для первыхъ V главъ ¹⁾).

Остальныя же главы для Декабрской книги (окончаніе романа) будутъ высылаться по мѣрѣ подготовки. Спѣшу, но ни за что не буду портить (разумѣя по мѣрѣ силъ моихъ). Но, къ удивленію моему, Декабрскихъ главъ выйдетъ не много,—всего четыре (отъ 3-хъ до 4-хъ листовъ), и тѣмъ закончится весь романъ. Я полагаю и рассчитываю прежде, что выйдетъ болѣе, но представляется необходимость повести дѣйствіе быстрее, чтобы не повредить заключительному эффекту растянутостью. Если пошлетъ Богъ здоровья, то навѣрно исполню все, какъ обѣщавъ въ послѣдній разъ (предполагая, что Декабрская книга выйдетъ къ положивъ Генваря, какъ и во всѣ прошлые годы). Во всякомъ случаѣ буду спѣшить

¹⁾ Эта VI глава была включена въ ноябрьскую книгу «Русскаго Вѣстника», а въ декабрской были напечатаны послѣднія, VII и VIII главы и эпилогъ (2 главы).

и доставлять неуклонно. Пишу Вамъ еще слабый отъ болѣзни,—принимаю лекарство и не выхожу со двора.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи.

Вашъ покорный слуга

Федоръ Достоевскій.

Не опоздали-ли прежнія 4 главы? Почтамы иногда ужасно не акуратны.

* * *

Слѣдующее письмо—последнее изъ серіи писемъ, относящихся до печатанія «Преступленія и Наказанія». Оно любопытно для сужденія о творчествѣ Достоевскаго, который до послѣдней минуты мѣнялъ детали плана романа и подвергалъ его сокращеніямъ—въ интересахъ литературнаго эффекта.

5.

Петербургъ, 13-го Декабря /66.

Милостивый Государь

Николай Алексѣевичъ,

Еще разъ принужденъ извиняться передъ Вами въ томъ, что безпрерывно беспокою Васъ моими письмами.

Сегодня (13-го Декабря) высылаю чрезъ А. Θ. Базунова еще главу (6-ю), о которой въ послѣднемъ, недавнемъ письмѣ такъ много писалъ Вамъ. Но вотъ что теперь заставляетъ меня еще разъ беспокоить Васъ моими соображеніями:

Послѣ этой 6-й главы, теперь, какъ уже ясно обозначилась передо мной дальнѣйшая работа окончанія романа—и я уже приступилъ къ ней, теперь—я вижу ясно, что окончаніе будетъ еще короче, чѣмъ я предполагалъ (такъ выходитъ; такъ лучше и эффектнѣе будетъ въ литературномъ отношеніи). Такимъ образомъ на Декабрскую книгу можетъ выйти, со всѣмъ, съ заключительною главою (Эпилогомъ)—весьма немного, лиговъ до трехъ. Въ такомъ случаѣ, не лучше ли ужъ отложить эту, теперь высылаемую 6-ю главу на Декабрскій номеръ? Конечно, она бы полнѣе закончила то, что напечатается въ Ноябрьской книгѣ; но, съ другой стороны, и не очень бы повредило отложить ее до Декабря, по вышеизложенному соображенію. Во всякомъ случаѣ—Ваша воля. Какъ Вы рѣшите, такъ и будетъ.

Слѣдующія главы будутъ высылаться одна за другой непрерывно. Къ Рождеству твердо надѣюсь окончить и переслать весь романъ въ рукописи, все окончаніе.

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи.

Покорнѣйшій слуга Вашъ

Федоръ Достоевскій.

* * *

Закончивъ «Преступленіе и Наказаніе», Достоевскій предался кратковременному отдыху, 15-го февраля обвѣчался съ А. Г. Сняткиной, а черезъ два мѣсяца, 14-го апрѣля, побуждаемый желаніемъ освободиться хоть на время отъ

заботъ о кредиторахъ и перемѣнить обстановку, отправился съ женою за границу, гдѣ имъ пришлось,—все по тѣмъ же причинамъ безденежья, прожить значительно дольше, чѣмъ они предполагали и желали: они вернулись въ Петербургъ только 8-го іюля 1871 г., провели внѣ Россіи 4 года и 3 мѣсяца... Проживъ два мѣсяца въ Дрезденѣ, Достоевскіе въ половинѣ іюня 1867 г. выѣхали въ Швейцарію, но по дорогѣ остановились въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ вынуждены были прожить полтора мѣсяца, такъ какъ Федоръ Михайловичъ проигрался въ рулетку... Только благодаря деньгамъ, высланнымъ ему Катковымъ (о чемъ мы уже упоминали выше), могъ онъ выѣхать оттуда. Приѣхавъ въ Женеву съ 30-ю франками въ карманѣ, Достоевскій провелъ тамъ зиму 1867—1868 г. въ усиленной работѣ надъ новымъ романомъ—«Идіотомъ», который и сталъ появляться въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ январьской книги 1868 г. Зиму 1868—1869 г. Достоевскіе провели во Флоренціи, а въ іюль 1869 г. вернулись въ Дрезденъ, гдѣ у нихъ родилась вторая дочь—Любовь. Конецъ года былъ занятъ писаніемъ повѣсти «Вѣчный мужъ» (напечатанной въ январьской и февральской вышкахъ журнала «Заря»), весь же 1870 и годъ Достоевскій работалъ надъ романомъ «Бѣсы», въ которомъ нынѣ видать столько пророческихъ деталей, осуществившихся въ революцію 1917 г.; о немъ идетъ рѣчь въ трехъ слѣдующихъ письмахъ, адресованныхъ на имя Каткова и редакціи «Русскаго Вѣстника», на страницахъ коего онъ и печатался въ продолженіе почти всего 1871 г. и части 1872 г.—въ №№ 1, 2, 4, 7, 9, 10 и 11 за 1871 и 11 и 12 за 1872 г.

6.

Дрезденъ, 1 Октября (19 Сентября) 1870.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Михаилъ Никифоровичъ,

Я работалъ все лѣто изъ всѣхъ силъ и опять, оказывается, обманулъ Васъ, т. е. не прислалъ до сихъ поръ ничего. Но мнѣ все не удавалось. У меня до 15 печатныхъ листовъ было написано, но я два раза перемѣнялъ планъ (не мысль, а планъ) и два раза садился за перекройку и передѣлку сначала. Но теперь все установилось. Для меня этотъ романъ слишкомъ многое составляетъ.

Онъ будетъ въ 30 листовъ и въ трехъ большихъ частяхъ. Черезъ 2 недѣли по полученіи этого письма, Редакція Русскаго Вѣстника получитъ два первые эпизода 1-й части, т. е. половину ея, а къ 15 ноября и всю 1-ю часть (отъ 10 до 12 листовъ). За тѣмъ уже доставка не замедлитъ. Изъ написанныхъ 15 листовъ навѣрно двѣнадцать войдутъ въ новую редакцію романа. Мнѣ самому теперь особенно слишкомъ дорогъ успѣхъ и я не захочу самъ вредить ему, замедляя высылку. Такимъ образомъ, ранѣе Января будущаго года нельзя начать печатать. Прошу Васъ чрезвычайно—извинить меня, за то что я не сдержалъ слова и высылаю такъ поздно. Но не отъ меня зависѣло—увѣряю Васъ! Теперь же счелъ необходимымъ уведомить Васъ о ходѣ дѣла и о томъ, что непремѣнно доставлю работу и не макирую ни за что на свѣтѣ.

Примите, многоуважаемый Михаилъ Никифоровичъ, увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи.

Покорный слуга Вашъ

Федоръ Достоевскій.

* * *

Въ письмахъ Достоевскаго къ его племянницѣ, С. А. Ивановой (по мужу Хмыровой), отъ 7 мая, 2 июля и 17 августа 1870 г. изъ Дрездена находимъ любопытныя подробности о томъ, какъ писались «Бѣсы». — «Вы помните, другъ Сонечка, какъ вы разъ писали мнѣ по поводу одного моего романа, здѣсь написаннаго, что вы удивляетесь, какъ я берусь за такія вещи къ сроку» — читаемъ мы въ первомъ письмѣ. «Ну вѣрите-ли теперь, что въ томъ, что я пишу теперь въ «Русскій Вѣстникъ», еще труднѣе заранѣе сосчитать листовъ въ 25 то, что должно бы было по крайней мѣрѣ занять 50 листовъ — комкою, чтобъ кончить къ сроку, и никакъ не могу сдѣлать иначе, потому что ничего, кромѣ этого, и написать въ настоящую минуту не могу, находясь въ Россіи...» ¹⁾. «Мнѣ бы только вотъ кончить теперь работу къ «Русскому Вѣстникъ», за которой сижу, чтобъ уже меня потомъ не тревожили», — пишетъ Достоевскій 2 июля: «А между тѣмъ такъ устроилось, что я и а в т р п о до Рождества не кончу. 1-ю большую часть пришлю, впрочемъ, въ Редакцію черезъ 1½ мѣсяца и попрошу денегъ у нихъ. 2-ю часть пришлю къ началу зимы, а третью — въ февралѣ. Начать печатать должны будутъ съ января будущаго года. Очень боюсь, что они просто не захотятъ печатать романъ мой. И настоятельно объявлю, что вычеркивать и переправлять не могу...» ²⁾. «Писать-ли вамъ», спрашиваетъ онъ 17 августа. — «какъ... я вдругъ увидалъ, что не успѣю доставить ничего въ «Русскій Вѣстникъ» къ началу года? Они мнѣ ничего не отвѣтили на это, только перестали деньги присылать. Въ началѣ нынѣшняго года я писалъ къ Каткову ³⁾, что начну присылать романъ съ середины года, т. е. съ іюля, такъ что если они захотятъ, то могутъ въ концѣ года и напечатать его. Ну слушайте же: работалъ я до изнуренія, понимая, что я не въ Россіи, что если прервутся мои литературныя сношенія съ «Русскимъ Вѣстникомъ», то жить будетъ печѣнь..., и, кромѣ того, я измучился и изстрадался буквально изъ-за мысли, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» меня считаютъ подлецомъ, тогда какъ они всегда такъ великоколѣпно обращались со мной. Романъ, который я писалъ, былъ большой, очень оригинальный, но мысль нѣсколько новаго для меня разряда. Нужно было очень много самонадѣянности, чтобъ съ ней справиться. Но я не справился и лопнулъ. Работа шла вяло, я чувствовалъ, что есть капитальный недостатокъ въ цѣломъ, но какой именно — не могъ угадать. Въ іюлѣ... я заболѣлъ цѣлымъ рядомъ припадковъ падучей (каждую недѣлю). Они до того меня разстроили, что уже и думать о работѣ я не могъ цѣлый мѣсяцъ, да и опасно было. И вотъ, двѣ недѣли назадъ, принявшись опять за работу, я вдругъ разомъ увидалъ, въ чемъ у меня хромало и въ чемъ у меня ошибка; при этомъ самъ собою по вдохновенію представился въ полной стройности новый планъ романа. Все надо было измѣнить радикально; но думая ни мало, я перечеркнулъ все написанное (листовъ до 15 вообще говоря) и принялся вновь съ 1-й страницы! Вся работа всего года уничтожена. О, Сонечка! Если бы вы знали, какъ тяжело быть писателемъ, то-есть выносить эту долю... Ну, а я все-таки сажусь писать!» ⁴⁾.

Только къ первымъ числамъ октября было готово начало «Бѣсовъ», которое Достоевскій и направилъ къ Каткову при слѣдующемъ письмѣ:

¹⁾ «Русск. Стар.». 1885, т. XLVII, стр. 159.

²⁾ Тамъ-же, стр. 161.

³⁾ Письмо это въ печати не появлялось. Б. М.

⁴⁾ «Русск. Стар.». 1885, т. XLVII, стр. 162 — 164.

Дрезденъ, 7 (19) Октября /1870.

Въ Редакцію Журнала Русскій Вѣстникъ.

Имѣю честь при семъ препроводить в многоуважаемую Редакцію начало моего романа Бѣсы. Я слишкомъ опоздалъ противъ обещаннаго мною срока. Приношу отъ всего сердца извиненіе; но на этотъ разъ виновать не столько я, сколько совершенно непредвидимыя внѣшнія обстоятельства. За одно ручаюсь: остановки болѣе не будутъ. Здѣсь, въ высылаемомъ, заключается половина Первой Части. Всѣхъ Частей — три. Каждая Часть имѣетъ четыре дѣленія (которыя обозначены у меня римскими цифрами и заголовками). Каждое дѣленіе дробится далѣе на главы. (Всего высылаю теперь 62 полулиста почтовой бумаги малатаго формата).

III и IV отдѣлы Первой Части будутъ высланы мною въ Редакцію Русскаго Вѣстника въ Ноябрь нѣслѣдующаго 1870 г.

Если редакція опредѣлитъ печатать мой романъ съ Январскаго номера будущаго 1871 года, то, повторяю, съ моей стороны задержки болѣе не будетъ. Отвѣчаю за это.

Покорнѣйше прошу многоуважаемую редакцію пересмотрѣть французскія фразы въ романѣ. Мнѣ кажется, что нѣтъ ошибокъ, но я могу ошибиться.

Равно попрошу покорно снѣрить мой эпиграфъ изъ Пушкина съ изданіемъ Пушкина. Я припоминалъ вѣнустъ¹⁾.

У меня въ одномъ мѣстѣ есть выраженіе: «Мы надѣвали лавровыя вѣнки на вилыя головы». Ради Бога умоляю: не вычеркивайте слово вилыя в. я.

И вообще прошу большаго снисхожденія къ моему роману.

Съ мѣсяца назадъ я писалъ письмо въ редакцію на имя Михаила Никифоровича, въ которомъ увѣдомлялъ о романѣ²⁾. Дошло ли оно въ Редакцію? Можетъ быть при теперешнихъ военныхъ хлопотахъ³⁾ задержанія почты иногда задержкутъ письмо нѣскольکو дней лишнихъ.

Тожѣ съ мѣсяцъ назадъ отправилъ я въ Редакцію Русскаго Вѣстника письмо на имя родственницы моей Софьи Александровны Ивановой. Отвѣта я отъ нея не получалъ, и полагаю что письмо мое не дошло⁴⁾.

¹⁾ Эпиграфомъ къ «Бѣсамъ» Достоевскій взялъ отрывокъ изъ Пушкинской «шалости» съ тѣмъ же заглавіемъ:

Хоть убей, слѣда не видно,
Сонлись мы, что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ.

Сколько ихъ, куда ихъ гонять,
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронять,
Вѣдому-ль замужъ выдають?

А. Пушкинъ.

(«Русск. Вѣстн.», 1871 г., № 1, стр. 5).

²⁾ Это письмо см. выше за № 6.

³⁾ Изъ-за войны съ Франціей, которая очень волновала Достоевскаго; симпатіи его, по словамъ Страхова, были всѣ на сторонѣ французовъ. Ср. въ «Русск. Стар.» 1885, т. XLVII, стр. 165 — 166.

⁴⁾ Это длинное и очень важное письмо, отъ 17 (29) августа 1870 г., дошло по назначенію; оно опубликовано полностью в «Русск. Стар.» 1895 г., т. XLVII, стр. 162 — 166; выше мы привели изъ него выдержки.

Видѣть съ этой первой посылкой романа, я посылаю завтра же, особо, письмо къ Михаилу Никифоровичу. Увѣдомляю объ этомъ здѣсь для точности, на случай, еслибъ задержалось какъ-нибудь въ дорогѣ или пропадало то письмо.

Честь мнѣю пребыть, съ глубочайшимъ уваженіемъ

Покорнѣйшимъ слугою-Редакціи

Фѣдоръ Достоевскій.

* * *

Въ слѣдующемъ письмѣ, на имя Баткова, Достоевскій вскрыываетъ сущность и основную идею «Бѣсовъ» и рассказываетъ исторію созданія этого романа, который дался ему съ исключительными трудностями.

Говоря о выведенномъ въ «Бѣсахъ» убійствѣ въ Москвѣ Нечаевымъ Иванова, Достоевскій имѣетъ въ виду знаменитое въ свое время «политическое» дѣло: 21 ноября 1869 года былъ убитъ Сергѣемъ Геннадіевичемъ Нечаевымъ, Прыжковымъ, Николаевымъ, Успенскимъ и Кузнецовымъ, студентъ Петровской Академіи Иванъ Ивлиовъ,—за то, что оказалъ неповиновеніе волѣ Нечаева, главы основаннаго имъ революціоннаго «Общества народной расправы». Самъ Нечаевъ послѣ убійства бѣжалъ за границу, а 87 лѣтъ были преданы суду и были приговорены къ разнымъ наказаніямъ. О Нечаевѣ и его характеристику см. въ рѣчахъ В. Д. Спасовича на «Нечаевскомъ процессѣ» (въ сборникѣ «За много лѣтъ», Спб. 1872, ст. 418—460), гдѣ онъ сближаетъ Нечаева съ Маркомъ Волоховымъ изъ «Обрыва», а также въ запискѣ В. В. Водовозова въ 28 т. «Новаго Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза-Ефрона (гдѣ указана и литература).

8.

Дрезденъ 8 (20) октября 1870 г.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Михаилъ Никифоровичъ,

Я выслалъ сегодня въ Редакцію Русскаго Вѣстника всего только первую половину Первой Части моего романа Бѣсы. Но въ очень скоромъ времени вышло и вторую половину первой Части. Всѣхъ Частей будетъ три. Каждая отъ 10 до 12 листовъ. Теперь замедленія не будетъ.

Если Вы рѣшите печатать мое сочиненіе съ будущаго года, то мнѣ кажется необходимо, чтобъ я извѣстилъ Васъ предварительно, хотя бы въ двухъ словахъ, объ чемъ собственно будетъ идти дѣло въ моемъ романѣ.

Однимъ изъ числа крупнѣйшихъ происшествій моего разсказа будетъ извѣстное въ Москвѣ убійство Нечаевымъ Иванова. Слѣшу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельство того убійства я не зналъ и совсѣмъ не знаю, кромѣ какъ изъ газетъ. Да еслибъ и зналъ, то не сталъ бы копировать. Я только беру совершившійся фактъ. Моя фантазія можетъ въ высшей степени развиться, съ бѣгшей дѣйствительностью и мой Петръ Верховенскій можетъ нѣсколько не походить на Нечаева; но мнѣ кажется, что въ пораженномъ умѣ моемъ создалось воображеніемъ то лицо, тотъ типъ, который соответствуетъ этому злодѣйству. Безъ сомнѣнія, не безполезно выставить такого человѣка; но онъ одинъ не обязанъ бы меня. По-моему эти жалкія уроки не стоятъ литературы. Къ собствен-

ному моему ушнелению, это лицо на половину выходит у меня лицомъ комическимъ. И потому, несмотря на то, что все это прошествіе занимаетъ одинъ изъ первыхъ плановъ романа, оно, тѣмъ не менѣе, только аксесуаръ и обстановка дѣйствій другого лица, которое дѣйствительно могло бы назваться главнымъ лицомъ романа.

Это другое лицо (Николай Ставрогинъ)—тоже мрачное лицо, тоже злодѣй. Но мнѣ кажется, что это лицо—трагическое, хотя многіе навѣрно скажутъ по прочтеніи: «Что это такое?» Я съязъ за поэмю объ этомъ лицѣ потому, что слишкомъ давно уже хочу изобразить его. По моему мнѣнію это и русское, и типическое лицо. Мнѣ очень, очень будетъ грустно, если оно у меня не удастся. Еще грустнѣе будетъ, если услышу приговоръ, что лицо хотульное. Я изъ сердца взялъ его. Конечно, это характеръ, рѣдкѣ являющійся во всей своей типичности; но это характеръ русскій (извѣстнаго слоя общества). Но подождите судить меня до конца романа, многоуважаемый Михаилъ Никифоровичъ! Что-то говорить мнѣ, что я съ этимъ характеромъ справлюсь. Не объясняю его теперь въ подробности: боюсь сказать не то, что надо. Замѣчу одно: весь этотъ характеръ записать у меня сценами, дѣйствіемъ, а не разсужденіями,—стало быть есть надежда, что выйдетъ лицо.

Мнѣ очень долго не удавалосьъ начало романа. Я передѣлывалъ нѣсколько разъ. Правда, у меня съ этимъ романомъ происходило то, чего никогда еще не было: я по недѣлямъ останавливалъ работу съ начала и писалъ съ конца. Но и кромѣ того, боюсь, что само начало могло бы быть живѣе. На 5½ печатныхъ листахъ (которые высылаю) я еще едва завязалъ интригу. Впрочемъ интрига, дѣйствіе будутъ расширяться и развиваться неожиданно. За дальнѣйшій интересъ романа ручаюсь. Мнѣ показалось, что такъ будетъ лучше, какъ теперь.

Но не все будутъ мрачныя лица. Будутъ и свѣтлыя. Вообще боюсь, что многое не по моимъ силамъ. Въ первый разъ, напримѣръ, хочу прикоснуться къ одному разряду лицъ, еще мало тронутыхъ литературой. Идеаломъ такого лица беру Тихона Задонскаго. Это тоже Святитель, живущій на покой въ монастырѣ. Съ нимъ сопоставляю и своего на время героя романа. Боюсь очень; никогда не пробовать, но въ этомъ мірѣ я кое что знаю.

Теперь о другомъ предметѣ.

Судите меня, какъ хотите, Михаилъ Никифоровичъ, но я до того обѣднѣлъ, что, какъ ни совѣстно мнѣ это, не могу не обратиться къ вамъ съ просьбой! Мнѣ совершенно нечѣмъ существовать, а у меня жена и ребенокъ. При слабомъ здоровьи, она мѣсяцъ тому назадъ откормила ребенка, а теперь, вмѣсто того, чтобъ отдохнуть, не спитъ съ нимъ по ночамъ. У насъ не только няньки—и служанки нѣтъ. Это убиваетъ душу мою; работа же иногда развлекаетъ, а иногда и тяжела въ такомъ положеніи.

Я знаю, что я Вамъ долженъ очень много. Но на этомъ романѣ я сквитанюсь съ Редакціей. Теперь же прошу у васъ 500 руб. Я знаю, что это ужасно много; но я почти ровно столько же здѣсь долженъ. Позвольте мнѣ надѣяться на доброту Вашего сердца. Умоляю увѣдомить меня поскорѣе; боюсь, что въ Германіи пропадаютъ иногда теперь письма. Я съ ума сойду отъ одной мысли, что письмо это пропало.

Адресъ мой тотъ-же:

Saxe. Dresden.

A M-r Theodore Dostoievsky,
poste restante.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи.

Искренно преданный вамъ

Федоръ Достоевскій.

* * *

Приведенное письмо—последнее изъ-за границы въ серіи писемъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи: девять мѣсяцевъ спустя, 8-го июля 1871 г., Достоевскій вернулся въ Петербургъ, гдѣ и провелъ последнее десятилѣтіе своей жизни. «Характеръ этого періода», по словамъ Страхова: «болѣе и болѣе порядка и опредѣленности всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отсутствіе всякихъ передрагъ и переворотовъ, лучшее и лучшее денежное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ — все шире и шире развѣтывающаяся дѣятельность и все быстрѣе и быстрѣе возрастающая популярность. Особенности эпизоды этого періода составляютъ редактированіе «Гражданина» въ 1873 году ¹⁾ и изданіе «Дневника Писателя» въ 1876 и 1877 годахъ» ²⁾. Наконецъ, несомнѣнно значительнымъ для жизни Достоевскаго событіемъ было переселеніе въ Старую Руссу, — сперва на одно лѣто 1872 г. (когда и писано слѣдующее письмо), а затѣмъ и на другіе лѣтніе сезоны и даже на зиму (1874—1875 г.). Единственное дошедшее до насъ письмо къ Любимову отъ 1872 года касается печатанія последней. III части «Бѣсовъ», появившейся въ № 11 и 12 «Русскаго Вѣстника» за 1872 годъ.

9.

Старая Русса, Іюля 19-го 1872 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Извините, что все Вамъ надобѣду и Васъ беспокою.

Сегодня я выслалъ въ Редакцію Пятую (большую) главу 3-й части моего романа (21 полулистокъ). Это не то, что я Вамъ обѣщалъ выслать въ послѣднемъ письмѣ (дней пять тому назадъ) къ концу Іюля. Это только половина обѣщаннаго. Высылаю же теперь потому, что эта пятая глава, по моимъ соображеніямъ, могла бы быть напечатана вмѣстѣ съ четвертой, для полноты эпизода. Если печатаніе началось съ Іюльской книжки (и я думаю въ числѣ двухъ главъ) то 3-ю, 4-ю и 5-ю главу хорошо бы было пустить вмѣстѣ въ Августовской, хотя и будетъ не менѣе 4½ листовъ.

Не сомнѣвайтесь за Сентябрьскую книжку, — работа идетъ непрерывно и въ концѣ Іюля я Вамъ вышлю совсѣмъ отдѣланную 6-ю главу. Эта 5-я, теперь высылаемая, и 6-я глава, которую вышло въ Іюль, по недавнимъ еще соображеніямъ моимъ составляли всего одну главу. Но я раздробилъ эту, ужъ очень большую главу на двѣ для полноты эпизода.

Въ весьма большомъ безпокойствѣ о томъ, начнется ли печатаніе въ Іюльскомъ номерѣ? Иначе не пойму, какія намѣренія Редакціи на счетъ этой. Третьей Части.

Нахожусь тоже въ недоумѣніи, доходятъ ли мои письма въ Редакцію (и послылки романа)?

¹⁾ Какъ извѣстно, тогдашній «Гражданинъ» имѣлъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ тотъ, который онъ приобрѣлъ въ 1890 — 1900 годахъ. Б. М.

²⁾ «Биографія»... Ф. М. Достоевскаго, стр. 295—298.

Впрочемъ, на счетъ помѣщенія Пятой главы вполне довѣряюсь соображеніямъ Редакціи и выразилъ только мое чрезвычайное желаніе.

Примите увѣреніе въ чрезвычайномъ моемъ уваженіи

Вашъ покорный слуга

Федоръ Достоевскій.

* * *

Нижеслѣдующее письмо писано къ Н. А. Любимову по частному поводу и не стоитъ въ связи съ сотрудничествомъ Достоевскаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; приводимъ его здѣсь, какъ заключающее фактъ изъ редакторской практики Достоевскаго. Что касается повѣсти Прибытковой, то такая, повидимому, не была напечатана ни въ «Русскомъ Вѣстникѣ», ни въ другомъ какомъ-либо журналѣ, если только не появилась подъ псевдонимомъ или анонимно.

10.

Декабря 13/73 (Петербургъ).

Милостивый Государь

Николай Алексѣевичъ,

Во-первыхъ, позвольте мнѣ засвидѣтельствовать Вамъ мое уваженіе, а во-вторыхъ, разъяснить одно обстоятельство.

Чуть не съ мѣсяцъ назадъ отправилъ я, въ редакцію Русскаго Вѣстника, одну рукопись, названіе кажется: «Болѣзнь нашего времени». Но, намѣреваясь написать Вамъ, не снабдилъ посылку никакимъ объясненіемъ. Затѣмъ занемогъ, залопотался и вотъ только теперь могу объяснить Вамъ все этимъ письмомъ.

Эта рукопись—повѣсть (около 4½ печатн. листовъ Р. Вѣстника) Г-жи Прибытковой, живущей въ Москвѣ. Почти годъ назадъ она доставила ее въ «Гражданинъ». По неопытности я принялъ и далъ обѣщаніе напечатать. Но скоро увидаль, что она займетъ по крайней мѣрѣ 10 № «Гражд.» (сряду). Такую разсрочку наше маленькое изданіе принять не можетъ на себя. Однимъ словомъ, произведеніе такой величины въ «Гражд.» не можетъ найти мѣсто.

Между тѣмъ повѣсть я читалъ внимательно: она весьма недурна. Конечно, не блеститъ художественными достоинствами, но умна безспорно и не хуже никакой женской работы нашихъ современныхъ писательницъ. На счетъ цѣны Г-жа Прибыткова готова довольствоваться вѣ малою платой, но, кажется, намѣрена попросить хоть малую часть впередъ, въ случаѣ если Вы повѣсть ея не оларгнете.

Я на прошлой недѣлѣ говорилъ объ этой повѣсти Михаилу Никифоровичу и уведомилъ его, что послалъ ее къ Вамъ на Ваше рѣшеніе.

Примите, многуважаемый Николай Алексѣевичъ, изъясненіе чувствъ моего глубочайшаго къ Вамъ почтенія.

Вашъ покорный слуга

Ф. Достоевскій.

Р. S. Рукопись препроводилъ я въ Русскій Вѣстникъ съ согласія и по просьбѣ Г-жи Прибытковой.

За послѣдующіе пять лѣтъ (1874—1878) у Достоевскаго не было никакихъ дѣловыхъ отношеній съ редакціей «Русскаго Вѣстника»; литературная его дѣятельность въ эти годы была не такъ производительна въ смыслѣ количественномъ. Оставивъ, въ апрѣлѣ 1874 г., редакцію «Гражданина», онъ лишь въ сборникѣ «Складчина» помѣстилъ «Маленькія картинки (Въ дорогѣ)», а въ 1875 г., въ теченіе всего года, печаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» романъ «Подростокъ»; въ 1876 и 1877 гг. онъ издавалъ «Дневникъ Писателя», а весь 1878 г. пошелъ на писаніе «Братьевъ Карамазовыхъ».

Письма Ф. М. Достоевскаго, касающіяся періода созданія и печатанія этого крупнѣйшаго и любимѣйшаго его произведенія (1878—1880 гг.), будутъ напечатаны въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Былого».

Б. Л. Модзалевскій.

Изъ дневника князя В. Орлова.

Князь В. Орловъ, занимавшій съ 1901 года крупный придворный постъ, принадлежалъ къ той сплоченной группѣ царедворцевъ, которые «жадною толпой» стояли у трона Николая II и во многомъ имѣли опредѣляющее вліяніе на политику самодержавія, приведшую къ его гибели.

Съ именемъ князя Орлова соединено въ обществѣ много легендъ, въ томъ числѣ и романтическихъ. Жизнь гораздо проще, и исторія, приподымая завѣсу, за которой скрыта правда, рисуетъ намъ легендарныхъ героевъ обыденными красками, снимая съ нихъ покровы таинственности и загадочности. И тотъ небольшой отрывокъ изъ дневника князя В. Орлова, который мы воспроизводимъ ниже, несмотря на его краткость и слишкомъ бѣдное содержаніе, все же даетъ въ извѣстной степени яркое представленіе о типичномъ царскомъ совѣтникѣ и наперсникѣ и о тѣхъ методахъ вліянія и воздѣйствія, какими обыкновенно проводили свою линію поведенія вдохновители реакціонной политики.

Князь В. Орловъ началъ писать свой дневникъ 18 декабря 1905 г., въ самый разгаръ революціи, когда шатался тронъ, и грозная «смута» заколебала всѣ историческіе устои. Къ сожалѣнію, князь Орловъ написалъ всего нѣсколько страничекъ начатаго имъ дневника, и пока у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ предполагать, чтобы князь прибавилъ что-либо къ тѣмъ 14 страничкамъ, которыя написаны его характернымъ почеркомъ...

Однако, на этихъ страничкахъ живо встаютъ образы и самого царскаго совѣтника—князя Орлова, и его собесѣдника—Николая II, пути къ разуму и сердцу котораго хорошо были вѣдомы царедворцамъ.

Наиболѣе интересныя бѣдны князя Орлова съ Николаемъ II относятся къ лѣту 1905 года, когда С. Ю. Виттѣ уже уѣхалъ въ Портсмутъ, а созывъ народнаго представительства былъ уже предвѣщенъ рескриптомъ 18 февраля, и въ Булыгинской комиссіи уже разрабатывался проектъ законосовѣтательной Думы. Придворная партія во имя своихъ сословныхъ и личныхъ интересовъ естественно стояла во враждебномъ реформамъ лагерѣ и всячески боролась съ политикой уступокъ обществу, трактовавшихся, какъ уступки революціи. Эта партія смотрѣла на Виттѣ, какъ на своего недруга, не вѣря ему, и вела съ нимъ борьбу. И изъ дневника князя Орлова можно усмотрѣть, какими средствами пользовались царедворцы, чтобы укрѣпить и поддерживать паря въ его организмѣ тяготѣнія къ реакціи.

Брали-ли понималъ князь Орловъ всю ограниченность Николая II,—оба она, въ сущности, были разнаго государственнаго развитія. Но князь Орловъ зналъ слабыя мѣста царя и увѣренно шелъ по лнвіи наименьшаго сопротивленія. И, проводя политику реакціонной партіи, князь толкалъ мысль Николая II на путь гипотезъ съ таинственныхъ пружинахъ революціи, заключающихся въ масонствѣ. Масонство—это нѣчто скрытое, мрачно-загадочное, подпольное, соединенное съ черными мессами и потаенными убійствами. Масонство—это всемірный союзъ еврейства, которое такъ не любилъ Николай II, и этотъ союзъ править мировой интригой противъ самодержавія русскаго царя. Масонство убilo Плеве, хотя онъ

былъ реформаторомъ. И Николай II легко скользнулъ по этой дорогѣ, потому что, вѣдь, онъ имѣлъ слабость считать себя, конечно, реформаторомъ въ своемъ отечествѣ, какъ это ему и нравился придворные круги. Недаромъ онъ подтверждаетъ тайну своихъ переговоровъ съ Плеве о народномъ представительствѣ...

И когда въ сознаниі царя закрѣпится мысль о коварномъ масонствѣ, на счетъ котораго относится и вся смута, то само собой эта мысль отвлекается отъ сложности интересовъ внутреннихъ отношеній въ государствѣ, отъ действительнаго реформаторства.

Такъ въ лабораторіи реакціи «обрабатывался» самодержавный повелитель. И если 1905 годъ не принесъ побѣды реакціи, то вѣдь волны революціи поднялись тогда выше головъ царедворцевъ и грозили смыть ихъ съ лица земли. Въ другіе политическіе моменты такая тошко-считаемая интрига давала всегда положительныя для реакціи плоды.

Ред.

1905 годъ ¹⁾.

Въ 1901 году 7 января я былъ отчисленъ отъ строя 1 гв. коннаго полка и назначенъ по высочайшему повелѣнію помощникомъ начальника канцеляріи императорской главной квартиры. Мнѣ былъ оставленъ мундиръ полка, и я былъ въ чинѣ штабсъ-ротмистра. До того, конечно, я имѣлъ уже нѣсколько разъ случай видѣть, т.-е. вѣрнѣе, говорить съ императоромъ Николаемъ II; о прежнихъ моихъ воспоминаніяхъ думаю современемъ написать отдѣльно; теперь стремлюсь, въ виду переживаемыхъ событій, скорѣе возстановить прошлое въ послѣдніе мѣсяцы и уже быть въ состояніи, такъ сказать, вести свой журналъ воспоминаній постепенно и своевременно. Многія мелочи, если ихъ не записывать сразу, забываются, и потомъ трудно возстановить утерянную связь.

Въ 1903 году 6-го мая я былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Мнѣ объ этомъ за два дня объявилъ баронъ В. Б. Фредериксъ во время моего у него доклада по дѣламъ канцеляріи; я былъ уже очень обрадованъ тѣмъ, что удалось получить согласіе на производство моего друга и начальника графа А. Ф. Гейдена въ капитаны 1 ранга. Баронъ Фредериксъ ко мнѣ относился всегда удивительно добро, и я его очень любилъ. Зналъ, что въ моемъ назначеніи я обязанъ былъ ему, а главнымъ образомъ Гейдену. 7 января я являлся государю и императрицѣ отдѣльно. Такъ какъ я всегда былъ страшно застѣнчивъ, то это для меня было просто тяжело. Когда я былъ у государя, то просто съ меня лилъ холодный потъ, и я весь дрожалъ. Но государь смотрѣлъ на меня своими добрыми глазами, и я видѣлъ въ немъ столько доброты, что почувствовалъ себя лучше.

Послѣ того на дежурствахъ я часто обѣдалъ и завтракалъ у государя; сначала мнѣ это было очень тяжело, ибо я ужасно стѣснялся и чувствовалъ себя отвратительно, но потомъ мало-по-малу это стало проходить.

Послѣ объявленія войны съ Японіей, пока мы были въ Петербургѣ, вся работа по разбору шифрованныхъ телеграммъ и зашифру-

¹⁾ На поляхъ приписка рукою кн. Орлова: «Я начинаю писать Декабрь 18-го».

ванію ихъ была поручена свиты е. в. адмиралу Абаза. Это былъ чело-
вѣкъ мнѣ не симпатичный, ибо я видѣлъ, что онъ виновенъ многому и
въ душѣ я его призывалъ вреднымъ для государя. Я сталъ стараться
въ разговорахъ и докладахъ Фредериксу и Гейдену убѣждать ихъ
отнять эту дѣятельность отъ Абазы. Какъ-то разъ послѣ Пасхи завтра-
калъ у государя; я объ этомъ заговорилъ съ государемъ передъ импе-
ратрицей, но видимо государь думалъ, что мы, Гейденъ и я, это гово-
римъ только съ идеей поднять на прежнюю высоту нашу канцелярію.
Все же не задолго до переѣзда въ Царское, Фредериксъ намъ сказалъ,
что государь въ Царскомъ поручаетъ намъ шифры вообще. Съ этого
момента началось мое сближеніе дѣловое съ царемъ; я сталъ на-
равнѣ съ Гейденомъ чаще бывать у его величества по разнымъ мелкимъ
вопросамъ. Мало-по-малу самъ Фредериксъ нашелъ наше пребываніе
при государѣ очень для него удобнымъ и сталъ—и по телефону, и
словесно, намъ давать разныя порученія для доклада его величеству.

Прошелъ годъ, наступилъ другой, и многое произошло, что я
жалѣю теперь, что не записалъ. Много у меня было разговоровъ съ
государемъ, многое мнѣ бы слѣдовало записать, но я этого не сдѣлалъ.
Можетъ когда нибудь запишу еще, что у меня осталось въ памяти.

Уже съ убійства Плеве, назначенія кн. Святополкъ-Мирскаго
министромъ внутреннихъ дѣлъ, революціонное движеніе въ Россіи
стало расти, и стали появляться всякія противоправительственныя
болѣе или менѣе открытыя пропаганды. Въ началѣ этого года (1905 г.)
имѣли мѣсто событія 9 января и т. д. Зима была тревожная и всѣ
ожидали чего-то, но не предполагали, что открытая революція такъ
близка. Все-же стали у насъ при дворѣ опасаться покушеній при пе-
реѣздахъ государя, и бѣдный г.-ад. Петръ Павловичъ Гессе совершенно
потерялъ всякое спокойствіе; онъ считалъ положеніе пропавшимъ и
безъисходнымъ. Къ веснѣ онъ такъ серьезно заболѣлъ, что не могъ больше
служить и за него вступилъ помощникъ его ген.-майоръ Озеровъ.

Весною государь и императрица нѣсколько разъ ѣздили изъ
Царскаго въ Гатчину и раза два въ Петергофъ на автомобилѣ съ
вел. кн. Александромъ Михайловичемъ и Михаиломъ Александровичемъ.
Послѣ переѣзда въ Петергофъ, такъ какъ у е. в. г. и. Александры
Федоровны оставался въ Царскомъ ея лазаретъ, школа нянь (для
воспитанія дѣтей, потерявшихъ своихъ родителей на войнѣ), то по-
думали фрейлина Александра Александровна Оленина и княгиня
Орбеляни, что я могъ бы предложить ея величеству свой автомобиль
для поѣздокъ изъ Петергофа въ Царское. Я объ этомъ ничего ровно
не зналъ и страшно изумился и даже перепугался, когда мнѣ первый
разъ объ этомъ заговорилъ Гейденъ, а потомъ черезъ нѣсколько ми-
нутъ подѣхали больная княгиня Орбеляни (она уже года 3 не
ходитъ), и, вызвавъ меня къ подъѣзду 1-го фрейлинскаго дома, спро-
сила, могъ-ли я предложить свой автомобиль для государыни и самъ
править имъ. И отказаться не могъ и, конечно, согласился, но хотя
я правлю отлично своимъ автомобилемъ, все же отвѣтственность на-
столько велика возить своихъ царя и царицу, что я прямо трусилъ
и всю ночь спалъ лихорадочнымъ сномъ. Поѣздка обошлась очень
благополучно, и черезъ нѣсколько дней государь захотѣлъ тоже по-
ѣхать. Слава Богу, всѣ эти поѣздки, кои стали многочисленны,
обошлись всѣ благополучно. У насъ не было ни одного несчастнаго
случая съ проѣзжающими вообще; конечно, я былъ страшно остороженъ
всегда, ибо считалъ, что нельзя царю давить своихъ подданныхъ.

Государь и императрица всегда такъ добры, что каждый разъ меня горячо благодарили. Государь при этихъ поѣздкахъ отдыхалъ; это былъ чистый отдыхъ для него, и потому, несмотря на то, что многіе мнѣ совѣтовали выдумывать порчи въ моихъ машинахъ, я это не дѣлалъ, ибо мнѣ жалъ было царя; я за него радовался, когда онъ хоть немного повеселится и отдохнетъ. Мы ѣздили въ Ропшу на пикники, въ Гатчину къ императрицѣ Маріи Федоровнѣ и къ войскамъ въ Красное, въ Ораніенбаумъ и за Ораніенбаумъ. Словомъ, много и часто.

Государь полюбилъ автомобиль и рѣшилъ приобрести себѣ тоже нѣсколько штукъ. Такъ какъ я просился въ отпускъ и долженъ былъ ѣхать лечиться въ Киссингенъ, гдѣ я не былъ уже 2-й годъ, а это мнѣ очень помогало отъ моихъ недуговъ желудочныхъ и нервныхъ (я тамъ былъ 4 раза, и оно меня положительно воскресило), то императрица и поручила мнѣ заѣхать на обратномъ пути въ Дармштадтъ, гдѣ повидаться съ ея братомъ и съ нимъ переговорить о моторахъ „Оппель“, кои ему нравились и о коиъ онъ много говорилъ ея величеству.

До моего отъѣзда ихъ величества меня нѣсколько разъ звали обѣдать и завтракать. Въ разговорахъ вообще я всегда говорилъ открыто о всемъ. Дня за два до моего отъѣзда я обѣдалъ у ихъ величествъ, и послѣ обѣда императрица ушла, кажется, къ больной княжнѣ Орбелъяни, и я остался вдвоемъ съ его величествомъ. Государь предложилъ перейти въ его кабинетъ, гдѣ онъ мнѣ предложилъ курить, и мы разговаривали до 11½ час. вечера.

Благодаря беспокойнымъ временамъ, разговоръ, конечно, перешелъ на большое мѣсто, т. е. на агитацію и революціонную пропаганду. Я высказалъ его величеству мое мнѣніе, что революція вообще это борьба, подстрекаемая скрытыми силами. У насъ въ Россіи еврейскій вопросъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ, ибо на немъ упирается революція. Иными словами, мы имѣемъ дѣло съ организаціей масонской въ совокупности съ еврейскими деньгами. Это страшная сила. Организція масонская на столь сильна, что съ ней борьба открытыми способами почти невозможна. Масонство, въ сущности, въ высшихъ сферахъ своихъ это культъ нечистой силы и, слѣдовательно, цѣль его раздавить христіанство. Во Франціи и Римѣ для борьбы съ масонствомъ былъ основанъ іезуитскій орденъ, но онъ, хотя сначала дѣйствовалъ успѣшно, въпослѣдствіи сталъ опасенъ для папской власти въ виду громадной забранной имъ свѣтской власти. Нельзя не признать, что у насъ духовенство не на высотѣ своего призванія, и потому у насъ для проведенія масонскихъ идей почва очень благодатная. Мы, русскіе, въ болѣе серьезной опасности, чѣмъ западъ, ибо мы цивилизовались безъ участія церкви, одной наукой и подражаніемъ западнымъ нашимъ сосѣдямъ.

Государь меня внимательно слушалъ и отъ времени до времени задавалъ мнѣ вопросы. Его величество меня спросилъ, знаю-ли я организацию масонства; я отвѣтилъ, что точно знать ее трудно, ибо она мѣняется, будучи разная въ каждой странѣ, но я рассказалъ царю подробно все, что я объ масонствѣ знаю, о черныхъ мессахъ, о степеняхъ масонства, о вліяніи масонства на политику и о средствахъ масонства убійствами и другими способами добиваться власти Царя на надъ вселенной. Я указалъ государю, что, насколько я узналъ и понималъ покойнаго министра Плеве, онъ былъ для масонства страшно

опасный врагъ, ибо онъ понималъ необходимость для Россіи идти впередъ и, несмотря на то, что его считали крайнимъ ретроградомъ, онъ, по моему, былъ готовъ направить Россію къ разумнымъ реформамъ.

Государь мнѣ на это сказалъ:

— «Какъ вы это знаете? Вѣдь этого никто не зналъ? Но разъ вы мнѣ это говорите, я вамъ скажу—это правда, вы его совершенно вѣрно оцѣнили. Знаете-ли, что онъ готовилъ планъ реформъ для Россіи, и Государственная Дума была имъ предусмотрѣна, но его убили, и у меня остались только отрывки его предположеній».

— «Да, ваше величество, его убили, но его убійство—это дѣло рукъ масонъ»,—отвѣтилъ я.

Такъ какъ я царю всегда говорилъ то, что у меня на душѣ, то я сказалъ государю, что, по моему, напрасно онъ послалъ Витте въ Портсмутъ, что я Витте знаю хорошо, это человѣкъ не патріотъ и не преданный своему царю; онъ преданъ только себѣ и ищетъ только личной своей славы.

Государь меня слушалъ и ничего не отвѣчалъ.

Государь потомъ меня просилъ ему принести книги масонскія, какія у меня есть. Я на слѣдующій приемъ ихъ принесъ его величеству.

Въ день моего отъѣзда государь меня потребовалъ къ себѣ въ 5½ часовъ дня, и я сидѣлъ у его величества до безъ четверти восемь, такъ что съ трудомъ попалъ на поѣздъ въ Петербургъ и едва не опоздалъ на заграничный поѣздъ. За послѣднее время я замѣтилъ, что государь относится ко мнѣ съ большимъ довѣріемъ,—мнѣ казалось, что государь и императрица меня полюбили, и я сталъ еще болѣе преданной собакой ихъ величествъ, если только можно это сказать.

Государь меня просилъ сѣсть, предложилъ папіросы и сначала поговорилъ о моемъ здоровьѣ, что мнѣ полезно полѣчиться и т. д., затѣмъ его величество мнѣ сказалъ, когда я увижу великаго герцога Гессенскаго, ему кланяться и съ нимъ поговорить объ автомобиляхъ.

Потомъ государь мнѣ сказалъ:

— «Вы мнѣ на дняхъ говорили ваше мнѣніе о Витте и посылкѣ его въ Портсмутъ, но вы не успѣли мнѣ докончить, что же вы хотѣли сказать?»

— «Я, ваше величество, къ сожалѣнію, убѣжденъ, что миръ будетъ заключенъ».

— «Нѣтъ, это невозможно; они разойдутся, а Витте не уступитъ; онъ боится меня и общественнаго мнѣнія».

— «Ваше величество, я, конечно, можетъ быть, ошибаюсь, но я думаю, что ему и уступать почти не придется».

— «Да что же вы хотите этимъ сказать?».

Записки А. М. Тургенева.

(26 октября 1772 † 18 июня 1862).

II¹⁾.

А. С. Протасова.—В. К. Наталья Алексѣевна.—Екатерина II и Павелъ.—Близкіе Екатерины.—Графъ Брюсъ и Н. Рылѣевъ.—Т. II. Туттолминъ.—Доносъ Державина.—Долгий сенатъ.—Петръ Великій.—А. П. Бестужевъ-Рюминъ.—Бракъ Петра Федоровича.—Мировичъ.—Бесплодіе брака Петра Федоровича.—Рѣшеніе Бестужева.—Серг. Салтыковъ и Екатерина.—Тайна рожденія Павла.—Павель-наслѣдникъ.—Нелюбовь къ нему Екатерины.—Павель-государь.

Анна Степановна Протасова. Императоръ Павелъ возвелъ фрейлину покойной императрицы Екатерины, Анну Степановну Протасову, въ графское достоинство, съ правомъ передачи титула графскаго родственникамъ ея. Протасова не имѣла счастья служить самодержавному и не могла такъ. служить, какъ она имѣла счастье служить въ Бозѣ почившей матушкѣ государынѣ! Должность и соединенныя съ ней обязанности Анны Степановны для императора были вовсе не нужны. Въ царствованіе Великой посылали обыкновенно къ Аннѣ Степановнѣ на пробу избираемаго въ фавориты ея величества. По осмотрѣ предназначеннаго въ высокій санъ наложника матушкѣ-государынѣ лейбъ-медикомъ Роджерсономъ и по удостовѣренію представленнаго годнымъ на службу относительно здоровья, препровождали завербованнаго къ Аннѣ Степановнѣ Протасовой на трехнощное испытаніе. Когда нареченный удовлетворялъ вполнѣ требованія Протасовой, она доносила всемиловѣйшей государынѣ о благонадежности испытаннаго и тогда первое свиданіе было назначено по заведенному этикету двора или по уставу высочайше для посвященія въ санъ наложника конфирмованному. Перекусихина, Марья Савишна, и камердинеръ Захаръ Константиновичъ были обязаны въ тотъ день обѣдать вмѣстѣ съ избраннымъ. Въ 10 часовъ вечера, когда императрица была уже въ

¹⁾ «Записки» А. М. Тургенева начаты нами печатаніемъ въ 13-ой книгѣ «Былого».

Редакція «Былого» воспроизводитъ на своихъ страницахъ копію съ копіи «Записокъ», принадлежавшей Н. И. Дубровину и хранящейся нынѣ въ рукописномъ отдѣленіи Библиотеки Россійской академіи Наукъ. Мѣстонахожденіе подлинника «Записокъ» пока неизвѣстно.

Въ заключительной части «Записки» А. М. Тургенева будутъ снабжены критическими указаніями, а также краткими хронологическими и биографическими справками.

постели, Перекусихина вводила новобранца въ опочивальню благочестивѣйшей, одѣтаго въ китайскій шлафрокъ, съ книгою въ рукахъ и оставляла его для чтенія въ креслахъ подлѣ ложа помазанницы. На другой день Перекусихина также выводила изъ опочивальни посвященнаго и передавала его Захару Константиновичу, который вель новопоставленнаго наложника въ приготовленные для него чертоги; здѣсь докладывалъ Захаръ уже работѣшно фавориту, что всемилостивѣйшая государыня, высочайше соизволила назначить его при высочайшей особѣ своей флигель-адъютантомъ, подносить ему мундиръ флигель-адъютантскій, шляпу съ брилліантовымъ аграфомъ и 100.000 рублей карманныхъ денегъ. До выхода еще государыни,—зимою въ Эрмитажъ, а лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ въ садъ прогуляться съ новымъ флигель-адъютантомъ, которому она давала руку вести ее, передняя зала у новаго фаворита наполнялась первѣйшими государственными сановниками, вельможами, паредворцами, для принесенія ему усерднѣйшаго поздравленія съ полученіемъ высочайшей милости. Высокопреосвященнѣйшій пастырь митрополитъ пріѣзжалъ обыкновенно къ фавориту на другой день посвященія его и благословлялъ его святою иконою!

Расчеты выгодъ, связей, гордости, богатства—и В. кн. Наталья въ частномъ быту гражданской жизни все подчиняла Алексѣевна, нили себѣ во власть! А у сильныхъ на землѣ супруга вел. другого понятія не существуетъ,—всѣ чувства князя Павла души подавлены славолубіемъ. Сии правила сильнаго Петра Петровича. ныхъ міра сего суть причиною, что они соединяли въ XVII вѣкѣ дѣтей своихъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на взаимную склонность и влеченіе соединяемыхъ неравными узами брака на всю ихъ жизнь! Мы видимъ большею частію прелестную добродѣтельную дѣвицу, по расчетамъ отданную въ супруги уроду жалкому. Такова участь дѣвицъ, дочерей большихъ и малыхъ владѣтелей на земномъ шарѣ, ихъ вельможъ и богатыхъ людей. Любовь, искренняя дружба могутъ существовать между людьми равнаго состоянія относительно ихъ происхожденія и достоянія. Но что за ермолафія! Я хотѣлъ говорить, что знаю по преданіямъ о великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, первой супругѣ в. кн. Павла Петровича, и вдумалъ умничать. Мое-ли это дѣло? Скажемъ, что знаемъ.

Великая княгиня Наталья Алексѣевна, рожденная принцесса дома князей дармштатскихъ, привезена, по назначенію и приказанію великой Екатерины, въ Петербургъ. Не только князекъ дармштатскій, да король Фридрихъ II, герой и философъ, былъ всегда покорный и готовый слуга къ исполненію велѣній ея величества, — тогда было не наше (1834 г.) время! Кто зналъ, т. е. видалъ хотя издалика блаженной и вѣчно незабвенной памяти, въ Бозѣ почившаго отъ удара—въ манифестѣ напечатано: апоплексическаго—императора Павла, для того весьма будетъ понятно и вѣроятно, что дармштатская принцесса, преобразованная въ великую княгиню, не могла безъ отвращенія смотрѣть на укоризненное лицеобразіе его имп. высочества, всеражающаго супруга своего! Ни описать, ни изобразить уродливости Павла невозможно! Каково же было положеніе великой княгини въ минуты, когда онъ, пользуясь правомъ супруга, въ восторгѣ блаженства сладострастія обмиралъ!

Наталья Алексѣевна была хитрая, тонкаго, проникательнаго ума, вспыльчиваго, настойчиваго нрава женщина. Вел. княгиня умѣла об-

манывать супруга и царедворцевъ, которые въ хитростяхъ и козняхъ бѣсу не уступятъ; но Екатерина скоро проникла ее хитрость и не ошиблась въ догадкахъ своихъ!

Неожиданное назначеніе камергера Андрея Кирилловича Разумовскаго посломъ въ Лондонъ было для всѣхъ бездѣльныхъ и дѣловыхъ царедворцевъ неразрѣшимую загадку.

Екатерина проникла любовную связь вел. княгини съ А. К. Разумовскимъ и отправила Разумовскаго посломъ въ Англію. Съ этого времени, какъ говорить преданіе, началась болѣзнь великой княгини и здравіе ея высочества примѣтно стало слабѣть.

Великій князь Павелъ Петровичъ былъ страстно влюбленъ въ супругу свою. Когда послѣдовала кончина великой княгини, Екатерина ту-же минуту приказала принести къ ней шкатулку вел. княгини, въ которой хранились письма, и запечатала ее.

Скорбь вел. князя о потерѣ супруги всѣхъ заставила страшиться собственно за его здоровье; всѣ средства и попытки развлечь вел. князя были тщетны. Онъ былъ погруженъ въ мрачное уныніе духомъ. Екатерина рѣшилась излечить сына, открыла шкатулку, вынула любовную переписку вел. княгини съ Разумовскимъ и отдала ее великому князю. Открытіе это произвело въ вел. князѣ, что производитъ кризисъ въ горячкѣ. Онъ вспыхнулъ какъ порохъ,—взрывъ произвелъ надъ нимъ благотворное дѣйствіе, не причинивъ никому вреда. Мудрая Екатерина сдержала, обуздала ярость мщенія великаго князя.

Разумовскій во все время царствованія Екатерины пользовался милостями и довѣренностію ея величества.

Кончина государыни застала Разумовскаго посломъ въ Вѣнѣ: на мѣсто его былъ немедленно назначенъ другой, если не ошибаюсь, Штапельбергъ, но гр. А. К. Разумовскій не возвращался въ Россію, въ продолженіе всего царствованія императора Павла,—и благо-разумно сдѣлать.

Мать (Екатерина II) не терпѣла сына, сынъ не любилъ мать,—событіе противу закона природы.

и Павелъ. Сколь бы въ дѣтяхъ недостатки ощутительны, пороки грѣшности значительны ни были, родители всегда готовы скрыть ихъ, готовы съ пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ и уваженія обратить на себя всѣ непріятности, неудобства, всю неловкость и погрѣшности, чтобы отклонить худыя послѣдствія отъ произведенныхъ ими на свѣтъ. Мнѣ скажутъ: были и есть примѣры такимъ событіямъ, что родители не могли терпѣть дѣтей, а дѣти—родителей. Достойно сожалѣнія, что должно въ томъ согласиться и допустить извѣстіе въ законѣ самой природы. Скорѣе это случится можетъ между отцомъ и сыномъ; сомнѣніе, часто происходящее безъ всякаго основанія и доказательства, можетъ родить въ отцѣ недоброжелательство къ тому, въ комъ онъ долженъ видѣть перваго, лучшаго себѣ друга, видѣть самого себя. Но какъ предполагать возможность нерасположенія въ матери къ рожденному ея? Сомнѣнію здѣсь нѣтъ мѣста.

Екатерина считала тотъ день потеряннымъ въ жизни своей, когда она была обязана, по этикету двора или по какимъ-либо инымъ обстоятельствамъ, видѣть своего сына. Царедворцы въ это время старались, подъ разными предлогами, уклоняться, не быть присутствующими соглядатаями непріятной и затруднительной для самихъ себя сцены. Они не умѣли опредѣлить предѣловъ уваженію, которымъ были обязаны наслѣднику трона. Искренняя преданность и досто-

должное почтеніе, ему оказанныя, могли произвестъ у императрицы непріятныя для нихъ послѣдствія. Вынужденная покорность, холодная и натянутая учтивость увѣряли царедворцевъ въ припамятованіи въ свое время отъ наслѣдника, будущаго ихъ повелителя. Дѣловые люди, кабинетъ-министры и пр. отлагали до другого дня доклады; комнатные люди, ежеминутно государыню окружавшіе, ожидали изъясненія со стороны ея неудовольствія, видѣвъ въ ней худое расположеніе права.

Императрица, упрекаемая въ совѣсти своей, что она заняла по праву принадлежащій ей сыну тронъ,—извѣстно, что, при восшествіи своемъ на царство, въ манифестѣ было объявлено, что она будетъ править государствомъ до совершеннолѣтія наслѣдника; до 1796 года Павлу совершились три совершеннолѣтія, и рожденныя отъ него дѣти достигли совершеннолѣтія и были уже двое женаты; однако-же она и не помышляла о возвращеніи ему принадлежащаго наслѣдія; Павелъ, при восшествіи своемъ на царство, повелѣлъ манифестъ Екатерины о восшествіи ея на тронъ, въ которомъ были изложены подробно всѣ поступки Петра Ш, вырѣзать изъ всѣхъ актовъ и законодательныхъ книгъ, отобрать у кого печатные или письменные находились и истребить,—упрекаемая зазорностью въ томъ, что покрытая уже сѣдинами, выдавъ сына, приближающагося также къ старости и не могла быть безъ фаворита или просто наложника, она, какъ самодержавная повелительница, пренебрегала и привыкла презирать мнѣніе всѣхъ и каждаго, но не могло быть того, чтобы она могла подавить чувство внутреннее, заглушить голосъ совѣсти, всегда обличающій всякую несправедливость и преступное дѣйствіе.

Николай Ивановичъ Салтыковъ, приставъ у великихъ князей Александра и Константина, дѣтей Павла, внуковъ Екатерины, малый ростомъ, сухой какъ мумія, ханжа, суевѣрный и хитрый какъ змій, прельстившій прародительницу Еву, былъ всегда употребляемъ Екатериною какъ посредникъ, переносчикъ, передатель ея воли, повелѣній—Павлу, и вмѣстѣ былъ искуснѣйшимъ приспособителемъ того, чтобы мать и сынъ имѣли другъ съ другомъ какъ можно рѣже свиданія. Салтыковъ находился между двухъ огней, но ни тотъ, ни другой не жгли его. Онъ былъ любимъ Екатериною и имѣлъ ея довѣренность; его любилъ Павелъ, слушалъ его совѣты и слѣдовалъ имъ. Салтыковъ былъ хитрое созданіе, тонкаго, проницательнаго ума, со скверною, гнусною наружностію.

Когда Павелъ, по свиданіи съ матерью, уѣзжалъ въ резиденціи свои, Павловское или Гатчино, императрица всегда говаривала:

— Ну, слава Богу, гора свалила съ плечъ!

Это я знаю отъ комнатныхъ ближнихъ людей, при ней всегда находившихся.

Извѣстно всѣмъ, что императрица не позволяла Павлу ни одного изъ дѣтей своихъ имѣть при себѣ.

Павелъ и супруга его, Марія Феодоровна, въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ находились въ такомъ же состояніи, какъ садовникъ къ ананасу: Павелъ былъ садовникъ, Марія—теплица.

Съ большимъ принужденіемъ, да и то весьма рѣдко, въ теченіе года два-три раза, позволяла Екатерина внучатамъ своимъ, дѣтямъ Павла, ѣхать къ родителямъ повидаться, назначала часы времени, сколько имъ позволяла провести въ Павловскѣ или Гатчинѣ у родителей. Хитрая лисица, Салтыковъ, сопровождавшій всюду великихъ

князей, какъ тѣмъ, былъ строгій и вѣрнѣйшій исполнитель вѣдѣній императрицы; не позволялъ великимъ князьямъ минуты оставаться долѣе назначеннаго бабушкою времени на посѣщеніе; не позволялъ видѣться и бесѣдовать князьямъ съ родителями, какъ дѣтямъ, но, по этикету двора, въ парадныхъ комнатахъ, въ присутствіи всѣхъ, составлявшихъ дворъ наслѣдника. Родители дѣтей, дѣти родителей не позволяли себѣ, можетъ быть, не смѣли прижать къ сердцу другъ друга, говорить со всею откровенностію души, по чувствамъ сердца. Забыть на минуту ненавистный, мучительный, противуестественный уставъ этикета двора! Отецъ и мать, говоря съ дѣтьми, употребляли титулъ «ваше высочество»; дѣти отвѣчали тѣмъ-же, и свиданіе родителей съ дѣтьми было болѣе вынужденнымъ по уставу этикета, жеманнымъ, холоднымъ визитомъ, болѣе походило на посѣщеніе великими князьями кого-либо изъ бояръ, вельможъ Екатерины, однако-же немного императрицею любимыхъ и уважаемыхъ.

Старшій сынъ, Александръ, долженъ былъ вестъ великую княгиню, мать свою, не оставляя щяпы, къ столу; Константинъ велького-либо изъ дамъ придворныхъ, и рѣдко кого-либо другую, какъ любовницу родителя, фрейлину Катерину Ивановну Нелидову.

При отъѣздѣ великихъ князей, родители были обязаны провожать дѣтей до передней комнаты... Екатерина употребляла всѣ ухищренія, всѣ средства, чтобы пріучить внуковъ своихъ видѣть въ родителяхъ ихъ человѣка страннаго, нелюдимаго, нелюбимаго даже народомъ, не говоря уже объ окружавшихъ его царедворцахъ; домогалась всячески возродить, произвести въ дѣтяхъ къ родителямъ холодность, равнодушіе, даже, позволю себѣ сказать, презрѣніе! Да, презрѣніе!

Какъ объяснить слѣдующія слова Екатерины, публично ею на балѣ сказанныя? Она страстно любила внука своего, Александра; великій князь Александръ танцевалъ въ это время. Окружавшіе ее дамы и кавалеры наперерывъ, кто какъ умѣлъ, превозносили всякій шагъ, каждое движеніе тѣла, каждое пи великаго князя похвалами, хотя Александръ Павловичъ не отличался граціей, и въ искусствѣ танцевъ отъ Пика, танцевальнаго своего учителя, стоялъ, конечно, не ближе какъ Пекинъ отъ Петербурга. Государыня на похвалы, вокругъ нея звучавшія, вздохнувъ, изволила отозваться:

— Онъ хорошъ, милъ, какъ ангелъ! да простъ, какъ мать!

Непростительная, укорительнѣйшая неосторожность, несоображеніе того, какія гибельныя слѣдствія могли имѣть сказанныя слова ею для великаго князя Александра Павловича, котораго она предназначила въ самодержцы обширнѣйшаго царства своего.

Человѣкъ, пріобыкшій думать и размышлять, слѣдя событія и происшествія, послѣдовавшія со дня воцаренія Александра до эпохи одолѣнія имъ Наполеона, по строгому обзору и зрѣлому обсужденію увидить, сколь много бѣдственнаго для Россіи, противодѣйствующаго Александру, посѣяли произнесенныя слова повелительницею Сѣвера, въ минуту забывчивости, въ изъясненіи (несправедливаго) неблаговоленія ея къ великой княгинѣ Маріи Теодоровнѣ, съ которою, конечно, не могла Екатерина гармонировать, какъ свѣтъ съ тьмою не могутъ быть въ соединеніи. Но вымолвленное слово, какъ птичка, высвободившаяся изъ западни, назадъ не воротится.

Близкіе При всѣхъ дворахъ всюду на одну умную го-
Екатерины. лову считаютъ сотни по три пустыхъ, глухихъ го-
ловъ, которыя (разумѣю эти послѣднія головы) на-
ходились въ числѣ царедворцевъ не по уму и достоинствамъ,
но по рожденію, связямъ родства, богатству. Вездѣ видѣли при дво-
рахъ людей, одѣтыхъ въ золотые кафтаны, обвѣшанныхъ орденами,
которые, будучи безъ связей родства, титула сіятельства, богатства,
были бы неспособны глину мять на горшки. При дворахъ же россій-
скихъ князей, царей, императоровъ, едва ли было когда-либо возмо-
жнымъ найти одну умную голову между тысячею головъ природныхъ
князей, графовъ, знатныхъ бояръ и богачей. Во времена княженій
работали умомъ, дѣйствовали дѣяки, окольничьи, незнатнаго прои-
схожденія, не княжескія дѣтки. Адашевъ, при Іоаннѣ, былъ по-
стельничій—должность, въ которую опредѣляли большею частію бѣд-
ныхъ сиротъ дворянскихъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ окольничій его,
Овчинна, правая рука государева, былъ не изъ рода княжескаго. При
Петрѣ — Меншиковъ изъ блинниковъ; Румянцевъ — изъ
рядовыхъ солдатъ; Бородинъ — изъ писарей военной канцеля-
ріи; Остерманъ — сынъ пастора и т. п.

При Екатеринѣ первый секретный, многимъ извѣстный, дѣло-
вой человѣкъ былъ актеръ Федоръ Волковъ, можетъ быть, первый
основатель всего величія императрицы. Онъ, во время переворота при
восшествіи ея на тронъ, дѣйствовалъ умомъ; прочіе, какъ-то: главные,
Орловъ, кн. Барятинскій, Тепловъ — дѣйствовали кула-
ками, въ случаѣ надобности, и горломъ, спаявая другихъ при подго-
ворѣ въ соумышленіи свергнуть съ трона Петра III.

Екатерина, воцарившись, предложила Фед. Григ. Волкову быть
кабинетъ-министромъ ея, возлагала на него орденъ Св. Андрея Перво-
званнаго. Волковъ отъ всего отказался и просилъ государыню обезпе-
чить его жизнь въ томъ, чтобы ему не нужно было заботиться объ
обдѣлѣ, одеждѣ, о наймѣ квартиры; когда нужно, чтобы давали ему
экипажъ. Государыня повелѣла нанять Волкову домъ, снабжать его
бѣльемъ и платьемъ, какъ онъ прикажетъ, отпускать ему кушанье,
вина и всѣ прочія къ тому принадлежности отъ двора, съ ея кухни, и
точно все такое, что подаютъ на столъ ея величеству; экипажъ, какой
ему заблагоразсудится потребовать.

Волковъ, по восшествіи ея на тронъ, жилъ 7 лѣтъ; всегда имѣлъ
онъ доступъ въ кабинетъ къ государынѣ безъ доклада; никогда болѣе
не приказывалъ подавать обѣда себѣ, какъ на три человѣка: у него
было два друга, съ которыми почти всякій день обѣдалъ. Рѣдко тре-
бовалъ для себя экипажъ и не чаще бифалтъ, и не иначе, какъ изъ соб-
ственныхъ рукъ императрицы, и никогда болѣе 10 имперіаловъ.

Потомъ мы видимъ при ней геніальнаго Александра Васильевича
Храповицкаго, который любилъ жить, былъ усердный поклон-
никъ Амфитриды и обильно возливалъ жертвы Бахусу.

Храповицкій, чтобы явиться къ государынѣ по приказанію въ
8 часовъ, нерѣдко отворялъ изъ лѣвой руки по двѣ и по три чашки
крови. Представъ передъ государыней, читалъ ей весь докладъ наизусть
по бѣлымъ, ненаписаннымъ листамъ.

Государыня однажды неожиданно приказала Храповицкому,
державшему въ рукахъ листы бѣлой бумаги и читавшему, безъ за-
пинки, какъ написанное, подать себѣ докладную записку, не малѣе чѣмъ

подозрѣвая его въ обманѣ. Храповицкій, поблѣвшій какъ бывшая въ рукахъ его бумага, упалъ на колѣни предъ Екатериною и, рыдая, сказалъ ей:

— Помилуй, государыня, виноватъ, не достоинъ милосердія твоего, я обманулъ тебя, матушка государыня!—подавая ей величеству листы бѣлой бумаги.

Государыня, взглянувъ на бумагу, хотѣла показать суровое, тѣхное лицо, но невольно улыбнулась и спросила:

— Что это значитъ, Александръ Васильевичъ?

Всѣ близкіе Екатеринѣ знали, что искреннее признаніе въ преступленіи и пересказанное ей отъ слова до слова получало всегда всемилостивѣйшее прощаніе, съ поученіемъ, въ которомъ Екатерина высчитывала всѣ худыя послѣдствія поступка и заключала словами:

— Ну, Богъ проститъ, да чтобы впредь не случилось.

Храповицкій, зная нравъ государыни, началъ пересказывать:

— У Елагина, на острову, всю ночь пропили, матушка-государыня. Я и по утру былъ еще пьянъ, и чтобы отрезвиться, три чашки крови выпустилъ; докладъ вашему величеству составилъ дорогою въ коляскѣ, когда везли меня съ острова, и эти листы бумаги взялъ у камердинера вашего величества.

Государыня, прочитавъ ему наставленіе, изволила сказать:

— Ну, Богъ проститъ, да поди-же, вели написать докладъ.

Храповицкій: Государыня! дозволейте написать мнѣ его въ присутствіи вашего величества; въ канцеляріи, матушка государыня, догадаются, что я имѣлъ дерзновеніе васъ обмануть, всемилостивѣйшая!

— Спасибо, Храповицкій, сказала государыня, я вижу, ты преданъ мнѣ, садись и пиши.

Видимъ глубокомысленнаго, дальновиднаго Безбородко. Онъ былъ сынъ или внукъ малороссійскаго казака, *voit disant noble*. Попалъ какъ-то въ Кіевопечерско-лаврскую академію, изъ которой поступилъ, но только не прямо, въ канцелярію фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, командовавшаго арміею, находившеюся тогда въ Молдавіи противу турокъ. Графъ Румянцевъ-Задунайскій, мудрый и храбрый полководецъ, мудрый и проникательный начальникъ, скоро умѣлъ и узнать Безбородко, и отличить его. По окончаніи войны и заключеніи знаменитаго мира при Кайнарджи, Задунайскій по возвращеніи въ Петербургъ, увѣнчанный лаврами, имѣлъ счастье представить императрицѣ двухъ полковниковъ, отлично во все время войны при немъ служившихъ: Завадовскаго и Безбородко.

Завадовскій былъ мужчина большого роста, прекрасный собой и крѣпкаго сложенія. Екатерина въ ту же минуту влюбилась въ него и въ ту же ночь опредѣлила его въ фавориты свои.

Безбородко былъ уродливъ собою: толстое, глупое лицо, большія отвислыя губы, безобразное жирное туловище не обратили вниманія ея величества.

Государыня, подумавъ нѣсколько, изволила спросить Безбородко:

— Ты учился гдѣ-нибудь?

— Въ кіевской академіи, ваше императорское величество, отвѣчалъ Безбородко.

— Тамъ учать хорошо. Васъ я помѣщаю въ иностранную коллегію, займитесь дѣлами, я увѣрена, вы скоро ознакомитесь съ ними.

Безбородко зарылся въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, перечиталъ всѣ трактаты, какіе существовали, и зная хорошо латинскій

языкъ, выучилъ французскій и чрезъ годъ былъ изъ всѣхъ служавшихъ въ коллегіи одинъ, знавшій дѣла лучше всѣхъ, и всѣ, такъ сказать, зналъ на память. Онъ неоднократно удивлялъ императрицу памятью своею, отвѣчая на вопросы ея величества и цитируя годъ, мѣсяцъ, число и мѣсто, гдѣ что было сдѣлано, указывая даже цифры листа или страницы, на которыхъ было написано или напечатано то, что онъ пересказывалъ.

Скажутъ, что и при Екаторинѣ видали людей съ свинцовыми головами, на важныхъ государственныхъ мѣстахъ, наприм., генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, отъ котораго, по тогдашней организаціи управленія имперіи, все зависѣло.

Согласенъ, всѣ знали, что Вяземскій былъ человекъ съ основнымъ разсудкомъ. По какимъ уваженіямъ, по какимъ расчетамъ Екатерина держала Вяземскаго на столь важномъ постѣ въ государствѣ — угадать и объяснить трудно, скажу — рѣшительно невозможно: но у Вяземскаго въ канцеляріи были четыре повѣнчаника: Васильевъ, бывшій въ царствованіе Александра Павловича министромъ финансовъ; Алексѣевъ, впоследствии сенаторъ; Трошинскій, бывшій при Александрѣ I министромъ юстиціи, и геніальный, съ быстрымъ умомъ, какъ легъ сокола—Хвостовъ, управлявшій государственнымъ заемнымъ банкомъ, которыхъ нерѣдко государыня приказывала Храповицкому или Безбородкѣ призывать къ нимъ и, по повелѣнію ея, поучить, т.-е. побранить и съ угрозами, когда она находила что-либо въ докладахъ Вяземскаго неосновательное, несообразное съ цѣлію благоустройства; государыня выслушивала и словесные доклады Вяземскаго, но всегда изволила приказывать ему:

— Князь Александръ Андреевичъ, вели это написать, да подай мнѣ.

Императрица знала, что Вяземскій не могъ самъ ничего написать и что будетъ написано повѣнчаниками и будетъ написано дѣльно.

Не одинъ князь Вяземскій, а многіе, въ царствованіе ея, твердо-головые люди занимали важныя мѣста, какъ-то: графъ Брюсъ, генералъ-губернаторъ с.-петербургскій, Рыльевъ, оберъ-полиціеимейстеръ въ Петербургѣ, оба извѣстные превыспреннѣйшею глупостію своею.

Много разсказывали анекдотовъ объ остроуміи Брюса и Рыльева.

Государыня изволила приказать Брюсу развѣдать, чѣмъ занимается недавно пріѣхавшій изъ Парижа французъ, и назвала фамилію пріѣхавшаго француза.

Брюсъ передалъ повелѣніе государыни къ исполненію оберъ-полиціеимейстеру Рыльеву, но забылъ сказанную ему императрицею фамилію прибывшаго. Оба стали въ пень. Что дѣлать? Брюсъ не хотѣлъ сознаться предъ государынею, что забылъ, какъ называется французъ, боялся высочайшаго поученія, которое онъ имѣлъ счастье почти ежедневно выслушивать изъ высочайшихъ устъ. Наконецъ, по зрѣломъ созерцаніи, Брюсъ и Рыльевъ опредѣлили: отыскать послѣднеприбывшаго въ Петербургъ француза, который, вѣроятно, долженъ быть тотъ самый, о которомъ императрица соизволила повелѣть. Оба думали, ухитрились, ладно выпутались, поученія избавились. Рыльевъ, на бѣду рода французскаго, лепеталъ кое-какъ по французски, понималъ, какъ говорится, черезъ два въ третій. Выходя изъ кабинета Брюса,

Рылѣевъ былъ весь погруженъ въ созерцанія, какъ бы скорѣе отыскать новопріѣхавшаго француза.

Надобно объяснить побудительную причину, заставляющую Брюса и Рылѣева столь много заботиться о сыскѣ по повелѣнію Екатерины.

Въ обществѣ и даже въ народѣ была тогда молва, что якобинцы и франмасоны, соединясь, умыслили отравить государыню ядомъ. Не надѣясь и предполагая совершенную невозможность истребить повелительницу съвера какимъ-либо оружіемъ. Справедлива-ли была молва эта, или нарочито агентами разглашенная, но какъ-бы то ни было, не въ одномъ Петербургѣ существовала, она распространилась по всей Россіи и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ отъ столицы. въ бесѣдахъ, на торгахъ, словомъ во всѣхъ собраніяхъ передавали ее другъ другу и не шопотомъ,—вслухъ, съ привокупленіемъ выражений, свойственныхъ образованію и степени понятія того круга людей, который разсуждалъ о злоумышленіи якобинцевъ и масоновъ.

Въ лучшемъ обществѣ называли соединеніе якобинцевъ съ франмасонами, присоединя къ нимъ мартинистовъ,—шайкою крамольниковъ, кровожадными извергами, разрушителями власти, вольнодумцами.

Народъ не зналъ ничего о якобинцахъ и толковалъ о дьявольскомъ навожденіи фармасоновъ и мартыновъ. Многие изъ народа были совершенно въ томъ увѣрены, что фармасоны и мартыны всѣ съ хвостиками.

Не только гдѣ-либо въ губерніяхъ, въ городахъ уѣздныхъ, нѣтъ.—въ Москвѣ, древней столицѣ государства русскаго, гдѣ люди всѣхъ сословій были уже тогда болѣе прочихъ образованы, нерѣдко были видимы презабавныя сцены, преимущественно въ кругу купечества.—многого сословія, бесѣдовавшаго и общавшагося тогда еще болѣе съ монахами и попами. Свадьба, крестины, именинный пиръ безъ попа, поминовеніе усопшихъ безъ монаха совершены быть не могли. На сихъ торжествахъ происходили сцены неимоверныя. Пьяные попъ или монахъ, обнимаясь дружески за столомъ бархатнаго пива (съ виномъ тогда купечество и духовенство не было еще знакомо: бархатное, черное, какъ вороново крыло, пиво, наливки и взварецъ изъ хлѣбнаго вина съ медомъ, яблоками, грушами, замѣняли шампанское и пуншъ съ ромомъ), проклинали злочестивыхъ фармасоновъ и мартыновъ.

Рылѣевъ, пройдя залу, въ пріемной комнатѣ нашелъ прекрасно, по модѣ одѣтаго челоуѣка, распысканнаго духами, который, какъ скоро увидѣлъ его, слѣшилъ приблизиться къ нему и, раскланиваясь, шаркая ногами, по-камергерски, начать говорить на французскомъ языкѣ:

— Monseigneur, je viens seulement d'arriver, etc., etc.

Рылѣевъ, какъ скоро только услышалъ «arrivé», повернулся и скорыми шагами пошелъ обратно въ кабинетъ къ Брюсу и еще не успѣвши отворить совсѣмъ дверь, кричалъ уже:

— Графъ, француза я подѣлъ, онъ здѣсь!

Брюсъ, обрадованный этою вѣстію, торжествуя, восхищался уже напередъ, какъ онъ угодитъ государынѣ, какъ ея величество будетъ благодарить его, кричалъ въ свою очередь Рылѣеву:

— Никита Ивановичъ, что время терять, допросимъ скорѣе бездѣльника, злодѣя. Лучше будетъ для насъ, когда мы всю тайну выведемъ, а какая намъ въ томъ выгода передать его Шенковскому.

Оба, Брюсъ и Рылѣевъ, велѣли приготовить розги, людей при-
знали, щеголя француза разоблачили и начали пороть розгами.
допрашивая его:

— Qui sont ceux qui l'ont envoyé à Pétersbourg pour empoisonner
Sa Majesté l'Impératrice?

Несчастный французъ визжалъ подъ розгами, вертѣлся, если
только могъ вертѣться, будучи въ рукахъ 6 или 8 сильныхъ исполни-
телей приказанія гр. Брюса, и, наконецъ, пересталъ визжать, изнемогъ.
Брюсъ и Рылѣевъ остановились продолжать пытку, не знали, что
дѣлать, чтобы открыть тайну. Придумали призвать на совѣщаніе пра-
вителя канцеляріи,—къ сожалѣнію, я забылъ его имя. Явился пра-
витель канцеляріи.

Они, сказавъ ему причину его призыва, требовали его мнѣнія о
томъ, что имъ предпринять, чтобы вывѣдать отъ француза всю истину,
для чего онъ прибылъ.

Правитель канцеляріи, какъ благоразумный человѣкъ, спросилъ
гр. Брюса:

— Ваше сіятельство, вы изволили видѣть его паспортъ, изволили
спрашивать, кто онъ таковъ?

«Нѣтъ, я ничего не видѣлъ и не спрашивалъ. Никита Ивано-
вичъ Рылѣевъ все знаетъ, поговори съ нимъ».

Правитель канцеляріи, обратясь къ Рылѣеву:

— Никита Ивановичъ, да вы какъ о томъ знаете, что этотъ
прибывшій намѣренъ произвести адское злодѣяніе — отравить госу-
дарыню?

Рылѣевъ. «Да онъ, братецъ, самъ мнѣ это сказалъ».

Правитель канцеляріи, изумился, но, зная глупость Рылѣева и
Брюса, спросилъ еще:

— Да какъ онъ вамъ это сказалъ?

Рылѣевъ: «По французскому, братецъ; что ты думаешь, не
знаю я, что ли? Онъ сказалъ: *je viens d'arriver*, а вѣдь государыня и
повелѣла отыскать новопріѣхавшаго, такъ кого же еще отыскивать?
Онъ изъ пріѣзжихъ изъ-за границы, самый послѣдній; никто послѣ его
еще не пріѣзжалъ!»

Ужаснулся правитель канцеляріи, но дѣлать было нечего; обра-
тятся къ гр. Брюсу, доложилъ ему:

— Ваше сіятельство, неосмотрительность большая, дѣло должно
кончиться весьма для вашего сіятельства неблагоприятнымъ образомъ.

Брюсъ былъ дуракъ, но не злой дуракъ; боялся послѣдствій
сдѣланной глупости и раскаяніе сильно въ немъ дѣйствовало о томъ,
что самъ не знаетъ, за что такъ варварски оскорбилъ человѣка, не зная
даже, кто онъ былъ таковъ. Просилъ правителя канцеляріи, чтобы онъ,
это происшествіе поправилъ, чтобы успокоить изсѣченнаго розгами
француза.

— Трудно и невозможно, ваше сіятельство, успокоить француза,
вы изволили его черезъ-чуръ обезпокоить.

Брюсъ: «Сдѣлай дружбу, любезный, постарайся», примолвивъ
обыкновенно у всѣхъ знатныхъ вельможъ, начальниковъ, дура-
ковъ и не дураковъ, готовое на языкѣ слово, ничего не означающее,
безъ всякаго смысла, всѣмъ извѣстное: «какъ-н и будъ»,—слово,
которое въ продолженіе многихъ вѣковъ произносили и нынѣ (1834)
произносятъ продолжаютъ, котораго тотъ, кто въ первый разъ вымол-
вилъ его, не понимаетъ, и до сего времени никто не понимаетъ, всѣ слу-

шають безъ возраженія противъ безсмыслия и, что еще удивительнѣе, что въ Россіи всё дѣлають и все дѣлается какъ-нибудѣ.

Пошелъ правитель канцеляріи къ извѣстному французу узнать, по крайней мѣрѣ, какъ-нибудѣ, кто онъ таковъ? Какія были причины прѣзда его въ Россію, и, пр., и пр.

Оскорбленный французъ, рыдая отъ боли, нанесенной розгами, поруганія и униженія, не могъ ни слова сказать въ отвѣтъ правителю канцеляріи, а сунулъ ему въ руки паспортъ свой и три-четыре рекомендательныя письма къ гр. Брюсу.

Кто-же онъ былъ, столь много обласканный гр. Брюсомъ и Рытѣвымъ?

Гр. Брюсъ просилъ кого-то изъ прибывшихъ тогда въ Парижъ российскихъ бояръ-гастрономовъ прислать тамъ для него искуснѣйшаго повара, согласить прѣхать въ Россію къ нему, гр. Брюсу, кормить его; *chef de cuisine du ministre disgracié, M-r de Vergenne*, рѣшился за 6.000 р. с. въ годъ *d'aller voir ce pays des barbares*, гдѣ, какъ знаемъ, приняли его *vraiment à la barbare*.

Двойной окладъ договорной цѣны, т. е. 12.000 рублей, преклонили M-r le chef de cuisine à condition qu'on garde éternellement sur ce qui est arrivé le plus inviolable secret. забыть оскорбленіе, нанесенное его французской чести, утѣшая на тѣлѣ его язвы, и остаться у графа Брюса кормить его сіятельство вкусными, французской стряпни, яствами.

Брюсъ и Рытѣвъ не знали, какъ изъяснить благодарность ихъ медиатору примиренія, принителю канцеляріи, восхитались благополучнымъ окончаніемъ происшествія; но, какъ для Брюса, равно для Рытѣва, осталось затруднительнѣйшимъ—какъ доложить о всемъ случившемся матушкѣ-государынѣ? А доложить было необходимо должно,—горе будетъ обоимъ, если императрицѣ будетъ о происшествіи доложено грѣшею ихъ допущенія.

Государыня много и долго изволила поучать Брюса въ кабинетѣ; Брюсъ падалъ на колѣни, просилъ помилованія. Но послѣ обѣденнаго стола Екатерина, въ томъ же кабинетѣ, фавориту своему (въ то время, помнится, нелюбимкомъ ея былъ Мамондовъ), рассказывая происшествіе *avec le chef de cuisine de Monseigneur de Vergenne*, смѣялась отъ всей души.

Въ 1796 году я своимъ глазами читалъ приказъ с.-петерб. оберъ-полиц. Рытѣва слѣдующаго содержания:

«Объявить всемъ хозяевамъ домовъ съ подпискою, чтобы они заблаговременно, и именно, за три дня, извѣщали полицію, у кого въ домѣ имѣетъ быть пожаръ».

* * *

Вамъ угодно слушать былъ рассказъ мой, вы благосклонно обѣщали быть снисходительными ко всемъ недостаткамъ повѣсти. Я рассказываю о томъ, что видѣлъ своими глазами, о чемъ узналъ отъ достовѣрнѣйшихъ людей и о видѣнномъ, и о слышанномъ; припоминая, разсуждалъ по прошествіи 30 лѣтъ, ибо въ это время только по-настоящему подъ черепомъ моимъ начало водворяться разсужденіе. Чистосердечно признаюсь вамъ, что я, крутясь въ вихрѣ событій обще съ прочими, не имѣлъ времени ни думать, ни разсуждать, или я былъ очень глупъ. Умственная способность во мнѣ медленно и съ затруднительностью развертывалась, подобно тонкой вошинкѣ, съ трудомъ.

отстающей въ сверткѣ, когда его раскатываютъ. Я чувствую, что я еще глупъ. однако-же, скажу безъ гордости и самолюбія. чувствую, я чувствую то въ полной мѣрѣ, что я нынѣ гораздо менѣе глупъ, нежели какъ былъ 30 лѣтъ тому назадъ.

* * *

Т. Н. Тутолминъ. Расскажу о чемъ было забыть и, что вдругъ минѣ. вскопало въ коробку моей памяти.

Тимофей Ивановичъ Тутолминъ, по женѣ своей близкій мнѣ родственникъ, она была изъ роду Вердеревскихъ, — Тутолминъ получилъ образованіе свое въ царствованіе Елизаветы въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. Въ первую Турецкую войну началъ исполнять при началѣ кампаніи фельдмаршала кн. Голицына, а потомъ гр. Румянцева-Задунайскаго. Тутолминъ прекрасный собою, большого роста мужчина. Объ умѣ его узнаемъ въ слѣдующемъ: командовалъ Воронежскимъ гусарскимъ полкомъ, который до того былъ хорошо выученъ маневрировать, что венгерцы, самою природою предназначенные быть въ семь свѣтѣ гусарами, но не болѣе, любовались, восхищались гусарами Воронежскаго полка.

Фельдмаршалъ гр. Румянцевъ-Задунайскій, великій полководецъ своего времени, но въ отношеніи ученія и щегольства солдаты великій педантъ, хвастался всегда предъ прѣзжавшими или присиаемыми къ нему отъ Фридриха прусаками, посылая ихъ смотрѣть ученіе Воронежскаго гусарскаго полка. Прусакъ восхищались, завидовали, что полкъ славно маневрируетъ; чесали съ зависти себѣ уши, однако-же, и не хотѣли, но хвалили воронежскихъ гусаръ.

Фельдмаршалъ гр. Румянцевъ-Задунайскій любилъ и уважалъ Тутолмина.

Разсказывая былъ, говорить должно правду, какъ было: Тимофей Ивановичъ, умѣвшій выучить полкъ, довести его до желаемого совершенства и годности въ дѣло на полѣ битвы, самъ до сраженія былъ не большой охотникъ; полкъ его дрался храбро, отлично; турки узнавали воронежцевъ по желтымъ мантиямъ; бѣжали предъ ними, но полковникъ, да проститъ мнѣ блаженной памяти родственникъ, полковникъ Тутолминъ въ дѣлѣ, въ атакѣ находился всегда не тамъ, гдѣ ему должно было находиться; онъ всегда былъ съ полкомъ, но всегда сзади, а не впереди гусаръ своихъ.

Три кампаніи служилъ Тутолминъ, служилъ, можно сказать, отлично; полкъ его во всѣхъ дѣлахъ покрылъ себя славою. Фельдмаршалъ выжидалъ, не привыкнетъ-ли онъ къ бою, не ободрится-ли, и, наконецъ, сказалъ, ему:

— Тимофей Ивановичъ, вы увѣрены, сколь много я уважаю васъ, люблю и сколь мнѣ будетъ прискорбно разстаться съ вами. Не огорчайтесь, Тимофей Ивановичъ, я говорю вамъ дружески: вы не въ силахъ преодолѣть: вотъ вамъ всеподданнѣйшее письмо мое ея величеству, всеимператорицѣ государынѣ. Она соизволитъ употребить васъ на поприщѣ службы гражданской: вы будете полезны и, увѣряю васъ, въ непродолжительное время достигнете высокихъ чиновъ и удостоитесь приобрѣсть высокое довѣріе монархини.

Державинъ. Туголминъ, черезъ четыре, пять лѣтъ, былъ уже архангельскимъ и олонечкимъ генералъ-губернаторомъ, кавалеромъ ордена Александра Невскаго и Владиміра 2-й степени и пр., и пр., и пользовался особенною доброй любовью государыни. Императрица пригласила Туголмина приѣхать къ ней въ Петербургъ; въ рескриптѣ своемъ Туголмину она говорила:

— Приѣзжайте, Тимофей Ивановичъ, къ намъ, на словахъ удобнѣе объяснимся, а будемъ писать другъ другу—запишемся.

Туголминъ сверхъ возложенной должности управленія губерніями, имѣлъ отъ государыни устроить въ Олонцѣ чугунно-плавильный заводъ и литье на флотъ пушекъ. Славный Гасконъ, англичанинъ, былъ переманенъ изъ Англіи и украдкою вывезенъ изъ Лондона. Скоро и неожиданно заводъ хорошо былъ устроенъ; литье пушекъ хотя изъ чугуна, не только равнялось, но превосходило отливку изъ мѣди пушекъ, отлитыхъ на петербургскомъ пушечномъ литейномъ дворѣ.

Губернаторомъ въ то время при Туголминѣ былъ извѣстный гениальный поэтъ нашъ Г. Р. Державинъ; не смѣю и подумать о сужденіи поэтическихъ его достоинствъ,—я невѣжда, знаю только то, что всѣ восхищались, кричали о его «Фелицѣ», что онъ за пѣснь свою Фелицѣ, или о Фелицѣ, получалъ досканцы съ червонцами, а за оду его «Богъ» ни одной копѣйки,—извѣстно было всѣмъ тогда и послѣ, что Державинъ былъ великій, славный поэтъ, но дурной начальникъ, сварливый въ дѣлахъ, безтолковый, пристрастный человѣкъ.

Во время его управленія министерствомъ юстиціи, дѣла рѣшались самонесправедливѣйшимъ образомъ; сѣтовали, жаловались, что къ нему имѣли доступъ чрезъ заднее крыльцо, что супруга его занималась съ секретарями отправленіемъ дѣлъ, а Гавріиль Романовичъ, въ это время умствуя, терялся въ идеалахъ, созерцалъ были съ небылицами, творилъ и разрушалъ міры, видалъ вокругъ себя десятки парящихъ геніевъ и пр., и пр., всего и пересказать не счѣмешь, что поэтамъ подчасъ забирается въ голову; но кто, по несчастію, имѣлъ тяжёбныя дѣла у кого отнимали имѣніе, кто изъ благосостоянія переходилъ въ скудость и терпѣлъ недостатки, тотъ—въ томъ и сомнѣваться не можно—проклиналъ и пѣвца Фелицы, и всѣхъ его геніевъ, и всѣ его поэтическіе вымыслы.

При отъѣздѣ Туголмина изъ Олонца, какъ онъ уже откланивался въ залѣ его, собравшимся чиновникамъ и гражданамъ на проводы, и былъ готовъ садиться въ карету,—Державинъ подалъ Туголмину огромный, незапечатанный конвертъ съ надписью: «Всемилютейшей государынѣ императрицѣ, въ собственныя руки».

Туголминъ, принимая конвертъ, спросилъ Державина:

— Что это такое, Гавріиль Романовичъ?

«Донось на ваше высокопревосходительство», отвѣчалъ Державинъ.

Туголминъ: — Гавріиль Романовичъ! Вы знаете правила почты и то, что доносчики обязаны извѣты свои посылать запечатанными. Слуга! огня, сургучъ, печать! Гавріиль Романовичъ, вы приложите вашу.

Державинъ вынужденъ былъ при всѣхъ запечатать конвертъ и подать его Туголмину за печатью.

Туголминъ, принимая конвертъ, отвѣчалъ Державину:

— Ваше превосходительство, можете быть въ томъ совершенно увѣреннымъ, что доносъ вашъ будетъ представленъ всемилостивѣйшей государынѣ императрицѣ. Первою и непреложною поставлю себѣ обязанностію всеподданнѣйше повергнуть къ священнымъ стопамъ ея величества писаніе вашего превосходительства, коль скоро только буду очастливленъ лицезрѣнію августѣйшей монархини. Прощайте, Гавріилъ Романовичъ, но еще повторяю вамъ, какъ начальникъ высочайшею ѣлстію поставленный, и прошу васъ, какъ дворянинъ, въ продолженіе отсутствія моего соблюдать тотъ же самыя порядки въ отправленіи дѣлъ, какой мною введенъ и производится. Въ противномъ случаѣ вы будете подлежать отвѣтственности.

Обнявъ Державина, Тутолминъ пошелъ усаживаться въ подвезенную къ крыльцу карету.

Въ царствованіе Екатерины всѣ обыкновенія и обряды при дворѣ ея были совершенно противоположны введеннымъ со вступленія на тронъ всеумдраго Павла I, которые донинѣ существовать продолжаютъ съ 7-го числа ноября 1796 года.

Пышный великолѣпный дворъ Екатерины преобразованъ въ огромную кордегардію. Въ царствованіе Екатерины въ чертогахъ царскихъ послѣдній истопникъ старался отличить себя въ разговорахъ словами благопристойными, учтивыми, отборными; высшій кругъ царедворцевъ говорилъ на французскомъ діалектѣ лучшимъ языкомъ Вольтеровъ, Дидеротовъ, Жанъ-Жакъ-Руссо, зналъ наизусть творенія лучшихъ французскихъ авторовъ; трагедіи Расина, Мольеръ были всѣмъ коротко знакомы.

Съ 7-го ноября 1796 года въ чертогахъ сѣверной Семирамиды, вмѣсто разговора, начали кричать на подобіе лаянія собакъ. Въ комнатахъ учреждены были караулы; бряцаніе оружія, топанье ногами носились эхомъ по заламъ и возвѣщательное слово «вонъ», громко и протяжно часовыми произносимое заблаговременно, чтобы караулы, учрежденный въ другой залъ, имѣлъ достаточно времени стать подъ ружье, пугать, отъ непривычки, всѣхъ проходящихъ.

Павелъ повелѣлъ, вмѣсто сигнала къ ружью, какъ то существовало, извѣщать караульныхъ о томъ, что они должны взять ружье, крикомъ: вонъ.

Великая княжна Александра Павловна, переходившая изъ комнатъ своихъ на половину императрицы Маріи Феодоровны, была столь много испугана возвѣщательнымъ крикомъ «вонъ!», что, повернувшись, побѣжала обратнo въ свои комнаты и была нѣсколько дней нездорова отъ испуга.

Равномѣрно и обрядъ принимать прибывшихъ генераль-губернаторовъ и губернаторовъ при Павлѣ Петровичѣ вовсе переимѣнился.

До 6-го ноября 1796 года пріѣхавшій въ столицу, мѣстопробываніе императрицы, генераль-губернаторъ или губернаторъ былъ обязанъ все-непремѣнно, на другой же день по прибытіи, явиться во дворецъ и сказать непосредственно камердинеру государыни, чтобы доложилъ ея величеству о прибытіи его.

Императрица немедленно соизволяла принимать пріѣзжаго, разговаривать съ нимъ иногда весьма долгое время о всемъ относящемся до вѣреннаго его управленію части государства и по окончаніи разговора всемилостивѣйше привѣтствовала прибывшаго словами:

— Вы сегодня у меня обѣдайте.

Съ 7-го ноября 1796 года введено и донинѣ существуетъ, что пріѣхавшій въ Петербургъ генераль-губернаторъ или губернаторъ нерѣдко живеть мѣсяць, два и три, ожидая дня, когда дозволено будетъ ему представить себя государю, и представленіе бывало не въ кабинетѣ, а въ залѣ, гдѣ всѣхъ представляютъ. Государь, выходя изъ внутреннихъ апартаментовъ, изволятъ обходить въ полукругѣ поставленныхъ къ представленію; оберъ-церемоніймейстеръ, слѣдуя съ боку государя, нѣсколько выдавшись впередъ, читаетъ имена стоявшихъ по порядку, какъ солдаты стоятъ по ранжиру во фронтѣ. Государь однимъ, во изъясненіе высочайшаго всемилостивѣйшаго благоволенія, при услышаніи имени ихъ, соизволятъ улыбаться; услышавъ наименованіе другихъ, благоволятъ всемилостивѣйше отвращать отъ нихъ высочайшіе взоры свои. Разговора ни съ кѣмъ не бываетъ, если и вырываются иногда изрѣзка высочайшія слова, то они столь односложны, столь быстро произносятся, что и тотъ, къ кому высочайшее привѣтствіе бываетъ всемилостивѣйше обращено, едва ли успѣетъ разслышать и уразумѣть значеніе. Отзыва никогда не ожидаютъ и весь отвѣтъ состоитъ въ благосмирennomъ молчаніи и въ пренижайшемъ, ниже пояса, поклонѣ.

Относительно дѣтъ, не токмо съ государемъ, да и съ министромъ разговора нынѣ не существуетъ. «Извольте подать докладную записку»,—былъ общій отвѣтъ министровъ на всѣ словесные доклады.

Вѣкъ бюрократіи! Докладная записка не будетъ обыкновенно прочтена министромъ, но препровождается по принадлежности для соображенія, извлеченія и составленія докладной записки г. министру въ департаментъ. Директоръ департамента, получивъ докладную записку губернатора или отношеніе генераль-губернатора, поданныя министру, передаетъ ее по принадлежности и раздѣленію предметовъ начальнику отдѣленія. Начальникъ отдѣленія сдаетъ докладную записку начальнику стола. Здѣсь первоначально начиналось прочтеніе и обсужденіе докладной записки или отношенія. И всегда, а не иногда, начальникъ стола, т. е. повѣтчикъ, знаетъ прежде, полнѣе, яснѣе и основательнѣе, о чемъ представлено у отдѣленія начальника, директора и министра, который, т. е. министръ, по распредѣленію производства дѣтъ никогда и ни о какомъ дѣлѣ полного, яснаго и основательнаго понятія имѣть не можетъ. Все искусство столоначальника заключалось въ томъ, чтобы сдѣлать сокращенное изъ записки извлеченіе.

Превосходство начальника департамента состоитъ въ томъ, чтобы изъ сокращеннаго извлеченія, извлеченнаго столоначальникомъ, извлечь сокращенную эссенцію.

Вся геніальность директора департамента овнаменовывается тѣмъ, чтобы изъ сокращенной эссенціи вытянуть квинтъ-эссенцію, т. е. описанныя на 20-ти листахъ обстоятельства превратить въ 5—6 строчекъ. Въ семь краткомъ извлеченіи представляется записка г. министру и отъ него препровождается къ статсъ-секретарю, для поднесенія на высочайшее благоусмотрѣніе государя.

Такимъ образомъ Голиафъ превращается въ пигмея, нерѣдко въ таракашку или, лучше сказать, въ постепенныхъ сокращеніяхъ и извлеченіяхъ такъ далеко отойдуть, уклонятся отъ настоящаго существа дѣла, изложеннаго въ докладной запискѣ губернатора или отношеніи генер.-губернатора, что, наконецъ, по утвержденіи высочайшею волею поднесеннаго доклада, не знаютъ, какъ его привести въ исполненіе.

Это нынѣ часто и весьма часто совершается.

Нынѣ губернаторы испрашиваютъ высочайшее соизволеніе все-милостивѣйшее дозволить имъ сохранить ношеніе военного мундира, оставаясь въ чинѣ гражданскомъ: единственно по тому уваженію, что, будучи облеченнымъ въ хитонъ, или однорядокъ военный, гражданскій губернаторъ, прибывшій въ Петербургъ, имѣетъ право, по военному одѣянію, явиться къ вахтъ-параду и имѣть счастье быть представленнымъ комендантомъ испросить высокомонаршее соизволеніе на аудіенцію, всеподданнѣйше доложить о чемъ нужно, получить высочайшее соизволеніе и утвержденіе, и нерѣдко выходилъ молодецъ изъ кабинета съ декорациею чрезъ плечо, въ то время, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ едва успѣвалъ узнать о прибытіи его превосходительства въ столицу.

Тутолминъ прибылъ въ Петербургъ подь вечеръ Долгій въ среду.

сенатъ. Въ 8 часовъ утра на другой день, т. е. въ четвергъ, былъ уже во дворцѣ. Камердинеръ доложилъ импе-

ратрицѣ:

— Олоонецкій и архангельскій генераль - губернаторъ Тутолминъ.

Государыня повелѣла, сказавъ: «проси».

Входитъ Тутолминъ въ кабинетъ, держа огромный пакетъ доноса Державина.

Государыня пожаловала Тутолмину поцѣловать руку и съ видомъ безпокойства изволила спросить его:

— Это что у васъ, Тимофей Ивановичъ?—показывая на кувертъ.

«Всемилоствѣйшая государыня, гражданскій олоонецкій губернаторъ, Державинъ, въ минуту отъѣзда моего изъ Олонца, ввѣрить мнѣ всеподданнѣйше имѣть счастье поднести вашему величеству».

— Да что такое?

«Доносъ на меня, государыня».

Императрица, съ видомъ хладнокровнаго негодованія соизволивъ принять кувертъ, сказала:

— Прочту. Садись, Тимофей Ивановичъ.

И начала съ нимъ говорить о губерніяхъ, управленію его ввѣренныхъ.

По долгомъ трехъ-часномъ бесѣдованіи соизволила Тутолмина уволить, безъ повелѣнія явиться къ обѣденному столу.

Тутолминъ откланялся, вышелъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, почитая уже себя въ опалѣ, и спѣшилъ уѣхать изъ дворца какъ можно скорѣе, не заходя даже на поклоненіе къ фавориту, какъ всѣ то были дѣлать обязаны.

Въ 10 часовъ вечера является къ Тутолмину гофъ-фурьеръ отъ государыни съ приглашеніемъ явиться завтра къ императрицѣ въ 6-мъ часу утра.

Екатерина, вставши съ постели утромъ, всегда сама разводила въ каминѣ огонь и сама готовила себѣ кофе.

Въ 5 часовъ утра, въ пятницу, Тутолминъ стоялъ уже предъ дверью кабинета Екатерины. Чрезъ 10 или 15 минутъ камердинеръ, вышедшій отъ императрицы, поклонившись пренизко Тутолмину, съ почтеніемъ доложилъ ему:

— Государыня императрица изволилъ ожидать васъ, ваше высокопревосходительство,—и отворилъ въ кабинетъ дверь.

Тутолминъ вошелъ; государыня занималась вареніемъ кофе, подкладывая подъ кофейникъ изорванные куски бумаги и, обратясь къ Тутолмину, изволила сказать:

— Тимофей Ивановичъ, садись-ка здѣсь поближе, мнѣ съ тобой кое о чемъ потолковать надобно, ты, вѣдь, не боишься камелька: я чаю, у васъ въ Олонцѣ огонь въ чести,—холодно бываетъ.

Тутолминъ, удивленный столь милостивѣйшимъ «привѣтствіемъ», спѣшилъ повиноваться велѣнію монархини, не ожидая быть еще болѣе и милостивѣйше ободреннымъ.

Когда онъ усѣлся, государыня, продолжая подкладывать рваные листы подъ кофейникъ, изволила сказать ему:

— Спасибо тебѣ, Тимофей Ивановичъ, ты мнѣ вчера привезъ прекрасную подпопку, смотри, какъ мой кофе хорошо и скоро варится. Это вчерашній кувертъ.

Тутолминъ вскочилъ съ кресель, хотѣлъ было начать говорить; государыня, протянувъ ему руку, чтобы поцѣловать, изволила сказать:

— Садись, садись, Тимофей Ивановичъ, что намъ толковать о глупостяхъ, поговоримъ о дѣлѣ.

Въ это время, во исполненіе высочайшаго ея величества повелѣнія, правительствующій сенатъ занимался составленіемъ правилъ о учрежденіи во всей имперіи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Три мѣсяца продолжались въ правительствующемъ сенатѣ жаркія пренія; неоднократно были государынѣ представлены проекты какъ учредить магазиновъ. Императрица, находя ихъ неполными, цѣли учрежденія неудовлетворительными, съ бытомъ и состояніемъ народа несообразными, изволила, съ замѣчаніями своими, проекты обращать правительствующему сенату, повелѣвая пересмотрѣть ихъ, вновь обдумать, сообразить и тогда ей представить.

Императрица, объявивъ Тутолмину высочайшее свое намѣреніе учредить запасные сельскіе хлѣбные магазины во всей имперіи, соизволила, какъ бы въ шутку, примолвить:

— Тимофей Ивановичъ, по праву званія твоего генер.-губернатора, ты присутствуешь въ сенатѣ; прошу тебя, ознакомь себя съ тѣмъ, что мой сенатъ о семъ сочинилъ и, отдохнувъ отъ дороги, заверни къ нимъ, потолкуй,—что-то дѣло у насъ на ладъ нейдетъ.

«Всемилоостивѣйшая государыня, если вашему величеству будетъ благоугодно мнѣ дозволить сегодня быть въ сенатѣ,—сегодня пятница, общее собраніе».

— Да ты еще не знакомъ съ дѣломъ, сказала государыня.

Тутолминъ: «Всемилоостивѣйшая государыня! Мудрыя изреченія вашего величества обильно вразумили меня. Дозвольте, государыня.

— Коли хочешь и можешь,—съ Богомъ! и коли въ собраніи не устанешь, такъ пріѣзжай обѣдать; а коли устанешь, прошу себя не неволить. Ты, во все время твоего пребыванія у насъ—мой гость; обѣдай всегда у меня.

Пожаловала поцѣловать ему свою руку. Тутолминъ откланялся и поспѣшилъ въ сенатъ.

Государыня бесѣдовала съ нимъ съ 8-го часа до 10 часовъ.

Тутолминъ отъ государыни прямо отправился въ сенатъ, гдѣ долго толковали, много кричали, но дѣло на ладъ не шло. Появленіе Тутолмина произвело въ засѣдавшихъ удивленіе; не всѣмъ было извѣстно, что онъ прибылъ въ Петербургъ. Тимофей Ивановичъ, раскладя-

вшисъ съ присутствующими, объявилъ имъ волю государыни о томъ, что ея величеству благоугодно, чтобы онъ принялъ участіе въ совѣщаніяхъ правительствующаго сената касательно постановленія объ учрежденіи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Почитавшіе себя знатоками, доками, сенаторы, какъ, напримеръ, нынѣ о себѣ думаютъ кн. Гагаринъ, Озеровъ, Тучковъ, Ш., и еще нѣкоторые, хотя ничего не знаютъ и только кричатъ и, по самолюбію своему, дѣла рѣшаютъ самонесправедливѣйшимъ образомъ, ибо изъ всѣхъ дѣлъ, за спорами ихъ, поступившихъ въ общее собраніе, ни одного дѣла не видали еще [1834 г.], получившаго рѣшеніе свое, на основаніи данныхъ нынѣшними доками голосовъ, слѣдовательно, господа по пристрастію или отъ премудрости своей благоволили дичь пороты! Точно такіе же и въ царствованіе Екатерины водились молодцы! Они-то, преимущественно, и выпяливали глаза на Тутолмина и, оскорбляясь тѣмъ, что государыня соизволила прислать его какъ бы для вразумленія, для руководства имъ, готовились, такъ сказать, осмѣять его, поставить въ затрудненіе, довести до того, чтобы онъ не зналъ, что сказать.

Тутолминъ, занявъ мѣсто свое по старшинству и не давъ еще времени присутствовавшимъ, какъ говорится, образумиться, вставъ съ мѣста своего, предложилъ собранію—«не благоугодно ли будетъ выслушать его мнѣніе о томъ, какимъ образомъ, предполагаетъ онъ, было бы возможно и удобно учредить запасные хлѣбные магазины и какъ мнѣніе его, соотвѣтственно предмету и многихъ совокупныхъ съ онымъ обстоятельствъ, должно быть пространно, то проситъ собраніе дозволить ему изложить его письменно».

Всѣ были согласны и спрашивали Тутолмина, когда же его высокопревосходительство заблагоразсуждаетъ представить мнѣніе свое? что они, соображаясь высочайшей воли государыни императрицы какъ можно скорѣе привести дѣло сіе къ окончанію, готовы нарочито собраться для выслушанія его мнѣнія.

Тимофей Ивановичъ, оставивъ мѣсто свое и подойдя къ аналою, за которымъ стоялъ протоколистъ, попросилъ собраніе, чтобы приказано было протоколисту писать то, что онъ будетъ говорить.

Приняли—согласились.

Четыре и пять часовъ писалъ протоколистъ подъ диктовку Тутолмина, писалъ не одинъ, а перемѣнилось три или четыре писца; Тимофею Ивановичу семь или восемь стакановъ воды подали; сенаторы, засѣдавшіе, проклинали минуту, въ которую изъявили согласіе выслушать его мнѣніе!—имъ нестерпимо ѣсть хотѣлось, многіе просидѣли жирный заказной обѣдъ, другіе манкировали на биржу, по согласію, пріѣхать устрицъ ѣсть, иные, ахъ! иные были виѣ себя, забывали благопристойность, говорили и громко говорили много непріятнаго на счетъ Тутолмина, да какъ было и не говорить, не сѣтовать! Онъ былъ [Тутолминъ] причиною, что они обманули любовницъ своихъ, не являлись въ часъ, назначенный на мѣстѣ условленномъ, думали, ахъ! что-то намъ будетъ отъ милыхъ и пр., и пр. Въ продолженіе разнородныхъ негодованій полнаго общаго собранія правительствующаго сената, Тутолминъ диктовалъ, а протоколистъ писалъ, и когда окончилъ и, обращаясь къ собранію, спросилъ: «не благоугодно ли будетъ приказать прочесть? можетъ быть, нужно будетъ сдѣлать измѣненія, что онъ, по краткости времени на соображеніе, что-либо опустилъ; что, вѣроятно, почтеннѣйшіе члены высшаго правительственнаго трибунала (слова Тутолмина) знаютъ многія обстоятельства по опытамъ и мудрому со-

зерцанію, которыя будутъ несомѣстны и неудобополнительны по предположенію его?»

— Нѣтъ! Нѣтъ.—всѣ единогласно вымолвили:—Хорошо, прекрасно, все удобно, все возможно, переписать и всеподданнѣйше представить на высочайшее благосмотрѣніе всемилостивѣйшей государыни императрицы.

Нарышкинъ, вѣрно Л. Алекс., отецъ А. Львов., извѣстный шутникъ, кричалъ во все горло, что его впредъ въ общее собраніе и калачемъ не заманять! что горшокъ съ грибами молодыми, которые онъ самъ купилъ и особенно самъ съ кухмистеромъ своимъ занимался цѣлое утро, какъ ихъ приготовить, пропасть для него, можетъ быть, навсегда!

— Богъ вѣдаетъ, долго ли еще проживу, попадутся ли мнѣ еще въ жизни такіе же молодые грибки! будетъ ли у меня такой же страстный аппетитъ на грибы, какъ теперь!—говорилъ Нарышкинъ и, въ заключеніе, сказалъ, что упадетъ къ священнымъ стопамъ матушки-государыни и будетъ просить, чтобы всемилостивѣйше приказала не присутствовать ему въ сенатѣ, не допустила бы его умереть преждевременно голодною смертію!

Умники-сенаторы или, по крайней мѣрѣ, такъ сами о себѣ думавшіе, соглашались, безъ прочтенія и разсужденія, надиктованное Тутолминымъ представить государыцѣ въ чаяніи того, что много встрѣтится противорѣчій въ сочиненіи его проекта, составленнаго, какъ они видѣли и слышали, безъ всякаго къ тому приутовленія: ласкали себя надеждою, что проектъ Тутолмина, подобно какъ и ихъ проекты, бывшіе императрицѣ представленными, будетъ возвращенъ въ сенатъ на разсмотрѣніе и сображеніе ихъ,—и благовременно уже лакомили себя тѣмъ, что они Тутолмина при семъ благопріятномъ для нихъ случаѣ, какъ говорится, въ лоскъ положить. Сверхъ сего—тайно, не сообщая другъ другу, содрагаясь внутренно въ самомъ себѣ, не одинъ изъ нихъ кичился самолюбіемъ въ томъ, что самолюбіе ея величества будетъ уколото и что непріятности этой государыня сама виновница.

Государыня сѣдлась за обѣденный столъ обыкновенно въ часъ пополудни. Спросила, передъ выходомъ въ столовую, камердинера:

— Тутъ ли Тимофей Ивановичъ? На отвѣтъ «нѣтъ» государыня приказала послать курьера узнать, здоровъ ли онъ, и изволила сказать:

— Подождемъ садиться за обѣдъ.

Черезъ 10 минутъ доложили государынѣ, что Тутолминъ въ сенатѣ, стоитъ у аналоя и диктуетъ.

— Помоги ему Богъ!—сказала Екатерина и вышла въ столовую къ обѣду.

Переписали проектъ прѣмыми литерами полу-уставомъ,—Екатерина любила этотъ почеркъ и другого не читала или читала неохотно. Въ семъ случаѣ все было придумано, чтобы заставить ее прочесть сочиненіе Тутолмина, чтобы показать ей, что и она въ людяхъ ошибается, какъ и всѣ прочіе люди.

Такъ созерцавшіе не ошиблись: государыня изволила читать и перечитывать проектъ ровно двѣ недѣли одна, не отдавая, не показывая его никому, даже фавориту было неизвѣстно того, что государынѣ благоугодно относительно проекта. Государыня приказала принести изъ бібліотеки къ себѣ карту всей Имперіи, подать словарь Ч у л к о в а о внутренней въ Россіи торговлѣ, въ которомъ были подробно описаны всѣ ярмарки, торги въ городахъ, сѣтахъ и деревняхъ, съ полнымъ

объясненіемъ, гдѣ что дѣлается, родится, какъ, куда и въ какое время года произведенію бываетъ событіе, показаны разстоянія,—лучшее статистическое своего времени сочиненіе. едва ли въ чемъ уступить сочиненіямъ сего рода, въ настоящее время написаннымъ. Чулковъ былъ придворный актеръ. потомъ служилъ въ сенатѣ и былъ оберъ-секретаремъ.

Черезъ двѣ недѣли проектъ Тутолмина былъ отъ государыни присланъ въ полное собраніе правительствующаго сената съ собственноручною ея величества надписью: «Быть по сему».

Въ тотъ же день, если не ошибаюсь, Тутолмину отъ государыни присланъ былъ орденъ св. равноапостольнаго Владимира 1-й степени.

Подумавъ о семъ событіи, невольно приходитъ въ мысль: если-бы нынѣ благоугодно было государю императору [Николаю Павловичу] созвать генераль-губернаторовъ своихъ, какъ-то: петербургскаго—Ессена, московскаго—кн. Голицына, малороссійскаго—кн. Волконскаго-Рѣпина, бѣлорусскаго—кн. Хованскаго, вилнискскаго—кн. Долгорукова, волынскаго и подольскаго—Левашева, новороссійскаго—гр. Воронцова, грузинскаго—Розена, Оренбургскаго—Перовскаго, и высочайше повелѣтъ имъ написать о чемъ-либо предположеніе, но написать самимъ, безъ посредничества правителей ихъ канцелярій, то-то было бы пресловутое сочиненіе, которое, читая не двѣ недѣли, а шесть мѣсяцевъ, вѣрно не было бы возможно понять, о чемъ писано!

Я не упоминалъ о финляндскомъ генераль-губернаторѣ, кн. Меншиковѣ, потому онъ въ состояніи написать самъ дѣльное такъ, какъ между министровъ Блудовъ.

У насъ три фельдмаршала: графъ Витгенштейнъ, графъ Сакенъ, князь-графъ Паскевичъ Эриванскій-Забалканскій и Баршавскій,—и всѣ трое грамоты не знаютъ.

Петръ Великій, сломивъ тинъ, окружавшій землю русскую, отворилъ ворота для жителей другихъ странъ свѣта. Великій, болѣе, несравненно болѣе насъ образовавшихся, привѣтствовалъ, просилъ чужеземцевъ добро-пожаловать на хлѣбъ-соль русскую, принесть съ собою намъ ремесла, искусства, науки и быть человѣческой. До Петра грѣхъ будетъ подумать, чтобы мы, русскіе, имѣли право называть себя людьми: мы были до Петра медвѣди, съ тою только разницею, что живущіе медвѣди въ лѣсахъ—иногда, а русскіе того времени—завсегда на двухъ ногахъ держались и ходили.

Сильнымъ потокомъ хлынули къ намъ чужеземцы, но, къ несчастію нашему, сильный приливъ принесъ съ собою много тины, грязи и нечистотъ всякаго рода! Геніальный Петръ, нетерпѣливый,—свойство, обыкновенно сопряженное творческой силѣ человека,—Петръ, какъ Гераклъ, взявъ дубину въ руки, погналъ всѣхъ, какъ пастухъ гонитъ стадо къ ручью на водопой, перенимать все у иностранцевъ, что они съ собою внесли къ намъ. Кто отставалъ, упирался, не хотѣлъ разстаться со своими привычками, того Петръ вразумлялъ дубиною по бокамъ! И будучи одаренъ великимъ умомъ, превосходною силою творческою, надѣлалъ, отъ нетерпѣнія и неодолимаго желанія поворотить все вдругъ, много вреднаго, неосновательнаго, даже глупаго. Смѣшно почитать образованность въ обритомъ рылѣ, напудренномъ парикѣ, въ кургузой одеждѣ. Еще страннѣе пожелать, чтобы всѣ говорили пере-

комарканными на русскомъ языкѣ иностранными словами. Самъ онъ, будучи самодержавный царь всея Россіи, подписывалъ повелѣнія и указы свои на голландскомъ языкѣ «Petrus».

Но со времени царствованія нашего единственнаго А. П. Бестужа-Петра.—въ жилахъ его текла кровь русская, чистая, жевъ- безъ примѣси,—ознакомились мы съ Европою, повсюду Рюминъ. Были послы царскіе, повѣренные въ дѣлахъ, консулы для разбора дѣлъ торговыхъ и даже при малыхъ дворахъ князей германскихъ считали нужнымъ держать повѣреннаго для отправленія дѣлъ дипломатическихъ. Хотя царь всероссійскій съ какимъ-нибудь владѣтельнымъ князькомъ нѣмецкимъ находится точно въ такомъ же взаимномъ отношеніи, какъ слонъ съ индійскимъ пѣтухомъ, какъ бы то ни было, а повѣренные въ дѣлахъ тогда находились при всѣхъ дворахъ миниатюрныхъ владѣтельныхъ князей германскихъ. Правило или порядокъ этотъ существовалъ, если не ошибаюсь, долго еще и въ царствованіе Екатерины II. Въ началѣ царствованія Елизаветы, при маленькомъ ангалтъ-цербстѣ княжескомъ дворѣ находился дипломатическимъ повѣреннымъ или агентомъ въ дѣлахъ, тогда молодымъ человекомъ, вступившимъ на поприще службы, знаменитый впоследствии канцлеръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Екатерина II родилась во время пребыванія Бестужева при дворѣ отца ея. Помню, давно уже, тому болѣе сорока лѣтъ, старики говорили, что Екатерина имѣла удивительное сходство съ Бестужевымъ.

Извѣстно, что Бестужевъ, будучи при Елизаветѣ Бракъ Петра канцлеромъ, обремененный полною и всесовершенною довѣренностію безпечной, пьянству и сладо- Федоровича. страстію преданной царицы, дѣлалъ, что хотѣлъ, и настоялъ на томъ, чтобы принцесса цербтская была избрана въ невѣсты наслѣднику трона, призванному изъ Голстиніи, Петру Федоровичу, племяннику Елизаветы. Принцесса была привезена, совершенно бракосочетаніе. Петръ, обнародованный еще въ дѣтствѣ наслѣдникомъ престола російскаго, обмануль ожиданія тетки, похитительницы престола императорскаго у младенца Ивана Антоновича Ульриха, также родственника ея, провозглашеннаго императоромъ по завѣщанію императрицы Анны Иоанновны. При восшествіи на царство Елизаветы, императоръ Іоаннъ былъ еще въ колыбели, и по вѣстію воцарившейся, неизвѣстно почему названной «человѣколюбивѣйшею матерью народа русскаго», Елизаветы, изъ колыбели перенесли императора Іоанна въ темницу сырую, смрадную, Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ невинный агнецъ томился за строжайшимъ карауломъ, не имѣя дозволенія переступить за порогъ могильнаго склепа своего, до восшествія на царство Екатерины II и былъ на 24 или 25 году жизни своей, когда капитанъ Мировичъ хотѣлъ освободить императора и возвестъ на царство.—заколанъ приставленнымъ стеречь его, штабъ-офицеромъ.

Предпріятіе Мировича было подобно или, лучше сказать, одно и то же, какъ предпріятіе Екатерины о низверженіи съ трона государя своего, съ тою только разницею, что намѣреніе Мировича имѣть побудительную причину къ произведенію переворота, основанную на справедливости и непреложной обязанности всѣхъ и каждаго вѣрноподданнаго.

Мировичъ предпринялъ возвратитъ свободу и право законченному невинно въ темницу императору. Что можетъ быть благороднѣе

и великодушнѣ сего намѣренія! Мировичъ зналъ, что при неудачѣ голова его ляжетъ на плаху, и показалъ твердость характера, неестественное присутствіе духа! Когда сказали ему, чтобы онъ приготовился къ смерти, что въ такомъ-то часу поведутъ его на эшафотъ, Мировичъ просилъ, чтобы ему было дозволено убрать волосы, одѣться благопристойно, говоря, что хочетъ идти на эшафотъ, какъ должно честному и невинному человѣку. Желаніе его было удовлетворено: ему дозволили убрать волосы по самой послѣдней модѣ, какъ тогда причесывали волосы; надѣлъ новое платье и шелъ на эшафотъ съ веселымъ лицомъ, кланяясь на обѣ стороны народу и шутя въ разговорахъ съ палачемъ, шедшимъ у него съ лѣвой стороны, отворачиваясь отъ священника, шедшаго съ правой, и не внимая пріуготовительному напутствію пастыря въ жизнь вѣчную.

Когда онъ былъ приведенъ предъ судей, въ числѣ коихъ засѣдалъ Алексѣй Орловъ, который, по забывчивости своей, вскочивъ съ своего мѣста и кинувшись къ нему, началъ его укорять въ злодѣйскомъ умыслѣ противъ государыни, законной повелительницы, и называлъ его злодѣемъ, разбойникомъ, убійцею, Мировичъ безъ малѣйшей боязни, съ хладнокровіемъ, не перемѣняя голоса, сказалъ:

— Остановись, Орловъ, называть меня именами своими; ты убійца, злодѣй и закона преступникъ, а не я! Ты удавилъ собственными руками императора Петра III во дворцѣ его, въ селѣ Ропшѣ, я хотѣлъ освободить законно нашего императора, коему за 20 лѣтъ предъ симъ вся Россія клялась въ вѣрнопопданствѣ. Противъ Екатерины я ничего не предпринималъ.

Орловъ заревѣлъ:

— Положите кляпъ ему въ ротъ!

Мировичъ, засмѣявшись, сказалъ Орлову:

— Какъ же будете меня допрашивать? Съ кляпомъ во рту я вамъ не скажу ни полслова!

Императрица Елизавета видѣла или. Безплодіе брака лучше сказать, канцлеръ Бестужевъ видѣлъ, ибо Елизавета, слабаго ума, преданная пьянству и сладострастію, не могла, не умѣла видѣть совершенную неспособность въ назначенномъ наслѣдникѣ престола къ управленію не только обширнѣйшей имперіи Россійской, но и къ благоустроенному домоводству частнаго человѣка. Петръ III никакимъ дѣломъ не хотѣлъ и не могъ заняться, кромѣ ученія солдатъ экзерсиціи, безпрестаннаго перекраиванія мундировъ, курить не переставая табакъ и непремѣнно всякій день быть пьянъ и не по одному разу.

Бестужевъ, владѣя слабымъ умомъ Елизаветы, преклонилъ ея убѣжденіями своими на согласіе объявить наслѣдницею престола великую княгиню Екатерину, супругу наслѣдника, въ которой всѣ безъ изыятія видѣли великія дарованія, а его провозгласить генералиссимусомъ по соврожденной и единственной его наклонности къ дѣлу и чину воинскому. Бестужевъ получилъ уже повелѣніе Елизаветы пріуготовлять исполдволь умы при дворѣ и въ обществѣ города къ соизволенію ея назначить наслѣдницею Екатерину. Великой княгинѣ было повелѣно заниматься дѣлами или учиться, какъ править государствомъ, у канцлера Бестужева.

Слабоумный и пьяный Петръ Федоровичъ ни мало не подозрѣвалъ тетку свою, императрицу Елизавету, въ замыслахъ ея, но какъ ему нарочито было предоставлено болѣе свободы дѣлать, что хочетъ.

муштрировать голстинцевъ своихъ и кадетъ шляхетнаго корпуса, Петръ, въ знакъ благодарности своей къ императрицѣ за дозволеніе, дарованное ему дѣйствовать и располагать занятіями своими по собственному его произволу, началъ оказывать теткѣ-императрицѣ болѣе уваженія. Насмѣшки его надъ церковными обрядами, надъ духовенствомъ русскимъ, надъ дамами, окружающими государыню,—которыя, наряженныя въ преобширнѣйшіе фишбейны и съ убранствомъ на головахъ, понимавшимся перпендикулярно болѣе аршина, походили на оживотворенныя башни,—начали становиться гораздо рѣже и скромнѣе, какъ то прежде отъ него слышали.

Бестужевъ, преподавая лекціи Екатеринѣ, и безъ этого уже ему много уважаемый,—она знала, что ему обязана удостоеніемъ раздѣлять некогда тронъ императорскій,—еще болѣе приобрѣлъ ея довѣренность и, наконецъ, быть ея министромъ, повѣреннымъ всѣхъ тайныхъ ея замысловъ. Отъ нея непосредственно Бестужевъ свѣдалъ, что она съ супругомъ своимъ всю ночь занимается экзерсиціею ружьемъ, что они стоятъ попеременно на часахъ у дверей, что ей занятіе это весьма наскучило, да и руки, и плечи болятъ у нея отъ ружья. Она просила его сдѣлать ей благодарныя, уговорить великаго князя, супруга ея, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ, не заставлялъ-бы по ночамъ обучаться ружейной экзерсиціи, что она не смѣетъ доложить объ этомъ императрицѣ, страшась тѣмъ прогнѣвить ея величество.

Бестужевъ, при всей славѣ своей въ искусствѣ рѣшеніе утонченной политики, въ ухищреніяхъ проникательнаго дипломатика, т. е. знатока, совершеннаго въ искусствѣ обманывать и притворяться, не умѣлъ на этотъ разъ скрыть испуга, удивленія и вмѣстѣ отчаянія до того, что великая княгиня съ безпокойствомъ и простодушіемъ изволила спросить его:

— Что съ вами сдѣлалось, Алексѣй Петровичъ? вы перемѣнились въ лицѣ,—ахъ! я вѣрно васъ огорчила, простите мнѣ!—и заплакала. Екатерина въ то время была, дѣйствительно, милый, непорочный, чистый ангелъ, прекрасная тѣломъ и съ душою, расположенною ко всему хорошему, благородному, высокому,—къ сожалѣнію, въ сдѣланныхъ всѣмъ сии дары природы въ Екатеринѣ уступили мѣсто разврату, преступленіямъ и всякаго рода неистовствамъ.

Бестужевъ старался успокоить великую княгиню, сказавъ ей, что съ нимъ это часто случается, что онъ подверженъ головной боли, которая, однако же, скоро у него проходитъ. Просилъ великую княгиню не безпокоиться и какъ ловкій передворецъ подавивъ въ себѣ впечатлѣніе, произведенное чистосердечнымъ разговоромъ Екатерины, сдѣлался веселъ, забавенъ, рассказалъ великой княгинѣ много веселыхъ анекдотовъ, заставилъ ее смѣяться и, оставляя ее, просилъ Екатерину, чтобы она не пересказывала супругу своему о разговорѣ, бывшемъ между ними.

Екатерина съ тѣмъ же простодушіемъ, свойственнымъ наивности, отвѣчала Бестужеву:

— Великій князь никогда и ни о чемъ у меня не спрашивается: у насъ только и словъ: слушай, на караулъ и пр.

Того же дня или на другой. и вѣроятно на другой, потому что Елизаветѣ можно было говорить о дѣлѣ до 12 часовъ, Бестужевъ являясь къ императрицѣ, доложилъ ея величеству, что онъ имѣетъ дѣ-

ложить ей о самоважнѣйшемъ дѣлѣ государственномъ и всеподданнѣйше просить ея величество всемилостивѣйше назначить ему аудіенцію.

Быль-ли тотъ день, когда Бестужевъ говорилъ ея величеству, понедѣльникъ,—въ который Елизавета не соизволила ничего начинать и ничего дѣлать, слѣдуя преданіямъ суевѣрія, что понедѣльникъ день архангельскій и что начать что-либо въ понедѣльникъ—въ томъ не будетъ добраго успѣха; если въ понедѣльникъ случится какая-либо непріятность, то въ продолженіе всей недѣли будетъ слѣдовать бѣда за бѣдою,—или она была въ добромъ расположеніи и дворъ ея забавлялся увеселеніемъ, которое состояло, между прочимъ, въ томъ, что собранныя жены придворныхъ лакеевъ, истопниковъ, конюховъ лѣтомъ въ верхнемъ саду у золотой липки, названной золотою по бѣлѣмъ раззолоченной, въ которой Елизавета всегда изволила сидѣть,—пѣли и плясали, и съ ними вмѣстѣ предъ императрицей плясывалъ князь Борисъ Куракинъ, родитель вице-канцлера князя Александра и Алексѣя Куракиныхъ.

Князь Борисъ былъ любимецъ и забавникъ Елизаветы, по тогдашней модѣ носилъ большой парикъ, называемый алонже. Бабы, пѣвшія, плясавшія, сложили пѣсню плясовую, которая начиналась: «покатилась подъ гору, по Куракину двору», и пр. Князь всегда подъ эту пѣсню съ большимъ жаромъ и коверканіемъ плясывалъ, и бабы плясуньи всегда сдергивали съ Бориса большой парикъ алонже. Всемилоствѣйшая забавлялась отъ всей души, жаловала царедворцевъ своихъ и потѣшалась, а въ одинъ день, подъ вечеръ, было всемилостивѣйше пожаловано Борису Куракину нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ!

Елизавета Петровна соизволила всемилостивѣйше Бестужеву сказать: «завтра, Алексѣй Петровичъ!»

Ужаснѣйшее завтра для обоихъ! Завтра Бестужевъ долженъ былъ доложить ея величеству, что не только умственные способности наследника ея величества, но и тѣлесныя его высочества качества, находятся не въ лучшемъ состояніи! Что она, къ душевному ея и всѣхъ вѣрноподданныхъ прискорбію, не должна ласкать себя надеждою видѣть въ великой княгинѣ лозу плодотворную, что вертоградъ немогъ члѣбять и питать лозу. Великій умъ канцлера изощрялся въ изысканіяхъ, въ придумываніи средствъ, какъ дѣйствовать въ семь случаѣ, какъ преклонить и согласить три лица: императрицу, наследника ея престола и его супругу къ сознанію въ томъ, что крайнія обстоятельства заставляютъ ихъ согласиться на дѣйствіе постыдное, противузаконное, на обманъ вѣроломнѣйшій народа и всего міра!

Болѣе всего Бестужевъ опасался встрѣтить отверженіе предложенію своему въ великой княгинѣ Екатеринѣ, въ чемъ и не ошибся. Малоуміе Петра и пьянство его ручались ему за успѣхъ предначертаннаго имъ дѣйствія.

По назначенію Елизаветы явился Бестужевъ въ кабинетъ, и государыня, встревоженная предварительнымъ его извѣщеніемъ, была въ это время трезвѣе обыкновеннаго—однако же, послѣ завтрака.

Умнѣйшій своего времени, краснорѣчивый ораторъ Бестужевъ, по предварительномъ приготовленіи Елизаветы услышать ужаснѣйшую для нея вѣсть, разрушившую всѣ предначертанія ея, всю надежду, и поставившую ее въ столь затруднительное положеніе обстоятельствъ,

что дѣйствительно и съ большимъ умомъ человѣкъ не скоро бы нашлся, придумать, что должно предпринять. Сказала ей причину, ради которой онъ испросилъ у ея величества секретную аудіенцію.

Пораженная сею вѣстью, какъ громовымъ ударомъ, Елизавета казалась онемѣвшею, долго не могла вымолвить слова. Наконецъ, аарыдала и, обращаясь къ Бестужеву, сказала ему:

— Алексѣй Петровичъ, спаси государство, спаси меня, спаси все, придумай и дѣлай, какъ знаешь!

Бестужевъ: «Успокойтесь, всемилостивѣйшая государыня, есть средства, благодѣтельность, приличіе можно будетъ сохранить, а непроницаемая тайна будетъ неодолимымъ оплотомъ къ дознанію истины. Дѣйствіе будетъ первымъ примѣромъ. Въ тайныхъ изгибахъ политики много таковыхъ было и будетъ; въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Всѣмъ управляетъ неисповѣдимо Промыселъ, и люди, воображая себѣ, что они фундаторы событія, не что иное суть, какъ посредственныя, потребныя къ приведенію дѣйствія орудія. Дозвольте мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, подумать; въ непродолжительномъ времени буду имѣть счастье повергнуть на благоусмотрѣніе вашего величества мои соображенія».

Елизавета обрадованная, обнадеженная словами Бестужева, успокоилась, и разставаясь съ нимъ, повторила слова:

— Дѣлай, какъ знаешь!

* * *

Виновникомъ возвышенія [Сергѣя]¹⁾ Васильевича Салтыкова при дворѣ великаго князя Петра Ѳеодоровича былъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Онъ-же устроилъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя [по рожденіи Павла], и его удаленіе въ Швецію на постъ посла. Великая княгиня Екатерина, благоволившая къ камергеру—была весьма недовольна на Бестужева за удаленіе Салтыкова изъ Петербурга.

* * *

Сергѣй Салтыковъ Бестужевъ придумалъ дать великой княгинѣ любовника, выбравъ такового изъ молодыхъ царедворцевъ; великаго князя Петра Ѳеодоровича увѣрить въ произведеніи, котораго онъ не могъ исполнить. Всегдашнее, можно сказать, безпросыпное пьянство великаго князя удостовѣряло Бестужева въ успѣхѣ. Но какъ преклонить къ согласію великую княгиню, въ то время среди утопавшаго двора Елизаветы въ развратѣ отличавшущая примѣрною строгостію благонравія и благочестія? Когда Бестужевъ раскрылъ предъ государынею планъ предположеній своихъ, Елизавета содрогнулась, поблѣднѣла, вскочила съ кресель, запылала гнѣвомъ.

Бестужевъ, уклонившись, сказалъ:

— Всемилостивѣйшая государыня, пламенное усердіе о славѣ имени вашего величества, о сохраненіи непоколебимаго спокойствія и благосостоянія Богомъ ввѣренной вашему величеству пространнѣйшей имперіи, родило во мнѣ мысль дерзновенную, недостойную величія ва-

¹⁾ Въ копін: *Петра*.

него, высоко милостивѣйшая государыня по стеченіемъ злокачественныхъ обстоятельствъ ко спасенію всего необходимую. Что будетъ, если, чего Боже храни, обстоятельства принудятъ призвать Ульриха (находившійся въ заточеніи императоръ Иванъ Антоновичъ)?

Елизавета упала въ кресла, закрыла лицо платкомъ и послѣ долго продолжавшагося рыданія спросила Бестужева:

— Какъ же это сдѣлать?

Бестужевъ, получивши повелѣніе говорить, объяснилъ во всей подробности ея величеству предначертанное дѣйствіе.

Долго Елизавета не знала, рѣшиться ли ей приступить къ исполненію придуманнаго Бестужевымъ. Спрашивала его, нѣтъ ли какого другого способа произвестъ сіе въ дѣйствіе, и, получивъ отъ Бестужева на вопросы отвѣтъ рѣшительно отрицательный, сказала:

— Ну, такъ определено. Какъ же начнемъ?

Бестужевъ предложилъ для дѣйствія прекраснаго собою, умнаго и отличнаго поведенія передъ прочими камергера Сергѣя¹⁾ Салтыкова. Обмануть и во всемъ увѣрить великаго князя принялъ обязанность на себя.

— Что же касается, ваше величество, до преклоненія ея высочества ко вступленію въ союзъ съ нами, это единственно подлежащее вашему величеству, ибо кто будетъ имѣть дерзновение начать говорить о семъ великой княгинѣ? И ежели вашему величеству благоугодно будетъ довѣрить кому-либо склонять ея высочество, въ такомъ случаѣ всѣ предположенія будутъ при самомъ началѣ своимъ уничтожены. Великая княгиня, по выслушаніи предложенія, обратится непременно къ вашему величеству съ жалобой, и вы, государыня, будете вынуждены, приличія и величія особы ради, разрѣшить сами начатое по повелѣнію вашему и примѣрнымъ наказаніемъ обременить участь вѣрнаго исполнителя высочайшей воли вашей.

Елизавета поморщилась, подумала и сказала Бестужеву:

— Что дѣлать, — начнемъ!

Того же дня Бестужевъ вынесъ именное повелѣніе быть камергеру Сергѣю²⁾ Салтыкову при дворѣ его высочества великаго князя. Бестужевъ съ своей стороны употребилъ всѣ средства къ преклоненію на свою сторону лѣкаря Дольста, любимца Петра III.

Государыня принялась разыгрывать главную и труднѣйшую роль. Самое труднѣйшее для Елизаветы было то, что она не умѣла привязать къ себѣ великую княгиню, не могла приобрести ея довѣренности; да и какъ было это сдѣлать? Императрица — глупа, великая княгиня — великаго ума! Императрица — пьяна, великая княгиня — какъ ангелъ мила, невинна!

Болѣе 6 мѣсяцевъ продолжалось послѣ уже того, какъ императрица съ помощью Бестужева объявила ей прямое свое начертаніе, какъ должно событію совершиться.

Елизавета была принуждена, къ уничтоженію упорства великой княгини въ согласіи, сознаться ей, а о случившемся собственно съ нею рассказать великой княгинѣ, что первый предметъ любви ея былъ сѣной, который, конечно, и до сего времени не знаетъ, — говоритъ она, — о томъ, кто былъ въ его объятіяхъ (о сѣномъ счастливицѣ) рассказывалъ бывшій фаворитъ Екатерины — Александръ Семено-

¹⁾ Въ копін: *Петра*.

²⁾ Въ копін: *Петру*.

вить Васильчиковъ, который увѣрялъ, что все то ему было пересказано Екатериною).

Но всѣ сознанія въ амурныхъ дѣлахъ Елизаветы остались бы безъ успѣха, если бы великая княгиня не влюбилась въ камергера Салтыкова, а камергеръ не влюбился страстно въ великую княгиню.

Взаимная страсть любовниковъ мгновенно одолѣла всѣ препятствія, сравняла состоянія, отъ важна на всѣ опасности, закрыла будущность, и желанія Елизаветы съ Бестужевымъ получили полное совершеніе. Результатъ совершенія заключался въ томъ, что камеръ-фрау и лейбъ-медикъ великой княгини доложили императрицѣ о состояніи великой княгини въ благословенной тягости.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ замѣтили въ великомъ князѣ неблаговоленіе къ камергеру Салтыкову. Сначала, не дознавши настоящей причины нерасположенія его высочества, перетревожились, боялись, не узналъ ли наслѣдникъ о совершившемся. Но скоро всѣ безпокойства миновались, когда узнали, что великій князь изъявляетъ холодность свою Салтыкову за то, что онъ не пьетъ и не соглашается перейти въ военную службу. Бестужевъ, какъ хитрый и прозорливый политикъ, получивъ увѣдомленіе отъ государыни о состояніи тѣлеснаго положенія великой княгини, съ самодовольствіемъ принесъ императрицѣ всеподданнѣйшее поздравленіе съ изъясненіемъ искреннѣйшаго желанія о благополучномъ разрѣшеніи наслѣдникомъ. Потомъ всеподданнѣйше доложили государынѣ: «Начертанное по прѣмудрому соображенію вашего величества воспріяло благое и желанное начало, — присутствіе исполнителя высочайшей воли вашего величества теперь не только здѣсь ненужно, но даже къ достиженію всесовершеннаго исполненія и сокровенію на вѣчныя времена тайны было бы вредно. По уваженію сихъ соображеній благоволите, всемилостивѣйшая государыня, повелѣть камергеру Салтыкову быть посломъ вашего величества въ Стокгольмъ, при королѣ Швеціи».

Елизавета подписала указъ. Бестужевъ черезъ три дня вытурилъ новаго посла къ мѣсту назначенія.

Великая княгиня сердилась, дулась на канцлера, имѣла съ нимъ объясненія. При случаѣ канцлеръ сказалъ великой княгинѣ:

— Ваше высочество, государи не должны любить. Вамъ угодно было, потребно было, чтобы Салтыковъ вашему высочеству служить. Онъ выполнилъ порученіе по предназначенію, нынѣ польза службы всемилостивѣйшей нашей императрицы требуетъ, чтобы онъ служилъ въ качествѣ посла въ Швеціи. Высочайшая воля августѣйшей монархини для всѣхъ и каждого есть священный законъ.

Великій князь, не терпѣвшій Бестужева за то, что онъ преслѣдовалъ прусскаго короля Фридриха II, съ которымъ тогда вели войну, отозвался, быть можетъ, въ первый разъ благосклонно насчетъ Бестужева, сказавъ, что канцлеръ одолжилъ его назначеніемъ Салтыкова въ Швецію. что его высочеству несносно было видѣть человѣка, который молодецъ собою, но не пьетъ вина и не куритъ табаку!

Осталась роль не разыгранною Бестужева, то-есть удостовѣреніе Петра въ томъ, чего онъ не дѣлалъ. Трехъ или четырехъ-дневное пьянство, уготовленное по распоряженію Бестужева, — можетъ быть, и опіумъ былъ употребленъ для доведенія до совершенной безчувственности, до полумертвенія, — призванъ лѣкарь Дольсъ, искусная рука его, юноруженная ланцетомъ, совершила, чего желала. Великій князь, очну-

лись, испуганъ быть до крайности, увидавъ себя окровавленнымъ и, чувствуя боль, спрашивалъ, что такое съ нимъ случилось. Всѣ окружающіе, не изъявляя ни малѣйшаго удивленія, улыбаясь отвѣчали ему, что это есть обыкновенное слѣдствіе бракосочетанія и они всеподданнѣйше имѣютъ счастье принести его высочеству поздравленіе съ благополучнымъ окончаніемъ. Долго великій князь глядѣлъ на предстоявшихъ и поздравлявшихъ его, какъ на сумасшедшихъ, наконецъ, какъ говорить пословица, когда двое говорятъ — пьянъ, третій — ложись спать, а ему говорили и повторяли одно и то же 20—40 и болѣе, по-иному тому, чего не было!

Черезъ нѣсколько времени торжественно государыня объявила о беременности великой княгини, въ церквахъ молились о благополучномъ разрѣшеніи!

Не знаю, какъ это случается, но великія княгини, королевы, императрицы и даже супруги знатныхъ вельможъ и богачей всегда разрѣшаются отъ бремени первенцомъ мужеска пола! Слѣдовательно, желанная руссiйская княгиня, супруга наслѣдника, могла-ли разрѣситься отъ бремени дочерью,—нѣтъ! Всенепремѣнно должна была родить сына!

Секретѣ еще всего сказаннаго говорили старики вполголоса, что великая княгиня разрѣшилась отъ бремени дочерью; одни утверждали—живою, другіе спорили, что дитя было мертвое. Что наскоро было сыскано новорожденное дитя въ селѣ Гатчинѣ и заступило мѣсто рожденнаго великою княгиней!

Если все это справедливо—не остается ничего болѣе сказать,—судьбы Всевышняго непостижимы!

Существовавшая нелюбовь, болѣе—ненависть, вза-

Нелюбовь имно между матерью и сыномъ наводитъ великое со-
Екатерины мнѣніе и позволяеть до нѣкоторой степени находить
къ Павлу. въ преданіяхъ нѣчто вѣроятія достойное! Какая цѣль

была Екатерины дозволить Павлу составить нѣсколько баталіоновъ солдатъ изъ дезертировъ? Принимать къ себѣ въ службу въ Гатчинѣ всякаго рода бродягъ, дозволить Павлу одѣть свое войско не по данной формѣ мундирамъ руссiйской арміи? Все это несообразно съ великимъ умомъ Екатерины, ни съ честолюбивымъ ея характеромъ. Государыня, привыкшая повелѣвать царямъ-сосѣдямъ своимъ, мѣшаться въ ихъ дѣла и у нихъ властвовать, равнодушно могла видѣть въ 40 верстахъ отъ столицы своей рыцаря въ замкѣ, конечно, много сходствовавшего съ донъ-Кихотомъ, но дурачившагося по произволу и скрывавшаго въ рядахъ шутообразно одѣтыхъ дружинъ своихъ, преступниковъ довольно значительныхъ, избѣжавшихъ чрезъ вступленіе въ службу въ Гатчинѣ справедливаго мнѣнія законовъ! На дозволеніе Павлу содержать при себѣ въ Гатчинѣ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и до 1.000 конныхъ солдатъ соизволила Екатерина въ то время, когда она была уже обезпечена насчетъ наслѣдія престола. Александръ и Константинъ были уже въ отроческихъ лѣтахъ. Не справедливо ли будетъ заключить, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно, что Екатерина желала дозволеніемъ Павлу составить изъ бродягъ и преступниковъ небольшой отрядъ войскъ, вовлечь его въ преступленіе, уповала, что онъ отважится сдѣлать покушеніе возратить отнятый у него престолъ.

Опасаться важныхъ бѣдственныхъ послѣдствій отъ такового предпріятія Павлова Екатерина не имѣла причинъ: 10 тысячъ отборныхъ,

лучшихъ солдатъ гвардии, обожавшихъ ее и не любившихъ наслѣдника, готовыхъ всегда умереть за матушку всемилостивѣйшую государыню! Такъ всегда въ ея царствованіе гвардейскіе и армейскіе солдаты говорили!

Шутообразная одежда солдатъ гатчинскихъ была нѣкоторымъ образомъ порукою въ томъ, что между солдатомъ гвардейскимъ и гатчинскимъ содружество и пріязнь никогда не могутъ возникнуть. Гвардеецъ всегда насмѣхался надъ уродливо одѣтымъ гатчинскимъ воиномъ. Они другъ друга ненавидѣли, — гатчинскій герой не осмѣливался появиться въ Петербургъ. Екатерина держала около Павла шпионовъ, каждый шагъ его былъ ей въ то-же время извѣстенъ. Она знала, что ему не на кого положиться изъ офицеровъ своихъ; одинъ Аракчеевъ поступилъ къ нему изъ офицеровъ кадетскаго артиллерійскаго корпуса, одинъ безъ явнаго порока и не оглашенный преступленіемъ, одинъ не преданный пьянству и знавшій посредственно математику, олобенно что принадлежитъ до артиллеріи въ механическомъ ея составѣ. Прочіе офицеры его были невѣжды во всей силѣ слова сего. Первый главный его тактикъ и наставникъ — Линденеръ, въ семилѣтнюю съ Пруссіей войну бѣжавшій изъ войска прусскаго вѣхмистръ. Линденеръ зналъ практику, т. е. сидѣлъ крѣпко на конѣ, быть можетъ, въ свое время владѣлъ хорошо саблею, но не зналъ тактики, былъ такая-же невѣжда, какъ и прочіе, съ тою только разницею, что былъ невѣжда прусская.

Екатерина обманулась въ надеждахъ своихъ. Удивленія достойно, что императрица, знаяш неимовѣрную робость въ Павлѣ, чаяла, что онъ рѣшится на какое-либо предпріятіе! Сочиненная ею комедія во время войны со Швеціею, подъ названіемъ «Походъ подъ шведовъ», живо описываетъ геройскій духъ Павла. Сборы въ походъ его высочества, проводы его — отрывокъ или образчикъ сборовъ рыцарей крестовыхъ походовъ. Храбрость не долго гнѣздилась въ тѣлѣ героя. Павелъ быстро былъ перевезенъ изъ Петербурга въ Выборгъ; по приѣздѣ своимъ скорыми шагами соизволилъ взобраться на крѣпостныя укрѣпленія, обошелъ ихъ и тогда только изволилъ опочить отъ трудовъ. На утро другого дня, рано, со восходомъ солнца изволилъ отправиться на крѣпостную стѣну, откуда, увидавъ верхи мачтъ подходящихъ шведскихъ кораблей, изволилъ немедленно отправиться въ обратный путь въ Санктъ-Петербургъ. Симъ движеніемъ заключены всѣ подвиги на путь славы. Кампанію его можно описать тремя словами: прискакалъ, поглядѣлъ, ускакалъ.

Извѣстно всѣмъ, что Екатерина написала завѣщаніе, по которому передавала корону внуку своему Александру, устраниая отъ наслѣдія Павла Петровича, — отдавала царство сыну сына своего. Завѣщаніе или актъ сей хранился у Безбородки, который вмѣсто того, какъ ему было поручено отъ Екатерины — объявить по кончинѣ ея правительствующимъ синоду и сенату завѣщаніе, поднесъ его Павлу, когда она еще была жива, но была уже безъ памяти, полумертвая.

Двѣнадцать тысячъ душъ въ Малороссіи, титулъ свѣтлѣйшаго князя и санъ канцлера были наградою отъ Павла Безбородкѣ.

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, съ каждою минутою тиранскій, варварскій деспотизмъ, нигосударь. чѣмъ необузданная воля и прихоть бѣсновавшаго, снѣдаемаго отмищеніемъ, алкавшаго удовлетворить, насы-

тить 34 года гнѣдившуюся въ сердцѣ злобу воцарившагося Павла рас-

пространялся шире, какъ изверженная вулканомъ лава быстро пробѣгаетъ пространство, ширѣетъ и все истребляетъ на пути своемъ.

Въ первые 10 или 15 дней владычества его сотни людей, и преимущественно сословія дворянскаго, содѣлались жертвою неукротимаго гнѣва безумца. Онъ не рубилъ головъ; но заточеніе въ крѣпости, въ смрадномъ удушающемъ подземельѣ, ссылка на житіе въ пустыняхъ, вѣчно покрытыхъ снѣгомъ, среди дикихъ звѣроловцевъ — лучше ли отсѣченія головы? Ахъ! одну минуту ужаса, нѣсколько секундъ страданія, доколѣ еще бьются жилы, дымится кровь на плахѣ и, въ покотившейся головѣ съ помоста, языкъ лепечетъ невнятные, глухіе стоны — должно предпочесть заточенію и ссылкѣ, должно почитать благодѣяніемъ, если возможно согласиться съ тѣмъ, что самодержавный деспотъ способенъ благотворить!

Всѣ съ рабственнымъ подобострастіемъ преклоняли головы, исполняя вѣлѣнія царя, звѣрствомъ рыкавшего.

Отецъ, налагая оковы на сына своего. мать, сестры не смѣли оплакивать участь впавшаго въ опалу, и въ то время какъ фельдъ-егерь мчалъ въ кибиткѣ скованнаго сына или брата въ крѣпость или ссылку въ степи дикія, родственники были званы въ домъ царскій на балъ, на увеселенія, должны были казаться веселыми и любезничать съ царемъ-варваромъ, разрушителемъ душевнаго ихъ спокойствія.

Достойная и заслуженная кара дворянству русскому. глумившемуся тогда и до сего въ гнусныхъ чувствахъ и желаніяхъ быть деспотами надъ крѣпостными ихъ крестьянами.

Екатерина II. невѣдомо по какимъ побужденіямъ, къ удивленію цѣлаго свѣта, даровала дворянству права важныя, раздѣлявшія съ самодержцемъ власть. — права конституціонныя, избирать блюстителей закона, охранителей порядка. благоустройства и общаго спокойствія изъ среды своей. независимо отъ власти предрекающей; даровала хартію, предоставляющую дворянамъ полную и неограниченную свободу дѣйствовать въ отношеніи лично себя и достоянія, какъ имъ заблагоразсудится: служить по произволу въ отечествѣ своемъ или въ другомъ государствѣ; оставить навсегда отечество безъ всякой укоризны и преследованія; жить въ чужой странѣ и получать невозбранно доходы съ своего имѣнія; сказала: «дворянинъ на тѣлѣ да не накажется», сказала болѣе — мудрое. Божеское изреченіе, — сказала: «безъ суда никто да не накажется»; повелѣла и предоставила право повѣреннымъ дворянства требовать отъ всѣхъ предрекающихъ властей яснаго и подробнаго свѣдѣнія въ случаяхъ, когда кѣмъ бы то ни было, по какому-то ни было обстоятельству будетъ дворянинъ лишенъ свободы и будетъ болѣе трехъ дней находиться подъ стражею; уполномочила, когда дворяне будутъ имѣть надобность въ дополненіи или въ отмѣненіи закона, въ учрежденіи вновь чего-либо, слать къ себѣ повѣренныхъ своихъ (депутатовъ).

Дворянство русское, искони въ тинѣ невѣжества грязнувшее, преданное лѣности, пьянству, сладострастію, не умѣло или не хотѣло упрочить, утвердить непоколебимо и оградить неодолимымъ оплотомъ палладиумъ священныхъ правъ ему дарованныхъ! Не хотѣло раздѣлить правъ своихъ съ народомъ, чтобы имѣть въ немъ всегда опору, вѣрную опору, несокрушимую; пожелало тогда — увы, и до нынѣ еще желаетъ — сохранить гнусное право деспотизма быть властелиномъ неограниченнымъ надъ рабами, крѣпостью, какъ цѣлью, скованными, продавая ихъ какъ утварь, какъ домашній скотъ. Сіе скaredное. преарх-

тельное желаніе дворянъ въ то же время, когда права были имъ дарованы, обезсилило ихъ, можно сказать, разрушило, уничтожило, и права остались какъ бы только для памяти напечатаннымъ, въ существѣ же безъ силы и дѣйствія. Народъ или крѣпостные рабы, оставшись по-прежнему подъ игомъ рабства, пребыли попрежнему непримиримыми врагами дворянамъ.

Народъ восхищался, одобрялъ, выхвалялъ всѣ злодѣянія Павла, надъ дворянами совершавшіяся. Въ народѣ не шепотомъ — вслухъ говорили относительно дворянъ: «вотъ онъ переберетъ ихъ, варваровъ, отжили они красные дни».

Не предполагайте того, что воцарившійся императоръ ласкалъ, старался привлечь къ себѣ народъ, приобрѣсть любовь его — нѣтъ. Его величество и низшаго и высшаго равно коверкалъ, всѣ были, по глаголу писанія, въ равномъ достоинствѣ, и кто ему въ минуту бѣснованія его попадался въ глаза или кто, къ несчастію своему, приходилъ на память, того онъ и каралъ безъ всякаго милосердія.

Воспоминанія В. И. Засуличъ.

Близкія лица усопшей В. И. Засуличъ,—и я въ ихъ числѣ,—за много лѣтъ до ея смерти, устно и въ своихъ письмахъ приставали къ ней съ просьбами, чтобы она писала свои воспоминанія. Но по разнымъ причинамъ,—главнымъ образомъ, вслѣдствіе изумительной скромности, которая была присуща Вѣрѣ Ивановнѣ,—она рѣшительно отклоняла эти совѣты. Только лѣтомъ 1909 г., живя въ своемъ «имѣніи» [въ Тульской губ.], она, какъ увидить ниже читатель, подъ вліяніемъ случайныхъ впечатлѣній, въ разное время, урывками, не заканчивая, набросала нѣсколько не связанныхъ между собою отрывковъ, не всегда понятныхъ лицамъ, не посвященнымъ. Воспроизводя эти отрывки, постараюсь дать необходимыя поясненія.

Л. Деичъ.

1909 г. Лѣто.

Достала переводъ романа Уэльса. Такъ какъ давно не читала по-англійски, то для упражненія, кромѣ заказаннаго романа, купила еще нѣсколько книжекъ того-же автора. Увезла ихъ въ свою избу на хуторъ Грѣково¹⁾. Сидѣла подъ вечеръ у себя на крыльцѣ и читала «The time machine» (Машина времени). Солнце за рощей должно быть совсѣмъ зашло,—темно читать; положила я книгу, сѣла на машину и поѣхала въ прошлое. Нѣтъ, здѣсь неинтересно,—близкое прошлое совсѣмъ неинтересно, въ болѣе далекомъ поднимутся лѣса зеленые, дремучіе, но и только. Вотъ, если въ Бяколово... И мгновенно изъ-подъ Тулы я перенесла машину въ Гжатскій уѣздъ, въ помѣщичью усадьбу, и уѣхала на пятьдесятъ лѣтъ въ прошлое,—послѣдній годъ жизни стараго дома: его перестроили какъ разъ наканунѣ освобожденія. Вокругъ меня тогдашнее Бяколово со всѣми красками, звуками, со всѣми его обитателями: Мимина, дѣти, собаки, кошки... У меня всегда была плохая память на имена, но никогда не забывала я, и теперь помню, какъ звали всѣхъ многочисленныхъ собакъ и...

[На этомъ словѣ обрывается разсказъ, затѣмъ въ тетради семь чистыхъ страницъ и на 10-й—слѣдующій отрывокъ. Л. Д.].

Она²⁾ въ самомъ началѣ XIX вѣка воспитывалась въ Сиротскомъ институтѣ. Попала туда, кажется, съ самаго рожденія, никакой семьи во всякомъ случаѣ у нея никогда не было. Всю жизнь прожила она въ чужихъ богатыхъ домахъ, воспитывала чужихъ дѣтей. Я была первымъ ребенкомъ, отданнымъ въ ея полное распоряженіе, существовавшимъ, въ Бяколово, по крайней мѣрѣ, специально для нея. Еще до моего рожденія она уже лѣтъ 10—12 прожила въ Бяколово, воспитывала тетокъ и дядю. Когда умеръ ихъ

¹⁾ Этотъ хуторъ принадлежитъ Фед. Гермогеновичу Сидовичу, предоставившему Вѣрѣ Ивановнѣ клочокъ земли, на которомъ имѣется изба и небольшой дворъ нея прѣтникъ. Туда, вплоть до начала войны, она пріѣзжала каждое лѣто. Л. Д.

²⁾ Какъ увидимъ ниже, это—губернانتка или воспитательница Мимина. Л. Д.

отецъ,—мать умерла еще раньше,—старшей теткѣ было лѣтъ 20, самой меньшей—14, дядѣ—16.

Мими́на была нужна,—этого декорумъ требовалъ, а она поставила условіемъ, чтобы въ домѣ былъ ребенокъ. Воспитаніе Лулу (меньшая тетка) кончается, а она не можетъ оставаться безъ дѣла. Такимъ образомъ я попала въ Бяко́лово ¹⁾.

Взялась она за меня, должно быть, очень ретиво.

Я рано помню себя, но не помню, когда училась читать и писать по-русски и по-французски; понимать по-французски я тоже начала съ незапамятнаго для меня времени. Говорили, что обучить меня всему этому и нѣсколькимъ стихотвореніямъ въ прибавку, а также—молитвамъ, она ухитрилась, когда мнѣ было три года.

Розги въ Бяко́ловѣ были не въ употребленіи,—я не слыхала, чтобы тамъ кого-нибудь сѣкли, а я,—говорили,—была въ то время очень мила и забавна, а испортилась позднѣе. Сѣкла она меня, должно быть, просто для усовершенствованія, слегка. Я не помню ощущенія боли, но помню, что операція должна была производиться въ банѣ на лавкѣ. Меня на эту лавку укладываютъ, а я изъ всѣхъ силъ подвигаюсь къ краю и свертываюсь внизъ, а меня опять укладываютъ, и такъ безъ конца.

Одна изъ тетокъ вышла замужъ, пошли свои дѣти,—бяколовцы. Ня въ Мими́нѣ, ни во мнѣ съ ней вмѣстѣ надобности уже не было, тогда, должно быть, я и испортилась.

Мими́на, возможно, любила меня по-своему, но тяжелая это была любовь. Вдвоемъ со мною она все что-то говорила, говорила по-французски, по большей части, что-то тяжелое, непріятное, иногда страшное. Если я поровнилась отойти отъ нея, она возвращала меня на мѣсто. Когда она говоритъ со мной, она исполняетъ свой долгъ, а мой долгъ—слушать, пользоваться ея наставленіями, пока она жива. Скучное я пропускала мимо ушей, но страшное запоминалось. «Тебѣ хочется убійать, пожалѣешь, когда я умру. Захочешь тогда увидѣть Миминочку, прійдешь на кладбище: ручей, двѣ-три березы, да еще искреннія слезы—вотъ монументовъ красота,—другихъ мнѣ не нужно. Прійдешь, увидишь трещину въ землѣ, заглянешь въ нее, а изъ земли на тебя взглянетъ нѣчто отвратительное, ужасное: черепъ съ оскаленными зубами, а Миминочку ужъ не увидишь».

Часто вмѣсто нотаций она говорила стихи: «Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ... Надгробные тамъ воють лики». По своему, для того времени, она была очень образована. Даже стихи иногда сочиняла. Гроба я никогда не видала, но знала, что страшный, длинный, а надъ нимъ рисовало воображеніе—«лики» одни, безъ туловищъ, темно-красные, съ разнатыми ртами и воють «ууу». Къ страшному я причисляла и оду «Богъ», которую она такъ часто деклампировала, что невольно лѣтъ 6-ти я знала ее наизусть, запомнивъ изъ нея отрывки, и почью, если я не успѣвала заснуть, прежде чѣмъ захрапится Мими́на, этотъ мудреный Богъ «пространствомъ безконечный—безъ лицъ въ трехъ лицахъ божества», вмѣстѣ съ черепомъ, «ликами» и другими страхами, противъ воли повторялся въ головѣ и мѣшалъ мнѣ заснуть.

Въ томъ же родѣ знала она и французскіе стихи: «O, toi, qui déroula tous les siècles, comme un livre»; потомъ я открыла, что это стихи Вольтера. Сомнѣваюсь, знала-ли она, что это его стихи? Что на свѣтѣ есть безбожники, вольтерьянцы, это я отъ нея тогда еще слыхала.

¹⁾ Родилась Вѣра Ивановна въ д. Михайловѣ, нѣмѣнн матери, того же Гжатскаго уѣзда, Смолен. губ., 29 іюля 1849 г. Л. Д.

Тогда она переживала, вѣроятно, трудное время: изъ сравнительно почетнаго положенія (я еще помню, когда кушанья за столомъ начинали обносить съ нея), она чувствовала, должно быть, что спускается постепенно въ положеніе ниже гувернантки,—въ положеніе приживалки.

Ей было подѣ 60, глаза слабы, такъ толста, что, при маленькомъ ростѣ, была почти шарообразна. Поздно искать новаго мѣста, а поговорить объ этомъ было не съ кѣмъ, кромѣ меня. Приживалка до самой смерти. Подумывала, вѣроятно, о смерти, хотя недолго,—прожила еще лѣтъ 35,—въ концѣ 80-хъ г.г. была жива.

Любовь, вѣроятно, выражалась и въ томъ, что она не хотѣла, чтобы я любила тетку. Она не разъ съ чувствомъ говорила мнѣ: «мы здѣсь чужія, насъ никто не пожалѣетъ». Я живо помню, что именно такія рѣчи меня сильно огорчали,—съ этимъ я мириться не хотѣла, не хотѣла быть чужой. Помню даже, что вела упорную войну съ мальчикомъ, казачкомъ, который, высунувъ голову изъ передней, усленно шепталъ,—если кто-нибудь изъ старшихъ оглядывался, голова быстро исчезала, чтобы опять появиться. Не слышно было ничего, только видно, что онъ шепчетъ: «Вѣрочка Засулчѣ» и также шепотомъ я съ озлобленіемъ возражала въ рпфму: «неправда,—Микуличъ, Микуличъ!»

Но чѣмъ дальше, тѣмъ большее множество вещей твердило мнѣ, что я чужая—не бяколовская. Никто никогда не ласкалъ меня, не цѣловалъ, не сажалъ на колѣни, не называлъ ласковыми именами. Прислуга, при малѣйшей досадѣ на меня не...

[Черезъ семь страницъ—на 19-й стр. тетради, уже не о пребываніи въ дѣтствѣ въ с. Бяколовѣ, а о посѣщеніи Коллзея въ Рпмѣ, насколько помню, въ срединѣ 80-хъ г.г. Затѣмъ черезъ пять страницъ В. П. вновь возвращается къ своему дѣтству. Отрывокъ о посѣщеніи Коллзея въ Рпмѣ—я помѣщаю въ самомъ концѣ. Л. Д.].

Лѣтъ 11 должно быть мнѣ было, когда въ Бяколовѣ, въ первый разъ появилось евангеліе,—новенькая книга, безъ переплета и даже не разрѣзана. Было, вѣроятно, и прежде, но по-славянски, и ея никто не читалъ. Теперь великимъ постомъ, я каждый день должна была прочитывать вслухъ (слушали всѣ тетки, Мимина, дѣти и даже няньки) по главамъ или по страницамъ—ужъ я не помню, но только такъ, что въ первый день читалась глава изъ одного евангелія, затѣмъ изъ второго, третьяго, четвертаго, а на пятый опять возвращалась къ первому, съ такимъ расчетомъ, чтобы главы, начинающія съ тайной вечери, остались на послѣдніе дни страстной недѣли.

До этого на содержаніе религій я не обращала вниманія, не думала о ней. Доставляла она мнѣ изрѣдка удовольствіе, а больше скуку. Нѣсколькимъ короткимъ молитвамъ Мимина меня еще трехъ лѣтъ выучила, потомъ прибавилось нѣсколько другихъ подлиннѣе. Мое дѣло было дважды въ день протрещать ихъ предъ образомъ, какъ можно быстрее. Къ семи годамъ (къ первой исповѣди) выучила «Вѣрую» и знала краткую священную исторію въ вопросахъ и отвѣтахъ, при этомъ—креститься и кланяться, а кончивши, поклониться въ землю и убѣжать. Чуть не половину фразъ я въ нихъ совсѣмъ не понимала и не интересовалась понять. Подъ праздники у насъ часто служили всенощную. Это было довольно скучно—ничѣмъ развлечься не было возможности: наблюдали, чтобы стояла смиренно, время отъ времени крестилась. Я обыкновенно съ нетерпѣніемъ ждала чтенія евангелія: первыхъ, скоро конецъ, значитъ, а, во-вторыхъ, развлеченіе. Мы дѣти, должны были тогда подойти къ священнику. Меньшіе впереди, а я свали. Онъ всѣхъ накрывалъ епитрахилью, которая и ложилась на мою голову какъ самую высокую.

«Пастырь добрый, душу свою полагает за овцы своя, а наемникъ божій нѣтъ». И я видѣла, какъ по полю, куда-то въ темноту, длинными ногами, бѣжитъ «наемникъ», но въ чемъ тутъ дѣло, я вовсе не интересовалась. Пока стояла съ покрытой головой, мелькалъ вопросъ—въ чемъ тутъ дѣло: какъ пастырь «полагалъ душу» и куда бѣжитъ наемникъ? Но кончалась всенощная, кончался и интересъ. «Большихъ» я никогда и ни о чемъ не спрашивала: выйдетъ непременно такъ, что разбранятъ. Мимина рада была бы вопросу и отвѣтила бы длинно, но въ концѣ-концовъ «добрымъ пастыремъ» оказалась бы она, а я овцой,—это въ лучшемъ случаѣ, а то и «наемникомъ», который всегда готовъ убѣжать, когда его учатъ и хотятъ ему добра.

Бздить къ обѣднѣ это была радость. Церковь за 5 верстъ, брали не часто, и то только лѣтомъ. Возили меня и въ гости къ сосѣднимъ помѣщикамъ, гдѣ были дѣти, бздили и въ лѣсъ, но все это послѣ обѣда, а въ церковь утромъ. Все выглядитъ совсѣмъ иначе, и солнце, и небо другія, и ѣдешь въ нарядномъ платьѣцѣ и соломенной шляпкѣ. А въ церкви по уголкамъ иконы, цвѣтные стекла, ладонь такъ красиво окрашивается, попадая въ полосу свѣта, и синія, желтыя, зеленыя пятна, и странно перекрашиваютъ платки на головахъ бабъ. Тамъ не успѣешь соскучиться, какъ ужъ поютъ «ниже херувимы». О Святой и Страстной и говорить нечего,—это самое счастливое время въ году. Но съ Богомъ, съ религіей—это все-таки въ моей головѣ почти не связывалось въ...

По собственной волѣ я твердила: «крестъ на мнѣ, крестъ во мнѣ».... когда боялась въ темнотѣ; тутъ Миминины молитвы не годились. а этой меня выучила горничная дѣвочка, которая тоже боялась и увѣряла, что она помогаетъ.

Были и еще случаи, когда я бросалась молиться, но уже своими словами. Это, когда по моему мнѣнію, меня обвинили, разбранили напрасно: взволнованная въ слезахъ, вся дрожа, я становилась въ пустой комнатѣ передъ образомъ и шептала, шептала, всхлипывая.

Я не помню, чтобы ждала я себѣ отъ этого какой пользы, не думала я, что Богъ какъ-нибудь за меня заступится, это были просто завѣренія въ своей невинности «всебѣдущему», чуть не упреки: «вѣдь ты знаешь, вѣдь ты знаешь!.. Развѣ я когда?» и т. д.

Разъ какъ-то, помню, попалась: какая-то изъ тетокъ пошла за мной.— должно быть, найдя еще что-то, прибавить къ нотаци,—и застала, что я что-то шепчу передъ образомъ. Если бы я сказала, что именно я шептала,—это, думаю, произвело-бы благопріятное для меня впечатлѣніе. Но я, конечно, не созналась; на вопросъ—что это я шепчу—отвѣтила: «такъ»,—и получила, разумѣется, добавочную нотацію: «шептать какія-нибудь глупости предъ иконой не смѣть,—къ Богу слѣдуетъ обращаться только съ молитвой».

Начала я вслухъ читать евангеліе съ неудовольствіемъ. Сама бы я прочла,—я читала въ это время рѣшительно все, что попадалось подъ руку, но вслухъ, при большихъ... Понемногу, однако, содержаніе книги начало привлекать меня. Онъ добрый, хорошій. Онъ сразу совершенно отдѣлился для меня отъ непонятнаго, скучнаго, немного страшнаго Мимининаго бога, для котораго надо ѣсть постное, бормотать молитвы. Онъ добрый хорошій, простымъ понятнымъ для меня образомъ, и я вѣдь знала, что въ концѣ Его убьютъ, съ нетерпѣніемъ и какимъ-то страхомъ стала я ждать этихъ главъ. Въ это же время въ дѣтскомъ журналѣ, который получали сосѣдніе помѣщики и присылали мнѣ на прочтеніе, было помѣщено стихотвореніе Мея «Слѣпорожденный». Я его списала и выучила. Оно тоже слплось съ впечатлѣніемъ евангелія. Всѣ считали слѣпорожденнаго самымъ дурнымъ. «Немало гру-

быхъ разговоровъ, намёковъ, брани и укоровъ еще ребенкомъ вынесъ онъ». А Христосъ его пожалѣлъ, подошелъ къ нему и исцѣлилъ, и прокаженные были самые печальные, всѣ ихъ отъ себя гнали. Воскресилъ дѣвочку, я въ воображеніи расписывала подробности.

Не знаю, для чего заправа Мимины евангеліе въ промежуткахъ между чтеніемъ, но несомнѣнно, что такимъ образомъ книга произвела гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ если бы я сразу прочла ее. Не съ отвлеченнымъ, невѣдомымъ Богомъ произошло для меня все это: ночь въ Гефсиманскомъ саду: «не спите, часъ мой близокъ»,—проситъ Онъ учениковъ, а они спятъ... и вся эта дальнѣйшая мучительная исторія. Я нѣсколько недѣль жила съ Нимъ, воображала Его, шептала о Немъ, оставшись одна въ комнатѣ. Всего больше волновало меня, что всѣ, всѣ бѣжали, покинули, и дѣти тоже, которыя встрѣчали Его съ пальмовыми вѣтвями, пѣли осанна. Они спали, должно быть, и не знали. Я не могла не вмѣшаться: одна дѣвочка, хорошая дѣвочка, дочь первосвященника слышала, какъ говорили, что Его схватятъ,—Иуда уже выдать,—будутъ судить и убьютъ. Она мнѣ сказала, мы съ ней побѣжали и созвали вмѣстѣ дѣтей: «послушайте только, что они хотятъ сдѣлать:—Его, Его убить! Вѣдь лучше Его на свѣтѣ нѣтъ». Воображаемыя дѣти соглашались. Понятно, мы бросились бѣжать по саду, прибѣгли, но дальше ничего не выходило. Не смѣла я ничего дальше выдумывать безъ Его дозволенія и еще меньше смѣла говорить за Него. Это не страхъ былъ, а горячая любовь, благоговѣніе что-ли; я знала, что Онъ Богъ,—тоже Богъ, какъ и Его Отецъ, но Онъ гораздо лучше,—Того я не любила. Молиться Христу ни за что бы я не стала. Приставать къ Нему съ моими жалобами! Не Его заступничества просить мнѣ хотѣлось, а служить Ему, спасти Его.

Года черезъ 4 я уже не вѣрила въ Бога, и легко разсталась я съ этой вѣрой. Жаль было сперва будущей жизни, «вѣчной жизни» для себя, но жаль только, когда я думала спеціально о ней, о прекрасномъ садѣ на небѣ. Земля отъ этого хуже не становилась. Наоборотъ. Одновременно съ этимъ я опредѣляла свою «будущую жизнь» на землѣ, и такъ она вставала предо мною безконечная... Въ 15 лѣтъ и одинъ годъ кажется огромнымъ временемъ. А то единственное въ религіи, что врѣзалось въ мое сердце—Христосъ—съ Нимъ я не расставалась; наоборотъ, какъ будто связывалась тѣснѣе прежняго.

Какъ началось это пріобрѣтеніе будущей жизни на землѣ? Постепенно, издавна, черта за чертой складывалась она предо мной, далекая еще, неясная въ сіяющемъ туманѣ, но несомнѣнная для меня. Мнѣ кажется, что лично меня толкало жадно ловить все, что говорило о какомъ-то будущемъ, мое отвращеніе отъ будущаго, которое сулили мнѣ сложившіяся общественныя условія, о которыхъ упоминали въ Бяколовѣ: гувернантка (т. е. стать гувернанткой. Л. Д.). Все, что угодно, только не это!...

[Изъ Бяколово Вѣру Ивановну, лѣтъ 15-ти отвезли въ Москву, гдѣ помѣстили въ частномъ пансіонѣ. Л. Д.].

Еще до революціонныхъ мечтаній, даже до пансіона я строила глупые планы, какъ бы мнѣ избавиться отъ этого (т. е., чтобы не стать гувернанткой. Л. Д.). Мальчику въ моемъ положеніи было-бы, конечно, гораздо легче. Для его плановъ будущаго широкій просторъ...

И вотъ этотъ далекій призракъ революціи сравнялъ меня съ мальчикомъ: я могла мечтать о «дѣлѣ», о «подвигахъ», о «великой борьбѣ»... «въ станѣ погибающихъ за великое дѣло любви». Я жадно ловила всѣ подобныя слова въ стихахъ, въ старинныхъ пѣсняхъ: «скорѣй дадимъ другъ другу

руки и будем мы питать до гроба вражду къ бичамъ земли родной»,—въ стихахъ иногда и тамъ, быть можетъ, гдѣ въ мысляхъ автора было другое, находила у своего любимаго Лермонтова и, конечно, у Некрасова.

Откуда-то попалась мнѣ исповѣдь Наливайки Рытѣева ¹⁾ и стала одной изъ главныхъ моихъ святынь: «извѣстно мнѣ: погибель ждетъ того, кто» и т. д. И судьба Рытѣева была мнѣ извѣстна. И всюду, всегда все героическое, вся эта борьба, возстаніе было связано съ гибелью, страданіемъ.

«Есть времена, есть цѣлые вѣка, когда ничто не можетъ быть прекраснѣе, желаннѣе терноваго вѣнка». Онъ-то и влекъ къ этому «стану погибающихъ», вызывалъ къ нему горячую любовь. И несомнѣнно, что эта любовь была сходна съ той, которая являлась у меня къ Христу, когда я въ первый разъ прочла евангеліе. Я не измѣнила ему: Онъ самый лучшій, Онъ и они достаточно хороши, чтобы заслужить терновый вѣнецъ, и я найду ихъ и постараюсь на что-нибудь пригодиться въ ихъ борьбѣ. Не сочувствіе къ страданіямъ народа толкало меня въ «станъ погибающихъ». Никакихъ ужасовъ крѣпостного права я не видала, а къ бѣднымъ я сперва поневолѣ, съ горькой обидой, потомъ чуть не съ гордостью сама себя причисляла,—а что пока я живу, какъ богатая, это я своей бѣдой, а не привилегіей считала...

Ни о какихъ ужасахъ крѣпостного права въ Бяколовѣ я не слыхала,—думаю, что ихъ и не было. Съ деревней, впрочемъ, господскій домъ и не имѣлъ никакихъ сношеній, кромѣ праздничныхъ, такъ сказать. На дворѣ устраивалось угощеніе постлѣ жатвы. Послѣ каждой свадьбы нарядные «молодые» приходили «на поклонъ», но до хозяйства тетки совершенно не касались. Его велъ Капша, какъ звали его господа, и Капштонъ Васильевичъ—для двора и деревни.

Имѣніе было изъ самыхъ благоустроенныхъ въ округѣ. Большинство крестьянъ—на оброкѣ, ходили на заработки въ Москву, верстѣ за 120—130. Главные доходы, кромѣ оброка,—скотный дворъ, конскій заводъ, птицы, плодовый садъ, оранжерея. Все это до деревни не касалось, а было на рукахъ у дворовыхъ, очень многочисленныхъ: цѣлая улица дворовыхъ избъ. Что съ дворовыми отношенія были недурныя, доказательство, что всѣ остались на своихъ мѣстахъ, и хозяйство не измѣнилось и ничуть не сократилось; что не было никакихъ наказаній, это навѣрное. Я знала бы объ этомъ отъ дворовыхъ ребятъ и навѣрное запомнила бы. Быть можетъ, именно вслѣдствіе мягкости Капитоновскаго управленія...

Легко разсталась я съ Бяколовымъ. Я не думала тогда, что весь вѣкъ буду вспоминать его, что никогда не забуду ни одного кустика въ палисадникѣ, ни одного стараго шкапа въ коридорѣ, что очертаніе старыхъ деревьевъ, видныхъ съ балкона, будетъ мнѣ сниться черезъ долгіе-долгіе годы... Я любила его и тогда, но впереди ждала и манила необъятная жизнь, а тутъ «сонъ кругомъ глубокій», и эта вялая жизнь не моя, вѣдь я на томъ и помпиралась съ ней, что согласилась, что я «чужая»...

Этотъ годъ, семнадцатый годъ моей жизни, былъ полною самой напряженной внутренней работы: я окончательно взяла судьбу въ свои руки ²⁾...

¹⁾ Мнѣ кажется, она была въ первомъ изданіи большой трехтомной хрестоматіи, по которой мы проходили литературу,—изъ второго, вышедшаго послѣ польскаго восстанія, было много выкинуто, отрывокъ, напр., изъ «Валленштейна», котораго я тоже знала наизусть.

²⁾ На этомъ обрываются воспоминанія В. И. объ этомъ періодѣ. Помню изъ ея рассказовъ, что по окончаніи ученія въ пансіонѣ, В. И. отправилась въ Петербургъ, чтобы жить самостоятельно. Л. Д.

На Васильевскомъ островѣ, кажется, въ Андреевскомъ училищѣ для готовившихся въ учителя давали предметные уроки обученія по звуковому методу. Черкѣзовъ ¹⁾ познакомилъ меня съ учителемъ, и я стала ходить на эти уроки. Однажды учитель зазвалъ человѣкъ 7—8 изъ слушателей, и меня въ томъ числѣ, въ свою квартиру: «надо поговорить о томъ, что слѣдуетъ читать учителямъ, чтобы приготовиться къ своей дѣятельности». Выбрали вечеръ. Собралось насъ въ маленькой комнаткѣ человѣкъ 10. За столомъ не хватило всѣмъ мѣста.

Нѣсколько человѣкъ сидѣло въ сторонкѣ на кровати, отдернувъ закрывавшую ее занавѣску на пинуркѣ. Эти учителя,—всѣ очень молоды, не старше меня самой, и раньше не представлялись мнѣ особенными мудрецами. Теперь изъ начавшихся разговоровъ я увидѣла, что они очень мало знаютъ, меньше меня самой.

Моя застѣнчивость быстро исчезла поэтому, я начала вмѣшиваться и оказалось удачно: меня слушали, и большинство становилось на мою сторону. Кто-то предложилъ читать по педагогикѣ и назвалъ какую-то книгу. Одинъ изъ сидѣвшихъ въ сторонѣ на кровати, лицо котораго показалось мнѣ незнакомо (Яковлевъ назвалъ его учителемъ приходского Сергіевскаго училища), возражалъ, я присоединилась къ нему. Сторонники чтенія по педагогикѣ были немедленно побѣждены. Педагогикъ—педагогическій, но важнѣе самимъ-то педагогамъ хоть немного разбираться въ вопросахъ жизни. Но что-же читать? Всѣ какъ-то примолкли на минуту. Я начала тогда называть достойное по моему прочтенію: «Историческія письма» Миртова, печатавшіяся тогда въ «Недѣлѣ», Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго, котораго я въ это время читала по вечерамъ, придя съ работы. Пыталась я его читать еще въ пансіонѣ, но тогда дѣло шло плохо,—книга и тогда казалась мнѣ понятной, но не достаточно интересной. Теперь я читала его такъ, какъ когда-то уроки учила: прочту главу и расскажу самой себѣ ея содержаніе. Подъ конецъ, читая Милля, я начала иногда угадывать заранее, что именно возразить на то или другое мѣсто Чернышевскій, и, когда удавалось, была очень довольна. Все, что называла, заслуживало полнаго одобренія Яковлева, новаго господина на кровати и одного наиболѣе рѣчистаго изъ учениковъ; остальные молчали. Начали ихъ разспрашивать, что они уже читали, и, оказалось, что очень мало, нѣкоторые читали кое-что изъ Писарева, но ни одинъ не читалъ Добролюбова. Я сказала, что моя любимая статья Добролюбова «Когда же придетъ настоящій день».

— А когда же онъ придетъ?—спросилъ одинъ изъ учениковъ.

Я сказала, что Добролюбовъ думаетъ, что при поколѣніи, которое «вырастетъ въ атмосферѣ надеждъ и ожиданій».

«При насъ, значитъ»,—замѣтилъ господинъ на кровати.

Когда расходились, онъ рекомендовался мнѣ Нечаевымъ и просилъ прийти въ Сергіевское училище.

«Что-же, тамъ тоже учителя собираются?»—спросила я.

«Нѣтъ, учителя не собираются, но надо намъ потолковать».

Черезъ мѣсяцъ или два имя Нечаева знало все студенчество и все общество, интересовавшееся студенческими исторіями. Но въ это время оно не говорило мнѣ ровно ничего. Пойти на его приглашеніе я не собралась.

Чуть не съ самаго появленія саратовцевъ я уже слышала, что въ этомъ году непременно будутъ студенческія волненія. Почему, для чего,—этого я добиться не могла, но этому радовались, и я готова была радоваться.

¹⁾ Известный тогда владѣлецъ библіотеки, въ которой служилъ вѣд. В. И.,—мужъ ея оотримъ, нечаевецъ, П. Успенскій. Л. Д.

Собственно официально-признанные студенческие «беспорядки», обозначившиеся арестами нѣсколькихъ человѣкъ и высылкой изъ Петербурга около сотни, кажется, студентовъ, произошли только весной.

[Во 2-й тетради Вѣра Ивановна останавливается на Нечаевскомъ дѣлѣ. Д. Л.].

Не помню, съ чего началось дѣло ¹⁾. Мои воспоминанія уже застаютъ студентовъ раздѣленными на два лагеря: «умѣренныхъ»—Езеровцевъ и «радикаловъ»—Нечаевцевъ. Езеровцы были въ большинствѣ. Но и тѣ, и другіе, вмѣстѣ взятые, составляли маленькое меньшинство среди студенчества.

Это была группа инициаторовъ, человѣкъ въ триста, подобранныхъ изъ студентовъ перваго и втораго курсовъ всѣхъ тогдашнихъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга: университета, медицинской академіи, технологическаго и земледѣльческой академіи.

[Однажды, когда Вѣра Ивановна, ночевавшая у Томиловой, хорошей знакомой Нечаева, осталась одна въ комнатѣ, онъ туда зашелъ и сталъ рассказывать ей о своемъ планѣ въ скоромъ времени произвести въ Россіи революцію. Но Вѣрѣ Ивановнѣ это казалось невѣроятнымъ. Л. Д.].

Мнѣ такъ тяжело, такъ тоскливо было говорить свои «невѣроятно это»... «не знаю»... Я видѣла, что онъ говоритъ очень серьезно, что это не болтовня о революціи: онъ будетъ дѣлать и можетъ дѣлать,—вѣдь верховодить же онъ надъ студентами?...

Служить революціи—величайшее счастье, о которомъ я только смѣю мечтать, а, вѣдь, онъ говоритъ, чтобы меня завербовать, иначе и не подумалъ бы... И что я знаю о народѣ: бяковскихъ дворовыхъ или своихъ, брошюровщикъ ²⁾, а онъ самъ изъ рабочихъ...

Быстро мелькали въ головѣ взволнованныя мысли.

— Но вы не отказываетесь дать свой адресъ?—спросилъ замолчавшій было Нечаевъ.

Объ этомъ у насъ была рѣчь уже раньше. Я тотчасъ схватила за это.

— Конечно, нѣтъ! Я вѣдь очень мало знаю и очень хочу что-нибудь дѣлать для дѣла. Я не вѣрю, чтобы изъ этого именно вышла революція, но, вѣдь, я и никакого другаго пути не знаю; я все равно ничего не дѣлаю и буду рада помогать, чѣмъ только смогу.

Я, конечно, не помню, въ точности своихъ словъ, но живо помню свое тогдашнее состояніе. Вѣдь это былъ первый серьезный разговоръ о революціи, первый шагъ къ дѣлу, какъ мнѣ тогда казалось. Нечаевъ, видимо, обрадовался моей сдачѣ.

— Такъ по рукамъ, значить?

— По рукамъ.

Онъ вышелъ въ другую комнату что-то сказать Аметистову ³⁾. Я тоже встала и начала ходить по комнатѣ. Онъ вернулся на свое мѣсто и вдругъ сразу:

— Я васъ полюбилъ...

Это было болѣе, чѣмъ неожиданно. Какъ съ этимъ быть? Кромѣ изумленія и затрудненія, какъ отвѣтить, чтобы не обидѣть, я ровно ничего не чувствовала и еще раза два молча прошлась по комнатѣ.

¹⁾ Известные студенческіе беспорядки въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга и Москвы, въ 1869 г. Л. Д.

²⁾ Въ это время В. И. работала въ одной брошюровочной, основанной на артельныхъ началахъ. Л. Д.

³⁾ Одинъ изъ нечаевцевъ. Л. Д.

— Я очень дорожу вашим хорошим отношением, но я вас не люблю,—отвѣтила, наконецъ.

— Насчетъ хорошаго отношенія, это—чтобы позолотить пилюлю, что-ли? Я не отвѣтила. Онъ поклонился и вышелъ.

Недоумѣніе, въ которое привелъ меня послѣдній эпизодъ, какъ-то стерло, разбавило силу чувства, вызваннаго предыдущимъ разговоромъ, и я, походивши еще немного по комнатѣ, улеглась на диванъ и тотчасъ же заснула.

Утромъ за самоваромъ мы встрѣтились съ Нечаевымъ, какъ ни въ чемъ не бывало,—какъ будто никакого недѣловаго эпизода вовсе и не было.

Дѣло въ томъ, что какимъ-то инстинктомъ я его «полюбить» совѣтъ не повѣрила, и, такъ какъ думать объ этомъ мнѣ было почему-то неприятно, я и не думала. Позднѣе я убѣдилась, что инстинктъ подсказалъ мнѣ правду. Нѣжныя отношенія, въ которыхъ не обошлось безъ признанія въ любви, были у него и въ это время, и скоро послѣ, за границей, въ Москвѣ. Невѣроятно, чтобы при этомъ огромномъ дѣлѣ (въ его намѣреніяхъ, по крайней мѣрѣ), которое онъ предпринималъ, полагаясь на одного себя,—въ его душѣ оставалось мѣсто для нѣсколькихъ «любвей» или ловеласничанья. Вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ признавался въ любви, когда считалъ это нужнымъ для дѣла.

По заповѣди «Катехизиса»,—«революціонеръ—человѣкъ обреченный: для него нѣтъ ни любви, ни дружбы, никакихъ радостей, кромѣ еднѣй революціонной страсти. Для революціонера не должно быть никакой нравственности, кромѣ пользы дѣла. Нравственно все то, что способствуетъ революціи; безнравственно все, что ей мѣшаетъ»¹⁾... Если эти заповѣди во время процесса вызвали и смѣхъ, и злобу,—такъ мало соответствовали онъ тому, что вышло въ дѣйствительности,—то для самого-то Нечаева «Катехизисъ революціонера» имѣлъ, мнѣ кажется, реальное значеніе. Въ томъ же документѣ «содѣйствию женщинъ» придается огромное значеніе. Но въ предпріятіи, какъ онъ его задумалъ, помощь дѣлу совпадала съ помощью ему, съ исполненіемъ его внушеній. При этомъ и тогда уже обманъ игралъ большую роль въ его расчетахъ.

Меня онъ, вѣроятно, еще раньше задумалъ взять съ собой за границу для помощи въ различныхъ сношеніяхъ. Вѣдь онъ случайно считалъ меня гораздо бойчѣе, развязнѣе, чѣмъ я была. Могла я ему пригодиться и знаніемъ языковъ. Если-бы я выказала полнѣйшій фанатизмъ къ его планамъ, онъ, быть можетъ, позвалъ бы меня за границу и безъ признанія въ любви. Мою склонность сомнѣваться, хотя бы и при готовности помогать, онъ попытался уравновѣсить признаніемъ, а когда и это не удалось, отложилъ намѣреніе. Потому, однако, онъ все-таки прислалъ требованіе, чтобы я ѣхала за границу, но письмо было перехвачено, и узнала я о немъ только въ тюрьмѣ.

Я могла бы рѣшить, что, хотя мнѣ и очень совѣстно лгать хорошимъ людямъ, но этого требуетъ долгъ передъ революціей. Вѣдь въ томъ же стихотвореніи Рылѣева, о которомъ я упоминала, я прочла, тоже и наизустъ выучила, также и слѣдующія строки:

«Не говори, отецъ святой, что это грѣхъ,—слова напрасны.

Пусть—грѣхъ великій, грѣхъ ужасный!

Чтобъ Малороссіи родной, чтобъ только русскому народу вновь возвратить его свободу,

Всѣ грѣхи, всѣ преступленья я на душу принять готовъ».

¹⁾ Цитирую по памяти. В. З.

Но уже такой-то вѣры въ свой планъ, чтобы я ради его осуществленія, сочла нужнымъ говорить не всю правду Герцену, Бакунину,—онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ мнѣ внушить. Поэтому, вѣроятно, онъ и отказался отъ этого намѣренія.

Утромъ мы съ Нечаевымъ встрѣтились, какъ ни въ чемъ не бывало,—какъ будто ничего подобнаго ночному эпизоду не было.

Прощаясь, Нечаевъ сказалъ мнѣ, что письма могутъ приходять и не для него, если его и не будетъ въ Питерѣ.

— Кому же мнѣ тогда отдавать ихъ?

— Тамъ увидите!

Прошло нѣсколько дней. Помню, давался литературно-музыкальный вечеръ въ пользу высылаемыхъ студентовъ. Мнѣ помнится, что аресты исылки начались поздне, но ихъ ожидали, и вечеръ давался про запасъ, такъ сказать. Пѣла Лавровская, любимца всей тогдашней молодой публики. Не за одинъ только голосъ ее любили, а въ это время главнымъ образомъ за то, что не хотѣла подчиняться своему положенію актрисы: не принимала подарковъ. Въ наиболѣе читаемой тогда газетѣ (тамъ писали: Суворинъ, Буренинъ и, вообще, у меня осталось отъ нея впечатлѣніе чего-то фальшиво-шутливаго, притворно-легкомысленнаго, чего-то аналогичнаго «Новому Времени», какимъ оно было въ либеральныя времена) ей за это сдѣлали выговоръ, а публика дѣлала оваціи.

И на этотъ вечеръ она пришла въ гладкомъ черномъ платьѣ со стоячимъ воротникомъ такъ, какъ ходили тогда по праздникамъ «нигилистки». Пѣла «Тучки небесныя... нѣтъ у васъ родины, нѣтъ и изгнанія». Принявъ это за намекъ на тайную, извѣстную всѣмъ питерцамъ, цѣль вечера, публика неистово аплодировала; аплодировали также Лерновой, начавшей съ объясненія, что, хотя она, было, отказалась быть на вечерѣ, но, узнавъ его истинную цѣль, пожелала участвовать въ немъ во что бы то ни стало. Потомъ что-то читали тоже соотвѣтственное. Вообще вечеръ былъ очень удаченъ.

Я пошла ночевать къ Томиловой, вмѣстѣ съ нею и Анной (сестрой Нечаева. Л. Д.). Нечаевъ провожалъ насъ.

Въ этотъ же день или еще наканунѣ я слышала, что Нечаева призывали ¹⁾ и грозили ему, что, если сходки будутъ продолжаться, онъ будетъ арестованъ. На замѣчаніе Анны или Томиловой, что ему не слѣдуетъ ходить на нихъ, онъ возразилъ, что это все равно: ему тамъ сказали, что будетъ онъ ходить или нѣтъ, арестованъ будетъ во всякомъ случаѣ. Но вечеромъ онъ былъ очень доволенъ и увѣрялъ, придравшись къ какой-то фразѣ, которой публика аплодировала, что она готова требовать республики.

На другое утро (я спала въ первой комнатѣ отъ передней, а Томилова въ слѣдующей), еще не совсѣмъ разсвѣло, когда, проснувшись, я увидѣла передъ собой Нечаева съ сверткомъ въ рукѣ:

— Спрячьте это!...

Не рѣшаясь вылѣзти изъ-подъ одѣяла, я отвѣтила:

— Хорошо, спрячу.—Но протянутого свертка не брала.

На звуки голосовъ изъ своей спальни вышла Томилова и взяла свертокъ. Ничего не объяснивъ и не прибавивъ, онъ тотчасъ ушелъ. Это—въ послѣдній разъ, что я его видѣла въ полутмѣ зимняго утра съ протянутымъ сверткомъ въ рукѣ.

¹⁾ Въ III Отдѣленіе. Потомъ, какъ извѣстно, это оказалось мистификаціей, пущенной Нечаевымъ для увеличенія своей популярности. Л. Д.

Въ небольшомъ свертокѣ были какія-то бумаги, крѣпко увязанныя. Томплова завернула въ платокъ и уложила въ мѣшокъ изъ шнурковъ,— съ такимъ въ баню ходить. Она замѣтила, что, если-бы онъ попался, это могло бы погубить нѣсколько сотъ человѣкъ. Я взяла мѣшокъ съ собой въ переплетную и цѣлый день держала его около себя, ни на минуту не теряя изъ виду.

Вечеромъ, отправляясь домой, я вдругъ сообразила, что глупо было не сбѣгать отнести его днемъ. Особенное опасеніе внушали мнѣ пустынные мостки черезъ Неву, ведущіе къ Домнику Петра Великаго, близъ котораго была наша квартира: пьяные преграждать дорогу, не то еще что-нибудь (случится (?) Л. Д.).

И, дѣйствительно, еще издали меня испугалъ на половинѣ мостковъ быстро шедшій на встрѣчу мужчина. Поравнявшись со мною, онъ схватилъ меня за отворотъ шубки и потащилъ за собой.

Въ другое время, я бы крикнула, и это тотчасъ же помогло-бы, такъ какъ на концѣ мостковъ стоялъ городской. Но нельзя же кричать съ такой ношей. Я принялась молча колотить изо всей силы своего врага. На половину пустой мѣшокъ съ твердымъ сверткомъ началъ дѣйствовать, какъ кистень. Выругавшись онъ меня выпустилъ, и я побѣжала дальше.

Я была довольна. Дѣло въ томъ, что я легко пугалась, а, между тѣмъ, страстно желала быть храброй. До пріѣзда въ Петербургъ моя храбрость почти не подвергалась никакимъ испытаніямъ.

[Дальнѣйшія воспоминанія Вѣры Ивановны относятся къ 1878 г. и касаются дѣла покушенія на ген. Трепова. Л. Д.].

Маша ¹⁾ ночевала у меня. Съ вечера я сказала хозяйкѣ, что утромъ уѣзжаю въ Москву, кажется,—я уже и раньше говорила ей, что мнѣ, можетъ быть, придется уѣхать на короткое время, и что мои вещи, если не вернусь до конца мѣсяца, можетъ передать Машѣ. Всѣ эти предосторожности нужны были для Маши: она хотѣла, по своимъ особымъ соображеніямъ, остаться на нѣкоторое время въ моей комнатѣ. Написала прошеніе о выдачѣ мнѣ свидѣтельства о поведеніи, нужнаго для полученія диплома, и легла спать.

Мнѣ казалось, что я спокойна и только страшно на душѣ,—не отъ разлуки съ жизнью на свободѣ,—съ ней я давно покончила,—была уже не жизнь, а какое-то переходное состояніе, съ которымъ хотѣлось скорѣе покончить.

Страшной тяжестью легло на душу завтрашнее утро: этотъ часъ у градоначальника, когда онъ вдругъ приблизится тамъ вплотную... Въ удачѣ я была увѣрена,—все пройдетъ безъ малѣйшей зацѣпинки, совсѣмъ не трудно и ничуть не страшно, а все таки смертельно тяжело...

Это ощущеніе было для меня неожиданнымъ. При этомъ—не возбужденіе, а усталость, даже спать хотѣлось. Но, какъ только я заснула, начался кошмаръ. Мнѣ казалось, что я не сплю, а лежу на спинѣ и продолжаю смотреть на освѣщенное изъ коридора стекло надъ дверью и вдругъ чувствую, что схожу съ ума, и выражается это въ томъ, что меня неодолимо тянетъ встать, выйти въ коридоръ и тамъ кричать. Я знаю, что это безумно, изъ вѣхъ силъ себя удерживаю и все-таки иду въ коридоръ и кричу, кричу.

¹⁾ Маша—Марія Александровна Калѣйкина—была большой пріятельницей Вѣры Ивановны. Она привлекалась по процессу 193-хъ, но не была разыскана, такъ какъ стала «нелегальной»; вмѣстѣ съ Вѣрой Иван., Стефановичемъ, мною и другими она входила въ кievскій кружокъ бунгарей, описанный Мокріевичемъ. Л. Д.

Прилетшая рядомъ со мной Маша будить меня: я въ самомъ дѣлѣ кричу, только не въ коридорѣ, а на своей постели. Опять засыпаю и опять тотъ же сонъ: противъ воли выхожу и кричу; знаю, что это безуміе и все-таки кричу, и такъ нѣсколько разъ ¹⁾.

Пора вставать—часовъ у насъ нѣтъ, но начинается сѣрѣть, и у хозяйки что-то стукнуло. Къ Трепову надо поспѣть къ 9-ти,—до начала приѣма. чтобы естественнымъ образомъ спросить у дежурнаго офицера, принимаетъ-ли генераль Треповъ и, если окажется, что принимаетъ помощникъ, незамѣтно уйти. А раньше еще надо побывать на вокзалѣ.

Мы молча встаемъ въ холодной полутемной комнатѣ. Я одѣваюсь въ новое платье,—пальто и шляпу надѣваю старыя, и уже одѣвшись, выхожу изъ комнаты; новая тальма и шляпа уложены въ саквояжъ: я переодѣнусь на вокзалѣ. Это нужно потому, что хозяйка непременно пожелаетъ проститься,—я избаловала ее разговорами,—будетъ хвалить тальму, совѣтовать не надѣвать въ дорогу. А завтра эта тальма будетъ во всѣхъ газетахъ и наведетъ ее на мысли. Было мнѣ время все обдумать до мельчайшихъ подробностей.

На улицѣ уже разсвѣло, но полутемный вокзалъ еще совершенно пустъ. Я переодѣваюсь, цѣлуюсь съ Машей и ѣду. Холодно, мрачно выглядятъ улицы.

У градоначальника уже собралось около десятка просителей.

— «Градоначальникъ принимаетъ?»

— Принимаетъ: сейчасъ выйдетъ!—Кто-то точно нарочно для меня переспрашиваетъ:—«Самъ принимаетъ?» Отвѣтъ утвердительный.

Какая-то женщина, плохо одѣтая, съ заплаканными глазами подсаживается ко мнѣ и проситъ взглянуть на ея прошеніе.—такъ-ли тамъ написано? Въ прошеніи какая-то несообразность. Я совѣтую ей показать прошеніе офицеру, такъ какъ видѣла, что онъ уже что-то просматривалъ. Она боится, проситъ, чтобы я показала. Я подхожу съ ней къ офицеру и обращаю его вниманіе на просительницу. Голосъ обыкновенный,—ни въ чемъ не проявляется волненіе. Я довольна. Копмарной тяжести, давившей меня со вчерашняго вечера, нѣтъ и слѣда. Ничего на душѣ, кромѣ заботы, чтобы все сошло, какъ задумано.

Адъютантъ повелъ насъ въ слѣдующую комнату, меня первую, и поставилъ съ краю, а въ это же время изъ другихъ дверей вышелъ Треповъ съ цѣлой свитой военныхъ, и всѣ направились ко мнѣ.

На мгновеніе это смутило, встревожило меня. Обдумывая всѣ подробности, я нашла неудобнымъ стрѣлять въ моментъ подачи прошенія: и онъ, и свита на меня смотрятъ, рука занята бумагой и проч., и рѣшила сдѣлать это раньше, когда Треповъ остановится, не доходя до меня, противъ сосѣда.

И вдругъ нѣтъ сосѣда до меня,—я оказалась первой...

«Не все-ли равно: выстрѣлю, когда онъ остановится около слѣдующей за мной просительницы»,—окрикнула я себя внутренне, и минутная тревога тотчасъ же улеглась,—точно ея и не было.

— О чемъ прошеніе?

¹⁾ Въ № 6 «Вѣстника Литературы» помѣщены воспоминанія Е. П. Карпова объ этой именно ночи. Онъ сообщаетъ, будто Вѣра Ивановна вмѣстѣ съ Калѣжниковой и еще четырьмя лицами просидѣла, развлекаясь пѣніемъ и питьемъ пива, «до разсвѣта» у него на квартирѣ. Нужно-ли доказывать, что это его сообщеніе является исключительно плодомъ его воображенія?

Не вѣрно также, будто, послѣ оправданія, В. И. прямо отправилась на квартиру Е. П. Карпова: она мнѣ и другимъ сообщила другое, что современемъ опубликую.

Не буду здѣсь касаться того, насколько вообще соответствуютъ дѣйствительности характеристики, данныя этимъ свидѣтелемъ Вѣрѣ Ивановѣ и ея подружѣ... И на основаніи подобныхъ свидѣтельствъ современниковъ нерѣдко пишется исторія! Л. Д.

— О выдачѣ свидѣтельства о поведеніи.

Черкнулъ что-то карандашомъ и обратился къ сосѣдкѣ.

Револьверъ уже въ рукѣ, нажала собачку... Осычка.

Екнуло сердце, опять, нажала, выстрѣлъ, крикъ...

«Теперь должны броситься бить»,—значилось въ моей столько разъ пережитой картинѣ будущаго.

Но произошла пауза. Она, вѣроятно, длилась всего нѣсколько секундъ, но я ее почувствовала.

Револьверъ я бросила,—это тоже было рѣшено заранее, иначе, въ свалкѣ, онъ могъ самъ собой выстрѣлить. Стояла и ждала.

«На преступницу напалъ столбнякъ»,—писали потомъ въ газетахъ.

Вдругъ все задвигалось: просители разбѣгались, чины полиціи бросились ко мнѣ, схватили съ двухъ сторонъ.

— Гдѣ револьверъ?

— Бросила,—онъ на полу.

— Револьверъ! Револьверъ отдайте!—продолжали кричать, дергая въ разныя стороны.

Предо мной очутилось существо (Курнѣевъ ¹⁾), какъ я потомъ узнала: глаза совершенно круглые, изъ широко раскрытаго рта раздается не крикъ, а рычанье, и двѣ огромныя руки со скрюченными пальцами направляются ко мнѣ прямо въ глаза. Я ихъ зажмурила изъ всѣхъ силъ, и онъ ободралъ мнѣ только щеку. Посыпались удары,—меня повалили и продолжали бить.

Все шло такъ, какъ я ожидала, излишнимъ было только покушеніе на мои глаза, но теперь я лежала лицомъ внизъ, и они были въ безопасности. Но, что было совершенно неожиданно, такъ это то, что я не чувствовала ни малѣйшей боли; чувствовала удары, а боли не было. Я почувствовала боль только ночью, когда меня заперли, наконецъ, въ камерѣ.

— Вы убьете ее?

— Уже убили, кажется.

— Такъ нельзя: оставьте, оставьте,—нужно же произвести слѣдствіе!

Около меня началась борьба: кого-то отталкивали,—должно быть Курнѣева.

Мнѣ помогли встать и усадили на стулъ... Мнѣ казалось, что я была все въ той же комнатѣ, гдѣ подавала прошеніе, но предо мною, нѣсколько влѣво у стѣны, шла вверхъ широкая лѣстница безъ площадки, до самаго верха противоположной стѣны, и по ней, спѣша и толкаясь, съ шумомъ и восклицаніями, спускались люди. Она тотчасъ приковала мое вниманіе: откуда взялась тутъ лѣстница,—раньше ея какъ будто не было и какая-то она точно не настоящая, и люди тоже не настоящіе. Можетъ быть, мнѣ это только кажется,—мелькнуло тутъ же въ головѣ. Но меня увели въ другую комнату, и вопросъ о лѣстницѣ такъ и остался у меня подъ сомнѣніемъ и почему-то цѣлый день, какъ только оставлять меня на минуту въ покоѣ, такъ она и вспомнится.

Комната, въ которую меня перевели, была большая,—гораздо больше первой, у одной изъ стѣнъ стояли большіе столы, вдоль другой шла широкая скамья. Въ комнатѣ въ этотъ моментъ было мало народу,—изъ свиты градоначальника, кажется, никого.

— Придется васъ обыскать,—обратился ко мнѣ господинъ какимъ-то нерѣшительнымъ тономъ, несмотря на полицейскій мундиръ,—какой-то

¹⁾ Курнѣевъ былъ замѣстителемъ управляющаго домомъ предварительнаго заключенія во время Боголюбовской исторіи. Потомъ Треповъ принялъ его къ себѣ на службу въ градоначальство. Л. Д.

онъ былъ неподходящій къ этому мѣсту и времени: руки дрожать, голосъ тихій и ничего враждебнаго.

— Для этого надо позвать женщину,—возразила я.

— Да гдѣ же тутъ женщина?

— Неужели не найдете? И сейчасъ же придумала:

— При всѣхъ частяхъ есть казенная акушерка,—вотъ за ней и пошлите,—посоветовала я.

— Пока-то ее найдутъ, а вѣдь при васъ можетъ быть оружіе! Сохрани Господи, что-нибудь случится...

— Ничего больше не случится; ужъ лучше вы свяжите меня, если такъ боитесь.

— Да я не за себя боюсь,—въ меня не станете палить. А вѣрно, что разстроили вы меня. Боленъ я былъ,—недавно съ постели всталъ. Чѣмъ же связать-то?

Я внутренно даже усмѣхнулась: «вотъ я же его учить должна!»

— Если нѣтъ веревки, можно и полотенцемъ связать.

Тутъ же въ комнатѣ онъ отперъ ящикъ въ столѣ и вынулъ чистое полотенце, но вязать не торопился.

— За что вы его?—спросилъ онъ какъ-то робко.

— За Боголюбова.

— Ага!—въ тонѣ слышалось, что именно этого онъ и ожидалъ.

Между тѣмъ вѣсть, очевидно, уже распространилась въ высшихъ сферахъ. Комната начала наполняться: одни за другими прибывали особы военныя и штатскія и съ болѣе или менѣе грознымъ видомъ направлялись въ мою сторону. Въ глубинѣ комнаты появились солдаты, городовые. Мой странный (для даннаго мѣста и времени) собесѣдникъ куда-то исчезъ, и я его больше не видала. Но стянули мнѣ за спиной локти его полотенцемъ. Распоряжался какой-то шумный, размашистый офицеръ. Онъ подозвалъ двухъ солдатъ, со штыками на ружьяхъ, поставилъ ихъ за моей спиною и велѣлъ держать за руки. Отошелъ на средину комнаты, посмотрѣлъ, должно быть, мѣсто не понравилось, перевелъ на другое. Уходя, предостерегъ солдатъ: «вы берегитесь, а то, вѣдь, она и ножомъ пырнуть можетъ!»

Мое предвидѣніе, а, слѣдовательно, и подробная программа поведения не шла дальше момента побоевъ. Но съ каждой минутой я все сильнѣе и сильнѣе радостно чувствовала (несмотря на вспоминавшуюся лѣстницу), что не то, что вполне владѣю собой, а нахожусь въ какомъ-то особомъ, небываломъ со мной состояніи полнѣйшей неуязвимости. Ничто рѣшительно не можетъ смутить меня или хотя-бы раздражить, утомить. Чтобы ни придумали господа, о чемъ-то оживленно разговаривавшіе въ это время въ другомъ концѣ комнаты, я-то буду спокойно поглядывать на нихъ пазъ какого-то недосягаемаго для нихъ далека.

На нѣсколько минутъ насъ оставили въ сторонѣ и солдаты начали перешептываться.

— Вѣдь скажетъ тоже: связана дѣвка, два солдата держутъ, а онъ: «берегись,—пырнетъ».

— И гдѣ это ты стрѣлять выучилась?—шепнулъ онъ потомъ надъ самымъ моимъ ухомъ.

Въ этомъ «ты» не было ничего враждебнаго,—такъ—по-мужички.

— Ужъ выучилась! Не велика наука,—отвѣтила я также тихо.

— Училась да не доучилась,—сказалъ другой солдатъ:—плохо по-пала-то!

— Не скажи,—горячо возразилъ первый,—слыхать, очень хорошо попала—будетъ-ли живъ!

Въ группѣ сановниковъ произошло движеніе, и они направились въ мою сторону. Это—вернулись полицейскіе, посланные произвести обыскъ по фантастическому адресу, выставленному мною на прошеніи.

— На Звѣринской улицѣ въ номерѣ такомъ-то никто не живетъ,—домъ свесенъ!

— Вы дали ложный адресъ!

[На этомъ обрываются воспоминанія В. П. о ея покушеніи на Трепова. Впослѣдствіи, въ 1914 г., послѣ смерти Дм. Алекс. Клеменца, она, въ своихъ о немъ воспоминаніяхъ, касается своего настроенія и переживаній послѣ оправданія ея судомъ присяжныхъ. Л. Д.].

[Послѣдніе отрывки изъ воспоминаній Вѣры Ивановны относятся къ жизни ея въ эмиграціи. Л. Д.].

Въ концѣ января или въ началѣ февраля 1882 г. въ Женеву ко мнѣ съ Дейчемъ пріѣхалъ Владиміръ Дегаевъ ¹⁾ съ порученіемъ къ Кравчинскому. Кравчинскій былъ въ Италіи; по тогдашнимъ итальянскимъ условіямъ, его, какъ убійцу, могли выдать; его адреса, поэтому, не зналъ никто, кромѣ 2-хъ—3-хъ его ближайшихъ друзей. Пріѣзжему юношѣ мы съ Дейчемъ не только не дали адреса, но даже не сказали, что Кравчинскій въ Италіи. Онъ тотчасъ же примирился съ невозможностью видѣть Кравчинскаго и не задавалъ никакихъ вопросовъ.

Симпатичный и совѣтъ не застѣнчивый, онъ быстро познакомился со многими эмигрантами, но прилѣпился къ Дейчу и то съ нимъ, а иногда и одинъ почти каждый день заходилъ ко мнѣ.

На видъ ему никто бы не далъ больше 16 лѣтъ. Росту онъ былъ средняго, на дѣтски чистомъ лицѣ не было и тѣни растительности; въ глазахъ и въ манерѣ держать себя было еще что-то дѣтское. Дейчъ прозвалъ его «Бебе», онъ не протестовалъ и даже записки подписывалъ «вашъ Бебе». Если его спрашивали, сколько ему лѣтъ,—а этотъ вопросъ всеѣмъ приходилъ въ голову,—онъ на разные манеры отшучивался отъ отвѣта, пока не явился разъ со свертками въ рукахъ и объявилъ, что теперь онъ скажетъ, сколько ему лѣтъ: сегодня ему минуло 18, а раньше совѣстно было сознаться: «17 совѣтъ неприличный возрастъ, а 18—все-таки ничего».

Обѣдалъ Володя въ знаменитомъ среди эмигрантовъ кафѣ Грессо, гдѣ въ кредитъ—по большей части—столовалась большая часть тогдашней эмиграціи. Тамъ же обѣдала Анна Михайловна Эпштейнъ, знавшая въ Петербургѣ семью Володи, о которой отзывалась съ большой нѣжностью, какъ о людяхъ, относившихся къ революціонерамъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, съ радостью готовыхъ на всякую услугу. Вообще заботливая «Анка», какъ мы, близкіе, звали Эпштейнъ, съ заботой смотрѣла и на Володю. Она нашла, во-первыхъ, что онъ тратитъ сравнительно много денегъ, покупаетъ лакомства и всеѣхъ угощаетъ, а затѣмъ она и другіе замѣтили, что вслѣдъ за Володей около Грессо появились подозрительные субъекты и видимо за нимъ слѣдятъ. У Анки явилась такая гипотеза. Родные Володи, люди очень небогатые, не могли послать его за границу, да еще съ лишними деньгами; вѣроятно, послала его организація съ какимъ-нибудь порученіемъ, требующимъ затратъ—купить что-нибудь или, можетъ быть, зовутъ Сергѣя ²⁾

¹⁾ Братъ извѣстнаго впослѣдствіи провокатора Сергѣя Дегаева. Л. Д.

²⁾ Т. е. Кравчинскаго. Л. Д.

въ Россію, и деньги ему послали, а Володя, не найдя его, деньги транжирить и еще ухитрился какихъ-то шпионовъ себѣ прицѣпить. Она негодовала не на Володю, а на предполагаемыхъ старшихъ, которые послали съ серьезнымъ порученіемъ такого «недолизаннаго медвѣженка». Но она видала Володю только у Грессо, въ большой пестрой компаніи. У меня же сложилось о немъ другое впечатлѣніе, не мирящееся съ ея гипотезами.

Несмотря на всю свою чрезмѣрную юность, когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь касающемся «Народной Воли», чувствовалось, что это не птенецъ, посматривающій на дѣло изъ туманной дали, а настоящій радикаль, уже имѣющій совершенно конкретное представленіе о положеніи народовольчества, относящійся къ дѣлу очень серьезно и отдавшійся ему цѣлкомъ.

Я передала Володѣ Анкины наблюденія, но умолчала, разумѣется, о гипотезахъ. Насчетъ тратъ Володя тотчасъ же согласился, даже не давши договорить:

— Совершенно вѣрно, — я ужъ и то хотѣлъ васъ просить спрятать мои деньги и выдавать мнѣ только на самое необходимое. Я очень люблю сладкое, особенно пастилу, а когда куплю, конечно, и утощаю.

Скоро послѣ этого пришелъ ко мнѣ Дейчъ, и сразу объявлялъ:

— Знаешь, нашъ Бебе, — агентъ Судейкина, — второй Клѣточниковъ!

— Что за ерунда!

— Вотъ увидишь, — онъ сейчасъ придетъ и самъ расскажетъ.

Я сказала, что ему и самому не повѣрю. Но пришелъ Володя началъ рассказывать и пришлось повѣрить...

Не совсѣмъ такъ, какъ рассказано у Корбы ¹⁾, сообщилъ Володя объ обстоятельствахъ своего притворнаго союза съ Судейкинымъ. Я отчетливо помню его рассказы: своей странностью, своей жестокой нечѣстностью эта исторія произвела на меня сильное впечатлѣніе. Да и не разъ говорилъ объ этомъ Володя...

При освобожденіи отъ какого-то пустячнаго ареста, Судейкинъ предложилъ ему поддерживать съ нимъ сношенія: о предательствѣ не можетъ быть и рѣчи, — объ отдѣльныхъ лицахъ онъ его и спрашивать не желаетъ: ему необходимо знать о взглядахъ революціонеровъ на положеніе дѣлъ, объ ихъ ожиданіяхъ, объ измѣненіяхъ настроенія. Володя отказался отъ этихъ собесѣдованій, — не ему, такимъ образомъ, пришлось въ голову превратиться въ Клѣточникова. Смѣясь надъ предложеніемъ Судейкина, онъ рассказывалъ о немъ въ семьѣ. Только старшимъ, народовольцамъ ²⁾, мнѣніе которыхъ было для него закономъ, пришлось въ голову использовать, такимъ образомъ, предложеніе Судейкина.

Володя съ полной готовностью взялся за эту миссію и заявилъ Судейкину, что, подумавши, соглашается на его предложеніе. При первомъ свиданіи рѣчь опять шла преимущественно о томъ, что ни прямо, ни косвенно сношенія съ нимъ Володи не поведутъ къ аресту кого-бы то ни было. Судейкинъ съ большимъ чувствомъ давалъ въ этомъ свое честное слово. При одномъ изъ первыхъ же свиданій онъ предложилъ денегъ, Володя отказался. «Безъ денегъ я себя лучше съ нимъ чувствовалъ», — пояснилъ онъ. Но старшіе наши, что отказъ отъ денегъ внушить недовѣріе Судейкину и велѣли взять; Володя опять отправился заявлять, что по зрѣломъ размысленіи измѣнилъ свое мнѣніе.

¹⁾ См. («Былое» за 1906 г. № 2-й).

²⁾ Старшіи братья и сестры Володи были народовольцами. Л. Д.

Не помню, какое содержаніе назначить ему Судейкинъ—цифра, во всякомъ случаѣ, не поражала своими размѣрами ни въ ту, ни въ другую сторону.

— А какъ вы объясните своимъ роднымъ появленіе у васъ лишннихъ денегъ?—поинтересовался Судейкинъ.

Володя сказалъ, что еще не придумалъ объясненія. А Судейкинъ уже придумалъ:

— Скажете, что нашли переводную работу: я вамъ дамъ одну книгу,—будете переводить понемногу.

И, дѣйствительно, далъ,—Володя называлъ ее,—книга совершенно нейтральная, приличная, которую всякій взялся-бы переводить, нуждаясь въ заработкѣ.

Затѣмъ пошли свиданья довольно частыя. Слушая рассказы о нихъ Володя, я не замѣчала, чтобы они были для него тяжелы. Судейкинъ, повидимому, заботился о томъ, чтобы этого не было. Впослѣдствіи онъ завелъ себѣ цѣлую коллекцію такихъ притворныхъ и непритворныхъ агентовъ изъ среды революціонеровъ, но возня съ Володей была, повидимому, его первой во всякомъ случаѣ одной изъ самыхъ первыхъ попытокъ въ задуманномъ направленіи. И онъ занимался ею осторожно, старательно, съ любовью къ дѣлу, такъ сказать. Что до тѣхъ поръ никакой пользы изъ его разговоровъ съ Судейкинымъ не получилось, это Володя, конечно, зналъ и не умѣлъ (быть можетъ, не хотѣлъ, но едва-ли) привести ни одного соображенія относительно возможной пользы въ будущемъ; но его революціонная совѣсть была спокойна: дѣло старшихъ принимать рѣшенія,—онъ и говорилъ-то съ Судейкинымъ не иначе, какъ подъ диктовку старшихъ. Изъ-за этого онъ и намъ съ Децемъ открылъ свою тайну, — съ этого и началъ.

Настоящихъ, дѣйствовавшихъ народовольцевъ,—агентовъ Исполн. Комитета» въ началѣ 1882 г. за границей не было. Лишь въ мартѣ или въ апрѣлѣ, кажется, пріѣхала Марья Николаевна Ошанина. Отправляя Володю, старшіе (мнѣ помнится, онъ называлъ Грачевскаго) направили его къ Кравчинскому,—ему долженъ онъ былъ открыться, и съ нимъ намѣревался совѣтоваться. Но Кравчинскаго онъ не нашелъ и не искалъ послѣ первого же нашего ему отказа въ адресѣ.

Между тѣмъ пришло письмо отъ Судейкина съ вопросами о заграничныхъ впечатлѣніяхъ.—Съ кѣмъ посоветоваться? Мы были для него чужими старшими, но въ это время мы находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ «Нар. Волей» (я даже въ обязательныхъ—по «Красному Кресту»), и онъ рѣшилъ открыться намъ ¹⁾.

Но, видно, тяжело было юному созданью носить свою тайну безъ единого человѣка, съ которымъ можно было-бы поговорить о ней. Послѣ признанія, его точно прорвало: нѣсколько дней онъ ни о чемъ говорить не могъ, кромѣ своихъ сношеній съ Судейкинымъ.

Судейкинъ, кажется, кокетничалъ съ Володей,—старался очаровать его. На свиданіяхъ онъ самъ говорилъ едва-ли не больше, чѣмъ заставлялъ говорить Володю. Я слыхала рассказы о Судейкинѣ не отъ одного Володи, и мнѣ, поэтому, трудно отдѣлать, что я слышала отъ него и что—отъ другихъ. Увѣрена лишь въ тѣхъ разговорахъ, гдѣ помню Володины отвѣты на слова Судейкина или его соображенія по ихъ поводу. Живо помню, напримѣръ, такой рассказъ.

¹⁾ Признаніе Володи мнѣ произошло по другимъ причинамъ, о чемъ мною уже сообщено въ печати (въ гав. «Лучъ») за 1913 г.: «Эпизодъ изъ русской революціи». Л. Д.

Судейкинъ внашалъ Володѣ, что онъ могъ-бы заставить забыть свою крайнюю молодость и подняться на высшую ступень въ революціонной организаціи, если бы высказывалъ свой революціонный энтузіазмъ, горилъ о своей жаждѣ пострадать за дѣло, пожертвовать за него жизнью.

— Я отвѣтилъ ему,—говорилъ Володя,—что этимъ я достигъ-бы какъ разъ обратнаго: меня бы только осмѣяли. Свой энтузіазмъ революціонеры проявляютъ на дѣлѣ, но никогда о немъ не говорятъ, они ненавидятъ всякое фразерство.

Судейкинъ выразилъ по этому поводу свой восторгъ предъ революціонерами. Онъ, в вообще, не скупился предъ Володей на этотъ восторгъ и предъ революціонерами, и предъ дѣятельностью,—не предъ цѣлью ея и не предъ результатами, конечно, а предъ самымъ процессомъ дѣятельности. «Какая это чудная, интересная жизнь съ вѣчными конспираціями, приключеніями, опасностями!» Если ему нравится его собственная дѣятельность, то только тѣмъ, что въ ней тоже много и приключеній, и опасностей.

Если Судейкинъ хотѣлъ понравиться Володѣ, то до нѣкоторой степени онъ этого достигъ: Володя считалъ его очень умнымъ, смѣлымъ, изобрѣтательнымъ.

— «Сколько-бы онъ могъ сдѣлать, если-бы былъ революціонеромъ!» — по мечталъ разъ Володя.

Мнѣ приходило въ голову, не въ эту-ли западню думалъ Судейкинъ загнать Володю? За чѣмъ возился онъ съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ? Съ первыхъ же свиданій ему должно было стать яснымъ, что ни деньгами, ни угрозами пзъ Володи предателя не сдѣлаешь, да Судейкинъ и не пытался его запугивать. И пробалтываться Володя могъ меньше, чѣмъ пной взрослый. Именно сознаніе своей чрезмѣрной юности мѣшало ему пускаться въ плаваніе за своей отвѣтственностью.

Конечно, и Дейчъ, п я съ перваго же дня начали убѣждать Володю отказаться отъ своей нелѣпой, опасной миссіи. Мы ему совѣтовали остаться на время за границей, а потомъ вернуться въ Россію нелегально. Володя не пускался въ споры и противопоставлялъ всѣмъ убѣжденіямъ только одно:

— Не могу я этого,—нельзя... ¹⁾.

Разъ помню, въ сумеркахъ, Володя опять разговаривалъ о Судейкинѣ.

— Вотъ вы говорите, что онъ уменъ,—сказала я.—Предположимъ, что вы также умны, но онъ, по меньшей мѣрѣ, вдвое старше васъ, въ десять разъ больше людей видалъ и лѣтъ 10 только о томъ и думаетъ, какъ революціонеровъ уловлять,—ну какъ-же можно допустить, чтобы при этихъ условіяхъ вы изъ него пользу извлекли, а не онъ изъ васъ? Что мы съ вами не можемъ придумать, какимъ образомъ онъ ее извлечетъ, это ничего не значить. Мы не можемъ, а онъ, ужъ, очевидно, придумалъ: вѣдь онъ же изобрѣтателевъ ²⁾.

Я зажгла свѣчу и тутъ только взглянула на Володю: его лицо выражало страданіе, вздрагивающія губы что-то шептали.

— Что?—переспросила я.

— Если такъ, если онъ... я убью его,—шепталъ Володя.

Послѣ этого у меня духа не хватало продолжать мучить его такими рѣчами, да и, дѣйствительно, рѣшить самъ, не спросивъ своихъ старшихъ, онъ не могъ.

¹⁾ Это не совсѣмъ такъ,—память, очевидно, измѣнила Вѣрѣ Ивановнѣ; Володя соглашался вернуться и вскорѣ, дѣйствительно, уѣхалъ. Л. Д.

²⁾ Также не совсѣмъ вѣрно: по крайней мѣрѣ, я, тотчасъ же послѣ признанія Володи, сказалъ ему (и Стефановичу въ Москву написалъ), что Судейкинъ черезъ Володю желалъ выслѣдить остатки «Исполнительнаго Комитета», что ему вскорѣ (въ февралѣ 1882 г.) вполне удалось. Л. Д.

Весной Володя уѣхалъ въ Парижъ,—тамъ въ это время уже была Марпна Николаевна Ошанина ¹⁾). Откуда онъ скоро извѣстилъ насъ, что уѣзжаетъ въ Россію.

Лѣтомъ пріѣхалъ Тихоміровъ. Я спросила его о дальнѣйшей судьбѣ Володи, и помню его отвѣтъ съ буквальной точностью,—очень удивилъ онъ меня.

— Пріѣхавъ пзъ за границы,—разказалъ Тихоміровъ,—Володя по прежнему явился къ Судейкину. Тотъ встрѣтилъ его словами: «Полноте, Владиміръ Петровичъ, довольно мы съ вами другъ друга морочить старались! Ни вы мнѣ никогда не вѣрили, ни я вамъ,—такъ лучше перестанемъ»,—и отпустилъ Володю безъ всякихъ послѣдствій. Сергій Кравчинскій, когда я разказала ему объ этомъ, даже похвалилъ Судейкина.

— Это звѣрь, конечно, тигръ,—сказалъ онъ,—но не гіена, не волкъ, который и тогда рѣжетъ добычу, когда она ему не нужна.

[Послѣдній отрывокъ относится къ середнѣ 80-хъ г.г. Л. Д.].

Никого не было около Колизея съ той стороны, съ которой я подошла,—точно пустырь, какая-то вытоптанная дорожка. Въ стѣнѣ проломъ, большіе камни лежатъ по обѣ стороны. Я, со своей страстью лазать, влѣзла на камни, потомъ спустилась и оказалась внутри Колизея. Громадныя, прямыя стѣны, высоко вверхъ. Къ нимъ прямыя ступени ведутъ на выступы. Я поднялась по нимъ и стала смотрѣть. «Вотъ эти самыя очертанія края стѣнъ, вырѣзывающіяся на небѣ, видѣли, какъ умирали христіане, гладіаторы. Здѣсь гдѣ-нибудь на одномъ изъ выступовъ Цезарь (властитель Рима)... Что они видѣли? Что думали?» Не знаю, сколько я простояла.

Къ пролому подошли рабочіе, взялись за камни. Изнутри подошли къ большимъ воротамъ, за ними стояла толпа что-то продающихъ и кричащихъ; можетъ, они уже и тогда были, когда я пришла? Я проявила свою страсть лазать по тропинкамъ. Пережить такое сильное волненіе, такъ переноситься за тысячи лѣтъ, можно только одной.

Пошла дальше: Капитолій, храмы, колонна Трояна. Настроеніе продолжалось, но уже не съ той силой. Мысль отбѣгала. Надо было говорить себѣ то, что въ Колизеѣ само захватило и заставило забыться...

Вѣра Засуличъ

¹⁾ Вновь не вѣрно: Ошанина прожила долго въ Женевѣ и когда перѣехала въ Парижъ, тамъ уже не было Володи. Л. Д.

Къ исторіи манифеста 17 октября 1905 года.

Секретная переписка.

Публикуемые ниже документы касаются одного из самых крупных эпизодов исторіи нашего освободительнаго движенія—манифеста 17 октября 1905 года. За кулисами созданія этого акта, предопредѣлившаго судьбу монархіи, шла сосредоточенная, острая, но глухая борьба вліяній и интересовъ царедворческихъ группъ. Въ этой борьбѣ мы встрѣчаемъ знакомое уже намъ (см. выше «Изъ дневника» князя В. Орлова) имя помощника военно-походной канцеляріи его императорскаго величества, князя Орлова, затѣмъ имена двухъ самыхъ вліятельныхъ въ тотъ моментъ царедворцевъ: командующаго императорской главной квартирой барона В. Фредерикса и, наконецъ, товарища министра внутреннихъ дѣлъ и с.-петербургскаго генералъ-губернатора Д. Ф. Трепова.

Этотъ тройственный союзъ въ послѣдніе моменты борьбы противъ уступокъ обществу даетъ, такъ сказать, бой окончательный, чтобы «сорвать» манифестъ или изуродовать его въ самодержавномъ стилѣ. И когда графъ Витте уже приближался къ своей побѣдѣ и составилъ извѣстный докладъ и проектъ манифеста, три ближайшихъ совѣтника царя дѣлаютъ диверсію въ сторону рѣзкаго удара по этимъ начинаніямъ. Самый главный реакціонный «нашептыватель» баронъ Фредериксъ внушаетъ Николаю II мысль о предварительномъ опросѣ Д. Ф. Трепова, а ближайшій другъ и товарищъ послѣдняго, князь Орловъ, инспирируетъ его въ томъ направленіи, какое угодно реакціонной партіи.

Речь идетъ о крупнѣйшемъ государственномъ актѣ, а между тѣмъ уже тотъ языкъ, на которомъ говоритъ князь Орловъ съ Д. Треповымъ, свидѣтельствуетъ объ ихъ привычной манерѣ домашнимъ образомъ проводить важныя мѣропріятія или, вѣрнѣе, осуществлять ихъ по взаимному договору, точно дѣло касается купли-продажи. Такъ, князь Орловъ въ письмѣ къ Д. Ф. Трепову, высказывая свое мнѣніе объ одномъ изъ проектовъ манифеста, откровенно говоритъ, что «съ Витте *кончатъ* слѣдуетъ на этихъ основаніяхъ».

Д. Ф. Треповъ сдѣлалъ все, что могъ, т. е. преподавъ царю рядъ совѣтовъ, въ корнѣ уничтожавшихъ «конституціонный» манифестъ. Но онъ совершенно ослабилъ и силу своихъ возраженій, и авторитетъ свой, какъ рѣшительнаго борца съ крамолой, отказавшись гарантировать поддержаніе порядка безъ пролитія крови. И не потому, чтобы самъ Николай II ея боялся вообще, а потому, что въ данномъ случаѣ грозность тогдашнихъ временъ предвѣщала слишкомъ грандіозный кровавый потопъ, слишкомъ опасный и для самодержавія, и для носителя короны.

Три часа времени, отведенных Д. Ф. Трепову для отвѣта царю, дежурная миновоска, нетерпѣливо ждущій фельдъ-егерскій офицеръ,—все это красочныя детали для характеристики реакціонной лабораторіи, въ которой совершался процессъ перегонки европейскихъ конституціонныхъ началъ въ григоріаную смѣсь, отнесенную «Готскимъ Альманахомъ» къ «конституціи съ сохраненіемъ самодержавія».

Ред.

1.

Баронъ Б. Фредериксъ Д. Ф. Трепову.

Весьма секретно. Командующій Императорскою главною квартирой. Въ Петергофѣ. «15» Октября 1905 года. № 288.

Милостивый Государь

Дмитрій Федоровичъ.

По повелѣнію Его Императорскаго Величества при семъ имѣю честь препроводить Вашему Превосходительству копію съ записки, представленной графомъ Витте Его Величеству, въ коей выражена общая программа гр. Витте при условіи его назначенія первымъ министромъ, а равно и Манифестъ, предложенный Его Сіятельствомъ Его Величеству.

Государю Императору благоугодно, чтобы Вы тотчасъ же, ознакомившись по сути съ Манифестомъ и программой гр. Витте, воспользовались бы присланнымъ офицеромъ фельдъ-егерскаго корпуса, въ распоряженіе коего назначена миновоска, для написанія Его Величеству Вашего откровеннаго мнѣнія и вѣрноподданническаго совѣта. Его Величеству одновременно желательно знать, сколько дней, считая крайній срокъ, Вы предполагаете возможнымъ удержать въ Петербургѣ порядокъ безъ пролитія крови, и считаете-ли Вы вообще возможнымъ достигъ водворенія порядка безъ большихъ жертвъ. Къ сему присовокупляю, что Государь Императоръ желалъ бы получить Вашъ отвѣтъ возможно скорѣе, дабы имѣть возможность принять надлежащее рѣшеніе завтра же утромъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и искренней преданности

Генераль-Адъютантъ Баронъ Фредериксъ.

2.

Князь В. Орловъ Д. Ф. Трепову.

Помощникъ начальника военно-походной канцеляріи Его Императорскаго Величества. 15 Октября 1905 года.

Дорогой Митя!

Съ вѣдома барона и по его порученію дѣлаю эту добавку частно. Фамилія фельдъ-егерскаго офицера—подпоручикъ Хохлевъ. Баронъ

тебя очень просить дать Государю рѣшительный отвѣтъ, ибо, по его мнѣнію, медлить больше нельзя. Въ городѣ слухъ уже распускаютъ, что программа Витте отклонена. Кто распускаетъ эти слухи—вопросъ? Во всякомъ случаѣ моментъ слишкомъ серьезенъ, чтобы колебаться, надо то или другое рѣшеніе, но рѣшиться надо. Отвѣчай Его Величеству только по сути манифеста, ибо его редакція, конечно, само собою, должна быть изглажена.

Искренно преданный тебѣ В. Орловъ.

Мое личное мнѣніе—въ Манифестѣ лишнія слезы по поводу смутъ и напрасно такъ распространяться про кулакъ, можно бы это только вскользь упомянуть, и лучше кулакъ на фактахъ показать, чѣмъ о семъ еще разъ письменно упоминать. Реформы дать надо, неоспоримо, и отъ Государя лично, а не отъ правительства будущаго. Съ Витте кончать слѣдуетъ на этихъ основаніяхъ.

Да хранить тебя Богъ. Твой Влад.

Сожги это письмо.

3.

Всеподданнѣйшая записка Д. Ф. Трепова.

Свобода печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности. Равноправность. Однородность состава Правительства. Реформы Государственнаго Совѣта.

По долгу совѣсти и вѣрноподданнической присяги повергаю къ стопамъ В. И. В. мое откровенное мнѣніе по запискѣ, представленной Вамъ графомъ Витте.

1) Свобода печати, совѣсти, собраній и союзовъ должна быть дана, но при соотвѣствующихъ строгихъ и ясныхъ законахъ и судахъ, гарантирующихъ отъ злоупотребленій. Законы разработать недолго, но перевоспитать судебный персоналъ—большая и весьма трудная задача, на которую уйдетъ много времени, а до того будетъ царить несправедливость и пристрастіе, но, идя на путь свободы, съ этимъ необходимо примириться.

2) Вопросъ о личной неприкосновенности мнѣ представляется въ данное время неразрѣшимымъ, ибо прежде, чѣмъ касаться его, надо создать на пространствѣ всей Имперіи не только правительственныхъ судебныхъ дѣятелей, но еще сильную и умную полицію, какъ наружную, такъ и секретную, а это, кромѣ громадныхъ затратъ, требуетъ и много времени, и людей! А гдѣ они? Ихъ надо еще найти и воспитать. Это дѣло многихъ лѣтъ! Кромѣ этого, необходимы законы, предупреждающіе преступные замыслы. У насъ ихъ нѣтъ. Исключительныя же законоположенія, несомнѣнно, требуютъ пересмотра, но часть изъ нихъ должна войти во II-й томъ Свода Законовъ. И наряду съ этимъ надлежитъ создать особые суды, для быстраго и безапелляціоннаго рѣшенія дѣлъ по всѣмъ нарушеніямъ, караемымъ нынѣ въ административномъ порядкѣ.

3) Равноправность; этотъ вопросъ касается по преимуществу евреевъ; несомнѣнно, что къ этому дѣлу идетъ, и въ будущемъ они

должны и будутъ равноправны, но теперь, сейчасъ же дать имъ всѣ права было бы политической ошибкой. Къ этому надо идти постепенно, въ связи съ ростомъ самосозанія коренного русскаго населенія, дабы оно могло давать отпоръ евреямъ и не быть ими закабаленнымъ.

4) Однородность состава правительства, т. е. кабинетъ министровъ—вопросъ уже предрѣшенный, и проектъ готовится.

5) Введеніе въ составъ Государственнаго Совѣта выборнаго элемента совершенно необходимо и должно быть выполнено еще до созыва Государственной Думы.

Манифестъ не долженъ содержать въ себѣ угрозы и быть полнымъ и яснымъ отраженіемъ того, что В. В. даруете своимъ вѣрноподданнымъ, а я не думаю, чтобы Вы даровали всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. Надлежитъ предварительно точно выяснить, кто именно можетъ быть избираемъ, т. е., другими словами, вполне разработать проектъ, и только тогда объявить о семъ. Прусская конституція, не надо бояться этого слова, умѣренна и могла бы служить канвою для разработки сего проекта.

Изъ § 1 должно исключить «неприкосновенность личности».

§ 3 надлежало бы изложить такъ, чтобы законъ воспринималъ силу по одобреніи его не только Государственною Думою, но и Государственнымъ Совѣтомъ и подтвержденіемъ его В. И. В.

По вопросу о томъ, могу-ли я гарантировать, что въ СПб-гѣ не будетъ пролита кровь, съ полною откровенностью докладываю, что не могу ни теперь, ни въ будущемъ дать въ этомъ гарантію; крамола такъ разрослась, что врядъ-ли безъ этого суждено обойтись. Одно упованіе на милость Божію.

Въ заключеніе считаю своимъ священнымъ долгомъ сказать, что войско должно всегда оставаться въ рукахъ В. В.; оно должно быть сильнымъ, преданнымъ, сплоченнымъ корпоративнымъ духомъ; къ достиженію этого должны быть направлены Ваши царственныя заботы и работы ближайшихъ сотрудниковъ Вашихъ въ этомъ дѣлѣ первѣйшей государственной важности.

Для обсужденія поставленныхъ мнѣ Вашимъ Величествомъ вопросовъ я имѣлъ всего три часа поздней ночи, послѣ утомительнаго дня, проведеннаго въ напряженной работѣ и предшествовавшихъ ему трехъ такихъ же дней и ночей, а между тѣмъ въ этомъ дѣлѣ каждое слово имѣетъ значеніе, а я ихъ обдумать не имѣю времени, тѣмъ не менѣе я глубоко увѣренъ, что лучше Васъ никто этого дѣла не можетъ ни обдумать, ни рѣшить. Я вѣрую въ то, что сердце Царево въ рукахъ Божіей. Помолитесь Господу Богу, и Ояъ и на сей разъ не оставитъ Васъ.

Еще одинъ вопросъ: при дарованіи конституціи Вамъ необходимо одновременно съ этимъ создать свой личный кабинетъ, для разсмотрѣнія и доклада Вамъ всѣхъ вопросовъ, какъ военнаго, такъ и гражданскаго правленія.

Богъ въ помощь Вашему Величеству.

Д. Треповъ.

Какъ создали „процессъ“ Чернышевскаго.

По неизданнымъ матеріаламъ.

Публикуя въ 1906 г. въ «Быломъ» свое изслѣдованіе о процессѣ Н. Г. Чернышевскаго, а затѣмъ выпустивъ книгу «Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго» (Спб., 1907), я далъ этому вопросу новое освѣщеніе, отбросивъ ни на чемъ не основанное утвержденіе предшественниковъ о полной внутренней невинности знаменитаго публициста. Внимательное изученіе самого процесса и всѣхъ другихъ историко-литературныхъ и общественно-политическихъ матеріаловъ привело меня тогда къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Во-первыхъ, это не былъ процессъ слѣдствія и суда. Это—процессъ подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности. Это—образецъ дѣла, который неоднократно потомъ вело самодержавное правительство противъ лицъ, ему неудобныхъ, не стѣсняясь никакимъ декорумомъ приличія. Это—процессъ, который власть, вообще несклонная знакомить подданныхъ съ какою бы то ни было «политикой», имѣла полное основаніе скрывать, особенно въ свое время.

Во-вторыхъ, въ рукахъ правительства не было ни одного свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія, и ни одного подлиннаго, не поддѣльнаго серьезнаго документа.

Въ-третьихъ, ясно отсюда, что Чернышевскій пострадалъ юридически и невинно, онъ ничѣмъ не могъ быть уличенъ въ своей противоправительственной дѣятельности.

Всѣ историкъ русскаго общественнаго движенія, специально занимавшіеся этою стороною нашего прошлаго, согласны были съ выставленными мною положеніями. Однако, вскорѣ раздался одинъ протестъ, и притомъ изъ ученой среды: въ 1912 г. въ Неофилогическомъ обществѣ при Петербургскомъ университетѣ молодой ученый М. Клочковъ выступилъ съ опроверженіемъ моихъ положеній, а въ 1913 г. напечаталъ свой докладъ въ IX и X кн. «Историческаго Вѣстника». Специалисты отнеслись тогда отрицательно къ этому экскурсу въ несвойственную автору область. Я не считалъ нужнымъ возражать на утвержденія, что «не остановился на одной фактической сторонѣ дѣла, а часто приносилъ въ него собственное освѣщеніе и свои догадки, вслѣдствіе чего въ моей книгѣ объективнаго изложенія процесса найти нельзя» (IX кн., стр. 890).

Теперь, после основательного изучения ряда дѣлъ изъ архива III Отдѣлення С. Е. И. В. канцеляріи, тогда, при царизмѣ, мнѣ совершенно недоступныхъ, я категорически утверждаю, что всѣ найденные мною матеріалы вполнѣ подтверждаютъ мои прѣжнія положенія, а «принятые сенныя въ освѣщеніе дѣла мои догадки», основанныя тогда на пониманіи скрытаго механизма провокаціи, шпіонства, подкуна и подлогъ, дѣлаются теперь утвержденіями, основанными на неоспоримыхъ документахъ ¹⁾. Такимъ образомъ, неученая субъективность становится ученой объективностью, въ чемъ я и былъ глубоко убѣжденъ.

Однако, прежде, чѣмъ перейти къ изложенію новыхъ матеріаловъ, я считаю полезнымъ для иллюстраціи работы г.г. ученыхъ внѣ предѣловъ ихъ узкой специальности, привести вкратцѣ основныя положенія моего дипломированнаго оппонента.

Г. Клочковъ утверждалъ, что

1. карандашная записка Чернышевскаго на имя В. Костомарова и письмо къ А. Н. Плещееву — несомнѣнно подлинныя, имъ самимъ написанные документы (X, 181—182, 185);

2. всѣ опроверженія Чернышевскаго голословны (IX, 910);

3. Костомаровъ владѣтъ фактическими свѣдѣніями, и по существу дѣла его указанія тамъ, гдѣ ихъ можно проверить стороннимъ свидѣтельствомъ, оказываются вѣрными (IX, 917—918);

4. слѣдствіе велось по закону, т. е. правильно (X, 178);

5. сенатъ точно соблюдалъ законъ и внѣ обвиненій въ несправедливости и соучастія въ подлогахъ и пр. (X, 178, 181, 186), наконецъ,

6. «невѣроятно, чтобы министръ юстиціи Замiatинъ, а тѣмъ болѣе Александръ II, въ то памятное время, когда создавались судебныя уставы 1864 г. и насаждалась законность въ судѣ, сознательно и преднамѣренно допустили вопиющее правонарушеніе» (IX, 891—892).

Такъ понимаетъ дѣло г. ученый, такъ понимаютъ его всѣ тѣ, кто не изучалъ самую гущу александровскаго лицемѣрія, и кто все еще канонизируетъ его въ нашихъ гражданскихъ свѣдѣніяхъ.

II.

Обыскъ на квартирѣ Чернышевскаго въ день его ареста, 7 июля 1862 г., ничего не далъ. Это было совершенно неожиданно для III Отдѣлення и слѣдственной комиссіи кн. А. Ѳ. Голицина. При такомъ условіи ничего было спѣшить и допросомъ. Николай Гавриловичъ крѣпко сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ и до 30 октября нигде вызываемый на допросъ не былъ...

Въ это время за кулисами такъ чисто прибранной г. Клочковымъ сцены велась «работа». Извѣстный потомъ, а тогда бывший у нихъ на виду сыщикъ Пв. Дмитріевичъ Путилинъ, проявившій свои способности въ области политическаго сыска въ дѣлѣ В. А. Обручева и Михайлова еще въ сентябрѣ 1861 г., былъ въ связи съ оставшимъ корнетомъ Всевол. Дмитріевичемъ Костомаровымъ; ихъ связывало уже «довольно хорошее знакомство» по Москвѣ. Въ сентябрѣ 1861 г. Путилинъ былъ командированъ туда, по распоряженію министра финансовъ.

¹⁾ Дѣла: 1 экспедиціи 1862 г. № 230 ч. 176 и приложенное къ ней производственное слѣдств. комиссіи; ч. 10 лит. А, ч. 175.

для открытія шайки поддѣльвателей ассигнацій, но вдругъ экстренно былъ вызванъ въ СПб., гдѣ получилъ отъ ген.-губернатора кн. Суворова приказаніе отправиться къ начальнику III Отдѣленія гр. П. А. Шувалову для содѣйствія раскрытію лицъ, распространившихъ первыя прокламаціи. Ему удалось тогда обнаружить распространителя «Великорусса» В. А. Обручева и оказаться полезнымъ въ дѣлѣ Михайлова. Занимаясь подъ руководствомъ Шувалова до ноября, Путилинъ, коротко познакомился съ Вс. Костомаровымъ²⁾, а послѣ, когда графъ оставилъ свою должность, сдѣлавъ ее А. И. Потапову, вновь отправился въ Москву для прерванныхъ занятій по дѣлу о поддѣлкѣ бумажныхъ денегъ. Тамъ, по просьбѣ К., онъ познакомился съ его семействомъ и, «видя стѣснительное положеніе ихъ въ средствахъ, помогать имъ деньгами» (конечно, казенными). Вотъ, напр., расписка матери К.: «1862 г. января 9 дня я, нижеподписавшаяся, взяла заимообразно у кол. секр. Ивана Дмитріевича Путилина сто семьдесятъ пять рублей серебромъ, которые обязуюсь ему заплатить по первому его востребованію. Жена прапорщика Надежда Николаевна Костомарова».

Въ январѣ или февралѣ 1862 г., когда К. содержался въ Тверской части Москвы по дѣлу нелегальной типографіи и распространенія прокламацій и недозволенныхъ цензурою сочиненій, Путилинъ посѣщали его наединѣ, зная, что К. можетъ дать указанія на лицъ, участвовавшихъ въ начинавшемся политическомъ движеніи, и препроводить его даже на свиданіе съ прибывшимъ въ Москву Потаповымъ, которому К. тогда-то и указалъ на роль Чернышевскаго, Добролюбова и другихъ вдохновителей оппозиціи правительству. По освобожденіи К. изъ заключенія до окончательнаго приговора по его дѣлу, Путилинъ «увидался съ нимъ, когда уже онъ жилъ вмѣстѣ съ семействомъ, и при разговорѣ К. выражалъ неудовольствіе свое на правительственныхъ лицъ, которыя за указаніе его не скрыли имени его и тѣмъ уронили въ обществѣ литераторовъ и поставили въ подозрительное положеніе къ лицамъ, въ тѣсной связи съ коими онъ находился въ дѣлѣ революціонной пропаганды, а между прочимъ говорилъ, что онъ имѣетъ весьма важныя свѣдѣнія, но опасается съ искренностью довѣриться правительственнымъ лицамъ, о чемъ я, по прибытіи въ СПб., докладывалъ» Потапову. Когда весной 1862 г. вновь появились прокламаціи, Суворовъ опять поручилъ Путилину возобновить розыски. «Не сомнѣваясь, что К. можетъ помочь мнѣ, я письменно просилъ его о семъ, на что и получилъ отвѣтъ, что ему необходимо видѣться лично со мною». Отвѣтъ К. отъ 7 мая 1862 г., написанный, какъ и почти всѣ послѣдующія письма, со всякими предосторожностями, ложными указаніями мѣста написанія, безъ подписи и т. п.: «Я все динѣюсь вашему молчанію, и наконецъ, начинаю думать, что вы или испугались моего письма отъ 19 апрѣля или перестали интересоваться извѣстнымъ вамъ дѣломъ... а жаль. Въ настоящее время, окончивъ жизнеописаніе пр. Тихона Задонскаго (читали вы его?), мы принимаемся за обширный трудъ «Обозрѣніе раскольничьихъ скитовъ Ярославской епархіи»... работа идетъ весьма успѣшно и близка къ концу, если ничто не помѣшаетъ. Пора бы вамъ оставить свой скучный дѣловой Петербургъ и пріѣхать отдохнуть въ нашу мирную деревню; что вы объ этомъ думаете? Напишите мнѣ и я немедленно вамъ отпишу, принявъ всѣ

2) Ниже для сокращенія будетъ обозначаться буквою К.

предосторожности, чтобы письмо мое дошло къ вамъ. Вамъ преданный В. Село *).

Черезъ нарочнаго Путилина просилъ К. точно увѣдомить, какія именно свѣдѣнія онъ можетъ дать. На это послѣдовалъ отвѣтъ:

«Не удивляйтесь, дорогой Иванъ Дмитріевичъ, что вы не много поняли изъ моего послѣдняго письма: вижу, что вамъ немного и очень немногo извѣстно изъ того, что дѣлается теперь въ нашей матушкѣ Москвѣ. Иначе вамъ былъ бы очень понятенъ мой намекъ на пр. Тихона. Надѣюсь, что вы не будете на меня въ большой претензіи, если и изъ настоящаго письма узнаете тоже не много. Во-первыхъ, дѣла такого рода не излагаются письмами никогда, а тѣмъ болѣе преждевременно; что же касается до догадки вашей, что «мнѣ извѣстно много», смѣю увѣрить васъ, что она справедлива гораздо болѣе, чѣмъ вы думаете. Мнѣ извѣстно столько, что я еще не знаю, не выгодно ли для меня будетъ молчать и помогать, чѣмъ открыть и мѣшать. Впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ личныхъ переговоровъ съ вами. Имѣйте только то въ виду, что дѣло идетъ ужъ не о такихъ пустякахъ, какъ неудачныя ухищренія какого-нибудь Костомарова или Михайлова или невинные плакаты¹⁾ какихъ-нибудь «Думъ» и «Комитетовъ», которыми, впрочемъ, пренебрегать не слѣдуетъ. Очень бы хотѣлось мнѣ исполнить свое обѣщаніе и прислать вамъ то сочиненіе, о которомъ я намекалъ вамъ, но въ настоящее время это невозможно, по причинѣ весьма уважительной, но которую объяснить я могу вамъ только при личномъ свиданіи. А чтобы хоть чѣмъ-нибудь загладить неисполненіе этого обѣщанія, посылаю вамъ съ вашимъ посланнымъ кое-что, изъ чего вы и кто слѣдуетъ могутъ убѣдиться, что свѣдѣнія наши не могутъ быть не справедливы и не положительны.

«А если тѣ господа, которые болѣе насъ заинтересованы въ этомъ дѣлѣ²⁾, будутъ или скаречничать, или смотрѣть на насъ вообще недоброжелательно или, чего добраго, возымѣютъ намѣреніе поступить съ нами по-шуваловски, то предупреждаю, что меня уже нельзя будетъ поддѣть ни на какую удочку. Игра будетъ большая. Ну, да вообще прѣзжайте и поговоримъ. Будьте увѣрены, что я васъ не введу ни въ напрасные расходы, ни въ напрасную трату времени, ни скомпрометирую васъ передъ вашимъ начальствомъ³⁾. Конечно, я не буду виноватъ, если мы съ нимъ не сойдемся въ условіяхъ, а тутъ, какъ я уже (помните) говорилъ вамъ, дѣло не въ однихъ деньгахъ, которыя для меня на второмъ планѣ.

«Итакъ, вы меня спрашиваете: «нужны ли люди, деньги, какія-либо свѣдѣнія или личное мое свиданіе съ вами?»

«Отвѣчаю вамъ положительно: людей никакихъ не нужно, ибо мы сами люди. Деньги — можетъ быть, но развѣ какая-нибудь сущая бездѣлица. Свѣдѣнія мои, вѣроятно, полнѣе, разнообразнѣе и вѣрнѣе вашихъ, но если въ вашихъ есть что-нибудь для меня новое, конечно, это не помѣшаетъ дѣлу. Но вы, вы, сами вы нужны мнѣ болѣе всего на свѣтѣ, болѣе всѣхъ людей, всѣхъ денегъ, всѣхъ свѣдѣній.

«Но опять-таки, во избѣжаніе всѣхъ недоразумѣній и неудовольствій, объяснитесь на этотъ счетъ подробнѣе. Если я и желать бы видѣться съ вами, то единственно затѣмъ, чтобы поговорить съ вами,

1) Листочки, листки.

2) III Отдѣленіе.

3) Кн. Суворовъ.

но не затѣмъ, чтобы дѣйствовать. Это еще рано. Но для того, чтобы, когда придетъ пора дѣйствовать, не было поздно, мы должны видѣться съ вами и условиться. Вотъ видите ли. Если бы мы условились съ ними прежде, а вы бы пріѣхали по моему вызову, мы бы могли перенять дѣло въ самомъ его зародышѣ и на самомъ мѣстѣ дѣйствія: теперь же мы должны ждать, пока оно созреетъ, и, конечно, это сопряжено съ большими трудностями, хотя будетъ гораздо рациональнѣе.

«Въ заключеніе, еще разъ увѣряю васъ, что игра будетъ стоить потраченныхъ на нее свѣчъ, и что я — единственный ключъ ко многимъ замкамъ, которые нельзя ни сломать, ни отпереть. Пусть попробуютъ.

«Если хотите, пріѣзжайте: поговоримъ по душѣ. А писать, правда, я не стану... Не по недоувѣрію къ вамъ, конечно. — вы въ этомъ отношеніи и не смѣйте сомнѣваться во мнѣ, — а потому, что, во-первыхъ, всего не напишешь, а, во-вторыхъ, переписка, вообще, — дѣло опасное; но почтѣ письма не всегда доходятъ, а ваше письмо я получилъ подпечатанное. Вамъ преданный В.

«(Мое запечатано синимъ сургучомъ)».

«Кое-что» означало приложение двухъ прокламаций и нѣсколькихъ типографскихъ литеръ, которыми онѣ были напечатаны (въ дѣлѣ сохранились только литеры). Пугилінъ представилъ все это Суворову, приказавшему узнать лично отъ К. «характеръ его свѣдѣній и какими путемъ можно имѣть оныя». «Корнетъ К. лично объяснилъ мнѣ, что онъ есть членъ тайнаго общества, но нынѣ, разоидясь въ убѣжденіяхъ, въ планѣ и цѣли дѣйствія сего общества, рѣшается открыть не только лицъ этого общества, но ихъ типографіи и планъ дѣйствія, но открытіе это иначе не согласится сдѣлать, какъ послѣ объявленія рѣшенія по дѣлу его, и единственно чрезъ посредство кн. Суворова».

Въ скоромъ времени Пугилінъ представилъ послѣднему слѣдующую «записку»:

«Членъ революціоннаго общества, согласный открыть лицъ, участниковъ въ заговорѣ, планъ и цѣль ихъ дѣйствій, послѣ личнаго моего съ нимъ объясненія, нынѣ письменно увѣдомилъ меня, что такъ какъ при открытіи имъ въ прошломъ году преступленія противъ верховной власти, одно важное правительственное лицо¹⁾ неисполненіемъ своего слова въ отношеніи оставленія его личности въ неизвѣстности, нравственно уронило его въ обществѣ, то, не имѣя уже теперь такого довѣрія, онъ имѣющіяся у него весьма важныя свѣдѣнія не можетъ выдать безусловно. Между тѣмъ, онъ берется открыть: 1) нѣсколько главнѣйшихъ узловъ огромной сѣти тайнаго общества, покрывающей большую часть Россіи, 2) столпные революціонные комитеты въ полномъ ихъ составѣ, до 150 членовъ присутствующихъ и до 200 чл. корреспондентовъ, 3) выдать корреспонденцію трехъ членовъ руководителей тайнаго общества, 4) указать помѣщеніе нѣсколькихъ тайныхъ типографій, основанныхъ членами въ обихъ столицахъ и селѣ, 5) ему извѣстенъ полный составъ редакціи проецированнаго революціоннымъ комитетомъ журнала «Мысль и Дѣло», помѣщеніе ея типографіи, съ указаніемъ, гдѣ, когда и кѣмъ пріобрѣтены станки и шрифтъ²⁾, и за-

¹⁾ Гр. Шуваловъ.

²⁾ Дѣйствительно, позже у причетнаго по дѣлу «Земли и Воли» А. Н. Плещеева искали, но нашли нѣсколько номеровъ такого листка и типографскій шрифтъ (дѣло 1-го деп. 1862 г., № 97, ч. 68).

гѣмъ б) подробный систематическій сводъ всѣхъ имѣющихся у него свѣдѣній о ходѣ дѣла и планахъ революціоннаго общества.

«Но для того, чтобы дать ему возможность не только исполнить всѣ эти общіянія, но даже сдѣлать гораздо больше, должны быть выполнены слѣдующія условія: 1) онъ не долженъ быть замѣшаеъ въ этомъ дѣлѣ ни въ качествѣ участвующаго, ни въ качествѣ открывателя или свидѣтеля, 2) для отклоненія всякаго отъ него подозрѣнія въ имѣніи обществу, онъ долженъ быть разжалованъ въ рядовые съ назначеніемъ въ кавказскій корпусъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это можетъ служить правительству ручательствомъ въ томъ, что со стороны его будутъ исполнены общіянія, такъ какъ если бы доставленные имъ свѣдѣнія оказались несправедливыми или даже менѣе важными, то правительство можетъ оставить его навсегда безъ службы; 3) если же оказанная имъ услуга будетъ велика, то назначить его семейству ежегодное вспоможеніе, равное той суммѣ, которую онъ выработаетъ литературными трудами (примѣрно до 1.500 руб.), а самому ему даровать право службы».

Характеръ его свѣдѣній, если бы и имѣло его правительство въ своихъ рукахъ, не можетъ уничтожить всего общества, но немнѣю на многое юридическихъ доказательствъ, но зато достовѣрны источники, гдѣ и какъ ихъ найти, и даже берется, можетъ быть, ввести въ общество членовъ, который возьмется быть обвинителемъ и свидѣтелемъ. Передать всѣ эти свѣдѣнія и документы онъ согласенъ только мнѣ; это—тоже условіе, отъ котораго онъ не отступить ни на шагъ. Дабы же, принимая отъ него дѣло это, я зналъ, за что берусь, объясняетъ слѣдующее: арестовать всѣхъ лицъ, которые имъ будутъ указаны, разомъ нельзя, во-первыхъ, потому что они составляютъ, быть можетъ, 1/20 общества, и стало бы, аресты ихъ ни къ чему не поведутъ; во-вторыхъ, потому, что юридическихъ уликъ на многихъ изъ нихъ у него нѣтъ, такъ какъ, если бы и захватить, на основаніи фактовъ, двухъ-трехъ столпныхъ коноводовъ или наличныхъ членовъ какого-либо комитета во время засѣданій, забрать ли два-три стапка,—вѣдь, этого мало; еще останутся тысячи членовъ во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ углахъ Россіи, останутся учителя кадетскихъ корпусовъ и другихъ учебныхъ заведеній, попы съ семинаристами и всякими странниками, раскольники разныхъ толковъ и казаки съ войскомъ ихъ, съ штабъ- и оберъ-офицерами, и всякія барыни, и цыгане, и евреи, и поляки, и мало ли еще кого... Не должно скоро арестовывать лицъ указанныхъ имъ, а слѣдить за ними, чтобы посредствомъ этихъ сотенъ открыть тысячи. Все это онъ говоритъ для того, чтобы видѣть, какія средства должны быть даны для этого правительствомъ, и, если оно на всѣ эти условія согласно, то просить меня немедленно къ нему пріѣхать.

«Кромѣ того, въ письмѣ его сказано, что послѣднее собраніе общества доказало, что средства реакціонеровъ¹⁾ велики, и, стало бытъ, и велика опасность, ибо борьба предстоитъ имъ на жизнь или на смерть. Представляя при семъ подлинное письмо, Считаю обязанностью доложить вашей свѣтлости, что, если угодно будетъ возложить на меня открытіе этого важнаго дѣла, то за исполнѣ успѣшнѣйшій исходъ его я могу ручаться только въ такомъ случаѣ, если необходимая для сего всѣ

¹⁾ Вѣроятно, ошибка—революціонеры.

началъ секретнѣйшая коммиссія подъ непосредственнымъ руководствомъ вашей свѣтлости будетъ составлена изъ лицъ, на содѣйствіе которыхъ я могъ бы вполне надѣяться, и не былъ бы стѣсненъ какъ въ личныхъ моихъ дѣйствіяхъ, такъ равно и въ потребныхъ для сего большихъ денежныхъ средствахъ. Необходимость составленія таковой коммиссіи обуславливается распространеніемъ въ столь громадныхъ размѣрахъ политической заразы».

Записка К. къ Путину отъ 3 іюля: «Дѣло мое перешло въ Петербургъ 27 іюня, но чѣмъ кончилось, здѣсь неизвѣстно. Разузнайте сами, гдѣ оно и что съ нимъ. Вообще не медлите высылкой и пишите чаще сами».

Въ 2 ч. ночи, 7 іюля, Потаповъ писалъ шефу жандармовъ кн. Долгорукову: «Въ городѣ, благодаря Бога, все благополучно. Съ кн. Суворовымъ, конечно, не безъ преній, согласились и арестованія сдѣланы удачно; Ветошниковъ и Серно-Соловьевичъ очень сконфужены; Чернышевскій ожидалъ, взять здѣсь на своей квартирѣ; когда пріѣхали его арестовать, у него были Антоновичъ и докторъ Бокотъ, которые ушли въ другія двери. Всѣ прямо отправлены въ Алексѣевскій равелинъ; надѣюсь, что въ понедѣльникъ имъ уже будутъ даны вопросы... Видѣлся съ П. А. Валевымъ и Ахматовымъ ¹⁾, а также съ Путинымъ и условились о совѣщаніяхъ. Завтра ѣду въ Знаменское къ Е. Н. В. Вел. князю». Резолюція шефа жандармовъ 10 іюля: «Кн. Суворовъ писалъ мнѣ по этому предмету лично. Онъ согласенъ, послѣ вашихъ объясненій, въ необходимости принятыхъ нами мѣръ и желаетъ быть освобожденнымъ безъ гнѣва, отъ Путилинскихъ дѣйствій. Я думаю, что это будетъ хорошо, и потому прошу васъ сообразить къ моему возвращенію, какъ удобнѣе вести Путилинское дѣло. Надобно будетъ связать его съ нашимъ и, слѣд., вѣроятно, придется держаться нашей собственной системы. Не полезно ли будетъ, согласно съ прежнимъ мнѣніемъ князя А. Ѳ. Голицина, вытребовать Костомарова въ Спб. и воспользоваться его указаніями тѣмъ способомъ, который признаете наиболѣе успѣшнымъ. Переговорите объ этомъ предварительно съ княземъ. Окончательно мы рѣшимъ вопросъ при свиданіи».

«Р. С. Кн. Суворовъ проситъ, между прочимъ, не забыть трехъ его обѣщаній по Путилинскому дѣлу: 1) 500 руб. на поѣздку Костомарова; 2) содержаніе его семейства на нѣсколько лѣтъ, 3) причисленіе Путилина или къ нему, кн. Суворову, или къ мин. вн. дѣлъ. Всѣ три обѣщанія можно имѣть въ виду».

Письмо К. въ конвертѣ на имя Путилина отъ 27 іюля изъ Хорла. а по штемпелю почты—изъ Москвы 24 іюля 1862 г.: «М. Г. Семенъ Григорьевичъ, послѣднее письмо ваше вчерашній день я имѣлъ честь получить; извѣстія, сообщенныя мнѣ свекровью моею, крайне меня удивили: господинъ баронъ П. ²⁾, предлагая племяннику моему свою протекцію для помѣщенія его въ извѣстную вамъ контору ³⁾, вѣроятно, все еще думаетъ, что мнѣ что-нибудь извѣстно объ интересахъ его дѣлъ ⁴⁾; неужели вы, почтенный зятюшка, не имѣли до сихъ поръ случая убѣдить господина барона, что я ровно ничѣмъ не могу быть полезнымъ пра-

¹⁾ Оберъ-прокуроръ синода.

²⁾ Потаповъ.

³⁾ Т. е. для помѣщенія К. свидѣла въ полицейской части въ Москвѣ. въ Спб. при III Отдѣленіи.

⁴⁾ Ч. рѣшительнаго.

влению его компаніи, и что если я и ходатайствую за племянника своего, то разсчитываю въ этомъ случаѣ единственно на то, что моя прежняя служба компаніи не забыта господами акціонерами? Все это вы потрудитесь поставить на видъ господину барону.

«Адольфъ Карловичъ проситъ меня передать вамъ, что предпринятая имъ въ товариществѣ съ вами и господиномъ Князевымъ операція насчетъ покупки чая должна быть немедленно окончена, ибо чай съ каждымъ днемъ падаетъ въ цѣнѣ, особенно послѣ того, какъ у нихъ въ городѣ разнесся слухъ объ арестованіи московской таможенной транспорта купца С—нкова. Приказчика своего я отправилъ еще до полученія отъ васъ телеграммы на свой рискъ; ибо и такъ уже потеряно не мало времени за присканіемъ понадобившихся на сей предметъ денегъ: завтра я долженъ получить уже и извѣстіе отъ приказчика; не думаю, впрочемъ, что предпріятіе мое увѣчается успѣхомъ, ибо посланный мной промѣшкалъ почти двое сутокъ и, вѣроятно, уже не успѣетъ простѣдѣть дѣйствій агента враждебной намъ компаніи.

«Я очень радъ, что вы не успѣли видѣться съ моей свекровью послѣ полученія вами ея записки. Она случайно узнала отъ одного изъ преданныхъ мнѣ акціонеровъ вѣсти, не слишкомъ пріятныя для директоровъ главнаго общества, но такъ какъ, по моему мнѣнію, это—пустая сплетня (подобная сообщенному вами извѣстію о прибытіи изъ-за границы контрабанднаго чая), то я и не слишкомъ сожалею, что она не сообщила всѣхъ ея подробностей. Напишите мнѣ обстоятельно о результатѣ послѣднихъ совѣщаній акціонеровъ и отправкой племянника продолжите до полученія моего отвѣта; имѣйте за нимъ строгій надзоръ.

«Поручая себя родственному расположенію вашему, имѣю честь быть
Феофанъ Отченашенко.

«P. S. Передайте племяннику, чтобы онъ употребилъ всѣ усилія достать денегъ, которыя въ настоящее время для меня необходимы до такой степени, что за недостаткомъ средствъ приходится на время закрывать лавку».

Письмо К. къ Путину отъ 22 сентября изъ Калязина (по конверту—27 іюля 1862 г. со станціи Москва николаевской жел. дороги): «Милый братъ, послѣднее письмо твое не то, чтобы удивило меня, а какъ-то озадачило. Будучи уже разъ проведенъ самымъ нелѣпымъ образомъ, я, конечно, не упускалъ изъ вида возможности остаться въ дуракахъ и во второй разъ, а, все-таки, не ждалъ, чтобы въ наши сношенія съ тобою такъ скоро вкрался тотъ угрожающій тонъ, которымъ признаюсь тебѣ, дѣйствовать на меня можно всего безуспѣшнѣе. Тебѣ ли упрекать меня въ осторожности? да какой же? въ чемъ? осторожность моя законная. — вспомни это. И я вижу, что я хорошо сдѣлалъ, дѣйствуя болѣе или менѣе осторожно: ты начинаешь уже нарушать условіе, требуя отъ меня уплаты раньше срока ¹⁾. История же тебѣ еще разъ, что если-бъ даже я и хотѣлъ заплатить тебѣ долгъ раньше срока, я рѣшительно не могу, потому что всѣ мои деньги и документы находятся на сохраненіи у одного лица, которое ни за что не выдастъ мнѣ ихъ прежде, нежели удостовѣрится, что процессъ мой выигранъ окончательно. А въ минуту выигрыша процесса наступить, какъ тебѣ извѣстно, и срокъ моего платежа тебѣ. Я вотъ не сижу сложа руки, я все стараюсь объ томъ, чтобы дать тебѣ болѣе,

¹⁾ Выдаче обличающихъ Чернышевскихъ и Шелгунова документовъ раньше окончания дѣла К.

чемъ объяснять, и успѣю въ этомъ; а вы такъ плохо, видно, хлопотаете, если ужъ, отъ нечего дѣлать, принялись за угрозы. Неужели и васъ только на это станетъ? Нѣтъ, не вѣрю и не хочу вѣрить. Вѣрно, ты будешь очень не въ духѣ, милый братъ, когда мнѣ придетъ письмо свое. Все оно, съ первой и до послѣдней строчки, какъ-то... странно. Во 1-хъ, ты требовалъ почти съ угрозами отъ меня того, что я не могу дать до извѣстнаго времени и чего ты добровольно согласился отъ меня не требовать до срока: во 2-хъ, укоряешь меня въ излишней осторожности, какъ будто осторожность бываешь когда-нибудь излишнею, особенно въ моемъ положеніи. Вы вотъ до сихъ поръ ничего еще не могли для меня сдѣлать: кто мнѣ поручится за успѣхъ? А отступленіе-то ужъ печально: вонъ ты ужъ на одной страничкѣ успѣлъ мнѣ три раза написать, что плохо-ле будетъ... Въ 3-хъ, ты пишешь: ждали больше — положили немного. Какой ты странный! Ты вѣдь знаешь, что мнѣ ждать очень удобно, такъ что скорое окончаніе процесса нужно не для меня, а для насъ: медленности въ его ходѣ не мнѣ вредитъ, а вамъ. Если бы я хлопоталъ только изъ-за своихъ интересовъ, такъ я не торопился бы васъ окончаніемъ дѣла, а просилъ вести его какъ можно медленнѣе, потому что, повторяю, окончаніе его не принесетъ мнѣ ровно никакихъ ни удобствъ, ни выгодъ въ настоящемъ. Въ 4-хъ, и въ послѣднихъ, пиши ко мнѣ, пожалуйста, попонятнѣе, а то я почти вину твоего письма не понялъ. Что за иностранцы въ процессѣ? Что за оберъ-прокуроръ ¹⁾, который спрашиваетъ, утѣрять-ли ты въ законѣ сестры твоей кончить процессъ миромъ? Какой миръ, съ кѣмъ? Она, кажется, ни съ кѣмъ не ссорилась...

«Вообще, я удерживаюсь отъ объясненій до полученія отъ тебя мнѣе казалистическаго посланія: только, пожалуйста, безъ угрозы, потому что ими брать тутъ нечего. Будемъ лучше аккуратно исполнять данные другъ другу обѣщанія.—и я увѣренъ, что по окончаніи дѣла никто изъ насъ не останется ни въ накладъ, ни въ претензіи. До полученія отъ тебя болѣе положительнаго извѣщенія о ходѣ нашей тяжбы ²⁾ и о степени возможности окончить ее по условію ³⁾, я откладываю писать тебѣ о ходѣ моихъ химическихъ работъ, результаты, которыхъ пока довольно успѣшны. Особенно вчера мнѣ удалось сдѣлать одно довольно интересное открытіе въ черномъ никотѣ, находящемъ въ восточной Арменіи около Арабата ⁴⁾.

Итакъ, жду отъ тебя посланія болѣе отраднато. Братъ твой Николай Озерен... ^{14 кон. сер.}

Письмо К. къ Путнину отъ 16 августа изъ с. Марына ⁵⁾: «Сіеде coming, письмо, полученное мною вчера, было первое со времени отъѣзда изъ Пб. твоего племянника. Я думаю, что мука твой monstre qui est читать наши письма, иначе какъ могло письмо, писанное тобой 11, могло получиться 15 вечеромъ. Поэтому не будь въ претензіи.

¹⁾ Ахметовъ.

²⁾ Процессъ самого К.

³⁾ Объ этомъ выше.

⁴⁾ Хамія апацита извѣщеніе почерка Ник. Чернышевскаго, и, вѣроятно, съ запиской проф. С. Назаряна, редактора армянскаго журнала «Сѣверное Сіаніе», пріятеля М. А. Натбандиана, близкаго, по своей очереди, въ лондонскимъ эмигрантамъ. К. хотѣлъ установить связь Чернышевскаго съ Лондономъ.

⁵⁾ Въ Марынѣ есть Марына родомъ.

что мои письма такъ коротки; я вовсе не желаю твоего уroda мужа дѣлать участникомъ нашихъ секретовъ, каковы бы они ни были, хоть даже самаго невinnаго свойства. Да и притомъ я, начиная съ 9-го, все ждала тебя къ намъ въ Марьино. Кончай свои проклятыя дѣла и прїѣзжай къ намъ поскорѣе: съ какимъ я тебя драгоценнымъ человекомъ познакомлю. ma chère, душка! Пожалуйста, влюбись въ него и подари своего отвратительнаго мужа парой хорошенеккихъ роговъ. Вообрази, ma mîe, что побѣдка моего племянника не удалась: въ N. была большая охота: г-нъ Отч.¹⁾ въ отчаяніи: они травилъ зисцу, который, надо сказать, звѣрь очень рѣдкій въ нашихъ мѣстахъ, и г-нъ Отч., несмотря на все усилія, не могъ ее выслѣдить. Теперь онъ изъ себя выводитъ: загнать лошадь и не затравить звѣря. Я ~~и~~ буду ничего писать тебѣ, ma bonne, рассчитывая на скорое свиданіе: цѣлую тебя крѣпко и желаю хорошенеккихъ роговъ твоему гадкому мужу. Adieu, ta Fanny.

P. S. Чуть было не забыла, ma chère, передать тебѣ порученіе кузена. Онъ наминается подослать въ томъ, не придетъ къ тебѣ, но ты ему не вѣрь, онъ просто лѣнтяй: ну, такъ онъ проситъ меня передать тебѣ, что, если ты будешь такъ обязательна, то попросить своего дялюшку похлопотать о переводѣ Волыдемара²⁾ на Кавказъ: какъ ему рѣшительно все равно, въ какой полкъ ни поступить, лишь бы кавалерійскій, впрочемъ, лучше всего было бы въ Нижегородскій, тотъ, какъ онъ говоритъ, стоитъ въ хорошемъ мѣстѣ.

«Еще онъ проситъ тебя не забыть навести справки о томъ родственникѣ, о которомъ онъ писалъ къ тебѣ.

«Adieu, ma chère. Dieu te garde».

Письмо К. къ Путицкому отъ 19 сентября 1862 г. Вотъ, ma mîe, какъ вы дурно исполняете свои обѣщанія. Я не говорю уже о томъ, что вы обѣщали прїѣхать къ намъ въ Можайскъ къ 16 сент. и не ждете: я знаю, что это зависитъ болѣе отъ вашего мужа³⁾, чѣмъ отъ васъ, но вполне зависеть отъ васъ писать ко мнѣ: прїѣзжай и нашъ все ждетъ. Желая лично познакомиться съ вами, и я вся уже изовратилась передъ нимъ, объясняя разными небылицами Ваше равнодушное молчаніе. Для меня самого непонятное, ибо я увѣрена, что безъ надежды на успѣхъ вы бы не начали тяжбы⁴⁾, которая уже и мнѣ, и вамъ обоимъ такъ дорого, а между тѣмъ, на успѣхъ, какъ видно, надѣяться нечего. Сгнѣшите, пожалуйста: до сихъ поръ еще ничего не потеряю, но скоро, быть можетъ, я не буду въ состояніи ничего сдѣлать для васъ и для супруга вашего. Не утѣшайте себя тѣмъ, что все спокойно тихо передъ бурей. Итакъ, милая моя, напишите мнѣ обстоятельно, какъ идетъ ваша тяжба, и есть-ли надежда на успѣхъ, вѣрная, неиррациональная надежда. Мнѣ надо дѣйствовать, чтобы не упустить изъ рукъ одного важнаго обстоятельства... а въ случаѣ, если нельзя надѣяться на успѣхъ въ Петерб., я рѣшусь на тотъ образъ дѣйствій, который необходимо въ настоящее время для нашихъ успѣховъ въ

¹⁾ Отчешенко, т. е., самъ К.

²⁾ Самого К.

³⁾ III Отдѣленіе.

⁴⁾ Дѣла Чернышъ-Векано и Шелгунова

Москвѣ. Напишите, непременно, напишите, положительный и вѣрный отвѣтъ, на который я могла бы положиться исполнѣ, потому что, еще разъ повторяю, что для успѣха нашего дѣла мнѣ необходимо прибѣгнуть къ настоящему *cour d'état*.

«Прощайте, дорогая моя, спѣшите же выигрывать процессъ, если не хотите, чтобы все было потеряно; но во всякомъ случаѣ пишите подробно и искренно о состояніи процесса. Жду отъ васъ скорого отвѣта, увѣренная, что неточными извѣстіями вы не захотите вводить въ заблужденіе и подвергать величайшей опасности душевно вамъ преданную М. Гаври...

«P. S. Прошу свидѣтельствовать супругу вашему мое глубочайшее почтеніе и расцѣловать отъ меня милую сестрицу вашу¹⁾. Не будетъ-ли съ моей стороны злоупотребленіемъ дружбы вашей просить васъ привезти мнѣ изъ Петербурга капоръ потеплѣе—у насъ, въ нашемъ скверномъ городишкѣ рѣшительно нельзя найти ничего моридочнаго.

«Еще разъ цѣлую васъ, ваша М. Г. ...

Путилицу всего этого было, конечно, мало; онъ пасѣдалъ на неподдававшееся сотрудника, и, какъ видѣть, начинать, теряя терпѣніе, угрожать. К. былъ трусъ и напрасно говорилъ о тщетности запугиваній. 14 октября онъ доставилъ своему покровителю, пріѣхавшему въ Москву, два документа. Первый—листокъ слѣдующаго содержанія:

Революціонный Комитетъ

въ засѣданіи своемъ

14-го октября 1862 года

Положилъ:

§ 1. Изданіе газеты «Мысль и Дѣло» приостановить до новаго года; изготовленные номера сдать на храненіе въ архивъ комитета и затѣмъ дѣйствіе главной типографіи прекратить.

§ 2. По распоряженію Верховной Думы, Всероссийскій съѣздъ депутатовъ назначается въ Петербургъ къ 15-му января. Выборы депутатовъ отъ Московскаго общества будутъ произведены 22 декабря. Временная типографія изготовить по сему предмету особые циркуляры. Литографія же комитета озаботится изготовленіемъ трехъ тысячъ экземпляровъ сеймоваго устава.

§ 3. Гл. казначей приглашаются къ 27 представить трехмѣсячные отчеты.

Я почти увѣренъ, что и самый этотъ комитетъ, и протоколъ его былъ сочиненъ К., знающимъ, что невѣжественный Путилинъ сочтетъ этотъ документъ заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Кроме того, осторожный агентъ тайно, ночью засадилъ Путиллина и брата своего Алексѣя К. за переписку своего.

¹⁾ Можно прочесть и «Вадуа», т. е. вѣроятно, Вадеева, въѣхавъ съ Ахматовымъ, выразившаго роль въ дѣлѣ за очень дальними кулисами.

чернового наброска, уничтоживъ затѣмъ послѣдній, въ которомъ напелелъ ему всякаго вздора, перемѣшаннаго съ правдой. Вотъ этотъ шантажный бредъ:

«Любезный другъ, принявъ вторую степень посвященія, ты имѣешь теперь право нѣсколько болѣе познакомиться съ нашимъ рев. силами и ихъ составомъ.

«Ты уже знаешь, что оппозиція правительству приняла въ послѣднее время такіе размѣры, что изъ лагеря «недовольныхъ» образовалась цѣлая *status in statu*. Было-ли это безпрепятственное возростаніе нашихъ силъ слѣдствіемъ безопасности правительства, слишкомъ ослабленнаго ложной идеей о своей нерушимости; было ли оно слѣдствіемъ незнанія нашихъ силъ или, наконецъ, презрѣнія къ нимъ, рѣшать я не берусь, а предоставляю тебѣ самому заняться когда-нибудь на досугъ рѣшеніемъ этой странной, въ высшей степени странной загадки. Теперь мы поговоримъ о свойствахъ нашей оппозиціи.

«Силы наши различнаго свойства, и я считаю необходимымъ показать тебѣ общую ихъ связь и объяснить тебѣ составъ ихъ настолько подробно, насколько мнѣ позволяетъ это степень твоего посвященія. Я надѣюсь, что тогда тебѣ будутъ понятны и настоящий характеръ, и результаты нашего дѣйствія.

«Во-первыхъ, есть у насъ партія, которая сохраняетъ еще иллюзіи на способность нашего правительства «усовершиться». Члены этой партіи серьезно вѣрять въ обѣщанія правительства, не ожидая ничего добраго отъ настоящаго государя; они все еще рассчитываютъ на его династію. Партія эта исключительно состоитъ изъ либераловъ средняго сословія и представителемъ своимъ у насъ, въ Мо., считаетъ Іа. человека въ высшей степени честнаго, симпатичнаго и краснорѣчиваго. Въ нашемъ комитетѣ поддерживаютъ его... Въ составѣ редакціи нашего будущаго органа, къ сожалѣнію ¹⁾, никто изъ этихъ господъ не принимаетъ участія. Другая партія, почти такая же вліятельная, хотя и меньшая числомъ, по положенію своихъ представителей можетъ называться партіей высшаго сословія. Проникнутые англійскими началами, они формулировали свое ученіе въ такое правило: «государь царствуетъ въ государствѣ, но не управляетъ имъ». Не скажу, главою, а скорѣе *центромъ* этой партіи у насъ считается ²⁾; ты увидишь (узнаешь въ свое время его фамилію), какъ ловко умѣютъ люди этой партіи носить маски вѣрнопочинической преданности къ особѣ І: 3 и 4—самыми вліятельными членами; 5—публицистъ и посредникъ съ другими партіями; 6, 7, 8, 9—смыслъ вліятельные члены. Впрочемъ, надо тебѣ сказать, что партія не успѣла да и не могла приобрести много приверженцевъ въ массѣ; она, такъ сказать—штабъ генераловъ и офицеровъ безъ солдатъ. Вліяніе этой партіи держится только на личномъ достоинствѣ ея членовъ.

«Радикальная партія имѣетъ самое большое число представителей въ нашемъ комитетѣ. Опора ея въ странѣ—огромная симпатія массъ (объ чемъ, кажется, и не подозреваетъ правит.). Партія эта имѣетъ обширныя связи въ среднихъ слояхъ общества и ведетъ дѣятельную переписку съ членами І-скаго ³⁾ комитета. Она находится въ по-

¹⁾ Отсюда послѣ Путилина продолжалъ переписку Алексѣй К.

²⁾ Вѣроятно, Лондонскаго.

стояннѣхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ работниками, ремесленниками, солдатами, земледѣльцами, промышленниками, крестьянами, негодіантами, мелкимъ чиноначествомъ, сельскимъ духовенствомъ и проч.: и, основательно изучая ихъ интересы и потребности, ихъ страданія и надежды, она знаетъ все, что есть великаго, благороднаго и инстинктивно-гениальнаго въ сердцѣ народа. А это знаніе—такая сила, передъ которой ничтожны и пуши, и быткы тупого насилія. Наконецъ, своими связями, принципами, своимъ неутомимымъ возбужденіемъ борьбы за право всѣхъ униженныхъ, всѣхъ оскорбленныхъ, всѣхъ поруганныхъ, и обманутыхъ, своимъ неоступимымъ апостольствомъ, своимъ безбоязненнымъ и твердымъ заявленіемъ широко-либеральныхъ стремленій и той горячей дѣятельностью, которая бываетъ плодомъ только сильныхъ, убѣжденій,—всѣмъ этимъ радикальная партія соединила подъ свое знамя огромныя массы приверженцевъ. Преданные и горячіе поборники дѣла, непоколебимые презрѣнія ко всякой коварной тактикѣ, отчасти суровые и мрачныя, но откровенные энтузіасты, они призываютъ на битву съ невыносимымъ деспотизмомъ, всѣхъ людей съ оскорбленнымъ сердцемъ, напоминая имъ ихъ забытые интересы, ихъ попранные права, возбуждая ихъ раздраженныя страсти, разжигая всю ненависть, все отчаяніе демократіи, у которой всюду поперекъ дороги лежатъ жившіе трупы привилегированныхъ сословій. Къ несчастію, и эта партія раздѣлялась на два лагеря. Оба они хотѣли одного и того же—республики и демократическаго правленія, но каждый изъ нихъ стремился къ осуществленію своихъ цѣлей различными путями. Одни изъ республиканцевъ, полные вѣры въ могущество своего дѣла, полные убѣжденій въ своей правотѣ, надѣются (или, лучше сказать, надѣялись) достигнуть своихъ стремленій посредствомъ общественнаго сознанія, которое, по ихъ мнѣнію, должно же восторжествовать. Самымъ лучшимъ надежнымъ и неотразимымъ средствомъ къ достиженію успѣха они считаютъ, неутомимую пропаганду посредствомъ слова и тайной прессы. Вооруженное возстаніе не находятъ, сочувствія въ этой части республиканской партіи, хотя теперь они и согласились на него, какъ на зло, хотя и важно, но неизбежное. Другіе, болѣе нетерпѣливые, провозглашаютъ, что противъ безправія могутъ иногда быть употреблены мѣры и не совѣтъ правны: что правительство, дѣйствующее насиліемъ, насиліемъ должно быть и свергнуто («обнажившіе мечъ мечомъ и погнѣнутъ») самоуправленіе есть единственное законное правительство, стало быть, для достиженія его законны и всѣ средства, каковы бы они ни были, бунтъ, заговоръ, тайныя убійства и т. д. Въ оправданіе того мнѣнія, что силою навязывать народу новые принципы правленія есть ошибка и преступленіе, они говорятъ, что народъ, находясь въ постоянномъ невѣдѣніи своихъ правъ, не можетъ заявить самъ своихъ требованій, и что въ такомъ случаѣ не только позволительно, но даже должно навязать ему отпаятую у него насиліемъ и обманомъ свободу.

«Впрочемъ, несогласія эти никогда не доводили насъ до ссоръ и антагонизма. Скрѣпленные одинаковостью чувствъ, одинаковостью стремленій, мы легко подчиняемся большинству въ выборѣ средствъ для достиженія общей цѣли. Одна кака-либо партія никогда не могла

бы создать такой громадной оппозиции одними своими силами, да, если бы даже реакция и явилась делом одной партии, она непременно погибла бы от противобойствия остальных соединившихся между собой партий¹⁾.

Теперь, познакомясь тебя въ общихъ чертахъ съ направлениемъ и составомъ нашихъ силъ, нахожу возможнымъ посвятить тебя въ нѣкоторыя подробности нашихъ учреждений. Наперекоръ всему парламентарнымъ законамъ, законодательская власть нашего союза находится въ рукахъ постоянного института, имѣющаго видъ правильно организованнаго министерства и, наоборотъ, власти исполнительной облечены центральные комитеты делегатовъ, составляющіе, такъ сказать, вънецъ всей массы нашихъ силъ. Организация этой могущественной силы очень проста. Въ каждомъ изъ округовъ есть комитетъ, который посылаетъ своего депутата въ центральный комитетъ. Посредствомъ этихъ депутатовъ-представителей центральный комитетъ сообщаетъ дѣятельность окружнымъ комитетамъ, а тѣ, въ свою очередь, передаютъ это движеніе своимъ избирателямъ. Центральный комитетъ, разумѣется, неусыпно заботится о томъ, чтобы во всѣхъ частяхъ союза возбудить одинаковую жажду дѣятельности. Долго успѣхъ въ этомъ дѣлѣ казался болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, но въ настоящее время различные элементы слились уже въ общую массу и достаточно приготовлены къ тому, чтобы дѣйствовать общими силами. Теперь вліяніе центр. комитета значительно усилилось, и авторитетъ ихъ принятъ вездѣ и безусловно. Ни откуда не встрѣчается ни возраженій, ни сопротивленія, ни равнодушія.

«Я знаю, что ты, мой несправимый скептикъ, не очень вѣришь въ могущество нашей оппозиціи. Ну, вотъ теперь пришло время подставить извѣстныя величины въ знакомыя тебѣ формулы,—ты самъ удостовѣришься въ неопровержимомъ значеніи исторической истины, что все правительства отъ долгаго царствованія поражаются слѣпотою. Мы слишкомъ привыкли возиться съ мелочами, проглядѣли все глаза на пустяки, и когда пришла дѣйствительная опасность, мы ее не видимъ. Наша *service de sûreté* весь вѣкъ своей ловила однихъ ершей, и если на ея удочки не понадаются пудовые осетры, она остается въ совершенной увѣренности, что осетровъ этихъ не существуетъ и вовсе. Точно также и въ арміи. Ты, конечно, согласишься со мною, что наше правительство держится уцѣлѣть никакъ не самовѣличіемъ своей пден. Армія всегда и вездѣ была одною изъ самыхъ сильныхъ внѣшнихъ опоръ деспотическаго правительства. Но при какихъ условіяхъ? Пока ее закармливали и покупали, какъ солдаты-императоры римскіе; пока ее держали въ уздѣ, какъ солдатъ-императоръ Н...; пока ее «водили къ побѣдамъ», какъ солдатъ-императоръ N. Про нашего И., ты знаешь, мы не можемъ сказать ни того, ни другого, ни третьяго. А между тѣмъ, онъ все еще увѣренъ, что «армія, подобно жемчѣ Цезаря, не можетъ быть даже и заподозрѣна». Сильно онъ ошибается, бѣдный. Если армія по привычкѣ и была до сихъ поръ вѣрна дисциплинѣ, зато она далеко не воодушевлена, а мы убѣжде-

¹⁾ Въ непродолжительномъ времени я доставлю тебѣ блестящую рѣчь «о необходимости примиренія партій и дѣйствій сообща», сказанную Р-вымъ въ собраніи 10 октября. Р-въ одинъ изъ самыхъ сильныхъ представителей партіи радикаловъ. В. К.

ны, что она не очень усердно будет сражаться за людей, которые так слабо держали въ рукахъ своихъ то знамя, которое они обязаны были покрывать славой. Но для ограниченныхъ умовъ довѣрчивость доступнѣе бдительности. Увѣренность въ своихъ силахъ была, вообще, болѣзненною деспотовъ.

«Степень твоего посвященія не позволяетъ мнѣ сказать тебѣ ничего болѣе. Если интересы нашего дѣла, точно, близки тебѣ, постарайся, чтобъ срокъ твоего искуса окончился какъ можно скорѣе. Иначе дѣйствіе начнется, и на твою долю выпадетъ одна только глупая и жалкая роль посторонняго зрителя. Я не стану повторять тебѣ въ сотый разъ того, когда наступитъ время твоего искуса: ясно, само собою, что ты долженъ будешь что-нибудь сдѣлать для общества прежде, чѣмъ оно рѣшится обложить тебя полною своею довѣренностью. Что же касается до кандидатуры извѣстнаго тебѣ челоуѣка, то рѣшеніе комитета осталось на этотъ счетъ неизмѣнно: т.-е. онъ можетъ быть введенъ въ общество только на мѣсто К. ¹⁾), который долженъ выбыть изъ общества извѣстнымъ тебѣ образомъ. Чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ безконечно лучше для всѣхъ, интересующихся успѣхомъ нашего предпріятія.

Комендантъ города Мальты Вѣнцеславъ Лютый».

«Записка» эта была доложена Суворову и Потапову.

14 декабря 1862 г. К. писалъ Путину изъ Москвы: «Объ рѣшеніи моего дѣла одна важная особа справлялась въ сенатѣ у другой важной особы: на два года въ крѣпость безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій ²⁾. Сто десять рублей отправилъ, куда слѣдуетъ. Имѣю кое-какія свѣдѣнія вѣсти. Мнѣ что-то крѣпко приеомлось; скучно какъ, — смерть. Пожалуйста, пиши мнѣ. Касательно моей личности есть слухъ, очень вѣрный, что придется пробывать въ Москвѣ нѣсколько недѣль. Дай Богъ, чтобы хоть праздники не тревожили. В. проситъ извиниться, что замедлил отсылкой книги; брать быть третьяго дня дежурный и не могъ сходить за ней. В. говорить, что книга эта не такъ интересна, но посылаетъ пока, что можетъ.

«Прощай, голубчикъ мой, пиши ко мнѣ, и я буду писать. Низко кланяюсь Т. К. ³⁾. Твой навсегда В. Кост...».

Въ декабрѣ Суворовъ сказалъ Путину, что дѣло К. рѣшено въ сенатѣ, но, вмѣсто непосредственнаго отправленія на Кавказъ рядовымъ, признано необходимымъ заключить его предварительно въ крѣпость на 6 мѣсяцевъ; при этомъ князь приказалъ уговорить К., что, «если онъ окажетъ правительству важную услугу, то содержаніе въ крѣпости можетъ быть отмѣнено». Вѣданный и испуганный К. потерялъ довѣріе къ своему покровителю-посреднику и заявилъ ему, что ничего не укажетъ, пока не повидается лично съ патрономъ, Суворовомъ.

¹⁾ Оамъ К.

²⁾ Въ мѣншіи госуд. совѣта было одобрено рѣшеніе сената: лишивъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ крѣпости на четыре года. 1 ноября благодарный императоръ повелѣлъ: по выдержаніи въ крѣпости шести мѣсяцевъ, отправить на службу въ войска кавкааской арміи рядовымъ.

³⁾ Жена Путину.

имѣть, и не будетъ имѣ гарантированъ въ соблюденіи со стороны правительства уже извѣстныхъ его условій.

Въ серединѣ декабря, подѣ Рождество, К. писалъ Путятину: «Дорогой другъ, Иванъ Дмитриевичъ, посылаю къ тебѣ А. Д. ¹⁾, который ты изъявилъ желаніе имѣть на праздникахъ, дабы познакомить его съ какими-то точками. При сей оказіи онъ исправитъ кое-какія порученія лица, касающіяся нашего общаго дѣла. Если оно не пошло и идти своимъ чередомъ, то существованіе А. въ Пб. во все время моего сидѣнія тамъ совершенно необходимо. Какъ-нибудь это надо устроить. Рѣшеніе объявится 2-го. Ко времени моего прибытія возврати мнѣ А. въ дѣлості, и, конечно, намъ надо повидаваться съ тобою еще въ Москвѣ, дабы условиться насчетъ весьма многого и очень важнаго. Матушка кланяется и поздравляетъ тебя и Т. К. съ праздникомъ и съ будущимъ днемъ Рождества. Дай Богъ вамъ повеселиться хорошеенько весь годъ. Распродажа наша идетъ очень плохо: продали ужъ почти все, а вышло всего рублей тридцать. Изъ Женевы нѣтъ еще отѣта. Мнѣ очень нездоровится».

Въ концѣ декабря К. прибылъ въ Спб. и 2 января 1863 г. писалъ Потапову: «Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Александръ Львовичъ! Мнѣ бы очень хотѣлось,—даже необходимо было бы,—прежде, чѣмъ мы сойдемся въ понедѣльникъ ²⁾, поговорить съ Вами какъ о той запискѣ, которую я общалъ составить для Васъ (но неудача послѣдней экспедиціи въ Москву такъ меня разстроила, что я рѣшительно не могъ еще до сихъ поръ привести въ порядокъ своихъ воспоминаній, и не знаю, поспѣетъ-ли моя записка къ понедѣльнику), такъ и о предполагаемой поѣздкѣ матушки моей въ Москву».

Указанная «записка»—записка о литературной дѣятельности Чернышевскаго, хранящаяся, по словамъ г. Ключкова, въ дѣлахъ министерства юстиціи. Я ее не видѣлъ. Свиданіе съ Потаповымъ или пока вовсе не состоялось, или было раньше 7 января, такъ какъ въ этотъ день К. былъ снова въ Москвѣ. Я думаю, что вѣрнѣе второе предположеніе. Вотъ что писалъ К., по-французски, безъ подписи, по-видимому, послѣ свиданія съ начальникомъ III Отдѣленія, числа 4—5 января, а получено оно было Суворовымъ 7-го: «Милостивый Государь. Безцеремонность въ отношеніи ко мнѣ III Отдѣленія достаточно, кажется, удостовѣряетъ меня съ совершенной невозможности имѣть когда-либо частныя и откровенныя отношенія съ нашимъ правительствомъ. Независимо отъ сего, другія обстоятельства, вѣдѣдствіе которыхъ, я имѣлъ возможность оказать правительству нѣкоторыя незначительныя услуги, заставили меня удалиться отъ обманувшаго меня управленія и обратиться къ вамъ, м. г., какъ къ человѣку, который, я въ томъ увѣренъ, никогда не употребитъ во зло мое довѣріе. Цѣль настоящаго письма просто желаніе извиниться передъ Вами въ томъ, что до сихъ поръ не имѣлъ полного довѣрія какъ къ Вамъ, такъ и къ лицу, избранному мною единственнымъ посредникомъ въ моихъ съ вами сношеніяхъ ³⁾. Позволяю себѣ надѣяться, что по прибытіи моемъ въ Спб. (путешествіе совершенно мною неожиданное) Вы удостоите

¹⁾ Братъ, Алексѣй К.

²⁾ 7 января.

³⁾ Путятинъ.

меня непродолжительной аудіенціею. кромѣ сего, прошу разрѣшить мнѣ, до своего отъѣзда, письменно сообщить Вамъ о причинахъ моего недовѣрія».

По приѣздѣ въ Москву, К. написалъ Суворову второе письмо, по-французски (привожу, какъ и французское, въ переводѣ чиновника III Отдѣленія Келлера), датированъ оно 7 января: Милостивый государь, въ послѣднемъ письмѣ своемъ я просилъ разрѣшенія объяснить вамъ причины и побужденія чувства, называемаго всегда (т. Путяпинымъ) недовѣріемъ, и которое я никакъ не могу назвать иначе, какъ осторожностью и самоохраненіемъ. Прискорбный результатъ безкорыстнаго содѣйствія съ моей стороны въ предпріятіи, въ которомъ я дѣйствовалъ не совершенно безуспѣшно, могъ бы вполнѣ извинить мою осторожность, если бы въ настоящее время я имѣлъ дѣло съ тѣми же личностями, столкновение съ которыми меня почти уронило въ общественномъ мнѣніи. Былъ эта осторожность была бы совершенно неумѣстна, такъ какъ мнѣ удалось войти въ болѣе или менѣе непосредственный сношенія съ личностью, ясно отдѣляемою народною массою отъ той массы низкихъ и грязныхъ людей, которые въ отношеніи честности не отличаются излишнею щепетильностью, дозволяя себѣ всякую низость, принявъ въ основаніе своихъ дѣйствій весьма безправдаственное правило, что выборъ средствъ оправдывается предположенною цѣлью. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что съ моей стороны не можетъ быть никакого недовѣрія, да на самомъ дѣлѣ его и нѣтъ. Письмо это доказываетъ полное мое къ вамъ довѣріе: посланіе мое къ гр. Шувалову ¹⁾ было началомъ и главною причиною настоящаго моего несчастія. Но летать мнѣ невозможно, пока не вырастятъ крылья, а что ихъ у меня нѣтъ, до сихъ поръ, въ этомъ виновать не я. Если бы они и выросли мѣсяцевъ черезъ шесть, то весьма можетъ быть, что будетъ уже и поздно ихъ употребить. Чья же въ томъ вина? Не моя, конечно, ибо судьба или, по менѣе фаталистическому на языкъ возразить—III Отдѣленіе) прекратила мою дѣятельность именно въ то время, когда для успѣшнаго приведенія въ исполненіе моихъ обѣщаній болѣе, чѣмъ когда-либо, была необходима свобода дѣйствій и довѣріе лишь въ интересахъ конхъ я дѣйствовать.

«Неожиданный и незаслуженный мною арестъ нанесъ первый ударъ разрушившемуся плану моихъ дѣйствій. Неполненіе условій, гарантированныхъ мнѣ отъ вашего имени, побудило меня принять, съ своей стороны, предосторожности, которыя, если не совершенно лишаютъ меня возможности исполнить данныя мною обѣщанія, то, по крайней мѣрѣ, значительно затрудняютъ ихъ исполненіе. И въ настоящее время, какъ это вамъ извѣстно, могъ бы быть вамъ во многомъ полезенъ. По настоящее мое положеніе лишаетъ меня всякой къ тому возможности. Чтобы служить вамъ словомъ и дѣломъ, мнѣ необходимо то положеніе, на которое, въ слѣдствіе неоднократныхъ обѣщаній, я по всѣмъ правамъ могъ разсчитывать. Но вижу, что долженъ ждать этого еще полгода, тогда какъ, полагаясь на ваши увѣренія, и согласно съ ними, мною было уже все устроено, и я могъ считать себя вполнѣ обеспеченнымъ. Волѣ подробныя объясненія буду имѣть честь сообщить вамъ при свиданіи; до тѣхъ поръ прошу васъ, м. г., быть увѣреннымъ, что побудительныя причины настоящаго моего образа дѣйствій не за-

¹⁾ Еще въ 1861 г. оно не сохранилось.

ключаются ни въ случайномъ и преходящемъ настроеніи духа, ни въ недовѣріи, но единственно въ совершенной невозможности дѣйствовать иначе до измѣненія настоящаго моего положенія. Конечно, не могу я скрыть и того, что тутъ примѣшана небольшая доля весьма удобо-объяснимаго чувства самосохраненія и тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе насильственнаго перевода моего въ Спб., я предвижу попытку извѣстныхъ мнѣ лицъ, желающихъ вытянуть изъ меня нѣкоторыя подробности.

«Считаю, однако же, долгомъ увѣрить васъ, что я всегда и въ такой степени почиталъ общественное мнѣніе, что охотно перенесу даже жестокую месть вышеупомянутыхъ мною лицъ, но не рѣшусь опозорить шпионствомъ честное свое имя. И если бы я даже погибъ подъ тяжестью могущихъ быть употребленными противъ меня насилій, то это не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій для другихъ, потому что мною приняты противъ этого извѣстныя мѣры. Я, однако же, надѣюсь имѣть честь видѣться съ вами въ скоромъ времени и увѣрить васъ лично въ неизмѣнной моей готовности вамъ служить».

Записочка Долгорукова: «По прочтеніи—переговорить. Я полагаю, что какъ эти два письма, такъ и записка, мною вамъ переданнымъ, должно будетъ представить въ предсѣдательствуемую кн. Голицынымъ комиссію 12 января».

На конвертѣ второго нѣмецкаго письма Суворовъ написалъ: «Испросить выс. позволеніе Путину быть у Костомарова».

10 января Путилинъ встрѣтилъ К. въ Спб. на Николаевскомъ вокзалѣ и узналъ, что тотъ желалъ, во что бы то ни стало, видѣть Суворова 12-го числа. Князь былъ у него въ назначенный день... «Что именно послужило поводомъ къ тому, что К. не высказалъ ничего его свѣтлости, то мнѣ неизвѣстно, потому что я до сего времени (декабрь 1863 г.—М. Л.) болѣе уже К. не видалъ, и хотя я заявлялъ о необходимости новаго моего свиданія, но разрѣшенія на это не получилъ».

Не зная этого, К. писалъ Путину конспиративно: «М. г., Иванъ Дементьевичъ, если вы не увеличили своихъ требованій насчетъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, которые вы желали имѣть отъ меня (въ послѣднее свиданіе наше) касательно проектируемаго нами журнала, то я съ готовностью сообщу вамъ ихъ при первой же возможности видѣться съ вами. Вы, надѣюсь, поймете причины, заставляющія меня наотрѣзъ отказаться отъ всякаго посредничества въ этомъ дѣлѣ городской почты и, вообще, чего бы и кого бы то ни было, кромѣ васъ и личныхъ переговоровъ съ вами. Жду отъ васъ немедленнаго отвѣта, сообразно съ которымъ я и расположу свои дѣла. Пожалуйста, дорогой мой, повѣрьте мнѣ, что я употреблю всѣ средства, чтобы извлечь васъ изъ положенія, какъ вы говорите, «крайне оскорбительнаго и непріятнаго». Отвѣчайте же немедленно, когда вы придете ко мнѣ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

15 января Суворовъ сдѣлать царю докладъ о положеніи дѣла.

III.

16-го стѣдств. комиссія кн. А. Ѳ. Голицина, бывшая уже въ курсѣ всей этой закулисной работы, заслушала официальное сообщеніе своего предсѣдателя о словесно-переданной ему Суворовымъ царской волѣ принять къ производству дѣло о разжалованномъ въ рядовые Всев. Костомаровѣ; было постановлено потребовать объясненія отъ Путилина. Алексѣя Костомарова и матери его, а Потапову поручить «войти въ личныя объясненія» съ Всеволодомъ К.

17 и 18 января братъ и мать К. дали показанія.

«Братъ мой Всеволодъ К. предлагалъ мнѣ, въ видахъ пользы для правительства, принять участіе въ открытіи тайныхъ обществъ противъ правительства, но я сначала не соглашался, опасаясь быть замѣшаннымъ въ какое бы то ни было дѣло, тѣмъ болѣе въ политическія дѣла, зная, что братъ находился въ то время подъ судомъ. Но впоследствии, когда уже братъ мой Всеволодъ К. въ присутствіи г. Путилина сталъ предлагать мнѣ принять участіе, то я, принявъ въ соображеніе, что г. Путилинъ принимаетъ тоже участіе по приглашенію брата, и съ вѣдома пр—ва, то я и согласился». Затѣмъ шелъ рассказъ, какъ Алексѣй былъ посланъ братомъ на одну изъ улицъ Москвы получить отъ лица, якобы имѣвшаго его фотографію, важный пакетъ, какъ онъ трижды никого не могъ дожидаться и какъ, въ концѣ концовъ, пакетъ былъ переданъ ему въ харчевнѣ... самимъ же Всеволодомъ. Оказалось, что все это «было выдуманно братомъ собственно для г. Путилина». Потомъ Алексѣй былъ командированъ братомъ къ Суворову заявить, что «Всеволодъ надѣется на его покровительство и выдать все, что ему извѣстно». Мать съ Алексѣемъ скрывали другъ отъ друга о своемъ участіи въ почтенной дѣятельности Всеволода. При указаніи комиссіи на какіе-то именныя списки произошла несогласованность: Алексѣй утверждалъ, что Всеволодъ передалъ ихъ матери при первомъ арестѣ въ 1861 г., мать отрицала это категорически.

Повидимому, рѣчь шла о спискахъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Первый изъ нихъ писанъ К. шифромъ, а второй и третій писаны и первый дешифрованъ Путилинымъ. Привожу ихъ полностью, сохраняя подчеркнутыя фамиліи и ихъ расположеніе ¹⁾.

I.

?	Зыковъ	Львовъ
Мещерскій	Адамовичъ	Молчановъ
Пѣвцовъ	Зоринцянъ	—
Челищевъ	Жеваковский	Андреевъ
Ставровскій	Некрасовъ	Теличевъ
Васьковъ	Офенбергъ	Поповъ
Майдель	Григорьевъ	Стариковъ
Родионовъ	Страховъ	Жуковский
Якимовъ	Болтенъ	Ненарокомовъ
Сороко	Шамшинъ	Рѣзвой
Черкасовъ	Смирновъ	Миллеръ
—	?	—
Рудневъ	Абросимовъ	фонъ-деръ Паленъ
Гагаринъ	Семеновъ	Готъ
Семевскій	Бѣляевъ	—

д. Таубе.

II.

Кулаковъ	Турчаниновъ	Остенъ-Сакенъ
Малинъ	Заринъ	Кирѣевскій

¹⁾ ? означаетъ неразобранныя фамиліи; на мѣстѣ—фамиліи нѣтъ.

Гургинъ	Волковъ	Офенбергъ
Буренинъ	Лавровъ	
Бергъ	Побѣдоносцевъ	Грицевичъ
Дружининъ	Швяковъ	Карновичъ
Покровский	Виноградовъ	Ф. д.-Паленъ
Адамовскій	Шидловскій	Островскій
Флоринскій	Соколовъ	Горчаковъ
Туманскій	?	
Никифоровъ	?	
Орловъ	Ширяевъ	
Заславскій	Лабунскій	
Фреловъ	Бѣляевъ	
Дуровъ	Друзинъ	
Пике	Петровъ	
Мрачковскій	Коншинъ	
Шалыгинъ	Свѣшниковъ	
Топоровъ		
Перхуровъ		
Ляпуновъ		
Яковлевъ		
Сиверсъ		
Добрынинъ		
Елагинъ		

III.

Русель	Лаппа
Вульфъ	Столыпинъ
Фусенъ	Штернъ
Андріевскій	Глинка
Бороздинъ	Мельгуновъ
Буяковскій	Григоровичъ
Добровольскій	Головинъ
Романовскій	Сорокинъ
Костанда	Мейхте
Капустинъ	Хрущевъ
Каскуль	Цурмиленъ
Корсаковъ	Толмачевъ
Маевскій	Березкинъ (зачеркнутъ)
Чебышевъ	Рашетъ
Каховскій	Думпинъ
Падлевскій	Майдель
Бѣляевъ	Трусовъ
Симашко	
Панютинъ	

18 января комиссія поручила С. Р. Жданову, Потапову и М. Ө. Гедда вызвать К. изъ крѣпости въ III Отдѣленіе и потребовать отъ него разъясненія всѣхъ представленныхъ Путилинымъ (и мною выше приведенныхъ) бумагъ; а чтобы получить пакетъ его, находившійся въ Москвѣ у Ивана Шиповалова, разрѣшить Всеволоду К. написать послѣднему письмо о выдачѣ пакета Алексѣю К., которому дозволить поѣхать въ Москву, оставивъ мать въ Спб. безотлучно, впредь до распоряженія; тогда же была написана просьба министру вн. дѣлъ, чтобы Путилинъ состоялъ пока въ распоряженіи комиссіи.

К. понималъ, что насталъ моментъ, когда въ немъ ощущалась острая нужда; онъ зналъ о полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было доказательствъ противъ Чернышевскаго и о всей безрезультатности не только обыска, но и перваго допроса 30 октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ К. понималъ, что для выигрыша собственнаго положенія пришло время устранить Путилина, для чего прежде всего нужно было дискредитировать его въ глазахъ комиссіи и III Отдѣленія. Такъ онъ, безъ труда, и поступилъ. Прежде, чѣмъ привести журналъ о его допросѣ, скажу, что Путилинъ представилъ Суворову довольно подробно записку о деталяхъ организаціи тайнаго общества, нагородилъ тамъ всякаго вздору, что показываетъ, какъ, дѣйствительно, мало онъ былъ способенъ отнестись сколько-нибудь критически къ костомаровской хлестаковщинѣ. Я не привожу эту записку, какъ не имѣющую никакого серьезнаго значенія ¹⁾. Прибавлю только, что тогда, вообще, у правительства не было ни одного человѣка, могшаго считаться компетентнымъ въ такомъ вопросѣ, начиная съ шефа жандармовъ и кончая «талантливѣйшими» мѣстными жандармами. Любой радикальный студентъ зналъ и понималъ обстановку несравненно лучше, а къ чести молодежи она еще не шла на приманки легкаго заработка. Первымъ студентомъ, вступившимъ на путь оплачиваемаго въ открытую шпіонства и провокаціи, былъ Волгинъ, въ 1863 г. изъ Технологическаго Института.

Бывшій корнетъ К. удостовѣряетъ, что «записка», въ которой изложено образованіе и организація тайнаго общества и которая представлена г. Путилинымъ г. спб. воен. ген.-губернатору, составлена не имъ, К., и что онъ только исправлялъ редакцію подобной записки, представленной ему однажды г. П.; въ настоящей же прибавлены такіе свѣдѣнія, о которыхъ въ прежней вовсе не упоминалось. К., по словамъ его, не сообщалъ П. и не могъ сообщать тѣхъ положительныхъ свѣдѣній, которые изъяснены въ представленной нынѣ П. запискѣ относительно существованія правильно и окончательно организованнаго тайнаго общества, его личнаго состава, средствъ числительности членовъ онаго, ополченія съ злѣпками и оружіемъ, ибо о существованіи въ Россіи такого правильно и окончательно организованнаго тайнаго общества К. не имѣлъ никогда никакихъ свѣдѣній и потому не могъ и передавать ихъ П... К. сообщалъ П. лишь свои личныя соображенія и выводы, какъ литераторъ, вообще о разныхъ направленіяхъ, существующихъ нынѣ въ обществѣ, и, сверхъ того, нѣкоторыя извѣстныя

¹⁾ Въ качествѣ «цѣннаго» открытія по исторіи нашего революціоннаго движенія она напечатана съномъ Путилина въ V кн. 1913 г. того же невѣжественнаго «Историческаго Вѣстника».

ему, К., частныя свѣдѣнія объ образѣ дѣйствія или намѣреніяхъ отдѣльных личностей или отдѣльнаго кружка людей, въ который онъ имѣлъ доступъ. Такъ, въ запискѣ, которую К. редактировалъ для П., было изложено лишь все то, что ему, К., было известно относительно преступныхъ замысловъ Михайлова и Шелгунова, а именно: что М. сочинилъ прокламацію къ молодому поколѣнію и барскимъ крестьянамъ ¹⁾, а Ш.—къ солдатамъ и что его, Ш., рукою писанъ экземпляръ подобной прокламаціи, взятый у К. при его арестованіи по дѣлу, по которому онъ осужденъ. Что М., отправляясь за границу, составить программу или конспектъ будущихъ дѣйствій по распространенію противоправительственной пропаганды, и повезъ эту программу для сообщенія по оной въ Лондонъ. Обо всемъ этомъ была составлена П. и редактирована К. записка единственно съ тою цѣлью, дабы П. знать, на что необходимо обратить вниманіе и гдѣ слѣдуетъ отыскивать слѣды преступныхъ замысловъ для преданія виновныхъ въ руки правительства. Независимо отъ всѣхъ сихъ свѣдѣній, которыя въ редактированной К. запискѣ были изложены, передавалъ К. П.—ну еще все то, что ему удавалось слышать или узнавать въ Москвѣ, въ отдѣльномъ кружкѣ молодыхъ людей, въ который онъ успѣлъ получить доступъ три раза, и гдѣ онъ однажды говорилъ рѣчь, а именно: фамиліи личностей, указываемыхъ въ этомъ кружкѣ, какъ дѣятелей, свѣдѣнія о существованіи типографіи и архива, или хранилища всей переписки этого кружка, небольшія плакарды, напечатанныя въ сей типографіи; далѣе, онъ сообщалъ ему о томъ, что типографіею этого кружка завѣдуетъ Плещеевъ, а устраивалъ оную Барфкнехтъ; что доступъ въ кружокъ К. получилъ чрезъ Аргиропуло, который свелъ его съ однимъ членомъ кружка, именовавшимся Ив. Сергѣевичемъ Шишоваловымъ, который и вводилъ К. въ собранія кружка, бывшія одинъ разъ въ какихъ-то *chambres garnies* на Петровкѣ, а другіе два раза въ какомъ-то домѣ за Москвою-рѣкою; что нѣкто (Николай) Буренинъ, архитекторъ, былъ указываемъ К., какъ руководитель кружка молодежи, готовый на уличныя агитаціи, а раскольникъ ярославской губерніи Дорофей былъ въ сношеніяхъ съ Чернышевскимъ и указываемъ К., какъ дѣятель на раскольниковъ. Наконецъ, К. предлагалъ П. доставить случай войти самому въ помянутый кружокъ. Но П. отказался, а какое онъ сдѣлалъ употребленіе изъ переданныхъ ему въ свое время свѣдѣній о личностяхъ вышеозначеннаго кружка, его типографіи и архивѣ, т.-е. изслѣдоваль-ли онъ сіи свѣдѣнія надлежащимъ образомъ, К. неавѣстно. Изъ представленной же П. записки о существованіи, будто бы, въ Россіи тайнаго общества, К. усматриваетъ, съ одной стороны, что въ оной сообщенныя П. извѣстія, какъ слухъ (напр., о бывшихъ у гр. Кушелева-Безбородка званіяхъ), изложены въ видѣ положительныхъ фактовъ, а съ другой,—что въ запискѣ сей нѣкоторыя свѣдѣнія (напр., о внутренней организаціи тайнаго общества), будучи заимствованы пѣлигомъ изъ устава подобнаго польскаго общества, изъ газеты Долгорукова «Будущность» и изъ прокламации «Великоруссь», равно изъ той программы, которая была проецирована Михайловымъ при отъѣздѣ его за границу, изложены въ запискѣ также въ видѣ осуществившихся

¹⁾ Это показаніе К. важно запомнить.

и продолжающих поименно существовать фактовъ. Далѣе, нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя П.—ну К.—мъ, помѣщены въ запискѣ въ искаженномъ видѣ; такъ, К. показывалъ П. мѣдный значокъ въ видѣ жетона, который получаетъ каждое новое лицо, допускаемое въ вышеупомянутый кружокъ молодыхъ людей въ Москвѣ; въ запискѣ же П. говорится о значкахъ, имѣвшихся у земскаго ополченія тайнаго общества. Наконецъ, откуда заимствованы свѣдѣнія, помѣщенные въ запискѣ о численности членовъ тайнаго общества, о его ополченіи и даже огнестрѣльномъ оружіи, К. вовсе неизвѣстно ¹⁾.

«Что касается до другой, представленной П. записки, въ формѣ письма члена тайнаго общества ²⁾, то помѣщенные въ сей запискѣ свѣдѣнія о различныхъ партіяхъ, К. признаетъ за сообщенныя имъ П. въ томъ, однако, отношеніи, что, говоря П. о партіяхъ, онъ разумѣлъ тѣ различныя направленія, которыя онъ, какъ литераторъ-наблюдатель, замѣтилъ въ современномъ обществѣ; но, чтобы существовали различныя правильно-организованныя партіи тайнаго общества, о томъ ему неизвѣстно. Такъ, подъ именемъ партіи, которая въ запискѣ названа партіей высшаго сословія, проникнутаго англійскими началами, онъ разумѣлъ приверженцевъ направленія, проводимаго Катковымъ. Записка эта была составлена единственно для того, чтобы дать П. возможность войти въ кружокъ людей и сблизиться съ ними. Закрывающееся въ запискѣ свѣдѣніе о рѣчи, произнесенной въ собраніи 10 октября, касается рѣчи, которую К. имѣлъ случай слышать въ вышеприведенномъ кружкѣ молодыхъ людей въ Москвѣ и которую говорилъ нѣкто Рыковъ. Изложенныя въ концѣ записки свѣдѣнія, т.-е. съ того мѣста, гдѣ излагается объ организаціи тайнаго общества, его законодательной и исполнительной властяхъ, въ видѣ постоянныхъ институтовъ, имѣющихъ устройство правильно-организованнаго министерства, К. не признаетъ за свѣдѣнія, сообщенныя имъ П., такъ какъ онъ подобнаго правильно организованнаго тайнаго общества не знаетъ.

«О прочихъ письмахъ и бумагахъ, представленныхъ П. непосредственно комиссіи, К. отзывался, что письма эти писаны имъ въ томъ же духѣ, въ которомъ писалъ къ нему П. Въ заключеніе К. объяснилъ, что, получивъ недовѣріе къ П. и сомнѣваясь въ искренности желанія его содѣйствовать пользѣ дѣла, онъ, для удовлетворенія его настояніямъ о выдачѣ имѣющихся у К. обличительныхъ писемъ, стоворился съ своимъ братомъ сдѣлать мнимую попытку къ полученію сказанныхъ писемъ отъ лица, у котораго они хранятся, какъ о семъ уже объяснялъ братъ К.; на самомъ же дѣлѣ К. вовсе не посылалъ за письмами, такъ какъ до окончанія дѣла о немъ въ сенатѣ сдѣлать этого было невозможно. Обстоятельство, касающееся сихъ писемъ, К. объяснилъ такъ: по распространившемуся слуху о томъ, что преступникъ Михайловъ осужденъ вслѣдствіе доноса на него К., сей послѣдній, дабы разубѣдить кружокъ, въ который онъ былъ введенъ студентомъ Аргиропуло, предъявилъ оному имѣющіяся у него два письма

¹⁾ Въ бумагахъ, представленныхъ П.-мъ непосредственно въ слѣдств. комиссію, находится черновая записка о существующемъ въ Россіи тайномъ обществѣ, которая, по словамъ П., была писана со словъ К. и представлена П. въ перебранномъ видѣ воен. ген.-губернатору; въ запискѣ этой въ самомъ началѣ, гдѣ начата съ образованіи тайнаго общества, рукою П. отмѣчено: «здѣсь надо по литературѣ изложить». (Комиссія).

²⁾ Выше, съ подписью «Вѣнецлавъ Лютыя».

М., одно письмо Чернышевскаго къ Плещееву и одну записку Шелгунова, съ такимъ присовокупленіемъ, что если бы слухъ о доносѣ его былъ справедливъ, то, конечно, помнѣныя письма не были бы сохранены имъ у себя, и потому для большаго убѣжденія въ искренности своихъ дѣйствій, онъ предложилъ одному изъ членовъ этого кружка (именовавшемуся Ив. Сер. Шиповаловымъ) взять отъ него конвертъ съ означенными письмами и хранить ихъ до того времени, пока подозрѣніе, на него упавшее, совершенно разъяснится, и съ тѣмъ притомъ, чтобы письма сіи не были истреблены и во всякое время могли быть обратно получены имъ, въ случаѣ надобности въ нихъ для своего оправданія въ сказанномъ подозрѣніи. Шиповаловъ на это согласился, и съ этого времени приведенныя три письма и записка хранятся у него въ запечатанномъ конвертѣ. Гдѣ живетъ Шиповаловъ и точно-ли фамилія его такова, онъ, К., не знаетъ, но примѣты лица этого слѣдующія: молодой человѣкъ, съ черною бородой, безъ двухъ переднихъ зубовъ, съ шрамомъ на лѣвомъ вискѣ; онъ былъ студентомъ дерптскаго университета, хорошо говоритъ по-нѣмецки и одѣтъ всегда хорошо ¹⁾. Уговоръ обратнаго полученія К. отъ Ш. конверта съ письмами заключался въ томъ, что Ш. обѣщался выдать этотъ конвертъ не иначе, какъ лично К. или, по запискѣ его, брату его, который служилъ офицеромъ въ армейской пѣхотѣ (4 резервнаго бат. либавскаго пѣх. принца Карла Прусскаго полка) и котораго онъ, Ш., знаетъ въ лицо. Истребованіе этихъ писемъ отъ Ш., прежде окончанія дѣла о К. въ сенатѣ, было неудобно въ томъ отношеніи, что осужденіе К., по приговору сената, должно было служить для кружка молодыхъ людей новымъ доказательствомъ того, что К. не дѣлалъ доноса правительству и потому не пользуется отъ него никакимъ особымъ покровительствомъ въ дѣлѣ, по которому онъ преданъ суду.

Наконецъ, относительно списка личностей, представленнаго П., К. отозвался, что изъ помѣщенныхъ въ списокъ семь фамилій, нѣкоторыя суть тѣ, которыя сообщалъ ему К. въ разное время, по мѣрѣ полученія объ нихъ какихъ-либо свѣдѣній, а другія ему вовсе неизвѣстны и включены въ списокъ самимъ Путилинымъ. Припомнить тѣ обстоятельства, по коимъ каждое лицо было указываемо П—ну К., сей послѣдній нынѣ не можетъ. Припоминаетъ, что изъ трехъ фамилій, именованныхъ на запискѣ, два лица: Гуркевичъ и Ольшевскій, были указываемы К—ву, какъ представители варшавскаго тайнаго общества.

Костомаровъ тогда же выразилъ желаніе имѣть свиданіе съ Михайломъ ²⁾ Петровичемъ Милоковымъ и Федоромъ Николаевичемъ Бергомъ. 21 января коммиссія просила Потапова сообщить оберъ-полицмейстеру о разрѣшеніи матери К. выѣхать въ Москву. 20 января царю было доложено Голицынымъ обо всемъ изложенномъ и испрошено разрѣшеніе командировать члена коммиссіи ген. Огарева въ Москву «для собранія на мѣстѣ необходимыхъ свѣдѣній», преимущественно о пакетѣ у Шиповалова, на который возлагалось столько надеждъ. Огаревъ взялъ съ собою шпіона III отдѣленія Путерницкаго, а по приѣздѣ въ Москву привлечь къ дѣлу и мѣстнаго жандарма полк. Воейкова.

¹⁾ Въ особой справкѣ рукою Потапова еще указано, вѣроятно, по дополнительному сообщенію К.: «на калашахъ N. R.».

²⁾ Вѣроятно, списка вмѣсто Александра.

Мать и братъ Костомаровы поѣхали съ нимъ. Вскорѣ на помощь были вытребованы изъ Спб. еще приставы слѣдственныхъ дѣлъ Загоскинъ (уже не Путилинъ). «Работа», однако, не дала результатовъ. Вотъ что докладывалъ Загоскинъ: «Г-жа Костомарова отправлялась къ Шиповалову, гдѣ пробывши 10 минутъ, вышла и рассказала, что слуга отказалъ ей въ свиданіи съ его господиномъ по случаю болѣзни послѣдняго; тогда, по совѣту Загоскина (все донесеніе писано въ третьемъ лицѣ), г-жа К. поѣхала къ Плещееву съ просьбой, чтобы онъ, какъ знакомецъ Шиповалова, написалъ къ нему и упросилъ бы повидаться съ г-жею К.; но Плещеевъ просилъ ее изъавить его отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣло и устранился. На другой день г-жа К. снова была у Шиповалова; слуга его объявилъ ей, что барина его нѣтъ дома, и что онъ приказалъ ему, если кто придетъ изъ Костомаровыхъ, то всѣмъ отвѣчать, что Шиповаловъ никого изъ нихъ не знаетъ и даже знакомства съ ними продолжать не желаетъ. Загоскинъ, убѣждая г-жу К. прискаты еще кого-либо изъ общихъ знакомыхъ сына ея Всеволода и Шиповалова для уликъ второго, и не удовлетворяясь отвѣтомъ, предложилъ г-жѣ К. употребить для посылки къ Шиповалову съ письмомъ женщину, бывшую у нихъ, Костомаровыхъ, въ прислугѣ и теперь живущую въ Москвѣ».

Ни сомъ, ни духомъ неприкосновенный къ дѣлу Шиповаловъ написалъ, наконецъ, надоедавшей Костомаровой: «Милостивая государыня, не имѣя чести знать никого изъ фамиліи г.г. Костомаровыхъ, я рѣшительно становлюсь втупикъ и не могу понять, откуда идутъ эти недоразумѣнія. Если еще люди не совсѣмъ извѣрились въ Бога, даю вамъ слово передъ Его Святымъ Образомъ».

24 января Огаревъ писалъ Потапову: «Признаться тебѣ, я удивляюсь, чего вы церемонитесь съ Шиповаловымъ и Плещеевымъ и чего жалѣть архибестію Костомарова! Кстати же, онъ навралъ еще объ Барфкнехтѣ и Буренинѣ. Барфкнехтъ уже около двухъ лѣтъ выѣхалъ въ Спб. и теперь тамъ наборщикомъ въ академической типографіи и никогда у Грачева не былъ факторомъ, а былъ факторомъ Ратье, который теперь также въ Спб. и завелъ свою литографію. Николай же Буренинъ умеръ еще въ 1861 г. Кромѣ нашего пьяницы Шиповалова, есть еще нѣсколько, но не подходящіе, совсѣмъ другого склада, да и рожи-то не такія, какъ описывалъ Костом.»... Тогда же генерату Огареву было дано знать о поѣздкѣ въ Москву Ф. Н. Берга, который долженъ былъ читать на литературномъ вечерѣ 20 января свое стихотвореніе «Въ тюрьмѣ», не читалъ и вовсе на вечерѣ не былъ, а 21-го отправился въ Москву; встрѣтившись на вокзалѣ съ Костомаровой, о чемъ-то съ нею говорилъ.

11 февраля «Алексѣй Д. Костомаровъ предъявилъ въ присутствіи матери Загоскину, что онъ, назадъ тому часа 4, получилъ по городской почтѣ на имя его конвертъ; распечатавши, увидѣлъ другой, на имя брата его Всеволода отъ неизвѣстнаго «Ш.»; распечатавши и этотъ конвертъ, нашелъ въ немъ на листѣ почтовой бумаги письмо, написанное тщательно цифрами съ разными знаками, красными чернилами, которыми написанъ и адресъ къ Всев. Д. Костомарову». «Съ письмомъ Загоскинъ пригласилъ Ал. Д. К. поѣхать къ жандармскому полк. Воейкову; по совѣщанію съ нимъ, согласились посредствомъ его представить это письмо съ двумя бывшими при немъ конвертами на имя начальника III Отдѣленія канцеляріи его величества на разсмотрѣніе.

Загоскинъ списалъ съ него копію и употребляетъ мѣры къ успѣху открыть содержаніе его чрезъ другихъ лицъ».

Для меня совершенно ясно, что вся эта комедія была разыграна братьями К., которые впередъ хорошо знали, что невѣдомый даже Всеволоду Шиповаловъ розысканъ не будетъ. Разумѣется, авторъ шифровки В. Костомаровъ успѣшно дешифровалъ письмо, подписанное «И. С.». Корреспондентъ извѣщалъ Алексѣя К., что онъ долженъ уѣхать на три мѣсяца изъ Москвы, но это не даетъ основанія безпокоиться за пакетъ, ввѣренный ему К.; какъ только онъ будетъ водворенъ на Кавказъ, такъ немедленно получить его и т. д. (стр. 264—266 моей книги). Кромѣ того, Загоскинъ попутно убѣдился, что компанія студентовъ въ шесть человѣкъ, живущая у еврейки Александровой (изъ нихъ одинъ братъ Берга, знакомаго К.) ведетъ очень предосудительную жизнь; «локомотивы ихъ дѣйствій большею частью полякли». «На вопросъ, сдѣланный Загоскину при отъѣздѣ, о подвижничествѣ г-жи Костомаровой, отвѣтъ достаточно оправдывается. А. Д. К. въ нѣрѣшимости: пользоваться-ли ему отпускомъ или находиться при штабѣ въ Москвѣ, или же явиться въ роту въ Вышній-Волочекъ: онъ, вѣроятно, сказалъ начальству штаба, что занятъ дѣломъ по порученію III Отдѣленія. При комиссіи дѣла ему въ настоящее время не предвидится, а, между тѣмъ, невозвратимыя издержки возрастаютъ».

16 февраля III Отдѣленіе предписало Загоскину: «1) Если пакетъ отъ Шиповалова не полученъ и вы не на слѣду, чтобы получить оный немедленно, то розысканіе прекратите, и, передавъ прилагаемое письмо г-жѣ Костомаровой, предложите ей возвратиться въ Спб.; 2) прапорщику Алексѣю Костомарову передайте, что пребываніе его въ Спб. не нужно и чтобы онъ явился въ распоряженіе своего начальства». 21 февраля полк. Воейковъ, который долженъ былъ вскрыть этотъ пакетъ на имя Загоскина, если бы послѣдній выѣхалъ въ Спб., донесъ, что второе приказаніе исполнить; что Костомарова выѣхала въ Спб. 18 февраля и потому письмо ей не могло быть вручено; что же касается Шиповалова, то «въ полученіи отъ него бумагъ, врученныхъ сыномъ г-жи К., не только не предвидѣлось надежды, но даже при доставленномъ ей свиданіи въ присутствіи Загоскина съ III. въ моемъ кабинетѣ, далю явное понятіе, что никакого успѣха не будетъ, потому что К. положительно говорила, что это не тотъ III., котораго два раза видѣла въ своемъ домѣ, пріѣзжавшаго къ сыну; также и «Николай Иракліевичъ» отказался отъ всякаго знакомства съ Костомаровыми, равно и въ полученіи на сохраненіе неизвѣстныхъ ему бумагъ». Мать и сынъ Костомаровы были вознаграждены: ей выдано 100 рублей, ему—20 рублей при оплатѣ всѣхъ его расходовъ; прислуга ихъ получила 8 р.

Одновременно III Отдѣленіе просило военное начальство оставить А. Костомарова въ московскомъ фехтовально-гимнастическомъ полубаталіонѣ. Кстати, въ іюнѣ Воейковъ донесъ своему начальству, что «А. Костомаровъ выдавалъ себя, что онъ состоитъ на службѣ при III Отдѣленіи, именно Вашего Пр-ва, показывалъ даже нѣкоторымъ счетъ, сколько ему слѣдуетъ получить за командировки и порученія отъ III Отдѣленія». Пользуясь своимъ положеніемъ, Алексѣй К. шантажировалъ портного, сапожника и разныхъ купцовъ. Конечно, Потаповъ поспѣшилъ написать Воейкову официальное отреченіе отъ такого негоднаго агента, предложивъ объявить его кредиторамъ, что «онъ не состоялъ никогда и не состоитъ на службѣ ни при III Отд. с. е. и. в. канцеляріи, ни лично при мнѣ, и что ему не слѣдуетъ никакихъ денегъ ни отъ Отдѣленія, ни отъ меня».

IV.

Итакъ, пакетъ съ изболочающими Чернышевскаго и Шелгунова ихъ письмами прошелъ мимо рукъ, какъ думали III Отдѣленіе и слѣдственная комиссія. Удалось напустить имъ туману—зналъ К. Теперь надо было приниматься за фабрикацію документовъ, которые, прежде всего, дали бы формальное основаніе ввести въ дѣло К. и затѣмъ дойти до гражданской казни Чернышевскаго, все еще ожидавшаго, и очень нетерпѣливо, второго допроса. Въ обществѣ не одобряли такого веденія дѣла; правительство жаждало новыхъ открытій и жертвъ, думало, что Костомаровъ знаетъ дѣйствительно много, но не имѣетъ только ни документовъ, ни свидѣтелей.

Потаповъ взялъ на себя роль сценаріуса, режиссеромъ была комиссія, а въ ней прежде всего Голицинъ; кн. Долгоруковъ, повидимому, ограничился ролью директора театра, иногда дѣлавшаго всѣмъ общія указанія. Другимъ директоромъ былъ... двоедушный царь-Освободитель.

19 февраля К. писалъ Потапову: «Матушка моя вернулась изъ Москвы. Поэтому мнѣ необходимо видѣться съ Вами. Ради Бога не медлите съ письмомъ. Имѣю особенныя причины на эту просьбу. Бумаги ваши я получилъ всѣ. При свиданіи сообщу Вамъ все, что я объ нихъ думаю». Помѣтка Потапова: «Прошеніе матери. Дневникъ Чернышевскаго», т.-е. именно эти бумаги и были посланы К. въ крѣпость для прочтенія, а «дневникъ» и для изученія почерка Чернышевскаго и его манеры писать что-нибудь интимно, не для печати. О какомъ письмѣ идетъ рѣчь, читатель скоро увидитъ. Прошеніе матери—черновикъ, который былъ перебѣленъ въ III Отдѣленіи на слѣдующій день и 20 февраля врученъ шефу жандармовъ. Она ходатайствовала съ вѣдома сына Всеволода, «какъ мать, какъ безпомощная женщина, лишившаяся въ падшемъ сынѣ моемъ единственной опоры моей и всей семьи моей», о милости «не преступному сыну, но несчастной его матери, вмѣстѣ съ нимъ несущей тяжелое наказаніе за его преступленія». «Облагодѣтельствованная разрѣшеніемъ вашего величества посѣщать сына моего въ заключеніи, я въ самой этой милости нахожу для себя и укоръ совѣсти моей за сына и всю безнадежность отчаяннаго нашего положенія». «Сократите срокъ заключенія въ крѣпости сына моего, вмѣнивъ ему въ оный и содержаніе его подъ арестомъ въ Москвѣ, и освободивъ его нынѣ, даруйте ему возможность скорѣе доказать его раскаяніе въ военной службѣ, назначивъ ему пребываніе на Кавказѣ въ одной изъ такихъ мѣстностей, куда бы могла послѣдовать за нимъ его мать для совместнаго съ нимъ жительства». Резолюція Александра II «Преобразователя и Освободителя» на слѣдующій день: «Будетъ имѣться въ виду, когда онъ исполнитъ новыя свои обѣщанія». Ясно, что, значить, хотя прежнія и были исполнены, но не считались еще столь важными, чтобы снизить до удовлетворенія просьбы матери. Самодержавіе никогда не было очень щедро съ негодяями, въ родѣ К., зная, что они вполнѣ въ его власти и навсегда потеряны, какъ люди общества. Долгоруковъ написалъ при этомъ Потапову: «Не сочтете-ли вы нужнымъ теперь же сообщить прилагаемыя бумаги князю А. Ѳ. Голицину и сообразить, какія по содержанію оныхъ потребуются съ нашей стороны распоряженія».

21-го Голицинъ сдѣлалъ докладъ, доведя до свѣдѣнія царя, что К., «по убѣжденію ген. Потапова, изъявилъ готовность обнаружить извѣст-

ные ему преступные замыслы и дѣйствія отст. гит. сов. Чернышевскаго и отст. полк. Шелгунова и указать другихъ лицъ, коимъ извѣстны были ихъ замыслы». «Чтобы открытія ихъ не могли быть сочтены за доносъ со стороны К. и не поставили его въ положеніе доносчика, онъ нашелъ для себя болѣе удобнымъ написать одному изъ своихъ друзей Милюкову письмо, въ которомъ, сообщая ему о постигшемъ его несчастіи и о послѣдовавшемъ надъ нимъ приговорѣ, выскажетъ по поводу этого приговора всѣ извѣстныя ему обстоятельства въ томъ видѣ, какъ они были на самомъ дѣлѣ. Письмо это К. уже написано и рассмотрѣно въ комиссіи. Въ немъ онъ подробно объясняетъ обстоятельства, при коихъ были написаны воззванія Чернышевскимъ ¹⁾ «Къ барскимъ крестьянамъ» и Шелгуновымъ «Къ солдатамъ», и присовокупляетъ, что Чернышевскимъ, кромѣ того, писано было посланіе къ раскольниковымъ, и что Шелгуновъ ходитъ въ казармы и объясняетъ солдатамъ написанное для нихъ воззваніе. При чемъ К. не скрываетъ и своего участія въ сихъ дѣйствіяхъ. Къ уликъ Чернышевскаго К. обѣщаетъ представить хранящуюся у него въ Москвѣ собственноручную записку Чернышевскаго и указываетъ лицо, бывшее у него въ то время, когда прѣзжалъ къ нему въ Москву Чернышевскій. Лицо это, по объясненію К., можетъ представить отъ себя письменное удостовѣреніе сношеній Ч. съ К. и справедливость своего показанія подтвердить присягою. Кромѣ сего, К. надѣется получить въ Москвѣ бумаги, отданныя на сохраненіе нѣкому Шиповалову, который до сего времени, за всѣми принятыми комиссіею мѣрами, отъ выдачи ихъ отказался. Написанное К. письмо будетъ отдано имъ здѣсь и адресовано будто бы изъ Тулы въ то время, когда онъ, слѣдуя по назначенію на Кавказъ, прибываетъ въ этотъ городъ».

Въ такомъ положеніи дѣла комиссія полагала бы: 1) по полученіи отъ К. означеннаго письма перевести его изъ каземата на гауптвахту крѣпости и оставить на оной въ теченіе трехъ дней, дозволивъ ему въ это время, подъ строгимъ надзоромъ, имѣть свиданіе съ лицами, которые пожелають его посѣтить передъ отправленіемъ на Кавказъ; 2) по распоряженію инспекторскаго департамента военнаго министерства, назначить ту часть войскъ, въ которую К. долженъ быть опредѣленъ на службу, для того, чтобы до отъѣзда онъ могъ объявить, куда слѣдуетъ адресовать къ нему переписку, въ числѣ которой, вѣроятно, будутъ отправлены и необходимыя для дѣла письма, оставленныя К. у Шиповалова, если онъ не успѣетъ получить ихъ въ Москвѣ, согласно обѣщанію Шиповалова, изъясненному въ шифрованномъ письмѣ на имя брата ²⁾; 3) отправить К. отсюда въ сопровожденіи жандармскаго офицера. Въ Москвѣ оставить его на три дня на гауптвахтѣ, допустить для свиданія съ нимъ лицъ, желающихъ его видѣть, и затѣмъ съ тѣмъ же офицеромъ отправить его до Тулы; 4) изъ этого города, по поводу написаннаго К. означеннаго письма, будто бы, задержаннаго при отправленіи его по адресу, К. долженъ быть возвращенъ въ Спб. и доставленъ въ III Отдѣленіе; 5) по передачѣ письма въ комиссію и по содержанию его К. будетъ допрошенъ; 6) показаніе его должно служить основаніемъ для допроса Чернышевскаго, Шелгунова и др. лицъ, которые окажутся прикосновенными къ дѣлу; 7) такъ какъ Шелгуновъ, по высоч. повелѣнію, оставленъ въ Иркутскѣ подъ надзо-

¹⁾ См. выше.

²⁾ См. выше.

ромъ полиціи, а допросъ его въ комиссіи по свойству и важности дѣла оказывается необходимымъ, то теперь же сообщить мѣстному начальству о немедленномъ доставленіи его въ Спб. и по прибытіи оставить до времени при III Отдѣленіи.

«Вмѣстѣ съ симъ, долгомъ считаю представить на милостивое воззрѣніе в. в. просьбу матери К., вдовы прапорщика Надежды К., ходатайствующей о облегченіи участи ея сына. Что касается до условій, въ отношеніи денегъ, для отправленія К. и для обезпеченія ея матери и сестры, которыя были испрашиваемы чрезъ бывшаго надзирателя Спб. полиціи Путилина и на которыя, по докладу ген.-ад. кн. Суворова, послѣдовало высоч. в. в. соизволеніе, а именно: на выдачу К. передъ отъѣздомъ 500 руб. и на производство его матери ежегодно по 1.500 руб.,—то К. просьбу по сему предмету не признаетъ происходящею отъ нея, а какъ свою судьбу, такъ и положеніе матери и сестры, остающихся безъ его помощи въ совершеннѣйшей нищетѣ, всеподданнѣйше повергаетъ на всемилостивѣйшее в. и. в. воззрѣніе». «Искренній» судебный реформаторъ со всѣми проектируемыми мѣрами согласился, а въ концѣ (о деньгахъ) написалъ: «По этому дамъ особое приказаніе г.-а. Долгор.».

«Прилагаемая бумага» это—фабриковавшееся К. письмо, о которомъ онъ писалъ Потапову и 22 февраля: «Посылаю вамъ черновой проектъ моего письма къ неизвѣстному другу. Тысячу разъ извиняюсь. что письмо мое вышло черновое въ полномъ смыслѣ этого слова, но вотъ мои оправданія. Во-первыхъ, я до девяти часовъ вечера все ждалъ обѣщанныхъ вами бумагъ и не дождался ихъ даже и до сей минуты. Теперь пятый часъ утра, переписывать некогда да и не на чемъ: бумага у меня вся вышла, а будить зрителя и поднимать на ноги весь Алексѣвскій равелинъ неудобно. Перья тоже, какъ видите, немногимъ лучше помела, а стальныхъ намъ не даютъ, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы не закололись ими. Все это въ извиненіе каллиграфіи; что же касается до того, что въ письмѣ моемъ больше болтовни, чѣмъ дѣла,—въ этомъ вините ужъ не меня, а скудность самыхъ фактовъ. Впрочемъ, я полагаю, что при той обстановкѣ, которая имѣется въ виду, совершенно достаточно и этого. Припоминать всѣ эти забытые разговоры, всѣ несостоявшіеся проекты, всѣ разрушившіеся планы я считалъ совершенно лишнимъ, съ чѣмъ, кажется, и вы совершенно согласились со мною. Впрочемъ, все это—черновое и можетъ измѣниться хоть сто разъ, конечно, въ формѣ, но не въ содержаніи, сущность котораго постоянно останется одна и та же».

А 24 февраля К. писалъ Потапову: «У меня эти дни такъ странно болѣла голова, что я насилу могъ окончить письмо, посланное вамъ въ пятницу ¹⁾, и уже не былъ въ состояніи написать вамъ даже нѣсколько строкъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя я тамъ сдѣлалъ. То, что вы не присылаете мнѣ этого письма для новыхъ измѣненій, позволяетъ мнѣ надѣяться, что вы болѣе или менѣе довольны тѣмъ новымъ видомъ, который оно приняло. На мой взглядъ оно, въ самомъ дѣлѣ, стало дѣльнѣе, связнѣе и вѣроятнѣе прежняго ²⁾; только я опасуюсь, что несовсѣмъ цензурный и чересчуръ ругательный тонъ, принятый мною именно для

¹⁾ 22 февраля.

²⁾ Сначала К. представилъ Потапову письмо на имя «миллаго, дорогого друга моего Якова Алексѣвича», какъ будто въ Женеву, но оно было забраковано; надо отдать справедливость, что оно мнѣ «удачно», чѣмъ написанное потомъ, на имя «Секколова». Последнее въ счѣнъ хорошей писарской копій, конечно, имѣется въ дѣлѣ.

этой-то вѣроятности, пожалуй, накличетъ на мою голову новую бѣду. Въ такомъ случаѣ я совершенно отдаю себя подъ вашу защиту.

«О письмахъ я не могъ говорить обстоятельнѣе и яснѣе, не возбуждая вопросовъ, отвѣчать на которые официально мнѣ было бы крайне трудно и даже просто невозможно. Что же касается до второй изъ указанныхъ Вами поправокъ («я взялъ рукопись съ собою»), то я нарочно разставилъ пошире слова «рукопись» и «съ собою» съ тѣмъ, чтобы пополнить промежутокъ между ними послѣ, когда я, взглянувъ на рукопись, en question, удостовѣрюсь или припомню, кѣмъ именно она переписана ¹⁾. Наконецъ, въ новой редакціи моего письма я умолчалъ о мѣстѣ, времени и обстоятельствахъ диктовки третьяго посланія: на это я имѣлъ тоже очень важныя причины (не въ ущербъ дѣлу, конечно). О нихъ, такъ же, какъ и о многомъ другомъ, я сообщу вамъ при свиданіи, которое мнѣ очень хотѣлось бы имѣть еще разъ до моего отъѣзда.

«Записки, которую я обѣщалъ составить для васъ, пока не посылаю, въ надеждѣ добыть въ Москвѣ, между прочимъ, свою памятную книжку (не дневникъ), которая, можетъ быть, объяснитъ мнѣ что-нибудь изъ множества предположеній и догадокъ, возбужденныхъ чтеніемъ вашей записки. Еще разъ повторяя мою покорнѣйшую просьбу дать мнѣ возможность видѣться съ вами до моего отъѣзда, прошу васъ принять искреннѣйшее увѣреніе въ моей глубокой преданности и всегдашней готовности служить вамъ».

«Работа» кипѣла. Военному министру, какъ человѣку не вполне «своему», секретъ, конечно, не былъ открытъ, и потому III Отдѣленіе серьезно запросило его, куда будетъ угодно назначить разжалованнаго корнета; назначеніе послѣдовало въ кавказскій линейный № 6 баталіонъ, расположенный въ ст. Абазехской, для чего необходимо было слѣдовать въ Ставрополь, гдѣ стоялъ штабъ войскъ Кубанской области.

24 февраля Потаповъ писалъ своему шефу: «К. просилъ, чтобы его оставить еще на сегодня въ рavelинѣ, на гауптвахту будетъ переведенъ завтра, а въ среду или четвергъ (27 или 28 февраля) отправленъ въ Москву». Разумѣется, просьба заканчивавшаго свое «письмо» честнаго литератора была уважена... 28-го онъ былъ сданъ крѣпостью въ вѣрныя руки жандармскаго капитана Чулкова, съ которыми и выѣхалъ въ тотъ же день въ Москву. Коменданту послѣдней было сообщено, что такъ какъ «бывъ боленъ, К. потребуетъ, быть можетъ, отдохновенія въ Москвѣ», то въ такомъ случаѣ ему тамъ «необходимо будетъ пробыть нѣсколько дней», для чего «помѣстятъ его на гауптвахту подъ отвѣтственность сопровождающаго его капитана Чулкова».

Пока поѣздъ Николаевской дороги мчитъ ихъ въ Бѣлокаменную, остановимся немного на оставленномъ въ рукахъ Потапова или слѣдственной комиссіи «письмѣ» К. на имя никому, даже самому корреспонденту, неизвѣстнаго Николая Ивановича Соколова, заранѣе съ твердостью датированномъ «5 марта, Тула» ²⁾. Изъ позднѣйшихъ показаній К. видно, что это легендарное лицо встрѣтилось съ нимъ въ Парижѣ въ 1859 г., гдѣ Соколовъ жилъ въ качествѣ гувернера въ какомъ-то русскомъ семействѣ. Потомъ, до августа 1861 г. К. писалъ ему туда, а затѣмъ до декабря 1862 г. ничего о немъ не слышалъ. Въ это время Соколовъ посѣтилъ его уже въ Сущевскомъ частномъ (поли-

¹⁾ Рѣчь идетъ о прокламаціи къ солдатамъ; слова: «и я взялъ рукопись съ собою», см. на стр. 260 моей книги. Въ нихъ такъ ничего и не вставлено. Очевидно, лжесвидѣтель боялся провраться.

²⁾ Онъ помѣщено полностью на стр. 245—246 моей книги.

цейскомъ) домѣ въ Москвѣ, гдѣ находился К. въ ожиданіи приговора сената; тогда онъ общалъ ему рассказать всю истинную подкладку своего дѣла. Адресъ его былъ теперь помѣченъ очень точно: «Петербургъ, оставить на почтѣ впредь до востребованія»... Налицо всѣ данныя, позволяющія считать адресата полнымъ реальнымъ... Ничего другого К. сообщить и не могъ, да отъ него и не требовали: такъ было спокойнѣе, не слѣдовало привлекать въ дѣло еще новое лицо, розыскивать его, какъ дѣлали всегда въ случаѣ адресованія кому-либо писемъ и значительно менѣе преступныхъ... Уничтожающему анализу подвергъ впослѣдствіи это «письмо» самъ Чернышевскій: «Оно имѣетъ всѣ признаки, отличающіе произведеніе вымысла отъ фактическаго разказа. Лицо, къ которому адресовано письмо, очевидно, есть лицо выдуманное. По приблизительному моему счету оно имѣетъ до 30.000 буквъ; оно занимаетъ въ выпискѣ 117 страницъ. Требуется, значитъ, время переписать набѣло такое произведеніе. Списокъ, взятый у г. К. Чулковымъ и находящійся въ дѣлѣ, очевидно, есть бѣловой списокъ. Изготовленіе чернового подлинника требовало времени еще болѣе значительнаго, чѣмъ переписка его набѣло. Литературная отдѣлка труда тщательна. Расположеніе его частей многосложно и обдуманно»... Письмо «есть литературная работа, половина которой основана на документахъ (письмо Герцена о Черн., анонимный доносъ на него, письмо Чер. къ женѣ,—все тогда уже было въ дѣлѣ. М. Л.)» и ясно, «что они были подъ глазами у составителя «писма къ Соколову» во время его работы» (моя книга, стр. 370, 382—383). Анализъ этотъ показываетъ, что Черн. зналъ, какой вздоръ былъ изложенъ въ письмѣ, и былъ спокоенъ, дѣлая категорическое утвержденіе о подлогѣ. Разумѣется, г. «ученый» иного мнѣнія.

Прибывъ въ Москву 1 марта, К. и Чулковъ не теряли времени и прежде всего, остановившись въ отелѣ «Венеція», приняли разыскальнаго и подготовленнаго Алексѣемъ К. Петра Васильевича Яковлева, сдѣлавшаго «весьма важное открытіе» въ разговорѣ, къ которому Чулковъ внимательно прислушивался, очень предупредительно подать Яковлеву бумагу и просить написать все рассказанное о нелегальной дѣятельности Чернышевскаго. Получивъ такой «надежный» документъ (стр. 244—245 моей книги), жандармъ тогда же написалъ Потапову: «Вашему пр-ву осмѣливаюсь рекомендовать подателя сего, московскаго мѣщанина П. В. Я., который очень можетъ быть полезенъ во многихъ случаяхъ,—онъ мнѣ уже оказалъ услугу,—я покорнѣйше прошу Ваше пр-во принять его подъ милостивое ваше покровительство». Давъ при запискѣ денегъ на дорогу, Чулковъ отправилъ Яковлева въ Спб. Съ нимъ же К. послалъ радостную записку своей матери (стр. 243—244 моей книги). Все было бы хорошо, если бы Яковлевъ, обрадовавшись подаренному К. пальто и полученнымъ отъ Чулкова деньгамъ, не напился, не сталъ, уже въ поѣздѣ, буянить и не былъ бы высаженъ въ Тверь и возвращенъ въ Москву въ распоряженіе мѣщанскаго общества, приговорившаго его къ 4-мѣсячному аресту въ смиренномъ домѣ, гдѣ съ конца февраля сидѣли товарищи К. по его дѣлу: И. Гольцъ-Миллеръ, П. Петровскій-Ильенко, А. Новиковъ, Я. Сулинъ и Л. Яценко. Вскорѣ Яковлевъ рассказалъ, имъ, какъ отъ него добыли ложное обвиненіе Чернышевскаго, и поэтому, когда 4 апрѣля его вторично отправили въ III Отдѣленіе, но уже подъ надежнымъ конвоемъ, названные лица изобличили весь подкупъ и подлогъ въ письмѣ на имя поэта Некрасова, представившаго его... Потапову (стр. 292—294 моей книги).

«Голословный» анализ Чернышевского и этого, разумеется, не оставил безъ «субъективной» оцѣнки: «Въ первый же день ихъ прїѣзда въ Москву г. Яковлевъ уже знаетъ о ихъ прїѣздѣ, является къ нимъ, пишетъ свой доносъ на меня; только 3 апрѣля коммиссія постановила вызвать его къ допросу; итакъ, цѣлый мѣсяцъ колебались, прежде чѣмъ, вынужденные крайностью, рѣшили ввести коммиссію въ эту ошибку» (стр. 386, 387 моей книги)¹⁾.

Вернемся къ послѣдовательному изложенію. 2 марта «заболевшій» и «нуждающійся въ отдыхѣ» К. былъ перевезенъ на гауптвахту, гдѣ его постигли разныя лица: проф. Назарьянцъ съ сыномъ, прапорщикъ Охотскій, докторъ Меншиковъ, прапорщикъ Шостаковъ, фотографъ Суловъ, нотникъ купецъ Юргенсонъ и, конечно, Алексѣй К. Довольный всѣмъ, Чулковъ телеграфировалъ 3-го Потапову, что завтра выѣзжаютъ дальше. 4-го утромъ выѣхали изъ Москвы, 5-го прибыли въ Тулу... У К. отобрано тамъ письмо къ Соколову... Все шло, какъ на исправной императорской сценѣ.

7 марта Потаповъ телеграфировалъ тульскому жандарму: «Прикажете капитану Чулкову съ арестантомъ возвратиться» (курсивныя слова переданы шифромъ). Въ тотъ же день сгоравшій отъ радости Потаповъ увѣдомилъ кн. Голицина, что Чулковъ представилъ ему «нынѣ отобранный имъ у К., по прибытіи ихъ въ Тулу, письма, изъ которыхъ одно, адресованное на имя нѣкоего Н. И. С. въ Спб., вынуждаетъ по своему содержанію подробное разслѣдованіе», поэтому сдѣлано распоряженіе о немедленномъ возвращеніи арестованнаго въ Спб. для допроса его въ слѣдственной коммиссіи. При этомъ было приложено, конечно, только письмо къ Соколову, давно нетерпѣливо лежавшее въ почтовомъ бюро Потапова; ничего другого фактически не успѣли еще привезти въ Спб.

10 марта К. и Чулковъ прибыли въ Спб. Потаповъ послалъ Голицину показаніе, полученное отъ «московскаго мѣщанина Петра Васильевича Костомарова», какъ было написано въ отпускѣ подъ диктовку Потапова, а затѣмъ карандашомъ его рукой исправлено «Яковлева». Въ тотъ же день Потаповъ отправилъ Голицину и вторую бумагу съ указаніемъ, что по прибытіи въ Спб. у К. отобраны «находившіяся при немъ письма Михайлова, записка Чернышевскаго, записка съ карикатурами Шелгунова и одно письмо Плещеева». 10-го же Голицинъ, какъ бы забывъ всю заранѣе выработанную *mis en scène*, серьезно доложилъ Александру II, что коммиссія получила отъ III Отдѣленія письмо, написанное К. къ нѣкому Соколову и «отобранное отъ К. въ Тулѣ сопровождавшимъ его жандармскимъ офицеромъ»...

Но названныя сейчасъ письма не слѣдуетъ смѣшивать съ таин-

¹⁾ По ассоціаціи мнѣ вспоминается случай, бывшій лѣтъ 20 назадъ на судѣ при разсмотрѣніи жалобы П. Струве на контрафакцію перевода «Капитала» Маркса издательскъ Аскархановымъ. при помощи «ученаго» переводчика Любимова. Какъ извѣстно, прежній законъ объ авторскомъ правѣ былъ очень мягокъ и удобенъ для господъ контрафакторовъ. Судъ былъ склоненъ оправдать и на этотъ разъ. Тогда встаетъ потерпѣвшій и указываетъ на одну страницу, кажется, ученія о прибавочной стоимости, гдѣ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ изданіи Аскарханова было напечатано: «да составляйте же хоть что-нибудь, чортъ васъ возьми!»... Только благодаря, вѣроятно, нетренированному наборщику и невнимательному корректору, такая откровенная помѣтка издателя по адресу «ученаго» плагиатора рѣшила дѣло: весь залъ покатывался со смѣху, и судьи увидѣли приговоръ общественнаго мнѣнія... Почти то же самое вышло и съ рассказомъ написавшагося ранѣе и потомъ протрезвившагося Яковлева.

ственнымъ «шиповаловскимъ» пакетомъ: онъ, вѣдь, и не могъ быть еще у К., благодаря неожиданному отъѣзду «И. С.» изъ Москвы на три мѣсяца. К., очевидно, хотѣлъ вымотать у правительства побольше земныхъ благъ и получше подготовиться къ нелегкому, даже для него, шагу—составленію длиннаго письма отъ имени Чернышевскаго къ Плещееву, которое, какъ помнитъ читатель, уже было анонсировано К. въ его показаніи, отобранномъ тремя членами слѣдственной комиссіи въ крѣпости, вмѣстѣ съ двумя письмами Михайлова къ К. и одной запиской къ нему Шелгунова. Говорю «даже для него», имѣя въ виду поразительную способность К. мѣнять почеркъ; способность, вѣроятно, и толкнувшую его въ омутъ особаго шантажа и ажютажа, и, конечно, сбившую его ученаго, если не ходатая, то защитника, г. Ключкова. Воспроизведя фотографію (стр. 169, кн. X) почерка К. изъ показаній противъ Чернышевскаго, ученый, повидимому, считалъ эту странничку однимъ изъ существенныхъ, и при томъ «объективныхъ» доводовъ противъ моихъ «субъективныхъ догадокъ». Жаль, что онъ потропился реабилитировать всю эту самодержавную грязь. Если бы онъ заглянулъ, хоть теперь, въ названныя мною дѣла III Отдѣленія, то понялъ бы, съ какимъ исключительнымъ субъектомъ мы имѣемъ дѣло въ лицѣ К. Опись одного изъ дѣлъ, включающаго почти всю переписку К. съ Путилинымъ, составлена и написана собственноручно Путилинымъ, который, разумѣется, хорошо знаетъ всѣ имъ сшитые и представленные слѣдственной комиссіи документы; конверты ко всѣмъ письмамъ адресованы на имя Путилина по его настоящему адресу и притомъ одинаковы какъ посланные по почтѣ, такъ и съ оказіей, а почеркъ каждого письма совершенно не похожъ на почеркъ другихъ; очевидно, К. думалъ не о томъ, чтобы скрыться отъ перлюстраторовъ, а исключительно о возможной уверткѣ при будущемъ обвиненіи его въ нравшейся имъ подлой роли, увѣренный, что, если Путилинъ даже и сохранитъ всѣ конверты (писанные тоже разными почерками), то все-таки ни у кого не будетъ никакой возможности доказать, что именно въ нихъ лежали соотвѣтствующія письма. Виртуозность въ перемѣнѣ почерка, повторяю, прямо поразительна.

Что же было отобрано отъ К. въ Спб.? Прежде всего, карандашная записка Чернышевскаго, уличавшая его въ прикосновенности въ составленіи прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ», взятой властью въ рукописи почеркомъ Михайлова. Теперь я еще категоричнѣе (если это возможно), чѣмъ прежде, утверждаю, что она поддѣлана К., и притомъ неудачно, что ясно каждому, кто знаетъ хоть какой-нибудь толкъ въ этихъ вещахъ. Больше того, также категорически (и «субъективно ли»?) утверждаю, что она написана послѣ выѣзда изъ Спб., но до возвращенія въ него изъ Тулы, когда въ рукахъ К. были полученные изъ дома два подлинныхъ письма къ нему Чернышевскаго, тоже взятыхъ у него 10 марта, вмѣстѣ съ тремя подлинными письмами Михайлова и однимъ—Плещеева (стр. 269, 85—88 и 268 моей книги). Экспертиза «законно» дѣйствовавшаго сената (о ней стр. 346—347 моей книги и стр. 180—182 кн. X, статьи г. Ключкова) и «филологическій» (слѣд., весьма ужъ «объективный») анализъ ученаго не въ состояніи поколебать перваго моего утвержденія въ мнѣніи cadaго, кто хоть немножко не по ученому, а просто научно знакомъ съ эпохой, ея героями и обстоятельствами самаго дѣла, какъ они излагаются въ настоящей статьѣ. Одно изъ серьезныхъ, дѣйствительно, объективныхъ доказательствъ въ мою пользу — поведеніе власти въ отношеніи такого

важнаго соучастника преступленія печатанія прокламаціи, какимъ необходимо было (для того времени и закона въ особенности) признать студ. Іосифа Сороко или ужъ, по крайней мѣрѣ, единственнымъ свидѣтелемъ, особенно послѣ провала Яковлева.

При такихъ обстоятельствахъ 16 марта Чернышевскаго вызвали на второй допросъ. Не забудемъ, что незадолго до того онъ «дѣлалъ все возможное, чтобы возбудить комиссію вызвать его для объясненій, для сдѣланія ему замѣчаній»; «съ этою цѣлью онъ нѣсколько разъ писалъ рѣзкія дерзости, чтобы доказать ей, что она боится или совѣстится взглянуть ему въ лицо». «И, дѣйствительно, она уличила себя въ этомъ. Вы сами,—писалъ Ч. коменданту крѣпости Сорокину,— были свидѣтелемъ, что отъ одного воспоминанія о своихъ рѣзкостяхъ корчились и теряли хладнокровіе». Чернышевскій прямо писалъ Суворову, что его судьба «поручена людямъ (членамъ слѣдств. комиссіи), дѣйствія которыхъ показываютъ тупость ума или всѣхъ ихъ, или большинства ихъ»; что «комиссія, этотъ безтолковый омутъ, совершенно глупъ и имѣть съ нимъ дѣло значить только терять время» (стр. 277, 237 и 275 моей книги). Посмотрѣвъ на привезенную К. «записку», Чернышевскій не призналъ ее своей, найдя, что ея почеркъ «красивѣе и ровнѣе», что совершенно вѣрно. Мало того, если бы онъ зналъ хорошо одинъ изъ почерковъ К., то онъ бы указалъ, что поддѣлку выдавала съ головой буква «в»: она не похожа на его букву и является точной копіей буквы К. въ письмахъ къ Путилину. Это-то и доказываетъ, кстати, что неувѣренный въ себя и видя неполное сходство еще не набитаго на такой характерный чужой ладъ своего почерка, К. не только отложилъ представленіе «пакета» Шиповалова, но сдѣлалъ первую пробу карандашомъ, при которомъ, да еще при затертости (якобы отъ времени), труднѣе было опаривать неподлинность.

18 марта Голлицинъ увѣдомилъ Потапова, что Сороко необходимо арестовать и доставить въ Спб. вмѣстѣ съ Яковлевымъ, прибавивъ, что послѣдняго надо было привезти именно въ III Отдѣленіе, т. е. подъ особое его крылышко и заботу. Оказалось, что Сороко еще въ январѣ выѣхалъ въ виленскую губернію; а Яковлева не сразу могли разыскать. 5 апрѣля, случайно, они были доставлены одновременно съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Сороко заявилъ, что Чернышевскаго не знаетъ, никогда у него не былъ и никакихъ денегъ на напечатаніе отъ него не получалъ. Увидавъ, что второго лжесвидѣтеля не получить, комиссія поспѣшила вывезти Сороко изъ Спб. подальше, опять въ его виленское имѣніе, взявъ для спокойствія подписку о неразглашеніи о вызовѣ въ Спб. Конфузнѣе всего было К., который 13 марта показавъ, что именно отъ Сороко-то онъ и узналъ о роли Чернышевскаго въ составленіи прокламаціи. Впрочемъ, зная впередъ, что онъ лжесвидѣтельствуетъ, К. тогда же обезопасилъ себя прибавкой: «Относительно доказательствъ повторяю, что не имѣю ихъ, да и вообще не считаю возможнымъ представлять какія-нибудь доказательства на то, что говорилось въ дружескомъ частномъ письмѣ (къ Соколову—М. Л.), а не писалось для судебного показанія»...

Въ томъ же показаніи К., не зная, съ какою канцелярскою исправностью и наивностью будутъ подшиты къ дѣлу всѣ бумаги процесса (хотя, правда, и совершенно особо отъ всего прочаго матеріала), рѣшилъ оставить слѣдъ «раскаенія» заблудшаго «революціонера, который готовъ обличать своихъ прежнихъ друзей и единомышленниковъ» (стр. 917, кн. X) и хотъ этимъ задобрить будущаго

ученаго своего заступника. «Можетъ быть, Михайловъ послѣ своего горькаго опыта взглянетъ теперь нѣсколько иначе на свою прежнюю дѣятельность, но я увѣренъ, что онъ никогда не измѣнитъ своимъ друзьямъ, насколько бы ни былъ убѣжденъ во вредѣ своей дѣятельности. Я же и тутъ пошелъ по другой дорогѣ, на которой мы уже, конечно, никогда не встрѣтимся. Михайловъ до конца выдержалъ на себѣ вмѣстѣ съ своимъ грѣхомъ грѣхи другихъ, и въ своемъ-то грѣхѣ онъ признался только изъ-за состраданія ко мнѣ; а я, хотя и совершенно невольно, являюсь безъ всякой надобности обвинителемъ другихъ. Общество не станетъ разбирать, во имя чего и какъ это сдѣлалось, оно не повѣритъ тому, что все это сдѣлалось нечаянно и безъ всякихъ корыстныхъ и недостойныхъ цѣлей, да и, вѣроятно, не знаетъ всего, что выстрадалъ въ эти почти два года; предъ его глазами будетъ одинъ фактъ, и оно, называя Михайлова мученикомъ за свои убѣжденія, страдальцемъ за друзей своихъ, назоветъ меня отступникомъ отъ своихъ убѣжденій, предателемъ друзей своихъ. Михайлову не откажутъ въ сочувствіи даже люди совершенно противоположнаго съ нимъ образа мыслей, а меня отвергнуть всѣ. Михайловъ, казенный правительствомъ, стоитъ и будетъ стоять высоко въ общественномъ мнѣніи, а я погибну, безпощадно казенный и тѣмъ, и другимъ».

Послѣ удачнаго вопроса Яковлева приказано было вернуть въ смиренскій домъ, а когда Потаповъ получилъ отъ Некрасова письмо московскихъ арестантовъ, то и онъ, и комиссія разыграли роль возмущенныхъ ложью праведниковъ, и... поспѣшили отправить несчастнаго забулдыгу на жительство и подъ надзоръ въ архангельскую губернію, что не мѣшало, однако, оперировать его лжесвидѣтельствомъ.

10 мая прапорщикъ Панкратьевъ подалъ слѣдующій рапортъ командиру Спб. жандармскаго дивизиона: «8 мая, во время моего дежурства въ штабѣ, я прогуливался въ надворномъ саду штаба съ находящимся подъ присмотромъ въ старомъ арестантскомъ зданіи въ № 6 ¹⁾, и онъ между разговоромъ со мною по поводу бывшаго адреса отъ самарскаго дворянства, выразился о благодарности государя императора слѣдующимъ образомъ: «Такъ-ли нужно благодарить государю за подобные адреса русское дворянство. Зачѣмъ онъ равняетъ адреса какихъ-нибудь мужиковъ, адреса, которые не могутъ принести никакой существенной пользы, съ адресами лицъ высшаго сословія. Читая въ газетахъ только и видишь, что объявлена благодарность его величества, равная и крестьянину и дворянину, и неужели лучшаго выраженія не въ состояніи придумать государь? Нигдѣ, ни въ чемъ не видно и тѣни ничего здраваго, а если и была имъ сказана къ сословію 17 апрѣля въ Зимнемъ дворцѣ рѣчь, то она не что иное, какъ заученная изъ хрестоматіи съ перемѣною нѣкоторыхъ словъ. Вездѣ адреса, всюду адреса, некуда преклонить и головы, куда ни обернись, все заявляетъ преданность и преданность съ готовностью на всѣ жертвы для царя. Думалъ по приѣздѣ на Кавказъ приписаться въ черноморскіе казаки, полагая, что какъ этотъ народъ живетъ въ сторонѣ отъ тревоженій, то онъ, можетъ быть, умнѣе прочихъ и ни до какихъ адресовъ, какъ я полагаю, ему и дѣла нѣтъ, но, къ несчастію, и они недавно поразили меня, какъ громомъ, изъясненіемъ государю своимъ адресомъ преданности съ готовностью для него на всѣ жертвы. Теперь

¹⁾ «Костомаровъ» — псевдонимъ Потапова.

некуда преклонить и головы своей; людей, что-нибудь понимающих, нѣтъ; обратиться развѣ къ заступничеству Тихона Задонскаго, можетъ быть, отъ меня выслушаетъ.

«О семъ имѣю честь донести».

Эта провокаторская продѣлка К. объясняется очень просто: какъ разъ въ то время Потаповъ и Суворовъ приняли мѣры для уловленія двухъ офицеровъ, оказывавшихъ услуги политическимъ: крѣпостного плацъ-адъютанта Пинкорнелли и поручика жандармскаго дивизіона Панкратьева. Часть этой работы была поручена К., или смѣшавшему поручика съ его роднымъ братомъ прапорщикомъ, или рѣшившему заняться порученіемъ глубже и шире заданія (архивъ мин. вн. дѣлъ, тѣло канц. 1863 г. № 126/372).

V.

14 мая кн. Голицинъ сообщилъ III Отдѣленію высоч. повелѣніе: «Костомарова прикомандировать, до минованія въ немъ надобности, къ Спб. гарнизонному баталіону, поручивъ его ближайшему надзору командира баталіона». К. переехалъ на частную квартиру. 17 мая коммиссія вернула оконченное производство «по объявленію разжалованнаго изъ отставныхъ корнетовъ въ рядовые Всеволода К. объ извѣстныхъ ему замысленныхъ дѣйствіяхъ разныхъ лицъ».

Въ маѣ же былъ составленъ и передѣланъ, а въ іюнѣ представленъ слѣдующій докладъ шефа жандармовъ: «Во время состоянія К. подъ судомъ, бывшій надзиратель здѣшней полиціи Путилинъ доводилъ до свѣдѣнія Спб. воен. ген.-губернатора, что К., если онъ будетъ освобожденъ и даны будутъ средства, откроетъ вмѣстѣ съ нимъ, Путилинымъ: 1) Главную думу революціоннаго комитета въ Москвѣ и Сиб., 2) тайную типографію и архивъ сего комитета въ Москвѣ и 3) складъ оружія. Ген.-ад. кн. Суворовъ объявилъ Путилину, что высоч. разрѣшено, если открытія эти будутъ сдѣланы, выдать К. 500 руб. и производить его матери ежегодно по 1.500 р. Путилинъ передалъ это Костомаровымъ».

«К. открытія сихъ не сдѣлалъ и объясняетъ, что онъ обнаружитъ вышеизложенное не вызываясь и положительныхъ свѣдѣній о существованіи въ Россіи тайнаго общества не имѣлъ, но сообщалъ ему лишь свои личныя соображенія и выводы вообще о разныхъ направленіяхъ въ обществѣ и, сверхъ того, нѣкоторые извѣстныя ему частныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ личностяхъ. Но К. указалъ слѣдств. комиссіи, что Шелгуновъ писалъ воззваніе «къ воинамъ» и ходилъ въ казармы съ цѣлью склонять солдатъ къ возстанію; онъ показалъ также, что Чернышевскій поручалъ ему, К., печатаніе воззванія «Къ барскимъ крестьянамъ» и диктовалъ ему воззваніе къ раскольникамъ. Шелгуновъ и Чернышевскій, хотя и не сознались въ этомъ, но показанія К. и улики, имъ представленныя къ ихъ обвиненію, были достаточнымъ основаніемъ къ преданію ихъ суду; а потому онъ не можетъ не заслуживать вниманія правительства, тѣмъ болѣе, что, по словамъ ген.-ад. кн. Суворова, Путилинъ уже объявилъ семейству К. о всемілостивѣйшемъ соизволеніи на производство оному денежнаго пособія».

22 іюня Долгоруковъ помѣтилъ на докладѣ: «высоч. разрѣшено дать К. съ его семействомъ единовременно пятьсотъ руб. сер., истребавъ эти деньги изъ госуд. казначейства на извѣстное его величество

употребленіе». Раньше чѣмъ деньги были получены изъ казначейства. III Отдѣленіе выдало ихъ своему агенту. Слѣдующая бумага въ дѣлѣ — расписка: «1863 года іюня 25 дня пятьсотъ рублей серебромъ получилъ. Рядовой изъ дворянъ Всеволодъ Костомаровъ». Сличеніе убѣдитъ всѣхъ и cadaго, а можетъ быть и моихъ ученыхъ оппонентовъ, что именно этотъ рукою писано письмо къ Плещееву, приписанное сенатомъ Чернышевскому и напечатанное въ моей книгѣ на стр. 360-364. Самая расписка дана К. не своимъ почеркомъ, какъ будто, нарочно, изъ какого-то хвастовства, молодечества, которое такъ хорошо уловить въ психологіи преступниковъ Достоевскій. Она кричить о его предательствѣ.

Но когда же и какимъ образомъ выплыло это письмо къ Плещееву и гдѣ всѣ остальные, бывшіе съ нимъ вмѣстѣ у Шиповалова документы? Отвѣтъ на первый вопросъ очень простъ: пробывъ на свободѣ полтора мѣсяца, К. принесъ Потапову свою вторую поддѣлку — незадолго до 12 іюля, а въ этотъ день она была послана III Отдѣленіемъ кн. Голицыну, и 18-го сенатъ былъ уже оповѣщенъ о полученіи еще одного и уже окончательно рѣшающаго вопросъ о виновности Чернышевскаго документа.

Для отвѣта на второй вопросъ въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній и это особенно важно: значитъ, письмо было просто принято К. и Потапову предоставлено было поступить дальше, какъ онъ пожелаетъ. Ни записки Шелгунова, ни двухъ писемъ Михайлова такъ никогда и не появилось на свѣтъ; ни о какомъ «Шиповаловѣ» или таинственномъ «И. С.» нѣтъ ни одного звука... Зато въ письмахъ министра финансовъ Рейтерна къ П. А. Валуеву, есть одно, отъ 5 августа 1863 г., т. е. уже послѣ сенатской экспертизы поддѣльнаго письма, признавшей его настоящимъ; загадочное его содержаніе теперь становится вполне ясно: «Погубившій дирижера радикальнаго оркестра, завтра, отъ 9 до 11 веч. можетъ получить у Ф. Т. др. Ф. Ф. ¹⁾ 10.000 р., если приготовить заранѣе расписку отъ имени матери своей Надежды Николаевны, которая, однако, какъ вамъ извѣстно, по поставленному имъ условію, не должна объ этомъ знать. Будьте любезны принять на себя трудъ послать надежное извѣщеніе по извѣстному вамъ адресу» (архивъ П. П. Дашкова).

Отвѣтъ на третій вопросъ простъ: другихъ писемъ не понадобилось и поддѣлывать, потому, что участь Чернышевскаго и Шелгунова рѣшалась и безъ нихъ ²⁾. Надо-ли говорить, что Чернышевскій протестовалъ, требовалъ сколько-нибудь научной экспертизы и пр., (см. стр. 365, 369, 372 и др. моей книги), но праведный сенатъ все отвергъ, какъ будто боясь самаго прикосновенія къ полученной драгоценности...

Дѣло было кончено безвозвратно. Г. Ключковъ и на это посмотрѣлъ по-своему. (Стр. 183—185, кн. X). Ну, ученому и книги въ руки...

Правда, Плещеева, вызваннаго, какъ и Сороко, для допроса, отпустили съ миромъ, какъ только онъ заявилъ, что почеркъ первой страницы похожъ на почеркъ Чернышевскаго, а потомъ сбивается и

¹⁾ Директоръ общей канцеляріи министерства финансовъ. Федоръ Тимофеевичъ Фавъ-деръ-Флитъ.

²⁾ Напомню только, что въ своихъ незаданныхъ воспоминаніяхъ Шелгуновъ категорически утверждалъ, что всѣ свои обвиненія противъ него К. сочинилъ.

становится испохожимъ,—но развѣ можно обращать вниманіе на такіе пустяки?

16 декабря К. писалъ Потапову: «По случаю прикосновенности къ дѣламъ гг. Чернышевскаго и Шелгунова я былъ вызванъ съ Кавказа и жилъ по настоящее время въ Петербургѣ. Теперь до меня дошли слухи, что дѣла эти кончены и, по всему вѣроятію, я долженъ буду вскорѣ отправиться на Кавказъ, куда я назначенъ высоч. конфирмаціей 1 ноября 1862 года. Военныя дѣйствія на Кавказѣ затихли. Между тѣмъ мнѣ бы хотѣлось какъ можно скорѣе загладить мои прошлыя вины и своею кровью смыть съ себя пятно того преступленія, которое совершилъ я, почти невольно, подъ вліяніемъ людей, лукаво умѣвшихъ воспользоваться и моимъ труднымъ положеніемъ, и шаткостью моего тогдашняго образа мыслей.—шаткостью, столь свойственною легко увлекающейся юности. Но теперь, когда страстное увлеченіе прошло и я увидѣлъ ясно, съ какими людьми и противъ Кого шелъ я,—теперь понялъ я всю глубину моего преступленія. Благодаря обстоятельствамъ совершенно случайнымъ, оно не совершилось вполнѣ. Но уже и того, что было сдѣлано, слишкомъ достаточно для того, чтобы наполнить всю жизнь мою самыми мучительными угрызениями совѣсти. Я помогаю кровавому преступленію,—кровью долженъ я и смыть его.

«Ваше превосходительство! Я беру на себя смѣлость просить Васъ, чтобы Вы повѣрили искренности словъ моихъ,—повѣрили, что не мелочное желаніе возвратить себѣ потерянное званіе офицера, а только одна нравственная непреодолимая потребность искупить свое преступленіе, заставляетъ меня искать возможности поскорѣе посвятить себя посылному служенію государю и родинѣ. Поэтому я осмѣливаюсь просить в. п-во, не найдете ли Вы возможнымъ ходатайствовать о переводѣ меня въ одинъ изъ полковъ, дѣйствующихъ противъ польскихъ мятежниковъ. Поднявшіе мечъ, мечомъ и погибнуть. Человѣкъ, бывшій мятежникомъ, мятежникомъ наказанъ и будетъ. Совершеніе кроваваго возмездія помирить меня съ обществомъ и закономъ, а совершеніе нравственнаго—съ жизнью и совѣстью». Надпись Потапова: «Имѣть въ виду по окончаніи дѣлъ Чернышевскаго и Шелгунова»...

«18 декабря 1863 г. получилъ отъ г-на маіора Зарубина двадцать пять рублей серебромъ. В. Костомаровъ»—вторая его расписка въ дѣлахъ III Отдѣленія. «Давай и веревочку»...

Въ іюнѣ 1864 г. Потаповъ запросилъ сенатъ, какое состоялось рѣшеніе о К. по дѣлу о Чернышевскомъ. Сообщили, что отдѣленіе сената «въ сужденіе о рядовомъ В. К. вовсе не входило и по сему о немъ никакого рѣшенія постановлено не было». Помѣтка Потапова: «Спросить военно-судную комиссію при Спб. ордонансъ-гаузѣ, нуженъ-ли К. по дѣлу полк. Шелгунова». Комиссія нашла, что К. не можетъ быть пока отправленъ изъ Спб.

Тогда же составлена записка: «Въ видахъ вознагражденія услугъ рядового Костомарова деньги, слѣдовавшія отъ него за печатаніе его сочиненій и за бумагу, купленную для этого изданія, всего тысячу триста шестьдесятъ шесть рублей 35 коп. сер., принять на счетъ суммъ III Отдѣленія». За эти деньги было отпечатано изданіе: «Исторія литературы древняго и новаго міра», кн. 1—«Франція», кн. 2-я—«Италія».

Въ іюлѣ военно-судная комиссія сообщила III Отдѣленію объ окончаніи дѣла Шелгунова и о томъ, что въ рядовомъ К. необходимости не представляется. 18 іюля государю шефомъ жандармовъ былъ

сдѣланъ докладъ съ краткимъ приведеніемъ всѣхъ уже извѣстныхъ читателю обстоятельствъ, заканчивавшійся такъ: «Имѣя въ виду столь искренно выраженное К. желаніе скорѣе загладить кровью вину свою,—вѣрить чему побуждаетъ уже услуга, оказанная имъ правительству по обнаруженію преступныхъ дѣяній Чернышевскаго и Шелгунова,—а также принимая во вниманіе болѣзненное положеніе К., ибо онъ, страдая ревматизмомъ въ ногѣ, едва ли въ состояніи совершить дальнѣе путешествие на Кавказъ,—въ настоящее время полагаю бы возможнымъ на просьбу его о назначеніи въ одинъ изъ полковъ, дѣйствующихъ противъ польскихъ мятежниковъ, испросить высоч. соизволеніе». Помѣтка: «Высоч. разрѣшено предложить К., если онъ хочетъ отличить себя на боевомъ поприщѣ, переводъ его въ одинъ изъ оренбургскихъ или сибирскихъ (западныхъ) баталіоновъ. Въ противномъ случаѣ дозволено предварительное сношеніе съ В. министромъ о переводѣ его въ одинъ изъ полковъ виленскаго округа или расположенныхъ въ Ц. Польскомъ». 19 іюля К. билъ отбой отъ временно принятой «благородной» роли: «Такъ какъ на моемъ попеченіи въ настоящее время находится престарѣлая мать и незамужняя сестра, которыхъ я содержию литературными трудами, составляющими единственный источникъ нашего пропитанія, то переводъ въ такія отдаленныя мѣста, при настоящихъ условіяхъ моего положенія, былъ бы для меня равносильнъ лишенію всякихъ средствъ къ пропитанію», а потому онъ просилъ о переводѣ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ виленскаго округа, «такъ какъ въ настоящее время болѣзненное состояніе лѣвой ноги дѣлаетъ пѣхотную службу чрезвычайно обременительною». Просьба была исполнена: К-мъ были осквернены списки I-го уланскаго с.-петербургскаго полка.

25 ноября 1864 г. мать его писала Мезенцову, что «участіе ея сына въ пропессахъ противъ Михайлова, Чернышевскаго, Шелгунова и другихъ поставило его въ такія непріятныя отношенія къ обществу петербургскихъ литераторовъ, что даже самое имя его изгнано изъ ихъ круга: они не только не принимаютъ его стихотвореній и переводовъ, но даже стараются разгадать и разгадываютъ его псевдонимы и вездѣ, чѣмъ только можно, вредятъ ему. Ему удалось напечатать нѣсколько стихотвореній въ «Библіотекѣ для Чтенія» подъ именемъ «В. Д—цкой». Но, наконецъ, управляющій редакціей, узнавши, что это—псевдонимъ К., возвратилъ мнѣ назадъ рукопись драмы Шекспира «Король Генрихъ IV», напечатавши уже два акта, и сказалъ прямо, что онъ ничего не можетъ печатать изъ произведеній противника Чернышевскаго, подѣ страхомъ потерять всѣхъ своихъ сотрудниковъ, и ко всему этому не заплатилъ сыну моему до сихъ поръ еще денегъ за предшествовавшія работы» ¹⁾ К. приготовилъ къ тому времени нѣсколько драмъ Шекспира въ стихотворномъ переводѣ, но средствъ на изданіе опять не было, поэтому мать просила о денежномъ вспоможеніи.

Изъ справки оказалось, что, кромѣ указанныхъ, К. было еще выдано 100 рублей изъ секретныхъ суммъ. 28 ноября государь разрѣ-

¹⁾ Добавилъ, что въ 1863 г. К. была послана, подѣ почеркъ Чернышевскаго, рукопись въ «Искру»: «Для каррикатуръ», за подписью: «Тертія Побиружинъ», и едва ли не съ цѣлью спроекцировать журналъ анекдотами о царѣ и принцѣ П. Ольденбургскому и еще больше утопить Чернышевскаго и Пинкорнелли (арх. III Отд., I экзп. 1863 г. № 97, ч. III).

шить выдать Костомаровой 300 руб. сер.; въ полученіи имѣется ея расписка. Въ маѣ 1865 г. кн. Долгоруковъ просилъ медицинское начальство оставить К. въ Маріинской лечебницѣ, не отправляя его въ военный госпиталь. Въ октябрѣ врачи выдали К. удостовѣреніе, что болѣзнь его ноги неизлѣчима и дѣлаетъ его неспособнымъ къ военной службѣ. 16 октября государь согласился съ шефомъ жандармовъ и вовсе уволил К. отъ службы, а въ началѣ декабря 1865 г. К. умеръ.

Въ апрѣлѣ 1867 г. П. В. Яковлевъ просилъ министра вн. дѣлъ о возвращеніи его въ Москву. III Отдѣленіе нашло, что въ виду роли Яковлева въ 1863 г., просьба его не подлежить удовлетворенію. 19 февраля 1873 г. Яковлевъ умеръ въ гор. Кемп отъ водянки. Мать К. умерла вскорѣ послѣ сына.

Такимъ образомъ черезъ десять лѣтъ не осталось актеровъ, а режиссеръ, директоръ театра, сценаріусъ и прочіи закулисный персоналъ вскорѣ и забылъ свое темное дѣло: однимъ больше, однимъ меньше—это не важно, какая разница. Всегда найдутся ученые, въ родѣ проф. П. И. Иванова, во-время пробовавшаго развѣнчать Герцена.

Мих. Лемке.

Таинственный узникъ.

Глава изъ книги объ Алексѣевскомъ Равелинѣ.

Шлиссельбургская и Петропавловская крѣпость — самая секретная, самая таинственная тюрьма для важнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ. Наши свѣдѣнія о крѣпостныхъ порядкахъ, о заключенныхъ крайне обрывочны и неполны. Мы не знаемъ всѣхъ, бывшихъ здѣсь въ заключеніи, не знаемъ относительно многихъ, что привело ихъ сюда, какіе грѣхи. Только теперь, когда съ 1917 года всѣ архивы перестали быть секретными, мы получили возможность раскрыть всѣ тайны и разъяснить исторію этихъ крѣпостей-тюремъ.

Въ окутанной мракомъ неизвѣстности Петропавловской крѣпости была тюрьма, о жизни которой не вѣдали даже тѣ, кто служилъ въ крѣпости. Кто сидѣлъ тамъ, этого не дано было знать не только чинамъ комендантскаго управленія, но и тѣмъ, кто служилъ въ этой самой тюрьмѣ. Для заключенія въ эту наисекретнѣйшую тюрьму и для освобожденія отсюда нужно было повелѣніе царя. Входъ сюда былъ позволенъ коменданту крѣпости, шефу жандармовъ и управляющему III Отдѣленіемъ. Въ камеру заключенныхъ могъ входить только смотритель и только съ смотрителемъ кто-либо другой. Попадая въ эту тюрьму, заключенные теряли свои фамиліи и могли быть называемы только номеромъ. Когда заключенный умиралъ, то тѣло его ночью тайно переносили изъ этой тюрьмы въ другія помѣщенія крѣпости, чтобы не подумали, будто въ этой тюрьмѣ есть заключенные, а утромъ являлась полиція и забирала тѣло, а фамилію и имя умершему давали по наитію, какія придутся. Эта тюрьма—Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости. Объ этомъ страшномъ мѣстѣ рассказали въ своихъ жуткихъ воспоминаніяхъ П. С. Поливановъ и въ краткомъ, но насыщенномъ содержаніемъ отрывкѣ М. Ф. Фроленко ¹⁾. Тѣ, кто прочелъ эти воспоминанія, никогда не забудутъ тѣхъ чувствъ, которыя вызвало ихъ чтеніе.

Когда въ русской легальной печати стало возможнымъ говорить о равелинѣ, а это случилось въ 1905 году, появились кое-какія подробности, и вниманіе сейчасъ же обратилось къ легендѣ о таинственномъ узникѣ равелина, какой-то желѣзной маскѣ. Былъ заточенъ, сидѣлъ много, много лѣтъ, кажется, помѣшался. За что, неизвѣстно. Догадывались, не за личное ли оскорбленіе Александру II. Фамилія его неизвѣстна, называли одну фамилію Шевичъ, но всѣ попытки узнать объ исчезнувшемъ съ лица земли Шевичѣ не привели ни къ чему. Вопросомъ о личности таинственнаго узника занимался въ 1905—

¹⁾ П. С. Поливановъ. Алексѣевскій равелинъ. Отрывокъ изъ воспоминаній М. 1906. Милость. Изъ воспоминаній М. Ф. Фроленко. „Былое“ 1906, февр. и отд.

1906 годах А. С. Пругавин¹⁾. Онъ обращался въ печати съ просьбой ко всѣмъ знающимъ дѣло дать какія-либо свѣдѣнія и получить отвѣты любопытные, но не разъясняющіе, а запутывающіе дѣло. Легенда оставалась легендой.

И только теперь, когда предъ нами раскрылись полностью архивы III Отдѣленія и департамента полиціи, и, наконецъ, архивы Алексѣевского рavelина, когда мы можемъ перечислить по именамъ и фамиліямъ всѣхъ заключенныхъ тамъ на протяженіи 1812—1884 года, мы можемъ назвать таинственнаго узника и рассказать его исторію.

Да, такой узникъ былъ, и исторія его полна самаго подлиннаго трагизма. Онъ былъ заключенъ въ рavelинъ по приказанію Александра II, безъ суда и слѣдствія, и содержался такъ, что самый фактъ его пребыванія въ рavelинѣ оставался неизвѣстнымъ. Онъ былъ забытъ въ рavelинѣ на много лѣтъ, такъ много, что и вымолвить трудно. Листы архивнаго дѣла, впервые ставшаго доступнымъ изслѣдователямъ, раскрываютъ передъ нами неимоверно грустную исторію погубленной человеческой жизни.

I.

16 іюня 1860 года въ Константиновскомъ военномъ училищѣ состоялось производство въ офицеры юнкеровъ 8-го спеціального класса. По первому разряду со внесеніемъ въ списокъ по поведенію отличѣйшимъ былъ выпущенъ Михайлъ Степановичъ Бейдеманъ, дворянинъ Бессарабской губерніи, 20-лѣтній юноша, поступившій въ училище въ іюнь 1859 года изъ экстерновъ Кіевского Владимірскаго корпуса. При выпускѣ Бейдеманъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ въ Драгунскій военный полкъ. По обычаю, онъ получилъ 28-дневный отпускъ и по истеченіи его долженъ былъ явиться въ полкъ, квартировавшій въ Кашинѣ, Тверской губерніи. Отпускъ свой онъ проводилъ у матери, жившей въ Лѣсномъ подѣ Петербургомъ.

Въ назначенный срокъ къ полку Бейдеманъ не явился, а мать его въ іюлѣ мѣсяцѣ обратилась къ великому князю Михаилу Николаевичу, бывшему тогда Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, съ необычною просьбой. Она довела до свѣдѣнія князя, что сынъ ея, получивъ 28-ми дневный отпускъ и подорожную на проѣздъ въ полкъ, прибылъ къ ней въ Лѣсной корпусъ, а 15 іюля объявилъ ей, что онъ долженъ отправиться, на день или на два, въ Петергофъ, и, не взявъ съ собою никакихъ вещей, уѣхалъ и съ того времени не возвратился, 2.—что передъ выпускомъ сына ея въ офицеры онъ неоднократно подвергался приливамъ крови и страдалъ сильными головными болями и 3, что за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Лѣснаго корпуса сынъ ея неоднократно выражалъ желаніе отправиться въ видѣ прогулки въ Финляндію. Въ заключеніе Бейдеманъ просила о розысканіи ея сына.

Слѣды Бейдемана нашлись, дѣйствительно, въ Финляндіи. Губернаторъ города Куопіо донесъ финляндскому генералъ-губернатору, что Михайлъ Бейдеманъ поздно вечеромъ 20 іюля (1 августа н. ст.)

¹⁾ Статьи А. С. Пругавина собраны въ его книгѣ: «Въ казематахъ». Очерки по исторіи русскихъ тюремъ. СПб. 1909 г.

прибыль въ Куопіо, остановился въ гостинницѣ Societetsgusetъ, взялъ у буфетчика штатское платье, занялъ денегъ и на другой день рано утромъ вышелъ изъ гостинницы на охоту, оставивъ свое военное обмундированіе и подорожную. Обратнo Бейдеманъ не возвращался. Губернаторъ добавлялъ въ донесеніи, что позже Бейдемана видѣли по дорогѣ изъ Улеаборга въ Торнео, поэтому надо было заключить, что Бейдеманъ отправился въ Швецію. Дальнѣйшіе розыски не увеличили свѣдѣній о Бейдеманѣ. Дѣло Бейдемана было доложено Александру II и великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ по штабу военно-учебныхъ заведеній и княземъ В. А. Долгоруковымъ, главнымъ начальникомъ III Отдѣленія, въ декабрѣ 1860 года.

Въ маѣ 1861 года фамилія Бейдемана промелькнула передъ царемъ въ докладѣ министра финансовъ. Послѣдній представилъ царю донесеніе начальника Скулянскаго таможеннаго округа о ходѣ дѣлъ въ Молдавіи; въ немъ было упомянуто о помѣщикѣ Бейдеманѣ, который „по окончаніи курса въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, взялъ отпускъ въ Бессарабію для свиданія съ родственниками, изъ С.-Петербурга уѣхалъ въ Кронштадтъ и неизвѣстными путями пробрался въ Италію, гдѣ вступилъ въ ряды гарибальдійцевъ, какъ онъ самъ писалъ изъ Рима къ своимъ роднымъ“. Прочитавъ это мѣсто, Александръ II написалъ: „Справиться не тотъ-ли, который, бывъ выпущенъ въ прошломъ году въ Орденскій Драгунскій полкъ, скрылся“.

18 іюля 1861 года въ сѣверномъ финскомъ приходѣ Рованиemi, Улеаборгокой губерніи на станиіи Корво коронный ленсманъ Коккъ обратилъ вниманіе на неизвѣстнаго человѣка. На вопросъ ленсмана, кто онъ и что дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ, что онъ — кузнецъ, Степанъ Горюнь изъ Олонецкой губерніи, искалъ въ Финляндіи работы, но не нашелъ и возвращается домой чрезъ Архангельскую губернію. Паспорта у Степана Горюна не оказалось, и ленсманъ задержалъ его и приказалъ приходскому сторожу доставить задержаннаго въ Улеаборгъ на распоряженіе губернатора. Здѣсь онъ былъ посаженъ въ острогъ, и 25 іюля на допросъ подтвердилъ показаніе, данное ленсману. Черезъ четыре дня, 29 іюля Степанъ Горюнь попросилъ вопроса и заявилъ, что его показанія невѣрны, что онъ — поручикъ Михаилъ Бейдеманъ, въ іюлѣ 1860 года переправился черезъ границу у Торнео въ Швецію, а оттуда въ Германію, а теперь возвращается изъ-за границы и намѣревался отправиться въ Архангельскую губернію... При Бейдеманѣ были найдены: испорченный пистолетъ, ножъ, перочинный ножикъ и гребенка въ футлярѣ.

Объ арестѣ Бейдемана было донесено въ Петербургъ великому князю Михаилу Николаевичу. Въ отвѣтъ финляндскому генералъ-губернатору было сообщено по телеграфу высочайшее повелѣніе: задержаннаго въ Улеаборгѣ поручика Бейдемана препроводить немедленно въ III Отдѣленіе.

Изъ Улеаборга Бейдеманъ былъ доставленъ въ Выборгъ, а отсюда былъ отправленъ моремъ въ С.-Петербургъ.

2.

Выборгскій полицейскій надзиратель привезъ поручика Бейдемана въ Петербургъ на пароходѣ „Аура“. Бейдеманъ былъ въ военной формѣ, изъ вещей при немъ находились двухствольный пистолетъ съ испорченными замкомъ, перочинный ножъ и еще одинъ небольшой ножъ. Въ 5 час. вечера, 18 августа, онъ былъ принятъ съ парохода старшимъ адъютантомъ корпуса жандармовъ, капитаномъ Зарубиннымъ, и помѣщенъ въ арестантскіе номера при III Отдѣленіи. Начальникъ 1-й экспедиціи III Отдѣленія Ф. Горянскій явился предложить Бейдеману вопросы. Онъ подтвердилъ показанія, данныя имъ о себѣ Улеборгскому губернатору. Горянскій спросилъ его, почему, съ какою целью онъ уѣхалъ за границу, и что онъ тамъ дѣлалъ, и по всей вѣроятности, къ немалому своему удивленію, выслушалъ отъ заключеннаго рѣшительный отказъ отвѣчать на этотъ вопросъ и заявленіе о готовности перенести всякое наказаніе за записательство. Случай выходилъ совершенно необыкновенный.

— Вы подпишете, что сказали?—спросилъ Горянскій.

— Подпишу, но ничего болѣе и никому объявлять о своихъ намѣреніяхъ не буду и въ этой рѣшимости умру—отвѣтилъ Бейдеманъ.

Горянскій началъ убѣждать Бейдемана, „ни мало впрочемъ не роняя его достоинства“ (по его словамъ), но онъ совершенно хладнокровно и спокойно попросилъ дать ему перо, чтобы написать, что ничего и никому не объявитъ. Горянскій пришелъ въ полное разстройство, но вспомнивъ, что Бейдеману при допросахъ финскихъ властей уже случилось перемѣнить первое показаніе, и рѣшивъ, что Бейдеманъ не особенно считается съ его авторитетомъ, рѣшилъ не брать отъ него „столь легкомысленнаго обвинительнаго показанія“ и передать дѣло въ руки графа Петра Андреевича Шувалова, управлявшаго III Отдѣленіемъ. Разсказавъ о своемъ неудачномъ свиданіи, Горянскій свою записку закончилъ слѣдующимъ обращеніемъ: „быть можетъ, ваше сіятельство изволите сами поговорить съ нимъ и вашими вліяніемъ предостережете его отъ такого поступка, о которомъ, если приведетъ въ исполненіе, рано или поздно онъ будетъ сожалѣть“.

Авторитетъ графа Шувалова не подѣйствовалъ на Бейдемана. Шуваловъ, надо думать, былъ изумленъ не меньше Горянскаго. 22 августа онъ отправилъ шефу жандармовъ, князю Долгорукову, бывшему съ царемъ въ Ливадіи, собственноручное сообщеніе: „Я лично убѣждалъ поручика Бейдемана и старался склонить его къ откровенному сознанию причинъ, побудившихъ его бѣжать, объяснялъ ему, что упорство его отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы усиливаетъ его вину, но онъ остался до того непреклоннымъ, что я приписываю это физическому разстройству его здоровья. На видъ же онъ кажется совершенно здоровымъ“. Князь Долгоруковъ доложилъ дѣло Бейдемана царю и получилъ отъ него разрѣшеніе заключить Бейдемана въ крѣпость. „Если послѣ того онъ никакого признанія не сдѣлаетъ, то по совѣщаніи съ Е. В. генералъ-фельдцейхмейстеромъ, какъ полагалось бы съ Бейдеманомъ поступить? Не нужно ли будетъ въ умственныхъ его способностяхъ увѣриться установленнымъ порядкомъ?“ — написалъ князь Долгоруковъ 29 августа на докладъ своего помощника. Высочайшая воля была сообщена въ Петербургъ по телеграфу 29 августа. Въ этотъ же день Бейдеманъ былъ доставленъ въ крѣпость и заключенъ въ домъ Алексѣевского равелина подъ № 2.

При приѣмѣ въ рavelинѣ Бейдемана обыскали и на днѣ коробки съ папиросами, которую ему было разрѣшено въ III Отдѣленіи взять съ собою, нашли разорванные мелкіе клочки писанной бумаги. Клочки постарались сложить, многихъ клочковъ не оказалось, но и того, что осталось, хватило для того, чтобы возстановленный текстъ заинтересовалъ коменданта въ наивысшей степени. Немедленно онъ препроводилъ клочки въ III Отдѣленіе. Здѣсь тщательнѣйшимъ образомъ подобрали клочки, сложили и получили слѣдующій документъ.

Божіею Милостію

Мы Императоръ Константинъ Первый

Государь Всероссійскій

Ц Польскій, Великій Князь Ф скип

и проч., и проч.

емъ черезъ сіе нашему вѣрно ном
жителямъ областей: Бѣломо
, Отзейской, Бѣлорусской, Лито
ской, Заднѣпровской, Новороссійской, Д
инской, Курской, Московской, Рязанской,
занской, Уральской, Астраханской, Жи
бири, Финляндіи, Грузіи и Закавказья
ей помощью рѣшились отн
тельскій престолъ у нынѣ незако
ствующаго Александра, отецъ котораго Николай,
да будетъ имя его проклято во вѣки, отнялъ
отъ насъ престолъ блаженныя памяти Константина
Павловича, дорогого родителя на
мы ащаемся къ нашему ному народу
такъ до рпѣвшему подъ проклятаго
и окаян Николая, незаконн дѣйствомъ достиг-
шаго обладанія Русскимъ престоломъ и сына
его Александра, нынѣ грабющаго народъ и русскую
казну, дабы онъ съ помощью Бога поднялся на
весь окаянный родъ его, истребилъ бы большаго
и малаго отъ поганаго древа сего и помогъ бы
намъ овладѣть нашимъ дорогимъ прародительскимъ
престоломъ. Мы выходимъ изъ темницы, въ которой
заключены были съ самыхъ малыхъ лѣтъ яннымъ
и пр мъ Николаемъ, дабы объяв шему
вѣрн русскому Народу, который всег личался
здрав мыслемъ, полную свободу и за
преше е им безаконіе и рабство. М вляемъ
вдующее:
ская земля принадлежитъ на
водѣровъ помѣщиковъ, которымъ
царями и Императорами въ ущер
ляетъ на будущее время собственн
сская душа, родившееся на свѣ
въ пользованіе этой землею.

3) Народъ русскій будетъ управляться самъ собою, чиновники и всякая канцелярская челядь изгоняется на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи.

4) Общее управление Россійской Имперіей будетъ сосредоточено въ
астныхъ сѣздахъ
общемъ
Земскомъ С

5) Рекрутчина тожается.

6) Вся русская казна, если Богъ поможетъ намъ вступить на нашъ прародительскій престолъ раздѣлится между народомъ.

обращаемся къ нашему народу дабы онъ вооружился и стать подъ наши знамена, мы сами поведемъ его на завосваніе его правъ, и надѣмся съ помощью Бога и усердіемъ русскаго народа прогнать изъ Им
незаконно пріобрѣтшаго на
аро-
дитель
рестолъ Александра.

Д ъ сей Манифестъ Царевъ
Константинь

1861 Отъ Рождества Хри

Несмотря на утрату нѣсколькихъ клочковъ документа, текстъ восстанавливается безъ затрудненій. Передъ нами проектъ манифеста отъ имени императора Константина перваго, сына Константина Павловича. Константинъ первый заявляетъ, что русскій престолъ незаконнымъ образомъ былъ отнятъ у его отца отцомъ Александра II, Николаемъ, что самъ онъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ заключенъ въ тюрьму. Манифестъ призываетъ къ сверженію власти Александра II, какъ незаконной, во первыхъ, и какъ грабящей русскій народъ и русскую казну, во вторыхъ. Народу обѣщается: передача всей земли въ его владѣніе, областное самоуправленіе и полное уничтоженіе чиновничества, осуществленіе его верховной власти черезъ земскій Соборъ, отмѣна рекрутчины и раздѣлъ государственной казны. Такова заявленная въ манифестѣ, въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, программа социальной революціи. Оцѣнивая этотъ документъ, какъ произведение агитаціонное, предназначенное разбудить и поднять народную массу, мы должны отмѣтить, что авторъ опирался на народныя желанія (земля народу, уничтоженіе помѣщиковъ и чиновничьей челяди, отмѣна рекрутчины) и на казавшуюся ему безспорной преданность царю. Манифестъ предлагалъ свергнуть существующаго царя именемъ будущаго. Выдавая манифестъ отъ лица Константина, сына Константина Павловича, авторъ рассчитывалъ на то, что воцареніе Николая Павловича, совершившееся послѣ отреченія Константина, среди мятежа, оставило въ массахъ впечатлѣніе событія неправомѣрнаго, несправедливаго, нарушающаго обычныя представленія о правѣ наслѣдованія.

Разорванный въ клочки документъ не могъ не произвести возбуждающаго впечатлѣнія на III Отдѣленіе. Рѣзкая и поносная брань по адресу Александра II и незабвеннаго Николая I, призывъ къ социальной революціи привлекли къ Бейдеману самое строгое вниманіе. Время, къ тому же, было очень непріятное... III Отдѣленіе стояло передъ революціоннымъ броженіемъ въ русскомъ обществѣ; внѣ сферы его

наблюденія совершались дѣйствія антиправительственныя и антигосударственныя. Появились революціонные листки: 4 іюля 1861 года шефъ жандармовъ получилъ по почтѣ экземпляръ произведенія нелегальной печати: „Великорусскъ“; 22 іюля были арестованы въ Москвѣ Аргиропуло и Заичневскій, поставившіе на широкую ногу распространеніе революціонныхъ воззваній и запрещенныхъ заграничныхъ изданій. Въ августъ и въ первыхъ числахъ сентября получила распространеніе обширная прокламація „Къ молодому поколѣнію“, написанная Шелгуновымъ, напечатанная въ лондонской Герценовской типографіи, привезенная и распространенная Михайловымъ. 30 августа была учреждена особая слѣдственная комиссія для разслѣдованія о распространеніи революціонной литературы. III Отдѣленіе было на изготавкѣ: получивъ въ свое распоряженіе предателя Вс. Костомарова, оно собиралось широко развернуть борьбу с крамолой и было на слѣдахъ М. Л. Михайлова. Графъ П. А. Шуваловъ, стоявшій во главѣ III Отдѣленія, одинъ изъ видныхъ представителей крѣпостнической партіи, въ это время спѣшно дѣлалъ карьеру и былъ полонъ неукротимой энергіи и молодого рвенія: онъ былъ всего на всего 33-лѣтній генералъ. Онъ еще только грезилъ о томъ, какъ изловить крамолу и захватить возмутителей, а революціонеръ—и притомъ, казалось ему, серьезнѣйшій—сидѣлъ уже у него за семью замками.

Немедленно полетѣло въ Крымъ, гдѣ былъ царь и шефъ жандармовъ, князь Долгоруковъ, донесеніе о находкѣ у Бейдемана вмѣстѣ съ текстомъ манифеста. 16 сентября кн. Долгоруковъ доложилъ донесеніе царю: положено было „разспросить Бейдемана тщательнымъ образомъ объ этомъ проектѣ“.

Тѣмъ временемъ, слѣдуя совѣту своего шефа князя В. А. Долгорукова, графъ Шуваловъ обратился къ великому князю Михаилу Николаевичу, стоявшему во главѣ военно-учебныхъ заведеній и въ этомъ званіи бывшему какъ бы верховнымъ начальствомъ поручика, выпущеннаго изъ военнаго училища, изложилъ сущность дѣла и предложилъ свое мнѣніе—передать Бейдемана въ военное вѣдомство съ тѣмъ, чтобы судить его военнымъ судомъ въ случаѣ, если, по освидѣтельствованію, онъ признанъ будетъ дѣйствующимъ въ нормальномъ состояніи. „Совершенно согласенъ и раздѣляю твое мнѣніе“ — написалъ на запискѣ великій князь. О согласіи великаго князя графъ Шуваловъ сообщилъ 12 сентября князю Долгорукову.

3.

Но пока докладъ графа Шувалова былъ на пути въ Ливадію, дѣло Бейдемана вступило въ новый фазисъ. Вышло новое и крупнѣйшее осложненіе, и 16 сентября въ догонку докладу графъ Шуваловъ телеграфировалъ князю Долгорукову „для немедленнаго доставленія“ въ мѣсто пребыванія государя императора: „Прошу пріостановиться докладомъ дѣла о Бейдеманѣ до прибытія фельдгегера, выѣхавшаго сего числа“.

Новое по дѣлу Бейдемана было въ томъ, что онъ пересталъ записываться и заговорить, по доброй волѣ, да какъ заговорилъ!

Бейдеманъ обратился къ коменданту съ просьбой разрѣшить ему написать въ III Отдѣленіе о причинахъ ареста... 11 сентября графъ Шуваловъ командировалъ къ нему Горянского, съ Горянскимъ Бей-

деманъ не сталъ говорить и заявилъ, что онъ дастъ показанія только на письмѣ. 12 сентября III Отдѣленіе предложило коменданту крѣпости разрѣшить Бейдеману написать свои объясненія и затѣмъ въ запечатанномъ конвертѣ представить написанное въ Отдѣленіе. 13 сентября комендантъ препроводилъ запечатанный пакетъ графу Шувалову, а 14 сентября Шуваловъ отнесся къ коменданту съ слѣдующимъ лаконическимъ совѣтомъ: „по прочтеніи препровожденнаго при отхожденіи... объясненія арестанта Бейдемана оказывается, что онъ въ высшей степени вредный человѣкъ, а потому считаю долгомъ обратить особенное вниманіе вашего превосходительства на этого арестанта“. Комендантъ немедленно же предписалъ смотрителю равелина майору Удому „имѣть за Бейдеманомъ бдительное наблюденіе и употреблять чиновъ самыхъ надежнѣйшихъ“.

Грезы графа Шувалова о захватѣ крамольниковъ осуществлялись на яву: въ его рукахъ былъ не просто революціонеръ, крамольникъ, а еще и царевѣйца, которому не удалось покушеніе.

Приводимъ полностью замѣчательное объясненіе Бейдемана, вызвавшее такой поразительный эффектъ:

„Я просилъ г. Коменданта С. П. Б. Петропавловской крѣпости, чтобы мнѣ позволено было письменно изъяснить нѣкоторыя обстоятельства, послужившія причиною моего ареста. Отвѣтомъ на мою просьбу было появленіе чиновника III Отдѣленія, присланнаго начальникомъ его, предложившаго мнѣ изъяснить ему эти обстоятельства; но я отклонилъ это, въ томъ убѣжденіи, что изъясненіе ихъ на бумагѣ больше выиграетъ въ постепенности самаго изложенія.

„Насчетъ причинъ удаленія моего изъ Россіи отвѣчу тѣмъ же, чѣмъ отвѣчалъ прежде г. Начальнику III Отдѣленія, т. е.—ни слова, и это мой послѣдній и рѣшительный отвѣтъ.

„Но насчетъ причинъ, побудившихъ меня возвратиться обратно въ Россію,—на родину, я хочу дать нѣсколько объясненій. Причиною этой излишней откровенности было, есть и будетъ не желаніе улучшить свое положеніе въ настоящемъ и будущемъ, не надежда на какое-либо снисхожденіе, а внутренняя потребность высказать всю мѣру моей ненависти и моего презрѣнія къ существующему правительству и къ этому порядку вещей, который господствуетъ и господствовалъ.

„1) Я воротился на родину для того, чтобы отомстить за всѣ страданія, которыя она переноситъ и перенесла; — за глубокое, мерзкое рабство, въ которое погрязли и несчастный русскій народъ и русское общество, и которое поддерживается развратнымъ, грабящимъ и убивающимъ въ самомъ зародышѣ всѣ благородныя начатки народнаго развитія правительствомъ, за пролитую и проливаемую кровь бѣдныхъ крестьянъ, кругомъ ограбленныхъ и обворованныхъ гнуснѣйшимъ правительственнымъ произволомъ: за подлѣйшимъ образомъ пролитую кровь поляковъ, за то возмущающее душу равнодушіе и презрѣніе къ народу, къ его нуждамъ и къ его стремленіямъ, которыя царятъ всюду, начиная съ закоулковъ Зимняго дворца и кончая тѣми притонами грабежа и разврата, которыя называются правительственными установленіями. Однимъ словомъ, за всѣ тѣ мерзкіе, негѣпые и дикопроизвольные подвиги той разбойничьей шайки, которая начинается звѣздоносными тупыми негодаями и кончается несмѣтной толпою рабскаго чиновничества, грабящаго вдоль и поперекъ.

„2) Я хотѣлъ начать дѣло съ вершины этого правительственнаго кабака въ томъ убѣжденіи, что, разрушивъ и уничтоживъ ее,

я бы поднѣлъ коснѣющій въ невѣжествѣ и рабствѣ народъ на завоеваніе своихъ правъ, человѣческихъ и гражданскихъ.—Я говорю здѣсь о той власти, именуемой верховною, за которую скрывается вся мерзость и гнусность самодержавнаго произвола, той власти, которая за либеральными фразами, вродѣ реформа съверху, скрываетъ явную неспособность къ рѣшительному социальному, гражданскому и политическому перевороту, который, во что бы то ни стало, необходимъ для русскаго народа.

„3) Эта власть, первоначальный шагъ которой былъ привѣтствуемъ съ такою радостью, съ такою теплою вѣрою въ коренную реформу, которая бы сняла съ народнаго развитія тѣ цѣпи рабства и гражданского позора, которая постаралась набить на него Незабвенный деспотъ, не имѣла настолько характера, чтобы посмотреть будущему своей земли прямо въ глаза и рѣшить освобожденіе крестьянъ не въ такой пошлой и смѣшной формѣ, въ какой явились пресловутыя Положенія. Народъ и общество ждали другого, народъ изъ давно, съ трепетомъ и замираніемъ сердца, ожидаемаго манифеста ничего не понялъ, не потому, чтобы онъ не могъ отдать себѣ отчета въ перемѣнѣ своего положенія, а потому, что для него казалось и самое содержаніе, и форма его совершенно неудовлетворительными. Изъ этого—общее глухое недовольство, которое не было понято ни вершиною, ни цѣлымъ строемъ безобразнаго правительственнаго скопища, а отсюда—кровь, кнутъ, военная экзекуція, грабежъ, произволъ...

„4) Россія думала, что эта власть воспользуется средствами нелѣпago самодержавія для того, чтобы произвести переворотъ, въ которомъ она нуждалась, чаяла, ждала его. Послѣ всего того что сдѣлалось и дѣлается въ настоящее время, всѣ прекрасныя ожиданія и благородныя надежды лопнули, какъ радужный мыльный пузырь. Кругомъ все по прежнему: тотъ же дикій и бесполезный произволъ деспотизма, страшная неспособность, боязнь, тупость, совершенное отсутствіе серьезнаго пониманія народа и его стремленій, по-прежнему грабятъ, бьютъ и насилуютъ народъ... Однѣ беззастѣнчивости замѣняются другими, которыя за звѣздами, княжескими, графскими и баронскими титулами, генеральскими эполетами и тому подобнымъ хламомъ, скрываютъ отсутствіе убѣжденій, страшный развратъ и сильную страсть нажиться и обезпечить свою жизнь на широкую ногу гнуснымъ и вопіющимъ грабежомъ. Такія личности, какъ Адлербергъ, Панинъ, Муравьевъ, Строгановъ, Долгорукій и подобная имъ сволочь и гниль, которыя должны бы были быть заклеены печатью позора народнаго проклятія, на которыхъ слѣдовало бы покончить съ тѣлеснымъ наказаніемъ и кнутомъ въ Россіи, еще скрываются за спиною ничего не знающаго, ничего не слушающаго, ничего не видящаго и ничего не понимающаго самодержавія, и отравляютъ всякое благородное начинаніе въ народѣ и обществѣ.

„5) Уничтоженіемъ верховной власти, т. е. слѣпago и ни на что неспособнаго самодержавія, я хотѣлъ достигнуть совершеннаго и повсемѣстнаго уничтоженія помѣщичьего права на землю, а всю русскую землю обратить въ народную общую собственность для общенароднаго пользованія. Положеніями, наполненными вопіющими нелѣпостями и преднамѣренными противорѣчіями, разрушается сильная основа будущаго развитія: полюбовныя соглашенія—начало разложенія общиннаго землевладѣнія и будущаго несчастья русскаго

народа. Дворовые люди, остающіеся въ рабствѣ и обдѣленные землей,— начало самаго страшнаго пролетаріата и бездомнаго, безхлѣбнаго скитальчества огромной массы въ Россіи... Неужели выгоды проигравшихся и поддерживающихъ рабство, развратныхъ и диконевѣжественныхъ дворянъ важнѣе выгодъ и будущей судьбы цѣлаго русскаго народа? Это понимали и говорили всѣ, начиная съ благородныхъ сотрудниковъ редакціонной комиссіи, Тверскаго комитета, и кончая огромнымъ большинствомъ общества; этому вопросу посвящены были самыя зрѣлыя и обдуманныя статьи русскихъ журналовъ. Даже большинство помѣщиковъ начинало задумываться... Всѣ требовали одновременныхъ и рѣшительныхъ разграниченій и опредѣленій двухъ сторонъ, изъ которыхъ одна еще ратовала за рабство, за розги, за помѣщичій произволъ, другая съ глухою и сдержанною ненавистью ожидала освобожденія. Переходное состояніе, какъ самое неудовлетворительное и бессмысленное, было осуждено всѣми. И что же изъ этого вышло? Появился манифестъ и Положенія, которые своею двухсмысленностью взволновали крестьянъ. Они совершенно правы, если рѣшились разомъ сбросить съ себя рабство и помѣщичій произволъ. Развратное и гнусное чиновничество было очень радо погрѣть себѣ руки и само подняло бунтъ. Затѣмъ—кровь, грабежъ, произволъ въ самомъ дикомъ и безграничномъ его видѣ и возмущающія душу мерзости.—И это должны были знать и вершина, и всѣ тѣ, которые ее окружаютъ. За пролитую народную кровь — нужно мстить кровью. — Потомство отдастъ проклятiю и позору имя того, который могъ ее не проливать и допустилъ своихъ же слугъ изъ передней Зимняго Дворца до ужаснаго звѣрства.

„6) А кровь поляковъ? Ее не скроешь ничѣмъ, ни дипломатическими уловками, ни рабскими статьями газетъ. Она пролита и пролита самымъ звѣрскимъ и подлѣйшимъ образомъ. За одно это дѣло каждый русскій долженъ ненавидѣть и презирать свое подлое правительство, свою несчастную армию, которую обратили въ толпу гнусныхъ убійцъ. Гдѣ же либеральныя фразы? Гдѣ та кроткая и благородная мысль, которая когда-то высказалась? Вся Европа, исключая, разумѣется, вполнѣ достойныхъ друзей—Австріи и Пруссіи, съ ужасомъ и омерзѣніемъ отвернулись отъ этой страшной картины задуманнаго гуртового убійства. Мученическая нація желчно почувствовала, что николаевщина съ ея героями еще не умерла. — Да! Передъ этимъ подвигомъ либеральнаго русскаго правительства лопнули всѣ надежды, лопнуло даже то рабское терпѣніе, которое досталось въ удѣлъ русскому народу и обществу... Общество должно, наконецъ, понять, что рабское тупое самодержавіе — абсолютное зло, не допускающее никакихъ относительныхъ понятій. Оно увидѣло и видитъ, что на громкія фразы безграничнаго произвола — плохая надежда.

„7) А цензура? А такое милое учрежденіе, какъ III Отдѣленіе, которое вполнѣ характеризуетъ тотъ правительственный порядокъ, который для своего существованія нуждается въ подобныхъ мерзостяхъ. Они цвѣтутъ, процвѣтаютъ и даже готовы вступить въ новый періодъ развитія. А гоненія на воскресныя школы, чиновничій произволъ, который грозитъ поглотить въ себѣ самыя лучшіе соки народной жизни?..

„А народное образованіе, которое должно довольствоваться тѣми ничтожными крохами, которыя остаются отъ пышныхъ и громадныхъ бюджетовъ придворной администраціи и бесполезныхъ войскъ? А

совершенно произвольная, не соответствующая ни народнымъ, ни государственнымъ потребностямъ, раздача арендъ тѣмъ лицамъ, которыя такъ же думаютъ о пользѣ народа и русскаго развитія, какъ и тѣ благородные сыны Германіи, поступающіе въ русскую службу, или гораздо правильнѣе—въ службу русскаго правительства, чтобы набить себѣ карманъ? А раздача народной собственности въ вѣчное и потомственное владѣніе? Не довольно того, что ограбили и грабятъ народъ въ настоящее время, но хотятъ отнять у него то, что имѣло бы огромное вліяніе въ будущемъ. Землю слѣдовало бы приберечь для размножающагося народонаселенія, ее слѣдовало бы раздать тысячи бездомнымъ батракамъ, а не генераламъ и различнымъ тайнымъ и дѣйствительнымъ совѣтникамъ, которые и безъ того уже успѣли нагрѣть руки на счетъ того же бѣднаго народа. Юо слѣдовало воспользоваться для того, чтобы нанести разомъ рѣшительный ударъ чиновничеству и грабежу, и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставить тысячи семействъ безъ куска хлѣба. Все это такъ просто и понятно, но развѣ такіе государственные мужи, какъ Муравьевъ, Адлербергъ и Игнатьевъ и т. п. думаютъ объ этомъ: они грабятъ, и ихъ грабежъ въ тысячу разъ развратнѣе и пагубнѣе для народа, чѣмъ мелкій грабежъ канцелярскихъ ворюшекъ. Самые благородные и энергичскіе дѣятели, желавшіе дѣйствительнаго добра и любящіе Россію и русскій народъ, смѣло вышли на дѣло, но этотъ омутъ всякой низости, подлости и всего того, для чего не приберешь словъ, сразу остановилъ ихъ. Пора, пора и русскому народу и обществу разбить ту цѣпь, которая приковываетъ ихъ къ гнилой колодѣ—полунѣмецкому правительству. Будущее—не лучше: не много добра, а вѣрнѣе много зла, принесутъ питомцы такихъ менторовъ, какъ меценатъ николаевщины—Строгоновъ.

„7) Вотъ причины, которыя побудили меня возвратиться въ Россію—покончить однимъ ударомъ съ тѣмъ гнетомъ деспотиэма, самоуправства, рабства и позора, подъ которымъ задыхается русская жизнь и развитіе, который подсѣкаетъ ихъ въ настоящемъ и безпощадно извращаетъ въ самомъ будущемъ. Мнѣ остается только чувство досады и презрѣнія къ самому себѣ за то, что я не исполнилъ того, что задумалъ. Раскаяніе въ чемъ бы то ни было совершенно далеко отъ меня: я всегда буду презирать и ненавидѣть тотъ омутъ разврата, грабежа, застоя и всякихъ гадостей, который губитъ Россію. Я не отказываюсь отъ своихъ намѣреній, потому что въ нихъ я вижу коренной переломъ въ судьбѣ всего отечества—къ лучшему. Совершенное уничтоженіе нелѣпаго, всеподавляющаго самодержавія и связаннаго съ нимъ правительственнаго, гражданскаго и политическаго строя—начала новой жизни, иного развитія. Что бы меня не ожидало въ будущемъ—я всегда останусь при этомъ убѣжденіи. Все, что здѣсь написано, было давно высказано, съ необыкновеннымъ талантомъ, со всею страстью негодованія, съ любовью къ Россіи и ея будущему, съ великою гражданскою силою, людьми, которые погибли и гибнутъ въ духотѣ правительственнаго гнета. Отъ всего здѣсь написаннаго—я не отказываюсь. Никакого снисхожденія—не прошу и не намѣренъ просить.

Михаилъ Бейдеманъ.

13 сентября 1861 гда.

Читая этот необыкновенный документ, не можешь повѣрить тому, что эта дерзкая прокламация, полная рѣзкихъ оскорбительныхъ словъ по адресу верховной и высшей власти, написана человекомъ со связанными руками, — узникомъ Алекофевскаго равелина. Нельзя не поразиться смѣлости, съ какой заточенный бросаетъ бичующія оскорбленія въ лицо своимъ читателямъ — тюремщикамъ. Съ какимъ чувствомъ долженъ быть отнестись къ произведенію и его автору всесильный, ближній бояринъ, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, уарвѣвъ свою фамилію въ общей группѣ сволочи и гнили и прочитавъ, что на немъ, на князѣ, слѣдовало бы въ Россіи покончить съ тѣлеснымъ наказаніемъ! Какъ долженъ былъ отнестись къ заявленію другой его читатель — императоръ Александръ Николаевичъ, прочитавъ такое яркое нападеніе на себя, свою личность, свою политику... Кѣмъ сдѣланное? Какимъ-то ничтожнымъ поручикомъ, арестантомъ, возвысившимъ свой голосъ отъ узъ темничныхъ. И этотъ поручикъ осмѣливался мечтать, не только мечтать, а готовиться... покончить однимъ ударомъ съ нимъ, освободителемъ. Онъ, монархъ, именовался вершиной правительственнаго кабака. Все это было такъ невѣроятно, что и въ III Отдѣленіи, и у шефа жандармовъ, и у царя мелькала мысль, не съ умалишеннымъ ли они имѣютъ дѣло.

Отправляя въ Ливадію подлинное объясненіе Бейдемана, графъ Шуваловъ присоединилъ и слѣдующій докладъ: „Вотъ, князь, обстоятельство очень серьезнаго значенія, оно можетъ измѣнить направленіе, которое его величеству угодно будетъ дать дѣлу Бейдемана. Послѣдній довелъ до моего свѣдѣнія черезъ коменданта о своемъ намѣреніи дать показанія. Я послалъ къ нему начальника I-й экспедиціи, но Бейдеманъ настаивалъ на томъ, что онъ изложитъ показанія письменно, и продолжалъ ту же систему молчанія, которой онъ не измѣнялъ со времени своего ареста. Вы сами, князь, войдете въ оцѣнку принциповъ подсудимаго и вы нарисуете умыселъ, заставляющій благословлять руку Провидѣнія, оставившаго фанатика, но не безумца — смѣю думать. Я думаю отправиться въ крѣпость завтра, чтобы попытаться заставить его дать самое полное признаніе, но я сомнѣваюсь въ успѣхѣ, и думаю, что онъ заговоритъ только въ день суда въ единственной надеждѣ придать гласности свои намѣренія и выставить себя мученикомъ за политическія убѣжденія“.

Александръ II остановился пока на рѣшеніи, подсказанномъ графомъ Шуваловымъ, и на запискѣ послѣдняго, 27 сентября, написалъ: „не предавая его покуда военному суду, оставить въ заключеніи въ крѣпости“.

19 сентября графъ Шуваловъ отправилъ въ Ливадію отчетъ о посѣщеніи Бейдемана въ крѣпости. Эта бесѣда управляющаго III Отдѣленіемъ съ узникомъ, не прибавляя ничего существеннаго къ его заявленію, дала иллюстрирующія подробности замысла Бейдемана.

„Я видѣлся въ крѣпости съ арестантомъ Бейдеманомъ и имѣлъ съ нимъ продолжительное объясненіе, и дѣлалъ ему вопросы, на которые онъ отчасти отвѣчалъ, — отчасти нѣтъ. Я вышелъ отъ него убѣжденнымъ въ томъ, что онъ фанатикъ самаго вреднаго свойства, и быть можетъ, не въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Бейдеманъ задумалъ свой преступный замыселъ уже давно, задумалъ его хладнокровно и исполнилъ бы его, сколько мнѣ показалось, твердо и рѣшительно, если само Провидѣніе не помѣшало бы тому и не предало его въ руки Финляндской полиціи.“

„Бейдеманъ упорствуетъ въ молчаніи относительно всего того, что побудило его бѣжать, того, что онъ дѣлалъ за границей, но объясняется съ полною откровенностію цѣль его возвращенія въ Россію. Его политическую исповѣдь ваше сіятельство уже изволили прочесть: подтверждая все писанное имъ, онъ сказалъ мнѣ, что обманутый въ своихъ надеждахъ, убѣждаюсь съ каждымъ днемъ болѣе, что Государь желаетъ лучшаго только на словахъ, онъ по примѣру Орсини (въ его глазахъ образецъ всего великаго и благороднаго) рѣшилъ вывести свое отечество изъ настоящаго его положенія, нанеся самодержавію въ лицѣ Государя смертельный ударъ, и какъ онъ изъясняется, разомъ покончить самодержавіе. На замѣчаніе мое ему, что самодержавіе принципъ, а не лицо, Бейдеманъ отвѣчалъ, что теперь настало такое время, что одновременно съ перемѣною царствованія измѣнился бы и характеръ монархической власти.

„Обдумывая свои намѣренія, Бейдеманъ пришелъ къ тому заключенію, что настоящая минута самая удобная для коренныхъ реформъ, онъ рѣшился теперь же возвратиться въ Россію для исполненія своего преступнаго замысла, но, опасаясь прѣхать прямо въ Петербургъ, онъ предпочелъ направить путь черезъ Финляндію въ Архангельскую губернію, гдѣ бы онъ сблизился съ раскольниками, отъ которыхъ надѣялся получить матеріальныя средства и паспортъ для прибытія сюда, и здѣсь, не медля ни минуты, посягнуть на жизнь его величества, что, по его словамъ, „было весьма не трудно исполнить, такъ какъ, по воспитанію своему въ военно-учебномъ заведеніи, ему извѣстны всѣ привычки Государя“ и потому что, „не дорожа жизнью, которую онъ посвятилъ на это дѣло, онъ даже не намѣренъ былъ, по нанесеніи удара, бѣжать и укрыться отъ преслѣдованій.

„Чрезвычайно важнымъ считалъ я узнать отъ Бейдемана, дѣйствуетъ ли онъ одинъ и подъ вліяніемъ личныхъ своихъ убѣжденій, или же онъ состоитъ въ связи съ другими лицами или тайными обществами. Я приѣзжалъ къ разнаго рода уловкамъ, но онъ непреклонно отвѣчалъ одно и то же, что дѣйствуетъ одинъ, и что всякое участіе другихъ лицъ уменьшило бы въ его глазахъ ту славу, которую приобрѣлъ въ случаѣ успѣха.

„Слѣдуетъ полагать, что онъ говоритъ правду; вообще, онъ показался мнѣ правдивымъ, и, когда ему не хочется отвѣчать на вопросъ, то онъ молчитъ упорно. Для достиженія моей цѣли я, подъ видомъ участія, совѣтовалъ ему въ облегченіе его судьбы указать даже на мнимыя лица и вымышленныя общества, но онъ на это не поддавался и продолжалъ завѣрять, что дѣйствуетъ одинъ и что этимъ гордится. Бейдеманъ выражалъ мнѣ и мысль, что онъ надѣялся на мнѣніе народа, который, увидавъ въ немъ убійцу, посланнаго помѣщиками, сталъ бы повсюду рѣзать дворянъ.

„Я просилъ коменданта крѣпости принять въ отношеніи надзора за нимъ наистрожайшія мѣры.

„Разговора моего съ Бейдеманомъ я не смѣлъ передать великому князю Михаилу Николаевичу, которому извѣстны всѣ прочія обстоятельства дѣла. Не угоднo ли будетъ указать, какъ мнѣ дѣйствовать въ этомъ случаѣ въ отношеніи его высочества.

„Я потребовалъ изъ Финляндіи подробныя свѣдѣнія о заарестованіи Бейдемана и о лицахъ, тому способствовавшихъ, въ томъ вниманіи, что его величеству, быть можетъ, благоугодно будетъ знать имя того, который, хотя безсознательно, но спасъ Россію отъ этого изверга.

Въ докладѣ графа Шувалова обращаютъ вниманіе три подробно-сти. Графъ Шуваловъ началъ трактовать дѣло Бейдемана, какъ неудавшееся покушеніе на цареубійство, и ссылаться на Провидѣніе, удержавшее занесенную руку преступника и пославшее своевременно финляндскую полицію. По пути такого толкованія онъ увлекалъ и шефа жандармовъ и царя: забѣгая впередъ, онъ уже разыскиваетъ финна-спасителя государя для достойной награды. Затѣмъ Шуваловъ въ отчетѣ сообщаетъ и то, о чемъ Бейдеманъ не писалъ: въ случаѣ удачи, цареубійство было бы объяснено въ народѣ, какъ актъ мести со стороны дворянина царю за освобожденіе отъ крѣпостнаго права и какъ призывъ къ рѣзні цомѣщиковъ. И наконецъ еще одна мелкая деталь, характерная для графа Шувалова. Онъ, входявшій во вкусъ власти, приближавшійся къ престолу, запрашивалъ, долженъ ли онъ хранить въ секретѣ дѣло Бейдемана даже отъ брата царя, великаго князя Михаила Николаевича. Черезчуръ уже лестнымъ казалось бы третьимъ при двухъ знающихъ тайну—князь Долгоруковъ и царь.

Дѣйствія графа Шувалова заслужили царское одобреніе: противъ строкъ: „я потребовалъ свѣдѣнія изъ Финляндіи“ царь написалъ „хорошо сдѣлать“, а противъ строкъ „можетъ благоугодно будетъ знать имя спасителя“ царь написалъ „нецрѣмѣнно“. А общая резолюція царя была: „О томъ, какъ съ нимъ поступить подумаю еще. Всѣ показанія его можно сообщить великому князю Михаилу Николаевичу“.

Въ дѣлѣ Бейдемана оказался одинъ счастливый человѣкъ—лѣн-сманъ Коккъ. Нежданно, негаданно за спасеніе жизни русскаго государя и великаго князя финляндскаго ему свалилась награда: денежное пособіе въ 800'рублей серебра

1.

8 октября комендантъ крѣпости довелъ до свѣдѣнія графа Шувалова, что арестантъ Бейдеманъ желаетъ объявить ему какую-то тайну. 6 октября Шуваловъ былъ въ Алексѣевскомъ равинѣ. О результатѣ посѣщенія онъ отправилъ 6 октября слѣдующій докладъ:

„Я посѣтилъ сего числа въ крѣпости арестанта Бейдемана и пожелалъ подробнымъ допросомъ разъяснить тѣ обстоятельства его жизни, о которыхъ онъ до сего времени такъ упорно хранилъ молчаніе. — Я засталъ Бейдемана нѣсколько встревоженнымъ моимъ посѣщеніемъ и замѣтилъ, что онъ тяготеетъ незнаніемъ о своей дальнѣйшей участи. При началѣ моего съ нимъ разговора я не могъ добиться ни до чего, но мало по малу онъ сталъ поддаваться на мои вопросы и объяснилъ слѣдующее:

„Бейдеманъ утверждаетъ, что, несмотря на его желаніе отправиться въ южную Европу и въ особенности въ Италію, онъ этого исполнить не могъ, не имѣя къ тому денежныхъ средствъ. Всѣ 14 мѣсяцевъ своего бѣгства онъ провелъ въ Швеціи, изрѣдка переѣзжалъ въ Норвегію, слѣдилъ оттуда за ходомъ дѣлъ въ Россіи, и когда узналъ о возникшихъ крестьянскихъ безпорядкахъ въ Казанской и Пензенской губерніяхъ, то намѣревался отправиться туда и пропагандою своею поддерживать въ крестьянахъ духъ волненія. На этотъ конецъ имъ составленъ проектъ манифеста, найденный при немъ и уже извѣстный Вашему Сіятельству изъ предшествовавшихъ моихъ донесеній. На замѣчаніе мое, что, не сомнѣваясь самъ въ смерти вели-

каго князя Константина Павловича, онъ слѣдовательно ложью хотѣлъ взбунтовать крестьянъ, Бейдеманъ отвѣчалъ, что „можно прибѣгать къ лжи противъ лжи и что правительство наше „ложь“. Я старался дознаться, не участвовалъ ли Бейдеманъ въ какомъ-либо скандинавскомъ обществѣ, но убѣдился, что онъ о нихъ не имѣетъ и понятія и не сочувствуетъ скандинаво-финской пропагандѣ. Въ послѣдствіи Бейдеманъ убѣдился, что крестьянскіе безпорядки будутъ непремѣнно подавлены распоряженіями правительства и что дѣйствіямъ его не предстоитъ успѣха; тогда Бейдеманъ рѣшился посягнуть на жизнь его величества, какъ на единственный способъ выгнать переворотъ въ Государствѣ, и для исполненія сего купилъ револьверъ, который при немъ и найденъ.

„Бейдеманъ подтвердилъ все сказанное имъ въ первый разъ о намѣреніи отправиться въ Архангельскую губернію и сближаться тамъ съ раскольниками. На намекъ мой, что подъ вліяніемъ чувства фанатизма, онъ присваиваетъ себѣ такіа дѣла, отъ которыхъ онъ бы несомнѣнно отступился, Бейдеманъ остался непреклоннымъ и отвѣчалъ, что жертвуетъ своею жизнью лишь тотъ человѣкъ, который проникнуть мыслью необходимости того, что онъ задумалъ и что „цареубійство не дѣлается изъ любви къ искусству“.

„Я не могъ возбудить въ Бейдеманѣ ни малѣйшаго чувства раскаянія, онъ выражалъ одно желаніе — о скорѣйшемъ рѣшеніи его судьбы и въ особенности—предстать предъ военный судъ.

Прочтя докладъ графа Шувалова, царь надписалъ: „окончательное приказаніе дамъ по возвращеніи“. Александръ II находился, очевидно, въ полномъ недоумѣніи. Обращаясь съ политической исповѣдью и открывая по доброй своей волѣ свое намѣреніе на цареубійство,—безъ его признанія это намѣреніе никогда не было бы открыто—Бейдеманъ задалъ, дѣйствительно, задачу. Выдача самого себя казалась властямъ дѣломъ противоестественнымъ, ибо они не были въ состояніи понять, что подобное заявленіе могло вытекать изъ благороднѣйшихъ побужденій человѣческаго духа. Что къ этому чистѣйшему протесту могла толкать исключительно ненависть и презрѣніе къ существовавшему строю. Бейдеману было всего на всего 21 годъ; будь онъ постарше, онъ, можетъ быть, и справился бы съ увлекавшимъ его аутистическимъ настроеніемъ и смолчалъ бы о своихъ замыслахъ. Въ дѣлѣ Бейдемана онъ самъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ и единственнымъ обвинителемъ. Странно было бы предать его суду на основаніи такихъ данныхъ. Графъ Шуваловъ подсказывалъ рѣшеніе—не предавать суду; ибо судъ былъ бы демонстраціей; царь признавалъ резоннымъ этотъ совѣтъ, не давалъ разрѣшенія на преданіе Бейдемана военному суду, но, очевидно, и самъ не зная, какъ быть съ Бейдеманомъ, и все откладывая окончательное рѣшеніе.

Послѣдняя бесѣда съ Шуваловымъ очень взволновала Бейдемана. Нацѣкнувъ о письмѣ къ родственникамъ, о которомъ, какъ помнитъ читатель, III Отдѣленіе освѣдомилось изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, Шуваловъ попалъ на больное мѣсто Бейдемана. Послѣдній представилъ себѣ картину розысковъ родственниковъ, ихъ допросовъ, быть можетъ, ихъ ареста и взволновался. Испросивъ черезъ коменданта разрѣшеніе писать, Бейдеманъ 8 октября обратился съ слѣдующимъ заявленіемъ:

„Въ послѣднее ваше посѣщеніе вы намекнули мнѣ о письмѣ, которое я будто бы писать моимъ родственникамъ изъ за границы. Я отказался отъ этого не изъ подлого малодушія, но потому, что я дѣйствительно ничего и никому не писалъ изъ за границы. Съ другой стороны, не желая мѣшать въ свое дѣло слишкомъ дорогихъ для меня именъ, совершенно непричастныхъ ни моимъ поступкамъ, ни моимъ намѣреніямъ, я обращаюсь къ вамъ, какъ къ благородному человѣку, и прошу не касаться ничѣмъ моихъ родственниковъ. Я не хочу, чтобы тѣ, которыхъ я свято уважаю, сдѣлались предметомъ полицейскихъ вопросовъ.—это, по моему мнѣнію и убѣжденію, было бы гнусно и преступно. Что же касается до отправленія моего къ Гарибальди, то на этотъ счетъ я вамъ дамъ личное объясненіе. Я вполнѣ надѣюсь на ваше благородство и думаю, что вы оставите въ сторонѣ тѣхъ, которымъ я дѣйствительно писалъ, но которые совершенно не причастны моему дѣлу. Отъ письма, писаннаго мною изъ Финляндіи, я не отказываюсь, какъ не намѣренъ отказаться отъ всего того, что вамъ писалъ и говорилъ. На всякое ваше недоумѣніе я самъ буду давать объясненіе—и думаю, что мѣшать въ мое дѣло другихъ значить пускать въ дѣло гнусное полицейское крючкотворство, которое было бы васъ недостойно и къ которому вы сами объявили себя неспособнымъ. Надѣюсь, что въ этомъ дѣлѣ вы поступите не какъ начальникъ III Отдѣленія, а какъ благородный человѣкъ.

Михаилъ Бейдеманъ.

„Въ письмѣ къ моимъ родственникамъ изъ Финляндіи я дѣйствительно выразилъ желаніе ѣхать къ Гарибальди—на этотъ счетъ вы получите мое личное объясненіе. Сознаніе факта съ моей стороны обязываетъ васъ оставить въ покоѣ тѣхъ, которые сообщили вамъ этотъ фактъ. Этого требуютъ и юридическое пониманіе и здравый смыслъ. М. Б.“

Справедливость требуетъ сказать, что III Отдѣленіе не разыскивало родственниковъ Бейдемана, получившихъ письмо, но не въ силу снисхожденія къ его просьбѣ, а скорѣе по соображеніямъ о сохраненіи полного секрета въ дѣлѣ Бейдемана, и прежде всего о сохраненіи въ тайнѣ его ареста.

Въ отвѣтъ на это заявленіе II Отдѣленіе предложило 25 октября коменданту разрѣшить Бейдеману писать и то, что будетъ имъ написано, доставлять. Одновременно послѣдовало и другое распоряженіе: на содержаніе Бейдеману, вмѣсто отпущавшейся ранѣе суммы въ 18 коп., явно недостаточной, князь Долгоруковъ приказалъ отпускать по 50 коп. Надо добавить, что съ момента своего заключенія въ рavelинъ Бейдеманъ былъ единственнымъ заключеннымъ вплоть до 14 октября, когда сюда былъ доставленъ М. Л. Михайловъ.

Все движеніе по дѣлу Бейдемана заключалось въ тѣхъ запискахъ, которыя онъ писалъ въ рavelинъ; а вся дѣятельность III отдѣленія по этому дѣлу состояла исключительно въ подшиваніи этихъ записокъ къ дѣлу. Безъ всякаго преувеличенія: весь процессъ Бейдемана сводился исключительно къ этимъ дѣйствіямъ. Нашъ долгъ передъ памятью Бейдемана обязываетъ насъ воспроизвести всѣ его объясненія, въ которыхъ онъ открывалъ свою душу и свои мысли.

Между тѣмъ, графъ Шуваловъ, совершая стремительную карьеру, уступилъ свой постъ начальника штаба корпуса жандармовъ и уи-

равляющаго III Отдѣленіемъ А. Л. Потапову, свиты Е. В. генераль-маіору. До назначенія А. Л. Потаповъ работалъ въ слѣдственной комиссіи и генеральномъ судѣ по разслѣдованію злоупотребленій и безпорядковъ въ дѣлѣ снабженія войскъ во время войны 1854 года, въ 1860 году исправлялъ должность оберъ-полицмейстера въ Петербургѣ и въ этомъ же году ту же должность въ Москвѣ. Въ 1861 году онъ принялъ порученіе произвести преобразование Варшавской полиціи.

26 октября Бейдеманъ адресовалъ свое новое заявленіе уже Потапову:

„Вы предложили мнѣ изложить въ историческомъ порядкѣ всѣ обстоятельства, которыя сопровождали мое житье-бытье за границу.

„Пользуясь этимъ случаемъ, я хочу объяснить, кромѣ предложеннаго пункта, все то, что было мною написано г. Шувалову въ первомъ моемъ объясненіи, неудовлетворительномъ въ томъ отношеніи, что оно было написано подъ впечатлѣніемъ желанія высказать мое личное чувство—а я не обставилъ дѣла изложеніемъ тѣхъ фактовъ, которое бы дало болѣе юридическій характеръ моимъ объясненіямъ. Причиною этого было недоразумѣніе, выразившееся на первый разъ тѣмъ, что во мнѣ видѣли орудіе чьихъ-то замысловъ, и дѣло приняло другое направленіе. Имѣя совершенно отвращеніе отъ разнаго рода мистификацій, я постараюсь, елико возможно, очертить все дѣло спокойно и отчетливо, не отступая ни на шагъ отъ всего того, что было высказано мною прежде.—

„Во первыхъ, признаюсь, мнѣ всегда казалось смѣшною жалкая близорукость нашего правительства, которое убѣждено, что всѣ опасныя для него идеи навѣваются нашему несчастному православному люду изъ-за моря. Всякая человѣческая мысль, всякое благородное слово негодованія—были принимаемы, какъ отголосокъ тамъ шн ихъ партій, то демократовъ, то конституціоналистовъ, иногда республиканцевъ, а подъ часъ и коммунистовъ. Это жалкое заблужденіе тѣмъ болѣе непростительно, что оно не могло не замѣтить само-бытнѣй жизни русскаго общества и народа: не нужно быть демократомъ, чтобы негодовать на произволъ; даже не подозрѣвая существованія коммунизма, можно презирать грабежъ и неправду. Русское возстаніе—результатъ сознанія собственныхъ силъ, сознанія безобразія и неправоты той обстановки, которою окружено русское развитіе. Народъ встанетъ не для того, чтобы осуществить какую-нибудь теорію, а для того, чтобы отомстить за свое рабство, чтобы завоевать себѣ человѣческія права. Все это я сказалъ не для красоты слова, а для того, чтобы разъяснить свои отношенія къ этому вопросу. Я уже выше сказалъ, что во мнѣ хотѣли видѣть субъекта (выражаясь юридически), зараженнаго идеями демократизма, замыселъ котораго былъ результатомъ исключительнаго господства одной мысли (*idée fixe*). Во мнѣ видѣли фанатика, который, въ безсознательномъ стремленіи къ осуществленію своего идеала, рѣшился на царевубійство. Оставляя, пока, въ сторонѣ свои идеалы и желанія, я для прекращенія подобныхъ недоразумѣній и больше всего для очищенія собственной совѣсти, отстраняю отъ себя эту роль благороднаго самопожертвованія, которая во всякомъ случаѣ заслужила бы мнѣ если не любовь народа, то полное уваженіе его. Стрѣлять въ кого бы то ни было изъ любви къ искусству, изъ одного желанія во что бы то ни стало сдѣлаться жертвою—эта мысль всегда была отъ меня далека, не потому, чтобы во мнѣ не нашлось глубокаго сочувствія ко всякому благород-

ному подвигу, а потому, что подобныя жертвы, хотя и оставляють слѣды, рѣдко достигаютъ своей цѣли. Мнѣ хотѣлось другого. Я видѣлъ въ достиженіи своей цѣли царевубійства не торжество демократіи въ Россіи, не осуществленіе своихъ мыслей и идеаловъ, а начало того движенія, которое такъ или иначе разрушило бы настоящій порядокъ вещей. Я не былъ адептомъ какой бы то ни было политической секты,—я только желалъ, желаю и буду желать счастья и человѣческихъ условій общественнаго быта своему народу. Еще разъ повторяю, что не нужно вліянія никакихъ партій, а побольше любви къ русскому человѣку, да каплю здраваго смысла, чтобы, скрѣпя сердце, ударить съ плеча въ безобразное правительственное скопище, которое насъ давитъ, душитъ и грабитъ.—

Изъ всего этого вы видите, что мое дѣло очень просто: никакихъ демократическихъ или скандинавскихъ партій, никакихъ заговоровъ и т. п. Я просто человѣкъ, оскорбленный до глубины души наглымъ произволомъ, возмутительнымъ развратомъ и всѣми мерзостями нашего милаго правительства. Тутъ дѣло не въ Гарибальди и не въ Орсини, которыхъ я отъ души люблю и уважаю, а въ нашихъ доморожденных кондотьеряхъ, грабящихъ и убивающихъ народъ, въ доказательство своего отеческаго попеченія объ немъ.

Мнѣ остается теперь отвѣчать на вашъ вопросъ о жизни моей за границей. Въ этомъ случаѣ я постараюсь освѣтить ее настолько, насколько это нужно для юридическаго взгляда на предметъ. Подробное описаніе моего житія-бытія было бы слишкомъ скучно и утомительно, а главное не дало бы никакой пищи самой тонкой казуистикѣ. Начну съ того, что предположеніе мое объ отправленіи къ Гарибальди не осуществилось, и я даже долженъ былъ остаться въ Швеціи. Отыскивая матеріальныя средства для своего существованія, я переходилъ изъ одного города въ другой, занимаясь ручною работою. Не надобно забывать, что конецъ прошлаго и начало настоящаго года были ознаменованы блестящими подвигами нашего правительства, въ которыхъ оно, казалось, хотѣло превзойти самого себя. Я не буду говорить обо всемъ, что сдѣлано имъ въ это время, замѣчу только самыя крупныя сюрпризы. какъ, напримѣръ, Варшавскій Сѣздъ, безсмысленная политика въ отношеніи къ Италіи, которые, конечно, во всякомъ русскомъ, неповрежденномъ въ здравомъ смыслѣ, должны были возбудить самое желчное негодованіе ¹⁾ и если эти нелѣпыя и вредныя для русскаго народа выходки не были встрѣчены полнымъ гласнымъ сопротивленіемъ, если они не

¹⁾ Бейдеманъ имѣетъ въ виду предпріятіе русскаго правительства по внѣшней политикѣ въ 1860 году. Въ октябрѣ состоялся въ Варшавѣ сѣздъ трехъ монарховъ: Александра II, императора австрійскаго и принца-регента прусскаго. Въ итальянскомъ вопросѣ русская дипломатія, вѣчно боявшаяся революціи, логично стала за законныя правительства и противъ итальянскаго освободительнаго движенія. Самъ Александръ II строго осуждалъ предпріятіе Гарибальди на Неаполь и потворство ему со стороны сардинскаго двора. А когда сардинскія войска, не объявляя войны, вступили въ Церковную область, и графъ Кавуръ объявилъ о намѣреніи присоединить Неаполитанское королевство къ Сардиніи, русская миссія, по приказанію Александра II, была отозвана изъ Турина. См. С. С. Татищевъ. Импер. Александръ II, Спб. 1903, т. I, стр. 266—269. Варшавскому Сѣзду посвящена блестящая статья Герцена: «Es reiten drei Reiter» въ № 85 «Колокола» отъ 15 ноября 1860 года. Отголоски этой статьи чувствуются и въ ироническихъ строкахъ Бейдемана. Объ отозваніи миссіи—статья въ № 84 «Колокола» отъ 1 ноября 1860 года подъ заголовкомъ «Самодержавная демонстрація».

вызвали открытаго протеста со стороны общества, то это можно развѣ объяснить только непонятнымъ ослынымъ терпѣніемъ нашего общества!.. Не стану расписывать настоящаго порядка вещей — скажу только, что вся эта меразость можетъ довести всякаго человѣка до мщенія и остервененія... Но пресловутый манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, да гнусное убійство несчастныхъ поляковъ — заставили меня убѣдиться, что хорошаго ожидать нечего, что крестьянская кровь требуетъ отомщенія, словомъ, что только тогда рухнетъ вся гадость нашей жизни, когда народъ встанетъ на ноги... Средство, которое я избралъ, мнѣ показалось самымъ вѣрнымъ. Остальное вы знаете изъ перваго моего объясненія, написаннаго г. Шувалову.

„Въ Швецію я не имѣлъ сношенія ни съ какою политической партіею, ни съ кѣмъ не велъ переписки, — это говорю для того, чтобы успокоить наше правительство; я даже смѣю увѣрить его, что если бы даже я и хотѣлъ этого, то не имѣлъ въ этомъ случаѣ никакой физической возможности. Всякіе полицейскіе розыски будутъ напрасны — тамъ даже не знаютъ моего имени.“

„Кончая все это, я еще разъ повторяю, что я не выраженіе или орудіе какой-нибудь партіи, и если я и рѣшился на ударъ, то это не для осуществленія своихъ идеаловъ, а потому, что видѣлъ необходимость рѣшиться на это. Помочь моей бѣдной родинѣ было единственнѣмъ и самымъ сильнымъ моимъ желаніемъ.“

„На все, что могло бы возбудитъ ваше недоумѣніе въ написанномъ, я готовъ дать вамъ личное мое объясненіе.“

Михаилъ Бейдеманъ.

„Городовъ, въ которыхъ я жилъ, не называю — я полагаю это совершенно лишнее, скажу только, что обратный путь въ Россію я началъ съ юго-западной стороны Швеціи, и въ Торнео перешелъ русскую границу.“

И эту записку Бейдемана прочелъ Александръ II и изволилъ положить резолюцію: „Она ничего не заключаетъ въ себѣ ни новаго, ни особеннаго“.

Слѣдующій документъ дѣла о Бейдеманѣ — подписанная княземъ Долгоруковымъ маленькая записочка на почтовомъ листкѣ: „Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: поручика Михаила Бейдемана оставить въ Алексѣевскомъ рavelинѣ впредь до особаго распоряженія“.

5.

Потянулись дни, недѣли, мѣсяцы заточенія. Все движеніе по дѣлу Бейдемана заключалось въ подшитіи къ дѣлу его объясненій и произведеній, писанныхъ въ крѣпости. Бейдеманъ оставался еще при прежней непримиримости и непреклонности своей революціонной исповѣди. И каждое новое его объясненіе еще усугубляло тяжесть его положенія: къ такой твердости III Отдѣленія вообще не было приучено. 5 января 1862 года Бейдеманъ съ пылкостью писалъ:

„Изъ всего сказаннаго и написаннаго до сихъ поръ можно вывести, самымъ строгимъ и послѣдовательнымъ порядкомъ, заключеніе о причинѣ моего возвращенія изъ Швеціи, — о намѣреніяхъ, которыя я желалъ привести въ исполненіе, однимъ словомъ о всѣхъ тѣхъ“

обстоятельствахъ, которыя необходимы для новаго судебного обслѣдованія моего дѣла. Въ немъ до сихъ поръ остается только одно темное мѣсто: причина, побудившая меня выѣхать изъ отечества. Желая сдѣлать все дѣло яснѣе, такъ сказать, удобоваримѣе, я хочу дать нѣсколько объясненій объ этомъ пунктѣ.

„До сихъ поръ я рѣшительно отказывался отъ этого, — и мое новое намѣреніе — результатъ не четырехмѣсячнаго просябанія въ Алексѣевскомъ равелинѣ, а слѣдствіе болѣе полнаго обсужденія моего настоящаго положенія. Признаюсь, что послѣ того, какъ я очень ясно выразилъ свой взглядъ на настоящее правительство, съ моей стороны было бы непростительною слабостью, если не сказать ребячествомъ, скрывать то, что нераздѣльно связано съ этимъ взглядомъ. Причина, побудившая меня оставить отечество, та же самая, которая побудила меня возвратиться въ него: желаніе уничтоженія настоящаго правительства, современныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ и твердое намѣреніе, на обломкахъ этого уродливаго зданія содѣйствовать къ устройству такого государства, такихъ общественныхъ отношеній, которыя бы были сообразны съ правдою, съ здравымъ смысломъ и съ настоящими и будущими потребностями русскаго народа. О подробностяхъ моего плана по томъ обстоятельству, почему я избралъ Финляндскую дорогу для своего удаленія, и, наконецъ, почему самое мое удаленіе изъ Россіи было необходимо для выполненія моихъ намѣреній, я не хочу распространяться: оно совершенно бесполезно: если бы мнѣ удалось ихъ выполнить, я бы не сидѣлъ въ настоящее время въ равелинѣ. Это самое ясное объясненіе, которое я могу дать на вышеприведенный вопросъ: излишнія подробности затемнили бы только дѣло.

„О житіи моемъ въ Швецію я уже писалъ, это такой пунктъ въ моемъ дѣлѣ, который выходитъ изъ сферы полицейскаго разслѣдованія и объ который рушатся всѣ махинаціи не одного III Отдѣла, но всѣхъ 4-хъ Отдѣленій вкупѣ. Швеція имѣетъ счастье принадлежать къ тѣмъ немногимъ государствамъ Европы, которыя не терпятъ полицейскаго вышательства чужого правительства. Всѣ же обстоятельства моей жизни въ Финляндіи, по возвращеніи моемъ изъ Швеціи, могутъ быть дознаны — въ этомъ случаѣ мнѣ нечего прибавлять или объяснять.

„Но можетъ родиться слѣдующій вопросъ: не имѣлъ ли я сообщниковъ своихъ замысловъ до удаленія моего изъ Россіи? Объ этомъ вѣскольکو словъ. При современномъ напряженномъ состояніи нашего общества легче, чѣмъ когда-нибудь, составлять заговоры, но я былъ всегда того мнѣнія, что въ русской жизни заговоры, несмотря на всю энергію и дѣятельность своихъ членовъ, не достигаютъ и не достигнутъ своей цѣли, потому что они — выраженіе меньшинства русскаго общества, слишкомъ отдаленнаго отъ народа. Моя цѣль — подвѣять народъ, подвѣять 40 мил. крестьянъ, передъ которыми и тайная и явная полиція совершенно безсильна, а для открытія заговоровъ правительство держитъ огромную шайку шпионовъ, въ мундирахъ небснаго цвѣта (свѣтло-голубой) и сезъ оныхъ, — они и открываются. Слѣдовательно, было бы слишкомъ близорукко съ моей стороны составлять какія бы то ни было общества. Если бы народъ, т. е. крестьяне, объявили открытую войну правительству, — чего я хотѣлъ достигнуть, — тогда съ заговоры для

борьбы съ настоящимъ правительствомъ сдѣлались бы бесполезными,—оно обрушилось бы безвозвратно и навсегда.

Михаилъ Бейдеманъ.

„Говоря о Швеции, я не могу безъ негодованія вспомнить о томъ позорномъ дѣлѣ, которымъ заклеимило себя недавно настоящее правительство.—Не удивительно бы было, если бы подѣйшшее правительство въ мирѣ—австрійское—изъ дружбы къ Россіи,—которой она тайный, недоброжелательный и всегдашній врагъ,—послало бы въ Зимній Дворецъ хлопотать о преслѣдованіи всякой свободной русской мысли: не удивительно бы было, если бы на самомъ верху Сухаревой башни стараніями австрійскихъ графовъ изъ передней этого дворца была построена обсерваторія для австрійскихъ шпионовъ, въ видахъ наблюденія за московскими славянофилами: но безконечнаго презрѣнія заслуживаютъ такіе дальновидные умы, какъ Замятинъ, которые вносятъ на утвержденіе Государственнаго Совѣта мнѣнія о преслѣдованіи русскихъ за ненависть къ Австріи, и преступно со стороны Государственнаго Совѣта утверждать подобные образчики умственной наглости, рабства и крайняго презрѣнія къ русскому народу ¹⁾.—Какъ

¹⁾ Гнѣвная приписка къ письму вызвана правительственной мѣрой, которой «Колоколъ» посвятилъ дѣя замѣтки въ № 93 отъ 1 марта 1861 года и въ № 95 отъ 1 апрѣля. Конечно, изъ этихъ замѣтокъ узнать о ней и Бейдеманъ. Въ № 93 «Колокола» подъ заголовкомъ: «Послѣднее убѣжище изгнанниковъ закрыто» читаемъ: У г-жи Замятинной есть мужъ, исправляющій должность великаня и нѣмого евнуха при императорскомъ сералѣ юстиціи. Оказывается, что не большого роста великанъ и въ нѣмые не годится: онъ такъ громко сталъ вздоръ молотъ, что даже въ Таймсѣ раздалось (Times 16 February). «Сенатскія вѣдомости» обнародовали законъ (Англичане не имѣютъ другого слова для этого рода бумагъ), утвержденный государемъ по представленію Замятнина о преслѣдованіи преступленій противъ монарховъ, находящихся въ дружескихъ сношеніяхъ съ Россіей. На основаніи этого закона будетъ сдѣлана конвенція между Россіей и Австріей о наказаніи государственныхъ преступниковъ. А въ № 95 дано дополнительное сообщеніе подъ заголовкомъ «Розги и плети, употребляемыя международно». «Иностранная газета, передавая русскія новости, часто вводитъ насъ въ ошибки. Такъ Теймсъ разсказалъ совсѣмъ невѣрно Замятнинскій законъ о наказаніи государственныхъ преступниковъ противъ другихъ государствъ (См. Кол. 93); на дѣлѣ онъ гораздо гнуснѣе, вотъ что напечатано въ СПб. Вѣдомостяхъ: «Государственный совѣтъ, мнѣніемъ своимъ, высоч. утвер. 16 іюня 1858 г., положили: предположеніе главноуправляющимъ II отд. собств. е. и. в. канцеляріи дополненіе подлежащихъ статей Уложенія о наказаніяхъ, имѣющее служить основаніемъ для заключенія условія съ австрійскимъ правительствомъ о взаимности наказаній по государственнымъ преступленіямъ, утвердить, и, вслѣдствіе того, постановить. Если одно изъ преступленій, означенныхъ въ ст. 293, 264, 265, 271, 272 и 275 улож. о наказаніи, будетъ учинено—противъ иностраннаго государства, съ которымъ, на основаніи трактатовъ или обнародованныхъ о томъ узаконеній, постановлена надлежащая, въ семь отношеніи, обоюдная взаимность или же противъ верховной того государства власти, виновные, буде къ сему не присоединяется и преступленіе, подлежащее другому, болѣе тяжкому наказанію, приговариваются: къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ какъ лично, такъ и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ и къ ссылкѣ на житье въ губерніи Томскую и Тобольскую, или же, если они не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, къ наказанію розгами, въ мѣрѣ, определенной ст. 33 сего уложенія для четвертой или пятой степени наказаній сего рода, и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, или отъ одного года до двухъ лѣтъ. Когда-жъ сіе преступленіе учинено съ увеличивающими вину обстоятельствами, то къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, въ мѣста не самыя отдаленныя, а буде они не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, и къ наказанію плетями черезъ палачей, въ мѣрѣ, определенной ст. 22 сего уложенія для второй степени наказаній сего рода».

согласить подобныя уродливыя явленія правительственнаго разврата съ нотами пустоглаголящаго министра Горчакова, въ которыхъ онъ торжественно объявляетъ передъ лицомъ всей Европы, что русское правительство въ своей политикѣ будетъ преслѣдовать интересы своего народа,—что же это, какъ не возмутительная насмѣшка и надъ русскимъ народомъ и надъ здравымъ смысломъ!

Но дорого платять за подобныя насмѣшки.

М. Бейдеманъ.

7.

25 января 1862 года, по желанію Бейдемана, его посѣтилъ генералъ Потаповъ, не оставившій никакого отчета о своей бесѣдѣ съ заключеннымъ. Надо думать, что она прошла недружелюбно, ибо навѣяла Бейдеману слѣдующее оригинальное произведеніе.

Нѣчто объ Утопіи.

(Посвящается г-ну Потапову).

Не все то золото, что блеститъ.

(Русская пословица).

Въ словарь человѣчества есть нѣсколько словъ, судьба которыхъ очень замысловата. Сказанное, обыкновенно, отдѣльною личностью извѣстной національности на извѣстной почвѣ, получаетъ то слово право гражданства у всѣхъ народовъ, на различныхъ почвахъ; повторяютъ то слово всегда и вездѣ, говорятъ то слово кстати и некстати. Къ такимъ привилегированнымъ словамъ принадлежатъ бесспорно и слово Утопія (Utopie, Utopien). Сказала то слово могучее, на англійской почвѣ, одна изъ громаднѣйшихъ личностей XVII столѣтія Томасъ Моръ (Thomas Morus), раздавленная подъ гнетомъ деспотизма Генриха VIII. Въ своей книгѣ, написанной по тогдашнему обычаю на латинскомъ языкѣ и озаглавленной словомъ Utopia, онъ произносилъ страшное слово осужденія тогдашнему порядку вещей и тогдашнему общественному устройству; могучей рукой рисовалъ онъ и другое общество и другія общественныя отношенія. Заклеймили тѣмъ словомъ всякую честную мысль объ уродливой постройкѣ совершеннаго общества, всякую благородную мечту о человѣческомъ и нравственномъ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ существованія, и объ совершенной умственной свободѣ всѣхъ личностей въ кастическомъ обществѣ. Пошло гулять съ тѣхъ поръ то слово по бѣлому свѣту: шипять его шипомъ змѣинымъ и бояре—помѣщики, и сановники со вельможами и генералы шитые,—больно любятъ они то слово безсмысленное; шипять его всѣ ученые тупоумные, шипить его всякая тварь подколодная. Но дѣйствительно ли все то утопія, что мечтается; и все то суть, что существуетъ? Дѣйствительно ли былъ утопистъ Гракхъ Бабефъ, который за свои убѣжденія сложилъ голову на эшафотѣ, и дѣйствительно ли практическіе умы—та стая пошлыхъ французскихъ экономистовъ, какъ напр.: Мишель Шевалье, Воловскій

и etc., которые уживаются съ такимъ подло-наглымъ правительствомъ, какъ правительство Луи Наполеона? Дѣйствительно ли былъ утопистъ Робертъ Оуенъ, котораго вся жизнь была однимъ подвигомъ, и дѣйствительно ли правдивые люди такіе дѣятели, какъ Маколей, Брумъ, Пальмерстонъ и Гладстонъ?... Дѣйствительно ли были утописты Стенька Разинъ и Емельянъ Пугачевъ, которые погибли страшною смертію въ рукахъ подло-низаго (не русскаго) правительства, и дѣйствительно ли благородные граждане и практическіе дѣятели, такая сволочь, какъ Панинъ, Долгорукинъ, Гагаринъ, Игнатьевъ (Анаеема!!!), Муравьевъ¹⁾, Бутковъ, Строгановъ, Адлербергъ²⁾, и т. д. Дѣйствительно ли утописты такія свѣтлыя личности, какъ Огаревъ и Герценъ, и дѣйствительно ли практическіе дѣятели, такіе умишки, какъ Бабстъ³⁾, Чечеринъ, Безобразовъ и другая московская кислятина?... Съ другой стороны что такое нелѣпое самодержавіе, какъ ни величайшая утопія? (Разумѣется съ точки зрѣнія пользы, какую оно приноситъ обществу, а не съ точки зрѣнія особъ первыхъ трехъ классовъ, т. е. покрѣпленія грабежа, чиновническаго разбоя, всякой неправды и другой гадости). Что такое наше чиновничество, какъ не утопія? (Опять таки съ точки зрѣнія общественной пользы, а не съ точки зрѣнія г. Переверзева, который въ министерствѣ финансовъ, доказать, какъ дважды два—четыре, что честность есть утопія, потому самому его сдѣлали сенаторомъ⁴⁾ для доказательства другой аксіомы: справедливость и правдивость есть утопія, что онъ и не замедлилъ доказать). Что такое весь нынѣшній порядокъ вещей, какъ не утопія? (Опять съ точки зрѣнія пользы русскому народу, а не съ точки зрѣнія такой нѣмецкой ж... какъ Адлербергъ, которому больно мило и грабежъ администраціи, и неправда въ судахъ, и рабство, и безответственный разбой, и преслѣдованіе всякой свободной русской мысли: больно мило ему и министерство двора и темная театральная дирекція съ чиновническимъ характеромъ. По нашему крайнему разумію его бы давно пора nach Vaterland, пускай бы цѣловался тамъ съ Минной Ивановной⁵⁾).

— На первые вопросы, отвѣчаю — нѣтъ.

— На вторые вопросы, отвѣчаю — да.

„Теперь нѣсколько словъ къ вамъ, г. Потаповъ. Вы—утопистъ потому самому, что вы должны или отказаться отъ здраваго смысла, или оставить III Отдѣленіе. Я называю утопіей желаніе принести пользу русскому народу, служа въ III Отдѣленіи: адрачій смыслъ

прошу г. читателя, т. е. г-на III Отдѣленія, извѣдомить меня, когда отправятъ сего доблаго мужа на покой, я отъ всего сердца скажу ему Анаеему, какъ говорю это Игнатьеву. Примѣчаніе Бейдемана.

¹⁾ Какъ позабытъ такого голубчика. Примѣчаніе Бейдемана.

²⁾ Такъ и слышится картофельная отрывка питерскаго салонника изъ нѣмцевъ, проживающаго на Васильевск. Островѣ. Примѣч. Бейдемана.

³⁾ Доходили эти слухи и до Швеціи. Примѣчаніе Бейдемана. Эта ироническая фраза должна бы быть истолкована, какъ отголосокъ замѣтки «Колокола» о Переверзевѣ въ № 92: «Сенатскія арестантскія роты (Осужденный Переверзевъ)».

⁴⁾ Миня Ивановна, сожительница г. Адлерберга, была притчей Петербурга. Не умолчалъ о ней, конечно, и «Колоколъ». См. напр. замѣтку «Домъ, примчавшійся къ Минѣ Ивановнѣ на почтовыхъ» въ № 84 отъ 1 ноября 1860 г.

осудить всякое тайно-полицейское преслѣдованіе злоупотребленій. Следовательно вамъ остается преслѣдовать нашего брата, а это ужъ того. не для меня,—не безпокойтесь, я и самъ зубастъ,—а для юношей неопытныхъ. Хотя вы и не Богъ знаете что преобразованіи въ Петербургъ и въ Москвѣ (объ вашей дѣятельности въ Варшавѣ я въ неизвѣстности), но все таки вы показали честное русское намѣреніе дѣйствовать добросовѣстно; а за это большое спасибо. Одно странно въ вашей дѣятельности: это быстрое перескакиваніе съ одного мѣста на другое, изъ одной столицы въ другую; или васъ увлекали роковыя слова: Петербургъ, Москва, Варшава, или что-нибудь другое, только это обстоятельство заставляетъ задумываться насчетъ характера вашихъ реформъ. Вѣдь вы не сказочный богатырь, г. Потаповъ, а ужъ тотъ богатырь:

Башни за облакъ кидаетъ.

„На всѣхъ нарусахъ промчавшись мимо трехъ столицъ, бѣлокаменныхъ, вы бросили якорь въ III Отдѣленіе,—это уже изъ рукъ вонъ. Оставьте пожинать лавры на этомъ поприщѣ всякимъ нѣмецкимъ ср... и побъжайте въ Москву преобразовывать полицію на русскій ладъ (только не на нѣмецкій, т. е. не на чиновническій). Этимъ вы избавите честное русское имя отъ позора, и принесете дѣйствительную пользу русскому народу. Не сомнѣваясь въ вашемъ благородствѣ, я думаю, что вы примите этотъ совѣтъ.

Р. S. Если вы встрѣтите г. Шувалова, то передайте ему отъ меня мое русское спасибо за то, что онъ отказался украшать своимъ присутствіемъ III Отдѣленіе, чѣмъ онъ избавилъ еще одно русское имя отъ сраму и вѣчнаго позора.

„Примѣчаніе: Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ я не причисляю даже къ утопіямъ, это такая х....., что я не нахожу дозволено словъ, чтобы выразить его суть: вообще онъ подлѣ ниже всякой подлости, сквернѣе ниже всякой скверности, мерзокъ ниже всякой мерзости, нелѣпѣе ниже всякой нелѣпости и гадокъ ниже всякой гадости...

Михайло Бейдеманъ.

Въ этомъ произведеніи останавливаетъ наше вниманіе нѣсколько бережное и до извѣстной степени снисходительное отношеніе къ Потапову не въ примѣръ бичуемой Бейдеманомъ компаніи Адлерберга, Муравьева, Игнатьева и т. д. Потаповъ для него еще не опредѣлился. Нѣкоторыя подробности о Потаповѣ Бейдеманъ могъ читать въ „Колоколѣ“. Въ № 84 отъ 1 ноября 1860 г. Потаповъ, тогда исправлявшій должность петербургскаго полицмейстера, былъ задѣтъ въ замѣткѣ „Полицейскій маскарадъ Игнатьева“. Въ № 92 отъ 15 февраля 1861 года, сообщая о вступленіи Потапова въ должность Московскаго оберъ-полицмейстера, Герценъ рекомендовалъ ему обратить вниманіе на клоповники при московской ямѣ. По поводу этой замѣтки Герценъ получилъ любопытное «исправительное» письмо, которое онъ напечаталъ въ № 95 отъ 1 апрѣля 1861 года. Авторъ письма вступился за обиженнаго Герценомъ Потапова; онъ пишетъ, что Потаповъ заслуживаетъ благодарности за учрежденный имъ словесный судъ (въ полиціи) въ Москвѣ, за увеличеніе жалованія полицейскимъ чиновникамъ и т. д. Герценъ проницательно высмѣивалъ автора письма, но не отка-

зался признать хорошія черты въ дѣятельности Потапова: „насъ упрекають, что мы, отдавая полную справедливость клопамъ, не хотимъ ее отдать Потапову. Помилуйте, господа, да мы Потапова не знаемъ, готовы вѣрить, что онъ будетъ хорошій оберъ-полицмейстеръ, а свойство клоповъ знаемъ очень хорошо. Да, Потаповъ добродѣтельный оберъ-полицмейстеръ,—мы не споримъ,—мало ли что есть въ Москвѣ, тамъ еще есть Степанъ Петровичъ Шевыревъ, тотъ очень хорошій человѣкъ“... Несомнѣнно, впечатлѣніемъ этой полемики между Герценомъ и авторомъ исправительнаго письма объясняется извѣстная терпимость Бейдемана къ Потапову.

Князь Долгоруковъ, прочитавъ произведеніе Бейдемана, приказалъ „пріобщить его къ дѣлу для соображенія въ случаѣ надобности“.

Пріобщены къ дѣлу и литературныя произведенія Бейдемана: статья „Славянофильство, какъ принципъ“, статья „Объ учрежденіи ярмарки въ м. Довское“ и довольно большая поэма въ стихахъ „Ванюша“. Подражаніе древне-русской повѣсти „Горе-Злосчастіе“. О второмъ изъ названныхъ произведеній мы не будемъ говорить по совершенной его незначительности.

Поэма „Ванюша“. Подражаніе древне-русской повѣсти „Горе Злосчастіе“ не имѣетъ художественныхъ достоинствъ и въ рѣзкой фривольной формѣ повторяетъ въ стихахъ тѣ же мысли, которыя раньше Бейдеманъ излагалъ въ прозѣ. Общая тема—обманъ крестьянства, совершенный Александромъ II въ Положеніи 19 февраля. Вотъ ея краткое содержаніе съ выдержками, которыя дадутъ представленіе о стилѣ и пафосѣ произведенія ¹⁾. Выѣзжаетъ крестьянскій сынъ Ванюша изъ села Неробкаго въ Москву за золотой казной, да за товаромъ краснымъ. Предостерегаютъ его родители противъ горя-злосчастнаго:

Берегись, Ванюша, горе злосчастнаго,
Ходить горе по кабакамъ большимъ, по придорожнымъ,
Нашаго брата выглядитъ, да высматриваетъ;
Сидитъ горе за большимъ столомъ, за зеленымъ,
Бумаги пишетъ хитрыя, красной печатью пропечатывается.
Хуже гада земнаго, да лютаго звѣря, горе-злосчастное...

На столовой дорогѣ завидѣло горе злосчастное Ванюшу: завидны стали горю прыть молодецкая и сила богатyrская. Первое столкновеніе съ горемъ произошло на постояломъ дворѣ.

Надѣвало на себя мундиръ горе злосчастное.
Шапу чиновную съ боку цѣпляло горе горемычное,
Каску съ гербомъ на голову клало горе проклятое,
Царскихъ солдатиковъ громко сзывало горе океанное
Входило въ постоялый дворъ горе гореванье.

Позарилось горе на богатство Ванюши и обобрало его, связало по рукамъ и ногамъ, бросило въ тюрьму, затѣмъ высѣкло его и выбросило на дорогу.

¹⁾ «Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи» была открыта А. Н. Пыпинымъ и впервые опубликована въ «Современникѣ» въ 1856 году. Произведеніе Бейдемана—поддѣлка подъ эту народную повѣсть съ заимствованіемъ словъ, эпитетовъ, цѣлыхъ стиховъ. Литературный анализъ не входитъ въ задачу нашей работы.

Выходилъ Ванюша-богатырь на большую дорогу,
Горькую жисть, да горе-злосчастное проклинаячи:
„Ахъ ты, горе проклятое, злосчастное,
Ужь до чего ты меня, горе, домыкало,
До чего горе-горемычное доѣхало“.
Оглянулся богатырь, а передъ нимъ горе-злосчастное,
Страшное, горе-горемычное:
Нѣтъ на горѣ-злосчастномъ ни кожи, ни рожи,
Хуже старой вѣдьмы, безобразной, горе проклятое.
Сѣрый кафтанъ на горѣ-злосчастномъ весь въ заплаткахъ;
Изъ дыравыхъ сапогъ у горя грязные пальцы выходятъ,
А штаны на горемычномъ солдатскіе, всѣ въ лоскутьяхъ;
На спинѣ у горя, съ пескомъ, ранецъ собачій,
А на боку, у проклятаго, шпага чиновная;
Въ одномъ карманѣ у горя перо канцелярское,
А въ другомъ карманѣ у горя чернила казенныя;
Болтаются на груди у горя двѣ пуговицы мундирныя,
А на одной травкѣ виситъ бумага гербовая,
А на другой виситъ мѣшокъ, большой полотняный.
Денежки въ томъ мѣшкѣ наворованныя да награбленныя;
Всѣ въ крови руки у горя злосчастнаго,
Всѣ въ грязи да въ крови, у горя горемычнаго;
А въ правой рукѣ у горя плеточка сыромятная,
А ужъ въ лѣвой рукѣ у горя розочка вербовая;
Подъ одною мышкою у злосчастнаго книжка конторская,
Подъ другою, у горемычнаго, сказка ревиаская,
Поль головы у горя гладко выстрижена,
А другая, у проклятаго, гладко выбрита,
Окровавленъ носъ у горя злосчастнаго,
Повышиблены всѣ зубы у горя горемычнаго,
А на щекахъ и на лбу у горя знаки черные,
А на спинѣ, у проклятаго, рубцы синіе.

Таково олицетвореніе крѣпостного права. Совсѣмъ было готовъ
былъ склониться передъ горемъ Ванюша, но, вспомнивъ о родныхъ,
о селѣ и о милой, оправился.

Да и пошелъ по дорогѣ столбовой,
А отъ его шагу могучаго, богатырскаго,
Ходуномъ заходила земля подорожная.
Долго ходилъ Ванюша-богатырь по дорогѣ по столбовой,
Долго мѣрялъ большую шагами сажеными,
Не по днямъ, а по часамъ росла въ плечахъ мошь богатырская,
Все сильнѣй, да сильнѣй загоралось сердце молодецкое,
А ужъ тѣмъ огнемъ обожгло черную боязнь, вѣдому косматую,
И почувалъ крестьянскій сынъ волюшку вольную,
Обертывался Ванюша-богатырь на родную сторону,
Да засвисталъ свистомъ молодецкимъ;
А отъ того могучаго свиста, богатырскаго,
Вздогнула матушка Русь православная изъ края въ край.
Много плечъ богатырскихъ порасправилось,
Много сердецъ молодецкихъ загорѣлось.
Доходилъ тотъ свистъ, могучій, богатырскій

До Питера славнаго града, столичнаго,
Всполошились бояре-помѣщики, генералы да сановники—
Крѣпко затылки свои почесали, да ж...ы,
А ужъ нѣмецкій людъ не нѣмецкая дрожъ пробрала.
Задрожали стекла во дворцѣ царскомъ, во зимнемъ,
Вставалъ отъ глубокаго сна царь, государь,
Сонныя очи протираля, руками сидѣнье пробовалъ,
Пробовалъ онъ, на чемъ да какъ сидить,
Да и крѣпка ли та вещь, что трономъ называется.
Созывалъ царь, государь, вельможъ да сановниковъ.

Это собраніе должно было заняться чисткой горя, приведеніемъ въ порядокъ его костюма. Очевидная пародія на комиссіи по выработкѣ Положенія! Царь предлагаетъ вымыть горе:

Приводили горе-злосчастное во палаты каменные,
Окружали горе-горемычное вельможы да сановники,
Окружали его генералы шитые да бояре-помѣщики,
Умывали да одѣвали горе проклятое:
Приносили горю-злосчастному новый кафтанъ весь въ заплатахъ,
А пришиты тѣ заплаты иглою министерской да нитками канцелярскими;
Приносили горю-горемычному новые шаровары, солдатскіе, всѣ въ лоскутьяхъ;
Умывали горю проклятому руки кровавыя,
Да не смывается кровь съ рукъ горя-злосчастнаго,
Больно пригорѣла къ рукамъ горя-горемычнаго;
Мыли горе мыломъ заморскимъ, но не тѣмъ, какимъ надо было.
Изъ-за моря привозили то мыло во Питеръ, приморскій градъ,
Привозили изъ-за синяго на корабляхъ, аглицкихъ мореходныхъ;
Хоть и за моремъ дѣлано то мыло богатырское,
Да дѣлали его два русскихъ мастера искусныхъ;
А у нихъ на головѣ завиваются русыя кудри,
Да въ горячей груди у нихъ сердца молодецкія;
Больно любъ имъ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ.
Больно мылять то мыло затылки и рыла,
У вельможъ, да сановниковъ, да генераловъ шитыхъ,
Больно ѣсть то мыло богатырское бояръ-помѣщиковъ;
Да не даютъ того мыла горю злосчастному,
Больно бояться за горе-горемычное.

Русскіе мастера искусные, конечно, Герценъ и Огаревъ съ ихъ разработкой проектовъ реформы и съ ихъ обличительнымъ „Колодомъ“.

Умывали руки горю проклятому мыломъ составленнымъ;
Ужъ на одну часть мыла заморскаго, богатырскаго
Клади сто частей мыла питерскаго, канцелярскаго,
Да на столько же примѣшивали вонючаго мыла нѣмецкаго...

Въ результатъ махинацій надъ горемъ была изготовлена грамота — положеніе. Съ этимъ положеніемъ горе отправляется къ Ванюшѣ:

Подходило къ молодцу горе-горемычное,
Снимало съ бритой головы картузикъ чиновный горе проклятое,
Говорило ему горе окаянное таково слово:

„Исполать тебѣ, Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ,
Отъ царя, государя, послано къ тебѣ горе злосчастное,
Отъ вельможъ да сановниковъ послано къ тебѣ горе-горемычное,
Отъ генераловъ шитыхъ да бояровъ-помѣщиковъ горе проклятое;
Посылаютъ они тебѣ хитрую бумагу мудреную“.

Отвѣчаетъ горю-злосчастному Ванюша богатырь, крестьянскій
сынъ:

„Не учили меня ни батюшка, ни матушка грамоту читать,
Не учили меня родные перомъ писать“.

Говоритъ ему горе горемычное:

„Хитрую бумагу мудреную прочитаетъ тебѣ горе-злосчастное,
Не въ первой читать мудренныя бумаги горю проклятому“.

Скверно крикнуло горе злосчастное,
Съ одной босой ноги на другую перевалилось горе горемычное.
Стало зычно читать горе проклятое,

Долго читало горе злосчастное,
Долго слушала батюшка-богатырь горе горемычное.

Прочитавши ту хитрую бумагу, мудреную,

Скверно крикнуло горе окаянное,
Съ одной босой ноги на другую перевалилось горе проклятое,

Размахнулъ тогда Ванюша богатырь, крестьянскій сынъ,
Развернулъ тогда молодецъ со всего плеча богатырскаго,
Схватилъ онъ горе злосчастное поперекъ самой груди,
Да и взмахнулъ горе горемычное на аршинъ отъ земли.

А ужъ отъ той хватки богатырской

Помертвѣло страшное горе злосчастное,

Новый кафтанъ на горѣ горемычномъ весь потрескался,
А ниточки канцелярскіе, на проклятомъ всѣ полопались;
Полетѣли изъ рукъ горя злосчастнаго хитрая бумага, мудреная,
Полетѣли съ горя горемычнаго и картузикъ, и шпага чиновная,
Полетѣли изъ рукъ горя проклятаго и плеточка сыромятная, и

розовка вербовая,
Полетѣли съ горя окаяннаго и мѣшокъ полотняный, и бумага
гербовая,

Полетѣли съ горя злосчастнаго и книжка конторская, и сказка
ревизская,

Полетѣли съ горемычнаго и перо канцелярское, и чернила ка-
зенныя,

Полетѣло горе разпроклятое.

Тряхнулъ Ванюша-богатырь, крестьянскій сынъ, горе зло-
счастное,

Тряхнулъ, молодецъ, съ богатырскаго плеча горе горемычное,
Говорилъ онъ горю проклятому таково слово:

„Не обманешь меня, горе злосчастное,

Не отдамъ мірской земли боярамъ помѣщикамъ, горе горе-
мычное.

Больно хитра бумага мудреная,

Да есть у меня смѣтка здоровая,

Есть у меня руки, къ великому дѣлу способныя.

Такъ прочь отъ меня, горе злосчастное!

Сгинь, горе окаянное, горемычное!
Нѣтъ тебѣ съ мной житья, горе разпроклятое!!!
На головѣ у меня завиваются русыя кудри,
У меня въ плечахъ растетъ мощь богатырская,
Да огнемъ горитъ сердце молодецкое!"

Такова поэма Бейдемана. Къ ней онъ сдѣлалъ приписку: „Эту повѣсть сочинялъ, да и написалъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года своимъ землякамъ на радость, а царю-государю, вельможамъ да сановникамъ, да генераламъ шитымъ, да боярамъ-помѣщикамъ—на удовольствіе, крестьянинъ села Н е р о б к а г о, М и х а и л о-Б е й д е м а н ѣ, а ужъ тотъ крестьянинъ:"

Попался въ лапы къ горю злосчастному,
Попалъ въ когти къ горю горемычному,
Да не боюсь я тебѣ, горе злосчастное, окаянное,
Не боюсь тебя, горе горемычное, разпроклятое;
Хоть и нѣтъ у меня въ плечахъ мощи богатырской,
Да горитъ во мнѣ злобное сердце, крестьянское.

Очень цѣнна для выясненія источника политическихъ взглядовъ Бейдемана статья „Славянофильство, какъ принципъ“. Эту статью мы считаемъ нужнымъ привести почти цѣликомъ. При разборѣ политическаго міросозерцанія Бейдемана слѣдуетъ обратить большое вниманіе на эту статью.

Славянофильство, какъ принципъ.

(Дорогой памяти Алексѣя Степановича Хомякова и Константина Сергѣевича Аксакова)

Москва! Какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!

Люблю тебя, мой край родной,
Но на прошедшее смотрю
Съ негодованьемъ и тоской.

А. Пушкинъ.

К. Аксаковъ.

Двухъ самыхъ благородныхъ поборниковъ славянофильства не стало. Не стало ихъ въ то время, въ ту минуту, когда общественное сознаніе, столкнувшись съ глазъ на глазъ съ русскою жизнью, съ кровными русскими вопросами, почувствовало всю недостаточность европеизма для полнаго, живого пониманія этой жизни, всю несостоятельность современной доктрины для разрѣшенія этихъ вопросовъ. Но ихъ дѣятельность оставила слѣдъ: ихъ горячія, задушевныя убѣжденія нашли отголосокъ. Грустная, одинокая кончина Аксакова, вдали отъ горячо-любимой имъ Москвы, на одномъ изъ адриатическихъ острововъ, оплакана многими и многими. Она вытравитъ кровавую слезу изъ русскаго сердца и наполнитъ его негодованіемъ къ тѣмъ людямъ, о которыхъ сказалъ поэтъ:

А вы, презрѣнные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцевъ;
.....
Для васъ и судъ и правда—все молчи!

Да! они сдѣлали свое дѣло,—дѣло сознанія и мысли, дѣло русской будущности. Многое поймется и объяснится иначе,—но основа ихъ ученія—самобытность русскаго развитія—останется неизбежна.—Но много темнаго и нечистаго остается до сихъ поръ на совѣсти славянофильства, много больныхъ мѣстъ, которыхъ не могли залѣчить самыя горячія и искреннія стремленія лучшихъ людей этого толка. Невольно припоминаются всякому тѣ магическія слова ихъ девиза—самодержавіе, православіе и народность, которыя рождаютъ самое горькое чувство сомнѣнія и недовѣрія.—Я сказалъ—ихъ девиза и спѣшу оговориться. Начну сперва съ того, что славянофильство, какъ школа, какъ направленіе, раздѣляется на два отдѣла, которые, несмотря на все отличіе личныхъ убѣжденій людей, составляющихъ ряды ихъ, въ слѣдствіе чисто-русскихъ условій, ратуютъ подъ однимъ знаменемъ. Я настаиваю на томъ, что такихъ дѣятелей, какъ Шевыревъ, Погодинъ и Крыловъ, нельзя смѣшивать съ Хомяковымъ, Аксаковымъ, Кирѣевскимъ и Самаринымъ. Но вотъ что странно: такая благородная личность, какъ Аксаковъ, не имѣющая ничего общаго съ Шевыревымъ ни въ отношеніи современной мысли и науки, ни во взглядахъ на окружающую ихъ среду, глубоко негодующая на всю современную жизнь, становится однако подъ одно знамя съ тѣмъ же Шевыревымъ во имя русской самобытности. Такое явленіе возможно только въ русской жизни, оно говоритъ о томъ грустномъ разладѣ мысли съ жизнью, о той тяжелой борьбѣ, которую горячо вели съ одной стороны наука, глубокая любовь къ русскому народу, къ кореннымъ началамъ его быта, съ другой—сознаніе уродливости всей современной обстановки. Да, наконецъ, и вся эта обстановка была явленіемъ, если не роднымъ, то по крайней мѣрѣ временно-русскимъ, туземнымъ. Вотъ отчего, для того, чтобы не впасть въ явное противорѣчіе своихъ лучшихъ, сердечныхъ вѣрованій съ тѣмъ, что происходило на самомъ дѣлѣ, нужно было, если не защищать, то осмыслить все безсмысліе Николаевского уклада. Вотъ отчего самодержавіе, православіе и народность—сдѣлалось девизомъ ученія тѣхъ людей, которые всѣхъ глубже, всѣхъ кровнѣе страдали за русскій народъ, за русское развитіе.

Время было тяжелое, время преслѣдованія всего того, что было лучшаго въ тогдашнемъ обществѣ,—однимъ словомъ,—время доносцовъ, шпионовъ,—время полнаго чиновно-полицейскаго произвола. Оно прошло—и слава Богу; осталось отъ него нѣсколько государственныхъ дѣятелей, которые, чувствуя полную неспособность сдѣлать что-нибудь хорошаго, по крайней мѣрѣ, при удобномъ случаѣ, испускаютъ изъ себя черную вонючую слізъ, выдаваемую ими за государственныя соображенія. Объ нихъ, какъ и о всякихъ другихъ амфибіяхъ, скоро забудутъ. Историкъ скажетъ о нихъ слово презрѣнія, и только. Во-вторыхъ, и это самое главное, сущность ихъ¹⁾ девиза какъ то плохо клеилась со всѣмъ строенъ тогдашняго времени (если также не теперешняго). Трудно сказать, что было православнаго и народнаго въ тѣхъ бездарныхъ ничтожествахъ остзейскаго происхожденія, которыя составляли главное ядро высшаго государственнаго сословія. Они не понимали, да и не могли понимать русскаго народа,

¹⁾ Относится къ славянофиламъ, а не къ амфибіямъ.

его исторіи, его обычаевъ, его нуждъ; они походили на тѣхъ французовъ-гувернеровъ изъ поваровъ и парикмахеровъ, которыхъ приставляли къ дѣтямъ для хорошихъ манеръ. Главная цѣль ихъ была нажить, выслужиться. О русскомъ народѣ они очень мало заботились.

Но, слава Богу, то время прошло, и опять слава Богу! Много сдѣлано и сдѣлается еще гораздо больше, когда весь аріергардъ Николаевскаго уклада положить орудіе. Я оговорился и приступаю къ дѣлу. Если славянофилы, принимая за начала своего ученія самодержавіе, православіе и народность, хотѣли не защиты, но, по крайней мѣрѣ, осмыслить сущность Николаевскаго уклада, то они впади въ большую ошибку, если не сказать, въ противорѣчіе. Дѣло слишкомъ не соотвѣтствовало основной мысли, и, потому самому, не могло быть осмыслено съ точки зрѣнія ихъ ученія; оттого натянутость и парадоксальность ихъ теорій. Оттого то недовѣріе къ ихъ ученію, которое господствуетъ въ обществѣ; недовѣріе къ прошедшему, произведшее настоящее; къ настоящему, какъ результатъ прошедшаго. Но повторяемъ, Николаевскій укладъ есть явленіе не родное, не почвенное, оно можетъ назваться временно русскимъ, но только временно. Съ 1881 по 1855 г. все это время можетъ называться остзейско-петербургскимъ, но никакъ не русскимъ, если угодно, чухонско-остзейскимъ, но никакъ не славянскимъ.

Но если практическое примѣненіе славянофильскаго ученія было натянуто, то основанія его вѣрны. Русское развитіе имѣетъ свою особенную, только ему принадлежащую почву, отличную отъ европейской. Русь земля, съ самаго начала русская, а потомъ европейская; исторія русскаго народа своеобразная, особенная, не походящая на исторію европейскаго запада. Задача русскаго развитія—въ развитіи своихъ, родныхъ, народныхъ условій общеннаго быта, а не въ слѣпомъ перениманіи чужихъ условій. Европа, если перегнала насъ, то только въ техническихъ средствахъ, во внѣшнемъ употребленіи образованія (понимая подъ этимъ словомъ разумность человѣческой жизни, а не французское, англійское и всякаго рода обезьянства), а не во внутреннемъ его усвоеніи. Вѣдь промышленность и желѣзныя дороги не конечная, не главная цѣль человѣческаго развитія; они только средства къ достиженію этой цѣли, но не самая цѣль. Громадное развитіе промышленности въ Англіи развѣ сопровождалось и сопровождается всегда развитіемъ разумности человѣческихъ отношеній? Нѣтъ, и опять таки нѣтъ. Усовершенствованіе фабричныхъ и заводскихъ пріемовъ и машинъ развѣ усовершенствовало самую жизнь, сдѣлало ли ее пріятнѣе и разумнѣе для нѣсколькихъ милліоновъ рабочаго населенія? Нѣтъ, и опять таки нѣтъ. Но, говорятъ защитники европейскаго направленія, это явленіе есть естественный результатъ—чрезмѣрнаго увеличенія народонаселенія, это органическій законъ развитія всякаго человѣческаго общества, это только темная сторона, которая не можетъ затенить свѣтлыхъ сторонъ англійской цивилизаціи. Но, во-первыхъ, разумность человѣческой жизни состоитъ не въ рабскомъ служеніи органическимъ законамъ природы и общества, а въ ихъ видоизмѣненіи, въ ихъ осмысленіи, соотвѣтственно божескимъ и христіанскимъ законамъ. Въ противномъ случаѣ вся наука, вся цивилизація (какова она бы ни была) не стоятъ сломаннаго гроша. Во вторыхъ,—эта колоссальная промышленность, которая составляетъ самую сильную черту англійской цивилизаціи—

есть также естественный результат большого населенія на маломъ пространствѣ, результатъ счастливаго географическаго положенія. Но населеніе увеличивается вездѣ, а у насъ скорѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, результатомъ этого явленія будетъ и у насъ, какъ и вездѣ, развитіе и усиленіе земледѣльской и фабричной промышленности. Если бы при настоящемъ положеніи дѣлъ Англія понизила бы ежегодную цифру своей фабричной производительности до производительности этой промышленности въ Россіи, то можно навѣрное сказать, что, по крайней мѣрѣ, пятая часть англійскаго населенія померла бы съ голоду. Тамъ тысяча аршинъ суковъ больше или меньше—вопросъ жизни или смерти. Если у мистера Джаксона на фабрикѣ при 500 рабочихъ, работа уменьшится на $\frac{1}{10}$ часть, то 10 работниковъ должны перейти на другую фабрику (что чрезвычайно затруднительно, а иногда просто невозможно) или умереть, какъ римскіе гладиаторы *dans les rues opulents de Londres*. Отъ воркгаузовъ (благотворительныя рабочія учрежденія для бѣдныхъ, содержимыя на доходы *income tax*) всѣ имѣютъ рѣшительное отвращеніе и каждый англійскій работникъ, побывавши тамъ разъ, скорѣе согласится умереть въ одну прекрасную ночь на мраморномъ крыльцѣ еврейскаго банкира, чѣмъ вторично отвѣдать тамошняго хлѣба-соли. Но если приподнять завѣсу, которая закрываетъ уличный бытъ Лондона, то поневолѣ придется убѣдиться, что англійская цивилизація не такъ привлекательна и разумна, какъ изображаютъ ее тупые англomanы. Прибавьте къ этому, что вслѣдствіе раздѣленія труда работникъ теряетъ всякую смѣтку и обращается въ какую-то живую часть машины, неспособную ни на какое другое дѣло—самое обыкновенное, кромѣ своей урочной 10-часовой манипуляціи.

Что же касается до свѣтлыхъ сторонъ англійской цивилизаціи, я ихъ не отвергаю: англійское конституціонное устройство, какъ бы ни было оно односторонне, — сильная основа исторической жизни англійскаго народа: ему онъ обязанъ лучшими сторонами своего государственнаго и общественнаго быта. Но я далекъ отъ доктринерской точки зрѣнія на этотъ предметъ, далекъ оттого, чтобы видѣть въ Англіи альфу и омегу возможнаго современнаго развитія. Да, наконецъ, и вся англійская цивилизація—результатъ англійской исторіи, продуктъ островной почвы; что хорошо у нихъ, можетъ быть хорошо и у насъ, но можетъ быть и не хорошо, и даже положительно скверно. (Замѣчаніе относится не къ замѣтѣ самодержавія прочнымъ конституціоннымъ устройствомъ, а къ множеству другихъ вопросовъ—для III Отдѣла.). Весь вопросъ не въ томъ или другомъ методѣ перениманія то англійскаго индустриализма, то французскихъ модъ, то германскаго школярства: весь вопросъ въ самобытной, непредубѣжденной, однимъ словомъ, нестѣсненной никакою доктриною обработкѣ своихъ, родныхъ условій жизни и быта.

Славянофилы никогда и не думали заключаться въ китайскія рамки исключительности: они только предъявляли право существованія русской мысли—въ и отдѣльно отъ общепринятыхъ европейскіхъ взглядовъ; они утверждали, что если имѣютъ смыслъ слова европейская цивилизація, англійская цивилизація или французская цивилизація, то также имѣетъ смыслъ и слово „русская цивилизація“ (употребляя это слово въ смыслѣ образованности, т. е. разумности человѣческой жизни, а не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ его наши обезьяны). Они проповѣдывали любовное обращеніе къ русскому народу, который, въ вихрѣ

модныхъ теорій, былъ совершенно забытъ нашими умниками. Они о рѣчо протестовали противъ безсмысленнаго перениманія чужого. Они говорили, что если цѣль развитія всякаго общества есть достиженіе идеала, выработаннаго въ томъ обществѣ, то этимъ идеаломъ для русскаго общества должны быть не Франція, не Англія, не Германія, а свой родной идеаль, выработанный русскою исторіею, жизнію русскаго народа; что наконецъ и самый этотъ идеаль въ своемъ основаніи благородіе, трезвѣ, сердечнѣ, любовнѣ; что много было напраснаго увлеченія тѣмъ, что за моремъ, тою блестящею обстановкою, которая окружаетъ бытъ западной Европы; что было слишкомъ много преступнаго равнодушія къ своему несчастному, забытому, родному русскому мужику; что этотъ мужичекъ со всѣмъ своимъ миромъ обычаевъ, повѣрій и предразсудковъ остался непонятымъ, невыслушаннымъ; что, наконецъ, надо поменьше слишкомъ скорого разочарованія и побольше любви сердечной, широкой русской любви.

7.

Въ первыхъ числахъ января 1868 года Бейдеманъ пожелалъ имѣть свиданіе съ Потаповымъ для объясненій. 8 января Потаповъ испросилъ разрѣшенія на посѣщеніе у князя Долгорукова, князь въ свою очередь—у Александра II. 5 января дано было высочайшее разрѣшеніе и 10 января Потаповъ былъ въ равелинѣ. Въ дѣлѣ имѣется скупая помѣтка Потапова: „былъ и лично доложилъ Его Сіятельству“. Очевидно, конечно, что Потаповъ убѣждалъ Бейдемана открыть все. Результатомъ посѣщенія было новое обращеніе Бейдемана уже не къ шефу жандармовъ, а къ самому Государю. Оно не содержало рѣзкихъ обличеній, но не было и просьбы о помилованіи. Это была новая попытка уяснить тюремщикамъ революціонную психологію. Бейдеманъ повторялъ тотъ же анализъ дѣйствительности въ новыхъ выраженіяхъ, на этотъ разъ сдержанныхъ и спокойныхъ, и давалъ то же объясненіе генезису революціоннаго чувства. Но было и новое въ этой его запискѣ. Онъ, во первыхъ открылся относительно своей заграничной жизни и объяснилъ, что, живя въ Лондонѣ, онъ работалъ, какъ наборщикъ, въ типографіи „Колокола“ и, во-вторыхъ, взялъ назадъ свое признаніе въ замыслѣ на царевубійство. Подчеркивая свое намѣреніе вести агитацію въ народѣ—спеціально среди раскольничьяго населенія сѣвера—и поднять возстаніе, Бейдеманъ сознавался въ томъ, что неудача въ самомъ началѣ дѣла, безславный конецъ побудилъ его прибѣгнуть къ маскировкѣ дѣла и оговорить самого себя въ царевубійственномъ замыслѣ. „Все это было не такъ—я долженъ сознаться, но въ моемъ положеніи не было, изъ чего выбирать“—писалъ Бейдеманъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бейдеманъ сдѣлалъ въ своемъ объясненіи очень неясные и таинственные намеки о причинахъ удаленія изъ Россіи. Онъ отказывался открыть правду до конца, говорилъ, что это выше его силъ, указывалъ на какія-то тяжелыя обстоятельства, повидимому, интимнаго характера... „Скажу только, что, если я не сдѣлался убійцею, то въ этомъ случаѣ я обязанъ слѣдующему случаю, что моя собственная совѣсть давно уже осудила меня. Но въ этомъ, Ваше Величество, не было ничего противоправительственнаго. Если бы фактъ совершился, я бы отвѣчалъ вамъ, какъ Верховному Судѣ, но въ настоящемъ случаѣ я долженъ отвѣчать, какъ подданный, возставшій на своего Государя“. Представляя царю искрен-

нее изложеніе своего преступленія, Бейдеманъ наставительно совѣтовалъ ему дать конституцію Россіи и тѣмъ положить самую крѣпкую основу для будущаго развитія отечества, а себя—приобрѣсти имя Великаго изъ Великихъ.

Приводимъ полностью письмо Бейдемана, лебединую пѣснь, пропѣтую въ стѣнахъ рavelина.

„Великій Государь.

„Если я беру на себя смѣлость писать къ Вашему Величеству, то это не съ цѣлью выпросить помилованіе своему поступку—поступку, до того выступающему изъ ряда обыкновенныхъ противо-правительственныхъ проступковъ и такъ громко говорящему за самого себя,—что, я думаю, всякое стараніе оправдать себя было бы дѣломъ столь же дерзкимъ, сколько недобросовѣстнымъ.—Причина тому, съ одной стороны—потребность, понятная въ человѣкѣ въ моемъ положеніи, раскрыть свою душу, съ другой стороны—то убѣжденіе, что рано или поздно Вашему Величеству все будетъ извѣстно. Слѣдовательно, или желаніе совершенно скрыть настоящее дѣло, или двусмысленная полукровенность—въ обоихъ случаяхъ является, какъ актъ преступной неспособности стать лицомъ къ лицу съ чистою совѣстью.

„Обстоятельства не могутъ всего оправдывать, и если человѣческая жизнь подвержена уклоненіямъ, то причина ихъ столько же въ обстоятельствахъ, сколько въ доброй волѣ всякаго человѣка. Если вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ—я принужденъ былъ оставить отечество, то обратное возвращеніе въ него съ цѣлью поднять бунтъ,—было дѣломъ личныхъ моихъ соображеній, актомъ моей доброй воли. Что касается до первыхъ, то признаюсь Вашему Величеству, что полная исповѣдь—свыше моихъ силъ. Это та сторона моего сердца, которая тяжело и трудно раскрывается, которая слишкомъ лична для того, чтобы совершенно высказаться. Скажу только, что, если я не сдѣлался убійцею, то въ этомъ случаѣ обязанъ слѣдующему случаю, что моя собственная совѣсть давно уже осудила меня. Но во всемъ этомъ, Ваше Величество, не было ничего противоправительственного.—Если бы фактъ совершился, я бы отвѣчалъ Вамъ, какъ Верховному судѣ, но въ настоящемъ случаѣ я долженъ отвѣчать, какъ подданный, возставшій на своего Государя.

„Начну съ причинъ болѣе отдаленныхъ, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ ту или другую связь со всѣмъ слѣдующимъ. Русская общественная жизнь представляется до сихъ поръ явленіемъ хаоса, безпорядочной борьбы благородныхъ стремленій, съ одной стороны, съ другой—той грустной, возмутительной обстановки, въ которой пребываетъ огромное большинство русскаго народа. Если воспитаніемъ, молодымъ неиспорченнымъ чувствомъ, мы выходимъ половиною нашего существованія изъ этой рамки, то зато другою половиною мы глубоко проникаемся развращеніемъ обыденнаго строя. Причина тому—и наше поверхностное воспитаніе и ученіе, и взаимная зависимость общественныхъ явленій. Живой темпераментъ, который данъ Богомъ на долю русскаго человѣка, требуетъ въ своихъ стремленіяхъ скорого и полнаго удовлетворенія, котораго не можетъ дать совершенно инертная жизнь большинства; оттого въ этихъ стремленіяхъ нѣтъ мѣры, нѣтъ закона, разумнаго основанія.—Государственное устройство нашего отечества инертное по самой своей природѣ, тѣмъ болѣе неудовлетворительное, что безотвѣтственное чиновничество, своимъ

развращающимъ вліяніемъ на общественную и народную жизнь, глубоко возмущало всякое свѣжее чувство, всякое сердце, въ которомъ была хоть капля патріотическаго жара. А между тѣмъ Правительство вело себя такъ, какъ будто бы этого не замѣчало или не хотѣло замѣтить; большинство правительственныхъ людей даже защищало такой порядокъ вещей, потому что находили въ этомъ свою выгоду. До Бога высоко, а до Царя далеко—говорило большинство и видѣло въ этомъ необходимость, противъ которой ничего не подѣлаешь. А негодование росло и росло,—и что удивительнаго, если составлялись заговоры противъ Верховной власти, въ которой видѣли силу, поддерживающую всю эту мерзость. Законнаго способа къ выраженію своего недовольства не было, да это было и опасно; оставалось писать доносы, что было противно нравственному чувству. Конечно, во всемъ этомъ нельзя обвинять одно правительство, виновато тутъ было и общество, которое было слишкомъ равнодушно ко всему, что его окружало, въ которомъ было слишкомъ мало нравственной энергіи для того, чтобы ужиться и допустить это растлѣніе. Но возрожденіе общества было невозможно при такихъ условіяхъ, въ которыхъ оно жило, и мысль, что легче свергнуть правительство, нежели исправить общество,—очень естественна.—Вотъ отчего во всѣхъ заговорахъ прошлаго царствованія, не смотря на всю безукоризненность стремленій, на всю энергію и умъ ихъ коноводовъ,—видна какая то болѣзненная несостоятельность. Вотъ отчего всѣ наши протесты не имѣютъ грозной силы доказательства; они—порывы нетерпѣнія, бѣшеннаго раздраженія, но только порывы. Въ нашемъ обществѣ не можетъ быть организованныхъ оппозицій, и именно потому, что самое это общество слишкомъ раздѣлено.—Оппозиція, сильная энергією и единодушіемъ, возможна только въ нашемъ народѣ; такую она дѣйствительно явилась при Стенькѣ Разинѣ и Ем. Пугачевѣ.

„Всѣмъ этимъ, Ваше Величество, я хочу сказать, что недовольство правительствомъ—естественный результатъ противорѣчія здравыхъ человѣческихъ понятій съ тѣмъ, что пронесодитъ на самомъ дѣлѣ: это недовольство будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока правительство будетъ чуждо тѣхъ мнѣній, которыя начинаетъ высказывать возрождающееся общество; пока наше отечество не будетъ имѣть такого государственнаго устройства, при которомъ и правительство, и общество будутъ составлять одно цѣлое, пока Ваше Величество не дастъ представителямъ общества законную мѣру участія въ правительственныхъ дѣлахъ. Этимъ дѣломъ Ваше Величество положитъ самую крѣпкую основу для будущаго развитія нашего отечества и приобрѣтетъ себѣ имя Великаго изъ Великихъ. Но до сихъ поръ это недовольство повсемѣстно,—мы выносимъ его прямо изъ жизни, а потому оно дѣйствительно, сначала неопредѣленное, безъ яснаго сознанія и настоящей причины этого чувства, средствъ къ разумному его удовлетворенію, оно впоследствии вырастаетъ въ то болѣзненное чувство отчаянія, которое порождаетъ заговоры, не имѣющіе никакой опоры, никакой почвы ни въ обществѣ, ни въ самой жизни. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, было такъ.

„Если я съ самаго начала сказалъ, что оставилъ отечество вслѣдствіе обстоятельствъ, то и въ этомъ случаѣ и не могу, и не долженъ оправдываться передъ Вашимъ Величествомъ; я только могу просить Васъ не требовать отъ меня полнаго признанія въ этомъ дѣлѣ. Провѣхавъ въ Кюпио, я перемѣнилъ свое платье и пѣшкомъ сталъ про-

бираться къ шведской границѣ, которую и перешелъ черезъ четыре недѣли. Очутивъ на чужой землѣ, я принялъ твердое намѣреніе отправиться въ Италію къ Гарибальди, во первыхъ, потому, что это прямо соотвѣтствовало моимъ военнымъ наклонностямъ, а во вторыхъ, что въ неаполитанскомъ возстаніи были всѣ задатки для будущаго возстанія турецкихъ славянъ. Не хочу скрыть отъ Вашего Величества и того, что поддержка и сочувствіе нашего правительства къ Бурбонской династіи была одна изъ причинъ искренно желать паденія Франциска II. Поддержка такихъ личностей, какъ Фердинандъ и его сынъ, если не было со стороны Россіи дѣломъ безславнымъ, то во всякомъ случаѣ возмутительнымъ. Если принципъ законности—хорошъ самъ по себѣ, то ужъ лучше совершенное невмѣшательство, чѣмъ приложеніе его къ такимъ несчастнымъ случаямъ, какъ поддержка Неаполя и Австріи. Если народныя симпатіи и антипатіи не всегда могутъ руководить политикой правительства, то, съ другой стороны, эта политика не должна возмущать чувства народной гордости. Подъ чужимъ именемъ я успѣлъ черезъ два мѣсяца проѣхать Швецію, а въ концѣ октября былъ уже въ Англіи. Вашему Величеству извѣстно, что въ Лондонѣ есть Русская Типографія, въ которой печатаются такіе вещи, которыя, къ глубокому сожалѣнію, не могутъ печататься въ нашемъ отечествѣ. Во главѣ этого заграничнаго литературнаго движенія стоятъ двѣ личности, соединяющія громадныя духовныя силы съ самою горячею любовью къ Россіи. Оправдывать Герцена и Огарева передъ лицомъ Вашего Величества было бы съ моей стороны дѣломъ слишкомъ смѣлымъ, да наврядъ ли они нуждаются въ оправданіи и защитѣ. Скажу только, положивъ руку на сердце, что я бы отъ всей души желалъ, чтобы въ нашемъ отечествѣ было бы побольше людей, въ которыхъ было бы столько же любви къ Россіи, столько же безкорыстнаго участія къ ея будущности. Два раза порывался я отправиться изъ Англіи въ Италію и оба раза неудачно. Тогда я слѣдился наборщикомъ въ Русской Типографіи. Всѣ мои мысли обратились исключительно на то дѣло, которое, по волѣ Вашего Величества, должно было составить эпоху въ нашей исторіи,—на великое дѣло освобожденія крестьянъ. При этомъ не могу не сознаться Вашему Величеству, что если во всемъ ходѣ крестьянскаго вопроса правительству принадлежала, безспорно, сторона праваго, если оно создавало великую основу будущности русскаго народа, то съ другой стороны во всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ его рѣшеніе, были всѣ причины къ энергической оппозиціи со стороны депутатовъ отъ дворянства; было много такихъ уклоненій со стороны самого правительства, что все это могло заставить лопнуть терпѣніе, самое вѣрноподданническое. Реформы должно вести рѣшительно, и полумѣры только раздражаютъ. Наконецъ, самый февральскій манифестъ, которымъ Ваше Величество объявляло Россіи великую радость, поселилъ во мнѣ рѣшительное убѣжденіе, что только сильная оппозиція дворянства могла заставить правительство принять реформу государственнаго устройства нашего отечества. Но оппозиція одного дворянства въ настоящее время не мыслима, она не имѣетъ почвы въ народѣ, а потому безсильна; только сильнымъ народнымъ возстаніемъ можно было дать этой оппозиціи и жизнь, и силу. И я рѣшился на самый подлый поступокъ для достиженія своей цѣли. Онъ извѣстенъ Вашему Величеству и я не буду о немъ распространяться; да и силъ не хватаетъ! Въ одномъ могу увѣрить Ваше Величество, что изобрѣтеніе всего

плана принадлежить исключительно мнѣ, и никто изъ русскихъ, живущихъ въ Лондонѣ, не только не зналъ объ немъ, но и настоящее мѣсто моего отправленія изъ Англіи, въ маѣ мѣсяцѣ, осталось неизвѣстнымъ. Въ маѣ я прѣхалъ въ Норвегію и черезъ Лапландію отправился къ границамъ Финляндіи, которая и перешелъ въ іюль мѣсяцѣ. Начать дѣло я предполагалъ между раскольниками Архангельской губерніи, во первыхъ, потому, что необозримые лѣса—очень хорошій театръ для партизанскихъ дѣйствій, а во вторыхъ потому, что здѣсь, за неимѣніемъ помѣщиковъ, возстаніе переставало быть движеніемъ социальнымъ и получало характеръ возстанія противъ правительства. Я думалъ такъ: самое главное въ этомъ дѣлѣ начало, и если рано или поздно прійдется сложить голову, то во всякомъ случаѣ можно очень много сдѣлать. Но Вашему Величеству извѣстно, что и самое начало дѣла не удалось: я былъ безсравно остановленъ въ Финляндіи. Дѣло рушилось, и я рѣшился лучше стоять до конца, чѣмъ подло оправдываться въ чемъ бы то ни было. Мнѣ оставалась одна покорная смерть, и я не задумался замаскировать настоящее дѣло сознаніемъ въ покушеніи на дорогую жизнь Вашего Величества. Все это было не такъ—я долженъ сознаться, но въ моемъ положеніи не было, изъ чего выбирать. Скоро тому минетъ полтора года, въ это время много было съ моей стороны напраснаго упрямства, много лишнихъ словъ, но, рѣшившись откровенно сознаться Вашему Величеству, я бы почелъ преступленіемъ скрыть что бы то ни было. Сдѣланнаго дѣла не воротить—я это знаю, знаю также, что позднее раскаяніе совершенно бесполезно. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Для полноты исповѣди передъ Вашимъ Величествомъ, я долженъ сознаться, что, находясь въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ польскими эмигрантами въ Англіи, я вынесъ оттуда полную симпатію къ этому народу и искреннее желаніе самостоятельнаго возрожденія Польши, какъ начала возрожденія западныхъ славянъ.

„Вотъ все, что я могу, положи руку на сердце, сказать Вашему Величеству. Судить въ Вашей волѣ.“

„Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

Михайло Бейдеманъ“.

12 января 1863 г.

Письмо Бейдемана было доложено царю 26 января, оставлено безъ всякихъ послѣдствій и подшито къ дѣлу.

Слѣдующее хронологическое извѣстіе о Бейдеманѣ мы получаемъ не изъ дѣла, а изъ источника литературнаго — воспоминаній Н. В. Шелгунова¹⁾. Н. В. Шелгуновъ былъ посаженъ въ Алексѣевскій рабеліи 15 апрѣля 1863 года и сидѣлъ здѣсь до 29 ноября 1864 года. Здѣсь онъ имѣлъ возможность перестукиваться съ Бейдеманомъ; приведемъ это цѣнное для біографіи Бейдемана сообщеніе: „Въ арміи Гарибальди было не мало русскихъ, не только мужчинъ, но и женщинъ... Припоминаю еще, что изъ одной финляндской деревни, въ которой стояли русскіе уланы, въ одно прекрасное утро исчезъ русскій офицеръ; послѣ него остался чемоданъ съ военной формой. Загадочное исчезновеніе офицера заставило много говорить, называли и

¹⁾ Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда. 1859—1909. Изъ воспоминаній Н. В. Шелгунова, стр. 380—381.

фамилію его, но никто не зналъ, куда онъ дѣлся. Такъ эта исторія и замолкла. Въ апрѣлѣ 1863 года я былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ. Не успѣлъ я еще хорошенько основаться въ новой для меня обстановкѣ, какъ сосѣдъ съ правой стороны началъ вызывать на разговоръ энергическимъ стучаніемъ. Изъ неукротимости, съ какою сосѣдъ барабанилъ въ стѣну, я понималъ, насколько онъ желаетъ установить сношеніе, а потому-то и не отвѣчалъ ему. Послѣ нѣсколькихъ дней безплодныхъ вызываній на разговоръ сосѣдъ стучать пересталъ. Такъ прошло мѣсяца три-четыре. Разъ меня привезли въ судъ. Въ первомъ залѣ, въ ожиданіи допроса, стояло уже нѣсколько человѣкъ и между ними, у противоположной мнѣ стѣны, молодой артиллерійскій офицеръ, а рядомъ съ нимъ два часовыхъ съ ружьями (у меня были такіе же ассистенты). Для меня до сихъ поръ остается секретомъ, какимъ навіѣтомъ офицеръ этотъ узналъ, откуда я; но, порывисто отдѣлившись отъ стѣны, онъ быстрымъ, военнымъ шагомъ, подошелъ ко мнѣ въ упоръ, и вотъ—нашъ разговоръ, который кончился прежде, чѣмъ часовые успѣли прійти въ себя.

— Въ которомъ №? — спросилъ меня офицеръ.

Я отвѣтилъ.

— Чернышевскій сидитъ въ такомъ-то №.

— А кто со мной рядомъ? — спросилъ я артиллериста, проникнувшій уваженіемъ къ его авторитетному всезнанію.

— Бейдеманъ. Вы за что?

Я отвѣтилъ.

— А вы?

— За то-то.

„И такъ же порывисто офицеръ повернулся и сталъ между своими часовыми.

„Какъ только я вернулся къ себѣ, я самымъ энергическимъ и дружескимъ образомъ сталъ стучать сосѣду. Онъ оказался не злопамятнымъ и отозвался. Когда прошелъ первый порывъ общія чувства, сосѣдъ, сдѣлавъ короткую паузу, ударилъ въ стѣну одинъ разъ: „тукъ“, затѣмъ, черезъ паузу, два раза — „тукъ-тукъ“, потомъ три раза. Я понялъ, что сосѣдъ учить меня азбукѣ, пріостановилъ его, ваялъ карандашъ и бумагу, затѣмъ опять вызвалъ его и записалъ всю азбуку, которую онъ мнѣ простучалъ. Сосѣдомъ оказался тотъ самый офицеръ Бейдеманъ, который такъ таинственно исчезъ изъ Финляндіи. Онъ убѣждалъ къ Гарибальди, сражался за освобожденіе Італіи, но былъ схваченъ, арестованъ и заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ. Въ 1863 году Бейдеману было 23 года. Въ 1864 г. меня освободили такъ внезапно, что я не успѣлъ проститься съ Бейдеманомъ, и не знаю ничего объ его дальнѣйшей судьбѣ“.

Итакъ Бейдеманъ передъ III Отдѣленіемъ и царемъ отрицалъ то, что онъ сражался въ войскахъ Гарибальди, но признавалъ это въ разговорѣ черезъ стѣну съ Шелгуновымъ и въ письмѣ къ роднымъ. Последнее признаніе представляется намъ болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ первое отрицаніе, но не объяснимо, почему Бейдеманъ счелъ нужнымъ скрывать гарибальдійскій эпизодъ своей жизни. Любопытно, что послѣ категорическаго заявленія, сдѣланнаго Шувалову лично 5 октября 1861 г., о томъ, что онъ въ южной Італіи не былъ изъ-за отсутствія денегъ и несмотря на крайнее свое желаніе, Бейдеманъ письменно черезъ 3—4 дня какъ будто хотѣлъ измѣнить свое категорическое утвержденіе: „что же касается до отправленія моего къ

Гарибальди, то на этотъ счетъ я вамъ дамъ личное объясненіе“— писалъ Бейдеманъ. Въдь если не былъ у Гарибальди, такъ и объяснять нечего. Знать же, почему не былъ, Шувалову было вовсе не интересно. Кажется, Бейдеманъ по намекамъ Шувалова (а намеки основывались на очень общемъ извѣстїи письма, дошедшаго до начальника таможи) не могъ выяснитъ, что именно ему извѣстно объ его гарибальдїйской эпопеѣ, и потому былъ въ выжидательномъ положенїи, продолжая отрицать и готовя признаніе. На всякій случай свое сообщеніе письма къ роднымъ о поѣздкѣ къ Гарибальди Бейдеманъ готовился истолковать, какъ заявленіе о желанїи ѣхать, но приходилъ въ раздраженіе при мысли, что могутъ беспокоить получившихъ его письмо. 26 октября онъ съ прежней категоричностью утверждать писменно, что предположеніе его объ экспедиціи къ Гарибальди не оправдалось. Повторяю, если Бейдеманъ сражался въ войскахъ Гарибальди, то для насъ совершенно непонятно настойчивое отрицаніе этого факта ¹⁾.

8.

Мы исчерпали всѣ данныя, которыми располагали Александръ II и шефъ жандармовъ въ дѣлѣ Бейдемана. Къ единственному источнику исторїи его жизни—архивному дѣлу мы могли присоединить только одно фактическое свѣдѣніе въ воспоминанїяхъ Н. В. Шелгунова. Но скудныя указанія архивныхъ листовъ, восторженные и рѣзкія прокламаціи Бейдемана, смѣлое исповѣданіе имъ революціонной вѣры надо вдвинуть въ рамки исторической эпохи 1858—1861 годовъ, надо овѣять дыханіемъ ликующаго возбужденія, которое охватило всю нашу литературу, изящную и прикладную, побѣдно неслоь черезъ рубежъ со столбцовъ „Колокола“, и образъ Бейдемана оживетъ въ нашемъ воображенїи, заблещетъ яркими красками. Возбужденіемъ эпохи былъ созданъ духовный человѣкъ въ Бейдеманѣ.

Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Киевскомъ Владимирскомъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ поступилъ сюда 5 сентября 1857 г. До осени 1857 года этотъ кадетскій корпусъ былъ неранжированнымъ и только осенью 1857 года былъ развернутъ въ корпусъ полного состава. Новое военно-учебное заведеніе привлекало особое вниманіе высшаго военно-учебнаго начальства и самого монарха. Они очень старались о привитїи настоящихъ кадетскихъ традицій къ новому корпусу. Уже въ октябрѣ 1857 года корпусъ, какъ выражались въ былое время, былъ осчастливленъ посѣщеніемъ царя и великаго князя Николая Николаевича. Молодой кадетъ лицеарѣлъ своего обожаемаго монарха. Въ апрѣлѣ 1858 года корпусу было пожаловано знамя. Отсюда шли патріотическія настроенія. Съ открытіемъ корпуса была обновлена учебная сторона дѣла. Въ преподаватели были приглашены профессора Киевскаго университета ²⁾. Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть объ энтузіастѣ-словесникѣ А. И. Селинѣ, свойственникѣ Герцена (они были женаты на родныхъ сестрахъ), объ А. И. Линниченкѣ, объ извѣстномъ юристѣ Незабитовскомъ. Быть можетъ, ихъ уроки дали первый толчокъ размышленїямъ Бейдемана объ окру-

¹⁾ См. дальше сообщеніе о Бейдеманѣ въ „Колоколѣ“ отъ 1 августа 1858 г.

²⁾ Н. П. Завадскій. Владимірскій Киевскій кадетскій корпусъ (1851—1901). Истор. очерк. Киев. 1908.

жающей его русской действительности, сообщили высокій тонъ его настроеній. Изъ Кіева Бейдеманъ перешелъ въ Петербургъ. 16 іюня 1859 года онъ былъ зачисленъ въ Константиновское военное училище и черезъ годъ 16 іюня 1860 года онъ былъ выпущенъ поручикомъ изъ отдѣленія генеральнаго штаба 8-го спеціального класса. По аттестаціи начальства, во время годичнаго пребыванія въ училищѣ, Бейдеманъ велъ себя весьма скромно и поведенія былъ хорошаго. По успѣхамъ былъ отнесенъ въ первый разрядъ. Просматривая списки преподавателей училища, мы не находимъ среди нихъ такихъ, вліянію которыхъ мы могли бы приписать развитіе свободолюбія въ Бейдеманѣ. Но въ 1859—1860 году не школа, а жизнь была рассадникомъ свободныхъ идей и чувствъ.

Канунъ освобожденія былъ эпохой великаго общественнаго возбужденія. Шестидесятые годы были въ полномъ цвѣтѣ. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на ихъ характеристикѣ. Мы не знаемъ жизненной обстановки Бейдемана, не знаемъ его петербургскихъ связей, знакомствъ, отношеній къ лицамъ, намъ извѣстнымъ, но если дѣлать выводы изъ полнаго молчанія о немъ въ литературѣ мемуаровъ, въ современныхъ документахъ, то не нужно ли заключить, что юноша Бейдеманъ принадлежалъ къ разряду одинокихъ, думающихъ про себя, замкнутыхъ мечтателей? Главнѣйшимъ, а быть можетъ, и единственнымъ возбудителемъ его мысли была литература. Излагая въ первомъ своемъ признаніи политическую исповѣдь, Бейдеманъ заканчивалъ ее словами: „Все, что здѣсь написано, было давно высказано съ необыкновеннымъ талантомъ, со всей страстью негодованія, съ любовью къ Россіи и ея будущему, съ великой гражданской силой людьми, которые погибли и гибнутъ отъ правительственнаго гнета“. Здѣсь не названы проповѣдники передовыхъ идей, но позднѣе въ письмѣ къ царю Бейдеманъ назвалъ ихъ имена: „Во главѣ заграничнаго литературнаго развитія стоятъ двѣ личности, соединяющія громадныя духовныя силы съ самой горячей любовью къ Россіи. Оправдывать Герцена и Огарева передъ лицомъ Вашего Величества было бы съ моей стороны дѣломъ слишкомъ смѣлымъ, да наврядъ ли они нуждаются въ оправданіи и защитѣ. Скажу только, положи руку на сердце, что я бы отъ всей души желалъ, чтобы въ нашемъ отечествѣ было бы побольше людей, въ которыхъ было бы столько же любви къ Россіи, столько безкорыстнаго участія къ ея будущности“.

Герценъ и Огаревъ были властителями думъ Бейдемана; подъ вліяніемъ ихъ пылкой проповѣди сложилось его политическое міросозерцаніе.

Изъ „Колокола“ онъ почерпнулъ и фактическій матеріалъ для размышленій надъ русской действительностью, и самую оцѣнку его. Критикуя неправду русской общественной жизни, Бейдеманъ опирался не столько на собственный свой опытъ, котораго, пожалуй, у него и не могло еще быть на 21-мъ году жизни, сколько на сообщенія „Колокола“. Анализируя всѣ извѣстныя намъ его заявленія, писанныя въ Алексѣевскомъ равелинѣ, мы можемъ возвести къ статьямъ „Колокола“ и всѣ приводимыя Бейдеманомъ указанія факческаго характера, и всѣ его политическія разсужденія. Съ полной категоричностью можно утверждать, что вся политическая исповѣдь Бейдемана, за однимъ исключеніемъ, укладывается въ статьи „Колокола“. У Бейдемана нѣтъ ни одной темы, за исключеніемъ

одной, которая не была бы разработана въ „Колоколѣ“, нѣтъ ни одной подробности, новой по сравненію съ „Колоколомъ“ ¹⁾.

Мелкая подробность: бичуя развратъ и тупость представителей высшей власти, Бейдеманъ для иллюстраціи называетъ рядъ фамилій (Адлербергъ, Панинъ, Долгоруковъ, Строгановъ, Гагаринъ, Игнатьевъ, Бутковъ, Муравьевъ и т. д.); среди нихъ нѣтъ ни одного имени, которое не встрѣчалось бы, съ приличествующей ему характеристикой, на столбцахъ „Колокола“.

Въ прямой зависимости отъ статей Герцена находятся и общіе взгляды Бейдемана на самобытность русскаго развитія, на роль нѣмцевъ въ нынѣшней русской исторіи, на прогрессивное значеніе славянофильства, нашедшіе изложеніе въ его статьѣ „Славянофильство, какъ принципъ“. Исповѣданное здѣсь славянофильство Бейдемана было славянофильствомъ самого Герцена.

Двадцатилѣтній Бейдеманъ ушелъ изъ дому и перешелъ русскую границу черезъ двѣ недѣли по окончаніи курса въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Что толкнуло его на этотъ рѣшительный шагъ? Бейдеманъ сначала отказался отвѣтить на этотъ вопросъ своимъ тюремщикамъ, но на пятомъ мѣсяцѣ заключенія далъ категорическій отвѣтъ: „Причина, побудившая меня оставить отечество, та же самая, которая побудила меня возвратиться въ него: желаніе уничтоженія настоящаго правительства, современныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ, и твердое намѣреніе, на обломкахъ этого уродливаго зданія, содѣйствовать къ устройству такого государства, такихъ общественныхъ отношеній, которыя были бы сообразны съ правдой, съ здоровымъ смысломъ и съ настоящими и будущими потребностями русскаго народа“. Въ письмѣ къ царю, писанномъ на 15 мѣсяцѣ заключенія, Бейдеманъ глухо и неясно говорилъ о томъ, что оставленіе отечества было результатомъ тяжелыхъ обстоятельствъ, что полная исповѣдь на этотъ счетъ была бы выше его силъ, и что эта та сторона его сердца, которая тяжело и трудно раскрывается. Очевидно, у Бейдемана были мотивы очень личнаго и интимнаго характера, для насъ неясные.

Возбужденіе, царившее въ русскомъ обществѣ и литературѣ, требовало отъ отдѣльнаго человѣка кипучей дѣятельности во имя блага страны, народа, участія въ освободительной работѣ. Оданокій юноша мечталъ о подвигахъ грандіозныхъ, объ уничтоженіи правительства, о полномъ разрушеніи современныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ—на меньшее онъ не пошелъ бы! Но какъ реально приступить къ совершенію подвига? Обыденность, пошлость окружавшей жизни была невыносима, служба въ армейской кавалеріи въ Кашинѣ сулила тусклые сумерки. Можно ли было, питая въ душѣ великіе замыслы, хоть на одну минуту уйти въ эту жизнь? Надо было при первой возможности, сейчасъ же, немедленно порвать всѣ связи съ дѣйствительностью! А на западѣ герой подвига могъ найти положеніе своимъ силамъ. Борьба за свободу кипѣла въ это время въ Италіи, вождемъ ея былъ Гарибальди. Объ итальянскихъ дѣлахъ, о походѣ Гарибальди Бейдеманъ читалъ обстоятельнѣйшія статьи Н. Г. Чернышевскаго въ отдѣлѣ „Политика“, ежемѣсячно помѣщавшемся въ „Современникѣ“. Въ рукахъ Бейдемана до его отбытія изъ Россіи были свѣжія книжки „Современника“ съ отчетомъ о началѣ выступ-

¹⁾ См. выше аналогіи, указанныя въ примѣчаніяхъ къ запискамъ Бейдемана.

левія Гарібальди. Въ маѣ 1860 года начался походъ знаменитой тысячи—подвигъ безумнаго риска и смѣлости. Къ итальянцамъ—волонтерамъ Гарібальди—примыкали иностранцы, которыхъ привлекалъ идеалистическій порывъ борьбы за свободу и необычайная отвага предпріятія. Выпущенный изъ военного училища офицеръ могъ найти удовлетвореніе въ этой борьбѣ и жаждѣ героическихъ дѣлъ, и специфическимъ интересамъ военного человѣка. Понятно, воодушевленіе Бейдемана нашло исходъ въ рѣшеніи бросить все въ Россіи и уйти въ войска знаменитаго итальянскаго патріота.

За границей Бейдеманъ окунулся въ водоворотъ революціонныхъ идей. О томъ, что онъ дѣлалъ тамъ, мы знаемъ только изъ его разсказовъ, но все равно, сражался онъ въ войскахъ Гарібальди или только работалъ въ типографіи „Колокола“, вдыхая вмѣстѣ съ пылью свинцовыхъ литеръ свѣжую бодрость вольнаго русскаго слова, или, наконецъ, въ теченіе года успѣлъ и побывать въ Италіи и пожить въ Лондонѣ, все равно идея революціонной борьбы росла и крѣпла въ его душѣ, принимала осязательныя формы. Крестьянскую волю, данную 19 февраля 1861 года, онъ пережилъ за границей острѣе, чѣмъ оставшіеся на родинѣ соотечественники. Бейдеманъ раздѣлилъ мнѣніе незначительнаго меньшинства о крайней неудовлетворительности, половинчатости и фальшивости великой реформы. Въ развитіи взглядовъ Бейдемана на крестьянскую реформу „Колоколъ“ сыгралъ большую роль.

Былъ одинъ моментъ—самый первый, когда Герценъ и Огаревъ привѣтствовали реформу Александра II (въ передовой статьѣ № 95 отъ 1 апрѣля 1861 года „Манифестъ“). „Александръ II сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія, противъ хищной толпы законсѣльных негодяевъ—и сломилъ ихъ! Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки, мы привѣтствуемъ его именемъ, рѣдко встрѣчавшимся съ самодержавіемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ освободителя! Но горе, если онъ остановится, если усталая рука его опустится. Звѣрь не убить, онъ только ошеломленъ! Теперь пока стоголавая гидра, которой каждая голова или Муравьевъ, или Гагаринъ, не совсѣмъ опомнилась, надобно покончить ее и освободить, вмѣстѣ съ русскимъ крестьяниномъ, новую русскую государственную мысль—и отъ нѣмецкихъ колодокъ, и отъ русскихъ татаръ, тучныхъ нашей кровью, нашими слезами, нашимъ изнуреніемъ“.

Но очарованіе продолжалось всего одинъ моментъ. Очень скоро „Колоколъ“ перешелъ къ критикѣ началъ реформы. Ей посвящены статьи Огарева „Начало русскаго освобожденія“ (осторожная и сдержанная статья въ № 96 отъ 15 апрѣля) и „Разборъ новаго крѣпостнаго права“ (въ №№ 101—106). Основной тезисъ провозглашенъ имъ въ первой статьѣ (№ 101 отъ 15 іюня): „Крѣпостное право не отмѣнено. Народъ царемъ обманутъ! Крестьянскіе бунты, вспыхнувшіе сейчасъ же по объявленіи воли, и безпощадное подавленіе ихъ правительствомъ—въ особенности возстаніе въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи, открыли глаза Герцену и Огареву на сущность реформы. „Съ 19 февраля до 8 мая,—пишетъ Огаревъ,—прошло 78 дней; обстоятельства обозначились. Въ февралѣ подписанъ манифестъ, въ апрѣлѣ лется кровь безоружныхъ крестьянъ, въ маѣ

циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ предписываетъ губернаторамъ объяснить народу, что барщина не есть барщина. Такого уродливаго хода дѣлъ мы и не ожидали. И такъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Константина Николаевича оттертъ на задній планъ; теорія государственнаго развитія поручена Бутковымъ, а практика Апраксиннымъ. Стало быть, ожидать, чтобы комитетъ „для устройствъ сельскаго состоянія на общинъ и единообразныхъ началахъ“—помогъ дѣлу, исправилъ бы, или передѣлалъ „Положенія о крестьянахъ“—было съ нашей стороны мечта, которую мы, изъ жажды блага народнаго, лелѣли на одинъ день. Въ то время правительство, казалось, стало во главѣ русскаго освобожденія; его положеніе было необычайно свѣтло и счастливо: оно его утратило разомъ, и наконецъ, надежда на него, вѣра въ него рушилась окончательно. Упавши въ кровь, оно упало въ грязь—и вынуждено объяснить народу, что черное не черное, что два не два, что барщина не барщина. Какая ложь и какое безсиліе! Причины такого хода дѣлъ разгадать не трудно: ихъ двѣ: 1) правительство въ освобожденіи народа не искренно, т. е. въ сущности, государь не хочетъ никакого освобожденія; 2) оно совершенно бездарно, т. е. не умѣетъ ничего понять и ничего сдѣлать. Разрывъ съ этимъ правительствомъ для всякаго честнаго человѣка становится обязательнымъ“.

За пролитіемъ крестьянскую кровь Огаревъ объявлялъ виновнымъ Александра II. „Вамъ захотѣлось поиграть въ освобожденіе и вы не пожалѣли мужицкой крови, Александръ Николаевичъ? Ну! Смотрите—какъ бы вамъ ею не захлебнуться!... Читая лѣтопись дурно прикрытаго военно-чиновничьяго злодѣйства, намъ приходится на умъ: неужели Александръ II, когда остается одинъ, ну, хотя бы воротясь съ медвѣжьей охоты, или послѣ путешествія съ императрицей по монастырямъ,—неужели въ минуту уединенія и раздумья онъ никогда не подумалъ, что онъ убійца и палачъ? И что тутъ нечего извиняться—я-де не самъ, изъ собственнаго ружья, разстрѣливаю и не собственной высочайшей рукой порю?... Неужели, при этой мысли, онъ никогда внутренно не содрогнулся, особенно вспоминая, что виновата не жертва, а безтолковость царскихъ законовъ? Неужели у него никогда не навернулась горькая слеза, и онъ не почувствовалъ къ себѣ глубочайшаго презрѣнія? Если мысль, что онъ палачъ и убійца—приходить ему въ голову и мучить его,—пожалуй, въ немъ еще отыщется доблесть—просить у народа прощенья. Ну, а если она ему никогда не приходитъ въ голову?... Тогда онъ просто жалкой и ничтожной человѣкъ, который—по тупоумію и нераскаянности—можетъ тѣшиться казенной благодарностью какихъ-то шереметевскихъ мужиковъ, въ то время, когда самъ льетъ неповинную кровь народа и награждаетъ крестами своихъ наемныхъ злодѣевъ“.

Критикуя Положеніе 19 февраля 1861 года въ своихъ признаніяхъ изъ крѣпости, Бейдеманъ находился, несомнѣнно, подъ вліяніемъ статей Огарева. Въ частности, тѣ моменты, которые подчеркивалъ Бейдеманъ, нашли яркое освѣщеніе у Огарева: установленное актомъ 19 февраля переходное состояніе, добровольныя соглашенія и полюбовныя сдѣлки, нарушеніе принципа общиннаго землевладѣнія, открытіе грабительскихъ возможностей для чиновничества. Не входя въ подробное сравненіе мнѣній Бейдемана и взглядовъ „Колокола“, ограничимся лишь утвержденіемъ въ общей формѣ.

Расправы надъ крестьянами, чинимыя подъ руководствомъ специальныхъ посланцевъ, генераль-и флигель-адъютантовъ, наполнили слезами и ужасомъ Герцена и Огарева такъ же, какъ, несомнѣнно, и Бейдемана. Но еще раньше извѣстій о подавленіи крестьянскихъ бунтовъ пришли за рубежъ вѣсти о подавленіи мирныхъ польскихъ манифестацій въ Варшавѣ, о разстрѣлѣ мирнаго населенія. Рука, готовая поднять тость за освободителя, опустилась. „Черезъ новую кровь, пролитую въ Варшавѣ, нашъ тость не могъ идти. Преступленье было слишкомъ свѣжо, раны не закрылись, жертвы не остыли, имя царя замерло на губахъ нашихъ“,—писалъ Герценъ въ № 96 „Колокола“ отъ 15 апрѣля (статья „10 апрѣля и убійства въ Варшавѣ“). „Какъ все измѣнилось въ такое короткое время? Гдѣ надежды, приподнявшія головы, гдѣ свѣтлый взглядъ? Опять страшно встрѣтить свободнаго человѣка, все кажется, что онъ насъ упрекаетъ. Неужели и въ насъ отбрызнула кровь съ грязью?“ (въ статьѣ „Mater dolorosa“ въ № 97, отъ 1 мая). Событія въ Варшавѣ поразили и потрясли Бейдемана, у котораго были, по его признанію въ письмѣ къ царю, теплыя отношенія съ эмигрантами-поляками, жившими въ Лондонѣ.

Разстрѣлы крестьянъ, разстрѣлы мирнаго польскаго населенія, пролитіе крови польской и русской довели до высшей степени нервную раздражительность Бейдемана, завершили процессъ созданія революціонной идеологіи и вывели его на дорогу активнаго революціоннаго выступленія. По полному отсутствію какихъ-либо сообщеній о Бейдеманѣ, идущихъ изъ за рубежа, и въ полномъ согласіи съ его категорическимъ отрицаніемъ какихъ-либо единомышленниковъ и сообщниковъ, мы можемъ заключить, что онъ опять былъ одинокъ въ своихъ рѣшеніяхъ, онъ не дѣлился ни съ кѣмъ своимъ подвигомъ, онъ одинъ бралъ на свои плечи дѣло величайшей трудности, поднятіе народнаго возстанія. Онъ, двадцатилѣтній русскій офицеръ, выступалъ мстителемъ за народную кровь. Онъ продолжилъ тѣ выводы, которые сдѣлалъ „Колоколъ“ изъ русскихъ обстоятельствъ 1861 года: отъ крушенія надеждъ на мирное преуспѣяніе онъ перешелъ къ новымъ и твердымъ надеждамъ на народную революцію, отъ мысли о необходимости разрыва съ гнуснымъ правительствомъ онъ перешелъ къ мысли объ уничтоженіи правительства и о пораженіи его главы.

Одинокій, замкнутый въ себя и исполненный отважной рѣшимости, русскій офицеръ-революціонеръ обрѣлъ своего врага, ощутилъ и почувствовалъ. Онъ стоялъ передъ самодержавіемъ, тѣмъ чудищемъ, которое мучило чувства лучшихъ русскихъ людей. Самодержавіе нелѣпое, всеподавляющее, ничего не знающее, не видящее, не понимающее, слѣпое, ни на что неспособное, рабское, тупое—это все эпитеты, которыми Бейдеманъ старался разъяснить закованное чудовище. Но это огромное и косное, почти мифическое, становилось простымъ и обыкновеннымъ въ своемъ земномъ, русскомъ олицетвореніи. Монархъ, освободитель—вершина власти! Съ вершины бы начать разрушеніе государственной власти! Принципъ и лицо были въ чудесномъ сліяніи. Уничтоженіе лица казалось и уничтоженіемъ принципа. Цареубійство представлялось великимъ дѣломъ, послѣ котораго—казалось Бейдеману—откроется новая, чудесная жизнь. Цареубійство несло бы полное уничтоженіе помѣщичьяго права, было бы кореннымъ переломомъ въ русской жизни, дало бы знакъ возстанію народному, положило бы начало тому движенію, которое такъ или иначе разру-

пило бы настоящей порядок вещей. Но что бы ни принесло царевубийство, оно уже было, до всяких результатов, актом мести за крестьянскую кровь, актом мести, который могъ быть, по глубокому убѣжденію Бейдеманъ, только благословенъ народомъ. Вотъ мысли, которыя выносились въ сердца и головы Бейдеманъ. Когда люди изъ III Отдѣленія спрашивали у него о сообщникахъ и о возбудителяхъ, подстрекнувшихъ его, и намекали на то, что онъ былъ не самостоятеленъ и являлся лишь орудіемъ, Бейдеманъ загорался негодованіемъ и съ чувствомъ оскорбленнаго одиночества отталкивалъ эти намеки. „Я только желалъ, желалъ и буду желать счастья и человѣческихъ условій общественнаго быта своему народу... Я убѣдился, что хорошаго ожидать нечего, что крестьянская кровь требуетъ отмщенія, и что только тогда рухнетъ вся гадость нашей жизни, когда народъ встанетъ на ноги... Помочь моей родинѣ было единственнымъ и самымъ сильнымъ моимъ желаніемъ“.

Въ то время, когда Бейдеманъ приходилъ къ конечнымъ выводамъ революціоннаго міросозерцанія, надъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что же дѣлать русской оппозиціи, работала мысль Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова. Шелгуновъ далъ отвѣтъ въ прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“. Въ іюнѣ 1861 года текстъ этого воззванія былъ привезенъ Михайловымъ въ Лондонъ и отпечатанъ въ типографіи „Колокола“ въ количествѣ 600 экземпляровъ. Въ серединѣ іюля Михайловъ привезъ эту прокламацію въ Петербургъ и въ августѣ и сентябрѣ распространилъ ее при содѣйствіи Шелгунова, Михайлова и А. Н. Серно-Соловьевича. 14 сентября Михайловъ былъ арестованъ и въ декабрѣ того же года былъ осужденъ за принятое имъ на себя составленіе и распространеніе прокламаціи къ шести годамъ каторжныхъ работъ. Прокламація Шелгунова была написана подъ вліяніемъ пропаганды того же „Колокола“, но шла въ своихъ выводахъ дальше. Шелгуновъ прямо ставилъ вопросъ о грядущей революціи. Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Шелгуновъ, припоминая содержаніе прокламаціи, писалъ: „тамъ говорилось, что напрасно такъ боятся революціи, что войны истребляютъ миллионы людей, если смертью можно купить благо народа. Это мѣсто было ли центромъ тяжести прокламаціи, не помню, но оно вышло центромъ тяжести обвиненія (въ дѣлѣ Михайлова). Пойди мысль еще на шагъ впередъ и Михайловъ былъ бы приговоренъ къ смерти“¹⁾.—Императорская Россія разлагается,—писалъ Шелгуновъ.—Если Александръ II не понимаетъ этого и не хочетъ добровольно сдѣлать уступку народу—тѣмъ хуже для него... Если царь не пойдетъ на уступки, если вспыхнетъ общее возстаніе, недовольные будутъ послѣдовательны: они придутъ къ крайнимъ требованіямъ“²⁾. Мысль о царевубійствѣ только намѣчается. Бейдеманъ пошелъ на шагъ впередъ; онъ зафиксировалъ эту мысль и отказался связывать ее съ мыслью о возможныхъ уступкахъ со стороны царя. Тѣ прокламаціи, которыя Бейдеманъ писалъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, совпадаютъ во многихъ подробностяхъ съ воззваніемъ Шелгунова. Конечно, такое совпаденіе можетъ свидѣтельствовать о единствѣ революціоннаго настроенія. Шелгуновъ хорошо разъ-

¹⁾ „Голосъ Минувшаго“ 1918, № 4—6, ст. 66. Изъ воспоминаній Н. В. Шелгунова.

²⁾ Полный текстъ прокламаціи см. въ сборникѣ В. Базилевскаго «Государственные преступленія». Второе приложеніе. Парижъ. 1905 (ст. 2—15),

ясняетъ это: „Александръ II самъ разжигалъ революціонное чувство, возбуждая преувеличенныя ожиданія. Освобожденіе совершилось въ такой тайнѣ и общее вниманіе было такъ напряжено, что каждый ждалъ гораздо большаго, чѣмъ получилъ. Неудовлетвореніе вызвало недовольство, а недовольство создало революціонное броженіе. Вотъ источникъ этихъ прокламацій. Кому принадлежитъ первая (въ 1861 году) прокламація, неизвѣстно, но прокламаціи точно по уговору явились всѣ въ одно время. Всѣ они принадлежатъ очень небольшому кружку людей, дѣйствовавшихъ отдѣльно и въ глубокой толпѣ. Паника и надежды были гораздо сильнѣе, чѣмъ бы имъ слѣдовало быть. И правительство преувеличивало опасность, и молодость ошибалась насчетъ силы, за которой она готова была идти“... ¹⁾). Но если Бейдеманъ передъ отъѣздомъ въ Россію работалъ въ типографіи „Колокола“, то позволительно предположить, что ему была извѣстна эта прокламація, и совпаденіе въ такомъ случаѣ можетъ допускать и иное объясненіе, кромѣ ссылки на одинаковыя условія эпохи.

Рѣшеніе было принято. Бейдеманъ перешелъ шведскую границу. Орудія возстанія и цареубійства были при немъ: манифестъ отъ имени Константина Перваго и пистолетъ съ испорченнымъ замкомъ. Мы отмѣчали своеобразный подходъ къ пропагандѣ народнаго возстанія: народъ долженъ былъ возстать во имя царя и по призыву подложнаго манифеста. Въ исторіи революціонныхъ движеній этотъ методъ обманной пропаганды, какъ извѣстно, не давалъ годныхъ результатовъ и былъ негоднымъ оружіемъ. Возстановливая по клочкамъ манифестъ, мы врядъ-ли ошибемся, указавъ на вліяніе статьи Огарева въ № 59 „Колокола“ отъ 1 января 1861 года „На новый годъ“. Бейдеманъ проектировалъ въ манифестъ установленіе областного самоуправленія: Огаревъ какъ разъ и развивалъ тему раздѣленія Россіи по областямъ. Любопытно, что, перечисляя титулы императора Константина Перваго, Бейдеманъ придерживался областныхъ границъ, очерченныхъ Огаревымъ: такъ у него вслѣдъ за Огаревымъ явилась область Бѣломорская, Бѣлорусская, Заднѣпровская, Закавказская и т. д.

Пистолетъ тоже оказался негоднымъ оружіемъ и не сослужилъ пользы Бейдеману. Черезъ полтора года заключенія Бейдеманъ заявилъ, что онъ оговорилъ себя въ замыслѣ на цареубійство, но онъ такъ часто и такъ подробно въ своихъ признаніяхъ развивалъ возможные мотивы цареубійства, что у насъ не остается сомнѣній, что мысль о цареубійствѣ владѣла имъ и была на грани ея воплощенія, съ трудомъ сознаваемой самимъ Бейдеманомъ.

Остальное намъ извѣстно. Планы Бейдемана потерпѣли полное крушеніе, и когда онъ очутился въ Александровскомъ рavelинѣ съ клочками манифеста царя Константина, ему оставалось одно — не опустить своего взора передъ чудовищемъ, которое онъ собирался сразить и утвердить свое революціонное я въ дерзкомъ и смѣломъ заявленіи своихъ мыслей и замысловъ. Одно удовлетвореніе было достижимо для него: сказать всю правду, назвать сановныхъ грабителей Россіи настоящими именами, бросить въ лицо могущественному врагу неслыханныя оскорбленія! Этого удовлетворенія Бейдеманъ добился, но какой цѣной?...

¹⁾ „Голосъ Минувшаго“, указ. кн., ст. 64—65.

Мы знаемъ всѣ объясненія, написанныя Бейдеманомъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ теченіе полуторальнаго заключенія. Съ такой опредѣленностью онъ отстаивалъ передъ тюремщиками свое революціонное право на возстаніе и на царевубійство; правда, въ послѣднемъ заявленіи—письмѣ къ царю онъ отрицался отъ послѣдняго замысла, но сохранялъ ту же независимость тона и сужденій. Все это время онъ ждалъ суда, готовился къ нему, все посылалъ записки и объясненія, боясь, какъ бы его намѣренія не подверглись невѣрному истолкованію. Но какъ разъ ставить Бейдемана на судъ не хотѣли ни III Отдѣленіе во главѣ съ своимъ шефомъ, ни самъ Александръ II. Мы уже указывали на нѣкоторыя колебанія царя въ дѣлѣ Бейдемана. 2 ноября князь Долгоруковъ записалъ на памятникѣ листкѣ, что „государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ поручика Михаила Бейдемана оставить въ Алексѣевскомъ равелинѣ впредь до особаго распоряженія“. Въ декабрѣ III Отдѣленіе занялось разсмотрѣніемъ вопроса о судьбѣ Бейдемана при наличности такого повелѣнія. Сохранилась не получившая движенія записка — удивительный образецъ іезуитизма: Содержаніе ея не передаваемо и она должна быть воспроизведена полностью. Мы просимъ читателя вдуматься въ эту записку:

„Находясь уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ, Бейдеманъ въ собственноручной запискѣ высказалъ свой преступный образъ мыслей и открылъ при этомъ бывшій у него умыселъ на царевубійство съ цѣлью низпровергнуть настоящій образъ правленія въ Россіи.

„Обнаруженіе этого, безъ всякихъ постороннихъ побудительныхъ причинъ къ тому, безъ всякихъ обстоятельствъ, вызывавшихъ его на такую откровенность, ожесточеніе, съ какимъ онъ излагалъ свои мысли по этому предмету: все это доказываетъ раздраженное состояніе его души, свидѣтельствующее въ нѣкоторой степени ненормальность умственныхъ его способностей. Состояніе это, съ оставленіемъ его въ крѣпостномъ заключеніи, едва-ли можетъ измѣниться къ лучшему и, вѣроятно, будетъ имѣть слѣдствіемъ умопомѣшательство.

„Для предупрежденія этого и въ видахъ законности, равнымъ образомъ, и для предупрежденія нареканія со стороны общества, требующаго во всемъ законнаго и гласнаго направленія дѣлъ и осуждающаго обыкновенно административныя мѣры правительства, — хотя бы онѣ были, какъ чаще случается, съ пользою для лицъ, противъ которыхъ мѣры сіи принимаются. — желательно было бы, чтобы Бейдеманъ преданъ былъ законному суду, котораго онъ и самъ проситъ. — Судъ неминуемо приговоритъ его къ тяжкому наказанію, тѣмъ болѣе, что онъ не показываетъ ни малѣйшаго раскаянія; — это также признакъ ненормальнаго состоянія ума, но какъ бы строгъ ни былъ судебный приговоръ, наказаніе, опредѣленное судомъ, ограничивается извѣстнымъ срокомъ, въ продолженіе коего преступникъ побуждается заслужить своимъ добрымъ поведеніемъ облегченіе участи, не лишается надежды въ будущемъ и имѣетъ цѣль жизни; тогда какъ въ заключеніи на неопредѣленный срокъ безнадежность можетъ довести до отчаянія и въ Бейдеманѣ непременно увеличить ожесточеніе.

„При этомъ представляется вопросъ — сколько времени предполагается содержать Бейдемана въ заключеніи и какъ поступитъ съ нимъ, если послѣ нѣсколькихъ лѣтъ Государю Императору угодно

будетъ обратить на него свое милосердіе? — Бейдеманъ еще очень молодъ, чрезъ 10 лѣтъ онъ не достигнетъ еще вполне того возраста, въ которомъ разсудокъ въ состояніи будетъ взятъ верхъ надъ его заблужденіями и увлеченіями, а между тѣмъ десятилѣтнее заключеніе усилитъ въ немъ еще болѣе раздраженіе и въ такомъ положеніи души онъ не въ состояніи будетъ оцѣнить снисхожденія, какъ это доказалъ теперь Бакунинъ¹⁾.

Позвольте понять изъ этой записки, что же предлагаетъ III отдѣленіе? Заключение на неопредѣленный срокъ, какъ ожесточающее Бейдемана, не отвѣчаетъ цѣли, но наказаніе по суду ограничивается опредѣленнымъ срокомъ. Но вѣдь и чрезъ 10 лѣтъ Бейдеманъ будетъ еще очень молодъ и врядъ ли исправится, а кромѣ того десятилѣтнее заключеніе усилитъ въ немъ еще болѣе раздраженіе и т. д., и т. д. Безъ какой-то тягостной тоски нельзя вдумываться въ резоны, выставляемые этой запиской.

Никакихъ новыхъ фактическихъ объясненій отъ Бейдемана болѣе не послѣдовало. Никакихъ розысканій по дѣлу Бейдемана III Отдѣленіе не дѣлало ни въ теченіе перваго полуторалѣтняго періода его заключенія, ни впослѣдствіи. Онъ самъ себѣ былъ и ножъ, и рана. Никакого слѣдствія по его дѣлу не велось, никакого суда не было. Его судьба была рѣшена уже помянутымъ нами листкомъ для памяти, на которомъ записано 2 ноября 1861 года изыщѣйшимъ канцелярскимъ почеркомъ высочайшее повелѣніе объ оставленіи Бейдемана въ Алексѣевскомъ равелинѣ впредь до особаго распоряженія и скрѣплено аккурратно круглою подписью князя Долгорукова.

Особаго распоряженія при жизни Александра II по дѣлу Бейдемана не послѣдовало.

10.

Съ момента заключенія въ равелинъ Бейдеманъ оставался единственнымъ узникомъ въ теченіе полутора мѣсяцевъ, а затѣмъ равелинъ наполнился заключенными и не пустовалъ въ 1861—1866 годахъ. За этотъ періодъ въ равелинѣ побывали лица, отдѣлавшіяся легко и вышедшія на волю. Бейдеманъ, который сидѣлъ въ величайшемъ секретѣ, въ тайнѣ отъ всѣхъ, безъ переписки и свиданій, нашелъ возможность передать черезъ одного изъ выпущенныхъ, что онъ „умоляетъ родныхъ хлопотать объ его освобожденіи, для избавленія его отъ сумасшествія, что пусть лучше сошлютъ его въ солдаты или даже въ каторжную работу—лишь бы выпустили на свѣтъ Божій“. Такія вѣсти отъ Бейдемана пришли осенью 1864 года. Отъ имени сестры Бейдемана Викторіи Степановны Степановой была составлена докладная записка слѣдующаго содержанія:

„Поручикъ Драгунскаго Военнаго Ордена полка Мпхаилъ Степановъ Бейдеманъ, три года тому назадъ безъ вѣсти пропавшій, оказался содержащимся въ С.-Петербургской крѣпости. Мать его въ сентябрѣ минувшаго 1863 года умерла на пути изъ Бессарабіи въ Крымъ для испрошенія у Государя Императора помилванія ея сыну. Тетка Бейдемана Феодосія Яковлева до сихъ поръ не смѣла обратиться

¹⁾ Бакунинъ былъ освобожденъ изъ Шлиссельбургской крѣпости въ 1857 году. Приблизительно въ то время, когда писалась эта записка, Бакунинъ, окончательно оцѣнивъ снисхожденіе правительства, совершалъ побѣгъ изъ Сибири.

съ просьбою о помилованіи его, пока не прибыла сюда изъ Бессарабіи родная сестра его Викторія, которая, по братской любви, надѣется, что братъ ея Михаилъ обратится къ полному раскаянію въ своемъ проступкѣ. Сестра заключеннаго въ крѣпости Бейдемана Викторія, увѣренная въ благодушіи Вашего Сіятельства, осмѣливается испрашивать единственной милости дозволить навѣщать Бейдемана въ его заточеніи“.

Эту записку профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба Н. П. Глиноецкій, находившійся въ родствѣ съ Бейдеманомъ, передалъ генералу Петру Кононовичу Менькову и просилъ его похлопотать за Бейдемана у Н. В. Мезенцева. Изъ письма Глиноецкаго процитированы нами переданныя на волю мольбы Бейдемана. Препровождая записку сестры вмѣстѣ съ письмомъ Глиноецкаго, П. К. Меньковъ писалъ 5 ноября 1864 года Н. В. Мезенцеву:

„Привѣтствую тебя, мой добрый другъ, Николай Владимировичъ! Зная готовность твою на все доброе и честное, я обращаюсь къ тебѣ съ покорнѣйшею просьбою, буде возможно, помочь несчастной семьѣ, жалобы коей изложены въ прилагаемой у сего запискѣ. Генеральнаго штаба полковникъ Глиноецкій, профессоръ Николаевской академіи, въ письмѣ своемъ проситъ за родственника своего. Понятно, что, являясь посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, я знаю только полковника Глиноецкаго, какъ отличнаго и во всѣхъ отношеніяхъ надежнаго офицера и ничего не вѣдаю ни о его семьѣ, ни о родственникахъ. Мать несчастнаго Бейдемана умерла съ горя и лишеній“.

„Пожалуйста, другъ мой Николай Владимировичъ—сдѣлай возможное для несчастныхъ, на сколько допускаютъ долгъ и человѣчность. Увѣдомь меня нѣсколькими словами“.—

Единственной милости дозволить навѣщать Бейдемана въ его заточеніи просила сестра. Сдѣлать возможное для несчастныхъ родныхъ, насколько допускаютъ долгъ и человѣчность, просилъ Меньковъ.

Просьба родныхъ съ приложеніемъ всѣхъ документовъ была доложена князю Долгорукову. Князь подписалъ 14 ноября 1864 года на записочкѣ: „доложено Е. В.—ву, что просительницѣ данъ отвѣтъ неимѣніемъ возможности сказать ей что-либо о ея братѣ. Принять это за правило и на будущее время. Оно передано мною ген.-лейт. Сорокину (коменданту крѣпости)“... Биться головою объ стѣну, вымаливать хоть одно слово о братѣ и услышать: нѣтъ возможности сказать что-либо...

Волна горячихъ слезъ разбилась о холодную и безмолвную скалу III Отдѣленія...

Еще одинъ запросъ былъ сдѣланъ о Бейдеманѣ. Въ № 201 отъ 1 августа 1865 года „Колоколь“ спрашивалъ: „Правда ли, что русскій офицеръ Бейдеманъ, принимавшій участіе въ итальянской войнѣ и выданный австрійцами въ Россію, съ тѣхъ поръ, т. е. третій годъ содержится въ казематѣ, безъ суда, слѣдствія и, стало, приговора¹⁾. Разумѣется, III Отдѣленіе не снисзошло до отвѣта.

¹⁾ Это единственное сообщеніе Герцена о Бейдеманѣ. Ошибки, сдѣланныя въ немъ (выдача австрійцами, содержится третій годъ и т. д.), представляются намъ нарочитыми изъ соображеній осторожности. Понятно, Герценъ не могъ говорить о какихъ-либо своихъ отношеніяхъ къ Бейдеману. Осторожностью объясняется и полнѣйшее отсутствіе какихъ-либо упоминаній о Бейдеманѣ въ сочиненіяхъ и письмахъ Герцена. Вѣсть о Бейдеманѣ дошла до Герцена, очевидно, отъ тѣхъ освобожденныхъ изъ рavelина, которые могли войти въ сношенія съ Бейдеманомъ.

Бейдеманъ былъ забытъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ. Нѣтъ, не забыть. Каждый мѣсяцъ, 1 числа, комендантъ крѣпости представлялъ царю рапортъ, нарисованный изящнѣйшимъ канцелярскимъ почеркомъ: „Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляю при семъ списокъ лицамъ, содержащимся въ Алексѣевскомъ рavelинѣ С.-Петербургской крѣпости за январь, февраль и т. д. мѣсяцъ“. Въ списокѣ были графы: кто именно, съ котораго времени содержится, по чьему повелѣнію, № камеры. Въ графѣ „по чьему повелѣнію“ неизмѣнно писалось „по высочайшему повелѣнію“. И каждый мѣсяцъ царь смотрѣлъ эти доклады, ставилъ на нихъ знакъ разсмотрѣнія и сдавалъ для секретнаго храненія въ III Отдѣленіе. Въ теченіе многихъ лѣтъ, когда Бейдеманъ былъ одинъ въ рavelинѣ, комендантъ писалъ въ докладѣ, что онъ представляетъ списокъ лицу. Значитъ, Бейдеманъ не былъ забытъ... По меньшей мѣрѣ, дѣшадцать разъ въ годъ вспоминалъ царь объ узникѣ, заключенномъ по его высочайшему повелѣнію...

11.

Глубокое молчаніе хранятъ листы архивнаго дѣла о второмъ періодѣ заключенія Бейдемана. Пропалъ человекъ безъ вѣсти, забытъ, забытъ!

Въ іюнѣ 1869 года онъ рѣшился напомнить о себѣ слѣдующимъ прошеніемъ:

„Великій Государь!

„Прошло около восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда я, заарестованный въ Финляндіи, какъ безпаспортный бродяга, — былъ наконецъ привезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость какъ важный политическій преступникъ, имѣвшій самые преступные замыслы противъ Особы Вашего Величества, противъ безопасности гражданъ и противъ спокойствія государства. На первыхъ порахъ я дѣйствительно, каждымъ своимъ шагомъ, только подтверждалъ свое первоначальное письменное показаніе, исполненное необыкновенной рѣзкости и непростительной заносчивости въ выраженіяхъ о такихъ предметахъ, которые должны быть дороги и священны для мало-мальски хорошаго подданнаго, — а потому и долженъ былъ окончательно поколебать всякое сомнѣніе на счетъ характера и свойства своей личности. Признакъ въ Вашему Величеству, что я никакъ не ожидалъ такойнисходительности къ себѣ—послѣ всего того, что было сказано и написано мною, въ продолженіи перваго времени моего пребыванія въ Алексѣевскомъ рavelинѣ,—и какъ я не былъ глубоко убѣжденъ въ благородствѣ и добротѣ Вашего Величества, — все-таки не могъ ожидать такого, по истинѣ, ангельскаго долготерпѣнія съ Вашей стороны, но прошлаго не воротить,—и мнѣ остается только всею своею будущею жизнью стараться искупить свои прошлые грѣхи и оказаться достойнымъ того высоко-благороднаго самообладанія, которымъ Ваше Величество отвѣтили на всѣ тѣ вызывающія, недостойныя ни честнаго человека, ни честнаго гражданина выходки, при воспоминаніи о которыхъ я не могу не чувствовать самое глубокое угрызеніе совѣсти и самое искреннее раскаяніе. Было бы слишкомъ дерзко съ моей стороны, если бы я постарался хоть чѣмъ-нибудь оправдать или

объяснить свое прошлое поведѣніе въ отношеніи къ Вашему Величеству, да этого я и не желаю—это было бы ниже меня и моихъ убѣжденій о человѣческихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ; къ тому же это значило бы поднимать на ноги то прошлое, отъ котораго я не могу не отворачиваться всѣмъ своимъ существомъ—съ негодованіемъ и презрѣніемъ. Но если нельзя окончательно истребить изъ своей памяти прошлый позоръ,—то можно и должно подумать о своемъ будущемъ, которымъ я имѣю возможность—хотя отчасти—загладить это прошлое,—а потому я и осмѣливаюсь просить Ваше Величество, чтобы Оно позволило мнѣ посвятить всю свою будущую жизнь на вѣрное и безрасчетное служеніе Вашему Величеству,—на преданную и неизмѣнную дѣятельность въ интересахъ Вашей власти и Вашей славы; и могу увѣрить Ваше Величество, что какъ бы ни сложились обстоятельства въ будущемъ, я никогда не заслужу упрека ни въ неблагодарности, ни въ измѣнѣ своимъ увѣреніямъ и обѣщаніямъ, даннымъ въ такую минуту, когда вся моя будущность вполне зависитъ отъ доброй воли Вашего Величества.

„Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный М и х а и л ъ Бейдеманъ“.

8 іюля 1869 г. А. Р. 66.

Эта мольба, этотъ вопль безконечно несчастнаго человѣка, сжато сжатый въ пожелтѣлыхъ листахъ архивнаго дѣла и донесшійся до насъ только теперь въ лѣто по Р. Х. тысяча девятьсотъ девятнадцатое, тягостнымъ волненіемъ наполняетъ современное сердце. Душа умирала въ стѣнахъ рavelина и билась въ предсмертныхъ мукахъ. Внутренній свободный человѣкъ въ Бейдеманѣ былъ сломенъ, уничиженъ. Его увѣренія—полная противоположность всѣмъ его увѣреніямъ перваго года заключенія. Онъ обѣщаетъ всю жизнь отдать въ интересахъ царской власти и славы. Онъ распростерся во прахъ униженія и проситъ пощады. Но эта просьба, проникнутая сервильнымъ, неизбѣжнымъ спутникомъ раскаянія, еще хранить остатки чувства собственного достоинства въ самомъ тонѣ: есть еще нѣкоторая въ немъ независимость, несоотвѣтствующая унижительному содержанию. У насъ нѣтъ данныхъ для сужденія о степени искренности обращенія Бейдемана, да они и не нужны, эти данныя. Одною мѣрой измѣряется въ нашихъ глазахъ глубина душевной драмы заточеннаго.

Крикъ о пощаду, возникшій въ мракѣ рavelина, донесся до высоты русскаго престола. Всеподданнѣйшее прошеніе было доложено Его Величеству 12 іюля 1869 года и не вызвало никакого, хотя бы малѣйшаго, движенія по дѣлу Бейдемана, не привело ни къ какому, хотя бы малѣйшему, облегченію его участи. Гласъ вопіющаго! Крикъ о пощаду поднялся изъ казематовъ крѣпости, донесся до вершинъ и стихъ.

И снова книга жизни Бейдемана обрывается. Цѣлое десятилѣтіе со времени обращенія къ царю не оставило ни одной страницы, ни одной строчки памяти въ архивномъ дѣлѣ. Документы молчатъ объ этомъ десятилѣтіи. Мы только знаемъ, что послѣ казни Каракозова и послѣ перевода изъ рavelина каракозовцевъ Худякова и Ишутина 4 октября и офицера Куязева 15 октября 1866 года въ рavelинъ остался одинъ Бейдеманъ. Съ этого времени и до 28 января 1873 года—два появленія въ казематѣ С. Г. Нечаева—въ теченіе 6½ лѣтъ Бей-

деманъ былъ единственнымъ узникомъ рavelина. Когда въ рavelинѣ были заключенные, Бейдеманъ порою могъ вступитъ хотя бы въ нѣкое общеніе съ сосѣдами; стукъ въ стѣну давалъ извѣстное облегченіе; наконецъ, когда нельзя было поддерживать общенія и такимъ образомъ, все же оставалось скрашивающее тоску одиночества сознаніе, что тутъ рядомъ или черезъ камеру, или черезъ корридоръ есть такой же страдающій человѣкъ. Но послѣ 15 октября 1866 года и этого сознанія не было. Одинъ, одинъ, заброшенный въ казематъ, забытый небомъ и людьми! На девятомъ году заключенія въ рavelинѣ и третьемъ году абсолютно одиночнаго заточенія не выдержала и дрогнула душа, а второго десятилѣтія не вынесъ, измѣнилъ человѣку и разумъ.

12.

Книга жизни Бейдемана развертывается передъ нами на записи 1879 года. Минуло 17½ лѣтъ съ момента заключенія въ рavelинѣ, прошло десять лѣтъ со времени обращенія съ просьбой о пощади. 30 января 1879 года Бейдеманъ обратился съ просьбой къ смотрителю рavelина майору Филимонову командировать къ нему для объясненій по его дѣлу довѣренное лицо отъ III Отдѣленія. Комендантъ крѣпости баронъ Е. И. Майфель, который, кажется, былъ человѣкомъ сердобольнымъ и самымъ обходительнымъ изъ всѣхъ комендантовъ, въ тотъ же день явился въ камеру Бейдемана и выслушалъ отъ него ту же просьбу. Въ тотъ же день о его желаніи комендантъ написалъ начальнику III Отдѣленія А. Л. Дрентельну и, чтобы преклонить ухо сановника къ мольбѣ заключеннаго, закончилъ свое письмо слѣдующимъ сообщеніемъ: „смотритель рavelина майоръ Филимоновъ довелъ до моего свѣдѣнія, что, по показанію часовыхъ, стоявшихъ въ корридорѣ при арестантскихъ комнатахъ, въ послѣдніе дни были случаи, когда Бейдеманъ, ночью лежа на постели, рыдалъ“...

Дрентельнъ предложилъ своему товарищу П. А. Черевину съѣздить въ крѣпость и посѣтитъ Бейдемана. На письмѣ коменданта имѣется помѣтка: „Ген.-майоръ Черевинъ лично доложилъ главному начальнику о результатахъ своего посѣщенія арестанта. 31 января 1879 года“. И этими строками исчерпывается все, что мы знаемъ о посѣщеніи... Рѣшительно никакими послѣдствіями для Бейдемана оно не сопровождалось.

Затѣмъ—снова молчаніе архивныхъ листовъ на полтора года, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ о состояніи Бейдемана приносятъ намъ другой источникъ—тѣ сообщенія, которыя Нечаевъ изъ рavelина отправлялъ на волю народовольцамъ и которыя были напечатаны, далеко не въ подлинномъ видѣ, въ 1883 году въ № 1 „Вѣстника Народной Воли“. Извѣстно, что Нечаеву удалось распропагандировать своихъ стражей и черезъ нихъ завязать сношенія съ волей, когда въ рavelинѣ былъ посаженъ 10 ноября 1880 года народоволецъ Степанъ Ширяевъ. Изъ писемъ Нечаева народовольцы получили первыя вѣсти о рavelинѣ, о режимѣ заключенія, о сидѣвшихъ здѣсь. Нечаевъ сообщилъ, между прочимъ, и потрясающія данныя о своемъ товарищѣ по заключенію. „Несчастный узникъ, томимый въ заключеніи болѣе 20 лѣтъ и утратившій рассудокъ, бѣгаетъ по холодному каземату изъ угла въ уголъ, какъ звѣрь въ своей клѣткѣ, и оглашаетъ рavelинъ безумными воплями. Проходя мимо воротъ рavelина въ тихую морозъ-

ную ночь, обыватели крѣпости слышатъ эти вопли. Этотъ безумный узникъ—бывшій офицеръ-академикъ Шевичъ, доведенный тюрьмой до потери разсудка“.

Мы лишены возможности точно установить тотъ моментъ, когда Нечаеву удалось собрать черезъ своихъ часовыхъ свѣдѣнія о своемъ товарищѣ по заключенію или войти съ нимъ въ сношенія. Но ясно во всякомъ случаѣ, что въ этотъ моментъ Бейдеманъ уже не владѣлъ разсудкомъ, даже фамиліи его не могъ узнать Нечаевъ. Въ настоящее время на основаніи пересмотра всѣхъ дѣлъ архива Алексѣевского равелинъ и всѣхъ ежемѣсячно представлявшихся царю рапортовъ коменданта со списками заключенныхъ мы можемъ съ полной достовѣрностью утверждать, что, кромѣ Бейдемана, и Нечаева, за время 1873—1879 года въ равелинѣ не было никого, и сообщенія Нечаева могутъ относиться только къ Бейдеману. Непонятно, почему Нечаевъ называетъ Бейдемана Шевичемъ. Для объясненія этого факта позволительно привести догадку: не напелъ ли Нечаевъ записанной на стѣнахъ фамиліи Шевичъ, который дѣйствительно сидѣлъ по ничтожному обвиненію въ украинскомъ сепаратизмѣ въ Алексѣевскомъ равелинѣ съ 12 сентября по 31 декабря 1862 года? Или въ безуміи самъ Бейдеманъ сталъ считать себя Шевичемъ?

Въ добавленіе къ сообщенію Нечаева въ письмѣ къ народовольцамъ слѣдуетъ привести и краснорѣчивыя строки изъ подлиннаго прошенія Нечаева на имя директора департамента государственной полиціи барона Веліо отъ 25 августа 1880 года о разрѣшеніи пользоваться письменными принадлежностями:—„Проводя скучные, мучительные дни въ хожденіи изъ угла въ уголъ по каземату, какъ звѣрь въ своей клѣткѣ,—проводя еще болѣе мучительныя, безсонныя ночи въ слушаніи безумныхъ воплей несчастнаго сосѣда, доведеннаго одиночнымъ заключеніемъ до ужаснаго состоянія, содрогаясь при мысли, что и меня въ будущемъ ждетъ такая же участь, если не измѣнятся условія праздной жизни, расслабляющей физическія и умственные силы—я обращаюсь съ просьбой“ и т. д.

Человѣкъ сравнительно новый въ департаментѣ полиціи, не вѣзвшійся въ дѣло политическаго розыска, баронъ Веліо противъ строкъ Нечаева о вопляхъ безумнаго сосѣда написалъ: „развѣ нельзя ихъ размѣстить?“ Самъ Нечаевъ, а быть можетъ, дешифровщики его писемъ считали преднамѣреннымъ такое сближеніе двухъ заключенныхъ и дали ему ужасное истолкованіе: „Шевичъ (т. е. Бейдеманъ) не опасенъ для правительства; мучить его также не имѣло бы смысла; почему же держать несчастнаго въ заключеніи? На этотъ вопросъ политика... даетъ объясненіе, ужасающее своимъ безчеловѣчіемъ: безумнаго Шевича держать въ тюрьмѣ, потому, что его примѣръ, его вопли и припадки бѣшенства производятъ потрясающее дѣйствіе на другихъ арестантовъ молодыхъ, мыслящихъ, еще не доведенныхъ до отчаянія. Праздное одиночество въ сыромъ склепѣ, грязное непромытое бѣлье, паразиты, негодная пища, адскій холодъ, оскорбленія и поруганія, побои, веревки, колодки, цѣпи, кандалы—всего этого достаточно, чтобы искалѣчить человѣка, чтобы разрушить физическія силы, но сила нравственная не всегда можетъ быть раздавлена этимъ гнетомъ, и палачи ищутъ для этого другихъ средствъ“.

У насъ нѣтъ данныхъ считать такое объясненіе вѣрнымъ, но нѣтъ и данныхъ для его опроверженія. Но съ полной убѣжденностью

мы говоримъ: да, такое объясненіе возможно. Дѣйствительность его допускаетъ.

Несомнѣнно, къ Бейдеману относятся и тѣ рассказы, которые Кенанъ собралъ отъ жандармовъ, служившихъ въ равелинѣ и сосланныхъ на поселеніе въ Сибирь за содѣйствіе Нечаеву въ его сношеніяхъ съ волей. По словамъ Кенана, „въ 1882 году въ Петербургской крѣпости содержался въ одиночномъ заключеніи офицеръ, который въ концѣ-концовъ пересталъ отвѣчать на вопросы. Призванный къ нему врачъ констатировалъ, что онъ впалъ въ идиотизмъ. Онъ могъ еще ѣсть, пить, но въ его усталыхъ стеклянныхъ глазахъ погасъ послѣдній лучъ сознанія, и онъ почти все время проводилъ, не двигаясь, на постели. Ни имя его, ни совершенное имъ преступленіе никому не извѣстны. О существованіи его дали нѣкоторыя свѣдѣнія жандармы, служившіе въ 1882 году въ Алексѣевскомъ равелинѣ и въ августѣ этого года сосланные въ Сибирь за то, что они помогали перепискѣ заключенныхъ съ ихъ друзьями. По ихъ словамъ, этотъ офицеръ, сдѣлавшійся въ концѣ-концовъ сумасшедшимъ и извѣстный только подъ номеромъ занимаемой имъ камеры, былъ привезенъ на много лѣтъ раньше, чѣмъ его впервые увидѣли разсказавшіе объ этомъ жандармы“.

Прошло еще полтора года. 1 марта 1881 года былъ убитъ Александръ II, затѣмъ произошла перемѣна властей. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Игнатьевъ, а директоромъ департамента полиціи—В. К. Плеве. 20 іюня 1881 года Александру III былъ представленъ докладъ о Бейдеманѣ. Докладъ заключалъ краткое изложеніе извѣстныхъ намъ моментовъ, заканчивавшееся упоминаніемъ объ обращеніи Бейдемана на высочайшее имя; докладъ не предлагалъ никакихъ соображеній о томъ, какъ поступить съ Бейдеманомъ. Графъ Игнатьевъ записалъ рѣшеніе царя:—„Должено 20 іюня въ Петергофѣ. Высочайше повелѣно, если узникъ пожелаетъ, выпустить и свезти въ далекія и малолюдныя мѣста Сибири на жительство“.

18.

Послѣ царской резолюціи, казалось бы, слѣдующая страница книги жизни Бейдемана должна раскрыться на разсказѣ о его освобожденіи. Но воля не была ему суждена. Тотъ же Плеве 29 іюня доложилъ своему шефу графу Игнатьеву: „въ виду имѣющихся указаній на ненормальное состояніе умственныхъ способностей Бейдемана полагалось бы, предварительно приведенія Высочайшаго повелѣнія въ исполненіе, помѣстить его на испытаніе въ Окружную лечебницу всѣхъ скорбящихъ въ Казани“. Плеве не нашелъ возможнымъ освободить безумнаго Бейдемана, а графъ Игнатьевъ пошелъ дальше. Плеве: стѣны дома сумасшедшихъ казались ему ненадежными, и онъ положилъ резолюцію на докладъ Плеве: „Согласенъ, но надо принять мѣры, чтобъ онъ тамъ не сообщался съ людьми, могущими его эксплуатировать во вредъ правительству“. Не совѣмъ ясно, что хотѣлъ сказать графъ Игнатьевъ, но ясно, что онъ требовалъ сугубаго надзора за Бейдеманомъ даже и въ больницѣ для умалишенныхъ. Такъ была приведена въ исполненіе высочайшая воля: „если узникъ пожелаетъ, выпустить“...

1 іюля департаментъ полиціи сдѣлалъ исполненіе по дѣлу Бейдемана. Были отправлены три бумаги съ сакраментальной помѣткой

вверху: „Совершенно секретно. По Высочайшему повелѣнію“ № 3937 предписывалъ коменданту крѣпости сдать Михаила Бейдемана начальнику С.-Петербургскаго жандармскаго управленія геп.-маіору Комарову; № 3939, адресованный генералу Комарову, былъ слѣдующаго содержанія:

„Имѣю честь просить васъ, милостивый государь, принять содержащагося въ Петропавловской крѣпости 14, 46, 35, 40, 66, 35, 17, 66, 18, 13, 35, 67, 13, 67, 15, 13, 27, 13 ¹⁾, отъ коменданта крѣпости и сдѣлать распоряженіе о препровожденіи его подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ двухъ надежныхъ унтеръ-офицеровъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи, при полномъ разобщеніи съ окружающими лицами, по желѣзной дорогѣ въ г. Нижній-Новгородъ и далѣе на пароходѣ въ г. Казань, гдѣ означенное лицо должно быть слано въ распоряженіе Казанскаго Губернатора для помѣщенія въ Окружную лечебницу всѣхъ скорбящихъ“.

Казанскому губернатору министръ внутреннихъ дѣлъ по департаменту государственной полиціи (№ 3938) писалъ:

„Имѣю честь просить Ваше превосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе о принятіи имѣющаго прибыть въ г. Казань подъ надлежащимъ конвоемъ арестанта 14, 46, 35, 40, 66, 35, 17, 66, 18, 13, 35, 67, 13, 67, 15, 13, 27, 13, для помѣщенія въ Окружную лечебницу всѣхъ скорбящихъ на предметъ испытанія состоянія его умственныхъ способностей, поручивъ Директору лечебницы доктору Фрезе лично произвести тщательное изслѣдованіе состоянія здоровья упомянутаго лица, обязавъ его представить вамъ подробное заключеніе свое о результатахъ изслѣдованія, съ подробнымъ опредѣленіемъ какъ формы умопомѣшательства арестанта, такъ и приблизительнаго срока его выздоровленія, если таковое предвидится. Независимо отъ сего, имѣю честь просить Васъ, М. Г., принять всѣ мѣры къ тому, чтобъ названный арестантъ во все время пребыванія въ лечебницѣ находился въ совершенно отдѣльномъ помѣщеніи, изъ коего отнюдь ни подъ какимъ предлогомъ выпускаемъ не былъ при полномъ разобщеніи съ окружающими лицами, оградивъ его притомъ отъ сообщенія съ людьми, могущими его эксплуатировать во вредъ правительству. Сообщая о вышеизложенномъ, имѣю честь просить ваше превосходительство о послѣдующемъ не оставить увѣдомленіемъ“.

4 іюля Бейдеманъ былъ выданъ изъ равелина генералу Комарову, а 8 іюля отбылъ для принятія Казанскимъ губернаторомъ для помѣщенія въ больницу. Губернаторъ извѣщалъ, что „о результатахъ изслѣдованія состоянія его умственныхъ способностей мною будетъ представлено особое сообщеніе, по полученіи надлежащихъ свѣдѣній отъ г. директора лечебницы Фрезе“.

Губернаторъ выдалъ жандармскому унтеръ-офицеру Габедуллѣ Абраимову двѣ квитанціи: первую въ томъ, что принять имъ секретный пакетъ и арестантъ, который претензіей не заявлялъ, вторую въ томъ, что приняты вещи, бѣлье, бархатная красная шапочка и евангеліе.

Счеты равелина съ Бейдеманомъ закончились тогда, когда былъ разрѣшенъ вопросъ о судьбѣ собственныхъ его вещей, взятыхъ у него при заключеніи въ равелинъ. По описи значилось: полукафтанъ

¹⁾ Цифрами зашифрована фамилія Бейдемана.

форменный кавалерійскій чернаго сукна съ погонами, шаровары сине-фъроватаго сукна, рубаха полотняная, фуражка форменная, каска безъ султана, кавалерійская въ кожаномъ футлярѣ, сапоги со шпорами и штиблеты, галстухъ съ манишкою форменный, носки нитяные, сак-вояжъ, эполеты кавалерійскіе, погоны, шарфъ, португезя кавале-рійская, лядунка съ перевязью, китель холщевый съ погонами, панталоны лѣтніе, пистолетъ двухствольный (испорченный), ножъ въ деревянномъ черешкѣ. Всѣ эти вещи, по донесенію коменданта, пришли въ разрушеніе.

Еще бы, съ 1861 года за 20 лѣтъ! За это время и человекъ при-шелъ въ разрушеніе.

Департаментъ полиціи отвѣтилъ коменданту, что вещи въ виду ветхости ихъ подлежатъ уничтоженію. Комендантъ предписалъ смотрителю равелина „уничтожить вещи сожженіемъ въ присутствіи двухъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, а металлическія вещи, какъ-то: пи-столетъ, шашку и проч. сломать въ куски и бросить въ Неву, въ чемъ составить актъ, за общими подписями участвовавшихъ. 20 іюля вещи были сожжены, а металлическія вещи сломаны въ куски и брошены въ рѣку Неву“.

О вещахъ, конечно, было больше заботъ и хлопотъ, чѣмъ о человекѣ...

№ 14.

Опять перерывъ, опять молчатъ архивные листы. И наконецъ книга жизни Михаила Бейдемана раскрывается сразу на послѣдней страницѣ...

Казанскій губернаторъ отвѣчалъ 8 іюля 1881 года департаменту полиціи, что о результатахъ медицинскаго изслѣдованія имъ будетъ представлено особое донесеніе. Слѣдующее по времени сообщеніе ка-занскаго губернатора было отправлено имъ черезъ 6½ лѣтъ. И тутъ забыли Бейдемана. 10 декабря 1887 года (№ 1022) губернаторъ писалъ въ департаментъ полиціи: „На отношеніе отъ 1 іюля 1881 года за № 8988, имѣю честь увѣдомить Департаментъ Полиціи, что нахо-дившійся въ Казанской Окружной лечебницѣ во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ на испытаніи въ состояніи умственныхъ способно-стей арестантъ изъ государственныхъ преступниковъ № 14, 46, 85, 40, 66, 85, 17, 66, 18, 13, 35, 67, 15, 13, 27, 13—5 сего декабря умеръ“.

Цифрами зашифрована фамилія—Михаилъ Бейдеманъ...

5 декабря 1887 года закрылась навсегда книга жизни Михаила Бейдемана ¹⁾.

¹⁾ Основное дѣло о Бейдеманѣ—Архивъ III Отдѣленія, 1 эксп. 1860, № 282. Свидѣнія о пребываніи въ равелинѣ—въ дѣлѣ № 10, управленіе Комен-данта С. Петерб. крѣпости по Алексѣевскому равелину (по описи Деп. Пол. № 159). Формулярный списокъ о службѣ Бейдемана—въ Лефортовскомъ архивѣ (1 моск. отд. III секціи Г. А. Ф.). Докладъ министра финансовъ съ донесеніемъ Начальника Скулянскаго таможеннаго округа въ дѣлѣ III Отд. 1 эксп. 1861 № 54. См. также въ Отчетѣ о дѣйствіяхъ III Отд. собств. Е. И. В. канцеляріи за 1861, стр. 1—3.

Передъ нами прошла вся его жизнь.

Одинъ годъ (1860—1861) восторженныхъ порывовъ, благороднѣйшаго одушевленія и пылкихъ мечтаній. Благо народа, слава подвига, факель народного возстанія!

И черезъ годъ сразу Алексѣевскій равелинъ. Вошелъ увѣреннымъ въ себѣ, пылкимъ и дерзкимъ энтузіастомъ. Онъ не поддастся, не измѣнитъ себѣ, не пожертвуетъ самой ничтожной долей своихъ убѣжденій, своего я!

Пережить рѣдкое и острое удовлетвореніе—бросить въ лицо всѣ рѣзкія оскорбительныя слова, прямо въ лицо!

Затѣмъ медленное, разлагающее, засасывающее дѣйствіе равелина. Попытка напомнить о себѣ, крикнуть: авось услышатъ! Мучительный вопль о пощадѣ. „Я весь вашъ, только пустите!“ Трепетное ожиданіе—услышатъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

И за громкимъ воплемъ, затихнувшимъ у высоты престола, разумнымъ воплемъ—безумные, дикіе вопли, слышныя часовымъ, да сосѣдямъ по камерѣ. Изъ угла въ уголъ, точно звѣрь въ клѣткѣ, вопить и бьется головой объ стѣну. А по ночамъ въ затишьи, быть можетъ, въ свѣтлые моменты сознанія—слезы на кровати.

20 лѣтъ заключенія въ равелинѣ.

Увсаенъ лишеннымъ разсудка. И еще 6½ лѣтъ той же жизни сумасшедшаго въ больницѣ.

26½ лѣтъ заключенія за годъ революціонныхъ восторговъ...

1919-ый годъ. Совершились желанія и надежды Бейдемана. Народное возстаніе ниспровергло всѣ устои жизни, государственной и общественной. Съ тягостнымъ волненіемъ читаемъ мы повѣсть безпримѣрныхъ страданій во имя блага народа. И одинокій офицеръ, вчера еще безвѣстный для насъ, сегодня становится знакомымъ, близкимъ. Въ пантеонъ русской революціи прибавляется новое имя.

Оторвемся на минуту отъ непрерывно бѣгущихъ интересовъ дня, задумаемся надъ книгой жизни Михаила Степановича Бейдемана, преклонимся предъ подвигомъ его души и почтимъ его память.

П. Щеголевъ.

1919.

Май—Іюль.

БЫЛОЕ

№ 15

1919

Послѣдніе дни стараго режима.

I.

Состояніе власти ¹⁾.

Болѣзнь государственнаго тѣла Россіи. — Царь, императрица, Вырубова, Распутинъ. — Великіе князья. — Дворъ. — Кружки; Бадмаевъ. Андронниковъ и Манасевичъ-Мануйловъ. — Правые. — Правительство; Совѣтъ Министровъ; Штурмеръ, Треповъ и Голицынъ. — Отношеніе правительства къ Думѣ. — Гр. Игнатьевъ и Покровский. — Бѣляевъ. — Н. Маклаковъ и Бѣлецкій. — Протопоповъ.

На исходѣ 1916 года всѣ члены государственнаго тѣла Россіи были поражены болѣзью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излѣченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операціи. Такъ понимали въ то время положеніе всѣ люди, обладавшіе государственнымъ смысломъ; ни у кого не могло быть сомнѣнія въ необходимости операціи; спорили только о томъ, какую степень потрясенія, по необходимости сопряженнаго съ нею, можетъ вынести разслабленное тѣло. По мнѣнію однихъ, государство должно было и во время операціи продолжать исполнять то дѣло, которое главнымъ образомъ и ускорило ростъ болѣзни; именно вести вѣдущую войну; по мнѣнію другихъ, отъ этого дѣла оно могло отказаться.

Какъ бы то ни было, операція, первый періодъ которой прошелъ сравнительно безболѣзненно, совершилась. Она застигла врасплохъ представителей обоихъ мнѣній и протекла въ формахъ, неожиданныхъ для представителей разныхъ слоевъ русскаго общества.

Главный толчокъ къ развитію болѣзни дала война; она уже третій годъ расшатывала государственный организмъ, обнаруживая всю его ветхость и лишая его послѣднихъ творческихъ силъ. Осенній призывъ 1916 года захватилъ тринадцатый милліонъ землепашцевъ, ремесленниковъ и всѣхъ прочихъ техникувъ своего дѣла; непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было—параличъ главныхъ артерій, питающихъ страну; для борьбы съ наступившимъ кризисомъ неразрывно связанныхъ между собою продовольствія и транспорта требовались исключительные люди и исключительныя способности; между тѣмъ, власть, раздраемая различными вліяніями и лишенная волн, сама пришла къ бездѣйствію; въ ней, по словамъ одного изъ

¹⁾ Печатаемая настоящую статью, редакция считаетъ необходимымъ указать, что фактическая ея часть основана на показаніяхъ, данныхъ и матеріалахъ, собранныхъ учрежденной Временнымъ правительствомъ Чрезвычайной Комиссіей по разслѣдованію преступленій бывшихъ министровъ, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Н. К. Муравьева. Въ статьѣ всѣ выскочки и выскочки цитаты заимствованы изъ подлинныхъ документовъ. Документальныя приложенія къ статьѣ А. Блока будутъ напечатаны въ одной изъ ближайшихъ книгъ „Былого“.

ея представителей, не было уже ни одного «боевого атома», и весь «духъ борьбы» выражался лишь въ томъ, чтобы «ставить заслоны».

Императоръ Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившійся ко всему, извѣрившійся въ людяхъ, задержанный и осторожный на словахъ, былъ уже «самъ себѣ не хозяинъ». Онъ пересталъ понимать положеніе и не дѣлалъ отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь въ руки тѣхъ, кого самъ поставилъ у власти. Распутинъ говорилъ, что у него «внутри недостаетъ». Имѣя наклонность къ общественности, Николай II боялся ея, тая давнюю обиду на Думу. Ставъ верховнымъ главнокомандующимъ, императоръ тѣмъ самымъ утратилъ свое центральное положеніе, и верховная власть, бывшая и безъ того «въ плѣну у биржевыхъ акулъ», расплылась окончательно въ рукахъ Александры Федоровны и тѣхъ, кто стоялъ за нею.

Императрица, которую иные находили умной и блестящей, въ сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердымъ характеромъ, была всецѣло подъ вліяніемъ Распутина, который звалъ ее Екатериной II, и того «большого мистическаго настроенія» особаго рода, которое, по словамъ Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно отдѣлило ее отъ внѣшняго міра. Самолюбивая женщина, «относившаяся къ Россіи, какъ къ провинціи мало культурной» и совмѣщавшая съ этимъ обожаніе Распутина, ставившаго ее на поклонны; женщина, воспитанная въ англійскомъ духѣ и молившаяся вмѣстѣ съ тѣмъ въ «тайничкахъ» Феодоровскаго Собора, — дѣйствительно управляла Россіей. «Едва ли можно сохранить самодержавіе, — писалъ около новаго года придворный исторіографъ, генералъ Дубенскій, — слишкомъ появилась глубокая ровнь русскихъ интересовъ съ интересами Александры Федоровны».

Въ «мистическій кругъ» входила наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы А. А. Вырубова, иногда судившая царя «своею простотою ума», покорная Распутину, «фонографъ его словъ и внушеній». Ей, по ея словамъ, «вся Россія присылала всякія записки, которыя она механически передавала по назначенію».

«Связью власти съ міромъ» и «цѣнителемъ людей» былъ Григорій Распутинъ; для однихъ — «смерзавецъ», у котораго была «контора для обдѣлыванія дѣлъ»; для другихъ — «великій комедьянтъ»; для третьихъ — «удобная педаль нѣмецкаго шпіонажа»; для четвертыхъ — упрямый, неискренній, скрытный человѣкъ, который не забывалъ обидъ и мстилъ жестоко, и который нѣкогда учился у магнетизера. О вредѣ Распутина напрасно говорили царю такіе разнообразныя люди, какъ Родзянко, генералъ Ивановъ, Кауфманъ-Туркестанскій, Нилъ, Орловъ, Дрентельнъ, великіе князья, Фредериксъ. Мнѣнія представителей власти, знавшихъ этого безграмотнаго «старца», котораго Вырубова назвала «неаппетитнымъ», при всемъ ихъ разнообразіи, сходятся въ одномъ: всѣ они — нелестны; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, извѣстно, что всѣ они, больше или меньше, зависѣли отъ него; область вліянія этого человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, была громадна; жизнь его протекала въ исключительной атмосферѣ поклоненія и ненависти: на него молились, его искали уничтожить; недюжинность распутнаго мужика, убитаго въ спину на Юсуповской «вечеринкѣ с граммофономъ», сказала, пожалуй, болѣе всего въ томъ, что пуля, его прикончившая, попала въ самое сердце царствующей династіи.

Затворники Царскаго Села и «маленькаго домика» Вырубовой, окрестившіе другъ друга и тѣхъ, кто приходилъ съ ними въ соприкосновеніе, такими же законспирированными кличками, какія были въ употребленіи въ самыхъ низахъ — въ департаментѣ полиціи, — были отдѣлены отъ міра

пропастью, которая, по волѣ Распутина, то суживалась, открывая доступъ избраннымъ вліяніямъ, то расширялась, становясь совершенно непреодолимой даже для родственниковъ царя, отодвинутыхъ тѣмъ же Распутинымъ на второй планъ; часть ихъ перешла въ оппозицію. «Теперь всѣ Владимировичи и всѣ Михайловичи въ полномъ протестѣ противъ императрицы», записывалъ въ дневникѣ Дубенскій; они обращались къ царю съ письмами и записками; такъ, Георгій Михайловичъ въ ноябрѣ писалъ царю о ненависти къ Штурмеру самыхъ умѣренныхъ круговъ въ арміи и о желательности отвѣтственного министерства, какъ единственной мѣрѣ для спасенія Россіи. Письмо Николая Михайловича уже опубликовано. Въ обширномъ письмѣ Александра Михайловича отъ 25 декабря—4 февраля указано, что политика царя идетъ въ разрѣзъ съ желаніемъ народа, что нужно дать свободу общественнымъ силамъ и выбрать министровъ, которымъ страна повѣритъ, и что существующее правительство само подготавливаетъ революцію.

Милюковъ былъ въ средѣ этихъ оппозиционно настроенныхъ великихъ князей послѣ убійства Распутина, въ которомъ одинъ изъ нихъ былъ замѣшанъ, что особенно отшатнуло отъ нихъ царя, написавшаго въ отвѣтъ на просьбу «смягчить участь» Дмитрія Павловича извѣстную фразу: «никому не дано право заниматься убійствомъ». Настроеніе въ этой средѣ было двойственное: радовались тому, что очистилась атмосфера, но къ возможности безболѣзненного исхода изъ положенія относились безнадежно.

Гораздо ближе къ царской семьѣ стоялъ кругъ придворныхъ. Въ этомъ кругу, гдѣ «атмосфера, по выраженію Воейкова, была манекень», кипѣла борьба мелкихъ самолюбіи и интригъ. Десятка два людей, у каждого изъ которыхъ были свои обязанности («я въ шахматы играю, я двери открываю»), трепетали надъ тѣмъ, кто изъ нихъ займетъ мѣсто министра двора послѣ смерти стараго, временами вовсе выживающаго изъ ума «дорогого графа» Фредерикса, къ которому царь питалъ большую привязанность. Нѣкоторые изъ этихъ людей, весьма занятыхъ биржевыми дѣлами и получившихъ отъ правительственныхъ нивозъ не очень лестный эпитетъ «придворной рвани», были, по своему, «конституціонно» настроены; большинство питало яркую ненависть къ Распутину. Среди нихъ выдѣлялись—ближе всѣхъ стоявшій къ царской семьѣ зять Фредерикса, Воейковъ, ловкій коммерсантъ и владѣлецъ Куваки,—и Ниловъ, старый «морской волкъ», пьяница, котораго любили за грубость; этотъ послѣдній всѣхъ откровеннѣе говорилъ съ царемъ о Распутинѣ; получивъ отпоръ, какъ всѣ остальные, онъ смирился и твердилъ одно: «Будетъ революція, насъ всѣхъ повѣсятъ, а на какомъ фонарѣ, все равно».

Эта среда, какъ и среда правительственная, была ареной, на которой открывался широкій просторъ вліяніямъ большихъ и малыхъ кружковъ; отсюда летѣли записки, диктовались назначенія, шла вся «большая политика»; наиболѣе видными кружками были кружки Бадмаева, кн. Андронникова и Манасевича-Мануйлова.

Бадмаевъ—умный и хитрый азіатецъ, у котораго въ головѣ былъ политическій хаосъ, а на языкѣ шуточки, и который занимался, кромѣ тибетской медицины, бурятской школой и бетонными трубами,—дружилъ съ Распутинымъ и съ Курловымъ, нѣкогда сыгравшимъ роль въ убійствѣ Столыпина; при помощи Бадмаевского кружка получилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ.

Князь Андронниковъ, вертѣвшійся въ придворныхъ и правительственныхъ кругахъ, подносившій иконы министрамъ, цвѣты и конфеты ихъ женамъ, и знакомый съ царскосельскимъ камердинеромъ, характери-

звать самъ себя такъ: «человѣкъ, гражданинъ, всегда желавшій принести какъ можно больше пользы».

Манасевичъ-Мануйловъ, ловкій и умный журналистъ, былъ сотрудникомъ «Новаго Времени», газеты, много лѣтъ вдохновлявшей и пугавшей правительство.

Партія правыхъ, сильно измельчавшая, также разбилась на мелкіе кружки, которые дѣйствовали путемъ записокъ и личныхъ вліяній. Ихъ оппозиція правительству принимала угрожающіе размѣры при попыткахъ сократить субсидіи, которыми они пользовались всегда, но размѣры которыхъ не были баснословны. Среди правыхъ были, повидимому, и люди дѣйствительно безкорыстно преданные идеѣ самодержавія. Для этихъ «послѣднихъ могиكانъ», по выраженію Н. Маклакова, было однако ясно, что они «стояли у могилы того, во что вѣровали»; въ запискѣ, составленной въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданной царю Голицынымъ въ ноябрѣ, и въ запискѣ Говорухи-Отрока съ поправкой Маклакова, переданной царю въ январѣ, правые тѣшечно пытались убѣдить его взять болѣе твердый курсъ, особенно, по отношенію къ Думѣ, и оставить подражаніе «походкѣ пьянаго—отъ стѣны къ стѣнѣ». Не остановили крушенія—ни выхода Маркова, ни письмо Маклакова, ни попытка усиленія праваго крыла Государственнаго Совѣта при содѣйствіи политически безпринципнаго Щегловитова, ни послѣднія назначенія, вродѣ назначенія князя Голицына.

Если всѣ описанные круги были проникнуты своеобразнымъ міросозерцаніемъ, которое хоть иногда давало имъ возможность взглянуть въ лицо жизни,—то круги бюрократическіе, непосредственно къ нимъ примыкающіе и передъ ними отвѣтственные, давно были лишены какого бы то ни было подобія міросозерцанія. Все учающуюся смѣну лицъ въ этихъ кругахъ Пуришкевичъ называлъ «министерской чехардой»; но лица эти не обновляли и не поддерживали власть, а только ускоряли ея паденіе. Правительство, которое давно не имѣло представленія не только о народѣ, но и о «земской Россіи и Думѣ», возглавлялось «недружнымъ, другъ другу не довѣряющимъ» Совѣтомъ Министровъ; это учрежденіе перестало жить политической жизнью со временъ Столыпина, послѣдняго крупнаго дѣятеля самодержавія; съ тѣхъ поръ, оно постепенно превращалось, а при Штюрмерѣ фактически превратилось, въ старый Комитетъ Министровъ, стоящій внѣ политики и занимающійся «дѣловымъ» регулированіемъ общеперской службы, которая, по словамъ людей живыхъ и сколько-нибудь связанныхъ со страной, давно стала «каторгой духа и мозга». «Совѣтъ Министровъ, говоритъ Протопоповъ, остался позади жизни и сталъ какъ бы тормазомъ народному импульсу».

Въ сущности, уже замѣна опытнаго, но окончательно одряхлѣвшаго бюрократа Горемыкина на посту предсѣдателя Совѣта Министровъ Штюрмеромъ, въ которомъ царь, какъ оказалось впослѣдствіи, видѣлъ «земскаго дѣятеля», заставила многихъ привадуматься. Штюрмеръ имѣлъ весьма величавый и хладнокровный видъ и самъ аттестовалъ свои руки, какъ «крѣпкія руки въ бархатныхъ перчаткахъ». На дѣлѣ, это было только «футляромъ», въ которомъ скрывался хитрый обыватель, дѣлавшій все «подъ шумокъ», съ «канцелярскими уловками»; это была игрушка въ рукахъ Манасевича-Мануйлова, «старикашка на веревочкѣ», какъ выразился однажды о немъ Распутинъ, которому случалось и прикрикнуть на безпамятнаго, одержимаго старческимъ склерозомъ и торопившагося, какъ бы только сбыть съ рукъ дѣло, премьера.

Ославленному Милюковымъ въ Думѣ Штюрмеру пришлось уступить мѣсто Трепову. На долю этого бюрократа выпала непосильная задача—

звать твердый курсъ въ ту минуту, когда буря началась (въ ноябрѣ 1916 года); при Треповѣ считалось «хорошимъ тономъ» избѣгать примѣненія 87 статьи; но всѣ уловки только подливали масла въ огонь, и недостаточно сильный, ничего не успѣвший измѣнить за 48 дней своего премьерства, Треповъ палъ, побѣжденный Протопоповымъ, которому удалось уловить его на предложеніи отступного Распутину (чтобы послѣдній не мѣшался въ государственныя дѣла).

Послѣднимъ премьеромъ былъ князь Н. Д. Голицынъ, самыя обстоятельства назначенія котораго показываютъ, до какой растерянности дошла власть. Стоявшій вдали отъ дѣлъ и завѣдывавшій съ 1915 года только «Комитетомъ помощи русскимъ военнопленнымъ», Голицынъ былъ вызванъ въ Царское Село, будто бы императрицей. Его встрѣтилъ царъ, который поговорилъ о томъ, кого бы назначить премьеромъ («Рухловъ не знаетъ французскаго языка, а на дняхъ собирается конференція союзниковъ») и, наконецъ, сказалъ: «Я съ вами хитрю, вызывалъ васъ я, а не императрица, мой выборъ палъ на васъ». Голицынъ, «мечтавшій только объ отдыхѣ», напрасно просился въ отставку. Едва ли старый аристократъ, брезгливо называвшій народъ «чернюк» и не твердо знакомый съ дѣлопроизводствомъ Совѣта Министровъ, могъ справиться съ претившими ему ставленниками Распутина—Протопоповымъ и Добровольскимъ; Протопопова не могли осилить и болѣе сильные, у него была особая звѣзда, погасшая лишь тогда, когда все было кончено.

Характерно для той «большой политики», которую дѣлалъ Совѣтъ Министровъ и которая сводилась къ изысканію средствъ отдалить неминуемый созывъ Государственной Думы, засѣданіе Совѣта Министровъ 3 января. Его дѣловая сторона изложена въ слѣдующей «памятной запискѣ», составленной И. Лодыженскимъ:

«Совѣтъ Министровъ, въ засѣданіи 3 января 1917 года, обсуждалъ вопросъ о времени предстоящаго возобновленія занятій законодательныхъ учрежденій, причемъ въ средѣ Совѣта были заявлены различныя мнѣнія

«Пять Членовъ (Покровский, Шуваевъ, Николаенко, Феодосьевъ и Ланговой) высказались, что въ соответствии съ Высочайшимъ Указомъ отъ 15 декабря 1916 года Государственная Дума должна быть созвана 12 января, но возможность созыва Думы должна быть подготовлена соответствующими мѣропріятіями.

«Предсѣдатель и 8 членовъ (Григоровичъ, Риттихъ, Добровольскій, Протопоповъ, Разумовскій, Войновскій-Кригеръ, Раевъ и Кульчицкій) находили, что при настоящемъ настроеніи думскаго большинства открытіе Думы и появленіе въ ней Правительства неизбежно вызоветъ нежелательныя и недопустимыя выступленія, слѣдствіемъ коихъ долженъ бы явиться роспускъ Думы и назначеніе новыхъ выборовъ. Во избѣжаніе подобной крайней мѣры, Предсѣдатель и согласные съ нимъ Члены Совѣта считали предпочтительнымъ на нѣкоторое время отсрочить созывъ Думы, назначивъ срокъ созыва на 31 января.

«А. Д. Протопоповъ, къ мнѣнію котораго присоединились Н. А. Добровольскій, Н. К. Кульчицкій и Н. И. Раевъ, полагали продолжить срокъ настоящаго перерыва занятій Думы до 14 февраля».

Эту формальную и сухую запись дополняетъ живая характеристика засѣданія, сдѣланная однимъ изъ его участниковъ—Н. Н. Покровскимъ. Изъ его разсказа мы знаемъ, что Протопоповъ развивалъ здѣсь свою «необыкновенную теорію политическихъ теченій въ Россіи», которую онъ повторилъ и въ засѣданіи 25 февраля. Теорія, по словамъ Н. Н. Покровскаго, заключалась въ томъ, что революціонное теченіе (анархизмъ и со-

циализмъ) постепенно втекаетъ въ оппозиціонное (общественные элементы съ Государственной Думой во главѣ); такимъ образомъ, оппозиціонное теченіе совпадаетъ съ революціоннымъ и стремится захватить власть, вслѣдствіе чего слѣдуетъ бороться съ оппозиціей всѣми средствами, вплоть до роспуска Думы. Далѣе, Протопоповъ, по словамъ Покровскаго, предлагалъ «графическую схему» и «несъ окольную», такъ что нѣсколько лицъ переглянулись и спросили другъ друга: «Вы что-нибудь поняли»? Характерно, однако, что мѣнѣе Протопопова было принято, хотя онъ и пошелъ на извѣстную уступку.

Среди членовъ правительства было немного лицъ, о которыхъ можно говорить подробно, такъ какъ ихъ личная дѣятельность мало чѣмъ отмѣчена; всѣ они неслись въ неудержимомъ водоворотѣ къ неминуемой катастрофѣ. Среди нихъ были и люди высокой честности, какъ, напримѣръ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Игнатьевъ, много разъ просившійся въ отставку и смѣненный Кузьминскимъ лишь за два мѣсяца до переворота, и министръ иностранныхъ дѣлъ Покровский, которому приходилось указывать на невозможность руководить внѣшней политикой при существующемъ курсѣ политики внутренней; но и эти люди ничего не могли сдѣлать для того, чтобы предотвратить катастрофу.

Большую роль въ февральскіе дни пришлось сыграть послѣднему военному министру генералу Бѣляеву, котораго Родзянко считаетъ человекомъ порядочнымъ. А. А. Полливановъ характеризуетъ его, какъ своего бывшаго ученика—старательнаго и добросовѣстнаго, но къ творчеству неспособнаго и склоннаго къ угодничеству.

Нельзя обойти молчаніемъ двухъ лицъ, которыя приняли участіе въ развѣтывающихся событіяхъ и готовились стать у власти. Одинъ изъ нихъ—бывшій министръ вн. дѣлъ, любимецъ царя, Н. Маклаковъ, котораго царскій курьеръ не засталъ на Рождествѣ въ Петербургѣ; повидимому, онъ имѣлъ шансы смѣнить Протопопова; будучи человекомъ правыхъ убѣжденій, Маклаковъ создавалъ «внѣ суматохи и безконечнаго верченія административнаго колеса, что дѣло правыхъ, которыхъ «били, не давали встать, и опять били», безвозвратно проиграно.

Другимъ претендентомъ на власть, который долженъ былъ наканунѣ переворота стать замѣстителемъ генерала Батюшина, былъ С. Бѣлепкій, выдающійся въ свое время директоръ департамента полиціи, едва не ставшій оберъ-прокуроромъ синода; это былъ человекъ практики, услужливый и искательный, который умѣлъ «всюду втереться».

Послѣднему министру внутреннихъ дѣлъ Протопопову суждено было занять неключительное мѣсто въ правительственной средѣ. Роль его настолько велика, что на его характеристикѣ слѣдуетъ остановиться подробнѣй.

А. Д. Протопоповъ, помѣщикъ и промышленникъ изъ симбирскихъ дворянъ и членъ Государственной Думы отъ партіи 17 октября, былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя четвертой Государственной Думы. О немъ заговорили тогда, когда, весной 1916 года, онъ отправился за границу, въ качествѣ члена парламентской делегаціи, и на обратномъ пути, въ Стокгольмѣ, имѣлъ бесѣду съ совѣтникомъ германскаго посольства Варбургомъ. Подробности этой бесѣды, имѣвшей цѣлью нащупать почву для заключенія мира, передавались различно, не только лицами, освѣдомленными о ней, но и самимъ Протопоповымъ.

Въ то время у Протопопова были уже широкіе планы. Онъ лелѣялъ мысль о большой газетѣ, которая объединила бы промышленные круги, и въ которой сотрудничали бы «лучшіе писатели—Милуковъ, Горькій и... Меньшиковъ». Газета воплотилась въслѣдствіи въ «Русскую Волю». Тогда

же въ голову его вступила «дурная и несчастная мысль насчетъ министерства», ибо «честолюбіе его бѣгало и прыгало»; первоначально онъ думалъ лишь о министерствѣ торговли.

Дѣйствуя одновременно въ разныхъ направленіяхъ и не порывая отношеній съ думской средой, Протопоповъ съумѣлъ провякнуть къ царю и заинтересовать его своей стокгольмской бесѣдой, а также—приблизиться къ Вадмаеву, съ которымъ свела его болѣзнь, и къ его кружку, гдѣ онъ узналъ Распутина и Вырубову.

16 сентября 1916 года Протопоповъ, неожиданно для всѣхъ и нѣсколько неожиданно для самого себя, былъ, при помощи Распутина, назначенъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Ему сразу же довелось проникнуть въ самый «мистическій кругъ» царской семьи, оставивъ за собой какъ Думу и прогрессивный блокъ, изъ которыхъ онъ вышелъ, такъ и чуждые ему бюрократическіе круги, для которыхъ онъ былъ непріятенъ, и придворную среду, которая увидѣла въ немъ выскочку.

Почувствовавъ «откровенную преданность» и искреннее обожаніе къ «Хозяину Земли Русской» и его семьѣ, и получивъ кличку «Калинина» (данную Распутинымъ), Протопоповъ, съ присущимъ ему легкомысліемъ и «маніей величія», задался планами спасенія Россіи, которая все еще представлялась ему «царской вотчиной». Онъ замыслилъ передать продовольственное дѣло въ министерство внутреннихъ дѣлъ, произвести реформу земства и полиціи и разрѣшить еврейскій вопросъ.

На дѣлѣ оказалось прежде всего полное незнакомство съ вѣдомствомъ, сказавшееся, напримѣръ, при посѣщеніи Москвы, ярко описанномъ Челноковымъ. Протопоповъ сталъ управлять министерствомъ, постоянно болѣя «дипломатическими болѣзнями», при помощи многочисленныхъ и часто мѣняющихся товарищей; среди нихъ были неофіціальныя, какъ Курловъ, возбуждавшій особую къ себѣ и своему прошлому ненависть въ общественныхъ кругахъ. Протопопову, по его словамъ, «некогда было думать о дѣлѣ»; онъ втягивался все болѣе въ то, что называлось въ его времена «политикой»; будучи «рѣдкимъ гостемъ въ Совѣтѣ Министровъ», онъ былъ частымъ гостемъ Царскаго Села.

Съ перваго шага, Протопоповъ возбудилъ къ себѣ нелюбовь и презрѣніе, какъ общественныхъ, такъ и правительственныхъ круговъ. Отношеніе Думы сказалося на совѣщаніи съ членами прогрессивнаго блока, устроенномъ 19 октября у Родзянко; но Протопоповъ, желавшій, «чтобы люди имѣли счастье» и полагавшій, что «нельзя геній цѣлаго народа поставить въ рамки чиновничьей указки», оказался, несмотря на жандармскій мундиръ Плеве, въ которомъ онъ однажды щегольнулъ передъ думскою комиссіей, непріемлемымъ и для бюрократіи, увидавшей въ немъ мечтателя и общественного дѣятеля; недаромъ самъ Распутинъ сказалъ однажды, что Протопоповъ—«сизъ того же мѣшка», и что у него «честь тянется, какъ подвязка».

Къ этому присоединилось вліяніе личнаго характера Протопопова, который «сталъ въ контры съ собственной думою» и заставлялъ многихъ сдѣлать изъ него «притчу во языцѣхъ» и отнестись къ нему юмористически. Характерно, напримѣръ, его (ставшее извѣстнымъ лишь впоследствии) знакомство съ гадателемъ Шарлемъ Перэнномъ, едва ли не германскимъ шпиономъ, о чемъ и предупреждалъ директоръ департамента полиціи; Протопоповъ не хотѣлъ объ этомъ знать, вѣруя въ свой «рокъ»; онъ неудержимо интересовался тѣмъ, что говорилъ ему Перэнъ: что «его планета—Юпитеръ, которая проходитъ подъ Сатурномъ, и разныя гороскопическія вещи».

Полная неудача въ замысленныхъ реформахъ и травля со всѣхъ сторонъ озлобили Протопопова. Въ то время, какъ Милюковъ, наканунѣ убійства Распутина, назвалъ его въ Думѣ «загадочной картинкой», Протопоповъ вступилъ уже на путь «революционно-правой», по собственному выраженію, политики, выразившейся въ борьбѣ съ Государственной Думой, запрещеніи сѣздовъ, преслѣдованіи общественныхъ организацій и печати, давленіи на выборы и, наконецъ, многочисленныхъ арестахъ, завершившихся январскимъ арестомъ рабочей группы Военно-Промышленнаго Комитета. Этимъ, а также и тѣмъ, что на Протопопова временами «накатывало», что сближало его съ духомъ Царскаго Села, объясняется его пребываніе на посту до конца; послѣ убійства Распутина 17 декабря положеніе Протопопова не только не пошатнулось, но упрочилось: 20 декабря онъ былъ изъ управляющихъ сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и съ тѣхъ поръ, несмотря на всѣ окружавшіе его враждебные толки и на многочисленные попытки весьма вліятельныхъ лицъ заставить его уйти, продолжалъ свое дѣло до послѣдней минуты.

Личность и дѣятельность Протопопова сыграли рѣшающую роль въ дѣлѣ ускоренія разрушенія царской власти. Распутинъ наканунѣ своей гибели, какъ бы, завѣщавъ свое дѣло Протопопову, и Протопоповъ исполнилъ завѣщаніе. Въ противоположность обыкновеннымъ бюрократамъ, которымъ многолѣтній чиновничій опытъ помогавъ сохранять видимость государственнаго смысла, Протопоповъ принесъ къ самому подножію трона весь клубокъ своихъ личныхъ чувствъ и мыслей; какъ мячъ, запущенный разсчитливой рукой, безпорядочно отскакивающій отъ стѣнъ, онъ внесъ неслышанный развалъ въ кучу порядливо разставленныхъ, по видимости устойчивыхъ, а на дѣлѣ шаткихъ кегель государственной игры. Въ этомъ смыслѣ Протопоповъ оказался, дѣйствительно, «роковымъ человекомъ».

II.

Настроеніе общества и событій наканунѣ переворота.

Январскіе и февральскіе доклады петербургскаго охраннаго отдѣленія.—Арестъ Рабочей Группы Центрального Военно-Промышленнаго Комитета и роль Обросимова.—Выдѣленіе петербургскаго военнаго округа.—Приготовленія къ 14 февраля.—Настроенія свѣтскихъ круговъ и арміи.—Послѣдній всеподданный докладъ Родзянко.—Н. Махлаковъ и его проектъ манифеста.—Открытіе сессіи законодательныхъ палатъ.

Таково было состояніе власти, «охваченной, по выраженію Гучкова, процессами гніенія», что сопровождалось «глубокимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ ней всего русскаго общества, вышедшими неудачами и матеріальными невзгодами въ тылу». За нѣсколько мѣсяцевъ до переворота, въ особомъ совѣщаніи по государственной оборонѣ, подъ предсѣдательствомъ генерала Вѣльева, Гучковъ сказалъ въ своей рѣчи: «Если бы нашей внутренней жпзнью и жпзнью нашей арміи руководилъ германскій генеральный штабъ, онъ не создалъ бы ничего, кромѣ того, что создала русская правительственная власть». Родзянко назвалъ дѣятельность этой власти «планомѣрнымъ и правильнымъ изгнаніемъ всего того, что могло принести пользу въ смыслѣ побѣды надъ Германіей».

Единственнымъ живымъ органомъ, который учитывать политическое положеніе и понимать, насколько опасна для разстроеннаго правительства организованная общественность, которая, въ лицѣ прогрессивнаго блока, военно-промышленныхъ комитетовъ и др. общественныхъ организаций, давно могла съ гораздо большимъ успѣхомъ дѣйствовать въ направленіи обороны страны, былъ департаментъ полиціи. Доклады охраннаго отдѣленія въ 1916 году даютъ лучшую характеристику общественныхъ настроеній; они исполнены тревоги, но ихъ громкаго голоса умирающая власть уже услышать не могла.

Въ секретномъ докладѣ «отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка въ столицѣ» отъ 5 января, на основаніи добытаго черезъ секретную агентуру освѣдомительнаго матеріала, сообщается, что, по слухамъ, были передъ Рождествомъ какія-то законспирированныя совѣщанія членовъ лѣваго крыла Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, что постановлено ходатайствовать передъ Высочайшею Властью объ удаленіи цѣлаго ряда представителей правительства съ занимаемыхъ ими постовъ; во главѣ означеннаго списка стоятъ Щегловитовъ и Протопоповъ.

«Настроеніе въ столицѣ носитъ исключительно тревожный характеръ. Циркулируютъ въ обществѣ самыя дикіе слухи, какъ о намѣреніяхъ Правительственной власти, въ смыслѣ принятія различнаго рода реакціонныхъ мѣръ, такъ равно и о предположеніяхъ враждебныхъ этой власти группъ и слоевъ населенія, въ смыслѣ возможныхъ и вѣроятныхъ революціонныхъ начинаній и эксцессовъ. Всѣ ждутъ какихъ-то исключительныхъ событій и выступленій, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Одинаково серьезно и съ тревогой ожидаютъ, какъ разныхъ революціонныхъ всплшекъ, такъ равно и несомнѣннаго якобы въ ближайшемъ будущемъ, «дворцоваго переворота», провозвѣстникомъ коего, по общему убѣжденію, явился актъ въ отношеніи «пресловутаго старца».

Далѣе сообщается, что всюду идутъ толки объ общемъ (а не только партійномъ) террорѣ, въ связи съ вѣроятнымъ окончательнымъ роспускомъ Думы. Политическій моментъ напоминаетъ канунъ 1905 года; «какъ и тогда, все началось съ безконечныхъ и безчисленныхъ съѣздовъ и совѣщаній общественныхъ организаций, выносившихъ резолюціи рѣзкія по существу, по, несомнѣнно, въ весьма малой и слабой степени выражавшія истинные размѣры недовольства широкихъ народныхъ массъ населенія страны».

Весьма вѣроятно, что начнутся студенческіе беспорядки, къ которымъ примкнутъ и рабочіе, что все это «увѣнчается попытками къ совершенію террористическихъ актовъ, хотя бы въ отношеніи новаго Министра Народнаго Просвѣщенія или Министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ главнаго, по указаніямъ, виновника всѣхъ золъ и бѣдствій, испытываемыхъ страной».

«Либеральная буржуазія вѣритъ, что въ связи съ наступленіемъ переломныхъ выше ужасныхъ и неизбежныхъ событій, Правительственная власть должна будетъ пойти на уступки и передать всю полноту своихъ функцій въ руки кадетъ, въ лицѣ лидируемаго ими прогрессивнаго блока, и тогда на Руси «все образуется». Лѣвые же упорно утверждаютъ, что наша Власть зарвалась, на уступки ни въ коемъ случаѣ не пойдетъ и, не оцѣнивая въ должной мѣрѣ создавшейся обстановки, логически должна привести страну къ неизбежнымъ переживаніямъ стихійной и даже анархической революціи, когда уже не будетъ ни времени, ни мѣста, ни основаній для осуществленія кадетскихъ вождедѣній и когда, по ихъ убѣжденіямъ, и создается почва для «превращенія Россіи въ свободное отъ царизма государство, построенное на новыхъ социальныхъ основахъ».

Передъ 9 января начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ докладываетъ о «настроєніяхъ революціоннаго подполья», по партіямъ и приходитъ къ слѣдующему выводу: «Рядъ ликвидаций послѣдняго времени въ значительной мѣрѣ ослабилъ силы подполья и нынѣ, по свѣдѣніямъ агентуры, къ 9 января возможны лишь отдѣльныя разрозненные стачки и попытки устроить митинги, но все это будетъ носить неорганизованный характеръ». Однако же, здѣсь констатируется «общая распропагандированность пролетариата».

19 января вновь слѣдуетъ обширный «совершенно секретный» докладъ охраннаго отдѣленія. «Отсрочка Думы продолжаетъ быть центромъ всѣхъ сужденій... Ростъ дороговизны и повторныя неудачи правительственныхъ мѣропріятій по борьбѣ съ исчезновеніемъ продуктовъ вызвали еще передъ Рождествомъ рѣзкую волну недовольства... Населеніе открыто (на улицахъ, въ трамваяхъ, въ театрахъ, магазинахъ) критикуетъ въ недопустимомъ по рѣзкости тонѣ всѣ Правительственныя мѣропріятія».

Отмѣчаются «успѣхъ крайне лѣвыхъ журналовъ и газетъ («Лѣтопись», «Дѣло», «День», «Русская Воля» и появленіе «Луча»); оппозиціонныя рѣчи «въ самыхъ умѣренныхъ по своимъ политическимъ симпатіямъ кругахъ»; довѣрчивость широкихъ массъ къ Думѣ, которая еще недавно считалась «черносотенной» и «буржуазной», разговоры о «мужествѣ Милюкова и Родзянки» послѣ 1 ноября.

«Озлобленное дороговизной и продовольственной разрухой большинство обывателей—въ туманѣ, питается «злостными сплетнями» о «Думской петиціи», объ «организации офицеровъ, постановившей убить рядъ лицъ, якобы, мѣшающихъ обновленію Россіи».

«Неспособные къ органической работѣ и переполнившіе Государственную Думу политики... способствуютъ своимъ рѣчами разрухѣ тыла... Ихъ пропаганда, не остановленная Правительствомъ въ самомъ началѣ, упала на почву усталости отъ войны; дѣйствительно возможно, что роспускъ Государственной Думы послужитъ сигналомъ для вспышки революціоннаго броженія и приведетъ къ тому, что Правительству придется бороться не съ ничтожной кучкой оторванныхъ отъ большинства населенія членовъ Думы, а со всей Россіей».

«Резюмируя эти колеблющіяся настроєнія въ нѣсколькихъ словахъ, можно сказать, что ожидаемый массами въ февралѣ мѣсяцѣ роспускъ Государственной Думы не обязательно вызоветъ, но легко можетъ вызвать всеобщую забастовку, которая объединитъ въ себѣ всевозможныя политическія направленія и которая, начавшись, подъ флагомъ популярной сейчасъ «борьбы за Думу», окончится требованіемъ окончанія войны, всеобщей амнистіи, всѣхъ свободъ и пр.».

«Въ дѣйствующей арміи, согласно повторнымъ и все усиливающимся слухамъ, терроръ широко развитъ въ примѣненіи къ нелюбимымъ начальникамъ, какъ солдатамъ, такъ и офицерамъ». «Поэтому, слухи о томъ, что за убійство Распутина—этой «первой ласточки» террора—начнутся другіе «акты»,—заслуживаютъ самого глубокаго вниманія... Нѣтъ въ Петроградѣ въ настоящее время семьи такъ называемаго «интеллигентнаго обывателя», гдѣ «шепоткомъ» не говорилось бы о томъ, что «скоро, навѣрное, прикончатъ того или иного изъ представителей правящей Власти» и что «теперь такому-то безусловно не сдобровать». Характерный показатель того, что озлобленное настроєніе пострадавшаго отъ дороговизны обывателя требуетъ кровавыхъ гекатомбъ изъ труповъ министровъ, генераловъ... Въ семьяхъ лицъ, мало-мальски затронутыхъ политикой, открыто и свободно раздаются рѣчи опаснаго характера, затрагивающія даже Священную Особу Государя Императора»...

Далѣе сообщаются слухи о «національной партіи», образованной Пуришкевичемъ, о рѣзко намѣчающемся авантюризмѣ нашихъ доморожденныхъ «Юань-Шикаевъ», въ лицѣ Гучкова, Коновалова, князя Львова, стремящихся использовать могущія неожиданно вспыхнуть «событія» въ своихъ личныхъ видахъ и пѣляхъ и беззащѣтнѣйшимъ провокаціоннымъ образомъ муссирующихъ настроеніе представителей авторитетныхъ рабочихъ группъ Военно-Промышленныхъ Комитетовъ.

«Общій выводъ изъ всего изложеннаго»: «если рабочія массы пришли къ сознанію необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и послѣдующей революціи, а круги интеллигенціи—къ вѣрѣ въ спасительность политическихъ убійствъ и террора», то это указываетъ на «жажду общества найти выходъ изъ создавшагося политически-ненормальнаго положенія», которое съ каждымъ днемъ становится все ненормальнѣе и напряженнѣе».

Слѣдующій «совершенно секретный» докладъ генерала Глобачева относится къ 26 января.

«Передовые и руководящіе круги либеральной оппозиціи, сообщается здѣсь, уже думаютъ о томъ, кому и какой именно изъ отвѣтственныхъ портфель удасть захватить въ свои руки». При этомъ, «въ данный моментъ находятся въ наличности двѣ исключительно серьезныя общественныя группы», которыя «самымъ кореннымъ образомъ расходятся по вопросу о томъ, какъ раздѣлить «шкуру медвѣдя».

«Первую изъ этихъ группъ составляютъ руководящіе «дѣльцы» парламентскаго прогрессивнаго блока, возглавляемые перешедшимъ въ оппозицію и упорно стремящимся «къ премьерству» председателемъ Государственной Думы—штаймейстеромъ Родзянко». Они окончательно извѣрились въ возможность принудить представителей Правительства уйти со своихъ постовъ добровольно и передать всю полноту своей власти думскому большинству, долженствующему насадить въ Россіи начала «истиннаго парламентаризма по западно-европейскому образцу». Поэтому, ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы «заручиться хотя бы дутыми директивами «народа», для чего войти въ сношеніе съ «сохранившей свою революціонную физиономію, но въ то же самое время явно отколовшейся отъ руководящихъ круговъ социалистическаго стараго «Интернаціонала» рабочей группой». «Давъ время рабочей массѣ самостоятельно обсудить задуманное, представители рабочей группы лично и черезъ созданную ею особую «пропагандистскую коллегію» должны организовать рядъ массовыхъ собраній по фабрикамъ и заводамъ столицы и, выступая на таковыхъ, предложить рабочимъ прекратить работу въ день открытія засѣданій Государственной Думы—14 февраля сего года—и, подъ видомъ мирно настроенной манифестаціи, проникнуть ко входу въ Таврическій Дворецъ. Здѣсь, вызвавъ на улицу председателя Государственной Думы и депутатовъ, рабочіе въ лицѣ своихъ представителей, должны громко и открыто огласить принятые на предварительныхъ массовыхъ собраніяхъ резолюціи съ выраженіями ихъ категорической рѣшимости поддержать Государственную Думу въ ея борьбѣ съ нынѣ существующимъ Правительствомъ». При этомъ, опасенія рабочей группы противодействія со стороны «инакомыслящихъ подпольныхъ социалистическихъ теченій» отпали, потому что «соціалъ-демократическія группы большевиковъ, объединенцевъ и интернаціоналистовъ-ликвидаторовъ не склонны ни противодействовать, ни способствовать ихъ затѣѣ, а «занять выжидательную позицію».

Во главѣ второй группы, «дѣйствующей пока законспирированно и стремящейся во что бы то ни стало «выхватить будущую добычу» изъ рукъ представителей думской оппозиціи стоятъ не менѣе жаждущіе власти А. И.

Гучковъ, князь Львовъ, С. Н. Третьяковъ, Коноваловъ, М. М. Федоровъ и нѣкоторые другіе». Эта группа рассчитываетъ на то, что думцы не учитываютъ «еще не подорваннаго въ массахъ лойяльнаго паселенія обаянія Правительства» и—съ другой стороны—«инертности» народныхъ массъ. Вся надежда этой группы—неизбѣжный въ самомъ ближайшемъ будущемъ дворцовый переворотъ, поддержанный всего на всего одной-двумя сочувствующими войскими частями». «Независимо отъ вышеизложеннаго, вторая группа, скрывая до поры до времени свои истинные замыслы, самыя усерднымъ образомъ идетъ навстрѣчу первой, причемъ «заслуживаетъ исключительнаго вниманія возникшее по инициативѣ А. И. Гучкова предположеніе о созывѣ въ началѣ февраля особаго и чрезвычайнаго совѣщанія руководящихъ представителей Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета, «Земгора», думскихъ оппозиціонныхъ фракцій, профессуры, общественныхъ организацій и, по возможности, Государственнаго Совѣта»...

«Что будетъ и какъ все это произойдетъ, заканчиваетъ охранное отдѣленіе, судить сейчасъ трудно, но, во всякомъ случаѣ, воинствующая оппозиціонная общественность безусловно не ошибается въ одномъ: событія чрезвычайной важности и чреватая исключительными послѣдствіями для русской государственности «не за горами».

Повидимому, непосредственнымъ результатомъ этого доклада и былъ арестъ рабочей группы, состоявшійся 27 января. Этой ликвидаціи охранное отдѣленіе составило секретный докладъ. Здѣсь указывается, что представители группы «организовали и подготавливали демонстративныя выступленія рабочей массы столицы на 14 февраля», съ тѣмъ, чтобы заявить депутатамъ Думы свое «требованіе незамедлительно вступить въ открытую борьбу съ нынѣ существующимъ правительствомъ и Верховной властью и признать себя впредь до установленія новаго государственнаго устройства, временнымъ правительствомъ. «Матерьялъ, взятый при обыскахъ, вполне подтвердилъ изложенныя свѣдѣнія, вслѣдствіе чего, переписка по этому дѣлу, въ виду признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 102 ст. Уг. Улож., передана Прокурору Петроградской Судебной Палаты».

Кромѣ того, были обысканы и арестованы четыре члена «пропагандистской коллегіи Рабочей Группы», у которыхъ «достаточнаго матерьяла для привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности не обнаружено»; тѣмъ не менѣе, они признаны «лицами безусловно вредными для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія»; предложено выслать ихъ изъ Петербурга подъ гласный надзоръ полиціи.

А. И. Гучковъ, по его словамъ, былъ убѣжденъ, что департаменту полиціи удастся проникнуть въ среду тѣхъ человекъ пятнадцати рабочихъ, которые были въ составѣ Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета, о чемъ онъ не разъ предупреждалъ предсѣдателя рабочей группы Гвоздева. Арестъ былъ предпринятъ, повидимому, не департаментомъ, а министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, «какъ актъ высокой политики». Въ этомъ сознался и Протопоповъ, который докладывалъ царю, что образованіе рабочихъ секцій опасно и напоминаетъ «організацію Хрусталева-Носаря 1905 года». Протопоповъ совѣтовался объ арестѣ съ Хабаловымъ, который написалъ письмо Гучкову съ указаніемъ на революціонность Рабочей Группы. Отвѣта на это письмо не было, и Протопоповъ рѣшилъ произвести арестъ «по ордеру военнаго начальства», получивъ на это разрѣшеніе отъ царя.

Послѣ ареста Гучковъ и Коноваловъ предприняли три шага: во первыхъ, выступили съ протестомъ въ прессѣ; во вторыхъ, поѣхали къ князю Голицыну, минуя Бѣлецкаго, Васильева и Протопопова; съ послѣднимъ Гучкову особенно тяжело было встрѣчаться, какъ съ бывшимъ товарищемъ по фракціи

«Если бы вамъ приходилось арестовывать людей за оппозиціонное настроеніе, то вамъ всѣхъ насъ пришлось бы арестовать», сказала Гучковъ Голицыну. Последний «отнесся благосклонно», сослался на Протопопова и общалъ пересмотрѣть дѣло. Протопоповъ рассказываетъ, что Голицынъ сказалъ ему, что онъ сдѣлалъ ошибку, арестовавъ рабочую группу послѣ того письма съ призывомъ рабочихъ къ спокойствію, которое было опубликовано въ газетахъ и подписано членами рабочей группы (а сфабриковано—въ департаментѣ полиціи). Гучковъ доказывалъ Голицыну, что группа не замышляла ни вооруженнаго возстанія, ни переворота, но занималась политикой въ томъ смыслѣ, что считала возможнымъ рѣшеніе вопросовъ обороны лишь при условіи измѣненія политическихъ условій работы.

Третьимъ шагомъ Гучкова и Коновалова было собраніе представителей Центрального Военно-Промышленнаго Комитета и особаго совѣщанія по оборонѣ. Объ этомъ собраніи обстоятельно повѣствуетъ совершенно секретный докладъ охраннаго отдѣленія отъ 31 января.

Собраніе состоялось 29 января въ 11 час. утра «экстренно и съ соблюденіемъ ряда предосторожностей, при участіи представителей Центрального Военно-Промышленнаго Комитета (Гучковъ, Коноваловъ, Кутлеръ и др.), Московскаго Военно-Промышленнаго Комитета (Переверзевъ и др.), Государственной Думы (Керенскій, Чхеидзе, Аджемовъ, Карауловъ, Милуковъ, Вубликовъ и др.), Государственнаго Совѣта и Земскаго и Городскаго Союзовъ (фамиліи охранному отдѣленію неизвѣстны). Предсѣдательствовавшій Гучковъ сообщилъ объ арестѣ группы; всѣ высказали полное сочувствіе и готовность подать голосъ въ защиту организаціи. Охранное отдѣленіе заканчиваетъ свой докладъ хвастливымъ выводомъ, основаннымъ на наблюденіи «настроеній участниковъ означеннаго совѣщанія: «имѣются всѣ данныя для того, чтобы признать фактъ ликвидаціи рабочей группы» Центрального Военно-Промышленнаго Комитета дѣйствительно исключительнымъ по неожиданности и впечатлѣнію ударомъ для оппозиціонной и на боевой ладъ настроившейся общественности. Розовыя перспективы хитро задуманныхъ и черезъ рабочую группу подготовлявшихся массовыхъ рабочихъ выступленій въ значительной степени поблекли; но, во всякомъ случаѣ, если многія рабочія души и отчаялись въ возможности осуществленія вождѣльных достиженій, то болѣе стойкіе и упористо-настроенные «завоеватели власти» могли съ досадою воскликнуть лишь одно: «сорвалось, придется начинать сначала».

Въ докладѣ подробно описано настроеніе собравшихся и содержаніе ихъ рѣчей. Между прочимъ, содержаніе рѣчи нѣкагого представителя рабочей группы, рабочаго Обросимова скромно излагается такъ: онъ «указалъ на ошибку тѣхъ, кто стремится видѣть въ арестѣ представителей группы лишь своего рода юридически интересный фактъ; здѣсь нужно признать наличность явленія, имѣющаго крупное политическое значеніе и въ той или иной мѣрѣ задрѣвающего русскую общественность».

А. И. Гучковъ рассказываетъ, что Обросимовъ, къ удивленію его оказавшійся на свободѣ, произнесъ рѣзкую рѣчь о томъ, что группа только прикидывалась мирной, а на самомъ дѣлѣ преслѣдуетъ революціонныя цѣли вплоть до вооруженнаго возстанія и сверженія власти, для чего и пошла въ Комитетъ.

Обросимовъ какъ бы оправдывалъ дѣйствія власти. Гучковъ, всегда относившійся къ нему съ предубѣжденіемъ, отвѣтилъ, что его слова расходятся съ тѣмъ, что ему, Гучкову, извѣстно, и съ тѣмъ, что говорили Гвоздеви и его товарищи, сидящіе подъ арестомъ. Обросимовъ замолчалъ и сѣлъ;

однако его слова смутили присутствующих. Чкеидзе и другие лѣвые промолчали, повидимому, не слишкомъ довѣряя аудиторіи.

Обросимовъ принадлежалъ вообще къ самому лѣвому флангу и науськивалъ группу на самыя рѣзкія выступленія даже на сѣздѣ. Группа была арестована вся, кромѣ двухъ рабочихъ, которыхъ не было въ городѣ, и Обросимова, объяснившего, что его не было дома. Предсѣдатель группы Гвоздь не убѣдился подозрѣніями Гучкова и довѣрчиво считалъ, что Обросимовъ человекъ хорошій. Гучкова же убѣждало въ томъ, что Обросимовъ не чистъ, еще и то обстоятельство, что ему было извѣстно, что въ департаментѣ полиціи имѣется подробный отчетъ о совѣщаніи, не могшій пройти черезъ канцелярію Военно-Промышленнаго Комитета. Протопоповъ рассказываетъ, что Обросимовъ согласился отбыть наказаніе, и что онъ, Протопоповъ, испросилъ бы у царя помилованіе этому сотруднику и далъ бы ему возможность ѣхать, какъ это дѣлалось обычно. Обросимовъ, по словамъ Гучкова, человекъ «недалекій, неспособный, насвистанный».

Подробности совѣщаній группы Гучкову неизвѣстны; «къ намъ, говорить онъ, они приходили уже сговорившимися, застрѣльщиками»; они вошли въ группу, не столько изъ интереса къ работѣ по оборонѣ, сколько изъ-за того, что тутъ имъ представлялась единственная возможность сорганизоваться въ легальной формѣ, для преслѣдованія своихъ интересовъ.

Послѣ ареста Обросимова Протопоповъ боялся, что департаментъ полиціи не будетъ больше получать свѣдѣній о рабочей средѣ. Васильевъ успокоилъ его, что свѣдѣнія будутъ «также, какъ и прежде». «Очевидно, говорить Протопоповъ, постоянныхъ сотрудниковъ въ рабочей средѣ департаментъ полиціи имѣлъ достаточно».

Былъ проектъ арестовать Гучкова. Царь боялся его, а Протопоповъ доложилъ, что арестъ только «увеличилъ бы его популярность», которая «будетъ подорвана, когда обнаружится злоупотребленія въ Военно-Промышленномъ Комитетѣ». «Царь, прибавляетъ онъ, понималъ, что я ему доложилъ правду». Г-жа Сухомлинова написала Протопопову, что «за арестъ секціи въ Царскомъ Селѣ ему поставленъ плюсъ».

Итакъ, министерство внутреннихъ дѣлъ «нанесло ударъ оппозиціи»; однако тревожное настроеніе росло. Глобачевъ приноситъ о забастовкахъ и сходкахъ на фабрикахъ и заводахъ 31 января, 1, 3, 4 февраля. 5 февраля появляется его обширнѣйшій и совершенно секретный докладъ о «положеніи продовольственнаго дѣла въ столицѣ», а 7 февраля—соображенія по поводу «широкаго распространенія спиртовыхъ суррогатовъ»—лаковъ и политуръ.

Въ началѣ февраля петербургскій военный округъ былъ выдѣленъ изъ сѣвернаго фронта въ особую единицу, съ подчиненіемъ его генераль-лейтенанту Хабалову, которому были даны очень широкія права. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ членъ Военнаго Совѣта, генераль Фроловъ: «Въ одномъ изъ засѣданій Военнаго Совѣта въ концѣ января или началѣ февраля въ Совѣтъ былъ внесенъ докладъ по Главному Управленію Генеральнаго Штаба по отдѣлу объ устройствѣ и службѣ войскъ о выдѣленіи изъ района армій сѣвернаго фронта Петроградскаго военнаго округа и о подчиненіи командующаго войсками военному министру. По чьему желанію это было сдѣлано, я не знаю, но внесено было неожиданно по приказанію генерала Бѣляева и въ экстренномъ порядкѣ. Мотивировалось это особыми условіями, въ которыхъ находится Петроградъ съ его окрестностями. При обсужденіи въ Военномъ Совѣтѣ этого проекта, послѣдній подвергся существенному измѣненію, въ смыслѣ изыятія его изъ подчиненія военному министру... Генераль Бѣляевъ согласился на сдѣланныя измѣненія. Меня очень поразило

это желание въ проектѣ подчинить командующаго войсками военному министру, несмотря на широкія полномочія, которыя проектъ представлялъ командующему войсками по сравненію съ командующими войсками внутренних округовъ, каковыя по закону по отношенію къ военному министру не ставятся въ подчиненіе. Я лично объяснилъ себѣ предоставленіе такихъ большихъ полномочій командующему войсками цѣлью болѣе успѣшной борьбы съ рабочими волненіями».

Протопоповъ описываетъ, какъ онъ былъ по этому поводу у императрицы, брашилъ Рузскаго и хвалилъ Хабалова, настаивая на выдѣленіи петербургскаго округа. Хабаловъ являлся царю и императрицѣ, послѣ чего протопоповскій планъ и былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ докладѣ охраннаго отдѣленія отъ 5 февраля говорится: «Съ каждымъ днемъ продовольственный вопросъ становится острѣе, заставляетъ обывателя ругать всѣхъ лицъ, такъ или иначе имѣющихъ касательство къ продовольствію, самыми нецензурными выраженіями. Слѣдствіемъ новаго повышенія цѣнъ и исчезновенія съ рынка предметовъ первой необходимости явился «новый взрывъ недовольства», охватившій «даже консервативные слои чиновничества»... Тщетно публицисты въ газетахъ призываютъ къ терпѣнію... Никогда еще не было столько ругани, дракъ и скандаловъ, какъ въ настоящее время, когда каждый считаетъ себя обиженнымъ и старается выместить свою обиду на сосѣдѣ». «Обывателя стригутъ по нѣскольку разъ въ день и онъ по своей безопасности лишь вопиетъ къ администраціи: «спасите, не дайте снятъ совершенно шкуру!»

Выводъ доклада: «если населеніе еще не устраиваетъ голодные бунты», то это еще не означаетъ, что оно ихъ не устроитъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ: озлобленіе растетъ, и конца его росту не видать... А что подобнаго рода стихійныя выступленія голодныхъ массъ явятся первымъ и послѣднимъ этапомъ по пути къ началу бессмысленныхъ и беспощадныхъ эксцессовъ самой ужасной изъ всѣхъ—анархической революціи—сомнѣваться не приходится».

7, 8, 9, 10, 13 февраля продолжаютъ поступать доклады о забастовкахъ на разныхъ заводахъ, сопровождающихся иногда вмѣшательствомъ полиціи, въ которую 8 февраля на Путиловскомъ заводѣ «посыпался градъ желѣзныхъ обломковъ и шлака».

7 февраля охранное отдѣленіе доноситъ, что «предстоящее 14 февраля открытіе Государственной Думы создастъ повышенное настроеніе въ столицѣ, и что, несмотря на ликвидацію рабочей группы, «нынѣ слѣдуетъ считать неизбежными стачки 14 февраля и попытки устроить шествіе къ Таврическому Дворцу, не останавливаясь даже передъ столкновеніями съ полиціей и войсками». «С.-д. большевики, относясь къ Рабочей Группѣ, какъ къ организаціи политически-нечистой, и не признавая Государственной Думы, постановили рѣшеніе группы не поддерживать, а создать движеніе пролетаріата собственными силами, приурочивъ выступленіе къ 10 февраля, т.-е., къ годовщинѣ суда надъ бывшими членами с.-д. фракціи большевиковъ Государственной Думы. Въ этотъ день предполагается всеобщая стачка... С.-д. объединенцы (Междурайонный Комитетъ) и с.-д. меньшевики (Центральная Инициативная Группа) вынесли рѣшенія, вполне аналогичныя съ большевиками»...

Глобачевъ заключаетъ свой докладъ обѣщаніемъ «со стороны ввѣреннаго ему отдѣленія принять всѣ возможныя мѣры къ предотвращенію и ослабленію грядущихъ весьма серьезныхъ событій».

9 февраля въ газетахъ появилось объявленіе Хабалова петербургскимъ рабочимъ, сопровождаемое воззваніемъ Милюкова.

Кромѣ агентуры въ рабочей, интеллигентской и обывательской средѣ, существовали осведомители и въ свѣтскомъ обществѣ. На двухъ листкахъ отъ 28 января и отъ 10 февраля, сообщенныхъ Васильевымъ Протопопову, содержатся интересныя данныя о графинѣ И. И. Шереметевой, рожденной графинѣ Воронцовой-Дашковой, которая считается «либеральной дамой»; «ее увлекла мысль создать у себя вліятельный либерально-аристократическій политическій салонъ». Сообщается, что «слухи о заговорѣ и чуть ли не декабристскихъ кружкахъ въ средѣ офицеровъ гвардейской кавалеріи подтвержденія не встрѣчаютъ». «Политическихъ дамъ» въ Кавалергардскомъ и Лейбъ-Гусарскомъ полкахъ нѣтъ. «Нѣчто подобное» — салонъ жены бывшего кавалергарда г-жи Лазаревой, родной тетки причастнаго къ убійству Распутина Сумарокова-Эльстона; домъ ея посѣщаютъ кавалергарды, а иногда Родзянко, который здѣсь дѣлитъя своими думскими впечатлѣніями. Кавалергарды и лейбъ-гусары нѣсколько будируютъ на разруху и на Царское Село. Они полагаютъ, что убійствомъ Распутина вредныя вліянія не исчерпаны. Тяжело отражается на нихъ и отсутствіе побѣдъ: они «закисли»; по даннымъ о зрѣющемъ заговорѣ — нѣтъ (впрочемъ въ одной подобной же запискѣ, безъ подписи отъ 25 января, указано, что выясняются симптомы происходящей группировки офицеровъ гвардейскихъ полковъ. Такъ, въ настоящее время, повидимому, «по опредѣленному плану используется отпускъ офицеровъ гвардейской кавалеріи»; слѣдуютъ подробности о лейбъ-гусарахъ, синихъ кирасирахъ и связяхъ нѣкоторыхъ круговъ съ Родзянко).

Среди депутатовъ-націоналистовъ, сообщается далѣе, разнесся слухъ, что великій князь Дмитрій Павловичъ убитъ на фронтѣ. Графиня Игнатъева опровергаетъ этотъ слухъ, такъ же, какъ и другіе «злостные вымыслы — объ отреченіи Государя Императора отъ престола».

Къ предстоящей сессіи Государственной Думы графиня Игнатъева относится спокойно, не раздѣляя опасеній правыхъ о «грандіозномъ скандалѣ». Относительно Протопопова, который посѣтилъ ее, графиня полагаетъ, что «Россія, со времени историческихъ людей, не имѣла такого сильнаго, мужественнаго, православно-религіознаго человѣка, преданнаго Царю и Родинѣ», и находитъ, что онъ очень бодръ, молодежь и свѣжъ на видъ (интересно отмѣтить, что Протопоповъ, по собственному признанію, посѣщалъ графиню Игнатъеву съ тѣмъ, чтобы узнать, какія собранія у нея происходятъ).

Далѣе приводится интересное мнѣніе графини Игнатъевой о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать жалованья духовенству (тогда засѣдала коммиссія подъ предсѣдательствомъ Питирима) потому, что всѣ ассигновки, кромѣ военныхъ, должны быть сокращены, а священники очень хорошо обеспечены, и имѣли бы еще больше доходовъ, если бы не лѣнились посѣщать частныя дома съ молитвою въ праздничные дни; предвыборной агитаціи священники тоже не умѣютъ вести, а политическое вліяніе на крестьянъ имѣютъ «велосипедисты», агитирующие среди крестьянъ «гдѣ-нибудь въ полѣ» и раздающіе имъ «листочки» съ заманчивыми обѣщаніями.

О настроеніяхъ арміи рассказываетъ тотъ же Протопоповъ, который, не довѣряя свѣдѣніямъ контръ-развѣдки, хотѣлъ возстановить въ войскахъ постоянную секретную агентуру, уничтоженную генераломъ Джунковскимъ, о чемъ и докладывалъ царю. Несмотря на согласіе царя, департаментъ полиціи не успѣлъ завести постоянныхъ сотрудниковъ въ арміи; однако, до Протопопова доходили свѣдѣнія, что «настроenie и тамъ повышается». «Я зналъ, пишетъ онъ, что въ войскахъ читаются газеты преимущественно лѣваго направленія, распространяются воззванія и прокламаціи; слышалъ,

что служащие Земского и Городского Союзов агитируют среди солдат; что генералъ Алексѣевъ сказалъ царю: «Войска уже не тѣ стали», намекая на растущее въ нихъ оппозиціонное настроеніе... Я думалъ, что настроеніе запасныхъ батальоновъ и другихъ войскъ, стоявшихъ въ Петроградѣ, мнѣ болѣе извѣстно; считалъ благонадежными учебныя команды, и всѣ войска, за исключеніемъ частей, наполняемыхъ изъ рабочей и мастеровой среды; жизнь показала, что я и тутъ былъ не освѣдомленъ... Я докладывалъ царю, что оппозиціонно настроены высшій командный составъ и низшій; что въ прапорщики произведены многіе изъ учащейся молодежи, но что остальные офицеры консервативны; что офицеры генеральнаго штаба полѣзвали; надѣлавъ въ войну столько ошибокъ, они должны были покраснѣть и чувствовать, что послѣ войны у нихъ отнимутся привилегіи по службѣ; что оппозиція не искала бы опоры въ рабочемъ классѣ, если бы войско было бы революціонно настроено. Царь, повидимому, былъ доволенъ моимъ докладомъ; онъ слушалъ меня внимательно.

Лицомъ, заинтересованнымъ въ настроеніяхъ арміи съ другой стороны, былъ Гучковъ, который полагалъ, что въ концѣ года никого не приходилось убѣждать въ томъ, что старый режимъ сгнилъ. Гучковъ надѣялся, что армія, за малыми исключеніями, встанетъ на сторону переворота, сопровождаемаго террористическимъ актомъ (какъ лейбъ-кампанцы XVIII вѣка или студентъ съ бомбой), но не стихійнаго и не анархическаго, а переворота, подобнаго заговору декабристовъ. Существовалъ планъ захватить императорскій поѣздъ между Ставкой и Царскимъ и вынудить у царя отреченіе; одновременно, при помощи войскъ, арестовать правительство и затѣмъ уже объявить о переворотѣ и о составѣ новаго правительства. Среди офицеровъ были и социалистически настроенные, готовые идти на республиканскій строй, но были также люди съ принципиальными вѣрованіями и симпатіями. «Отказа не было», но требовалась глубочайшая осторожность, ибо преждевременное раскрытіе сдѣлало бы невозможными дальнѣйшіе шаги.

Такъ осторожно опредѣляетъ настроеніе арміи человекъ, съ которымъ, по его словамъ, говорилъ откровенно простой солдатъ и генералъ. Другой знатокъ арміи, генералъ Н. І. Ивановъ просто отказывается судить о ней, говоря: «составъ офицеровъ и солдатъ, перемѣнившійся въ теченіе войны 4—6 разъ, не даетъ возможности судить, что представляютъ изъ себя тѣ части, которыя въ мирное время считались образцовыми».

Очень интересный документъ представляетъ письмо-какого-то раненаго «офицера русской арміи», посланное изъ Москвы 25 января Протопопову (копія Милюкову). Авторъ письма говоритъ, съ одной стороны, что надо «обуздать печать» и послать Милюковыхъ и Маклаковыхъ въ окопы, чтобы они перестали работать на оборону и увидѣли, что такое война; легко имъ изъ кабинета предлагать воевать «до побѣднаго конца». Съ другой стороны, офицеръ считаетъ, что нельзя продолжать войну и надо заключить миръ, пока нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденных. «Если миръ не будетъ заключенъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, то можно съ увѣренностью сказать, что будутъ безпорядки... Люди, призванные въ войска, впадаютъ въ отчаяніе... не изъ малодушія и трусости, а потому что никакой пользы отъ этой борьбы они не видятъ».

Не лишена, наконецъ, интереса телеграмма командира третьяго коннаго корпуса графа Келлера, отправленная царю уже послѣ отреченія.

Таково было настроеніе разныхъ слоевъ русскаго общества, когда Родзянко поѣхалъ въ Царское Село 10 февраля со своимъ послѣднимъ все-

подданныйшим докладомъ. Царь еще въ декабрѣ очень сердился на Родзянко; новогодній приемъ отличался особой сухостью. Послѣдній же докладъ, названный въ газетахъ «высокомилостивымъ», былъ, по словамъ Родзянко, «самый тяжелый и бурный». Царь, послѣ убійства Распутина, былъ заранѣе агрессивно настроенъ; императрица «пылала мстью», видя въ каждомъ врага. Въ этотъ день у царя были великіе князья Александръ Михайловичъ и Михаилъ Александровичъ; послѣ Родзянки Щегловитовъ окончательно испортилъ дѣло своимъ докладомъ.

Родзянко рассказываетъ: когда онъ прочелъ докладъ, царь сказалъ: «Вы все требуете удаленія Протопопова?»—«Требую, ваше величество, прежде я просилъ, а теперь требую».—«То-есть, какъ?»—«Ваше величество, спасайте себя. Мы наканунѣ огромныхъ событій, исхода которыхъ предвидѣть нельзя. То, что дѣлаетъ ваше правительство и вы сами, до такой степени раздражаетъ населеніе, что все возможно. Всякій проходимецъ всѣмъ командуетъ. Если проходимцу можно, почему же мнѣ, порядочному человѣку, нельзя? Вотъ сужденіе публики. Отъ публики это перейдетъ въ армію, и получится полная анархія. Бы изволили иногда меня слушаться, и выходило хорошо».

— «Когда?»—спросилъ царь.—«Вспомните, въ 1915 году вы уволили Маклакова».—«А теперь я о немъ очень жалѣю»,—сказалъ царь, посмотрѣвъ въ упоръ, — этотъ, по крайней мѣрѣ, не сумасшедшій».—«Совершенно естественно, ваше величество, потому что сходитъ не съ чего». Царь засмѣялся:—«Ну, положимъ, это хорошо сказано».

«Ваше величество, нужно ли принять какія-нибудь мѣры?» продолжалъ Родзянко:—«Я указываю здѣсь цѣлый рядъ мѣръ, это искренно написано. Что-же, вы хотите во время войны потрясти страну революціей?»

— «Я сдѣлаю то, что мнѣ Богъ на душу положить».

— «Ваше величество, вамъ, во всякомъ случаѣ, очень надо помолиться, усердно попросить Господа Бога, чтобы Онъ показалъ правый путь, потому что шагъ, который вы теперь предпринимаете, можетъ оказаться роковымъ».

Царь всталъ и сказалъ нѣсколько двусмысленностей по адресу Родзянко.

«Ваше величество, сказалъ Родзянко, я ухожу въ полномъ убѣжденіи, что это мой послѣдній докладъ вамъ».—«Почему?»—Я полтора часа вамъ докладываю и по всему вижу, что васъ повели на самый опасный путь... Вы хотите распустить Думу, я уже тогда не председатель, и къ вамъ больше не приѣду. Что еще хуже, я васъ предупреждаю, я убѣжденъ, что не пройдетъ трехъ недѣль, какъ вспыхнетъ такая революція, которая смететъ васъ, и вы уже не будете царствовать».

— «Откуда вы это берете?»

— «Изъ всѣхъ обстоятельствъ, какъ они складываются. Нельзя такъ шутить съ народнымъ самолюбіемъ, съ народной волей, съ народнымъ самосознаніемъ, какъ шутятъ тѣ лица, которыхъ вы ставите. Нельзя ставить во главу угла всякихъ Распутиныхъ. Вы, государь, пожнете то, что посеяли». «Ну, Богъ дастъ».—Богъ ничего не дастъ, вы и ваше правительство все испортили, революція неминуема».

На слѣдующій день, или черезъ день, у царя былъ Н. Маклаковъ, вызванный Протопоповымъ изъ деревни въ началѣ февраля; Протопоповъ сказалъ Маклакову, что царь поручаетъ ему написать проектъ манифеста на случай, если ему будетъ угодно остановиться не на перерывѣ, а на роспускѣ Думы. Маклаковъ составилъ проектъ, основная мысль котораго заключалась въ обвиненіи личнаго состава Думы: она не сдѣлала первостепеннаго съ точки зрѣнія царя, не увеличила содержанія чиновничеству и духовенству; въ то время, когда всѣмъ надо быть воедино, идетъ борьба съ властью.

Поэтому Государственная Дума распускается, и новые выборы назначаются на 15 ноября 1917 года. Манифестъ кончается призывомъ царя ко всемъ вѣрнымъ—соединиться съ нимъ и вмѣстѣ послужить Россіи.

Этотъ проектъ Маклаковъ и свезъ царю лично, вмѣстѣ со слѣдующимъ письмомъ, помѣченнымъ 9 февраля:

«Ваше Императорское Величество, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вчера вечеромъ передалъ мнѣ о повелѣніи Вашего Величества написать проектъ манифеста о роспускѣ Государственной Думы. Дозвольте принести мнѣ Вамъ, Государь, мою горячую вѣрноподданнѣйшую благодарность за то, что Вамъ угодно было вспомнить обо мнѣ. Быть Вамъ полезнымъ—всегда такая радость для меня, быть Вамъ нужнымъ именно въ этомъ дѣлѣ—поистинѣ великое счастье. Да поможетъ мнѣ Господь найти надлежащія слова для выраженія этого благославляемаго мною взмаха Царской воли, который, какъ ударъ соборнаго колокола, заставитъ перекреститься всю вѣрную Россію и собраться на молитву службы Родины со страхомъ Божиимъ, съ вѣрою въ нее и съ благоговѣніемъ передъ Царскимъ Призывомъ. Мы обсудимъ внимательно, со всѣхъ сторонъ проектъ манифеста съ Протопоповымъ, и тогда позвольте мнѣ испросить у Вашего Величества счастье лично представить его на Ваше милостивое благовоззрѣніе. Но я теперь же дерзаю высказать свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что надо, не теряя ни минуты, крѣпко обдумать весь планъ дальнѣйшихъ дѣйствій правительственной власти для того, чтобы встрѣтить всѣ временныя осложненія, на которыя Дума и союзы несомнѣнно толкнутъ часть населенія, въ связи съ роспускомъ Государственной Думы, подготовленнымъ, увѣреннымъ въ себѣ, спокойнымъ и непоколебляющимся. Это должно быть дѣломъ всего Совѣта Министровъ, и Министра Внутреннихъ Дѣлъ нельзя оставить одного въ одиночествѣ со всей той Россіей, которая сбита съ толку. Власть болѣе, чѣмъ когда-либо, должна быть сосредоточена, убѣждена, скована единой цѣлью возстановить государственный порядокъ, чего бы то ни стоило, и быть увѣренной въ побѣдѣ надъ внутреннимъ врагомъ, который давно становится и опаснѣе и ожесточеннѣе и наглѣе врага внѣшняго. «Смѣлымъ Богъ владѣетъ», Государь. Да благословитъ Господь Вашу рѣшимость и да направитъ Онъ Ваши шаги на счастье Россіи и Вашей славы. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Н. Маклаковъ».—Царь, торопившійся куда-то, велѣлъ Маклакову оставить письмо и сказать, что посмотреть.

Между тѣмъ, у Голицына, по обычаю, укоренившемуся съ Горемыкинскихъ временъ, были уже заранѣе заготовлены и подписаны царемъ указы Сенату, какъ о перерывѣ, такъ и о роспускѣ Думы. Текстъ указа о роспускѣ былъ слѣдующій:

«На основаніи статьи 105 Основныхъ Государственныхъ Законовъ Повелѣваемъ: Государственную Думу распустить съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной Думы на (пропускъ числа, мѣсяца и года).

О времени производства новыхъ выборовъ въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ насъ особыя указанія.

Правительствующій Сенатъ не оставить учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

НИКОЛАЙ».

Этотъ указъ былъ испрошенъ еще Штюрмеромъ передъ 1 ноября; потомъ онъ былъ въ рукахъ у Трепова и, наконецъ, перешелъ къ Голицыну, которому царь сказалъ: «Держите у себя, а когда нужно будетъ, используйте». Голицынъ передъ 14 февраля показывалъ бланкъ Ладимженскому, который

по его словамъ, убѣдилъ Голицына, что это будетъ нарушеніемъ основныхъ законовъ, съ чѣмъ Голицынъ согласился.

14 февраля открылись засѣданія Государственной Думы. Родзянко указалъ наканунѣ, въ бесѣдѣ съ журналистами, на вредъ уличныхъ выступленій и на «патріотическое» настроеніе рабочихъ. Въ засѣданіи, гдѣ присутствовали Голицынъ, Риттихъ, Шаховской, Кригеръ-Войновскій и союзные послы, обширное разъясненіе далъ Риттихъ, разсмотрѣніе его разъясненій было отложено; большія рѣчи по общей политикѣ произнесли Чхидзе, Пуришкевичъ и Ефремовъ. Газеты констатировали, что первый день Думы кажется блѣднымъ, сравнительно съ общимъ настроеніемъ страны.

Открытіе Государственнаго Совѣта ознаменовалось инцидентомъ: Щегловитовъ не далъ Д. Д. Гримму сдѣлать выѣчеренное заявленіе, послѣ чего залъ засѣданія покинула вся лѣвая группа, часть группы центра и нѣкоторые безпартійные.

Обыватели нѣсколько опасались съ утра выходить на улицу, но въ центрѣ города день прошелъ спокойно. По донесенію охраннаго отдѣленія, бастовало 58 предпріятій—съ 89.576 рабочими, были отдѣльныя выступленія (на Петергофскомъ шоссе—съ красными флагами), попытки собраться у Таврическаго Дворца, подавленные полиціей, и сходки въ университетѣ и политехникумѣ.

15 февраля въ засѣданіи Государственной Думы произнесли по общей политикѣ рѣчи Милюковъ и Керенскій. «Кто-то изъ министровъ или служащихъ канцеляріи» доложилъ кн. Голицыну, что рѣчь Керенскаго чуть ли не призывала къ царевѣйству. Голицынъ попросилъ у Родзянки нецензурованную стенограмму рѣчи, въ чемъ Родзянко ему отказалъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, по его словамъ, не настаивалъ, и «былъ очень радъ», что Керенскій не произнесъ слова о царевѣйствѣ, ибо «въ противномъ случаѣ онъ считъ бы своимъ долгомъ передать депутата судебной власти».

Въ этотъ день бастовало только 20 предпріятій съ 24.840 рабочими, на Московскомъ шоссе появлялся красный флагъ, и въ университетѣ, гдѣ была сходка, вводили полицію. Въ слѣдующіе дни забастовки пошли на убыль, и до 23 февраля были только отдѣльные невыходы на работу и предъявленія требованій со стороны рабочихъ.

III.

Переворотъ.

Послѣдовательный ходъ событій съ начала революціи (23 февраля) до отреченія Михаила Александровича (3 марта)—въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ, Могилевѣ (Ставкѣ), Москвѣ, по пути слѣдованія императорскаго поѣзда изъ Могилева въ Псковъ и поѣзда съ отрядомъ генерала Иванова изъ Могилева въ Царское Село и обратно, и въ Псковѣ.

22 февраля въ среду царь выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Ставку, въ Могилевъ. «Этотъ отъѣздъ, пишетъ Дубенекій, былъ неожиданный; многіе думали, что государь не оставитъ императрицу въ эти тревожные дни. Вчера прибывшій изъ Ялты генералъ Спиридовичъ говорилъ, что слухи идутъ о намѣреніи убить Вырубову и даже Александрѣ Федоровнѣ, что ничего не дѣлается, дабы измѣнить настроеніе въ царской семьѣ, и эти слова вѣрны».

Разговоры объ ответственномъ министерствѣ уже были; Дубенскій предполагаетъ, что произошло нѣчто, и царь вызвалъ Алексѣева. Царь уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы вернуться 1 марта.

Въ четвергъ, 23 февраля, въ Петербургѣ начались волненія. Въ разныхъ частяхъ города народъ собирался съ криками «хлѣба». Появились красныя знамена съ революціонными надписями. Бастовало отъ 43 до 50 предпріятій, т.-е. отъ 78.500 до 87.500 рабочихъ. За порядкомъ слѣдила еще полиція, но вызывались уже и воинскіе наряды.

Протопоповъ просилъ Хабалова выпустить воззваніе къ населенію о томъ, что хлѣба хватитъ.

Хабаловъ пригласилъ пекарей и сказалъ имъ, что волненія вызваны не столько недостаткомъ хлѣба, сколько провокаціей; послѣдній выводъ онъ сдѣлалъ изъ донесенія охраннаго отдѣленія объ арестѣ рабочей группы.

Запасы города и уполномоченнаго достигали 500.000 пудовъ ржаной и пшеничной муки, чего, при желательномъ отпускѣ въ 40.000 пудовъ, хватило бы дней на 10—12. Хабаловъ потребовалъ отъ Вейса, чтобы онъ увеличилъ отпускъ муки. Вейсъ возражалъ, что надо быть осторожнымъ, и доложилъ, что лично видѣлъ достаточные запасы муки въ пяти лавкахъ на Сампсоніевскомъ проспектѣ. Генералъ для порученій Перцовъ, посланный Хабаловымъ, доложилъ, что и въ лавкахъ на Гороховой мука есть.

Въ засѣданіи Государственной Думы изъ членовъ правительства присутствовали Риттихъ и Рейнъ. Впервые появился депутатъ Марковъ 2-й. Происходили пренія по продовольственному вопросу, предсѣдатель огласилъ письмо Рейна о святін имъ законопроекта объ образованіи вѣдомства государственнаго здравоохраненія. Соціалъ-демократы и трудовики внесли запросъ о расчетѣ рабочихъ на нѣкоторыхъ заводахъ.

День въ Могилевѣ прошелъ спокойно.

Въ пятницу, 24 февраля, появилось объявленіе Хабалова: «За послѣдніе дни отпускъ муки въ пекарни для выпечки хлѣба въ Петроградѣ производится въ томъ же количествѣ, какъ и прежде. Недостатка хлѣба въ продажѣ не должно быть. Если же въ нѣкоторыхъ лавкахъ хлѣба инымъ не хватило, то потому, что многіе, опасаясь недостатка хлѣба, покупали его въ запасъ на сухари. Ржаная мука имѣется въ Петроградѣ въ достаточномъ количествѣ. Подвозъ этой муки идетъ непрерывно».

По словамъ Балка, съ 11 час. дня всѣ распорядительныя функціи по подавленію безпорядковъ перешли къ Хабалову и начальникамъ районовъ, которымъ подчинялась вся полиція.

Къ Хабалову явилась депутація отъ мелкихъ пекаренъ съ жалобами на то, что, изъ-за объявленія, на нихъ валяютъ, будто они прячутъ муку; у нихъ же мало муки, и рабочіе забраны на военную службу. Хабаловъ приказалъ немедленно переслать ихъ прошеніе о 1.500 рабочихъ въ отдѣлъ главнаго управленія генеральнаго штаба по отсрочкамъ.

Послѣ этого къ Хабалову явилась депутація отъ общества фабрикантовъ; они просили увеличить отпускъ муки для фабрикъ и дать муку отъ интендантства. Окружной интендантъ на запросъ Хабалова сказалъ, что у него на довольствіи 180.000 нижнихъ чиновъ, но удѣлилъ для фабрикъ до 3.000 п.

Въ городѣ бастовало уже отъ 158.500 до 197.000 рабочихъ. Толпы народа, въ теченіе всего дня, усиленно разгонялись полиціей, пѣхотными и кавалерійскими частями. На мостахъ стояли заставы, толпа съ Выборгской стороны шла по льду. Вѣляевъ посовѣтовалъ Хабалову стрѣлять по переходящимъ Неву, но такъ, чтобы пули ложились впереди нихъ. Хабаловъ не отдавъ такого приказа, считая его безцѣльнымъ.

Однако, были отдельные случаи стрельбы. Между прочимъ, въ 3 часа дня на Знаменскую площадь прорвалась толпа, впереди которой вѣхало до полусотни казаковъ разсыпнымъ строемъ. 15 конныхъ городскихъ были прогнаны визгомъ, свистомъ, полѣвными, камнями и осколками льда; начался митингъ у памятника Александру III. Среди криковъ «да здравствуетъ республика», «долой полицію», раздавалось «ура» по адресу присутствовавшихъ казаковъ, которые отвѣчали народу поклонами.

Родзянко объѣхалъ утромъ городъ вмѣстѣ съ Риттикомъ, посѣтилъ Голицына и Бѣляева, которого просилъ организовать совѣщаніе для передачи продовольствія городу.

Въ засѣданіи Государственной Думы, гдѣ продолжались пренія о продовольствіи, настроеніе было тревожное. Въ перерывѣ происходило совѣщаніе совѣта старѣйшинъ.

Хабаловъ созвалъ у себя въ квартирѣ совѣщаніе, на которомъ присутствовали городской голова Леляновъ, его товарищ Демкинъ, уполномоченный по Петербургу Вейсъ, градоначальникъ Балкъ, командующій войсками полковникъ Павленковъ, начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ и жандармскаго отдѣленія Клыковъ, а также, кажется, Протопоповъ и Васильевъ. Обсуждали вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію безпорядковъ. Рѣшили, во-первыхъ, слѣдить за болѣе правильнымъ распредѣленіемъ муки по пекарнямъ, причемъ Хабаловъ предложилъ Лелянову возложить эту обязанность на городскія попечительства о бѣдныхъ и на торговые и санитарныя попечительства; во-вторыхъ, рѣшили въ ночь на 25-е произвести обыски и арестовать уже намѣченныхъ охраннымъ отдѣленіемъ революціонеровъ, причемъ Глобачевъ указалъ, что назначено собраніе въ бывшемъ помѣщеніи рабочей группы; въ-третьихъ, рѣшили вызвать запасную кавалерійскую часть въ помощь казакамъ перваго Донскаго полка, которые вѣло разгоняли толпу; у нихъ не оказывалось нагаекъ; несмотря на то, что 23-го и 24-го было избито уже 28 полицейскихъ, Хабаловъ не хотѣлъ прибѣгать къ стрельбѣ.

Въ 1 часъ дня Голицынъ выѣхалъ въ засѣданіе Совѣта Министровъ, какъ обыкновенно, по Караванной, и ничего не замѣтилъ на улицахъ. Засѣданіе было дѣловое, о безпорядкахъ никто не говорилъ. Въ 6 часовъ вечера возвратиться на Моховую тѣмъ же путемъ было уже нельзя, и Голицынъ поѣхалъ кругомъ.

Въ экстренномъ совѣщаніи въ Маріинскомъ Дворцѣ, при участіи представителей Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и Совѣта Министровъ рѣшено передать продовольственное дѣло городскому управленію.

Предсѣдатель военно-цензурной комиссіи генералъ Адабашъ написалъ докладъ Бѣляеву о томъ, что, по приказанію Хабалова, имъ сдѣлано распоряженіе не допускать въ газеты рѣчей Родичева, Чхендзе и Керенскаго, произнесенныхъ въ Государственной Думѣ 24 февраля. Бѣляевъ положилъ на докладъ резолюцію: «Печатать въ газетахъ рѣчи депутатовъ Родичева, Чхендзе и Керенскаго завтра нельзя. Но прошу не допускать бѣлыхъ мѣстъ въ газетахъ, а равно и какихъ-либо замѣтокъ по поводу этихъ рѣчей».

Дубельскій записывалъ въ Ставкѣ: «Тихая жизнь началась здѣсь. Все будетъ по-старому. Отъ Него (отъ царя) ничего не будетъ. Могутъ быть только случайныя, вѣйшія причины, кои заставятъ что-либо измѣниться... Въ Петроградѣ были голодные безпорядки, рабочіе Патроннаго завода вышли на Литейный и двинулись къ Невскому, но были разогнаны казаками».

Далѣе записано, что получены свѣдѣнія о томъ, что Алексѣй, Ольга и Татьяна болѣе корю, и что царя беспокоитъ доставка продовольствія на фронтъ: «въ некоторыхъ мѣстахъ продовольствія получено за три дня.

Къ тому же, получились заносы у Казатина, и продвинуть поезда сейчас невозможно».

Въ Царскомъ Селѣ заболѣли корью царскія дѣти и Вырубова. Тѣмъ же, императрица принимала въ дворцѣ пословъ и посланниковъ.

Въ субботу, 25 февраля, Хабаловъ объявилъ, что, если со вторника, 28 февраля, рабочіе не приступятъ къ работамъ, то всѣ новобранцы досрочныхъ призывовъ 1917, 1918 и 1919 годовъ, пользующіеся отсрочками, будутъ призваны въ войска; утреннія газеты вышли не всѣ, вечернія вовсе не вышли.

Были убиты приставъ, ранены полиціймейстеръ и нѣсколько другихъ полицейскихъ чиновъ. Въ жандармовъ бросали ручныя гранаты, пистолеты и бутылки. Войска проявляли пассивность, а иногда и нетерпимость въ отношеніи дѣйствій полиціи. Бастовало до 240.000 рабочихъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были сходки и забастовки.

Въ девятомъ часу вечера у часовни Гостиннаго Двора стрѣляли изъ револьвера въ кавалерійскій отрядъ, который сѣдѣлся и открылъ огонь по толпѣ, при чемъ оказались убитые и раненые. Въ этотъ день военный министръ все еще рекомендовалъ Хабалову избѣгать, гдѣ можно, открытія огня, говоря: «Ужасное впечатлѣніе произведетъ на нашихъ союзниковъ, когда разойдется толпа, и на Невскомъ будутъ трупы».

Хабаловъ и Павленковъ провели весь день въ квартирѣ градоначальника. Въ 4 часа 40 минутъ Хабаловъ послалъ въ Ставку Паштаверху секретную шифрованную телеграмму (№ 2813-486): «Доншу, что 23 и 24 февраля вслѣдствіе недостатка хлѣба на многихъ заводахъ возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысячъ рабочихъ, которые насильственно снимали работавшихъ. Движеніе трамвая рабочими было прекращено. Въ серединѣ дня 23 и 24 февраля часть рабочихъ прорвалась къ Невскому, откуда была разогнана. Насильственные дѣйствія выразились разбитіемъ стеколъ въ нѣсколькихъ лавкахъ и трамваяхъ. Оружіе войскамъ не употреблялось, четыре чина полиціи получили опасныя пораненія. Сегодня 25 февраля попытки рабочихъ проникнуть на Невскій успѣшно маршируются, прорвавшаяся часть разгоняется казаками, утромъ полиціймейстеру Выборгскаго района сломали руку и нанесли въ голову рану тупымъ орудіемъ. Около трехъ часовъ дня на Знаменской площади убитъ при разсѣяніи толпы приставъ Крыловъ. Толпа разсѣяна. Въ подавленіи безпорядковъ, кромѣ петроградскаго гарнизона, принимаютъ участіе пять эскадроновъ 9 запаснаго кавалерійскаго полка изъ Краснаго Села, сотня лейбъ-гвардіи сводно-казачьяго полка изъ Павловска и вызвано въ Петроградъ пять эскадроновъ гвардейскаго запаснаго кавалерійскаго полка. Хабаловъ».

Протопоповъ со своей стороны телеграфировалъ Воейкову: «Внезапно распространившіеся въ Петроградѣ слухи о предстоящемъ якобы ограниченіи сѣточного отпуска выпекаемаго хлѣба взрослымъ по фунту, малолѣтнимъ половинномъ размѣрѣ вызвали усиленную закупку публичной хлѣба, очевидно, въ запасъ, почему части населенія хлѣба не хватило. На этой почвѣ двадцать третьяго февраля вспыхнула въ столицѣ забастовка, сопровождаемая уличными безпорядками. Первый день бастовало около 90 тысячъ рабочихъ, второй до 160 тысячъ, сегодня около 200 тысячъ. Уличные безпорядки выражаются въ демонстративныхъ шествіяхъ частью съ красными флагами, разгромѣ нѣкоторыхъ пунктахъ лавокъ, частичнымъ прекращеніемъ забастовщиками трамвайнаго движенія, столкновеніяхъ полиціей. 23 февраля ранены 2 помощника пристава, сегодня утромъ на Выборгской сторонѣ толпой сняты съ лошади и избиты полиціймейстеръ полковникъ Шалфеевъ, въ виду чего полиціей произведено

несколько выстрелов в направлении толпы, откуда последовали ответные выстрелы. Сегодня днем больше серьезные беспорядки происходили около памятника Императору Александру III, на Знаменской площади, где убить пристава Крылов. Движение носит неорганизованный стихийный характер, наряду с эксцессами противоправительственного свойства буйствующие мѣстами привѣтствуют войска. Прекращенію дальнѣйшихъ беспорядковъ принимаются энергичныя мѣры военнымъ начальствомъ. Москвѣ спокойно. М.В.Д. Протопоповъ».

Около 9 часовъ вечера Хабаловъ получилъ напечатанную на юзѣ переданную по прямому проводу въ генеральный штабъ телеграмму: «Повелѣваю завтра же прекратить въ столицѣ беспорядки, недопустимые въ тяжелое время войны съ Германией и Австріей. Николай».

Часовъ въ 10 собрались начальники участковъ, командиры запасныхъ частей, которымъ Хабаловъ прочелъ телеграмму и сказалъ, что должно быть применено послѣднее средство: если толпа агрессивна, дѣйствовать по уставу, т. е., открывать огонь послѣ тоекратнаго сигнала; въ остальныхъ случаяхъ—продолжать дѣйствовать кавалеріей.

Хабалова царская телеграмма «хватила обухомъ». Онъ такъ разстроился, что, когда вечеромъ къ нему позвонилъ Леляновъ, онъ сказалъ ему: «Вы выдумали какой-то незаконный проектъ, совершенно несогласный съ городскимъ положеніемъ, я не могу на это согласиться». Дѣло въ томъ, что затѣявшій днемъ Протопоповъ сообщать, что «городъ выдумалъ какой то революціонный проектъ съ продовольствіемъ».

Весь день происходили засѣданія думскихъ фракцій, комиссій, бюро блока, бюро центрального военно-промышленнаго комитета.

Вечернее засѣданіе Городской Думы, гдѣ разсматривался вопросъ о введеніи хлѣбныхъ карточекъ, по докладу охраннаго отдѣленія, «вскорѣ приняло характеръ памятныхъ по 1905 году революціонныхъ митинговъ». На собраніи говорили сенаторъ Ивановъ, члены Государственной Думы Шингаревъ и Керенскій, представители рабочихъ; ждали Родзянко, но онъ не могъ прійхать, будучи занятъ въ Государственной Думѣ, гдѣ разбирался законопроектъ о расширеніи правъ городскихъ самоуправленій въ области продовольствія.

Въ ночь на 26 февраля «было арестовано около 100 членовъ революціонныхъ организацій, въ томъ числѣ 5 членовъ Петроградскаго Комитета Россійской Соціально-Демократической Партіи». На собраніи въ помѣщеніи Центрального Военно-Промышленнаго Комитета «были арестованы два члена Рабочей Группы, избѣгнувшіе задержанія во время ликвидаціи въ минувшемъ январѣ мѣсяцѣ этой преступной группы».

Родзянко былъ у Голицына и просилъ его выйти въ отставку. Голицынъ въ отвѣтъ указалъ папку на столѣ, въ которой лежалъ указъ о роспускѣ Думы, и просилъ устроить совѣщаніе лидеровъ фракцій, чтобы столковаться.

Въ 12 часовъ ночи началось совѣщаніе министровъ въ квартирѣ Голицына. Рѣчь шла о томъ, что въ понедѣльникъ въ Государственной Думѣ предполагается рядъ выступленій, которые могутъ заставить правительство закрыть Думу. Риттихъ говорилъ о томъ, что Кабинетъ не можетъ поладить съ Думой, потому что Дума не хочетъ ладить съ нимъ. Покровскій говорилъ, что съ Думой работать нужно, и ея требованія должны быть приняты. Оба министра, а также Кригеръ-Войновскій, въ разныхъ выраженіяхъ говорили о томъ, что Кабинету придется уйти. Всѣ, кромѣ Протопопова, Добровольскаго и Раева, были противъ роспуска Думы. Протопоповъ рассказывалъ объ уличныхъ событіяхъ и находилъ, что беспорядки слѣдуетъ прекратить вооруженной силой. Приглашенный на совѣщаніе Хабаловъ доложить

о событіях дня, о принятых имъ мѣрахъ, о планѣ охраны города и о полученной имъ отъ царя телеграммѣ. Бѣляевъ, Добровольскій и Риттихъ высказались, что безпорядкамъ должна быть противопоставлена сила. Тутъ же, по телефону изъ Городской Думы, узнали, что отдано распоряженіе объ арестѣ Рабочей Группы, причемъ всѣ удивились, почему Протопоповъ въ такую минуту не справился съ мнѣніемъ Совѣта Министровъ. Вызванные Васильевъ и Глобачевъ объяснили, что полиція застала публичное собраніе челоуѣкъ въ 50, задержала всѣхъ для выясненія личности и арестовала только двухъ, уже привлеченныхъ къ слѣдствію по 102 статьѣ.

Въ этомъ совѣщаніи уже поднимался вопросъ о введеніи осаднаго положенія. Хабаловъ протестовалъ на томъ основаніи, что, по послѣднему положенію, командующій войсками округа пользовался правами командующаго арміей, равнымъ правамъ командира осажденной крѣпости. Нѣкоторые изъ министровъ настаивали на введеніи осаднаго положенія потому, что, съ объявленіемъ его, прекращаются всѣ собранія, въ томъ числѣ, и засѣданія Государственной Думы, и даже ея коммисіи. Покровскій возражалъ, что это—вопросъ спорный.

Рѣшено было просить председателя и членовъ Думы употребить свой престижъ для успокоенія толпы; рѣшено, что Родзянко поѣдетъ къ Голицыну, а Покровскій и Риттихъ войдутъ въ переговоры съ нѣкоторыми лидерами партій (называли Миллюкова и Савича).

Голицынъ указалъ, что въ стремленіяхъ на пути къ соглашенію не слѣдуетъ забывать того, что нѣкоторые министры должны будутъ собой пожертвовать; онъ намекалъ на Протопопова. Хабаловъ произвелъ на Голицына впечатлѣніе «очень не энергичнаго и мало свѣдущаго тяжелоудума», а докладъ его показался Голицыну «сумбуромъ». Въ этотъ вечеръ онъ просилъ у Хабалова охраны и впослѣдствіи жаловался на то, что не видѣлъ ея, хотя Хабаловъ послалъ роту, которая «закупила Моховую».

Министры разошлись въ 4 часа ночи, рѣшивъ опять сойтись въ воскресенье въ 8½ часовъ. Журналовъ совѣщаній въ эти дни не велось, хотя на всѣхъ совѣщаніяхъ присутствовалъ Ладыженскій.

Жизнь Ставки текла попрежнему однообразно: въ 9½ часовъ царь выходилъ въ штабъ, до 12½ проводилъ время съ Алексѣевымъ, послѣ этого часъ продолжался завтракъ, потомъ была прогулка на моторахъ, въ 5 часовъ пили чай и приходила петербургская почта, которой царь занимался до обѣда въ 7½ часовъ.

Вѣроятно, въ этотъ день между 5 и 7 часами, въ виду тревожныхъ слуховъ отъ приѣзжающихъ изъ Петербурга («Асторія занята», и т. д.) къ царю «прибѣгаль» Алексѣевъ. Кромѣ того, царь получилъ двѣ телеграммы отъ Александры Федоровны. Въ одной говорилось, что «въ городѣ пока спокойно» а въ вечерней уже, что «совсѣмъ нехорошо въ городѣ».

Послѣ обѣда съ 8½ часовъ царь занимался у себя въ кабинетѣ, а въ 11½ пили вечерній чай, и царь съ лицами ближайшей свиты уходилъ къ себѣ.

Дубенскій записалъ въ дневникѣ 25-го: «Изъ Петрограда—тревожныя свѣдѣнія: голодные рабочіе требуютъ хлѣба, ихъ разгоняютъ казаки; забастовали фабрики и заводы; Государственная Дума засѣдаетъ очень шумно; социаль-демократы Керенскій и Скобелевъ вызываютъ къ ниспроверженію самодержавной власти, а власти нѣтъ. Вопросъ о продовольствіи стоитъ очень плохо..., оттого и являются голодные бунты. Плохо очень съ топливомъ..., поэтому становятся заводы, даже тѣ, которые работаютъ на оборону. Государь, какъ будто, встревоженъ, хотя сегодня по виду былъ веселъ. Эти дни онъ ходитъ въ казачьей кавказской формѣ, вечеромъ былъ у всепошной и шель туда и обратно безъ пальто».

Въ воскресенье, 26 февраля, войска, какъ обыкновенно, заняли всѣ посты, положенные по росписанію; Хабаловъ объявилъ, что для водворенія порядка войска прибѣгнуть къ оружію (всѣ министры наканунѣ согласились на такое объявленіе).

Въ этотъ день войскамъ пришлось стрѣлять въ народъ въ разныхъ мѣстахъ, и холостыми и боевыми патронами.

Въ доведеніяхъ за день отмѣчено: «промышленныя предпріятія сего числа, по случаю праздничнаго дня, были закрыты». «Во время безпорядковъ наблюдалось, какъ общее явленіе, крайне выходящее отношеніе буйствовавшихъ скопищъ къ воинскимъ нарядамъ, въ которые толпа, въ отвѣтъ на предложеніе разойтись, бросала камнями и комями скотатаго съ улицъ льда. При предварительной стрѣльбѣ войскамъ вверхъ, толпа не только не разсѣивалась, но подобныя залпы встрѣчала смѣхомъ. Лишь по примѣненіи стрѣльбы боевыми патронами въ гущу толпы оказывалось возможнымъ разсѣивать скопища, участники коихъ, однако, въ большинствѣ прятались во дворы ближайшихъ домовъ и, по прекращеніи стрѣльбы, вновь выходили на улицу».

Вечеромъ, охранное отдѣленіе предполагало арестовать собраніе, которое должно было быть въ домѣ Елисѣева на Невскомъ «съ участіемъ членовъ Государственной Думы Керенскаго и присяжнаго повѣреннаго Соколова, для обсужденія вопроса о наилучшемъ использованіи въ революціонныхъ цѣляхъ возникшихъ безпорядковъ и дальнѣйшемъ планомѣрнымъ руководительствѣ таковыми».

Родзянко утромъ поѣхалъ къ Риттиху, вытащилъ его изъ кровати и повезъ къ Бѣляеву. Онъ видѣлъ, какъ рабочіе шли лавой по льду черезъ Неву, такъ какъ на мосты ихъ не пускали.

Родзянко обратился по телефону къ Хабалову, который сидѣлъ въ зданіи градоначальства, уже не дѣлая никакихъ распоряженій о раздачѣ хлѣба; Родзянко спрашивалъ его, «зачѣмъ кровь», и убѣждалъ, что гранату на Невскомъ бросилъ городской. Хабаловъ сказалъ, что войска не могутъ быть мишенью и должны отвѣчать на нападеніе, но на высочайшую телеграмму не сослался.

Родзянко звонилъ также къ Бѣляеву, совѣтуя ему разсредоточивать толпу при помощи пожарныхъ. Бѣляевъ снесся съ Хабаловымъ, который отвѣтилъ, что существуетъ распоряженіе ни въ какомъ случаѣ не вызывать пожарныя части для прекращенія безпорядковъ, и что обливаніе водой только возбуждаетъ, т.-е., приводитъ къ обратному дѣйствию.

Родзянко телеграфировалъ царю: «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное расстройство. Растетъ общественное недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣщеносца».

Копіи этой телеграммы были разосланы командующимъ съ просьбою поддержать передъ царемъ обращеніе предсѣдателя Думы. Отвѣтили Брусиловъ: «Вашу телеграмму получилъ. Свой долгъ передъ родиной и царемъ исполнить» — и Рузскій: «Телеграмму получилъ. Порученіе исполнено».

Царь, по разсказу Фредерикса, получивъ эту телеграмму, или слѣдующую за ней (отъ 27 февраля), сказалъ Фредериксу: «Опять этотъ толстякъ Родзянко мнѣ написалъ разный вздоръ, на который я ему не буду даже отвѣчать».

Хабаловъ телеграфировалъ Напштаверху въ Ставку (№ 2899—3713): «Доношу, что въ теченіе второй половины 25 февраля толпы рабочихъ, собиравшіяся на Знаменской площади и у Казанскаго Собора, были неоднократно разгоняемы полиціей и воинскими чинами. Около 17 часовъ у Гостиннаго Двора демонстранты заѣли революціонныя пѣсни и выкинули красные флаги съ надписями долой войну, на предупрежденіе, что противъ нихъ будетъ примѣнено оружіе, изъ толпы раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, однимъ изъ коихъ былъ раненъ голову рядовой 9 запаснаго кавалерійскаго полка. Взводъ драгунъ спѣшилъ и открылъ огонь по толпѣ, причемъ убито трое и ранено десять человѣкъ. Толпа мгновенно разсѣялась. Около 18 часовъ въ нарядѣ конныхъ жандармовъ была брошена граната, которой раненъ одинъ жандармъ и лошадь. Вечеръ прошель относительно спокойно. 25 февраля бастовало двѣсти сорокъ тысячъ рабочихъ. Мною вышущено объявленіе, воспрещающее скопленіе народа на улицахъ и подтверждающее населенію, что всякое проявленіе безпорядка будетъ подавляться силой оружія. Сегодня 26 февраля съ утра въ городѣ спокойно. Хабаловъ».

Около 4-хъ часовъ дня Хабалову доложили, что четвертая рота запаснаго батальона Павловскаго полка, расквартированная въ зданіяхъ конюшеннаго вѣдомства, выбѣжала съ криками на площадь, стрѣлая въ воздухъ около храма Воскресенія, и при ней находятся только два офицера; рота требовала увода въ казармы остальныхъ и прекращенія стрѣльбы, а сама стрѣляла по взводу конно-полицейской стражи.

Хабаловъ приказалъ командиру батальона и полковому священнику принять мѣры къ увѣщанію; устыдить роту, привести ее къ присягѣ на вѣрность и водворить въ казармы, отобрать оружіе. Послѣ увѣщаній батальоннаго командира, солдаты дѣйствительно помаленьку сдали винтовки, но 21 человѣка съ винтовками не досчитались.

Бѣляевъ потребовалъ немедленно военно-полевого суда, но прокуроръ военно-окружнаго суда Мендель посоветовалъ Хабалову сначала произвести дознаніе. Хабаловъ приказалъ, чтобы самъ батальонъ выдалъ зачинщиковъ и назначилъ слѣдственную комиссію изъ пяти членовъ съ генераломъ Хлѣбниковымъ во главѣ. Батальонное начальство выдало 19 главныхъ виновниковъ, которыхъ и препроводили въ крѣпость, какъ подлежащихъ суду, такъ какъ комендантъ крѣпости Николаевъ сообщалъ, что арестныхъ помѣщеній для всей роты (1500 человѣкъ) у него нѣтъ.

Среди этого «котла» событій, по выраженію Хабалова, онъ нѣсколько разъ доносилъ въ Ставку, что безпорядки продолжаются и приказаній его величества онъ выполнить не можетъ. Ночью стали поступать тревожныя свѣдѣнія о возстаніяхъ въ другихъ войсковыхъ частяхъ, но они пока не оправдывались.

Протопоповъ телеграфировалъ Воейкову: «Сегодня порядокъ въ городѣ не нарушался до четырехъ часовъ дня, когда на Невскомъ проспектѣ стала накапливаться толпа, неподчинявшаяся требованію разойтись. Ввиду сего возлѣ Городской Думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, послѣ чего образовавшееся тамъ сборище разсѣялось. Одновременно значительныя скопища образовались на Лиговской улицѣ, Знаменской площади, также на пересѣченіяхъ Невскаго Владимірскимъ проспектомъ и Садовой улицей, причемъ всѣхъ этихъ пунктахъ толпа вела себя вызывающе, бросая въ войска камнями, комями сколотата на улицахъ льда. Поэтому, когда стрѣльба вверхъ не оказала воздѣйствія на толпу, вызвавъ лишь насмѣшки надъ войсками, послѣднія вынуждены были для прекращенія буйства прибѣгнуть къ стрѣльбѣ боевыми патронами по толпѣ, въ результатѣ чего оказались убитые, раненые, большую часть коихъ

толпа, разсылаясь, уносила съ собой. Началъ пятого часа Невскій былъ очищенъ, но отдѣльные участники безпорядковъ, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстрѣливать воинскіе разбѣды. Войска дѣйствовали ревностно, исключеніе составляетъ самостоятельный выходъ четвертой эвакуированной роты Павловскаго полка. Охраннымъ отдѣленіемъ арестованы запрещенномъ собраніи 30 постороннихъ лицъ въ помѣщеніи Группы Центральнаго Военнаго Комитета и 136 человекъ партійныхъ дѣятелей, а также революціонный руководящій коллективъ изъ пяти лицъ. Моему соглашенію командующимъ войсками контроль распределеніемъ выпечкою хлѣба также учетомъ использованія муки возлагается на заведующаго продовольствіемъ Имперіи Ковалевскаго. Надѣюсь будетъ польза. Поступили свѣдѣнія, что 27 февраля часть рабочихъ намѣревается приступить работамъ. Москвѣ спокойно. М.В.Д. Протопоповъ.

Эта телеграмма была послана 27 февраля въ 4 часа 20 минутъ утра.

Вечеромъ, на частномъ совѣщаніи у Голицына, были приняты двѣ мѣры: перерывъ засѣданій Государственной Думы и введеніе осаднаго положенія въ Петербургъ (форма послѣдняго распоряженія не обсуждалась).

Родзянко вечеромъ нашелъ у себя въ квартирѣ слѣдующій указъ, уже отпечатанный: «На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать съ 26-го февраля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе апрѣля 1917 года, въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе». Такимъ же указомъ были прерваны и занятія Государственнаго Совѣта.

Александра Федоровна заканчивала свою телеграмму, посланную царю въ 11 часовъ 50 минутъ дня, словами: «Очень беспокоюсь относительно города».

Въ Могилевѣ свита была въ тревогѣ, за завтракомъ было мало приглашенныхъ, и царь, всегда любезный, видимо, сдерживался и мало говорилъ. Воейковъ, однако, спокойно далъ коменданту императорскаго поѣзда, полковнику Герарди, отпускъ на нѣсколько дней въ Царское Село. Дубенскій записалъ въ своемъ дневникѣ 26 февраля: «Волненія въ Петроградѣ очень большія, бастуютъ двѣсти тысячъ рабочихъ, не ходятъ трамваи, убить приставъ на Знаменской площади. Собралось экстренное засѣданіе въ Марининскомъ дворцѣ... Государственная Дума волнуется, требуя передачи продовольственнаго дѣла во всей Россіи городскому самоуправленію и земству. Князь Голицынъ и всѣ министры согласны. Такимъ образомъ, вся Россія узнаетъ, что голодный народъ будетъ накормленъ распоряженіемъ не царской власти, не царскаго правительства, а общественными организаціями, т.е., правительство совершенно расписалось въ своемъ безсиліи. Какъ не можетъ понять государь, что онъ долженъ проявить свою волю, свою власть?... Какая это поддержка нашимъ врагамъ—Вильгельму—безпорядки въ Петроградѣ! Какая радость теперь въ Берлинѣ! А при государѣ все то же, многіе понимаютъ ужасъ положенія, но не «тревожатъ» царя».

Въ понедѣльникъ 27 февраля утромъ Родзянко послалъ царю телеграмму: «Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи».

Часовъ въ 7 утра командиръ запаснаго батальона Волынскаго полка передалъ Хабалову по телефону, что учебная команда отказалась выходить, а начальникъ ея или убить, или самъ застрѣлился передъ фронтомъ.

Хабаловъ, предписать обезоружить и вернуть команду въ казармы, сообщилъ объ этомъ Бѣляеву и поѣхалъ въ домъ градоначальства. Въ теченіе двухъ часовъ, полковникъ Московскаго полка Михайличенко замѣнялъ полковника Павленкова, больного грудной жабой. Въ это утро, въ канцелярію градоначальника являлся капитанъ броневой роты, который предлагалъ Хабалову составить 1—2 автомобиля изъ нѣсколькихъ, находящихся въ починкѣ на Путиловскомъ заводѣ. Хабаловъ послалъ его къ завѣдующему броневиками генералу Секретеву и велѣлъ прислать автомобиль, если найдутся надежные офицеры, которыхъ можно туда посадить.

Поступили донесенія, что Волынцы не сдаютъ винтовокъ, къ нимъ присоединяется рота Пресображенскаго вполка и часть Литовцевъ, и эта вооруженная толпа, соединившись съ рабочими, идетъ по Кирочной, разгромила казармы жандармскаго дивизіона и громитъ помѣщеніе школы прапорщиковъ инженерныхъ войскъ.

Хабаловъ сформировалъ отрядъ изъ 6 ротъ, 15 пулеметовъ и 1½ эскадроновъ, всего около 1000 человекъ, и отправилъ его противъ возставшихъ подъ начальствомъ георгіевскаго кавалера полковника Кутепова съ требованіемъ, чтобы они сложили оружіе; въ противномъ случаѣ, было предложено принять рѣшительныя мѣры.

Отрядъ двинутъ, а результаты нѣтъ: если онъ дѣйствуетъ, онъ долженъ уже гнать толпу въ уголъ за Таврической садъ, къ Невѣ. «А тутъ—ни да, ни нѣтъ», говоритъ Хабаловъ.

Казачьи разъѣзды донесли, что Кутеповъ не можетъ продвинуться по Кирочной и Спасской и требуетъ подкрѣпленій.

Брандъ-маіоръ Литвинцовъ донесъ по телефону, что толпа не даетъ пожарнымъ тушить зданіе Окружнаго Суда. Около полудня изъ Московскаго полка донесли, что четвертая рота, заправшая пулеметами Литейный мостъ съ Выборгской стороны, подавлена, остальные роты стоятъ во дворѣ казармъ, изъ офицеровъ—кто убитъ, а кто—раненъ, и огромныя толпы запружаютъ Самсоновскій проспектъ.

Запасныхъ войскъ у Хабалова не было, а наряду съ донесеніями поступали требованія охраны отъ Голицына, съ телефонной станціи, изъ Литовскаго замка, изъ Маріинскаго дворца. Заѣзжалъ Протопоповъ и приставалъ къ Хабалову съ разными предложеніями, по обыкновенію, ни на чемъ реальномъ не основанными.

Часа въ 2—3 Хабаловъ былъ у Голицына. Послѣдній былъ уже оповѣщенъ съ утра Бѣляевымъ, который въ это утро приказалъ начальнику Генеральнаго Штаба генералу Занкевичу доложить, что нужно для объявленія осаднаго положенія, и, получивъ отвѣтъ, что для этого требуется высочайшее повелѣніе, сказалъ: «Считайте, что оно уже послѣдовало». Бѣляевъ предлагалъ Голицыну сейчасъ же обсудить дальнѣйшія мѣры, но прошло довольно много времени, какъ пріѣхалъ Хабаловъ, министры были въ сборѣ; онъ произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе: «руки трясутся, равновѣсіе, необходимое для управленія въ такую серьезную минуту, онъ утратилъ»,—говоритъ Бѣляевъ.

Въ сущности, министры только знакомились съ событіями, взглядовъ же никакихъ не высказывали. Всѣ были особенно нервны. Докладывали Хабаловъ и кое-что Протопоповъ. Около 4—5 часовъ рѣшили сойтись въ Маріинскомъ дворцѣ.

Когда опредѣлилось, что пока только Выборгская и Литейная части захвачены возстаніемъ, Хабаловъ рѣшилъ стянуть возможный резервъ на Дворцовой площади, подъ начальствомъ полковника Преображенскаго полка князя Аргутинскаго-Долгорукова. Часть предполагалось послать

въ подкрѣпленіе Кутепову, а другую часть—на Петербургскую сторону: Хабаловъ, опасаясь за Пороховые заводы, хотѣлъ отгѣснить возставшихъ къ сѣверу, къ морю.

Выяснилось, что резервъ собрать трудно, нѣкоторыя части можно только удерживать отъ присоединенія къ возставшимъ, а у другихъ нѣтъ патроновъ; не найдя патроновъ въ городѣ, Хабаловъ просилъ по телефону прислать ихъ изъ Кронштадта, но комендантъ отвѣтилъ, что самъ опасається за крѣпость. Хабаловъ не зналъ, что и въ окрестностяхъ города вспыхнуло возстаніе: часовъ около 3-хъ дня царскосельскій гарнизонъ грабилъ трактирныя заведенія, встрѣчая маршевыя эскадроны, подошедшіе изъ Новгородской губерніи, съ корзинами яствъ и питей. Впрочемъ, сводный гвардейскій полкъ несъ службу и продолжалъ охранять Александровскій дворецъ.

Голицынъ поручилъ Бѣляеву съѣздить въ градоначальство. Тутъ были всѣ «неопытные полковники», и Бѣляевъ, который, по словамъ Балка, былъ «вдумчивъ, спокоенъ и говорилъ мало», позвалъ всѣхъ на совѣщаніе и увидѣлъ «полное отсутствіе идеи и недостаточность инициативы въ распоряженіяхъ». Настроеніе офицеровъ, въ частности, Измайловскаго полка, было «ненадежное», они находили нужнымъ вступить въ переговоры съ Родзянко, о чемъ Хабаловъ доложилъ Бѣляеву, которому вовсе не было подчиненъ, но котораго въ растерянности своей сталъ слушаться. Въ отвѣтъ на это, военный министръ разсердился и приказалъ находившемуся тутъ же генералу Занкевичу вступить въ командованье всѣми гвардейскими запасными частями (это было около 7 часовъ вечера). Хабаловъ понялъ это такъ, что онъ устраненъ. Между тѣмъ, Занкевичъ былъ данъ ему въ помощь и устранялъ собою только Чебыкина, Павленкова и Мпхайличенко, такъ же, какъ Ивановъ въ послѣдствіи не смѣнилъ Хабалова, а былъ поставленъ надъ нимъ.

Пріѣхавшій въ градоначальство великій князь Кирилль Владимировичъ рекомендовалъ Бѣляеву принять энергичныя мѣры и, прежде всего, смѣнить Протопопова; выражалъ неудовольствіе, что ему не сообщаютъ о событіяхъ и спрашивалъ, что ему дѣлать съ гвардейскимъ экипажемъ, на что Хабаловъ доложилъ, что гвардейскій экипажъ ему не подчиненъ. Кирилль Владимировичъ прислалъ къ вечеру двѣ «наиболѣе надежныя» роты учебной команды Гвардейскаго Экипажа.

Пріѣхавъ въ Маріинскій дворецъ, гдѣ всѣ члены Совѣта Министровъ «ходили растерянные, ожидая ареста», Бѣляевъ доложилъ о Занкевичѣ, а затѣмъ попросилъ Голицына поговорить съ нимъ наединѣ о замѣнѣ Протопопова; такъ какъ смѣнить министра никто, кромѣ императора, не имѣлъ права, рѣшили предложить Протопопову сказатьсѣ больнымъ; Бѣляевъ предложилъ замѣнить его главнымъ военнымъ прокуроромъ Макаренко, но предложеніе это было отвергнуто, и генералъ Тяжельниковъ, по приказанію Бѣляева, отпечаталъ приказъ Голицына: «въслѣдствіе болѣзни министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Протопопова, во временное исполненіе его должности вступить его товарищъ по принадлежности». Тогда же, по приказанію Бѣляева, было напечатано «объявленіе Командующаго Войсками Петроградскаго Военнаго Округа» за подписью Хабалова: «По Высочайшему повелѣнію городъ Петроградъ съ 27 сего февраля объявляется на осадномъ положеніи». Объявленіе было напечатано въ количествѣ около 1.000 экземпляровъ, подлинникъ былъ написанъ карандашомъ. Печаталось оно въ Адмиралтействѣ, такъ какъ типографія градоначальства уже не была въ распоряженіи стараго правительства, о чемъ доложилъ Балкъ.

Голицынъ рассказываетъ, что онъ получилъ отъ Бѣляева письмо, начинавшееся словами: «Имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству, что по Высочайшему Повелѣнію введено осадное положеніе», но письмо это онъ потерялъ.

Голицынъ обратился къ Протопопову и просилъ его официально заявить, что онъ боленъ и уходитъ. Протопоповъ всталъ, сбѣшенно произнесъ: «Ну, что же, я подчиняюсь», и ушелъ, говоря: «Мнѣ теперь остается только застрѣлиться». Бѣлецкій рассказываетъ, что, когда передъ этимъ стало извѣстно, что Щегловитовъ, арестованный на кухнѣ и прикрытый солдатской шинелью, увезенъ въ Думу, Протопоповъ такъ растерялся, что требовалъ моментально «схватить Родзянко».

Въ 6 часовъ вечера Лодыженскій передалъ въ экспедицію канцеляріи Совѣта Министровъ составленную Покровскимъ и Баркомъ и подписанную Голицынскимъ телеграмму, въ которой говорилось, между прочимъ: «Совѣтъ Министровъ... дерзаетъ представить Вашему Величеству о безотложной необходимости принятія слѣдующихъ... мѣръ... съ объявленіемъ столицы на осадномъ положеніи, каковое распоряженіе уже сдѣлано Военнымъ Министромъ по уполномочію Совѣта Министровъ собственною властью. Совѣтъ Министровъ всеподданнѣе ходатайствуетъ о поставленіи во главѣ оставшихся вѣрными войскъ одного изъ военачальниковъ дѣйствующихъ армій съ популярнымъ для населенія именемъ»...

Далѣе указывается, что Совѣтъ Министровъ не можетъ справиться съ создавшимся положеніемъ, предлагаетъ себя распустить, назначить председателемъ Совѣта Министровъ лицо, пользующееся общимъ довѣріемъ, и составить отвѣтственное министерство.

Царь отвѣтилъ того же числа князю Голицыну: «О главномъ начальникѣ для Петрограда мною дано повелѣніе начальнику моего штаба съ указаніемъ немедленно прибыть въ столицу. Тоже и относительно войскъ. Лично Вамъ предоставляю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно перемѣны въ личномъ составѣ при данныхъ обстоятельствахъ считаю ихъ недопустимыми. Николай».

Послѣ 8-ми часовъ вечера Голицынъ, Родзянко, великій князь Михаилъ Александровичъ, Крыжановскій и Бѣляевъ обсуждали въ кабинетѣ председателя Совѣта Министровъ текстъ телеграммы, которую Михаилъ Александровичъ хотѣлъ послать царю, послѣ чего, великій князь и Бѣляевъ поѣхали въ домъ военнаго министра, чтобы передать эту телеграмму начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго. Михаилъ Александровичъ сообщилъ о «серьезности положенія», о необходимости назначить председателя Совѣта Министровъ, который самъ подобралъ бы себѣ кабинетъ; онъ спрашивалъ не уполномочить ли его царь сейчасъ же объ этомъ объявить, называя со своей стороны князя Г. Е. Львова, и предлагалъ принять на себя регентство.

Черезъ полчаса или черезъ часъ Алексѣевъ передалъ отвѣтъ, что его величество благодаритъ за вниманіе, выѣдетъ завтра и самъ приметъ рѣшеніе.

Въ этотъ день Бѣляевъ послалъ въ Ставку Наштаверху слѣдующія четыре телеграммы.

13 час. 15 мин. № 196. Указывается, что начавшіяся съ утра въ нѣкоторыхъ частяхъ волненія подавляются. Выражается увѣренность «въ скоромъ наступленіи спокойствія».

19 час. 22 мин. № 197 (копія Главкосѣву). Указывается на «серьезность положенія»; просьба прислать на помощь «дѣйствительно надежныя части».

19 час. 33 мин. № 198. «Совѣтъ Министровъ призналъ необходимымъ объявить Петроградъ на осадномъ положеніи. Въ виду проявленной генера-

домъ Хабаловымъ растерянности назначилъ на помощь ему генерала Занкевича, такъ какъ генераль Чебыкинъ отсутствуетъ».

23 час. 53 мин. № 199. Говорится, что изъ Царскаго Села вызваны небольшія части запасныхъ полковъ, батарея изъ Петрограда грузить въ поѣздъ на Петроградъ отказалась, батарея училищъ не имѣетъ снарядовъ.

Около полуночи Бѣляевъ приказалъ своему секретарю позвонить въ Маріинскій дворецъ и вызвать по телефону Кригеръ-Войновскаго. Секретарь услышалъ въ телефонъ неясный разговоръ нѣсколькихъ голосовъ, увѣщанія соблюдать тишину и предупрежденіе, что у телефона военный министръ. Вслѣдъ за тѣмъ, къ телефону подошелъ кто то, назвавшій себя министромъ путей сообщенія, но по голосу непохожій на Кригеръ-Войновскаго. Секретарь предупредилъ объ этомъ Бѣляева и передалъ ему трубку. Военный министръ молча слушалъ у телефона минутъ 5, услышалъ слова: «...эту пачку уже пересмотрѣлъ, возьми вотъ тѣ бумаги», повѣсилъ трубку и запретилъ всѣмъ сношенія по телефону съ Маріинскимъ Дворцомъ.

Около 2 часовъ ночи секретарь Бѣляева былъ вызванъ по телефону изъ Маріинскаго Дворца помощникомъ управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ Путиловымъ, который объяснилъ, что, дѣйствительно, въ помѣщеніи канцеляріи Совѣта Министровъ «хозяйничаютъ постороннія лица», важнѣйшія бумаги удалось унести, а министры путей сообщенія и иностранныхъ дѣлъ скрываются въ другой части дворца. Путиловъ просилъ освободить ихъ, но секретарь военного министра объяснилъ, что изъ ихъ распоряженіи нѣтъ войскъ.

Между тѣмъ у генерала Занкевича, которому Бѣляевъ передалъ командованье, были въ распоряженіи уже немногія части, и то колеблющіяся и тающія съ часу на часъ.

Вопросъ объ атакѣ стоялъ безнадежно, можно было думать только объ оборонѣ отряда на Дворцовой площади.

Генераль Занкевичъ, надѣвъ мундиръ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка, выѣхалъ къ солдатамъ и, поговоривъ съ ними, вынесъ убѣжденіе, что на нихъ рассчитывать нельзя. Удержаться на площади было невозможно; Занкевичъ считалъ, что вѣрнымъ слугамъ царя надо умереть въ Зимнемъ Дворцѣ; около 9 часовъ вечера войска были переведены въ Адмиралтейство, а около 11 часовъ—во Дворецъ; при этомъ оказалось, что матросы и части пѣхоты уже разошлись; осталось всего на всего 1500—2000 человекъ.

Около часу ночи во Дворцѣ получили извѣстіе о назначеніи генерала Иванова. Управляющій дворцомъ генераль Комаровъ просилъ Хабалова не занимать дворца, Занкевичъ спорилъ, и вопросъ остался бы открытымъ, если бы заѣхавшій въ ту минуту съ Бѣляевымъ великій князь Михаилъ Александровичъ, которому не удавалось уѣхать въ Гатчину, не согласился съ Комаровымъ. На совѣщаніи великій князь, Хабаловъ и Занкевичъ намѣтили Петропавловскую крѣпость, но помощникъ коменданта баронъ Сталь, вызванный къ телефону, сообщилъ, что на Троицкой площади стоятъ броневые автомобили и орудія, а на Троицкомъ мосту—баррикады. Хабаловъ предложилъ пробиваться, но Занкевичъ указалъ на колебанія офицеровъ Измайловскаго полка; тогда, на разсвѣтѣ, рѣшили перейти опять въ Адмиралтейство.

Листки съ объявленіемъ осаднаго положенія были напечатаны, но расклеить ихъ по городу не удалось: у Балка не было ни клею, ни кистей. По приказу Хабалова, отданному вялымъ тономъ, два околodочныхъ развѣсили нѣсколько листовъ на рѣшеткѣ Александровскаго сада. Утромъ эти листки валялись на Адмиралтейской площади передъ градоначальствомъ.

Третье объявление, переданное Бѣляевымъ для распубликованія— о запрещеніи жителямъ столицы выходить на улицу послѣ 9 часовъ вечера— Хабаловъ счелъ окончательно безцѣльнымъ и оставилъ его безъ исполненія.

Императрица въ этотъ день телеграфировала царю трижды: въ 11 часовъ 12 минутъ дня: «Революція вчера приняла ужасающіе размѣры. Знаю, что присоединились и другія части. Извѣстія хуже, чѣмъ когда бы то ни было. Алисъ»; въ 1 ч. 3 минуты: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войскъ перешло на сторону революціи. Алисъ»; въ 9 часовъ 50 минутъ вечера: «Лили провела у насъ день и ночь—не было ни колысокъ, ни моторовъ. Окружный Судъ горитъ. Алисъ».

Дубенскій записывалъ 27 февраля: «Изъ Петрограда вѣсти не лучше. Была, говорятъ, сильная стрѣльба у Казанскаго собора, много убитыхъ со стороны полиціи и среди народа. Говорятъ, по городу ходятъ броневые автомобили. Слухи стали столь тревожны, что рѣшено завтра 28-го отбыть въ Петроградъ... Помощникъ начальника штаба Трегубовъ передалъ мнѣ, что на его вопросъ, что дѣлается въ Петроградѣ, Алексѣевъ отвѣтилъ: «Петроградъ въ возстаніи». Трегубовъ дополнялъ, что была стрѣльба по улицамъ, стрѣляли пулеметы. Первое, что надо сдѣлать,—это убить Протопопова, онъ ничего не дѣлаетъ, шарлатанъ. Передъ обѣдомъ я съ Федоровымъ былъ въ вагонѣ у генераль-адъютанта Иванова. Долго бесѣдовали на тему петроградскихъ событій и стали убѣждать его сказать государю, что необходимо послать въ Петроградъ нѣсколько хорошихъ полковъ, внушить дѣйствовать рѣшительно, и дѣло можно еще потушить. Ивановъ началъ говорить, что онъ не вправѣ сказать государю, что надо вызвать хорошіе полки, напримѣръ, 23-ю дивизію и т. д., но въ концѣ концовъ согласился и обѣщалъ говорить съ царемъ. Передъ обѣдомъ Алексѣевъ приходилъ къ государю въ кабинетъ докладывать срочное сообщеніе изъ Петрограда о томъ, что въкоторыя части, кажется, Лейбъ-Гвардія Павловскій полкъ, отказались дѣйствовать противъ толпы. На вопросъ графа Фредерикса Алексѣеву,— что новаго изъ Петрограда, начальникъ штаба отвѣтилъ: «Плохія вѣсти, есть новое явленіе», намекалъ на войска. За обѣдомъ, который прошелъ тихо, и государь былъ молчаливъ, Ивановъ все-таки успѣлъ сказать государю о войскахъ».

«Послѣ обѣда государь позвалъ къ себѣ Иванова въ кабинетъ и около 9 часовъ стало извѣстно, что Ивановъ экстреннымъ поѣздомъ ѣдетъ въ Петроградъ. Нарышкинъ мнѣ сказалъ, что павловцевъ окружили преображенцы и, кажется, стало тише. Все настроеніе ставки сразу измѣнилось. Всѣ говорятъ, волнуются, спрашиваютъ: что новаго изъ Петрограда».

«Въ вечернихъ телеграммахъ стало извѣстно, что именнымъ высочайшимъ указомъ распущены Дума и Государственный Совѣтъ, но это уже поздно, уже опредѣлилось временное правительство, заседающее въ Думѣ, подъ охраной войскъ, перешедшихъ на сторону революціонеровъ. Войскъ вѣрныхъ государю осталось меньше, чѣмъ противъ него. Гвардейскій Литовскій полкъ убилъ командира. Преображенцы убили батальоннаго командира Богдановича. Предсѣдатель Государственной Думы прислалъ въ Ставку государю телеграмму, въ которой просилъ его прибыть немедленно въ Царское Село, спасти Россію. Всѣ эти страшныя свѣдѣнія идутъ изъ Петрограда отъ графа Бенкендорфа полковнику Ратькову. Про министра внутреннихъ дѣлъ графъ Фредериксъ выразился по-французски такъ: «А о министрѣ внутреннихъ дѣлъ нѣтъ слуховъ, какъ будто онъ мертвъ». Графъ Фредериксъ держитъ себя спокойно, хорошо, и говоритъ: «Не надо волноваться».

«Послѣ вечерняго чая, въ 12 часовъ ночи, государь простился со всѣми и ушелъ къ себѣ. Вслѣдъ за нимъ къ нему пошелъ Фредериксъ и Воейковъ,

пробыли у царя недолго и вышли, причем Воейковъ объявилъ, что отъѣздъ въ Царское Село его величества назначенъ безотлагательно въ эту ночь. Всѣ стали собираться и уже къ 2 часамъ ночи были въ поѣздѣ. Государь любезенъ, ласковъ, тихъ и, видимо, волнуется, хотя, какъ всегда, все скрываетъ. Всю ночь шли у насъ съ Цабелемъ, Штапельбергомъ и Сусловымъ такіе разговоры. Свитскій поѣздъ отошелъ въ Царское въ 4 часа ночи... Назначенъ Ивановъ диктаторомъ».

Въ Ставкѣ до сего дня полагали, что происходитъ «голодный бунтъ», въ революцію не вѣрили и къ слухамъ относились пассивно, чему способствовалъ крайній «фатализмъ» царя, какъ выражается генераль Дубенскій. Алексѣевъ умолялъ царя въ эти дни пойти на уступки, но изъ этого вышло только то, что уѣхали немного раньше, чѣмъ предполагали.

Во всякомъ случаѣ, настроеніе Ставки рѣзко измѣнилось къ вечеру. 27 февраля, Воейковъ, который балаганилъ, устраивалъ свою квартиру и до 5 часовъ дня «прибивалъ штормки и привѣшивалъ картинки», вдругъ понялъ трагичность положенія и «сталъ ходить красный, тараща глаза». Генераль Ивановъ, придя къ обѣду, узналъ отъ Алексѣева, что онъ назначенъ въ Петербургъ главнокомандующимъ «для водворенія полного порядка въ столицѣ и ея окрестностяхъ», причемъ «командующій войсками округа переходитъ въ его подчиненіе» (на бланкѣ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, управленіе Дежурнаго генерала, № 3716, подписали генераль Алексѣевъ и дежурный генераль Кондзеровскій). Назначеніе это послѣдовало вслѣдствіе указанія бывшаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ князя Голицына на необходимость командировать въ столицу пользующагося популярностью въ войскахъ боевого генерала.

Ивановъ, слышій за «поклонника мягкихъ дѣйствій», за обѣдомъ разсказалъ царю, какъ ему удалось успокоить волненія въ Харбинѣ при помощи двухъ полковъ безъ одного выстрѣла. Послѣ обѣда царь сказалъ Иванову: «Я васъ назначаю главнокомандующимъ петроградскимъ округомъ, тамъ въ запасныхъ батальонахъ безпорядки и заводы бастуютъ, отправляйтесь». Ивановъ доложилъ, что онъ уже годъ стоитъ въ сторонѣ отъ армій, но полагаетъ, что «далеко не всѣ части останутся вѣрны въ случаѣ народнаго волненія», и что потому лучше не вводить войска въ городъ, пока положеніе не выяснится, чтобы избѣжать «междоусобицы и кровопролитія».

Царь отвѣтилъ: «Да, конечно».

Послѣ этого разговора, Ивановъ просидѣлъ въ Штабѣ часа два, частью—съ Алексѣевымъ, котораго вызывалъ царь, а потомъ—по прямому проводу—Родзянко. Алексѣевъ сказалъ ему, что съ сѣвернаго фронта и съ западнаго посылаются по два полка, но еще сомнѣваются, какіе посылать; посоветовалъ отправиться съ батальономъ и ротой своднаго полка и показалъ телеграмму отъ Родзянки и телеграмму объ объявленіи осаднаго положенія.

Ивановъ зналъ, что распушена Дума, введено осадное положеніе, не хватаетъ продовольствія и многіе заводы не работаютъ на оборону изъ за недостатка топлива. Рѣшивъ утромъ пойти къ царю, а около полудня ѣхать, онъ пошелъ спать.

Въ это время Воейкова вызвалъ по телеграфу изъ Царскаго Бенкендорфъ и спрашивалъ, не желаетъ ли его величество, чтобы Императрица съ дѣтьми выѣхала навстрѣчу; царь поручилъ передать, чтобы ни въ какомъ случаѣ не выѣзжали, и что онъ самъ пріѣдетъ въ Царское.

Воейковъ, по совѣту Бенкендорфа, вызвалъ Бѣляева, который далъ ему «хаотическій отвѣтъ», что «идетъ военный мятежъ и нельзя опредѣлить, какая часть возсталъ и какая нѣтъ». Воейковъ считалъ, что долженъ имѣть всѣ эти свѣдѣнія отъ Протопопова, но не получалъ ихъ. Въ 8 час. 15 минутъ

онъ послалъ Протопопову слѣдующую шифрованную телеграмму (№ 35): «Его Величество изволить отбыть изъ Ставки черезъ Оршу—Лихославль—Тосно вторникъ 28 февраля 2 час. 30 мин. дня и прибыть Царское Село среду 1 марта 3 час. 30 мин. дня».

Дубенскій рассказываетъ въ своемъ дневникѣ (отъ 3 марта) что «27 февраля вечеромъ было экстренное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ государя, Алексѣева, Фредерикса и Воейкова. Алексѣевъ, въ виду полученныхъ извѣстій изъ Петрограда, умолялъ государя согласиться на требованіе Родзянко дать конституцію, Фредериксъ молчалъ, а Воейковъ настоялъ на непринятіи этого предложенія и убѣждалъ государя немедленно выѣхать въ Царское Село».

Около 2 часовъ ночи адъютантъ разбудилъ Иванова и сообщилъ, что царь сейчасъ уѣзжаетъ. Царь принялъ Иванова около 3 часовъ ночи. Ивановъ доложилъ о продовольствіи и просилъ содѣйствія, памятуя сентябрь 1914 года, когда жалобы его на отсутствіе снарядовъ вызвали неудовольствіе даже въ Ставкѣ. Несмотря на то, что Ивановъ просилъ полномочій относительно только 4 министровъ (внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія, промышленности и путей сообщенія); царь сказалъ: «Пожалуйста, передайте генералу Алексѣеву, чтобы онъ телеграфировалъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, чтобы всѣ требованія генерала Иванова всѣми министрами исполнялись безпрекословно». (Однако, полномочія эти Ивановъ считалъ впоследствии отпавшими, такъ какъ отъ Алексѣева онъ не получилъ подтвержденія подобнаго приказа царя).—«До свиданья, сказалъ царь, вѣроятно, въ Царскомъ Селѣ увидимся». «Ваше величество, сказалъ Ивановъ, позвольте напомнить относительно реформъ». «Да, да, отвѣтилъ царь, мнѣ только что напоминалъ объ этомъ генералъ Алексѣевъ».

При этомъ, царь произнесъ слова «отвѣтственное министерство» и «министерство довѣрія», такъ что Ивановъ считалъ дѣло рѣшеннымъ и конфиденціально говорилъ объ этомъ своему адъютанту, полковнику Крипскому и Ладыженскому (начальнику канцеляріи по гражданскому управленію Штаба Верховнаго-Главкомадующаго). Ивановъ рѣшилъ, что высадится утромъ 1 марта въ Царскомъ. Онъ послалъ коменданту Царскаго Села двѣ телеграммы, одна изъ которыхъ (№ 4) гласила: «Прошу васъ сдѣлать распоряженіе о подготовкѣ помѣщенія для расквартированія въ городѣ Царское Село и его окрестностяхъ, 13 батальоновъ, 16 эскадроновъ и 4 батарей. О послѣдовавшемъ распоряженіи прошу меня увѣдомить завтра 1 марта на станціи Царское Село».

Эшелонъ Георгіевскаго батальона, полурота Желѣзнодорожнаго полка и рота Собственнаго Его Величества полка были отправлены изъ Могилева около 11 часовъ утра. Вагонъ Иванова, выѣхавшій нѣсколько позже, былъ прицепленъ къ эшелону въ Оршѣ.

Съ сѣвернаго фронта утромъ 28 были отправлены 3 эшелона 67-го пѣхотнаго Тарутинскаго полка; предполагалось отправить 68 Бородинскій полкъ и кавалерію.

Съ западнаго фронта предполагалось отправить два кавалерійскихъ полка, 2-й дивизіи, два пѣхотныхъ и пулеметную команду Кольта.

Ивановъ передалъ Алексѣеву слѣдующій документъ (на бланкѣ генералъ-адъютанта Иванова): 28 февраля 1917 года № 1. «Начальнику Штаба Верховнаго Главкомадующаго. При представленіи моемъ сего числа около 3 часовъ утра Государю Императору, Его Императорскому Величеству было благоугодно повелѣть доложить Вамъ, для поставленія въ извѣстность предсѣдателя совѣта министровъ, слѣдующее повелѣніе Его Императорскаго Величества.

«Всѣ министры должны исполнять всѣ требованія главнокомандующаго петроградскимъ военнымъ округомъ генераль-адъютанта Иванова безпрекословно». Генераль-адъютантъ Ивановъ.

Права генерала Иванова опредѣлялись слѣдующимъ документомъ отъ 28 февраля (на бланкѣ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, № 507).

«На основаніи 12 статьи Правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, мною предоставляется Вашему Высокопревосходительству принадлежащее мнѣ на основаніи 29 ст. Положенія о полевомъ управленіи войскъ право преданія гражданскихъ лицъ военно-полевому суду по всѣмъ дѣламъ, направляемымъ въ военный судъ, по которымъ еще не состоялось преданія обвиняемыхъ суду. Распоряженія Вашего Высокопревосходительства о сужденіи гражданскихъ лицъ въ военно-полевомъ судѣ могутъ быть дѣлаемы, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ дѣламъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ категоріямъ дѣлъ, съ предварительнымъ, въ послѣднемъ случаѣ, объявленіемъ о семъ во всеобщее свѣдѣніе. Подписали: Генераль-адъютантъ Алексѣевъ. Генераль-лейтенантъ Конзеровскій».

Командиръ Георгіевскаго батальона, генералъ Пожарскій, собравъ 27 февраля своихъ офицеровъ, объявилъ имъ, что въ Петербургѣ приказанія стрѣлять въ народъ оны не дасть, хотя бы этого потребовалъ генералъ Ивановъ.

Въ то время, какъ въ Могилевѣ происходили сборы, и латерные (святскій и императорскій) побѣда въ 4 и въ 5 часовъ утра двинулись по направленію Смоленскъ—Вязьма—Ржевъ—Лихославль,—генералы Хабаловъ, Занкевичъ и Бѣляевъ (разставшійся съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ послѣ 2 часовъ ночи) съ кучкой вѣрныхъ имъ офицеровъ и солдатъ перешли изъ Зимняго Дворца въ зданіе Адмиралтейства, заняли фасады, обращенные къ Невскому, артиллерию поставили во дворѣ, вторымъ этажѣ размѣстили пѣхоту, а на углахъ, подходящихъ для обстрѣла, разставили пулеметы. Снарядовъ у нихъ было мало, патроновъ не было вовсе, а ѣсть было нечего; съ большимъ трудомъ достали немного хлѣба для солдатъ. У казачьей сотни, расквартированной въ казармахъ Коннаго полка, лошади были непоены и не кормлены. По Адмиралтейству пострѣливали, но оттуда не отвѣчали. Тутъ и происходилъ ночной разговоръ съ Ивановымъ по прямому проводу. Ночью отъ Хабалова отвѣтили, что оны не знаютъ, гдѣ переговорить съ Ивановымъ, и не можетъ выйти на улицу безъ риска быть арестованнымъ. Ивановъ вызвалъ его къ прямому проводу къ 8 часамъ утра, и они обмѣнялись слѣдующимъ: Ивановъ передалъ десять вопросовъ пунктовъ (записаны на трехъ желтыхъ листочкахъ).

«1) Какія части въ порядкѣ и какія безобразия? 2) Какіе вокзалы охраняются? 3) Въ какихъ частяхъ города поддерживается порядокъ? 4) Какія власти правятъ этими частями города? 5) Всѣ ли министерства правильно функціонируютъ? 6) Какія полицейскія власти находятся въ данное время въ вашемъ распоряженіи? 7) Какія техническія и хозяйственныя учрежденія военнаго вѣдомства нынѣ въ вашемъ распоряженіи? 8) Какое количество продовольствія въ вашемъ распоряженіи? 9) Много ли оружія, артиллеріи и боевыхъ припасовъ попало въ руки бунтующихъ? 10) Какія военныя власти и штабы въ вашемъ распоряженіи?—Я сейчасъ иду къ генералу Алексѣеву и приду черезъ полчаса».

Хабаловъ отвѣтилъ телеграммой по пунктамъ:

«1) Моимъ распоряженіемъ зданіе главнаго Адмиралтейства, четыре гвардейскихъ роты, пять эскадроновъ и сотенъ, и двѣ батареи, прочія войска перешли на сторону революціонеровъ, или остаются, по соглашенію».

съ ними, нейтральными. Отдѣльные солдаты и шайки бродить по городу, стрѣляя прохожихъ, обезоруживая офицеровъ. 2) Всѣ вокзалы во власти революціонеровъ, строго ими охраняются. 3) Весь городъ во власти революціонеровъ, телефонъ не дѣйствуетъ, связи съ частями города нѣтъ. 4) Отвѣтить не могу. 5) Министры арестованы революціонерами. 6) Не находятся вовсе. 7) Не имѣю. 8) Продовольствія въ моемъ распоряженіи нѣтъ, въ городѣ къ 25 февраля было 5.600.000 пудовъ запаса муки. 9) Всѣ артиллерійскія заведенія во власти революціонеровъ. 10) Мою распоряженіи лично начальникъ штаба округа; съ прочими окружными управленіями связи не имѣю».

Эту телеграмму Хабаловъ подтвердилъ въ послѣдовавшемъ разговорѣ съ Ивановымъ.

Въ то же утро, генералы Тяжельниковъ и Михайличенко, сидя въ Адмиралтействѣ, съ удивленіемъ слушали, какъ Бѣляевъ въ сосѣдней комнатѣ диктовалъ телеграмму, которая начиналась словами очень умѣренными: «Положеніе по прежнему продолжаетъ оставаться тревожнымъ». Далѣе сообщалось однако, что «мятежники» овладѣли во всѣхъ частяхъ города учрежденіями, войска переходятъ на ихъ сторону, или становятся нейтральными, на улицахъ идетъ пальба, движеніе прекращено, офицеровъ разоружаютъ и скорѣйшее прибытіе войскъ крайне желательно (послана въ 11 час. 32 мин. въ Ставку Намтаверху, копія — Орна, вельфѣ Дворцовому Коменданту, № 201).

Около полудни, 28 февраля, въ Адмиралтейство явился адъютантъ морского министра, который потребовалъ очистки зданія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, возставшіе угрожали открыть по нему артиллерійскій огонь пзъ Петропавловской крѣпости. На совѣщаніи было рѣшено, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно. Артиллерія отиравилась обратно въ Стрѣльну, оставивъ замки отъ орудій; пулеметы и ружья спрятали въ зданіи, и вся пѣхота была распущена безъ оружія. Хабаловъ былъ арестованъ солдатами, осматривавшими зданіе Адмиралтейства, въ тотъ же день, около 4 часовъ. Бѣляевъ прошелъ въ Генеральный Штабъ, откуда въ 2 часа 20 минутъ послалъ слѣдующую секретную телеграмму Намтаверху (№ 9157):

«Около 12 часовъ дня 28 февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 роты, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованію Морского Министра, были выведены изъ Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому зданіе. Переводъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не призналъ соотвѣственнымъ, ввиду неполной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, при чемъ во избѣжаніе отнятія оружія замки орудій сданы Морскому Министерству».

Послѣ 3-хъ часовъ Бѣляевъ прошелъ въ домъ военнаго министра на Мойку, гдѣ и ночевалъ.

Ивановъ выѣхалъ пзъ Могилева около 1 часу дня. Ему въ догонку была послана копія телеграммы Намтаверха на имя начальника военнополоходной канцеляріи (№ 1820): «Всепоподаннѣйше доношу: военный министръ сообщаетъ, что около 12 часовъ 28 сего февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 роты, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты по требованію морского министра были выведены изъ Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому зданіе. Переводъ всѣхъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не призналъ соотвѣственнымъ, въ виду неполной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, при чемъ, во избѣжаніе отнятія оружія, по пути слѣдованія, ружья и пулеметы, а также замки орудій сданы морскому министерству».

Послѣ отъѣзда Иванова, въ Ставкѣ была получена слѣдующая телеграмма н. о. начальника морского генеральнаго штаба адмирала Капниста на имя адмирала Русина (№ 2704):

«Положеніе къ вечеру таково: мятежныя войска овладѣли Выборгскою стороною, всей частью города отъ Литейнаго до Смольнаго и оттуда по Суворовскому и Спасской. Сейчас сообщаютъ о стрѣльбѣ на Петроградской сторонѣ. Сеньорентъ-Конвентъ Государственной Думы, по просьбѣ делегатовъ отъ мятежниковъ, избралъ комитетъ для водворенія порядка въ столицѣ и для сношенія съ учрежденіями и лицами. Сомнительно, однако, чтобы бушующую толпу можно было бы успокоить. Войска переходятъ легко на сторону мятежниковъ. На улицахъ офицеровъ обезоруживаютъ. Автомобили толпа отбираетъ. У насъ отобрано три автомобиля, въ томъ числѣ числѣ Вашего Высокопревосходительства, который вооруженные солдаты заставили выѣхать со двора моей квартиры, держать съ Хижнякомъ, котораго заставили править машиной. Командованіе принять Бѣляевъ, но, судя по тому, что происходитъ, едва ли онъ справится. Въ городѣ отсутствіе охраны и хулиганы начали грабить. Семафоры порваны, поѣзда не ходятъ. Морской Министръ боленъ инфлюэнцей, большая температура—38, лежитъ, теперь ему лучше. Чувствуется полная анархія. Есть признаки, что у мятежниковъ плана нѣтъ, но замѣтна нѣкоторая организація, напримѣръ, кварталы отъ Литейнаго по Сергіевской и Таврической обставлены ихъ часовыми. Я живу въ Штабѣ, считаю, что выѣзжать въ Ставку до новаго Вашего распоряженія не могу».

Ивановъ прибылъ изъ Могилева въ Витебскъ съ маленькимъ опозданіемъ, часовъ въ 6—7 вечера, и проѣхалъ дальше. Въ этотъ день и на слѣдующій обмѣнивались телеграммами о формированіи и отправкѣ воинскихъ частей генералъ Ивановъ (28 февраля, слѣшно, секретно № 1 Главкозапу и № 2 Главкоству), Даниловъ (28 февраля № 1165-Б и 1166-Б), Рузскій (28 февраля № 1168-Б), Гулевичъ (1 марта № 535), Тихменевъ (генералу Иванову, 1 марта, № 278), подполковникъ Крипскій (генералу Тихменеву, № 3), генералъ князь Трубецкій (генералу Иванову, 1 марта, № 154). 28 же февраля была разослана «по всей сѣти на имя всѣхъ начальствующихъ» извѣстная телеграмма члена Государственной Думы Бубликова, № 6932.

Императорскій поѣздъ слѣдовалъ безъ происшествій, встрѣчаемый урядниками и губернаторами. Непосредственныя извѣстія изъ Петербурга перестали поступать; пытались только вздорными слухами о томъ, что грабятъ Зимній Дворецъ, убить градоначальникъ Балкъ и его помощникъ Вендорфъ.

Въ 3 часа дня царь послалъ императрицѣ изъ Вязьмы слѣдующую телеграмму (по-англійски): «Выѣхали сегодня утромъ въ 5. Мыслями всегда вмѣстѣ. Великолѣпная погода. Надѣюсь чувствуете себя хорошо и спокойно. Много войскъ послано съ фронта. Любящій пѣжно Никп».

Въ Лихославлѣ Воейковъ получилъ шифрованную телеграмму отъ Бѣляева. Здѣсь были свѣдѣнія, что въ Петербургѣ Временное Правительство съ Родзянко во главѣ. Читали и телеграмму Бубликова съ распоряженіемъ по всѣмъ дорогамъ. Въ 10 часовъ вечера Дубенскій писалъ Федорову: «Дорогой Сергѣй Петровичъ, дальше Тосны поѣзда не пойдутъ. По моему глубокому убѣжденію, надо Его Величеству изъ Вологды повернуть на Псковъ (320 верстъ) и тамъ, опираясь на фронтъ Г. А. Рузскаго, начать дѣйствовать противъ Петрограда. Тамъ въ Псковѣ скорѣй можно сдѣлать распоряженіе о составѣ отряда для отправки Петроградъ. Псковъ—старый губернский городъ, населеніе его не ваволновано. Оттуда скорѣй и лучше можно помочь Царской Семѣ. Въ Тоснѣ Его Величество можетъ подверг-

нутъся опасности. Пишу Вамъ все это, считая невозможнымъ скрыть, мнѣ кажется, это мысль, которая въ эту страшную минуту можетъ помочь дѣлу спасенія Государя, Его Семьи. Если мою мысль не одобрите, разорвите записку».

Въ Вологдѣ въ свѣтскомъ поѣздѣ стало извѣстно, что въ Любани стоятъ войска, которыя могутъ не пропустить дальше. Однако, поѣздъ продолжалъ слѣдовать по линіи Николаевской желѣзной дороги, по направленію къ Петербургу. Въ Малой Вишерѣ офицеръ 1-го желѣзнодорожнаго полка, безъ оружія, предупредилъ свиту, что въ Любани находятся двѣ роты съ орудіями и пулеметами. Было рѣшено ждать прибытія императорскаго поѣзда. Такъ какъ изъ ряда свѣдѣній опредѣлилось, что Временное Правительство направляетъ литерные поѣзда не на Царское Село, а на Петербургъ, гдѣ, какъ полагали, царю будутъ поставлены условія о дальнѣйшемъ управленіи,—общій голосъ былъ за то, чтобы ѣхать въ Псковъ: тамъ—генералъ Рузскій, человекъ умный и спокойный, если въ Петербургѣ возстаніе,—онъ пошлетъ войска, если переворотъ,—онъ вошелъ въ сношенія съ новымъ правительствомъ. Немногіе говорили, что надо вернуться въ Ставку.

Въ третьемъ часу ночи дождались поѣзда. Генералъ Саблинъ пошелъ туда. Всѣ, кромѣ Нарышкина, спали; Воейкова пришлось разбудить.

Воейковъ отправился къ царю, разбудилъ его и сообщилъ, что на Тосну ѣхать рискованно, такъ какъ она занята революціонными войсками.

Царь всталъ съ кровати, надѣлъ халатъ и сказалъ: «Ну, тогда поѣдемте до ближайшаго юза».

Воейковъ вышелъ веселый, со словами: «Мы ѣдемъ въ Псковъ, теперь вы довольны?»—Поѣзда повернули назадъ.

Дубенскій записываетъ въ дневникъ: «Всѣ признаютъ, что этотъ ночной поворотъ въ Вишерѣ есть историческая ночь въ дни нашей революціи. Государь по прежнему спокоенъ и мало говоритъ о событіяхъ. Для меня совершенно ясно, что вопросъ о конституціи оконченъ, она будетъ введена навѣрное. Царь и не думаетъ спорить и протестовать. Всѣ его приближенные за это: графъ Фредериксъ, Нилъ, графъ Граббе, Федоровъ, Долгорукій, Лейттенбергскій, всѣ говорятъ, что надо только стоговариться съ ними, съ членами Временнаго Правительства».

Генералъ Ивановъ, проснувшись 1 марта часовъ въ 6-7 утра, узналъ, что его поѣздъ находится на станціи Дно, т.-е., вмѣсто 500 верстъ, прошелъ только 200. Комендантъ станціи доложилъ, что въ поѣздахъ, вышедшихъ наканунѣ изъ Петербурга, ѣдетъ масса солдатъ въ военной и штатской формѣ, что они насильно отбираютъ у офицеровъ оружіе, и что выѣхавшій начальникъ жандармскаго управленія ничего сдѣлать не можетъ и проситъ содѣйствія. Полковникъ Лебедевъ, завѣдующій передвиженіемъ войскъ, телеграфировалъ Иванову: «Довошу, что получены мною свѣдѣнія о поѣздѣ № 3, въ которомъ ѣдутъ пьяные солдаты, одѣтые въ штатское и вооруженные пашками, ружьями, обезоруживающіе офицеровъ и жандармовъ. Прошу вашихъ распоряженій».

Ивановъ приказалъ командиру батальона осматривать встрѣчные поѣзда, особенно, въ виду того, что, по полученному извѣстію, императорскій поѣздъ вышелъ изъ Вологова и ожидался къ вечеру въ Днѣ.

Ивановъ лично видѣлъ нѣсколько прибывшихъ изъ Петербурга поѣздовъ. Они были набиты солдатами, нѣкоторые были пьяны. Изъ разговоровъ женщинъ и стараго чиновника, который рассказывалъ о провокаторахъ, Ивановъ убѣдился, что «безобразія большія». Ему удалось арестовать человѣкъ 30—40, въ томъ числѣ переодѣтыхъ городовыхъ, обѣжавшихъ изъ Петербурга (всѣ они, кромѣ 2-хъ, были отпущены въ Царскомъ Селѣ, а

двое—на обратномъ пути въ Могилевъ) и отобрать у солдатъ 75—100 штукъ шашекъ и прочаго офицерскаго оружія: генералъ Ивановъ, какъ установлено имъ самимъ и показаніями солдатъ Георгіевскаго батальона, примѣнялъ раза три-четыре особаго рода «отеческое воздѣйствіе», съ цѣлью добиться покорности: ставилъ на колѣни пьяныхъ или дерзавшихъ ему нижнихъ чиновъ. При этомъ, имъ руководили, очевидно, гуманныя побужденія, т.-е., онъ избѣгалъ преданія этихъ лицъ военно-полевому суду.

Поездъ Иванова прибылъ на Вырицу около 6 часовъ вечера.

Въ это время, императорскій поездъ, безъ всякихъ задержекъ, двигался къ станціи Дно. По словамъ Воейкова, когда всѣ проснулись, «о событіяхъ старались не говорить, потому что это не особенно приятно было. Общее настроеніе было—испугъ и надежда, что приѣдемъ въ Псковъ, и все выяснится». Во время завтрака и обѣда говорили обо всемъ, только не о дѣлахъ, потому что тутъ была прислуга (а по-французски царь говорилъ очень рѣдко) и потому, что царь избѣгалъ вступать въ политическіе разговоры со свитой («вся атмосфера была—«манекень»). По словамъ Дубенскаго, царь, человекъ мужественный и «поклонникъ какого-то рока», спалъ, кушалъ и занималъ даже разговорами ближайшихъ лицъ свиты».

Около 6 часовъ вечера поездъ пришелъ въ Дно.

Съ утра 1 марта противъ дома военнаго министра въ Петербургѣ стали собираться толпы народа. Бѣляева искали еще наканунѣ въ его частной квартирѣ на Николаевской, а 1 марта стали громить эту квартиру.

Опасаясь разгрома служебнаго кабинета на Мойкѣ, Бѣляевъ съ помощью своего секретаря Шильдера, его помощника Огурцова, швейцара и денщика, сталъ жечь въ печахъ и каминѣ еще наканунѣ приготовленные для сожженія документы.

Въ числѣ сожженныхъ документовъ были: нѣкоторые дѣла совѣта министровъ, дѣла особаго совѣщанія по объединенію мѣропріятій по снабженію арміи и флота и по организаціи тыла (такъ называемое, совѣщаніе пяти министровъ), много матеріаловъ, касающихся снабженія арміи и имѣющихъ секретный характеръ, секретные шифры, маленькій секретный журналъ для записи секретныхъ бумагъ, возвращаемыхъ министромъ послѣ доклада, ленты и подлинныя телеграммы о положеніи въ Петербургѣ, отправленныя военнымъ министромъ начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго по прямому проводу.

Въ числѣ бумагъ, повидимому, уничтоженныхъ, и не возвращенныхъ изъ дома военнаго министра въ Главный Штабъ и въ Главное Управление Генеральнаго Штаба, были нѣкоторые и секретные и несекретные документы, часть которыхъ имѣла важное значеніе и не имѣла копій; восстановить ихъ возможно только по памяти или совѣмъ невозможно.

Въ своихъ объясненіяхъ, генералъ Бѣляевъ сослался на то, что онъ руководился опасеніемъ, чтобы тайныя бумаги не попали въ руки протившей толпы, среди которой могли быть злонамѣренныя лица. Остался только одинъ подлинный документъ, касающійся данныхъ союзной конференціи, который Бѣляевъ положилъ въ ящикъ стола.

Въ два часа дня Бѣляевъ, узнавъ, что громить его частную квартиру на Николаевской, по совѣту морскаго министра, сидѣвшаго у себя въ штабѣ, перешелъ въ генеральный штабъ, гдѣ его искали ночью, чтобы арестовать. Бѣляевъ позвонилъ въ Государственную Думу; подошедшій къ телефону Н. В. Некрасовъ посоветовалъ ему ѣхать въ Петропавловскую крѣпость; Бѣляевъ поѣхалъ въ Думу, предлагалъ дать подписку о невыѣздѣ и просилъ, чтобы ему «дали возможность превратиться въ частнаго гражда-

теля поскорѣе». Ему предложили отправиться въ министерскій павильонъ, откуда вечеромъ перевезли въ крѣпость.

Генераль Мрозовскій послать въ этотъ день царю въ Царское Село изъ Москвы слѣдующую телеграмму: «Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, большинство войскъ съ артиллеріей перешло въ революціонерамъ, во власти которыхъ поэтому находится весь городъ, градоначальникъ съ помощникомъ выбылъ изъ градоначальства; получить отъ Родзянки предложеніе признать временную власть Комитета Государственной Думы, положеніе крайне серьезное, при нынѣшнихъ условіяхъ не могу вліять на ходъ событій, опасаясь утвержденія власти крайнихъ лѣвыхъ, образовавшихъ исполнительный комитетъ, промедленіе каждаго часа увеличиваетъ опасность, получаю отъ болѣе благомыслящей части населенія заявленія, что призваніе новаго министерства возобновитъ порядокъ и тишину. Срочно испрашиваю повелѣнія Вашего Величества. Генераль Мрозовскій».

Генераль Пивновъ, узнавъ въ Вырицѣ, что министры арестованы, что въ Царскомъ 27-го былъ бунтъ, и что на станціи Александровской высаживается Тарутиевскій полкъ, пришедшій съ фронта, рѣшилъ идти въ Царское, вызвать туда начальствующихъ и выѣхать самъ, приказавъ къ концу поѣзда прицепить второй паровозъ. Прибыли вечеромъ 1 марта.

Въ Царскомъ въ этотъ день послѣ полудня появились броневикъ и автомобили съ пулеметами, которые обыкновенно доѣзжали только до вокзала и убѣжали обратно. Полковникъ Гротенъ доложилъ, что гвардейская рота ушла въ Петербургъ. Генераль Осиповъ отдалъ приказъ о впускѣ и выпускѣ изъ Царскаго Села, такъ какъ гарнизонъ спавшая прибывающія части. Послѣ этихъ докладовъ прибыли выборные представители отъ города и войска. Генераль Пивновскій вновь заявилъ, что его солдаты стрѣлять не будутъ, а революціонеры объявили, въ отвѣтъ на предложеніе присоединиться, что ихъ батальонъ «свѣтраментъ» и имѣетъ цѣлью охрану личности Николая II.

Ивановъ получилъ отъ Алексѣева слѣдующую шифрованную телеграмму.

«Частныя свѣдѣнія говорятъ, что Петроградъ наступило полное спокойствіе: войска, примкнувшія временному правительству, въ полномъ составѣ приводятся въ порядокъ. Временное правительство подъ предсѣдательствомъ Родзянки, засѣдая въ Государственной Думѣ, пригласило командировъ воинскихъ частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе къ населенію, выпущенное временнымъ правительствомъ, говорить о нецѣлостности монархическаго начала Россіи, о необходимости новыхъ оспоровъ для выбора и назначенія правительства. Ждутъ съ нетерпѣніемъ приѣзда Его Величества, чтобы представить Ему все изложенное и просьбу принять это пожеланіе народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣнятся способы Внѣшнихъ дѣйствій, переговоры приведутъ къ умиротворенію, дабы избѣжать ненужной междоусобицы, столь желательной нашему врагу, дабы сохранить учрежденія, заводы, пустить въ ходъ работы. Воззваніе новаго министра путей, опубликованное желѣзнодорожникамъ, мною полученное кружнымъ путемъ, зоветъ къ усиленной работѣ всѣхъ, дабы наладить транспортъ его. Доложите Его Величеству это убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно—хорошему концу, который укрѣпитъ миссію».

Получивъ эту телеграмму (единственную изъ девяти посланныхъ), Ивановъ прочелъ ее не сразу, такъ какъ его вызвала къ себѣ (около 2-хъ часовъ ночи) императрица, которая съ полудня 28 февраля охранялась уже революціонными войсками. Къ тому времени, Ивановъ уже зналъ (съ Вырицы), что царскій поѣздъ вышелъ изъ Дня на Псковъ.

Императрица сообщила, что, не получая отвѣта на свою телеграмму, она хотѣла послать аэропланъ, но погода не позволила. На просьбу ея переслать письмо, Ивановъ доложилъ, что у него нѣтъ человѣка. Императрица много говорила о дѣятельности своей и своихъ дочерей на пользу больныхъ и раненыхъ и недоумѣвала по поводу неудовольствій: Въ дальнѣйшемъ разговорѣ она упоминала отвѣтственное министерство, а Ивановъ указывалъ, что думское большинство удовлетворялось Треповымъ, и вопросъ былъ только о министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ эту минуту, по разсказу Иванова, кто-то каплянулъ въ сосѣдней комнатѣ, императрица вышла, и за дверью начался неслышный и непонятный Иванову англійскій разговоръ.

Когда Ивановъ уѣзжалъ, въ Царскомъ было тихо. Пришла телеграмма: «Псковъ, часъ пять минутъ ночи. Надѣюсь, благополучно доѣхали. Прошу до моего пріѣзда никакихъ рѣшеній не принимать. Николай». Ивановъ отвѣтилъ 2 марта, что получилъ телеграмму и ждетъ дальнѣйшихъ указаній (№ 7) и телеграфировалъ о томъ же Алексѣеву (№ 6).

Въ эту ночь въ Царское Село пріѣхалъ командированный Начальникомъ Генеральнаго Штаба (генераломъ Заякевичемъ) полковникъ Доманевскій— для исполненія должности Начальника Штаба Иванова. Онъ сдѣлалъ докладъ Иванову о томъ, что «въ распоряженіи законныхъ военныхъ властей не осталось ни одной части» и «съ этой минуты (т. е., съ 12 часовъ дня, 28 февраля) прекратилась борьба съ возставшей частью населенія». Офицеры и нижніе чины явились въ Государственную Думу, полиція частью снята, частью поспѣшлась, часть министровъ арестована, министерства могутъ продолжать работу, только «какъ бы признавъ» Временное Правительство. При такихъ условіяхъ, вооруженная борьба трудна, и выходъ представляется не въ ней, а въ соглашеніи съ Временнымъ Правительствомъ, путемъ «узаконенія наиболѣе умѣренной его части». Среди возставшихъ обнаруживались «два совершенно опредѣленныхъ теченія»: «одни примкнули къ Думскимъ выборнымъ» и, оставаясь вѣрными монархическому принципу, желали лишь нѣкоторыхъ реформъ и скорѣйшей ликвидаціи беспорядковъ; «другіе поддерживали совѣтъ рабочихъ», «искали крайнихъ результатовъ и конца войны». До 1 марта Временное Правительство было хозяиномъ положенія въ столицѣ, но съ каждымъ днемъ положеніе его становилось труднѣе, и власть могла перейти къ крайнимъ лѣвымъ. Поэтому, въ настоящее время «вооруженная борьба только осложнитъ положеніе».

Прибѣжавшій начальникъ станціи сообщилъ, что на вокзалъ двигаются тяжелый дивизіонъ и батальонъ перваго гвардейскаго запаснаго стрѣлковаго полка (въ эту ночь А. И. Гучковъ, въ качествѣ предсѣдателя военной комиссіи, ѣздилъ на Варшавскій и Балтійскій вокзалы, чтобы навести порядокъ на случай прибытія карательной экспедиціи, причемъ его автомобиль былъ обстрѣлянъ, и спутникъ его, князь Вяземскій, былъ убитъ). Ивановъ зная, что Хабаловъ арестованъ, и въ городѣ «хозяйничаютъ» Родзянко и Гучковъ, считая, что охрана дворца не входитъ въ его задачу, и понимая, что «если пойдетъ толпа, тысячи уложись», рѣшилъ уходить. Такимъ образомъ, послѣ какихъ-то затрудненій съ переводной стрѣлкой и сломаннымъ крюкомъ въ хвостовыхъ вагонахъ, оказавшихся передовыми, весь поѣздъ съ георгіевскими батальонами былъ уведенъ въ ночь съ 1 на 2 марта обратно, на Вырицу.

Черезъ 15 минутъ послѣ ухода ихъ на вокзалъ въ Царскомъ уже появились народныя войска съ пулеметами; говорили: «если они перейдутъ на нашу сторону, побратаемся».

Когда императорскій поѣздъ пришелъ въ Дно, Алексѣевъ самъ передалъ Родзянкѣ телеграмму о согласіи царя принять его. Послѣдователь отвѣтъ, что Родзянко ѣдетъ на станцію Дно. Воейкову по телеграфу сообщили, что поѣздъ готовъ, но изъ Думы сообщили по телефону, что Родзянко еще не выѣзжалъ (въ тотъ день Гучковъ настаивалъ въ Исполнительномъ Комитетѣ, чтобы миссію—склонить царя къ отреченію—взялъ на себя Родзянко, но эта миссія была возложена на него и на В. В. Шульгина). Царь рѣшилъ не ждать въ Днѣ, и Воейковъ послалъ Родзянкѣ телеграмму, что его будутъ ждать въ Псковѣ.

Дубенскій записывалъ:

«Уже 1 марта ѣдетъ къ Государю Родзянко въ Псковъ для переговоровъ. Кажется, онъ выѣхалъ экстреннымъ поѣздомъ изъ Петрограда въ 3 часа дня; сегодня Царское окружено, но вчера императрица телеграфировала по англійски, что въ Царскомъ все спокойно. Старый Псковъ опять занесенъ на страницы своей исторіи великіе дни, когда пребывалъ здѣсь послѣдній самодержецъ Россіи, Николай II, и лишился своей власти, какъ самодержецъ».

Съ прибытіемъ царскаго поѣзда въ Псковъ, въ девятомъ часу вечера, начались, по словамъ Дубенскаго, «все болѣе грустныя и великія событія».

По прибытіи, въ вагонъ государя вошли генералъ Рузскій и начальникъ его штаба генералъ Даниловъ. По мнѣнію Рузскаго, надо были идти на всѣ уступки, сдаваться на милость побѣдителя и давать полную конституцію, иначе, анархія будетъ расти, и Россія погибнетъ.

Воейковъ получилъ телеграмму отъ Бубликова о томъ, что Родзянко не пріѣдетъ. Царь рѣшилъ послать телеграмму къ Родзянкѣ, смыслъ ея былъ такой: «Ради спасенія родины и счастья народа, предлагаю вамъ составить новое министерство во главѣ съ вами, но министръ иностранныхъ дѣлъ, военный и морской будутъ назначаться мной». Царь сказалъ Воейкову: «Пошлите ее по юзу и покажите Рузскому».

Рузскій, по словамъ Воейкова, вырвалъ телеграмму у него изъ рукъ и сказалъ, что здѣсь онъ самъ посылаетъ телеграммы. На докладъ Воейкова объ этомъ, царь сказалъ: «Ну, пускай онъ самъ пошлетъ».—Весь вечеръ шелъ вызовъ Петербурга, и Рузскій, иногда возвращаясь къ царю, говорилъ по прямому проводу (юзъ былъ въ городѣ) всю ночь, до 6 часовъ утра. Такимъ образомъ, всѣ дальнѣйшіе переговоры происходили черезъ Рузскаго, которому было поручено говорить объ условіяхъ конституціи.

Между тѣмъ, придворные беспокоились о своихъ домашнихъ. Дубенскій отрядилъ въ Петербургъ своего человѣка, котораго переодѣли въ штатское («хулиганомъ»). Фредериксъ, Дрентельнъ и Воейковъ дали ему письма, и онъ вернулся съ отвѣтами.

Въ четвергъ, 2 марта, утромъ отвѣты Родзянко Рузскому оказались, по словамъ Дубенскаго, «неутѣшительными». На вопросъ Воейкова о результатѣ телеграммы къ Родзянко, Рузскій отвѣтилъ: «Того, что ему послано, теперь недостаточно, придется идти дальше». «Родзянко, пишетъ Дубенскій, сказалъ, что онъ не можетъ быть увѣреннымъ ни за одинъ часъ; ѣхать для переговоровъ не можетъ, о чемъ онъ телеграфируетъ, намекая на измѣнившіяся обстоятельства. Обстоятельство это только что предположено, а, можетъ быть, и осуществлено—избрать регентомъ Михаила Александровича, т. е., совершенно упразднить императора Николая II. Рузскій находить, что войска посылать въ Петроградъ нельзя, такъ какъ только ухудшатъ положеніе, ибо перейдутъ къ мятежникамъ. Трудно представить весь ужасъ слуховъ... Въ Петроградѣ анархія, господство черни, жидовъ, оскорбленіе

офицеровъ, аресты министровъ и другихъ видныхъ дѣятелей правительства. Разграблены ружейные магазины...

Въ это утро генералъ Ивановъ, сидѣвшій въ Вырицѣ, собрался переговорить съ командирами запасныхъ батальоновъ и повидать Тарутинскій полкъ (всѣ остальные были задержаны въ пути), чтобы узнать части, съ которыми придется имѣть дѣло. Свѣдѣнія объ этихъ частяхъ также были неблагоприятны.

Собираясь проѣхать нѣсколько станцій на автомобилѣ, Ивановъ получилъ записку отъ Гучкова, который около 1 часу дня выѣхалъ съ Шульгиннымъ въ Псковъ и телеграфировалъ Рузскому, что «ѣдетъ по важному дѣлу» и Иванову, котораго хотѣлъ отговорить въ пути, зная только, что какіе-то эшелоны идутъ на Петербургъ. Гучковъ писалъ:

«Ѣду въ Псковъ, примите всѣ мѣры повидать меня либо въ Псковѣ, либо на обратномъ пути изъ Пскова въ Петроградъ. Распоряженіе дано о пропускѣ Васъ этимъ направленіемъ».

Ивановъ телеграфировалъ Гучкову въ Псковъ: «Радъ буду повидать васъ, но на станціи Вырица. Если то для васъ возможно, телеграфируйте о времени проѣзда».

Гучковъ отвѣтилъ: «На обратномъ пути изъ Пскова постараюсь быть Вырицѣ, желательнѣе встрѣтить васъ Гатчинѣ Варшавской».

Тогда Ивановъ рѣшилъ проѣхать по соединительной вѣткѣ черезъ станцію Владимірскую (между Гатчиной и Царскимъ) на Варшавскую дорогу, надѣясь посмотреть на станціи Александровской Тарутинскій полкъ и повидаться съ Гучковымъ, послѣ его возвращенія изъ Пскова. На станціи Сусанино поѣздъ Иванова со всѣмъ батальономъ поставили въ тупикъ. Первая телеграмма отъ Бубликова гласила: «Мнѣ стало извѣстно, что вы арестовываете и терроризируете служащихъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ моемъ вѣденіи. По порученію Временнаго Комитета Государственной Думы предупреждаю васъ, что вы навлекаете на себя этимъ тяжелую отвѣтственность. Советую вамъ не двигаться изъ Вырицы, ибо по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ народными войсками вашъ полкъ будетъ обстрѣлывать артиллерійскимъ огнемъ». Вторая: «Ваше настоятельное желаніе ѣхать дальше ставить непреодолимое препятствіе для выполненія желанія Его Величества немедленно слѣдовать Царское Село. Убѣдительнѣе прошу остаться въ Сусанино или вернуться Вырица».

Ивановъ вернулся на Вырицу и послалъ Алексѣеву шифрованную телеграмму № 9 (копія Тихменеву): «До сихъ поръ не имѣю никакихъ свѣдѣній о движеніи частей, назначенныхъ мое распоряженіе. Имѣю негласныя свѣдѣнія о приостановкѣ движенія моего поѣзда. Прошу принятія экстренныхъ мѣръ для восстановленія порядка среди желѣзнодорожной администраціи, которая несомнѣнно получаетъ директивы временнаго правительства».

Для послышки телеграммы, Ивановъ далъ одинъ изъ своихъ паровозовъ подполковнику генеральнаго штаба Тилли; онъ долженъ былъ передать ее по прямому проводу изъ Царскаго Села въ Ставку. Тилли доложилъ по телефону, что онъ задержанъ въ Царскомъ Селѣ. Выѣстъ съ тѣмъ, Ивановъ получилъ отъ Тихменева слѣдующую телеграмму: «Доклазываю для свѣдѣнія депешу Наштабѣва командирамъ 5, Наштаверху, Начвостѣву: «Въ виду невозможности продвигать эшелоны далѣе Луги, нежелательности скопленія ихъ на линіи, особенно Псковѣ, и разрѣшенія Государя Императора вступить Главнокомандующему сношенія Предсѣдателемъ Государственной Думы, послѣдовало Высочайшее соизволеніе вернуть войска, направляющіяся станцію Александровскую, обратно Двинскій районъ, гдѣ распо-

жить ихъ распоряженіемъ командарма 5. № 1216-В, 1 часъ, 2 марта, Даниловъ».

Тѣмъ временемъ, придворные въ Псковѣ суегились, «толкаясь изъ вагона въ вагонъ». Событія развивались для нихъ «все страшнѣе и неожиданныѣ».

Русскій послѣ завтрака второй разъ пришелъ къ царю и доложить ему семь телеграммъ: отъ великаго князя Николая Николаевича, который коленнопреклоненно молилъ царя отречься отъ престола и передать его наслѣднику при регентствѣ великаго князя Михаила Александровича отъ Алексѣева, Сахарова, Брусилова, Эверта, Непенина—и заявленіе Русскаго—о томъ же; въ телеграммѣ Алексѣева (изъ Могилева) была вложена форма отреченія, которую онъ считалъ для царя желательной.

Послѣ разговора съ Русскимъ, царь рѣшилъ послать отвѣтъ телеграммой съ согласіемъ отречься отъ престола; по словамъ Дубенскаго, это рѣшеніе было принято, «дабы не дѣлать отказа отъ престола подъ давленіемъ Гучкова и Шульгина», пріѣзда которыхъ ждали, и которыхъ царь собирался принять. Слѣдующій эпизодъ, записанный въ дневникѣ Дубенскаго, Воейковъ опровергаетъ категорически:

«Когда Воейковъ узналъ это отъ Фредерикса, пославшаго эту телеграмму онъ попросилъ у государя разрѣшенія вернуть телеграмму. Государь согласился. Воейковъ быстро вошелъ въ вагонъ свиты и заявилъ Нарышкину, чтобы онъ побѣжалъ скорѣе на телеграфъ и пріостановилъ телеграмму. Нарышкинъ пошелъ на телеграфъ, но телеграмма ушла, и начальникъ телеграфа сказалъ, что онъ попытается ее остановить. Когда Нарышкинъ вернулся и сообщилъ это, то всѣ стоящіе здѣсь почти въ одинъ голосъ сказали: «Все кончено». Затѣмъ выражали сожалѣніе, что государь послѣшилъ, всѣ были разстроены, поскольку могутъ быть разстроены эти пустые, эгоистичные въ большинствѣ люди».

Царь долго гулялъ между поѣздами, спокойный на видъ. Черезъ полчаса послѣ отреченія, Дубенскій стоялъ у окна и плакалъ. Мимо вагона прошелъ царь съ Лейхтенбергскимъ, весело посмотрѣлъ на Дубенскаго, кивнулъ и отдалъ честь. «Тутъ, говоритъ Дубенскій, возможна выдержка, или холодное равнодушіе ко всему». Послѣ отреченія «у него одеревенѣло лицо, онъ всѣмъ кланялся, онъ протянулъ мнѣ руку, и я эту руку подѣловалъ. Я все-таки удивился,—Господи, откуда у него берутся такія силы, онъ вѣдь могъ къ намъ не выходить». Однако, «когда онъ говорилъ съ Фредериксомъ объ Алексѣѣ Николаевичѣ, одинъ на одинъ, я знаю, онъ все-таки заплакалъ. Когда съ С. П. Федоровымъ говорилъ, вѣдь онъ наивно думалъ, что можетъ отказаться отъ престола и остаться простымъ обывателемъ въ Россіи: «Неужели вы думаете, что я буду интриговать. Я буду жить около Алексѣя и его воспитывать».

Послѣ отреченія царь сказалъ только: «Мнѣ стыдно будетъ увидѣть иностранныхъ агентовъ въ Ставкѣ, и имъ неловко будетъ видѣть меня». «Слабый, безвольный, но хорошій и чистый человѣкъ, замѣчаетъ Дубенскій, онъ погибъ изъ за императрицы, ея безумнаго увлеченія Григоріемъ, Россія не могла простить этого»...

Придворные долго разговаривали, и Воейковъ, по настоянію Дубенскаго, пошелъ убѣждать царя, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ престола такимъ «кустарнымъ образомъ», только по желанію временнаго правительства и командующихъ фронтами. Онъ, замѣчаетъ Дубенскій, отрекся отъ престола, «какъ сдать эскадронъ».

Въ 9 часовъ вечера въ Псковъ пріѣхали Гучковъ и Шульгинъ, уполномоченные Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы, въ кото-

ромъ еще колебались между добровольнымъ сохраненіемъ монархіи съ другимъ лицомъ, на новыхъ началахъ, и сверженіемъ царя и избраніемъ новыхъ политическихъ формъ. Предполагалось рекомендовать царю назначить только предсѣдателя Совѣта Министровъ и отречься въ пользу сына, съ регентствомъ Михаила Александровича.

Въ эту ночь, по возвращеніи съ объѣзда вокзаловъ, Гучковъ участвовать въ совѣщаніяхъ Временнаго Комитета Государственной Думы и Исполнительнаго Комитета Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

По приѣздѣ въ Псковъ, Гучковъ хотѣлъ видѣть Рузскаго, чтобы ознакомиться съ настроеніями; но встрѣчавшій на вокзалѣ полковникъ сразу пригласилъ ихъ въ вагонъ царя, гдѣ Гучковъ и Шульгинъ встрѣтили Фредерикса и Нарышкина; потомъ пришелъ и Рузскій.

Вошедшій черезъ нѣсколько минутъ царь сѣлъ за маленькій столикъ и сдѣлалъ жестъ, приглашающій сѣсть рядомъ. Остальные сѣли вдоль стѣны. Царь не обнаружилъ никакихъ признаковъ своего давняго неблаговоленія къ Гучкову, но также и никакой теплоты. Онъ говорилъ спокойнымъ, корректнымъ и дѣловымъ тономъ. Нарышкинъ вынулъ записную книжку и сталъ записывать.

Гучковъ сказалъ, что онъ приѣхалъ отъ имени Временнаго Комитета Государственной Думы, чтобы дать нужные совѣты, какъ вывести страну изъ тяжелаго положенія; Петербургъ уже всецѣло въ рукахъ движенія, попытки фронта не приведутъ ни къ чему, и всякая воинская часть перейдетъ на сторону движенія, какъ только подышетъ Петербургскимъ воздухомъ.

Рузскій поддержалъ, сказавъ, что совершенно согласенъ съ А. И. и никакихъ запасныхъ частей послать въ Петроградъ не могъ бы.

«Поэтому, продолжалъ Гучковъ, всякая борьба для васъ бесполезна. Совѣтъ нашъ заключается въ томъ, что вы должны отречься отъ престола».

Разсказавъ, какъ представители царскосельскихъ воинскихъ частей пришли въ Думу и всецѣло присоединились къ новой власти, Гучковъ продолжалъ: «Я знаю, ваше величество, что я вамъ предлагаю рѣшеніе громадной важности, и я не жду, чтобы вы приняли его тотчасъ. Если вы хотите нѣсколько обдумать этотъ шагъ, я готовъ уйти изъ вагона и подождать, пока вы примете рѣшеніе, но, во всякомъ случаѣ, все это должно совершиться сегодня вечеромъ».

Царь, выслушавъ все очень спокойно, отвѣтилъ: «Я этотъ вопросъ уже обдумалъ и рѣшилъ отречься».

Гучковъ сказалъ, что царю, конечно, придется разстаться съ сыномъ, потому что «никто не рѣшится довѣрить судьбу и воспитаніе будущаго государя тѣмъ, кто довелъ страну до настоящаго положенія».

На это царь сказалъ, что онъ не можетъ разстаться съ сыномъ и передаетъ престолъ своему брату Михаилу Александровичу.

Гучковъ, предупредивъ, что онъ остается въ Псковѣ часъ или полтора, просилъ сейчасъ же составить актъ объ отреченіи, такъ какъ завтра онъ долженъ быть въ Петербургѣ съ актомъ въ рукахъ. Текстъ былъ наканунѣ набросанъ Шульгинимъ, нѣкоторыя поправки внесены Гучковымъ. Этотъ текстъ, не навязывая его дословно, въ качествѣ матерьяла, передали царю: царь взялъ его и вышелъ.

Гучковъ, которому всѣ предшествовавшія событія не были извѣстны, поразился тѣмъ, что отреченіе далось такъ легко. Сцена произвела на него тяжелое впечатлѣніе своей обыденностью, и ему пришло въ голову, что онъ имѣетъ дѣло съ человекомъ ненормальнымъ, съ пониженной сознательностью и чувствительностью. Царь, по впечатлѣнію Гучкова, былъ совер-

шенно лишень трагическаго пониманія событія: при самомъ желѣзномъ самообладаніи можно было не выдержать, но голосъ у царя какъ будто дрогнулъ только тогда, когда онъ говорилъ о разлукѣ съ сыномъ.

Въ вагонѣ ждали часъ или полтора. Рузскій, какъ и начальникъ его штаба генераль Даниловъ, были, повидимому, сторонниками отреченія; съ Нарышкинымъ разговоръ не было, больной Фредериксъ едва ли отдавалъ себѣ отчетъ въ происходящемъ и былъ взволнованъ вѣстіемъ, что его домъ сожженъ, беспокоясь о больной женѣ; къ собесѣдникамъ присоединился Воейковъ, который также беспокоился о семьѣ и о своей женѣ (дочери Фредерикса).

Царь вернулся и передалъ Гучкову переписанный на машинкѣ актъ съ подписью «Николай». Гучковъ прочелъ его присутствующимъ вслухъ. Шульгинъ внесъ двѣ—три незначительныхъ поправки. Въ одномъ мѣстѣ царь сказалъ: «Не лучше ли такъ выразить?» и вставилъ какое-то слово. Всѣ поправки были тотчасъ внесены и оговорены.

Гучковъ сказалъ, что, въ виду могущихъ произойти въ дорогѣ случайностей, слѣдуетъ составить второй актъ—не копию, а дубликатъ—и оставить его въ штабѣ главнокомандующаго. Царь нашелъ это правильнымъ и сказалъ, что такъ и будетъ сдѣлано.

Царь сказалъ, что онъ назначаетъ верховнымъ главнокомандующимъ великаго князя Николаевича; Гучковъ ничего не возражалъ, а можетъ быть и подтвердилъ. Была составлена телеграмма Николаю Николаевичу.

Гучковъ сказалъ, что Думскій Комитетъ ставить во главѣ правительства князя Львова. Царь сказалъ, что онъ знаетъ его и согласенъ, сѣлъ и написалъ указъ Сенату о назначеніи князя Львова предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Царь согласился со словами Гучкова о томъ, что остальныхъ министровъ предсѣдатель приглашаетъ по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ царь назначилъ верховнаго главнокомандующаго и предсѣдателя Совѣта Министровъ уже послѣ того, какъ скрѣпилъ актъ; но на слѣдующее утро, когда Гучковъ и Шульгинъ вернулись въ Петербургъ, на улицахъ уже были плакаты съ перечисленіемъ членовъ правительства.

Царь спросилъ о судьбѣ императрицы и дѣтей, отъ которыхъ два дня не имѣлъ вѣстій. Гучковъ отвѣтилъ, что все благополучно, больнымъ дѣтямъ оказывается помощь. Царь заговорилъ о своихъ планахъ, ѣхать ли ему въ Царское или въ Ставку; Гучковъ не зналъ, что посоветовать. Они простились.

Гучковъ и Шульгинъ пришли въ вагонъ Рузскаго, гдѣ ждали, когда будетъ готовъ актъ отреченія. Присутствовалъ главный начальникъ снабженія Савичъ, Данилова не было, онъ зашифровывалъ актъ.

Въ тотъ же вечеръ, Гучковъ и Шульгинъ выѣхали въ Петербургъ, а бывший императоръ—въ Могилевъ; со станціи Сиротино онъ послалъ слѣдующую телеграмму: «Его Императорскому Величеству Михаилу. Петроградъ. Событія послѣднихъ дней вынудили меня рѣшиться безповоротнo на этотъ крайній шагъ. Прости меня, если огорчилъ тебя и что не успѣлъ предупредить. Останусь навсегда вѣрнымъ и преданнымъ братомъ. Возвращаюсь въ Ставку и оттуда черезъ нѣсколько дней надѣюсь пріѣхать въ Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебѣ и твоей родинѣ. Ника».

Въ пятницу, 3 марта утромъ, генераль Ивановъ получилъ телеграммы отъ Родзянко и Гучкова. Родзянко телеграфировалъ: «№ 185. Генераль-адъютантъ Алексѣевъ телеграммой отъ сего числа № 1892 увѣдомляетъ назначеніи главнокомандующимъ войсками петроградскаго округа генераль-

лейтенанта Корнилова. Просить передать вашему высокопревосходительству приказание о возвращении вашемъ въ Могилевъ».

Гучковъ телеграфировалъ: «Тороплюсь Петроградъ, очень сожалью, не могу заѣхать. Свиданіе окончилось благополучно».

Провѣривъ переданное Родзянкой распоряженіе Алексѣева по телеграфу, Ивановъ рѣшилъ вернуться въ Ставку. Долго не могли достать второго паровоза и ожидали, что по дорогѣ «устроятъ бенефисъ». Наконецъ, выѣхали и благополучно доѣхали до станціи Дно, гдѣ Ивановъ, въ полночь съ 3 на 4 марта, узналъ отъ коменданта станціи, что Шульгинъ объявилъ 3-го манифестъ, что царь отрекся въ пользу наслѣдника, и регентомъ будетъ великій князь Михаилъ Александровичъ.

4 марта Ивановъ подтвердилъ телеграммой коменданту станціи Дно свое приказаніе отправить вслѣдъ за нимъ въ Могилевъ задержанную въ Днѣ псковую станцію. 5-го въ 9 часовъ утра, по пріѣздѣ въ Псковъ, Ивановъ получилъ извѣстія отъ 3 марта о дѣйствіяхъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы. Между Новоскольниковыми и Витебскомъ Ивановъ встрѣтился съ Корниловымъ. Въ Оршѣ, изъ приложенія къ Витебской газетѣ, Ивановъ узналъ объ отказѣ Михаила Александровича. Часа въ 3—4 дня 5 марта Ивановъ пріѣхалъ въ Ставку, гдѣ получилъ печатный приказъ объ отреченіи царя и Михаила Александровича и узналъ, что «царь назначилъ князя Львова». Ивановъ, который во все время путешествія ни разу не сообщалъ батальону никакихъ свѣдѣній о положеніи, что возбуждало неудовольствіе среди солдатъ, «наставлялъ солдатъ служить вѣрно и честно новому Правительству, благодарилъ ихъ за службу и, прощаясь, обнялъ и поцѣловалъ въ каждой ротѣ одного солдата за всю роту».

Бывшій императоръ 4 марта видѣлся въ Могилевѣ со своею матерью. Въ этотъ день, послѣ разговора съ Алексѣевымъ, онъ удалился отъ себя Воейкова, а на слѣдующій день просилъ уѣхать и Фредерикса.

8 марта, бывшій императоръ выѣхалъ изъ Ставки и былъ водворенъ въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ.

1917—1918.

Александръ Блокъ.

Г. В. Плехановъ и III Отдѣленіе.

I.

Г. В. Плехановъ, предъ памятью котораго склоняются и его политическіе, и партійные враги, на революціонномъ поприщѣ выступилъ рано, въ очень молодыхъ годахъ. Плехановъ былъ замѣченъ сразу, какъ выдвигающійся революціонеръ, какъ талантливый ораторъ. И за время пребыванія его въ Россіи, въ молодыхъ годахъ, ему приходилось выполнять ответственныя порученія.

Былъ онъ замѣченъ и III Отдѣленіемъ, но не сразу, а въ извѣстной постепенности. Розыскъ въ 70-хъ годахъ былъ поставленъ далеко не блестяще. III Отдѣленіе не могло похвалиться находчивыми, предусмотрительными агентами. Недаромъ руководитель сыска въ 1879 г. разочарованно воскликнулъ: «Опять случай... Никакой системы нѣтъ». Въ отношеніи Плеханова такого «случая» не было.

Составить біографію Плеханова, въ полицейскомъ смыслѣ этого слова, совершенно нельзя. Онъ былъ для полиціи неуловимъ. Вотъ одна изъ справокъ о Плехановѣ III Отдѣленія, данная въ 1880 г., къ 18 апрѣля, когда представлялся на высочайшее имя докладъ о показаніяхъ Гр. Гольденберга:

«Плехановъ, Георгій Валентиновичъ, дворянинъ тамбовской губ., липецкаго уѣзда, бывшій юнкеръ Константиновскаго военнаго училища, а впоследствии студентъ горнаго института. Въ липецкомъ уѣздѣ имѣетъ мать, а братъ его, Григорій Валентиновичъ Плехановъ, служитъ поручикомъ 69 пѣх. Рязанскаго полка и находится въ г. Люблинѣ.

«Первую извѣстность Георгій Плехановъ въ революціонной дѣятельности приобрѣлъ по демонстраціи на Казанской площади, но задержанъ не былъ и съ того времени разыскивается. Жена его была арестована съ прочими задержанными на площади лицами, но освобождена по недостаточности уликъ. Въ настоящее время имѣется свидѣніе о нахожденіи Плеханова въ Парижѣ».

И только... И это, надо сказать, самая богатая справка о Плехановѣ. Но факты ея не даютъ ничего для характера дѣятельности Плеханова. Факты ея основаны даже не на слѣдственномъ матеріалѣ, а лишь на показаніяхъ, провѣрять которыхъ въ то время для полиціи было невозможно. Она чувствовала Плеханова вездѣ и всюду, но уловить его не могла. Въ этомъ отношеніи мы найдемъ любопытныя иллюстраціи въ дѣлахъ Плехановъ чудился вездѣ, и на одномъ изъ докладовъ о его участіи руководитель III Отдѣленія даже не вытерпѣлъ и написалъ: «Тутъ много сочиняемого... Такимъ образомъ можно писать, что хочешь».

*) См. «Былое» № 2 (1916 г. № 3) стр. 229.

Полицейская библиографическая сводка о Плеханове окончательно была составлена в 1914 г.⁴⁾ Сводка очень подробная, но фактически не всегда точная.

Разгадку непонятности сведений начальной деятельности Плеханова дает просмотр самых дел. Дело студента Шамарина, дело о Казанской демонстрации не затрагивают совершенно имени Плеханова. В этом отношении Казанская демонстрация очень характерна. Главное лицо этого «первого» смотра русской революции, где почти впервые гласно было заявлено о желаниях и ожиданиях русского народа, о его страданиях, — главное лицо осталось неизвестным для следствия. Плеханов исчез. В следствии осталось одно: «какой-то молодой человек, блондин, говорил рѣчь» (показания старосты Каз. соб. Ребутовского). Официальный «обвинительный акт» передает этот момент так: «из толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступил высокий блондин, снял шапку и начал громко говорить, размахивая руками» (Обвин. акт, стр. 1).

Фамилия Плеханова в деле упоминается, но в связи с арестом его жены, поднятой на улице в безсознательном состоянии. В день демонстрации, 6 декабря, — ее взяли и держали, несмотря на ее положение, в дом предварительного заключения до 16 декабря, когда признано было нужным освободить «жену студента Наталью Плеханову, в виду отсутствия указаний, на приметы ее в показаниях опрошенных свидетелей (не предъявлена была лично по болѣзни), а также в виду того, что Плеханова находится в исходе 9-го мѣсяца беременности, почему представляется вѣроятным предположение, что она была лишь зрительницей и не участвовала в самом безпорядке» (1876 г., д. 253, ч. 1).

Г. В. в деле не фигурирует, и долгое время III Отделение не подозревало об участии Плеханова в демонстрации. Да и едва ли могло подозревать. Организация демонстрации была такова, что организаторы и главные ее деятели были мало кому известны, за исключением близкого им кружка. По крайней мере, один из участников демонстрации, сосланный в Сибирь, — Я. Е. Гурович, — смутно себя представлял «высокого блондина», провозившаго рѣчь. В 1882 г. Гурович рассказал в своих преувеличениях и пожелал принести пользу III Отделению. И он составил проект организации полицейской разведки, охватывающей не только Россию, но и за границу. Предлагал свои услуги для руководства этим делом и в доказательство искренности своего обращения рассказал, что знает о революционной деятельности в России.

Как участник Казанской демонстрации, он и ей уделяет довольно много места, говоря о ее организации, программах, деятелях. Об ораторе на площади он говорит, что приглашавший его, Гуровича, на демонстрацию «будущаго оратора называл кого-то в родѣ Поливанова, Пливанова, Плеханова, Плюганова — в этом родѣ» (дело о Каз. демонстр. 1876 г., № 253, ч. IV).

В 1882 г. такими сведениями — неопределенными, неясными, — удивить, конечно, полицию было трудно. В это время она уже знала Плеханова, как организатора демонстрации, но если устанавливать дату, когда III Отделение получило эти сведения, то придется отнести это обстоятельство к 1879 г. До этого года Плеханов оставался неизвестным.

А этот период был наиболее деятельным в жизни Плеханова в Петербурге. Кроме Казанской демонстрации Плеханов играл роль и в деле пропаганды среди рабочих. Работа эта продолжалась за все время пребывания Плеханова в Петербурге.

Что он исчез в 1876 и 1877 г., — пожалуй, удивляться этому не приходится. В это время Плеханов был за границей. Показания Жаркова к этим годам приурочивает пребывание Плеханова в Саратове.

«Жоржъ съ нимъ (Жарковымъ) хорошо знакомъ и собственно въ социаль-народнииа вояскъ его еще въ 1877 г., когда онъ проживалъ въ Саратовѣ, гдѣ довольно часто посѣщалъ его домъ, въ качествѣ учителя, и, по неблагонадежности своей, взятъ былъ зимою 1878 г. полиціею, но подл предлогомъ, что онъ даетъ урски, ему удалось освободиться, давъ подписку о неотлучкѣ, послѣ чего тотчасъ же скрылся изъ Саратова».

Этотъ фактъ совершенно не былъ замѣченъ въ свое время полиціею, хотя для Плеханова это было началомъ нелегальнаго его существованія.

Вся дѣятельность Плеханова среди рабочихъ Петербурга до 1879 г. прошла также для III Отдѣленія незамѣченной, а въ этой области Плехановымъ было сдѣлано очень много. Съ его именемъ связаны стачки рабочихъ въ Петербургѣ (Новая Бумагопрядильня, фабрика Шау), формулировка ихъ требованій и сообщенія объ этомъ обществу, руководство рабочими кружками, какъ объ этомъ сообщаютъ и агентурныя свѣдѣнія (см. ниже стр. 18 марта 1879 г.). Его «воспоминанія о русскомъ рабочемъ» въ этомъ отношеніи даютъ много матеріала для сужденія объ его роли. Не даромъ официальные документы характеризуютъ Плеханова «ловкачъ». Онъ, дѣйствительно, ушелъ мастерски отъ официальной регистраціи.

Объ этомъ полиція получила свѣдѣнія тогда, когда Плехановъ обратилъ вниманіе на себя и назывался уже «извѣстнымъ».

II.

Въ 1879 г. дѣятельность Плеханова въ рабочей средѣ была замѣчена. Имъ заинтересовались и начали наблюдать. Но и здѣсь свѣдѣнія полиціи были очень туманны и основаны на фактахъ агентуры. При элементарности постановки агентуры въ то время, эти свѣдѣнія психодили больше на слухи, но не на фактический матеріалъ для свѣдѣнія. Эта была общая черта тогдашнихъ агентурныхъ донесеній. Убѣжденіе, что дѣятельность революціонера можно дискредитировать, указать на моральную сторону жизни, было сильно. Съ такимъ отнѣнкомъ мы и находимъ большинство агентурныхъ данныхъ.

13 февраля 1879 г., въ связи съ дѣломъ о подпольныхъ типографіяхъ и пропагандѣ въ рабочей средѣ дается такая справка:

«Агентурныя свѣдѣнія послѣдняго времени дали положительныя указанія на то, что въ столицѣ находятся и укрываются три лица, крупное значеніе которыхъ въ средѣ пропагандистовъ и небезызвѣстное участіе одного изъ этихъ лицъ въ дѣлѣ подпольной печати заставляють съ вѣроятностью предполагать о безусловно близкомъ отношеніи ихъ къ подпольной типографіи. Въ началѣ этихъ свѣдѣній извѣстно было только то, что одно изъ этихъ лицъ именуется Георгомъ...

«Впослѣдствіи оказалось, что именующій себя Георгомъ есть нѣкто иной, какъ бывшій юнкеръ Константиновскаго военнаго училища, а впослѣдствіи студентъ горнаго института. Георгій Плехановъ, который устраивалъ демонстрацію на Казанской площади, читалъ на этой демонстраціи подл знаменемъ «Земля и Воля» рѣчь и успѣлъ скрыться, оставивши на площади беременную свою жену, арестованную вмѣстѣ съ прочими участвовавшими въ этомъ дѣлѣ и отпущенную по непѣтнію противъ нея улики».

Отнѣнокъ, съ которымъ сообщенъ послѣдній фактъ, придаетъ особый специфическій тонъ всему сообщенію. Чувствуется не принципиальный протѣвникъ, а желаніе убить нравственную личность. Покоюнымъ отношеніемъ воспринялся этотъ статокъ фактическиа данныхъ.

Последующее убеждает в этомъ: «Дѣятельность Плеханова (Георга), съ точностью хотя и не опредѣляется, но крупное значеніе... въ преступной средѣ исключаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что этому значенію должна соответствовать и дѣятельность».

Какимъ-то способомъ добрались, что Плехановъ—ораторъ Казанской демонстраціи, но дальше уже только умозаключеніе. Умозаключеніе высказано не съ вѣру. Были попытки узнать, что же изъ себя представляетъ Плехановъ. Были применены обычный способъ—подслать провокатора, или, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ,—агента. Онъ и далъ матеріалъ для заключенія о важномъ значеніи Плеханова.

«Это (значеніе Плеханова) до нѣкоторой степени подтверждается тѣмъ, что Плехановъ, познакомившись съ нашими агентами, имѣющимъ слесарную мастерскую, уговорилъ его передать таковую въ распоряженіе лицъ, во главѣ которыхъ стоятъ Плехановъ, какъ главный бунтарь, съ цѣлью въ этой мастерской устраивать сходки и совѣщанія».

Осторожность и деликатность выраженій справки заслуживаетъ вниманія. «Главный бунтарь» самъ знакомится съ агентомъ, а не агентъ его ищетъ. Но и этотъ агентъ не спасъ положенія. Пришлось въ дальнѣйшемъ сознаться, что «Плехановъ извѣстенъ» болѣе по различнымъ сообщеніямъ», «давшихъ (?) возможность имѣть положительныя свѣдѣнія о примѣтахъ, о мѣстахъ, гдѣ бываетъ, и о лицахъ, отъ которыхъ не скрывался, прямыя же агентурныя дѣйствія, направленные къ тому, чтобы встрѣчать ихъ (Плеханова и Клеменца) и прослѣдить съ цѣлью обнаружить мѣста ихъ жительства были въ этомъ безуспѣшны».

Плеханова начали искать. Прежде всего установили его внѣшность и примѣты. «Высокій блондинъ» Казанской площади опредѣляется уже точнѣе: «Примѣты Плеханова,—лѣтъ 30, средняго роста, съ рыжей бородой, вродѣ большой эспаньола, т. е. щеки выбриты, одѣвается довольно прилично, носить драговую сѣрую шапку».

(13 февраля 1879).

Черезъ мѣсяцъ (18 марта 1879) эти примѣты расшпиряются по наблюденіямъ: «Что касается его (Плеханова) примѣтъ, то въ этомъ отношеніи можно указать только на то, что онъ выше средняго роста, лѣтъ около 30, одѣвается различно, но имѣетъ двѣ отличительныя примѣты—рыжеватую бороду только на подбородкѣ отъ усовъ, щеки же или бриты, или коротко подстрижены, или не имѣютъ растительности, такъ какъ (?) въ указанномъ видѣ борода остается неизмѣнною. Затѣмъ вторая примѣта состоитъ въ томъ, что Плехановъ, за рѣзкими исключеніями, носитъ почти постоянно круглую, сѣрую, драговую шапку безъ полей (1879 г. № 138, ч. 1).

Насколько то и другое опредѣленіе было основано на дѣйствительномъ, болѣе или менѣе продолжительномъ изученіи, можно видѣть изъ сопоставленія датъ. Въ теченіе мѣсяца даны болѣе обширныя свѣдѣнія, но по существу это одно и то же; второе лишь болѣе распространенное и сглаженное, опять въ сторону осторожной условности.

На основаніи этихъ данныхъ полиція и разыскивала Плеханова. Въ томъ же 1879 г., при разслѣдованіи «о сборищахъ, происходящихъ по Шмиссельбургскому тракту, въ селѣ Смоленскомъ» (1879 г., № 663), наблюдая за домомъ кровельщика Назарова, гдѣ поселились неізнѣстные лица, полиція замѣтила, что ихъ посѣщаютъ такія лица, которыя по своему внѣшнему виду уже обратили на себя вниманіе: такіе блондины. 26 октября, къ нимъ вошелъ одинъ господинъ, лѣтъ 33, блондинъ, съ русской бородой, средняго роста (примѣты подходятъ къ примѣтамъ разыскиваемого Плеханова) и остался тамъ до 28 числа». Последнія два слова

въ скобках зачеркнуты карандашомъ и карандашомъ сверху подписано: «Лица, посѣщавшаго Боградъ подъ именемъ Георгія».

Послѣдняя прибавка карандашомъ была довольно рискована съ точки зрѣнія точности свѣдѣній, ибо лицо, посѣщающее Боградъ, было, по словамъ дѣла, очень осторожно. О немъ можно было утвердительно говорить только, что его зовутъ «Георіемъ», а дальше: «упомянутая таинственная личность при посѣщеніи Бограда, принимая съ своей стороны большую осторожность (карандашомъ: «крайнюю осторожность»), закрываетъ при входѣ къ ней свое лицо воротничкомъ пальто». Но послѣднее обстоятельство не остановило редактора, составившаго докладъ, и онъ рѣшительно сопоставилъ «таинственную личность» съ Плехановымъ. Это придавало сообщенію большое значеніе.

Только въ слѣдующемъ 1880 г. III Отдѣленіе получило описаніе интересующаго его лица отъ несомнѣннаго очевидца. Извѣстный Жарковъ, указывая на свое знакомство съ Плехановымъ, въ своихъ показаніяхъ описываетъ Плеханова:

«Примѣты Плеханова слѣдующія: роста выше средняго, лѣтъ за 30, волосы темнорусые, длинные, прическа безъ пробора, бороду сбрилъ, носить одни усы, лицо блѣдное, походка скорая, какъ бы хромаетъ на одну ногу, руками размахиваетъ. Одѣвается въ черное осеннее пальто, безъ мѣхового воротника, шапка черная, драповая, круглая» (1879 г., № 801, ч. 1).

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній большею живостью отличаются сообщенія Жаркова. Они, при всей ихъ оффиціальности, по плану заключаютъ и чисто бытовые, индивидуальныя черты: прихрамываніе, размахиваніе руками. Разница же свѣдѣній зависитъ и отъ перемѣнъ, которыя были неизбежны для Плеханова: то онъ съ испанолкой, то просто безъ бороды. Это уже являлось результатомъ положенія Плеханова, которому иногда приходилось и просто быть «таинственнымъ».

Плехановъ все время разыскивался, но разыскать его не могли. И едва ли не по привычкѣ,—когда уже было получено III Отдѣленіемъ свѣдѣніе, что Плехановъ въ Парижѣ,—противъ его имени стоитъ характерная пометка: «разыскируется». Это было въ концѣ марта (29) 1880 г. (1879 г., № 668, ч. II).

Начало розысковъ падаетъ на тотъ же 1879 г., когда онъ сталъ, по терминологіи справокъ, «извѣстнымъ». До этого времени большого вниманія на него не обращали. Теперь же за Плехановымъ начинается «слѣжка». Неудовольствіе его заставляла обращать вниманіе на его примѣты. Эта же неудовольствіе заставляла также добиваться выясненія его мѣстожительства.

Осторожность Плеханова обязывала къ тому же и агентовъ. Трудно, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, установить во всемъ объемѣ предпринимаемые полиціей шаги. Но, несомнѣнно, энергіи было потрачено много. Плехановъ казался слишкомъ большой величиной, чтобы упустить его. Съ его именемъ была для полиціи связана подпольная печать (1879 г., № 38). Его имя—во главѣ рабочаго движенія (см. выше объ агентѣ и его знакомствѣ съ Плехановымъ).

«Его знаютъ,—какъ докладывается въ одной изъ справокъ,—будто бы многіе рабочіе, какъ руководителя движенія этой среды. Со многими изъ рабочихъ, имѣющими нѣкоторое главенство надъ остальными, Георгій Плехановъ, отъ времени до времени, входилъ въ непосредственныя сношенія» (1879 г., № 138, ч. I, справки отъ 18.III.79).

Имя Плеханова встрѣчается и въ дѣлахъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

На почвѣ извѣстности имени Плеханова разыгрывается и полемика между-вѣдомственная—между градоначальникомъ и III Отдѣленіемъ. Когда былъ произведенъ обыскъ у Кавскаго и Клушдина (1879 г., № 548), то въ списокъ причастныхъ къ этому дѣлу былъ включенъ Плехановъ. Докладъ объ этомъ градоначальника Зв-

рина съ указаніемъ, что для полиціи градоначальства во всемъ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго,—она давно высѣдила всѣхъ студентовъ, упомянутыхъ въ дѣлѣ, и только дождалась случая (въ теченіе 3 мѣсяцевъ (?)), чтобы заарестовать,—начальники III Отдѣленія карандашомъ отхѣтили: «Тутъ много сочиненнаго, начинающаго съ того, что и не вѣрю, чтобы первое извѣстіе получено въ іюні (доказалъ градоначальникъ—18 сентября); три мѣсяца они бы не вытерпѣли. Списокъ студентовъ-медиковъ также заставляетъ задуматься... Наконецъ, они подозреваютъ Бонди и Плеханова. Такимъ образомъ, можно писать, что хочешь».

Подобная же замѣтка была сдѣлана и на полныхъ дополнительнаго списка заподозрѣнныхъ по этому дѣлу лицъ, представленнаго Зуринымъ 24 сентября. На поляхъ списка законическая замѣтка карандашомъ: «Не отстѣлаются ни отъ Бонди, ни отъ Плеханова».

III.

Къ этому времени, очевидно, Плехановъ былъ для полиціи тѣмъ лицомъ, которое, какъ спадѣбный генералъ, должно было быть включеннымъ въ каждое болѣе или менѣе серьезное дѣло.

Связывая имя Плеханова съ выдающимися современными дѣлами, стремился установить, что сдѣлалъ Плехановъ. Въ этомъ имъ помогали Гольденбергъ и Жарковъ.

На основаніи показаній Гольденберга III Отдѣленіе такъ характеризовало дѣятельность Плеханова:

«Въ 1876 году революціонная партія, повиданному, бездѣйствовала, но въ слѣдующемъ году неожиданно появилась партія «бунтарей», которая по своимъ стремленіямъ сходствовала съ кружками «бакунистовъ», но отличалась отъ нихъ значительнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ пропаганды... Первоначальная дѣятельность ея проявилась въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Главными руководителями этой партіи были: бывшій студентъ горнаго института Плехановъ, Радіонъ, Дейчъ, Стефановичъ, Бохановскій, Чубаровъ, Дебогарію-Мокріевичъ» (справка о Плехановѣ дана выше, 1879 г., № 668, ч. II; высочайшій докладъ отъ 18 апрѣля 1880 г.).

Но эти свѣдѣнія даны были тогда, когда уже Плехановъ былъ въ предѣлахъ досягаемости. Въ списокъ лицъ, упомянутыхъ въ показаніяхъ Гольденберга, приложенномъ къ высочайшему докладу о Плехановѣ, мы находимъ:

«91 (по алфавиту). Плехановъ, Георгій Валентиновичъ, дворянинъ тамбовской губ., бывшій юнкеръ Константиновскаго училища, а впоследствии студентъ горнаго института. Принималъ участіе въ политической демонстраціи на Казанской площади въ 1876 году, но задержанъ не былъ. По слѣдующимъ свѣдѣніямъ ¹⁾ находится въ настоящее время въ Парижѣ» (пометка «разыскивается»).

Показанія Гольденберга въ существенныхъ чертахъ были даны еще въ 1879 г. Сводка имъ была сдѣлана окончательно къ марту 1880 г. Одновременно съ этимъ данъ показанія и Жарковъ. Жаркову приходилось жить съ Плехановымъ дѣло, и его показанія болѣе обширны и конкретны:

«Георгія Плеханова (Жоржа) Ж. (арковъ) знаетъ хорошо, такъ какъ Плехановъ же и повлекъ Ж. въ пропаганду, въ бытность его въ 1877 г. въ Саратовѣ: онъ проживалъ прежде въ Петербургѣ подъ фамиліей отставнаго учителя Николая Иванова Михайлова, а въ октябрѣ прошлаго года, подъ именемъ тоже отставнаго учителя Николая Иванова Набокова. Въ октябрѣ Плехановъ уѣзжалъ на двѣ

¹⁾ Агентурное, непротѣренное свѣдѣніе. Болѣе точное свѣдѣніе о пребываніи Плеханова въ Парижѣ получено 31 марта 1880 г. съ указаніемъ парижскаго адреса Л. Я.

недѣля въ Кіевъ съ какимъ-то порученіемъ и, возвратясь обратно, хотѣлъ ѣхать за границу, но социаллисты не пустили его, чрезвычайно дорожа имъ, какъ человекомъ ловкимъ и обладающимъ замѣчательнымъ даромъ слова. Плехановъ и въ настоящее время въ Петербургѣ, но гдѣ именно и подъ какой фамиліей—неизвѣстно; въ субботу, 2-го будущаго февраля, онъ намѣренъ уѣхать, но наканунѣ отъѣзда Ж. надѣется съ ними увѣдѣться въ условленномъ мѣстѣ (Далѣе, «Примѣты Плеханова»—см. выше).

Но тѣ и другая справки были уже заочными. Плехановъ, дѣйствительно, уѣхалъ. Раньше же этого времени точныхъ свѣдѣній у полиціи не было, и ей приходилось идти ощупью къ своимъ поискамъ о роли Плеханова и его мѣстожителѣствѣ. Старапія же полиціи въ этомъ направленіи были велики и шли въ разныхъ направленіяхъ: 1) отыскать мѣстожительство, 2) установить посидѣльни и характеръ работы, 3) установить знакомство и мѣста, гдѣ Плехановъ бываетъ.

Въ предѣлахъ этихъ трехъ вопросовъ и велась вся агентура.

Въ агентурномъ донесеніи отъ 13 февраля 1879 г. Плехановъ выстушаетъ подъ именемъ «Георга» (извѣстно, что одно изъ этихъ лицъ именуется «Георгомъ»). Въ дѣлѣхъ рѣдкѣ справки онъ и фигурируетъ подъ этимъ именемъ до 22 іюня 1879 г., когда дана слѣдующая справка:

«Получено сообщеніемъ отъ помощника присяжнаго повѣреннаго и ректора типографіи главнаго штаба Леонтьева свѣдѣніе, что посидѣльни извѣстнаго Георга Плеханова — «Федька» и «Волькъ» (1879, № 138, ч. II).

Но эта справка мало дала нитей для розыска. Въ дѣлахъ нѣтъ слѣдовъ что указанными псевдонимами воспользовались, и они, дѣйствительно, оказали услугу дѣлу. Въ розыскахъ дальнѣйшаго времени ни «Федька», ни «Волькъ» не встрѣчаются. Напротивъ, въ дѣлѣ о сборищахъ въ с. Смоленскомъ (1879, № 663) отъ 2 ноября мы находимъ то же названіе «Георга» и «Георгія».

Не далъ въ этомъ отношеніи ничево и Гольденбертъ. Лишь Жарковъ несколько разсѣялъ недоразумѣніи около Плеханова.

Жарковъ, личнѣ знакомый и довольно близкій къ Плеханову человекъ, далъ въ руки полиціи нѣсколько нитей.

На основаніи показаній Жаркова 23 января 1880 г. была составлена такая справка:

«Онъ (Жарковъ) знаетъ извѣстнаго въ преступномъ кружкѣ, подъ именемъ «Жоржа», Георгія Плеханова, который при отъѣздѣ его находился въ Петербургѣ и проживалъ подъ фамиліей отставнаго городского учителя Николая Ивановича Михайлова, а въ октябрѣ мѣсяцѣ жилъ подъ именемъ тоже отставнаго городского учителя Николая Ивановича Набатова».

Какъ и всѣ показанія Жаркова о Плехановѣ, и это было лишь исторической справкой, ибо въ это время Плехановъ уже былъ за отъѣздъ. Воспользоваться было трудно. Указанія же Жаркова давали одно: иллюстрировать, какъ былъ остороженъ Плехановъ. Въ теченіе 2—3 мѣяцевъ ему приходилось мѣнять паспорта. Въ указанномъ случаѣ это оправдывалось и обстоятельствами его жизни: въ октябрѣ 1879 г. Плехановъ уѣзжалъ на двѣ недѣли въ Кіевъ. Возвратившись оттуда, онъ уже проживалъ по новому виду.

И дѣйствительно, при такой системѣ Плехановъ оставался неразмысленнымъ. Его мѣстожительство было предметомъ розысковъ, но результаты этого были слабы.

Въ началѣ (13 февраля) 1879 года агентурныя свѣдѣнія дали справку о Плехановѣ и его мѣстопробываніи:

«Они (Плехановъ и Клеменсъ) извѣстны болѣе по различнымъ сообщеніямъ о нихъ... принявъ же агентурныя дѣйствія, направленные къ тому, чтобы воспрѣять ихъ и прослѣдить съ цѣлью обнаружить мѣсто ихъ жительства, были въ этомъ безуспѣшны».

Были приняты меры. Указывали, где живет, где бывает Плеханов, с кем он знаком. Одновременно с вышеприведенным указанием было отмечено:

«Георгий Плеханов, бывший студент горного института, постоянного места жительства не имеет, его теперь называют Георгием. носит при себе оружие, находится в близких отношениях и бывает у кандидата прав Летошенко, проживающего по Малой Дворинской, д. № 4, кв. 15, и посещает публичную библиотеку, ездит на хорошей лошади, вращается в среде рабочих» (13 февраля 1879 г.).

Через месяц (18 марта) дается новая справка: «Получено сведение, что известный Георгий Плеханов, оставшийся по сие время неразрешенным (и подлежащим задержанию), имеет будто бы постоянное пребывание в двух местах: за Нарвской и Московской заставами, попеременно» (1879 г., № 135, ч. 1).

Еще через месяц (18 апреля) новое сведение, в другой связи и в ином дѣлѣ о самом Плеханове, а попутно с расследованием об Н. Ф. Анненском:

«Получено сведение, что дѣла арестованного нал. сов. Анненского, Андрей Никол. Анненский, живущий по Надежд. ул., в д. Яковлева, принадлежит къ социалистическо-революционной партіи... Ранее этого было даже сведение о знакомствѣ его съ известнымъ Георгіемъ Плехановымъ». (1879 г., № 143, ч. 1).

В связи с розысками Б. Марковича опять наталкиваемся на имя Плеханова. В запискѣ по дѣлу отъ 26 июня читаемъ:

«По сообщению известного лица, в Москвѣ находится в качествѣ рабочаго на какой-то фабриктѣ... Марковичъ, который былъ вмѣстѣ съ Плехановымъ организаторомъ Казанской демонстраціи, и у котораго во всякое время имѣются вещественныя доказательства принадлежности къ революционной пропагандѣ». (1879 г., № 377).

Устанавливаются и другія знакомства Плеханова, хотя и предположительныя. Такъ, въ дѣлѣ «о политической неблагонадежности Любови Сценуро-Сердюковой» въ докладѣ сказано:

«Сердюкова и Корнилова были близко знакомы съ арестованнымъ Летошенко, пріятелемъ Георга Плеханова» (1879 г., № 750).

В связи съ дѣломъ «о оборонѣхъ въ с. Смоленскомъ», Плехановъ фигурируетъ уже съ большими деталями и подробностями его жизни. Дѣло это возникло на основѣ слуховъ о появленіи новаго подпольнаго органа (им. «Земли и Воли»). Были установлены наблюденія надъ дѣльнымъ рядомъ лицъ. Это были «секретныя» наблюденія. Это слово «секретныя» здѣсь приходится подчеркнуть, ибо самый докладъ дѣлаетъ удареніе на этомъ словѣ, будто наблюденія бывали и не секретныя. «Секретныя» наблюденія, установленныя надъ слушательницей Высшихъ Женскихъ Курсовъ, Анной Боградъ, дали слѣдующіе результаты:

«Проживающую по Гроднен. пер., въ т. № 15, кв. 3, слушательницу В. Ж. курсовъ, Анну Боградъ очень часто съ нѣкотораго времени сталъ посѣщать неизвестный полъ, именемъ «Георгій», изъ разговора котораго съ Боградъ, (*) стало известно, что онъ прибылъ недавно изъ Кіева. Георгій этотъ, при посѣщеніи Боградъ, принимаетъ крайнюю осторожность, закрывается воротничкомъ пальто, говоритъ шопотомъ и избегаетъ присутствія постороннихъ. Кроме того, «Георгій» посѣщаетъ проживающаго въ томъ же домѣ студента Дуката, влюбленнаго въ Боградъ, у котораго иногда остается и ночевать. Боградъ о Георгіи рассказывала, что онъ женатъ, но по несчастно сложившимся для него обстоятельствамъ съ

*) О разговорѣ этомъ есть такое указаніе въ первоначальной редакціи доклада: Боградъ посѣщаетъ какая-то неизвестная личность, которую она одному лицу, проживающему съ нею на одной квартирѣ, называла «Георгіемъ». — Это подчеркнуто, но отмѣченныя мною курсивомъ слова показываютъ, какими способами велось «секретное наблюденіе».

женою не живетъ, а также, что онъ сотрудничаетъ въ журналѣ «Смисо» и «Вѣстникъ Европы»¹⁾ и въ одной изъ своихъ статей писалъ о молоканяхъ. 22 октября, въ 11¼ ч. вечера, «Георгій» постучался съ улицы въ окно комнаты Боградь, а затѣмъ вошелъ въ квартиру, гдѣ между ними произошелъ разговоръ шопотомъ, изъ котораго удалось разлышать, какъ онъ спрашивалъ Боградь: послала-ли она деньги, и затѣмъ стправился къ Дукату. 25 числа, вечеромъ, Георгій снова былъ у Боградь и, поспѣвъ у нея около 10 минутъ, пошелъ къ Дукату, а вечеромъ 26 числа къ Боградь приходило 4 молодыхъ человека, повидимому, изъ евреевъ.

«Въ виду изложеннаго»,—кончается докладъ о Боградь,—«не подлежитъ сомнѣнію, что личность посѣщающаго дѣвицу Боградь подъ именемъ Георгія есть не кто иной, какъ разыскиваемый Георгій Валентиновъ Плехановъ» (1879 г., № 663).

Слѣжка началась въ это время за Плехановымъ обстоятельная. Слѣдили за каждымъ его шагомъ, за каждымъ словомъ.

Такая же слѣжка была установлена и за домою Назарова въ с. Смоленскомъ, гдѣ проживала безъ прописки три лица. Агентъ подозрѣвалъ, что у нихъ типографія. Подкрѣплялось это таинственностью ихъ жизни, свѣтомъ, появлявшимся по ночамъ въ отапливаемыхъ комнатахъ, жизнью ихъ въ такой глухой мѣстности безъ прописки, посѣщеніемъ ихъ подозрительными лицами.

Ихъ посѣщаютъ такія лица, которыя по своему внѣшнему виду уже обратили на себя вниманіе: тахъ, въ пятницу, 26 октября, къ нимъ вошелъ одинъ господинъ, лѣтъ 33, блондинъ, съ русою бородою, средняго роста (примѣты подходятъ къ примѣтамъ лица, посѣщающаго Боградь подъ именемъ Георгія) и остался тамъ до 28 числа» (ibid).

IV.

Несмотря на это, Плеханова все же не уловили. Старались очень—и старались всѣ. Выше уже было приведено донесеніе градоначальника по дѣлу Клаушина и Кавскаго (1879 г., № 548), гдѣ даже III Отдѣленіе усумнилось, можно ли вездѣ и всегда видѣть Плеханова.

Въ этомъ отношеніи характеренъ одинъ фактъ изъ исторіи розыска Плеханова. Въ началѣ 1879 г. (13 февраля) агентъ доносилъ, что Плехановъ въ средствахъ не нуждается, ѣздитъ на хорошей лошади. Въ дѣлѣ «по обвиненію въ изданіи и распространеніи возмутительныхъ брошюръ» мы находимъ а болѣе подробное донесеніе объ этомъ.

«Въ средствахъ онъ (Плехановъ) не только не нуждается, напротивъ, снабжаетъ ими другихъ пропагандистовъ. Это послѣднее свидѣніе подтверждается тѣмъ, что нѣсколько дней назадъ его замѣтили проѣхавшимъ по Невскому, потъ вечеръ, на рысистой лошади, съ дамою въ собольей рогондѣ. Основываясь на этихъ данныхъ, можно предположить, что Плехановъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ кѣмъ-либо изъ лицъ состоятельныхъ, а, можетъ быть, даже и съ какою-либо женщиною, обладающей средствами и сочувствующей дѣлу пропаганды, почему было бы полезно обратить вниманіе пригородной полиціи на изложенныя здѣсь обстоятельства къ розысканію Плеханова» (1879 г., № 138, ч. 1, отъ 18 марта).

Вниманіе пригородной полиціи было, очевидно, направлено на эту парочку, разлѣзавшуюся на рысистой лошади. Полиція начала усердно слѣдить, привлеченная именемъ Плеханова. Уже 22 марта она доноситъ рапортѣмъ начальнику пригородной полиціи:

¹⁾ Первоначальная редація сотрудничество въ журналахъ относитъ къ другому лицу, неизвестному, но въ дальнѣйшемъ карандашомъ исправлено и поставлено въ связь съ Плехановымъ.

«При произволѣ розыска известнаго Плеханова обращено, между прочимъ, было вниманіе на то, что неизвестная личность весьма часто проезжала на Московское шоссе на шегольской парѣ, часто и съ дамой, тщательно закутанные, а у Чесменской богадельни или у Средней Рогатки пересаживались въ сани, запряженные тройкой сѣрыхъ лошадей».

На слѣдъ будто бы попали. Картина ѣзды по Невскому, выѣздъ за городъ, тщательное скрываніе лицъ,—все это было подозрительно, было похоже и на тактику осторожнаго Плеханова.

Но пришлось разочароваться,—съ одной стороны, а съ другой, можетъ быть,—и поставить въ пеловкое положеніе таинственную парочку. Тотъ же рапортъ начальника пригородной полиціи сообщаетъ:

«По произведенному дознанію, положительно оказалось, что это ѣздили дѣйств. ст. сов. Влад. Александр. Ратьковъ-Рожновъ, проживающій въ Царскомъ Селѣ, на собств. дачѣ, по Сред. ул., № 9, а въ Петербургѣ квартира его и лошади стоятъ въ Милліонной, въ собств. домѣ. и. разумеется.—сентенціозно заканчивается рапортъ.—нѣтъ никакой связи съ разыскиваемымъ лицомъ» (1879 г. № 138, ч. I).

Но, конечно, положеніе Плеханова въ это время было тяжелое; трудно предположить, чтобы онъ не зналъ всего этого. Около него начали собираться тучи. Въ это время еще хорошими его знакомыми были Жарковъ. Ему было известно, что по приѣздѣ изъ Кіева (въ октябрь 1879 г.) Плехановъ уже собирался уѣхать за границу. Въ показаніяхъ Жаркова мы находимъ:

«Возвратясь обратно (изъ Кіева), хотѣлъ ѣхать за границу, но партія социалстовъ его не пустила, какъ необходимаго здѣсь. Имъ чрезвычайно дорожать, какъ лицомъ довольно ловкимъ: обладаетъ большимъ краснорѣчіемъ и весьма убѣдительно».

Что Плехановъ былъ ловецъ въ дѣлѣ скрыванія отъ полиціи, объ этомъ говорятъ всѣ приведенные факты. Но въ концѣ концовъ и ему такая жизнь трагическаго вожака, очевидно, уже становилась не въ моготу, и тотъ же Жарковъ показываетъ:

«При послѣднемъ свиданіи съ Жоржемъ, въ послѣднихъ числахъ ноября, Жарковъ слышалъ отъ него, что трудно живется, преслѣдуютъ, надо удирасть за границу¹⁾».

Показанія Жаркова были слѣзаны въ январѣ 1880 года. Въ мартѣ 1880 года при Высочайшемъ докладѣ по дѣлу Гельденберга о Плехановѣ уже дана справка (29 марта): «по имѣющимся свѣдѣніямъ, находится въ настоящее время въ Парижѣ». На поляхъ была слѣлана отмѣтка—по традиціи—«разыскивается» (1879 № 668, ч. II).

И, дѣйствительно, онъ все же разыскивался. Объ этомъ говоритъ переписка о его семейныхъ съ тамбовскими губернаторомъ.

Тамбовскій губернаторъ отъ 28 ноября 1880 г. доноситъ въ III Отдѣленіе, очевидно, въ отвѣтъ на запросъ въ связи съ дѣломъ Кавскаго и Клушина²⁾.

«По поводу розыска обвиняемаго въ тяжкомъ государственномъ преступленіи дворянина Тамбовской губ., Георга Плеханова, липецкая городская полиція, наблюдая за появленіемъ его, обратила особенное вниманіе на проживающихъ лѣтомъ въ г. Липецкѣ родныхъ Плеханова, именно: на родную сестру его, дѣвицу Варвару Васильищину Плеханову и на двоюроднаго брата его, студента с.-петербургскаго университета, Николая Николаевича Подинякова, съ которыми Георгъ Плехановъ былъ особенно близокъ, а также и на студента того же университета, Николая

¹⁾ Курсивъ въ оригиналѣ.

²⁾ Дѣло началось 17 сентября 1879 г.

Иванова Иванова, приехавшего въ г. Липецкъ къ живущей там родной матери ес-и находящагося въ близкихъ отношеніяхъ съ Поздняковымъ и Варварою Плехановою. Студенты эти, проживая въ г. Липецкѣ, отличались оригинальностью костюмовъ,—они носили черезъ чуръ длинные волосы, синіе очки, длинные пальто, на выпускъ красныя сюртки и высокіе личные сапоги, избѣгали всякаго знакомства, за исключеніемъ Варвары Плехановой, съ которой гуляли преимущественно по вечерамъ. При наблюденіи испещенъ, хотя за сказанными лицами ничего особеннаго замѣчено не было, но полицейскій приставъ изъ частнаго разговора съ теткою студента Иванова, чѣшаккой Черномащенцевой и съ родственницею Позднякова, дворнякою Варварою Крыжовой, узналъ, что Ивановъ изъ дома матери своей переходилъ на житье въ сарай при томъ же домѣ, куда къ нему по ночамъ приходили Поздняковъ и Плеханова и проводили у него цѣлыя ночи, но имѣли ли эти посѣщенія какую-либо преступную цѣль или имѣли характеръ обыкновенныхъ свиданій, опредѣлить невозможно, такъ какъ у Иванова никакой присауки не было и добытъ разъясняющихъ свѣдѣній было не отъ кого, между тѣмъ Ивановъ и Поздняковъ не рѣдко высказывали весьма рѣзкое неудовольствіе противъ правительственнаго порядка и служащихъ лицъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «правительство въ Россіи очень дурно и нигуда не годится, правительственныхъ лицъ слѣдуетъ быть палками».

Въ виду такихъ неблагопріятныхъ дѣйствій студентами Позднякова и Иванова, мѣстный исправникъ полагаетъ, что сказанныя ночныя собранія приводятъ къ тому убѣжденію, что таковыя составлялись не въ видѣ препровожденія времени, а съ какою-либо антиправительственною цѣлью, такъ какъ Поздняковъ и Ивановъ проживаютъ въ Петербургѣ, гдѣ проживаетъ и Георгъ Плехановъ. Въ настоящее время Поздняковъ и Ивановъ находятся въ Петербургѣ, куда они выѣхали изъ Липецка 23 минушаго сентября, а Варвара Плеханова и теперь живетъ въ Липецкѣ и за ней имѣется наблюденіе, хотя въ образѣ жизни ея ничего предосудительнаго не замѣчается.

Заканчивается это поучительное донесеніе такими соображеніями:

«Въ виду ихъ презанныхъ близкихъ отношеній къ разсылаемому Георгу Плеханову, нельзя не имѣть за ними секретнаго наблюденія, которое за дѣятели Варварою Плехановою и учреждено, но имѣется ли такое-то наблюденіе за Ивановымъ и Поздняковымъ въ С.-Петербургѣ, объ этомъ ему, полковнику Поливанову (тамбовскому начальнику жандармовъ) неизвѣстно» (1879 г., № 448).

Донесеніе очень характерно: оно вскрываетъ методы наблюденій: разговоры съ тетками, разговоры съ кухаркой,—ити источникъ свѣдѣній. Разъ ихъ имѣть, то свѣдѣнія копчаются. Интересно оно и тѣми соображеніями, которыми высказываются по поводу ночныхъ разговоровъ. Имѣть данныхъ—можно ихъ дополнить соображеніями нравственнаго порядка. Этими и дискредитировать. Приемъ очень хитрый въ то время. Все же выскѣ взятое очень хорошо подчеркиваетъ характеръ всѣхъ свѣдѣній о Плехановѣ, даже въ Петербургѣ. П здѣсь агенты пользовались такими же источниками и приемами, отсюда и характеръ свѣдѣній—исключительно до выскѣживанія дѣйств. ст. совѣтника.

Для Плеханова это донесеніе изъ Тамбова послѣдствій уже не могло имѣть. Были въ это время свѣдѣнія о его отъѣздѣ. Правда, они еще не были проверены,—Плехановъ былъ въ категоріи «разсылаемыхъ», но черезъ нѣкоторое время послѣ тамбовской бумаги въ «спискѣ русскихъ эмигрантовъ, проживающихъ въ Парижѣ за декабрь мѣсяцъ 1880 г.», значится:

«Члены литературнаго комитета—Г. Плехановъ. 43. Boulevard Saint Michel» (1880 г., № 276. Заграничныя свѣдѣнія).

На этомъ заканчиваются розыскъ и свѣдѣнія III Отдѣленія. Въ 1881 г. III Отдѣленіе ушло въ область исторіи. Всѣ его дѣла перешли въ вѣдѣніе департамента полиціи, каковой съ новымъ рвеніемъ приступилъ къ розыску Плеханова и

полученно о немъ данныхъ. Что не удалось III Отдѣленію, то удалось уже департаменту. Въ его дѣлахъ находимъ мы болѣе подробный политическій полицейскій біографическій матеріалъ. Скудные данныя розыска до 1881 г. были пополнены. Кое-что исправлено, но весь этотъ матеріалъ, основанный на позднѣйшихъ данныхъ, все же абсолютной точности и безупречной вѣрности не заключаетъ. III Отдѣленіе со своимъ скуднымъ бытовымъ матеріаломъ дало слишкомъ мало для послѣдующаго. Здѣсь были и завѣдомо ложныя свидѣнія, какъ свидѣнія объ участіи Плеханова въ Чигиринскомъ дѣлѣ, на что указалъ Гольденбергъ, но были и цѣнныя указанія Жаркова, по которымъ можно, хотя немного, установить и фактическую сторону дѣла—это пребываніе Плеханова въ Саратовѣ въ 1877 и 1878 гг., арестъ его тамъ и бѣгство послѣ подписки о невыѣздѣ: его побѣдка въ 1879 г. въ Кіевѣ. Но и показанія Жаркова были даны слишкомъ поздно, когда Плехановъ былъ уже въ достаточной степени опытенъ; въ то же время у него созрѣла мысль уѣхать за границу, гдѣ бы его меньше тревожила вся та сгущенная атмосфера, какаю была въ 1879—1880 гг. въ Россіи.

Л. Ильинскій.

П. Л. Лавровъ въ 1870—1873 гг.

Вступительная статья къ письму П. Л. Лаврова.

7-го февраля 1920 года исполнилось 20 лѣтъ со дня смерти Петра Лавровича Лаврова, а между тѣмъ мы до сихъ поръ не имѣемъ его біографіи. Вся его личная жизнь, внутренніе мотивы тѣхъ или иныхъ поступковъ намъ совершенно недоступны. Біографія его дѣло далекаго будущаго. До сихъ поръ еще не описанъ и не разобранъ громадный архивъ Лаврова. Личная переписка его съ семьей, близкими ему людьми и цѣлымъ рядомъ лицъ не только не опубликована, но даже не собрана и не приведена въ извѣстность. При этихъ условіяхъ всякое письмо Лаврова, появляющееся въ печати, почти всегда даетъ много новыхъ штриховъ для его біографіи, пріоткрывая завѣсу надъ его личной жизнью. Въ этомъ отношеніи громадное значеніе имѣетъ печатаемое ниже письмо П. Лаврова къ своему сыну.

Письмо это касается наиболѣе важнаго шага въ жизни Лаврова, его эмиграціи изъ вологодской губ. во Францію. Вопросъ о тѣхъ мотивахъ, которыми руководился Лавровъ, совершая этотъ рискованный шагъ, совершенно не освѣщенъ въ русской печати. Одинъ изъ первыхъ біографовъ Лаврова Н. С. Русановъ полагалъ, что онъ бѣжалъ за границу, «желая участвовать въ живой политической борьбѣ»¹⁾. Начавъ собирать въ 1916 г. біографическій матеріалъ о Лавровѣ, я на его основаніи пришелъ къ совершенно инымъ выводамъ, чѣмъ Русановъ. По моему мнѣнію, конечной цѣлью побѣга Лаврова «была несомнѣнно научная работа»²⁾. «Лавровъ—писатель я дальше.—повидимому, смотрѣлъ на бѣгство, какъ на вынужденный шагъ подъ злыніемъ правительства, которое ради науки заставлятъ его покидать Россію»³⁾.

Печатаемое теперь письмо даетъ намъ возможность окончательно рѣшить этотъ вопросъ. «Послѣ двухъ лѣтъ ссылки,—пишетъ въ немъ Лавровъ,—я убѣдился... что въ узницкомъ городишкѣ я не имѣю никакой возможности продолжать свои серьезные труды.... Я обязанъ,—ли шеть онъ дальше,—доставить себѣ положеніе, въ которомъ продолженіе моихъ учено-литературныхъ трудовъ было бы возможно». Далѣе онъ считаетъ «безразличнымъ» продолжать подчиняться тѣмъ условіямъ, которыя оганичили у него возможность «дѣйствовать полезно даже въ скромной сферѣ наукъ». Изъ всего этого положенія Лавровъ не бѣгнетъ сдѣлать непоколебимый логическій выводъ—остаеся попытаться продолжать свои раб оты

¹⁾ См. его книгу «Соціалисты Запады и Россіи». Спб., 1909 г., 2-ое изданіе... стр. 228.

²⁾ См. мою брошюру «Смысла Лаврова въ Вологодскую губернію и его значенія антропологіи». Вологда, 1915 г., стр. 14.

³⁾ Ibidem. стр. 15.

за границы». Касаясь эмиграции, Лавровъ никому не совѣтуетъ приобщать къ ней «безъ крайней необходимости» и допускаетъ ее лишь тогда, «когда отрѣзаны всѣ пути къ полезной дѣятельности». Изъ этой фразы Лаврова видно, что онъ на свою эмиграцію смотритъ, какъ на вынужденный шагъ, до котораго довело его само правительство.

Лавровъ былъ, несомнѣнно, правъ, смотря такъ на свое бѣгство. Ссылка на него вліяла самымъ губительнымъ образомъ. «Климатъ на меня дѣйствовалъ вредно,—пишетъ онъ сыну,—черезъ нѣсколько лѣтъ я могъ сдѣлаться совсѣмъ неспособнымъ къ продолженію работъ». Между тѣмъ, всѣ хлопоты за Лаврова въ Петербургѣ его лучшаго друга Е. А. Штакеншнейдеръ о переводѣ его изъ вологодской губ. въ болѣе южныя губерніи окончились полнымъ отказомъ. Ея личныя поѣздки по этому поводу къ тогдашнему шефу жандармовъ графу Шувалову и управляющему 3-мъ Отдѣленіемъ генералу Мезенцеву только лишній разъ подтвердили, какъ непримиримо относилось къ Лаврову русское правительство ¹⁾. Всѣ многочисленные прошенія и письма престарѣлой матери Лаврова къ министрамъ и даже самому государю съ просьбой о переводѣ ея сына въ другое мѣсто оставались безъ отвѣта или встрѣчали отказъ. На одномъ изъ этихъ писемъ Александръ II собственноручно написалъ слѣдующую резолюцію: «если это тотъ Лавровъ, что читалъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ, то въ просьбѣ отказать» ²⁾.

Послѣдняя попытка Лаврова добиться переезда за границу легальнымъ путемъ, черезъ князя Суворова, окончилась также полнымъ крахомъ. Въ своемъ письмѣ къ Суворову Лавровъ проситъ князя дать ему возможность «возобновить» его «кабинетныя, научныя занятія». «Въ ссылкѣ,—пишетъ онъ дальше,—они невозможны. Хотя я перевезъ до 1000 томовъ своей библіотеки въ Тотьму, потомъ въ Вологду, а теперь въ Калликовъ, но, не смотря на всѣ мои старанія, я скоро замѣтилъ, что мои работы по исторіи наукъ и по исторіи мысли вообще здѣсь невозможны, и я долженъ ограничиваться эфемерными журнальными статейками» ³⁾. Въ заключеніе своего письма Лавровъ рисуетъ передъ Суворовымъ то безысходное положеніе, въ которомъ онъ находится. «Жить здѣсь,—говоритъ онъ,—значитъ отказаться отъ всякой научной работы въ будущемъ, потому что годы берутъ свое, здоровье долго не вынесетъ» ⁴⁾.

Суворовъ, относившійся вообще доброжелательно къ Лаврову и обѣщавшій Е. А. Штакеншнейдеръ переговорить съ графомъ Шуваловымъ, оказался совершенно безсиленнымъ предъ всемогущимъ шефомъ жандармовъ. Просить же за Лаврова лично Александра II Суворовъ категорически отказался ⁵⁾. Такимъ образомъ, для Лаврова оказались отрѣзанными всѣ легальные пути, чтобы выбраться изъ вологодской губерніи. Оставался только одинъ выходъ—самовольно покинуть ссылку и бѣжать за границу. И Лавровъ рѣшительно всталъ на этотъ послѣдній путь.

Но на этотъ шагъ Лавровъ рѣшился не сразу. Есть данныя, которыя указываютъ, что Лавровъ въ первые два года своей ссылки былъ увѣренъ, что русское правительство само вспомнитъ о немъ и возвратитъ его обратно въ Петербургъ. М. П. Сажинъ, находившійся вмѣстѣ съ Лавровымъ въ

¹⁾ Подробно объ этомъ см. въ воспоминаніяхъ Штакеншнейдеръ, «Голосъ Минувшаго», № 12, стр. 131—138.

²⁾ Ibidem, стр. 132.

³⁾ Ibidem, стр. 127.

⁴⁾ Ibidem, стр. 130.

⁵⁾ Ibidem, стр. 137.

гор. Вологдѣ (1868 г.), въ своихъ воспоминаніяхъ опредѣленно указываетъ, что «Лавровъ былъ тогда еще увѣренъ, что русское правительство вернетъ его въ Петербургъ, такъ какъ онъ собственно ученый и человѣкъ обыкновенныхъ либеральныхъ взглядовъ, котораго довольно странно карать ссылкой»¹⁾).

О томъ, что Лавровъ питалъ такія надежды, видно также и изъ его письма къ сыну. «Я ожидалъ,—пишетъ онъ ему,—что раздраженіе противъ меня... пройдетъ, ожидать, что моя двадцатилѣтняя дѣятельность, какъ преподавателя, будетъ взята въ соображеніе, и что я вернусь къ своимъ кабинетнымъ, ученымъ занятіямъ». Русская дѣйствительность жестоко разбила эти иллюзіи Лаврова и заставила его самовольно, при помощи лавѣстнаго революціонера Германа Лопатина, покинуть Россію²⁾).

Впослѣдствіи, находясь уже за границей, Лавровъ никогда не выражалъ сожалѣнія по поводу своей эмиграціи, считая, что онъ въ данномъ случаѣ поступилъ вполне правильно. Такъ, напримѣръ, въ своемъ письмѣ къ Штакеншнейдеръ, написанномъ изъ Парижа, спустя 3 мѣсяца послѣ своего бѣгства (17 мая 1870 г.), Лавровъ, касаясь этого факта, пишетъ: «восхищаться тутъ особенно нечѣмъ, но я стою на томъ, что мнѣ следовало такъ поступить»³⁾. Въ другомъ письмѣ изъ Цюриха, написанномъ черезъ два года послѣ своего бѣгства (1872 г.), Лавровъ указываетъ Е. А. Штакеншнейдеръ, что у него, въ бытность его въ ссылкѣ, помимо эмиграціи, не было другого выхода. «Между прочимъ,—пишетъ онъ ей,—я встрѣтилъ здѣсь одного бывшаго товарища по Тотмѣ⁴⁾. Онъ прождалъ почти 6 лѣтъ, значить, былъ почти вдвое терпѣливѣе меня, а пришелъ окончательно къ тому же результату»⁵⁾).

Могли ли быть у Лаврова, помимо чисто личныхъ мотивовъ, еще и «политическія» соображенія при его бѣгствѣ изъ вологодской губ., какъ полагаетъ Н. Русановъ? Можно-ли вообще связывать начало социально-политической дѣятельности Лаврова съ его бѣгствомъ за границу, какъ это дѣлали до сихъ поръ почти всѣ, писавшіе о Лавровѣ? На оба эти вопроса мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Не надо забывать, что Лавровъ до своей ссылки занимался только литературно-научной работой, причемъ сотрудничать исключительно въ прогрессивно-либеральныхъ органахъ тогдашней печати, какъ то—«Библіотека для чтенія», «Отечественныя Записки» (въ редакціи А. Краевского), «Спб. Вѣдомости» (ред. Корша) и т. п. Съ болѣе радикальными кругами литераторовъ, группировавшихся тогда вокругъ «Современника», Лавровъ не только не былъ близокъ, но даже имѣлъ съ ними литературную полемику (съ Н. Г. Чернышевскимъ и М. А. Антоповичемъ). На этотъ счетъ мы имѣемъ прямые признанія самого Лаврова. «Мои личные литературныя сношенія и работы въ концѣ 50-хъ и 60-хъ годахъ,—пишетъ Лавровъ,—не вызвали большой близости (курсивъ

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 118.

²⁾ Въ автобіографіи Лаврова есть указаніе, что къ его бѣгству имѣлъ отношеніе А. И. Герценъ (См. «Вѣстн. Европы», 1910 г., № 10, стр. 110). Объ этомъ говорятъ также и Н. С. Русановъ. (См. его книгу «Соціалисты Запада и Россіи». Спб., 1909 г., 2-ое издан., стр. 228 и статью «Лавровъ, человѣкъ и мыслитель», «Русск. Богатство», 1910 г., № 2, стр. 230). Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ документовъ, чтобы можно было болѣе подробно освѣтить этотъ фактъ.

³⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 107.

⁴⁾ Въ этомъ городѣ вологодской губ. Лавровъ провѣлъ первый годъ своей ссылки.

⁵⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916, № 9, стр. 133.

мой. П. В—ев) между мною и тою радикальной группой литераторов, которая въ это время имѣла самое рѣшительное вліяніе на русскіе умы»¹⁾.

Оъ радикальной и настроенной революціонно-соціалистически молодежи, Лавровъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, также не имѣлъ связей и не пользовался среди нея какою-либо популярностью. По свидѣтельству М. П. Сажина, Лавровъ «былъ тогда очень мало извѣстенъ въ рядахъ молодежи. Знали только, что это ученый «философъ». Его считали попросту «либераломъ», причемъ, по словамъ того же Сажина, даже арестъ Лаврова прошелъ въ средѣ тогдашней радикальной молодежи «почти незамѣченнымъ» и разсматривался ею, какъ «преслѣдованіе либераловъ»²⁾. Самъ Лавровъ также подтверждаетъ свою отдаленность отъ соціально-революціонной молодежи конца 60-хъ годовъ. «Радикальная молодежь Петербурга,—пишетъ онъ,—была вовсе не близка ко мнѣ въ послѣдніе годы моей Петербургской дѣятельности, и я не имѣлъ случая сблизиться съ нею ни во время моей ссылки (курсивъ мой. П. В—ев), ни при проѣздѣ черезъ Москву и Петербургъ при отъѣздѣ за границу»³⁾. Изъ этого важнаго признанія Лаврова видно, что даже за все время своей ссылки онъ не сблизился съ соціально-революціонной молодежью того времени и продолжалъ по прежнему стоять въ сторонѣ отъ нея. И Лавровъ былъ вполне правъ и глубоко искрененъ, когда онъ въ одной изъ своихъ заграничныхъ рѣчей заявилъ, что онъ, эмигрируя, «вынесъ съ собою изъ Россіи скорѣе репутацію умѣреннаго и нѣсколько педантичнаго кабинетнаго дѣятеля»⁴⁾.

Откуда же, при всѣхъ этихъ условіяхъ, у Лаврова могли появиться «политическія» соображенія для своего бѣгства за границу? Какимъ образомъ, если учесть все сказанное, Лавровъ рѣшился бы сдѣлать политическую и революціонную дѣятельность цѣлью своей жизни и ради этого даже покинуть самовольно Россію? Какъ мы видѣли выше, у Лаврова для этого не было ни малѣйшихъ данныхъ во всей его прошлой жизни. Остается, стѣдовательно, предположить, что тѣ чисто личные мотивы своей эмиграціи, какіе онъ паложилъ въ письмѣ къ своему сыну, были единственными. Другихъ у Лаврова не было и быть не могло.

Очень многіе склонны начало соціально-политической дѣятельности Лаврова связывать съ его «Историческими письмами», которыя онъ началъ писать въ Тотмѣ и закончилъ въ Кадниковѣ. Роль этихъ писемъ въ русскомъ революціонномъ движеніи была, конечно, громадна⁵⁾. Именно эти письма сблизили и связали Лаврова съ соціально-революціонной молодежью: въ 1872 г. группа читателей и поклонниковъ этихъ писемъ явилась къ Лаврову съ предложеніемъ издавать заграничный журналъ и принять на себя руководство тогдашнимъ соціально-политическимъ движеніемъ. Такимъ образомъ, изъ «Историческихъ писемъ», въ извѣстномъ смыслѣ, родился журналъ «Впередъ». Все это факты, которыхъ никто не станетъ отрицать. Но какъ это ни странно, для самого Лаврова эти письма не играли совершенно никакой роли. Если онъ ими и началъ свою соціально-политическую дѣятельность, то произошло это безъ всякой цѣли и какого бы то ни было желанія со стороны автора и буквально помимо его воли. Самъ

¹⁾ См. весьма цѣнные въ біографическомъ отношеніи примѣчанія Лаврова къ его книгѣ «Народники-пропагандисты 1873—78 годовъ». Спб., 1907 г., стр. 54.

²⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 113.

³⁾ См. «Народники-Пропагандисты», стр. 56.

⁴⁾ См. его рѣчь «Три эпохи», Матеріалы для исторіи русск. соц.-револ. движенія. Приложение «Съ родины на родину» № 3. Женева, Октябрь, 1893 г., стр. 155.

⁵⁾ Подробно о значеніи «Историч. писемъ» см. въ моей статьѣ—«Чѣмъ обязана русская общественность Лаврову?» («Еженѣщ. Журналъ», 1915 г., № 2 и 3).

Лавровъ не придавалъ этимъ письмамъ никакого значенія и ихъ успѣхъ среди молодежи явился для него полной неожиданностью ¹⁾. Весьма любопытны, для подтвержденія этого, хотя бы личные воспоминанія Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, гдѣ онъ говоритъ объ увлеченіи молодежи «Историческими письмами». «Для самого автора (т. е. Лаврова. П. В—а), это было *полной неожиданностью*, — пишетъ Овсяннико-Куликовскій. — Помнится въ 70-хъ годахъ онъ (т. е. Лавровъ. П. В—а) говорилъ мнѣ, что писалъ эти «письма» «между дѣломъ», больше — для заработка и не возлагалъ на нихъ особыхъ надеждъ ²⁾».

Изъ того факта, что «Историческія письма» были написаны Лавровымъ въ періодъ его ссылки въ вологодской губерніи, отнюдь нельзя дѣлать вывода, что именно съ этого момента онъ и вступилъ на путь социально-политической дѣятельности. За все время своей ссылки и въ первые два года своего пребыванія за границей, Лавровъ даже не зналъ о той громадной роли, которую играютъ среди русской молодежи его «Историческія письма». Даже въ 1872 г. Лавровъ, по его собственному признанію, *еще не зналъ* объ успѣхѣ своихъ «писемъ» ³⁾. Всѣмъ этимъ и объясняется то обстоятельство, что Лавровъ, какъ онъ самъ пишетъ, «былъ вовсе не приготовленъ къ неожиданности, что изъ Россіи явятся къ нему делегаты съ предложеніемъ составить программу революціоннаго изданія и руководить имъ» ⁴⁾.

Изъ всего сказаннаго вполне ясно, что годы писанія Лавровымъ «Историческихъ писемъ» (1867—1868 г.г.) отнюдь не могли быть годами *сознательнаго приобщенія* къ социально-политической дѣятельности. Внутренняя эволюція Лаврова въ эту сторону, какъ мы увидимъ ниже, завершилась значительно позднѣе. И въ этомъ отношеніи «Историческія письма», какъ это ни парадоксально, своимъ рикошетнымъ вліяніемъ на молодежь, определили своего собственного автора чуть ли не на 3 года... Вотъ почему не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что «Историческія письма» не играли никакой роли въ личной жизни Лаврова во время его пребыванія въ ссылкѣ. Связывать же шумный успѣхъ этихъ «писемъ» съ бѣгствомъ Лаврова за границу отнюдь не приходится. Эти два факта въ біографіи Лаврова всегда останутся совершенно обособленными и оторванными другъ отъ друга.

Съ какого же момента своей жизни П. Л. Лавровъ приобщился къ социализму и окончательно связалъ съ нимъ свою жизнь? Моментъ писанія и появленія «Историческихъ писемъ» долженъ быть нами, на основаніи всего сказаннаго выше, оставленъ въ сторонѣ. Бѣгство Лаврова, вопреки общепринятому мнѣнію, также въ данномъ случаѣ не является искомою нами датой. Остается, слѣдовательно, учесть вліяніе на Лаврова заграничной жизни въ періодъ его эмиграціи. Быть можетъ, эмиграція съ первыхъ же дней заставила его отъ науки сразу перейти къ социализму? Быть можетъ, это «приобщеніе къ социализму» началось со дней знаменитой Парижской Коммуны (1871 г.), участникомъ которой былъ Лавровъ? Быть можетъ, рѣшающимъ моментомъ для Лаврова было вступленіе его въ Интернаціональ (секція Fèrnes), куда онъ былъ введенъ извѣстнымъ Варленомъ осенью 1870 года? Быть можетъ, на Лаврова оказала вліяніе могучая личность Карла Маркса, съ которымъ онъ впервые встрѣтился въ маѣ 1871 г. при своей

¹⁾ Подробно объ этомъ я уже писалъ въ своей брошюрѣ — «Ссылка Лаврова въ Вологодскую губ. и его занятія антропологіей», стр. 14.

²⁾ См. «Литературныя бесѣды», газета «Наша Жизнь», 1905 г., № 252.

³⁾ См. «Народники-Пропандисты», стр. 55.

⁴⁾ Ibidem, стр. 55.

поѣздѣ въ Лондонъ къ Генеральному Совѣту отъ имени Парижской Коммуны? Всѣ упоминаемые нами факты имѣли, конечно, громадное значеніе въ жизни Лаврова, но отнюдь не съ нихъ надо считать окончательное вступленіе Лаврова въ ряды социалистовъ.

По этому поводу мы имѣемъ крайне интересное и характерное признаніе самого Лаврова. Въ своей рѣчи, во время празднованія его 75-лѣтія, Лавровъ въ отвѣтъ на многочисленныя привѣтствія сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: *«Я игнорирую первые полеты моей жизни (курсивъ мой, П. В—еъ) и говорю себѣ: здѣсь русскіе социалисты пришли поздравить товарища съ тѣмъ, что тому 25 лѣтъ, какъ онъ ясно и опредѣленно (курсивъ мой, П. В—еъ) выступилъ въ рядахъ арміи социалистовъ; тому 25 лѣтъ группа русскихъ социалистовъ довѣрила ему руководство русскаго социалистическаго журнала. Будемъ считать мои годы не со дня случайнаго рожденія, а съ минуты моего вступленія въ ту армію (курсивъ мой, П. В—еъ), которой, какъ мы всѣ вѣримъ, предстоитъ завоевать міръ»*¹⁾. Эти слова были сказаны въ 1898 г., и если Лаврову было угодно заявить всему собранію, что въ этомъ году ему исполнилось всего только 25 лѣтъ, то, слѣдовательно, годъ социалистическаго рожденія его относится къ 1873 г. Въ это время Лавровъ, какъ извѣстно, выпустилъ первый томъ журнала «Впередъ!».

Изъ всего сказаннаго ясно, съ какого момента надо считать «минуту вступленія» Лаврова въ армію социализма. Оказывается, что только въ 1873 г. онъ «явно и опредѣленно» связалъ себя съ ней. Отсюда слѣдуетъ, что годы, предшествовавшіе журналу «Впередъ!», самъ Лавровъ въ отношеніи социализма считаетъ «не явными» и «неопредѣленными». Мало того, какъ социалистъ, онъ, попросту, *«игнорируетъ первые полеты своей жизни»*. Отсюда мы видимъ, что самъ Лавровъ оставляетъ за скобкой социализма и моментъ появленія «Историческихъ писемъ», и свое бѣгство изъ ссылки, и первые два года эмиграціи, и участіе въ Парижской Коммунѣ, и вступленіе въ Интернаціональ и даже знакомство съ Карломъ Марксомъ...

Мы никогда не можемъ сомнѣваться въ искренности заявленія Лаврова. Тотъ же біографическій матеріалъ, какой пока имѣется въ нашемъ распоряженіи, только подтверждаетъ признаніе Лаврова.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся прежде всего къ первымъ двумъ годамъ жизни Лаврова въ эмиграціи. Чѣмъ онъ занятъ? Что преобладаетъ въ его жизни? Исключительно—литературная работа и забота довести до конца, прерванныя арестомъ и ссылкой, научные труды. Очень хорошее подтвержденіе этого мы находимъ въ письмахъ Лаврова къ Штакеншнейдеръ. Такъ, въ письмѣ отъ 17 мая 1870 года, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ пріѣзда въ Парижъ, Лавровъ пишетъ: «здѣсь веду жизнь очень скромную, сталъ членомъ антропологическаго общества, шляюсь по библіотекамъ, которыя ниже, чѣмъ я ожидалъ. Едва-ли не придется мнѣ для нѣкихъ работъ ѣхать въ Германію»²⁾. И такъ, Лавровъ, ради нѣкоторыхъ научныхъ работъ, даже готовъ покинуть Парижъ. Вся же переписка его съ Штакеншнейдеръ заключается въ себѣ, главнымъ образомъ, безконечныя просьбы прислать книги, устроить въ журналахъ его статьи, навести тѣ или нѣкоторыя литературныя справки и т. п. Въ письмѣ къ своему сыну, написанному на 5-мъ мѣсяцѣ эмиграціи, Лавровъ заявляетъ вполне опредѣленно: «въ настоящую минуту продолженіе моихъ научныхъ трудовъ составляетъ главную и едва ли не единственную (курсивъ мой, П. В—еъ) цѣль моихъ занятій».

¹⁾ См. брошюру Лаврова, «Изъ рукописей девяностыхъ годовъ», Женева, 1899 г., стр. 41.

²⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 107—108.

Мы уже знаемъ, что Лавровъ покинулъ самовольно вологодскую губернію только ради науки. И дѣйствительно; сейчасъ же по своему приездѣ въ Парижъ, Лавровъ цѣликомъ уходитъ въ научныя работы. 21-го апрѣля 1870 г. онъ становится дѣйствительнымъ членомъ Парижскаго Антропологическаго Общества ¹⁾. Здѣсь онъ дѣятельно работаетъ, выступая съ самостоятельными рефератами и принимая участіе въ преніяхъ на общихъ собраніяхъ Общества ²⁾. Благодаря своему участію въ названномъ обществѣ, Лавровъ довольно близко сошелся съ извѣстнымъ антропологомъ Брока и былъ приглашенъ послѣднимъ въ составъ редакціи журнала «Revue d'anthropologie» для обзоровъ русокихъ и нѣмецкихъ журналовъ и отчетовъ книгъ ³⁾.

Всего сказаннаго болѣе чѣмъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ далеко былъ Лавровъ отъ социализма въ первые годы своей эмиграціи.

Занимаясь за границей чистой наукой Лавровъ еще продолжалъ искренно вѣрить, что онъ сможетъ вернуться въ Россію. Объ этомъ намъ вполне опредѣленно свидѣлствуютъ воспоминанія М. П. Сажина. Такъ, въ 1870 г. Лавровъ, отказываясь отъ участія съ Бакунинымъ въ предполагаемомъ тогда заграничномъ журналѣ, заявилъ Сагину, что онъ «не смеетъ окончательно всѣхъ своихъ кораблей» и что у него «есть еще надежда вернуться въ Россію». Мало того, онъ тогда былъ даже увѣренъ, что русское правительство само «вернетъ его на родину» ⁴⁾. Объ этой надеждѣ Лаврова говоритъ и Г. А. Лопатинъ. «По началу Лавровъ въ Парижѣ,—пишетъ онъ,—продолжалъ надѣяться на скорое наступленіе въ Россію лучшихъ временъ и на возможность возвращенія на родину» ⁵⁾. Въ письмѣ къ сыну мы также видимъ эту готовность Лаврова вернуться въ Россію. «Я бы готовъ былъ,—пишетъ онъ ему,—вернуться въ Россію, если бы мнѣ дозволили спокойно «жить въ Петербургѣ и заниматься тамъ наукою».

Идея научной работы за границей и связанная съ ней надежда Лаврова на возвращеніе въ Россію, не покидали его, по крайней мѣрѣ, 2 года съ момента его эмиграціи. Только въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года Лавровъ принужденъ былъ придти, наконецъ, къ выводу, что на возвращеніе въ Россію для него нѣтъ надежды ⁶⁾. Подобный неутѣшительный выводъ, несомнѣнно,

¹⁾ См. списокъ членовъ Общества въ «Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris», Tome VI, 2-e série, Paris 1871, XXIII.

²⁾ Намъ извѣстны 4 реферата Лаврова: 1) «Sur les travaux anthropologiques de la société des naturalistes de Moscou» въ засѣданіи 12 сентября 1871 г. (см. «Bulletins», Tome VI, 2-e série, 1871 г., 176—178); 2) «L'idée du progrès dans l'anthropologie» въ засѣданіи 1 февраля 1872 г. (см. «Bulletins», Tome VII, 2-e série, 1872, 172—201); 3) «Sur l'idée du progrès dans l'anthropologie». Réponse à M. Pellarin въ засѣданіи 18 апрѣля 1872 г. (Ibidem, стр. 535—580); 4) «Sur l'adoration des lacs et des cours d'eau, et sur les légendes de villes submergées» въ засѣданіи 18 мая 1872 г. (Ibidem, стр. 594—601). Въ томъ же VII томѣ «Бюллетеня» имѣются указанія на участіе Лаврова въ общихъ преніяхъ (См. стр. 485—487, 515—516 и 533) и на критику рефератовъ Лаврова г. Пеллареномъ (стр. 444—485 и 575—577).

³⁾ См. по этому поводу письмо Лаврова къ Штакеншнейдеръ («Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 138 и 139). При обследованіи нами названнаго журнала мы нашли всего 3 небольшія замѣтки (см. «Revue d'anthropologie», Tome I, Paris, 1872, 137—142, 490—491, 531—536). Дальнѣйшее участіе Лаврова въ этомъ журналѣ оборвалось съ его переѣздомъ въ Цюрихъ и подготовкой изданія «Впередъ» (конецъ 1872 г.).

⁴⁾ См. «Голосъ Минувшаго» 1915 г., № 10, стр. 124.

⁵⁾ См. Лопатинъ «Къ рассказамъ о Лавровѣ», «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 4, стр. 198.

⁶⁾ См. «Народники-пропагандисты», 1907 г., стр. 56. Такое же заявленіе Лаврова мы встрѣчаемъ также въ одномъ изъ его писемъ къ Штакеншнейдеръ, датированномъ 23-11 июля 1872 г. (См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 9, стр. 129).

если не убивалъ, то въ значительной степени подрывалъ идею заграничнаго пребыванія вдали отъ родины, только ради чисто научныхъ работъ.

Къ послѣднему выводу Лавровъ пришелъ, какъ видимъ, не сразу, а путемъ цѣлаго ряда тяжелыхъ переживаній и испытаній. Матеріальная нужда, въ которой находился Лавровъ въ эмиграціи, на что имѣется не мало указаній въ его перепискѣ съ Штакенштейндеръ ¹⁾, тоска по Россіи, оторванность отъ семьи и дѣтей, общія условія жизни эмигранта, политика русскаго правительства, окончателно ставшаго на пути репрессій и безпросвѣтной реакціи,—все это постепенно убивало и идею научной работы за границей, и наивную вѣру Лаврова въ возвращеніе въ Россію, властно заставляя его эволюционировать отъ чистой науки въ сторону социализма и активной борьбы съ русскимъ царизмомъ ²⁾.

Какую же роль въ этой эволюціи Лаврова играла Парижская Коммуна 1871 г.? Мы имѣемъ всѣ данныя, чтобы предполагать, что это событіе изъ заграничной жизни Лаврова болѣе, чѣмъ какое-либо другое, содѣйствовало его приобщенію къ социализму.

Какъ извѣстно, Лавровъ принялъ участіе въ коммуны и поддерживалъ связи съ цѣлымъ рядомъ видныхъ коммунаровъ. Правда, его фактическое участіе въ коммуны было не велико. Какъ ученый и теоретикъ, Лавровъ не былъ приспособленъ къ революціонной борьбѣ, которую вела Парижская Коммуна. Все-таки онъ предложилъ коммунарамъ черезъ извѣстнаго Варлена свои услуги «по организаціи школъ и вообще учебной части» ³⁾. Но въ той судорожной и отчаянной борьбѣ, которую вела тогда коммуна, было, конечно, не до школъ. И Лавровъ очень скоро почувствовалъ свою безпомощность оказывать активную помощь коммунарамъ. Тогда онъ рѣшилъ ѣхать въ Бельгію и Лондонъ, чтобы тамъ искать поддержки коммуны у Генеральнаго Совѣта Интернаціонала. Въ своемъ письмѣ изъ Лондона (5 мая 1871 г.) Лавровъ говоритъ Штакенштейндеръ о тѣхъ мотивахъ, которые заставили его такъ поступить. «Я надѣялся,—пишетъ онъ,—быть болѣе полезнымъ моимъ тамошнимъ пріятелямъ, находясь здѣсь (т. е. въ Лондонѣ. П. В.—еъ) съ перомъ въ рукѣ, чѣмъ тамъ, гдѣ приходилось взять въ руки лишь пистолетъ, что не совсѣмъ въ моемъ характерѣ» ⁴⁾. Буквально тоже самое Лавровъ заявилъ и М. П. Сажину передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа. «Помощи оказывать коммунарамъ я вообще не могу,—говорилъ онъ,—такъ какъ я человѣкъ науки. Гораздо больше я могу сдѣлать перомъ для нихъ въ Лондонѣ» ⁵⁾. Покидая Парижъ, Лавровъ, тѣмъ не менѣе, искренно сожалѣлъ, что лишенъ этимъ возможности участвовать непосредственно въ коммуны. «Я очень сожалѣю,—пишетъ онъ Штакенштейндеръ,—что слишкомъ кратковременныя сношенія съ вліятельными людьми настоящаго

¹⁾ Всѣ письма Лаврова буквально заполнены просьбами ускорить высылку денегъ, подыскать ему литературную работу и т. п. (см. «Голосъ Минувшаго» 1916 г. № 7—8, стр. 108, 113, 115, 116, 118, 120, 121—123, 127, 128 и 137; № 9, стр. 115, 122, 124, 129 и 131) «Мое положеніе чрезвычайно шатко, дѣла денежные болѣе разстроены, чѣмъ я могъ думать,—пишетъ Лавровъ.—Тяжело мнѣ чувствовать, что я теперь вкушаю самую горькую сторону жизни эмигранта, жизнь подачками, когда я могу и хочу работать».

²⁾ Отдѣльные моменты этой эволюціи читатели найдутъ въ воспоминаніяхъ М. П. Сажина, проникнутыхъ, впрочемъ, значительной долей пристрастія къ Лаврову (см. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10). Извѣстный коррективъ къ нимъ данъ Г. А. Лопатынымъ (см. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 4), который, однако, не отрицаетъ самой эволюціи (Ibidem, стр. 196—197 и 198).

³⁾ См. Н. С. Русановъ «Соціалисты Запада и Россіи», стр. 232—233.

⁴⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 125.

⁵⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 125.

движенія не позволяютъ мнѣ участвовать достаточно энергически и достаточно полезно въ этомъ движеніи»¹⁾.

Въ воспоминаніяхъ Сажина имѣется крайне характерная фраза Лаврова, сказанная имъ наканунѣ своего отъѣзда въ Лондонъ. «Я твердо рѣшилъ,—заявилъ онъ,—выѣхать въ Лондонъ, ибо все здѣсь происходящее *не является моимъ дѣломъ въ тѣсномъ смыслѣ слова* (курсивъ мой. П. В.—с)»²⁾. Говоря такъ, Лавровъ былъ вполне искрененъ и послѣдователенъ. Не надо забывать, что событія Парижской Коммуны застали Лаврова врасплохъ за чисто научными и литературными работами, которыя въ то время и составляли главную дѣль его пребыванія за границей. Соціалистомъ Лавровъ въ то время еще не былъ, а только начиналъ ему сочувствовать и эволюционировать въ его сторону. Вотъ почему коммуна не могла быть его дѣломъ «въ тѣсномъ смыслѣ слова». Участіе въ ней Лаврова носило скорѣе *эпизодическій* характеръ, но не было *органическимъ*, тѣсно связаннымъ со всей его личной жизнью, со всѣми его тогдашними стремленіями и убѣжденіями... Съ другой стороны, сказанная Лавровымъ фраза могла относиться и къ его положенію среди коммунаровъ. Ему, какъ мы уже говорили выше, оставалось, по его собственнымъ словамъ, «взять лишь въ руки штурцеръ». А это совершенно не соответствовало всему духовному складу Лаврова и ни въ коемъ случаѣ не могло явиться «его дѣломъ»...

У насъ имѣются чуть ли не документальныя данныя о томъ вліяніи, какое оказала на Лаврова Парижская Коммуна. Это—его письма къ Штакеншнейдеръ, писанныя въ самый разгаръ событій. И изъ нихъ мы видимъ, что когда передъ Лавровымъ развернулись грандіозныя событія Парижской Коммуны, онъ проявилъ не только сочувствіе къ нимъ и живой интересъ, но выказалъ глубокое пониманіе ихъ и сумѣлъ дать имъ замѣчательную *историческую оцѣнку*. «Въ настоящую минуту мнѣ тяжело было бы уѣзжать изъ Парижа,—пишетъ Лавровъ (въ мартѣ 1871 г.) наканунѣ своего отъѣзда въ Лондонъ,—уже и потому, что здѣсь началось движеніе, *которое имѣетъ громаднѣйшій интересъ* (курсивъ мой. П. В.—с). Въ первый разъ на политической сценѣ не честолюбцы, не болтуны, а люди труда, люди настоящаго народа... *Я очень сочувствую этой партіи* (курсивъ мой. П. В.—с) и единственные здѣшнія связи мои, весьма незначительныя впрочемъ, въ этомъ кругу»³⁾. Особый же интересъ имѣетъ общая оцѣнка коммуны, данная Лавровымъ. Она замѣчательна тѣмъ, что писана имъ въ самый разгаръ борьбы коммуны за свою независимость. «Борьба Парижа,—пишетъ Лавровъ 5-го мая,—въ настоящую минуту—борьба историческая, и онъ дѣйствительно находится теперь въ первомъ ряду человѣчества. Если бы ему удалось отстоять себя, это бы подвинуло исторію значительно впередъ, но если онъ и падетъ, если реакція восторжествуетъ, идеи, засвидѣтельствованныя нѣсколькими неизвѣстными людьми, вышедшими изъ народа, настоящаго народа, и ставшими во главѣ управленія, эти идеи не умрутъ»⁴⁾... А черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ коммуны у Лаврова срываются замѣчательныя слова, которыя могутъ смѣло явиться красивѣйшей эпитафіей на памятникъ борцамъ Парижской Коммуны. «Для тѣхъ,—пишетъ онъ Штакеншнейдеръ,—кто истинно желаетъ прогресса человѣчеству, кто знаетъ, что лишь на пути социальнаго переворота этотъ прогрессъ въ настоящемъ возможенъ, кто

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 125.

²⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 126.

³⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 123, 124. Тотъ же интересъ къ коммуны, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, высказалъ Лавровъ въ бесѣдѣ съ Сажиннымъ (См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 125).

⁴⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 125.

привыкъ всматриваться глубже въ ходъ исторіи и не пугается нѣкотораго количества крови и гноя, которые текутъ подъ ея ланцетомъ пѣтъ ранъ чело-вѣчества, для того Парижская Коммуна—одно пѣтъ замѣчательнѣйшихъ явленій исторіи... И свое письмо Лавровъ заключаетъ слѣдующими проро-ческими словами: «Парижская Коммуна 1871 г. будетъ важною эпохою чело-вѣческаго движенія, и эта дата не забудется»¹⁾...

Не подлежитъ сомнѣнію, что Коммуна оставила на Лавровѣ глубокий слѣдъ. «18 марта 1871 г.»—явилось для Лаврова тѣмъ днемъ, съ котораго начала зарождаться его связь съ социализмомъ. И то обстоятельство, что Лавровъ шелъ къ социализму *черезъ коммуны* наложило особый отпечатокъ на все его послѣдующее социалистическое credo, развивавшееся въ послѣдствіи на страницахъ журнала и газеты «Впередъ!». Тотъ глубоко социальный характеръ Парижской Коммуны, та атмосфера аполитичности, которой было окружено это движеніе, окрасили собою особымъ оттѣнкомъ все социалисти-ческое мировоззрѣніе Лаврова и, несомнѣнно, отразились на программѣ «Впередъ!». Пересмотрите всѣ письма Лаврова послѣ коммуны и вы прежде всего поразитесь тѣмъ отвращеніемъ и ненавистью къ «политикѣ», какія стать проявлять Лавровъ послѣ 18 марта 1871 г. «Все въ политикѣ такъ от-вратительно, что лучше не говорить!»—вослицаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Штакенинштейнеръ²⁾. Обратите вниманіе на тѣ вѣстельные эпитеты, которыми награждаетъ Лавровъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей: «фра-зеръ Гюго», «пустой говорунъ Луи-Бланъ», «интригантъ Гамбетта», а всѣ они въ цѣломъ—«фразеры радикализма»³⁾. Мало того, во время выборовъ въ коммуны, Лавровъ приходитъ даже къ отрицанію вообще парламентскихъ выборныхъ органовъ. «Мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—что всѣ эти законные органы, всѣ эти депутаты Парижа и мэры его, могутъ только портить, по-тому что все это рутинеры, говорунъ, трусы, все это извѣдено гнилью»⁴⁾.

И такъ, фактъ на лицо: событія коммуны впустили Лаврову отвращеніе ко всей парламентской и вообще политической дѣятельности и заставили его придать первенствующее значеніе социальнымъ вопросамъ. «Революція 1871 г.—пишетъ онъ,—не была социальной революціей, но она была при-ближеніемъ къ ней. Это ея неизмѣнная заслуга, и поэтому я считаю ее важ-ною эпохою въ исторіи»⁵⁾. Именно въ томъ фактѣ, что Лавровъ пришелъ къ социализму черезъ коммуны и надо искать генезиса той аполитичности и той глубоко социальной окраски, которыми была такъ проникнута про-грамма журнала «Впередъ!»...

Вслѣдствіи въ своей книгѣ о Парижской Коммунѣ («18 марта 1871 г.»), написанной въ 1879 г., Лавровъ особенно подчеркивать ея вліяніе на русское социалистическое движеніе и дѣлать даже попытку установить связь между событиями коммуны и возрожденіемъ русскаго социализма. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой попыткѣ и въ этомъ подчеркиваніи сказались личные переживанія Лаврова. «Для меня лично (курсивъ мой. П. В.—с),—пишетъ онъ, затѣмъ,—сотни мелкихъ фактовъ и впечатлѣній сливаются въ несомнѣнно-убѣжденіе, что эта связь существуетъ и что русское социалистическое движе-ніе 1873 и слѣдующихъ годовъ было косвенно вызвано впечатлѣніемъ.

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 131, 135 и 136. Письмо дати-ровано 10-22 октября 1871 г.

²⁾ Такихъ мѣстъ въ письмахъ очень много. См., напримеръ, «Голосъ Минув-шаго» 1916 г., № 7—8, стр. 132, 138; № 9, стр. 115 и 121.

³⁾ См. «Голосъ Минувшаго» 1916 г., № 7—8, стр. 135; № 9, стр. 128.

⁴⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 122.

⁵⁾ См. «Гол. Минувшаго», 1916 г., № 9, стр. 127.

произведенным и на русскія умы событіями Парижской Коммуны¹⁾ Только тогда, когда мы учтемъ полностью все вліяніе коммуны на Лаврова мы поймемъ, почему онъ отъ умѣренно-либеральныхъ взглядовъ конца 60-хъ годовъ и мирной научной работы за границей вдругъ сразу перешелъ къ непримиримой социальной проповѣди на страницахъ журнала «Впередъ!».

Несмотря на столь громадное вліяніе на Лаврова Парижской Коммуны, отнюдь нельзя это время считать окончательнымъ приобщеніемъ его къ социализму. Коммуна являлась для него лишь однимъ изъ этаповъ (хотя бы изъ самыхъ значительныхъ) на пути къ социализму. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Лавровъ послѣ коммуны бросилъ научную работу и занялся социалистической дѣятельностью? Отнюдь нѣтъ. Изъ писемъ Лаврова въ Штакенштейндеръ мы знаемъ, что по своему возвращеніи въ Парижъ (іюль 1871 г.) онъ по прежнему дѣлкомъ ушелъ въ свои чисто научныя и кабинетныя работы, прерванныя бурными событіями Парижской Коммуны. «Работаю много и разнообразно,—пишетъ онъ ей,—и падѣюсь работать и еще сплывѣе, и еще разнообразнѣе. Что же больше и дѣлать!»²⁾. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и послѣ коммуны идея научной работы не покидаетъ еще Лаврова и онъ остается вѣрныи своимъ прежнимъ намереніямъ.

Событія Парижской Коммуны имѣли еще другое важное значеніе въ жизни Лаврова. Благодаря имъ, онъ познакомился съ Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ во время своей поѣздки въ Бельгію, а затѣмъ въ Лондонъ съ цѣлью найти поддержку для Коммуны въ федеральномъ бельгійскомъ совѣтѣ и Генеральномъ Совѣтѣ I Интернационала. Эта же поѣздка дала Лаврову возможность близко узнать Интернационалъ и его тогдашнихъ руководителей³⁾.

Какъ извѣстно, міропозрѣніе Маркса оставило на Лавровѣ громадный, неизгладимый слѣдъ. Въ своей автобіографіи Лавровъ прямо заявляетъ, что признаетъ *себя ученикомъ Маркса съ тѣхъ поръ, какъ ознакомился съ его теоріей*⁴⁾. И это вліяніе Маркса можно прослѣдить во многихъ работахъ Лаврова, не исключая и самыхъ послѣднихъ⁵⁾. Но не надо забывать, что первая встрѣча Лаврова съ Марксомъ и Энгельсомъ въ Лондонѣ была слишкомъ кратковременна, чтобы онъ могъ именно съ этого момента стать вѣрнымъ адептомъ социализма. Лавровъ самъ сознается, что сблизился съ ними *въ послѣдующіе годы*⁶⁾. Это сближеніе началось уже съ марта 1874 г., когда Лавровъ перенесъ типографію и редакцію журнала «Впередъ!» въ Лондонъ. Все-таки, не можетъ подлежать сомнѣнію, что встрѣча Лаврова съ Марксомъ и связанное съ этимъ ознакомленіе съ его идеями не могли не отразиться на той эволюціи къ социализму, которую въ то время переживалъ Лавровъ. Эта эволюція «черезъ Маркса» сказалась самымъ сильнымъ образомъ на программѣ журнала «Впередъ!». Уже въ I томѣ можно найти не мало слѣ-

¹⁾ См. «Парижская Коммуна». Изд. Т-ства «Колосъ», 1919 г., стр. 208.

²⁾ См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 120.

³⁾ Есть основанія предполагать, что Лавровъ въ это время познакомился также съ извѣстнымъ бельгійскимъ социалистомъ Цезаремъ-де-Напомъ, игравшимъ громадную роль въ жизни I Интернационала, съ которымъ въ періодъ редактированія журнала «Впередъ!» находился въ перепискѣ (см. «Впередъ!», т. III, 1874 г., Отд. III, стр. 80).

⁴⁾ См. «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 11, стр. 90.

⁵⁾ См. напримѣръ, его книгу «Задачи пониманія исторіи», выпущенную въ 1898 г., т. е. за два года до смерти Лаврова (2-ое изд. 1903 г., стр. 48), а также «Историческія письма», Спб., 1906 г., стр. 329 и 345 и «Переживанія доисторическаго періода», Женева, 1898 г., стр. 30. Отношеніе Лаврова къ Марксу дало поводъ П. Кропоткину причислить Лаврова къ «соціаль-демократамъ», а Н. С. Русанову обвинить его даже въ «электинизмъ».

⁶⁾ См. «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 10, стр. 102.

довъ вліянія «марксизма» съ его выдвиганіемъ на первый планъ экономическихъ отношеній.

Наряду съ Парижской Коммуной былъ еще одинъ могучій факторъ на пути Лаврова къ социализму. Мы разумѣемъ Интернаціональ. Эмиграція Лаврова совпала съ расцвѣтомъ въ дѣятельности Интернаціонала съ его наивысшей кульминаціей. И то обстоятельство, что социализмъ Лаврова слагался въ періодъ наиболѣе активной дѣятельности I Интернаціонала, внесло свою особую страницу во все его мировоззрѣніе. Мы знаемъ, что Лавровъ вступилъ въ Интернаціональ еще осенью 1870 г. Это былъ первый годъ его эмиграціи, когда Лавровъ былъ всадѣло поглощенъ идеей научной работы. И, конечно, не съ этой даты надо начинать считать фактическое вступленіе его въ ряды социалистовъ. Вступленіе Лаврова тогда въ Интернаціональ говорило только о его чисто теоретическомъ сочувствіи этому движенію. Но уже этотъ шагъ былъ весьма характернымъ для Лаврова.

Близко къ Интернаціоналу Лавровъ подошелъ, какъ мы видѣли, въ связи съ Парижской Коммуной. И уже то обстоятельство, что Лавровъ надѣялся найти въ немъ *дѣйствительную помощь* для коммунистовъ, довольно опредѣленно говорить о томъ, какъ Лавровъ смотрѣлъ тогда на Интернаціональ и какъ оценивалъ его силу и удѣльный вѣсъ. Повидимому, грандіозная мощь этого движенія особенно сильно отразилась на Лавровѣ въ періодъ его эволюціи отъ науки къ социализму. Впослѣдствіи Лавровъ самъ въ автобіографіи подвелъ итоги тому вліянію, какое оказалъ на него Интернаціональ. «Появленіе Интернаціонала,—пишетъ онъ,—и знакомство съ нимъ убѣдило его (т. е. Лаврова. П. В—а), во-первыхъ, въ существованіи реальной почвы для социальнаго переворота, во-вторыхъ—въ существованіи непримиримой борьбы классовыхъ интересовъ¹⁾.

Наглядное доказательство вліянія Интернаціонала на Лаврова можно найти въ «Впередѣ». Вопросы Интернаціонала здѣсь было отведено особенно много мѣста. И Лавровъ былъ вполне правъ, когда впослѣдствіи писалъ, что «интернаціональный элементъ социализма ни на минуту (курсивъ мой. П. В—а) не упускался изъ виду въ этомъ органѣ и что его, какъ редактора, можно упрекать въ слишкомъ большой долѣ, отведенной этому элементу во «Впередѣ»²⁾.

Мы подробно остановились на всѣхъ этапахъ, черезъ которые шелъ Лавровъ на своемъ пути къ социализму. Намъ теперь остается рассмотреть самый интересный моментъ въ жизни Лаврова—какимъ образомъ совершился *окончательный переходъ* его въ ряды социалистовъ? Какіе факты изъ его біографіи имѣли *рѣшающее* значеніе въ эту послѣднюю минуту? Являлись ли они результатомъ чисто *внутренней* эволюціи Лаврова или они пришли *со стороны*, совершенно неожиданно для него самого?

На основаніи имѣющагося у насъ матеріала, мы можемъ вполне опредѣленно заключить, что рѣшающую роль здѣсь сыграли *два новыхъ факта* въ жизни Лаврова, которые совершенно неожиданно ворвались въ его жизнь и властно заставили его завершить свою эволюцію въ сторону социализма. Это—прежде всего неожиданное предложеніе изъ Россіи издавать за границей журналъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года и затѣмъ смерть А. П. Чаплицкой.

¹⁾ См. «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 11, стр. 99.

²⁾ См. «Народники-пропагандисты», Спб., 1907 г., стр. 99. Самъ Лавровъ, какъ это теперь удалось установить, посвящалъ Интернаціоналу каждую 1-ю главу отдѣла «Лѣтопись рабочаго движенія» въ первыхъ трехъ книжкахъ журнала «Впередъ!». Всѣ эти главы, сведенныя во едино, изда ны Т-вомъ «Колосья» подъ заглавіемъ «Очерки по исторіи Интернаціонала». Петроградъ, 1919 г.

Мы уже знаемъ, что все прошлое Лаврова и въ коемъ случаѣ не могло приготовить его къ этому крайне неожиданному и внезапному для него предложению. Въ этомъ воплѣ откровенно сознается самъ Лавровъ. «Убѣждая за границу и до самаго марта 1872 г., я оставался въ полномъ убѣжденіи, — пишетъ онъ, — что мое участіе въ революціонномъ движеніи въ Россіи неизбежно и навсегда ограничится лишь кое-какимъ литературнымъ сотрудничествомъ въ подпольной литературѣ, но что руководство какой-либо отрасли этой литературы никогда не можетъ перейти въ мои руки» (курсивъ мой. П. В—ва)¹⁾. Не подлежить и малѣйшему сомнѣнію, что не было и не могло быть знака равенства между этимъ фактомъ и всѣмъ тогдашнимъ психологическимъ настроеніемъ Лаврова, погруженнаго въ научныя работы. На этотъ счетъ мы имѣемъ весьма цѣнные въ біографическомъ отношеніи признанія самого Лаврова въ его письмахъ къ Штакеншнейдеръ. «Не ябросился въ бой, — пишетъ онъ ей по поводу назанія журнала «Впередъ!», — я не считалъ себя нужнымъ; я думалъ, что на меня смотрятъ, какъ на нѣчто почтенное, но къ практическимъ дѣламъ непригодное. Когда же меня вызвали, когда ко мнѣ пришли изъ той страны, которой единственно я могу служить съ пользою, когда мнѣ сказали: мы надѣемся на Васъ и на Васъ однихъ, то я не имѣлъ права отказаться, хотя и весьма скептически относился ко всему дѣлу, хотя тогда (въ мартѣ 1872 г. П. В—ва) я имѣлъ и личную жизнь²⁾, крѣпко сросшуюся со мною, хотя я зналъ, что много непріятностей, разстройствъ въ этой жизни и разстройствъ матеріальныхъ принесетъ рѣшимость моя. Я чувствовалъ, что я долженъ идти и пошелъ, не колеблясь³⁾. И такъ, не самъ Лавровъ первый пошелъ въ эту сторону, а его столкнули сюда навнѣ.

Надо отмѣтить, что, принимая предложеніе руководить журналомъ, Лавровъ самъ отнюдь не смотрѣлъ тогда (мартъ 1872 г.) на этотъ шагъ, какъ на начало революціонно-соціалистической дѣятельности. Онъ предполагалъ, что это предложеніе исходитъ отъ «представителей радикальной литературы», которыхъ русская реакція принудила имѣть свой нелегальный органъ печати для «литературной и политической борьбы». Но такъ какъ никто изъ нихъ не желаетъ ради этого «бросить Россію и отрѣзать себѣ пути возвращенія въ нее», то они и предлагаютъ ему стать во главѣ этого литературнаго органа. «Они обращаются ко мнѣ, потому что я уже (курсивъ самого Лаврова. П. В—ва) отрѣзалъ себѣ путь возвращенія на родину, — предполагалъ тогда Лавровъ, — и видятъ во мнѣ лишь литератора, въ сущности, не расходящагося съ ними въ оппозиціи существующимъ порядкамъ, и, можетъ быть, способнаго литературно вести новый органъ»⁴⁾. Давая явившимся къ нему представителямъ свое согласіе стать во главѣ этого журнала и набрасывая въ мартѣ 1872 г. проектъ программы новаго органа, Лавровъ, по его собственнымъ словамъ, принималъ въ соображеніе исключительно «ту растущую силу литературно-политической оппозиціи», которая, по его предположеніямъ, «образовалась въ Россіи за послѣдніе два года»⁵⁾. Изъ сказаннаго воплѣ ясно, какъ Лавровъ самъ смотрѣлъ на свой шагъ и какого рода дѣятельность онъ связывалъ съ нимъ. Рѣшимость Лаврова стать за границей во главѣ «литературно-политической оппозиціи» воплѣ понятна и объяснима. Въ это время, какъ мы уже видѣли, Лавровъ пришелъ къ убѣжденію, что ему нечего ждать, что русское правительство «вернетъ»

¹⁾ См. «Народники-пропагандисты», Спб., 1907 г., стр. 55.

²⁾ Лавровъ имѣлъ въ виду Чаплицкую, которая въ то время еще была жива.

³⁾ См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 135. Курсивъ въ этой цитатѣ вездѣ мой.

⁴⁾ См. «Народники-пропагандисты», стр. 56.

⁵⁾ Ibidem, стр. 57.

его само въ Россію. Онъ долженъ былъ признать, наконецъ, что ему *уже отрезанъ* путь возвращенія на родину. При наличіи этихъ условій у Лаврова не было основанія отказываться отъ участія въ нелегальномъ заграничномъ органѣ. Веди переговоры съ представителями этого журнала. Лавровъ допускалъ, между прочимъ, и свой отказъ отъ участія въ немъ, если его предположенія окажутся невѣрными или «ошибочными». «Я говорилъ себѣ,—вспоминать впоследствии Лавровъ,—что... если мои предположенія о литературно-политической организаціи и о «растущей силѣ» въ Россіи окажутся ошибочны, то дѣло ограничится проектомъ программы, и ничто не обязываетъ меня вести его далѣе»¹⁾.

Осенью 1872 г. выяснилось, что всѣ расчеты Лаврова оказались не только «ошибочными», но, по собственнымъ его словамъ, «совершенно фантастическими». Выяснилось, что «растущая сила» имѣется не среди литературныхъ радикаловъ, какъ думалъ раньше Лавровъ, а среди революціонной молодежи, отъ которой и исходило предложеніе организовать заграничный органъ. «Предо мною,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Лавровъ,—ставился вопросъ: не слѣдуетъ ли, не обязательно ли мнѣ содѣйствовать, насколько хватитъ способностей, этой новой «растущей силѣ», развивая ее въ томъ направленіи, которое мнѣ казалось наиболее правильнымъ?... Вотъ тотъ роковой вопросъ, который всталъ предъ Лавровымъ и отъ рѣшенія котораго зависѣла вся его дальнѣйшая жизнь, всѣ его стремленія и желанія. Мы не знаемъ, какой бы отвѣтъ далъ на него Лавровъ въ другое время. Въ тотъ же исключительный моментъ своей личной жизни, какой переживалъ онъ тогда, ему ничего не оставалось, какъ отвѣтить на него положительно. Рѣшающую роль здѣсь, несомнѣнно, сыграла смерть А. П. Чаплицкой. Лавровъ самъ сознается въ этомъ, не называя впрочемъ имени Чаплицкой. «Нѣкоторыя совершенно личные обстоятельства (курсивъ мой. П. В.—вз),—пишетъ онъ,—вызвали именно въ эту эпоху во мнѣ склонность принять участіе въ движеніи, которое мнѣ рисовали словесно и письменно, какъ возможное»²⁾. Какія же это «личные обстоятельства» имѣли въ это время столь важное значеніе въ жизни Лаврова? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ—смерть Чаплицкой.

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этой личности. А между тѣмъ, роль и значеніе Чаплицкой въ жизни Лаврова столь громадны, что, не имѣя о ней свѣдѣній, почти невозможно написать его біографію. Единственно, что имѣется о ней въ русской печати, это небольшія бѣглыя упоминанія въ воспоминаніяхъ М. П. Сажина, который *спервымъ* произнесъ ея имя въ связи съ П. М. Лавровымъ. Изъ этихъ воспоминаній мы знаемъ, что Чаплицкая за польское возстаніе была выслана въ вологодскую губ. въ г. Тотму, гдѣ въ это время находился и Лавровъ. Последній близко сошелся съ ней, горячо полюбилъ ее и жилъ съ ней гражданскимъ бракомъ за все время своей ссылки въ г. Тотмѣ³⁾. Въ 1869 г. Чаплицкая бѣжала за границу въ Парижъ, что, повидимому, было сдѣлано по взаимному согласенію съ Лавровымъ. Есть основанія предполагать, что и Лавровъ въ томъ же году собирался бѣжать изъ вологодской губерніи и только цѣлый рядъ случайныхъ обстоятельствъ задержалъ это бѣгство⁴⁾. Въ Парижѣ Лавровъ опять сошелся съ Чаплицкой и жилъ съ ней въ теченіи 1870 и 71 гг. 1872 г. Чаплицкая сильно заболѣла и умерла, по свидѣтельству Са-

¹⁾ Ibidem, стр. 57.

²⁾ См. «Народники-пропагандисты», стр. 58.

³⁾ См. «Гол. Мнѣя», 1915 г., № 10, стр. 116—117.

⁴⁾ См. по этому поводу мою брошюру «Ссылка Лаврова въ Вологодскую губернію и его занятія антропологіей». Вологда, 1915 г., стр. 13 и 14.

жива, въ Брюссель. Точная дата этой смерти намъ пока не известна. Можно только предполагать, на основаніи писемъ Лаврова къ Штакенштейндеръ, что это произошло въ августъ-сентябрѣ 1872 г. ¹⁾).

Смерть Чаплицкой самое трагическое событіе въ жизни Лаврова. Она порвала у него всякія нити съ личной жизнью, опустошивъ ее, создавъ всѣмъ этимъ полную безцѣльность въ его научной дѣятельности. «Смерть близкаго и любимаго человѣка, каковой была для Лаврова Чаплицкая, страшно его потрясла,—свидѣтельствуетъ Сажинъ.—Ему, какъ онъ тогда рассказывать, была противна и вся жизнь, и вся его научная работа и дѣятельность» ²⁾).

Душевная драма Лаврова—со всѣми ея мучительными переживаніями развертывается предъ нами полностью въ послѣднихъ его восьми письмахъ къ Штакенштейндеръ ³⁾. Письма эти интереснѣйшій человѣческій документъ, лишій разъ свидѣтельствующій о томъ, какъ часто у самыхъ большихъ людей вся ихъ общественная и научная дѣятельность тѣсно зависитъ отъ ихъ личной жизни.

Умираетъ Чаплицкая. И вотъ Лавровъ, убѣжденнѣйшій рационалистъ, страстный проповѣдникъ критической мысли, поклонникъ точной науки, не допускающій никакой «слѣпой вѣры»,—впадаетъ вдругъ въ состояніе, очень близкое къ мистицизму. «Ужаснѣе всего улицы, гдѣ все углы полны воспоминаніями,—пишетъ Лавровъ.—Если бы я не очень уже выработать въ себѣ скептицизмъ и умственную критику, я совершенно увѣренъ, что сталъ бы теперь спиритистомъ и былъ бы гораздо болѣе счастливъ и доволенъ, чѣмъ теперь. Но для этого нельзя уступать единственнаго достоинства человѣка—трезвой мысли. А признаюсь иногда хотѣлось бы... Мы видимъ, что Лавровъ борется съ собою во имя своихъ убѣжденій, но все-таки, въ концѣ концовъ, ему приходится, быть можетъ, и безсознательно, а отъчасти данъ слѣпой вѣрѣ въ «бессмертность духовъ»... «Когда я разбираю,—признается Лавровъ,—то, что я чувствовать, думать и дѣлать эти 1½ мѣсяца, то сознаю, что поступалъ въ значительной доль такъ, какъ надо бы поступать, если бы я вѣрилъ въ бессмертныхъ духовъ или душъ, видящихъ насъ, слушающихъ насъ и могущихъ быть довольными или недовольными тѣмъ, что мы дѣлаемъ, могущихъ страдать или радоваться. А я очень хорошо знаю, что некому быть довольнымъ или недовольнымъ, опасаться или радоваться; знаю, что я самъ съ собою наединѣ балуюсь. Но поступаю, будто бы зналъ иное или вѣрилъ въ иное... Долго еще меня будутъ посѣщать призраки, но они поблѣднѣютъ, я это знаю; таковъ законъ природы» ⁴⁾... Изъ этого письма видимъ мы, какую душевную рану нанесла Лаврову смерть Чаплицкой и въ какомъ ужасномъ психическомъ состояніи онъ находился въ это время...

И вотъ въ эту наиболѣе трагическую минуту въ жизни Лаврова къ нему приходитъ призваніе отъ молодежи взять на себя редактированіе заграничнаго журнала. Предъ Лавровымъ встаетъ вопросъ о служебнѣи молодежи,

¹⁾ Въ письмахъ этихъ, относящихся къ 1872 г., имѣется перерывъ съ іюля по октябрь мѣсяца, причемъ первое же письмо Лаврова послѣ этого двухмѣсячнаго промежутка (22/10 октября) сразу говоритъ о какомъ то надрывѣ и трагедіи въ личной жизни. Повидимому, болѣзанъ Чаплицкой и ея смерть и были причиной этого перерыва въ перепискѣ Лаврова съ Штакенштейндеръ.

²⁾ См. «Гол. Мин.», 1915 г., № 10, стр. 121.

³⁾ Къ сожалѣнію, редакция «Гол. Минувшаго» по недосмотру или незнанію не снабдила эти письма соотвѣствующими примѣчаніемъ. Поэтому для читателей журнала совершенно непонятно, что случилось съ Лавровымъ и чѣмъ вызваны эти столь странныя письма.

⁴⁾ См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 132. Курьезъ всадъ въ питаніи мой.

новой «растущей силѣ». Ему начинаетъ казаться, что онъ «тутъ какъ будто дѣйствительно *нуженъ*» (курсивъ Лаврова. *П. В.—сз*), за неимѣніемъ другихъ болѣе компетентныхъ¹⁾. Трудно сказать, какъ рѣшилъ бы этотъ вопросъ Лавровъ въ другое время. Но въ эту минуту случилось *невольное совпаденіе* предложенія, идущаго навѣтъ съ психическимъ состояніемъ Лаврова, стоящаго на развалинахъ своей личной жизни. И мы знаемъ изъ автобіографіи Лаврова, что онъ *«съ радостью»* принялъ на себя обязанность социалистическаго пропагандизма въ Россіи, когда ему предложили редакцію «Впередъ!»²⁾

Такимъ образомъ, переломъ совершился. и Лавровъ отъ чистой науки перешелъ въ ряды активнаго социализма. Но постарайтесь приподнять теперь завѣсу надъ этимъ фактомъ въ жизни Лаврова, загляните въ его душу и вы увидите какимъ мучительнымъ путемъ Лавровъ пришелъ къ этому. Вы поймете тогда всю горечь той «радости», съ которой Лавровъ принялъ это предложеніе. Вы увидите тогда, что оно являлось для него буквально той соломинкой, за которую хватается утопающій...

Вотъ предъ вами дословная и подчасъ тяжелая исповѣдь самого Лаврова о томъ, почему онъ такъ поступалъ. «Между тѣмъ,—пишетъ онъ,—рухнуло у меня подъ ногами все, все, что составляло мою личную жизнь; мнѣ рѣшительно ничѣмъ было дорожить; если бы не было вѣншей обязанности, то самая обязанность *жить обращалась въ минимумъ, такъ какъ силы создавать себѣ абстрактные интересы ученой работы или какіе бы то ни было личные интересы я вовсе не чувствовалъ*. Служба обществу, польза общества одна могла быть цѣлью, а объ жертвахъ теперь не было и рѣчи: я ничѣмъ не жертвую, ровно ничѣмъ, потому что у меня теперь и нѣтъ ничего, чѣмъ бы я могъ жертвовать. *Мои ученые работы могутъ для другихъ имѣть значеніе, но не скоро еще онъ получить интересъ для меня...* Повторяю: я теперь ровно ничѣмъ не дорожу и потому ровно ничего не приношу въ жертву»³⁾.

Изъ этой исповѣди Лаврова мы видимъ, что отъ всей его жизни осталась груда развалинъ, среди которой стоялъ онъ съ опустошенной душой... Личная жизнь «рухнула», интересъ къ наукѣ атрофировался, ничего дорогого, что бы могло его привязать къ жизни, у него не оказывалось... Оставался одинъ выходъ—«служба обществу». И Лавровъ вполне логично ставитъ предъ Штакеншнейдеръ слѣдующій роковой вопросъ—«для чего же, спрашивается, я могъ бы отказаться отъ дѣла, которое я считалъ полезнымъ, вовсе не безнадежнымъ, а главное нравственно обязаннымъ для себя, какъ только я къ нему вызванъ? Для чего?»⁴⁾. Отвѣта на этотъ вопросъ Лавровъ не нашелъ... «Благодаримъ назвать этого нельзя,—говоритъ Лавровъ въ другомъ письмѣ, имѣя въ виду редактированіе предполагавшагося журнала,—но теперь я не очень ставлю высоко то, что считается благотворнымъ. Къ чему?»⁵⁾. И на этотъ вопросъ у Лаврова не нашлось отвѣта.

Какой же выходъ могъ быть у Лаврова, кромѣ согласія принять на себя руководство новымъ журналомъ? Такого выхода у него не было. Оставалось только одно—отдаться всецѣло служенію молодежи и путемъ новаго органа «содѣйствовать ея развитію»: это была *единственная* возможность, за которую «съ радостью» ухватился Лавровъ. «Вамъ,—пишетъ онъ Штакеншнейдеръ,—а еще болѣе другимъ, не знающимъ моего психическаго состоянія, можетъ казаться, что я точно приношу «все въ жертву идеѣ», какъ Вы пишете. Но

¹⁾ См. «Народники-пропагандистъ», стр. 57.

²⁾ См. «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 11, стр. 110.

³⁾ См. «Гол. Минув.», 1916 г., № 9, стр. 136. Курсивъ вездѣ мой.

⁴⁾ Ibidem. стр. 137.

⁵⁾ Ibidem. стр. 133.

я Вамъ сказалъ уже, что это иллюзія, что я ничего не приношу въ жертву, потому что *подхожу къ жертвеннику съ пустыми руками*. И такъ, не отговаривайте меня, мой добрый другъ, отъ дѣла, неизбежно совершающагося, оно подошло ко мнѣ, *не вызванное мною*, какъ нравственная обязанность въ то же время, какъ неумолчный и безсознательный законъ природы¹⁾ *разрывала есть нити, которые могли мнѣ жить и уравновѣшивать частію мои влеченія къ этой обязанности*. Повѣрьте, что я вовсе не обольщенъ какими-либо надеждами. Но есть сознаніе, что *можно* (курсивъ Лаврова. П. В—ва) быть полезнымъ на этомъ пути, что *должно* (курсивъ Лаврова. П. В—ва) идти по нему, а терять рѣшительно нечего. Я даже считаю, что съ чисто эгоистической точки зрѣнія, я поступаю *разсудительно: авось это подниметъ меня, а въ этого ничего нѣтъ*²⁾).

Итакъ, мы видимъ, что въ тотъ моментъ, когда предъ Лавровымъ всталъ вопросъ объ активномъ вступленіи въ ряды социалистовъ, были уже «разорванны» «всѣ нити» личной жизни, которые могли бы «уравновѣшивать» его влеченіе въ эту сторону или «мѣшать» имъ. Подъ его «ногами рухнуло» — и идея научной работы, и личная жизнь, и весь смыслъ его дальнѣйшаго пребыванія за границей. Образовалась бездна, которая грозила его поглотить, образовалась жизненная пустота, которую *нечѣмъ было заполнить*. И вотъ въ этотъ моментъ совершенно неожиданно предъ Лавровымъ выросла новая жизненная идея — служеніе русской молодежи «волнующейся, энергической», возможность содѣйствовать ея развитію въ ту сторону, которую онъ найдетъ нужнымъ. Откройте письмо, написанное Лавровымъ наканунѣ своего отъѣзда въ Цюрихъ, гдѣ былъ тогда центръ русской учащейся молодежи, и вы сразу увидите, съ какими дѣлами туда ѣхалъ Лавровъ. «Можетъ быть, и тамъ могу быть полезенъ», — пишетъ онъ. — Тамъ есть группа русской учащейся молодежи обоого пола и, по многимъ письмамъ, мною полученнымъ, ей недостаетъ опытныхъ и развитыхъ совѣтниковъ... Можетъ быть, удастся устроить какой-либо курсъ для молодежи... Вѣдь я теперь дѣйствительно ничѣмъ и никѣмъ не связанъ... Помните, Вы мнѣ говорили въ Парижѣ наканунѣ войны, что я впервые свободенъ. Я не возражалъ, но это было не совсѣмъ такъ. Теперь оно такъ³⁾....

Нужно ли теперь искать много объясненій, чтобы понять, почему Лавровъ «съ радостью» ухватился за эту новую, столь спасительную для него идею? Она давала ему возможность найти успокоеніе или утѣшеніе для себя въ новой для него дѣятельности, она перебрасывала вѣзѣмъ рухнувшего новый мостикъ между его личностью и всей жизнью. И теперь намъ становится понятнымъ, почему Лавровъ пишетъ Шгакенштейндеръ, что онъ «съ чисто эгоистической точки зрѣнія» поступаетъ «разсудительно». Это была, послѣ всего пережитаго Лавровымъ, послѣдняя жизненная ставка, та соломенка, за которую хватается утопающій. «Авось, это подниметъ меня, а въ этого ничего нѣтъ», — приходитъ къ окончательному выводу Лавровъ.

Переходъ Лаврова отъ чистой науки къ революціонно-соціалистической дѣятельности находитъ себѣ только такое *психологическое* объясненіе въ его біографіи. Подтвержденіе этого мы имѣемъ въ воспоминаніяхъ Г. А. Лопатина, который являлся въ эти годы самымъ близкимъ другомъ Лаврова и потому былъ болѣе, чѣмъ кто-либо, посвященъ въ его личную жизнь. Лопатинъ довольно удачно и мѣтко опредѣлялъ этотъ новый шагъ Лаврова,

¹⁾ Въ такихъ выраженіяхъ Лавровъ всегда говорилъ о смерти (см. напримѣръ, некрологъ В. Н. Никитиной въ «Вѣст. Народ. Воли», 1896 г., № 5, стр. 179 и книгу Русанова «Соціалисты Западной Россіи». Сиб., 1900 г., стр. 261.

²⁾ Ibidem, стр. 137. Курсивъ въездъ мой.

³⁾ См. «Гол. Мисс», 1916 г., № 9, стр. 30 и 131.

какъ «исканіе забвенія». «Практическое участіе въ политикѣ,—пишетъ Г'. Лопатинъ,—онъ (т. е. Лавровъ. *П. В—съ*) считалъ не свойственнымъ себѣ дѣломъ и всячески отстранялся отъ него. И только когда жизнь выяснила всю тщетность его ожиданій (возвращенія въ Россію. *П. В—съ*) и когда внезапная смерть А. П. Чаплицкой опустошила его личную жизнь и побудила его *искать забвенія* въ какой-либо болѣе захватывающей дѣятельности, чѣмъ подцензурная литература, только тогда онъ обратился къ заграничной анти-правительственной агитаціи»¹⁾.

И, повидному, Лавровъ въ Цюрихѣ, соприкоснувшись съ русской молодежью, нашёлъ, наконецъ, то «забвеніе» или «успокоеніе», которыя ему были такъ нужны и необходимы въ то время. «Вчера вечеромъ,—пишетъ онъ изъ Цюриха Штакеншнейдеръ 13-го 1873 г.,—читалъ публичную лекцію о введеніи въ философію, о томъ, что такое философія? Чтобы Вы ни говорили, а *гигіенически* (курсивъ мой. *П. В—съ*) для меня Цюрихъ очень полезенъ; а *значительно поуспокоился* (курсивъ мой. *П. В—съ*), по крайней мѣрѣ, вообще, если не въ частности; даже вчера, когда послѣ моей лекціи стали гдѣ русскія пѣсни, я не убѣжалъ и не поднималъ никакого скандала. Время, время и занятія общими вопросами—*великое гигиеническое средство* (курсивъ мой. *П. В—съ*), а послѣднихъ нигдѣ мнѣ не нашлось бы въ такомъ количествѣ, какъ здѣсь въ Цюрихѣ»²⁾. И все-таки, несмотря на «радость», съ которой Лавровъ принялъ предложеніе вести социалистическій органъ, несмотря на «гигіеническое» дѣйствіе на него Цюриха, этотъ послѣдній шагъ дался ему не безъ тяжелыхъ душевныхъ переживаній. За вынужденной «радостью» настоящаго таилось слишкомъ много горечи прошлаго, столь дорогаго для Лаврова. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ для окончательной ликвидаціи своихъ дѣлъ и переезда въ Цюрихъ, это «прошлое» тотчасъ сказалось. «Вотъ я двѣ недѣли въ Парижѣ,—пишетъ Лавровъ 16 февраля 1873 г.,—весь въ подготовкѣ къ отъѣзду. Дней черезъ 10-ть я оставлю Парижъ, надѣюсь совсѣмъ. Такія разнообразныя мысли и воспоминанія встаютъ при этомъ во мнѣ, такъ странно по горько видѣть... (неразобр.) тамъ, гдѣ думалъ найти отдыхъ и теплый уголокъ усталый путникъ»³⁾; непрочность надеждъ и стремленій такъ ярко обрисовывается, что чувствуешь себя совсѣмъ и старымъ и разбитымъ. А между тѣмъ, мнѣ нужны силы, нужна энергія. Въ то же время нѣкогда такъ ясно не могли предо мною развернуться и мелочи, и жалкія формы цюрихской жизни—моей будущей жизни,—какъ въ послѣднее время моего пребыванія въ Цюрихѣ и въ недолгое время моего отъѣзда»⁴⁾. И тѣмъ не менѣе, Лавровъ «пошелъ, не колеблясь» по новому пути. Повидному, сознаніе долга, которое было особенно сильно въ духовномъ складѣ Лаврова, имѣло здѣсь рѣшающее значеніе.

Былъ ли Лавровъ подготовленъ къ той роли, какія неожиданно выпала на него съ 1873 г.? *Психологически* къ этому времени Лавровъ былъ почти подготовленъ къ новой дѣятельности. Переживанія, связанныя съ Парижской Коммуной, съ Интернаціоналомъ, какъ мы уже видѣли, оставили на немъ неизгладимый слѣдъ и значительно приблизили его къ социализму. *Теоретически* Лавровъ былъ болѣе чѣмъ подготовленъ къ новому характеру своей дѣятельности. Обладая колоссальной эрудиціей по всѣмъ отраслямъ знанія, интересуясь особенно гуманитарными науками, Лавровъ въ совершенствѣ зналъ всѣ теоретическія проблемы социализма. Задачи

¹⁾ См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 4, стр. 198.

²⁾ См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 134.

³⁾ Такъ Лавровъ неоднократно называетъ себя въ письмахъ къ Штакеншнейдеръ (см. напримѣръ, «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 130).

⁴⁾ Ibidem, стр. 134.

«практической философии» Лаврова или же построения его *антропологической этики* еще в петербургский период литературной деятельности заставили его во многом соприкоснуться с вопросами социализма, в особенности с его утопической разновидностью первой половины XIX века. Встречи с К. Марксом, Ф. Энгельсом и Цезарем де-Папом, деятельность I Интернационала направили теоретический интерес Лаврова и его эрудицию в сторону экономических вопросов, в сторону изучения *научного социализма* в лице его лучшего тогдашнего представителя К. Маркса. Итак, подготовка Лаврова в области теории социализма не может впадать никаких сомнений. Достаточно просмотреть журнал и газету «Впередь!», чтобы убедиться, как широко и разносторонне Лавров был начитан тогда во всех вопросах социализма.

Орган Лаврова страдал именно излишней «научностью» и «теоретичностью», что делало его довольно скучным, сухим и всем этим отрывало его от жизни. Лавров оказался совершенно неподготовленным как раз к *практическим задачам* тогдашнего революционного движения. Весь социализм Лаврова был пропитан духом научного кабинета. Вся прошлая деятельность Лаврова здесь сказалась особенно сильно.

Подойдя в своей эволюции в 1873 г. довольно близко к социализму, Лавров тем не менее *психологически* был еще далек от тогдашней русской молодежи. Понять ее ему, пришедшему к ней от чисто научной работы, первое время было очень трудно. Весьма характерны в этом отношении первые шаги Лаврова в Цюрих. Взять хотя бы его лекции, которые он там читал. В своей автобиографии Лавров сам сознается, что им были тогда читаны лекции «о роли славян в истории мысли, об истории мысли вообще, о роли христианства в истории мысли и тому подобному»¹⁾. К этому перечню надо еще добавить — «Введение в философию», которую особенно любил читать Лавров. Сажин, на глазах которого прошли первые шаги Лаврова в Цюрих, рассказывает, что он начал даже читать лекции по математике, но принужден был прекратить таковые за отсутствием слушателей. «Лавров, — пишет Сажин, — совершенно не хотел понять и не учитывал тех вопросов, которые волновали тогда молодежь. Его речь сводилась к различным историко-философским вопросам, причем, если молодежь была занята другим, Лавров неизменно сводил беседу на памятную ему тему»²⁾. Читать же лекции об Интернационале, великой французской революции, Парижской Коммуне Лавров тогда категорически отказывался, считая, что «молодежи нужны только положительные знания»³⁾. Все это наглядно показывает, как трудно было Лаврову первое время от чисто научных теоретических работ перейти к вопросам социализма. Вообще влияние всей прошлой научной и кабинетной деятельности Лаврова очень сильно сказывалось при первых шагах его на новом пути. Здесь достаточно хотя бы напомнить его усиленную проповедь знания и пропаганды для русских социалистов, что являлось характерной особенностью его журнала...

Журнал «Впередь!» был последним этапом Лаврова на его пути к социализму. С этого момента (1873 г.) он навсегда связал свою жизнь с русским социально-революционным движением, которое, в свою очередь, тесно соединено с именем П. Л. Лаврова.

П. Витязев.

¹⁾ См. «Вести. Евр.», 1910 г., № 10, стр. 103.

²⁾ См. «Гол. Мин.», 1915 г., № 10, стр. 141.

³⁾ Ibidem, стр. 142.

Неизданное письмо П. Л. Лаврова къ сыну ¹⁾.

Михаилу Петровичу Лаврову—въ С.-Петербургѣ, за Нарвскую заставу, по Петергофскому шоссе, на 10-ю версту, дача колониста Егора Шеффера № 82.

Парижъ, 24 іюля (5 авг.) 1870 г.

Я получилъ довольно поздно твое письмо отъ 4 Іюля, посланное чрезъ антропологическое общество. Оно побуждаетъ меня отвѣтить тебѣ довольно ¹⁾ длиннымъ объясненіемъ моей дѣятельности, моего удаленія изъ Россіи и моего нынѣшняго положенія.

Я занималъ болѣе двадцати лѣтъ кафедру преподавателя ²⁾ и могу сказать безъ похвалы, что занималъ ее добросовѣстно. Въ эти двадцать лѣтъ я былъ постоянно въ сношеніяхъ съ рядомъ поколѣній молодежи, но никто не могъ меня обвинить и не обвинялъ въ томъ, что я воспользовался своимъ положеніемъ для распространенія среди моихъ учениковъ противоправительственныхъ идей. Порученную мнѣ обязанность я исполнялъ независимо отъ моихъ политическихъ убѣжденій. Въ моего преподаванія я пользовался орудіемъ слова, письма и печати, чтобы проводить свои убѣжденія, но и эта дѣятельность, начиная съ 1855 г., не была тайною. Какъ литераторъ, какъ членъ земства и думы ³⁾, точно также какъ и преподаватель, я старался добросовѣстно исполнять свою обязанность, и каждая изъ этихъ дѣятельностей была совершенно независима отъ другихъ. Между тѣмъ, едва я былъ арестованъ, меня удалили изъ артиллерійской академіи, прежде слѣдствія и суда, и въ моемъ дѣлѣ я не видѣлъ слѣда вопроса, сдѣланнаго моему начальству объ исполненіи мною обязанности преподавателя; не видѣлъ слѣда заступничества со стороны артиллерійскаго вѣдомства, которое знало меня болѣе четверти вѣка. Меня обвинили и сослали за пункты столь пусты, что они подходятъ лишь подъ эластичное

¹⁾ См. выше статью П. Витязева. Ред.

²⁾ Педагогическая дѣятельность Лаврова продолжалась съ іюля 1844 года по апрѣль 1866 г. Преподавалъ онъ математическія науки сначала въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ училищѣ, а затѣмъ занялъ кафедру высшей математики въ Артиллерійской Академіи, принявъ ее отъ знаменитаго русскаго математика—академика М. В. Остроградскаго. Кроме того, Лавровъ еще читалъ курсъ высшей математики въ специальномъ классѣ Константиновскаго Военнаго Училища. Подробная характеристика Лаврова, какъ педагога, содержится въ воспоминаніяхъ Фурсова, Н. Н. (см. «Истор. Вѣстн.», 1907 г., № 1 и 2) и Фона-Боода, В. Г. (см. Воспоминанія педагога, «Рус. Старина», 1904 г., № 8, 9 и 11).

П. В—съ.

³⁾ Лавровъ былъ членомъ петербургской думы и земства. Объ этой сторонѣ дѣятельности Лаврова никакихъ матеріаловъ, къ сожалѣнію, не сохранилось.

П. В—съ.

поняты неблагонамѣренности, и сами обвинители придавали этимъ пунктамъ столь ничтожное значеніе, что главный пунктъ обвиненія, письмо къ Тиблену¹⁾, не повелъ ни къ очной ставкѣ съ нимъ, ни даже къ его допросу, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ въ февралѣ 1866 г. Я принялъ мою ссылку и удаленіе отъ всякой дѣятельности какъ выраженіе неудовольствія на меня со стороны Императора и Его Семьи за то, за что судъ обвинить меня не могъ: за жесткія выраженія объ Отцѣ царствующаго Государя. Я нисколько не отрицаю, что стихотворенія, писанныя мною въ прошлое царствованіе²⁾, были направлены противъ прежняго Императора; что онѣ могли показаться оскорбительными Его Дѣтямъ, и что неудовольствіе самодержавнаго Государя, обходя пункты закона, могло выразиться даже чрезъ 10 лѣтъ удаленіемъ меня изъ столицы. Самъ Императоръ, провозводя ради-

¹⁾ Н. Л. Тибленъ—извѣстный въ 60-хъ годахъ книгопродавецъ и издатель. Онъ первый въ Россіи началъ издавать сочин. Спенсера (въ 7 томахъ). Въ 60-хъ г.г. Тибленъ былъ однимъ изъ тѣхъ центровъ, гдѣ собирався тогдашній литературный Петербургъ. Здѣсь на вечерахъ бывали—Чернышевскій, Костомаровъ, Страховъ, Достоевскій, Бибииковъ, А. Н. Бекетовъ, Соколовъ (авторъ «Отщепенцевъ») и многіе другіе. Въ числѣ прочихъ, довольно часто бывалъ у Тиблена и Лавровъ, который со средины 60-хъ годовъ вступилъ съ нимъ въ дѣловыя отношенія по его издательству. Такъ онъ взялъ на себя редакцію перевода «Классификація наукъ» Спенсера (Спб. 1866 г.). Самъ Тибленъ, переведшій эту книгу въ своемъ предисловіи къ ней пишетъ: «если русское изданіе окажется удовлетворительнымъ относительно точности передачи подлинника, то это будетъ только благодаря содѣйствію П. Л. Лаврова, указаніями котораго возможно пользовался переводчикъ». Послѣ ареста Лаврова и ссылки его въ вологодскую губ. Тибленъ не терялъ съ нимъ связи и старался всячески поддерживать Лаврова. Въ 1868 г. онъ основалъ подъ своей редакціей ежемѣсячный журналъ «Современное Обозрѣніе»—при участіи В. В. Лесевича, Н. К. Михайловскаго (псевдонимъ Аркадій Протасовъ), Ю. Жуковскаго и др. Къ этому журналу Тибленъ немедленно привлекъ и П. Л. Лаврова, который помѣстилъ здѣсь цѣлый рядъ своихъ работъ («Развитіе ученія о мифическихъ вѣрованіяхъ», «Антропологическіе этюды», «Задачи позитивизма» и др.). Къ сожалѣнію, на шестой книжкѣ этотъ журналъ закрылся, т. к. Тибленъ разорился и былъ принужденъ отъ неоплатныхъ долговъ бѣжать за границу. О Тибленѣ см. у Л. Ф. Пантелѣева «Изъ воспоминаній прошлаго», Спб. 1905 г., стр. 196—198 и у Н. К. Михайловскаго Собр. Сочин. т. VII, стр. 49-50. Письмо Лаврова къ Тиблену цитируется въ замѣткѣ «Къ процессу П. Л. Лаврова» («Былое», 1906 г., № 8, стр. 35). П. В.—ъ.

²⁾ П. Лавровъ съ ранней юности чувствовалъ большую склонность къ стихотворству. Въ архивѣ Лаврова имѣются двѣ большія тетради его юношескихъ стихотвореній, еще нигдѣ не напечатанныхъ. Изъ этихъ стихотвореній только одно—«Бедуинъ» было помѣщено въ «Библіотекѣ для чтенія» (см. т. 46, 1841 г., стр. 5—7). Въ срединѣ 50-хъ годовъ Лавровъ написалъ нѣсколько стихотвореній политическаго характера съ цѣлымъ рядомъ нецензурныхъ выраженій и рѣзкой критикой царствованія Николая I-го, какъ то: «Къ русскому царю» (см. «Былое», 1907 г., № 2, гдѣ оно напечатано полностью), «Къ русскому народу», «Пророчество», «На смерть императора Николая I-го», и т. п. (см. замѣтку «Къ процессу П. Л. Лаврова», «Былое», 1906 г., № 8, гдѣ приведены отрывки изъ нѣкоторыхъ стихотвореній, а также книгу Н. С. Русанова «Соціалисты Запада и Россіи», Спб., 1909, стр. 211—213). Два первыхъ стихотворенія анонимно ходили въ рукописяхъ среди высшихъ круговъ петербургскаго общества въ концѣ 50-хъ годовъ, усиленно переписывались и читались въ тогдашнихъ литературныхъ салонахъ (см. по этому поводу «Дневникъ Е. А. Штакеншнейдеръ 1855—1858» въ «Гол. Мнѣн.», 1915 г., № 11, стр. 181). За стихотвореніе «Къ русскому народу», рукопись которой попала въ руки правительства, былъ привлеченъ къ отвѣтственности и допрошенъ А. С. Хомяковъ, но дѣло окончилось ничѣмъ, хотя Лавровъ, узнавъ объ опасности, угрожающей Хомякову, хотѣлъ даже признать свое авторство. Два стихотворенія—«Пророчество» и къ «Русскому народу» были посланы Лавровымъ А. И. Герцену и послѣдній напечаталъ ихъ вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ Лаврова въ IV книжкѣ «Голосовъ изъ Россіи», Лондонъ, 1857 г. (см. по этому поводу автобіографію Лаврова «Вѣст. Европы», 1910 г., № 10, стр. 97). При арестѣ Лаврова этотъ фактъ, разумѣется, былъ установленъ, какъ и вообще его перписка и сношенія съ Герценомъ. П. В.—ъ.

кальные реформы въ Государствѣ, наслѣдованномъ Имъ отъ Отца, и реформы именно въ томъ направленіи, которое выражалось въ моемъ стихотвореніи, писанномъ въ день Его коронаціи¹⁾,—самъ Императоръ не могъ находить ничего существенно-предосудительнаго въ неудовольствіи противъ общественнаго строя, Имъ измѣненнаго. Я ожидалъ, что раздраженіе противъ меня за оскорбленіе прежняго Императора пройдетъ, ожидалъ, что моя двадцатилѣтняя дѣятельность, какъ преподавателя, будетъ взята въ соображеніе, и что я вернусь къ своимъ кабинетнымъ учебнымъ занятіямъ. Я не просилъ милости, потому что не чувствовалъ себя виноватымъ²⁾.

Я считалъ себя способнымъ дѣйствовать на трехъ путяхъ: на педагогическомъ, на учено-литературномъ и какъ выборный представитель земства. Мое быстрое удаленіе съ кафедры, прежде слѣдствія и суда, убѣдило меня, что педагогическая дѣятельность для меня навсегда закрыта. Мое нахожденіе подъ судомъ закрывало мнѣ и дѣятельность по выборамъ, которая, при нынѣшнемъ жалкомъ положеніи земства, и не представляла значительнаго интереса. Оставалась дѣятельность учено-литературная. Это былъ единственный путь, которому я могъ посвятить себя, и мои труды по исторіи науки, начатые публично, официально³⁾, могли свидѣтельствовать, что на этомъ скромномъ пути, не касаясь никакихъ политическихъ опасныхъ сферъ, я въ состояніи быть не бесполезнымъ для русской науки и для русской серьезной литературы. Если меня ставили въ число писателей оппозиціонныхъ, то я все-таки считалъ возможнымъ допустить въ лицахъ высокостоящихъ въ Россіи, столько же патріотической любви къ Россіи и къ русской мысли, сколько я самъ чувствовалъ; я полагаю, что эти лица не только не стануть препятствовать, но будутъ содѣйствовать предпріятію

¹⁾ Стихотвореніе это называлось—«Новому Царю». Полный текстъ его въ русской печати не появился за исключеніемъ небольшого отрывка (см. «Былое», 1906 г., № 8, стр. 37).

П. В.—вз.

²⁾ О полномъ нежеланіи Лаврова подавать какія-либо прошенія о смягченіи своей участи свидѣлствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ также и М. П. Сажинъ, бывшій вмѣстѣ съ Лавровымъ въ ссылкѣ въ г. Вологду. «На мое предложеніе,—разсказываетъ Сажинъ,—напомнить о себѣ прошеніемъ, Лавровъ отвѣтилъ самымъ рѣзкимъ отказомъ». По мнѣнію Лаврова, правительству должно было первое «вспомнить о немъ и заглянуть передъ нимъ свою ошибку. Самъ же онъ никакихъ прошеній писать не желаетъ» (см. статью «Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ», «Голосъ Мин.», 1915 г., № 10, стр. 118).

П. В.—вз.

³⁾ Лавровъ имѣетъ въ виду свою работу «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ», составленную изъ лекцій, читанныхъ имъ въ лабораторіи Артиллерійской Академіи (см. «Морской Сборникъ» и «Артиллерійскій журналъ» за 1865 и 1866 г.г., гдѣ этотъ трудъ печатался). Работа осталась незаконченной въ виду ареста Лаврова 25 апрѣля 1866 г. Послѣдніе параграфы этого труда о Диффантахъ и о концѣ древняго міра были набраны и Лавровымъ уже была просмотрѣна корректура, но напечатать ихъ послѣ ареста Лаврова редакція «Морского Сборника» не рѣшилась. (См. по этому поводу автобіографію Лаврова, «Вѣстникъ Европы», 1910 г., № 10, стр. 99). Также прекратилъ печатаніемъ «Очерки» и «Артиллерійскій Журналъ», побоявшись перепечатать даже тѣ главы, которые уже были помѣщены въ «Морскомъ Сборникѣ».

Изъ другихъ работъ Лаврова того времени къ «исторіи наукъ» имѣютъ отношеніе его три лекціи—«Вліяніе развитія точныхъ наукъ на успѣхи военнаго дѣла и въ особенности артиллеріи», читанныя имъ для офицеровъ артиллеріи. (см. «Артиллерійскій журналъ», 1865 г., № 4, 6 и 7, а также отдѣльное изданіе Спб. 1865 г.). Характерно, что послѣ ареста Лаврова отдѣльное изданіе этихъ лекцій было все изъято изъ обращенія среди офицеровъ артиллеріи и почти цѣлкомъ уничтожено. Въ русской литературѣ эта сторона дѣятельности Лаврова еще не получила достаточной оцѣнки. До сихъ поръ намъ извѣстны только двѣ статьи-рецензіи объ этихъ трудахъ Лаврова, принадлежащія В. А. Зайцеву, которая пока являются единственными въ нашей литературѣ (см. Русское Слово, 1865 г., № 8 п 9).

П. В.—вз.

полезному для русской мысли и не представляющему никакой опасности въ политическомъ отношеніи.

На этомъ основаніи, какъ только я былъ арестованъ, я написалъ письмо къ Великому Князю Константину Николаевичу, Который, какъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, занималъ первое мѣсто въ Имперіи послѣ Императора, постоянно выказывалъ, какъ говорили, сочувствіе русской наукѣ, и, по своимъ личнымъ отношеніямъ, могъ, какъ мнѣ казалось, лучше другихъ противодействовать вреднымъ проявленіямъ диктатуры Графа Муравьева. Я не смѣлъ никогда личныхъ сношеній съ Великимъ Княземъ, но обращался къ Нему во имя русской науки, съ просьбою исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе заниматься исторіею науки во время ареста. Я отвѣта не получилъ¹⁾...

Послѣ двухъ лѣтъ ссылки я убѣдился, что въ уѣздномъ городѣ я не имѣю никакой возможности продолжать свои серьезные труды²⁾. Окончавъ ссылки не предвидѣлось въ скоромъ времени, такъ какъ меня подѣ самымъ пустымъ предлогомъ выслали снова изъ губернскаго города въ уѣздный по приказанію министра, опять прежде слѣдствія и суда; грустность же губернатора и мелочная придирчивость всемогущаго жандармскаго штабъ-оффера не позволяли надѣяться на энергическое заступничество мѣстной власти³⁾. Между тѣмъ годы шли; я старѣлся; климатъ дѣйствовалъ на меня вредно; чрезъ нѣсколько лѣтъ я могъ сдѣлаться совсѣмъ неспособнымъ къ продолженію работъ, особенно при образѣ жизни, который я велъ. Я сказалъ себѣ, что я не въ правѣ подчиняться приговору, не имѣющему даже достаточныхъ формальныхъ основаній, что я обязанъ доставить себѣ положеніе, въ которомъ продолженіе моихъ учено-литературныхъ трудовъ было бы возможно; если же продолжающееся неудовольствіе

¹⁾ Упоминаемое Лавровымъ письмо съ черновой рукописи было напечатано полностью (См. «Два письма П. Л. Лаврова къ вел. кн. Константину Николаевичу», «Голосъ Минувш.», 1915 г., № 7—8, стр. 219—222). По поводу этого письма къ Константину Николаевичу Е. А. Штакенштейндеръ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что великій князь «не только не принялъ никакого участія въ Лавровѣ, но и поспѣшилъ увѣрить Муравьева, который не на шутку на него косился въ то время, что онъ въ глаза не видалъ Лаврова и никогда не подавалъ ему ни малѣйшаго повода обращаться къ нему». (См. «Голосъ Минувш.», 1915 г., № 7—8, стр. 109).

²⁾ Мысль о бѣгствѣ изъ вологодской губерніи явилась у Лаврова, повидимому, на второмъ году ссылки (въ 1869 г.), но онъ не могъ ее осуществить. На это имѣются прямые указанія въ воспоминаніяхъ Лопатина (см. «Голосъ Минувш.», 1915 г., № 9, стр. 137), Сажина («Голосъ Минувш.», 1915 г., № 10, стр. 122) и Е. А. Штакенштейндеръ («Голосъ Мин.», 1915 г., № 12, стр. 125). Большую роль въ этомъ отношеніи сыграло бѣгство изъ вологодской губерніи Чаплицкой (1869 г.). Подробно объ этомъ см. въ моей брошюрѣ «Ссылка Лаврова въ Вологодск. губернію и его занятія антропологіей», Вологда, 1915 г., стр. 13 и 14. П. В—ъ.

³⁾ Въ началѣ своей ссылки въ вологодскую губ. Лавровъ жилъ въ гор. Тотмѣ. Въ 1868 г. ему удалось при помощи Е. А. Штакенштейндеръ (см. по этому поводу его воспоминанія въ «Голосѣ Минувш.», за 1915 г. № 12, стр. 124 и 132) добиться разрѣшенія жить въ губернскомъ гор. Вологдѣ, откуда онъ по доносу начальника вологодскаго жандармскаго управленія полковника Мерклина, былъ высланъ въ захолустный уѣздный городокъ Кадниковъ. (Обо всемъ этомъ подробно см. въ моей статьѣ «П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ», «Голосъ Минувш.», 1915 г., № 10, стр. 117, 119, 120 и брошюрѣ «Ссылка П. Лаврова въ Вологодск. губернію и его занятія антропологіей», Вологда, 1915 г., стр. 3 и 6). Вологодскимъ губернаторомъ во время пребыванія тамъ Лаврова былъ Хоминскій—человѣкъ довольно приличный и мягкій, но страшно боявшійся Мерклина (см. о Хоминскомъ у Л. Ф. Пачетельскаго «Изъ воспоминаній прошлаго», Спб., 1905 г., стр. 267 и 273 и П. Засодимскаго «Страницка изъ литературныхъ воспоминаній», Петер. Вѣстн., 1904 г., № 5).

Императора и Его Семьи закрывает для меня столицу, то мнѣ остается попытаться продолжать свои работы за границею.

Но разорвать связи съ отечествомъ, даже временно, очень тяжело, и тотъ, кто можетъ быть для него полезнымъ, оставаясь въ его предѣлахъ, сохраняя съ нимъ формальную связь,—тотъ долженъ сохранить ее. Мнѣ было очень больно эмигрировать и никому я не советую сдѣлать это безъ крайней необходимости; лишь тогда, когда отрѣзаны всѣ пути полезной дѣятельности въ отечествѣ,—лишь тогда извинительна или обязательна эмиграція. Мнѣ пути были отрѣзаны.

Тѣмъ не менѣе я сдѣлалъ послѣднее усиліе. Я обратился съ письмомъ къ Князю Суворову ¹⁾, излагая ему мое положеніе и прося его исходатайствовать лично у Императора замѣну впутренней ссылки для меня ссылкой за границу на то время, въ продолженіи котораго Правительствомъ считается нужнымъ не допускать меня въ Петербургъ. Такимъ образомъ я могъ бы продолжать свои занятія при пособіи библиотекъ въ иностранныхъ столицахъ и университетскихъ городахъ, не разрывая связи съ Россіею и выжидая, когда мнѣ будетъ можно въ нее вернуться. Я имѣлъ очень мало надежды на успѣхъ моего обращенія къ Князю Суворову, но считалъ свою обязанностью сдѣлать все, отъ меня зависящее, чтобы не прибѣгнуть къ послѣдней тяжелой мѣрѣ—къ эмиграціи. Князь Суворовъ отвѣтилъ словесно, отклонивъ отъ себя подобнаго рода ходатайство ²⁾.

Я выждалъ еще окончаніе трехлѣтія ссылки. Въ это время я убѣдился, что и ходатайство Начальника губерніи недостаточно даже для того, чтобы меня перевели изъ уѣзднаго города въ губернскій. Напротивъ, положеніе ссыльныхъ ухудшилось, притѣсненія увеличились, и даже пересылка ученыхъ книгъ вызвала сотни непріятностей. Я считалъ безнравственнымъ долѣе подчиняться мѣрамъ, которыя не находилъ справедливыми и которыя отнимали у меня возможность дѣйствовать полезно даже въ скромной сферѣ науки. Три года исполнились. Я оставилъ Россію. Я остался вѣренъ своимъ намѣреніямъ ³⁾...

Я бы готовъ былъ вернуться въ Россію, если бы мнѣ позволили спокойно жить въ Петербургѣ и заниматься тамъ наукою при пособіи тамошнихъ

¹⁾ Князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, бывший генералъ-губернаторъ г. Петербурга, въ 60-хъ г.г. пользовался широкой популярностью, какъ добрый и гуманный человѣкъ. Онъ имѣлъ вліяніе на Александра 2-го и умѣлъ снискать его особенное довѣріе и расположеніе. Всѣмъ этимъ и объясняется обращеніе Лаврова къ Суворову. (Подробно о Суворовѣ см. у Л. Ф. Пантелѣева «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 241—245, 281 и 282). Письмо Лаврова къ Суворову напечатано полностью въ «Голосѣ Минувшаго» (см. № 12, 1915 г., въ статьѣ «Изъ воспоминаній Е. А. Штакенштейндеръ о Лавровѣ» стр. 126—131. Къ сожалѣнію, въ этомъ письмѣ въ сравненіи съ подлинникомъ имѣется очень много грубыхъ опечатокъ и пропусковъ, иногда мѣняющихъ смыслъ письма). Датировано это письмо—«10 марта 1869 г.». Въ это время Суворовъ былъ въ отставкѣ и впалъ въ «опалу» за свое лвное несочувствіе всей политикѣ всесильнаго тогда графа Муравьева.

П. В.—въ.

²⁾ Письмо къ Суворову было послано Лавровымъ черезъ Е. А. Штакенштейндеръ, которая лично отвезла его и вручила князю. Подробно обо всемъ этомъ см. въ ея воспоминаніяхъ («Голосъ Минувш.», 1915 г., № 12, стр. 124, 137 и 138).

П. В.—въ.

³⁾ Дочь П. Л. Лаврова—Марія Петровна Негрескулъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что ея отецъ рѣшилъ терпѣливо ждать три года. Если по окончаніи этого срока его не вернутъ въ Петербургъ, что ему было необходимо для научной работы, онъ уѣдетъ за границу» (см. «Голосъ Минувш.», 1915 г., № 9, стр. 141). Лавровъ прибылъ въ вологодскую губернію 15 февраля 1867 года, а бѣжалъ при помощи Германа Лопатина 15 февраля 1870 года. Такимъ образомъ, Лавровъ съ пунктуальной точностью исполнилъ свое обѣщаніе. М. И. Негрескулъ очень часто любила говорить, что ея отецъ въ данномъ случаѣ оправдалъ званіе «математика».

П. В.—въ.

библіотекъ, такъ какъ ни одинъ городъ Россіи внѣ Петербурга не представляетъ для моего труда достаточныхъ средствъ. Но Петербургъ мнѣ закрытъ волею Императора; при возвращеніи, меня немедленно сослали бы въ какой либо глухой уголокъ Россіи; слѣдовательно мнѣ приходится жить заграничней.

Я остаюсь Русскимъ въ душѣ; расширеніе истины и справедливости въ моемъ отечествѣ составляло и составляетъ мое искреннѣйшее желаніе и цѣль, достиженію которой я готовъ содѣйствовать всеми своими силами...

Будущая моя дѣятельность зависитъ отъ обстоятельствъ, которыя я предвидѣть не могу, но въ настоящую минуту продолженіе моихъ научныхъ трудовъ составляетъ главную и едва ли не единственную цѣль моихъ занятій.

Полагаю, любезный Мишель, что это письмо совершенно опредѣляетъ мое положеніе относительно русскаго Государства, относительно васъ, моихъ дѣтей. Я не имѣю въ виду переходить въ другое подданство, пока это будетъ мнѣ возможно, и считаю себя Русскимъ. Знаю, что произвольное удаленіе изъ предѣловъ Государства и изъ мѣста ссылки вызываетъ кару закона. Предоставляю судить другимъ, на сколько въ настоящемъ случаѣ представляется облегчающихъ обстоятельствъ и на сколько это единственное нарушеніе закона заслуживаетъ кары. Мое удаленіе не случайно, но обдуманно, и я не предвижу случайностей, которыя прекратили бы въ скоромъ времени мое нынѣшнее положеніе. Вы можете естественнымъ путемъ занять мое мѣсто въ гражданскомъ порядкѣ. Будьте счастливы; отъ всей души желаю, чтобы вы могли въ продолженіи всей вашей жизни служить Россіи въ ея предѣлахъ съ тою любовью, которую я къ ней сохраняю и здѣсь.

С. М. Гинсбургъ въ Шлиссельбургѣ.

Изъ всѣхъ узниковъ Шлиссельбургской тюрьмы Софья Михайловна Гинсбургъ,—послѣдняя изъ попавшихъ туда по народовольческимъ дѣламъ, была въ то же время и самой кратковременной гостей въ стѣнахъ крѣпости. Въ то время, какъ изъ другихъ, наиболѣе недолговѣчныхъ узниковъ Шлиссельбурга, М. Клименко провелъ въ крѣпости 2 мѣс. 6 дней; Е. И. Мпваковъ—1 мѣс. 21 день,—С. М. Гинсбургъ пробыла въ крѣпости всего 1 мѣс. 7 дней; она была водворена въ нее 1 декабря 1890 г., а уже 7 января 1891 г. покончила тамъ свою жизнь самоубійствомъ. Эти 48 дней пребыванія С. М. Гинсбургъ въ крѣпости являются одной изъ наиболѣе темныхъ страницъ въ исторіи Шлиссельбурга,—о нихъ мы не знаемъ почти ничего.

Департаментъ полиціи, посылая С. М. въ Шлиссельбургъ, позаботился о тщательной изоляціи ея отъ всѣхъ остальныхъ заключенныхъ. Съ самаго начала она была посажена въ старую тюрьму (въ камеру № 4), откуда для этой цѣли были спѣшно эвакуированы всѣ находившіяся ранѣе тамъ мастерскія другихъ заключенныхъ. Единственными сосѣдями С. М. были больные, сошедшіе съ ума Копашевичъ и Н. П. Щедригъ, постоянно подвергавшіеся жестокимъ издѣвательствамъ со стороны караульных жандармовъ,—издѣвательствамъ, какъ извѣстно, сыгравшимъ столь крупную роль въ принятіи С. М. рѣшенія о самоубійствѣ.

Остальные узники Шлиссельбурга даже не подозрѣвали, что совсѣмъ близко отъ нихъ, въ сосѣднемъ за стѣною зданіи, находится еще одинъ товарищъ по заключенію; о пребываніи Гинсбургъ въ тюрьмѣ имъ стало извѣстно лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ея смерти изъ отрывочныхъ разсказовъ жандармовъ. Эти разсказы были очень кратки, безъ всякихъ деталей, но только ихъ могли воспроизвести намъ авторы воспоминаній о Шлиссельбургѣ, а такъ какъ до самаго послѣдняго времени эти мемуары являются почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о жизни крѣпости, то и мы знали о послѣднихъ дняхъ С. М. только то, что разсказали заключеннымъ жандармы ¹⁾.

Документы, найденные нами въ архивѣ штаба корпуса жандармовъ, также далеки отъ желанной полноты; такъ намъ не удалось обнаружить тамъ той оставшейся послѣ С. М. тетради, о которой упоминается въ приводимыхъ ниже документахъ,—повидимому, эта тетрадь погибла въ дѣлахъ департамента полиціи. Тѣмъ не менѣе найденные документы чрезвычайно цѣнны, такъ какъ они впервые даютъ возможность точно возстановить хотя бы внѣшнюю сторону событій этихъ 48 дней.

¹⁾ Объ этихъ же дняхъ говоритъ одинъ документъ, опубликованный Меншиковичъ-Пановымъ въ № 13 «Былого»; этотъ документъ мы приведемъ ниже.

1 ноября 1890 г. особое присутствіе правительствующаго сената С. М. Гинсбургъ, вмѣстѣ съ тремя другими обвиняемыми по ея процессу М. В. Стояновскимъ, Л. В. Фрейфельдомъ и А. В. Оточко,—была приговорена къ смертной казни черезъ повѣшеніе, пятый подсудимый, поруч. Душевскій получилъ три мѣсяца гауптвахты. О трехъ изъ подсудимыхъ—Стояновскомъ, Фрейфельдѣ и Оточко—судъ возбудилъ ходатайство о замѣнѣ пмъ казни каторжными работами—первому на 4, второму—на 10 лѣтъ, а Оточко—ссылкою на поселеніе. О С. М. Гинсбургѣ ходатайства судъ не возбуждалъ ¹⁾).

С. М. прошенія о помилованіи не подавала, но, повидимому, она знала, что такіа прошенія поданы ея матерью и на имя царя, и на имя царицы ²⁾), во всякомъ случаѣ С. М. не ждала казни,—прошеніе, поданное ею въ департаментъ полиціи, въ дни ожиданія конфирмаціи приговора (9 ноября 1890 г.), свидѣлствуетъ объ этомъ; въ немъ она пишетъ:

«Въ виду того, что я осуждена, меня могутъ перевезти въ крѣпость. Прошу ваше превосходительство оставить меня здѣсь еще недѣли двѣ. Моя мать остается въ Петербургѣ до конфирмаціи и перевозъ въ крѣпость слишкомъ бы напугалъ ее. Софья Гинсбургъ». ³⁾

Мы не знаемъ, была ли удовлетворена эта просьба (помѣтка на прошеніи гласитъ: «къ свѣд...» т. е. «къ свѣдѣнію»), но то, въ которомъ написано прошеніе, свидѣлствуетъ, что авторъ его не ожидаетъ казни. Казни дѣйствительно не было,—царь замѣнилъ ее безсрочной каторгой. Объ этой царской «милости» министръ юстиціи бумагою отъ 19 ноября 1890 г. увѣдомилъ департаментъ полиціи и въ тотъ же день на этой бумагѣ была положена (писана рукою Дурново) слѣдующая резолюція (приводимъ лишь пунктъ о С. Гинсбургѣ ⁴⁾):

«4) Составить докладъ министру (т. е. министру внутреннихъ дѣлъ) о заключеніи С. Гинсбургъ въ Шлиссельбургъ».

Этого доклада намъ разыскать не удалось, и точная дата постановленія о заключеніи С. М. въ Шлиссельбургъ намъ неизвѣстна, но мы знаемъ, что это было сдѣлано въ промежутокъ между 19 и 26 ноября, ибо послѣднимъ числомъ помѣчено слѣдующее увѣдомленіе, посланное департаментомъ полиціи (по V дѣлопроизводству, № 3990⁵⁾) въ штабъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ.

«По приказанію господина министра внутреннихъ дѣлъ сильно-каторжная государственная преступница Софья Гинсбургъ подлежитъ заключенію въ Шлиссельбургскую тюрьму.

«Сообщивъ начальнику С.-Петербургскаго жандармскаго управленія о препровожденіи Софій Гинсбургъ изъ С.-Петербургскаго дома предварительнаго заключенія въ Шлиссельбургъ, въ сопровожденіи одного офицера и двухъ унтеръ-офицеровъ, департаментъ полиціи о вышеизложенномъ имѣетъ честь увѣдомить штабъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Директоръ П. Дурново».

¹⁾ Свѣдѣніи о дѣлѣ С. М. смотри въ обвинительномъ актѣ (напечатанъ въ № 4 Женевскаго «Соціалдемократа» за 1892 г., а также въ «Обзорѣ важнѣйшихъ дознаній» за 1889 г. Превосходную характеристику С. М. далъ П. Л. Лавровъ (см. «Гол. Мн.», 1917 г., № 7—8).

²⁾ Архивъ Департамента Полиціи, дѣло № 47 за 1889 г., IV дѣлопр., т. VIII, л. 61.

³⁾ Тамъ же, л. 60.

⁴⁾ Тамъ же, л. 63.

⁵⁾ Архивъ Департамента Полиціи Штаба Корпуса Жандармовъ, д. № за 1887 г. (по канцеляріи), л. 158.

На этой бумагѣ пишется карандашная пометка: «переговорить». Рѣчь шла, повидному, о переговорахъ съ департаментомъ полиціи объ условіяхъ содержанія Гинсбургъ въ крѣпости. Результатомъ этихъ переговоровъ явилось слѣдующее «предложеніе», посланное штабомъ начальнику Шлиссельбургскаго жандармскаго управленія (отъ 2 декабря 1890 г. за № 167)¹⁾.

«Въ огражденіе спокойствія и порядка между содержащимся въ Шлиссельбургской тюрьмѣ арестантами, предлагаю вашему высокоблагородію принять къ соображенію, не будетъ-ли болѣе соответственнымъ по доставленію государственной преступницы Софіи Гинсбургъ помѣстить ее въ старой тюрьмѣ, если только сообразно настоящаго распредѣленія камеръ окажется возможнымъ такимъ способомъ изолировать ее отъ перестукиванія и всякихъ сношеній съ прочими арестантами. О послѣдующемъ вы имѣете мнѣ своевременно донести. Начальникъ штаба генеральнаго штаба генераль-маіоръ (Петровъ)».

Мысль объ изоляціи Гинсбургъ полк. Кореневу (тогдашній начальникъ шлиссельбургскаго жандармскаго управленія) понравилась, и онъ захотѣлъ даже расширить кругъ изолируемыхъ на всѣхъ женщинъ вообще; его отвѣтъ, датированный 5 декабря 1890 г. (за № 159), гласилъ:

«Государственная преступница Софія Гинсбургъ немедленно по доставленіи ея сюда помѣщена была въ камеру № 4 старой тюрьмы, откуда заблаговременно всѣ помѣстившіяся тамъ ранѣе арестантскія мастерскія перемѣщены были въ свободныя (менѣе удобныя для жилья) камеры новой тюрьмы и такимъ образомъ вновь прибывшая арестантка вполне изолирована отъ всякихъ сношеній съ прочими арестантами».

«На предписаніе отъ 2 декабря за № 167, донося о семъ Вашему превосходительству, обязываюсь доложить, что въ видахъ общаго спокойствія заключенныхъ было бы весьма полезно на будущее время такимъ же способомъ изолировать и остальныхъ женщинъ отъ всякихъ сношеній съ мужчинами,—приверотивши для устройства камеръ (по производствѣ необходимыхъ инженерныхъ работъ) замурованное нынѣ и ничѣмъ не занятое пространство въ двухъ-этажномъ зданіи, находящееся между казармою пѣшей команды (за капитальною для нея стѣною), Свѣтличною башнею и старою тюрьмою. Къ этому проекту, высказанному мною инженеръ-полковнику Воронову, онъ отвѣсилъ съ полнымъ одобреніемъ, удостовѣривъ, съ своей стороны, что въ означенномъ пустующемъ зданіи дѣйствительно могутъ быть устроены 4 или 5 хорошихъ, вполне изолированныхъ камеръ—въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ ванна для тѣхъ же камеръ и хорошее помѣщеніе для караульныхъ жандармовъ».

«Примѣрныя соображенія и смѣту стоимости этихъ работъ я просилъ полковника Воронова составить и по полученіи буду имѣть честь представить на усмотрѣніе вашего превосходительства».

«Исправляющій должность начальника управленія подполковникъ Кореневъ *)».

Несмотря на столь заманчивое описаніе, этотъ планъ подп. Коренева не встрѣтилъ сочувствія ни въ штабѣ корпуса, ни, повидному, въ департаментѣ полиціи, хотя Кореневъ и возвращался къ нему въ дальнѣйшемъ,

¹⁾ Тамъ же, л. 159; хранящійся въ дѣлѣ черновикъ датированъ явно ошибочно 2 ноября; дата «2 декабря» устанавливается изъ текста приводимаго ниже отвѣта начальника шлиссельбургскаго жандармскаго управленія. Тотъ фактъ, что послѣдній предупредилъ предложенныя штабомъ мѣры изоляціи С. М., свидѣтельствуеетъ о существованіи аналогичнаго предложенія со стороны департамента полиціи, отправленнаго въ Шлиссельбургъ до прибытія туда С. М. Гинсбургъ.

²⁾ Тамъ же, л. 160.

и даже представлять нужную смѣту. Проектъ изоляціи женщинъ-заключенныхъ такъ и не былъ осуществленъ, и онѣ даже не узнали, какая гроза на нихъ надвигалась.

Старая тюрьма, въ которую попала С. М., уже не разъ была описана (наиболѣе подробное описаніе дать М. В. Новорусскій¹⁾, тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь описаніе этой тюрьмы, за время пребыванія въ ней С. М., данное въ официальному документу—въ «Отчетѣ о санитарномъ состояніи Шлиссельбургской тюрьмы въ 1890 г.», представленномъ старшимъ врачомъ шлиссельбургскаго жандармскаго управленія—Нарышкинымъ въ штабъ корпуса въ самомъ началѣ января 1891 г.²⁾ Въ этомъ отчетѣ мы читаемъ: «Зданіе старой тюрьмы одноэтажное, съ трехъ сторонъ, почти вплотную, окружено стѣнами 4-хъ саженой высоты, одна только сторона, обращенная на востокъ, нѣсколько свободная и отстоитъ отъ стѣны сажень на десять. Вслѣдствіе такой обстановки, воздухъ какъ на дворѣ, такъ и въ самомъ зданіи тюрьмы застаивается и слабо вентилируется, и прямымъ слѣдствіемъ является неизбежная сырость, тѣмъ болѣе, что уровень половъ въ тюрьмѣ немногимъ превышаетъ уровень двора.

«Всѣ камеры, за исключеніемъ двухъ, обращены на западъ. Отапливаніе камеръ и коридора, при помощи круглыхъ желѣзныхъ печей (для каждой камеры по одной печи), производится изъ общаго коридора. Вентилированіе камернаго воздуха производится при помощи одной грушевидной печи, заложеной посредничъ коридора, къ ней подведены изъ каждой камеры по одному вентиляционному каналу. Слѣдствіемъ такой обстановки является неизбежная сырость въ окрестности зданія, а въ особенности камеръ. Лучи солнца освѣщаютъ только по утрамъ коридоръ и двѣ боковыя камеры, а остальные же навсегда лишены солнечнаго освѣщенія, что составляетъ громадный недостатокъ въ гигиеническомъ отношеніи, такъ какъ благодаря близости стѣнъ лучи солнечные освѣщаютъ только крышу тюрьмы. Одна грушевидная печь, назначенная для вентилированія камернаго испорченнаго воздуха, крайне недостаточна для всего помѣщенія, а въ особенности, если топка вентиляціонной печи производится неаккуратно, или какъ было въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, печь совершенно не топилась, по причинѣ проторгнутаго дна. Надобно при этомъ замѣтить, что двойныя рамы камеръ, плотно пригнанные двери въ камерахъ вентиляцію естественную дѣлаютъ почти невозможной. При этихъ условіяхъ воздухъ въ камерахъ былъ спертый, удушливый (въ зимнее время), на что неоднократно работающіе арестанты въ камерахъ заявляли претензіи (большинство камеръ старой тюрьмы были приспособлены для работъ), только, со времени открытія рамъ въ камерахъ и коридорѣ, воздухъ камерный сдѣлался болѣе естественнымъ, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда всѣ камеры и коридоры были снабжены термометрами, можно было регулировать и температуру. Открываніе рамъ для провѣтриванія камеръ и коридора производилось только въ лѣтнее время и при этомъ въ часы, когда арестанты не занимались работами. Съ наступленіемъ же зимняго времени провѣтриваніе камеръ и коридоровъ, при помощи открытія рамъ, было прекращено. При условіяхъ, какъ видно, не особенно благоприятныхъ въ гигиеническомъ отношеніи, въ зданіи старой тюрьмы содержатся два арестанта, страдающіе разстройствомъ психической сферы, которыхъ необходимо было удалить изъ зданія новой тюрьмы по причинѣ шума и безпорядковъ, который они производили подъ вліяніемъ болѣзненнаго состоянія мозга и который (шумъ) сильно беспокоилъ арестантовъ.

¹⁾ «Былое» 1907 г., № 6, стр. 6—7, «Въ Шлиссельбургской крѣпости».

²⁾ Архивъ штаба Корпуса жандармовъ, д. № 11 за 1891 г., по канцеляріи, л. 16.

ставовъ. Было упомянуто, что большинство камеръ старой тюрьмы были превращены въ мастерскія, сапожную, столярную, токарную. Съ декабря же мѣсяца, по случаю заключенія арестантки № 63 ¹⁾ въ старую тюрьму, всѣ мастерскія были переведены въ камеры нижняго этажа новаго зданія.

Между тѣмъ попавшая въ такую обстановку С. М. Гинсбургъ съ самаго момента прибытія въ тюрьму начала страдать нервнымъ разстройствомъ. Въ отчетахъ врачей о ней имѣются слѣдующія упоминанія: въ отчетѣ за декабрь 1890 г. (отъ 5 января 1891 г., за № 12 ²⁾):

«Арестантка № 33 прибыла совершенно здоровой, заключенная въ одну изъ камеръ старой тюрьмы, при условіяхъ по особенно благоприятныхъ для здоровья, физически чувствовала себя хорошо, но страдала бессонницей и крайней возбудительностью всей нервной системы, которая выражалась въ бессонницѣ и слезахъ».

Приблизительно также средактировано упоминаніе о С. М. въ годовомъ отчетѣ врача ³⁾:

«№ 33. При общемъ изслѣдованіи, состояніе здоровья найдено вполне удовлетворительное. Въ теченіе декабря мѣсяца хворала экземой по общимъ разстройствомъ нервной системы. Была постоянно въ возбужденномъ состояніи и страдала бессонницей.»

О томъ, каковы были переживанія С. М., мы узнаемъ изъ ея прошенія, поданнаго ею на имя командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ 18 декабря 1890 г.; вотъ его полный текстъ ⁴⁾:

«Его превосходительству господину командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Софій Гинсбургъ. Прошеніе.

«Умолю наше превосходительство назначить мнѣ другое мѣсто для отбыванія каторги, гдѣ допускается переписка съ матерью и гдѣ не приходится быть въ одиночномъ заключеніи. Клянусь всѣмъ святымъ для меня, что я правдиво объяснила назначеніе воззванія и что покушенія я не подготавливала ⁵⁾. Я глубоко и искренно раскаиваюсь въ моемъ прежнемъ желаніи содѣйствовать какому нибудь противоправительственному дѣлу, и раскаиваюсь не съ тѣхъ поръ, какъ попала въ Штиссельбургъ, но съ того дня, когда оставила воззваніе у Татаринова. Я не высказывала этого до сихъ поръ,

¹⁾ Въ заключенные Штиссельбургской тюрьмы обозначались номерами, подъ № 33 въ 1890—91 г.г. проходитъ С. М. Гинсбургъ.

²⁾ Дѣло штаба корп. жанд., № 9 за 1887 г., л. 187.

³⁾ Дѣло № 11 за 1891 г., л. 23.

⁴⁾ Дѣло № 9 за 1887 г., л. 199.

⁵⁾ Главною, почти единственною уликою на судѣ противъ С. М. былъ проектъ воззванія, объяснявшаго мотивы убійства царя (это воззваніе С. М. забыла въ магазинѣ Татаринова, который его доставилъ въ полицію). Департаментъ полиціи, гдѣ нимъ и судъ, связали это воззваніе съ бомбами, неудачные опыты съ которыми въ это время производили народовольцы въ Швейцаріи (Дембо, Дембскій и др.) и создали дѣло о заговорѣ противъ царя. С. М. объясняла, что это воззваніе ей продиктовано однимъ «человѣкомъ изъ общества», слышавшимъ за либерала, но оказавшагося большимъ радикаломъ, для сообщенія его, какъ изложенія его точки зрѣнія, П. Л. Лаврову (см. обвин. актъ).

На судѣ С. М. отрицала наличность замысла организовать какое-либо покушеніе, указывая, что ея «легкомысленное отношеніе къ лицамъ знакомымъ, указываешь прямо, что она не принадлежитъ къ террору». Себя она признавала «виновной лишь въ томъ, что вовлекла близкихъ ей людей», всѣ же остальные подсудимые рѣшительно ни въ чемъ не виновны: «они жертвы случайнаго совпаденія обстоятельствъ». Къ этому послѣднему пункту С. М. возвращается не разъ, и послѣдними ея словами на судѣ была обращенная къ суду просьба, отнестись внимательнѣе къ другимъ обвиняемымъ» (свѣдѣнія заимствованы изъ отчета о ходѣ суда, составленнаго присутствовавшимъ на судѣ представителемъ департамента полиціи; хранятся въ архивѣ департамента полиціи; дѣло 47, т. 8. — У дѣл. 1889 г., л. 48).

чтобы не подала повод сомневаться въ правдивости моихъ показаній относительно другихъ обвиняемыхъ, пострадавшихъ изъ за меня и ради меня, я даже преднамѣренно оговаривала себя, желая искупить свою вину. Сознана теперь, что это была ошибка, я ясно вижу, что судъ лишь потому не подтвердилъ моихъ показаній, что я не воспользовалась должнымъ образомъ правомъ защиты, не подавила своего волненія, чтобы изложить передъ судомъ всѣ данныя, доказывающія мою правдивость.

«Полтора года я была въ одиночномъ заключеніи, никого не видя, ни съ кѣмъ не говоря, такъ какъ не имѣла даже свиданій. и по одному этому обстановка суда ошеломила меня. На волѣ не было у меня никого, чтобы во время приглашенія защитника, а мои приглашенія, покуда проишли черезъ всѣ инстанціи, дошли такъ поздно, что только надѣлали путаницу, и до вечера 29 ноября, кауза суда, я даже не знала, кто будетъ меня защищать. Начальникъ дома предварительнаго заключенія можетъ подтвердить это. Отъ приглашеннаго адвоката пришлось отказаться, такъ какъ я думала, что назначенный мнѣ особымъ присутствіемъ Андреевскій уже изучилъ дѣло и приготовился къ защитѣ, между тѣмъ въ 8 часовъ вѣч. 29 ноября онъ зашелъ ко мнѣ и сообщилъ, что будетъ такъ занять своими дѣлами, что о моемъ и подумать не успѣетъ. Даже со мною не могъ поговорить о немъ, потому что спѣшить по своимъ дѣламъ. Меня это страшно разстроило. Тутъ же неожиданно въ тотъ самый вечеръ пріѣхала моя мать. Она мнѣ я узнала потрясающія вѣсти о братѣ Семенѣ Стояновскомъ. Въ день суда узнала, что и Михаилъ Стояновскій ¹⁾ боленъ чахоткой. Все это лишило меня всякой возможности разсуждать и мои усилія были направлены на то, чтобы самой съ ума не сойти и не положить на себя руки. Двухъ словъ связать я не въ состояніи была на судѣ. Я даже не обратила вниманія суда на то, что среди всѣхъ лицъ, арестованныхъ со времени взрыва въ Цюрихѣ, слѣдствіе не нашло моихъ знакомыхъ, что я не имѣла никакихъ связей съ революціонными группами, существовавшими тогда въ Петербургѣ и состоявшими въ связи съ заграничней, какъ заключила я изъ допросовъ. Меня допрашивали въ губернскомъ жандармскомъ управленіи по поводу многихъ арестованныхъ, и я смѣло ссылаюсь на свидѣтельстволицъ, производившихъ слѣдствіе. Всѣ же тѣ, съ которыми я была близка и сталкивалась до послѣдняго дня, признаны замѣтъ судомъ не принадлежащими къ преступному сообществу, а только изъ личной привязанности укрывавшими меня. Всѣ показанія подтвердилъ, что главной моей заботой было приписываніе занятій и что, найдя таковыя, я работала съ 6 час. утра до 9 час. вѣч. Какъ же я могла готовить покушеніе, когда не было у меня ни знакомыхъ въ революціонномъ мірѣ, ни денежныхъ средствъ даже къ собственному существованію, ни чего бы то ни было компрометирующаго ни у меня, ни у лицъ, судившихся вмѣстѣ со мною. Относительно же воззванія я сама чистосердечно созналась, что оставила его у Татарнинова я, хотя писано и составлено оно не мною, и хотя Татарниновъ указывалъ на другое лицо, будто бы оставившее его. Я не обратила вниманія суда на восклицательные и вопросительные знаки, которыми вѣщрено воззваніе. Вѣдь это ясно доказываетъ несогласіе съ содержаніемъ не только переписчика, но и мое также. Судъ совершенно призналъ, что я хранила воззваніе для отправки. Какъ же могла я оставить эти знаки, если бы авторомъ была я, или если бы желала послать его, какъ вызовъ къ террору. Все это въ высшей степени важныя обстоятельства, а я ничего о

¹⁾ Стояновскіе—двоюродные братья С. М., изъ показаній М. Стояновскаго на слѣдствіи известно также, что С. М. была его гражданской женой (см. объявленіе).

нихъ не сказала суду. Конечно, особое присутствіе не могло знать, въ какомъ состояніи я нахожусь и почему не оправдываюсь, почему мой защитникъ ничего не сказалъ, кромѣ нѣсколькихъ общихъ, ничего не значущихъ фразъ. Въ этомъ самомъ оно могло усмотрѣть лучшее доказательство моеи вповности. Вотъ почему я безропотно подчиняюсь приговору и прошу только о перемѣщеніи въ менѣ тяжелыя условія. Заключение въ Шлссельбургѣ мнѣ невыносимо, но я позволяю себѣ обратиться къ вашему превосходительству съ настоящей просьбой лишь потому, что на моей совѣсти не тяготѣтъ никакихъ преступныхъ дѣяній, а въ моей тяжелой долѣ я не имѣю никакихъ желаній, кромѣ одного: своимъ терпѣніемъ, утѣшить мать и не лишитъ ее надежды, что поведеніемъ на которѣ я заслужу смятенія приговора и когда-нибудь еще выйду на волю, чтобы пожить съ нею. Вѣрьте мнѣ, ваше превосходительство, что все, сказанное въ этомъ прошеніи, искренно; что это молитва человѣка, окончившаго всѣ расчеты съ жизнью и готового во всякую минуту съ чистой совѣстью предстать предъ всезнающимъ и всевидящимъ Судьей. Я съ радостью подчинюсь какому угодно матеріальнымъ лишеніямъ, буду исполнять какія угодно тяжелыя работы, только перемѣстите меня въ условія, не угрожающія моему психическому состоянію и допускающія сообщенія съ родными.

«Каково бы ни было ваше рѣшеніе, прошу ваше превосходительство отвѣтить мнѣ на это прошеніе. Софія Гинсбургъ».

Это прошеніе С. М. было препровождено командиру корпуса жандармовъ при слѣдующей сопроводительной бумагѣ исп. должность начальника шлссельбургскаго жандармскаго управленія подп. Коренева ¹⁾.

«Представляю при семъ въ подлинникъ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, врученное сего числа мнѣ при посѣщеніи тюрьмы арестанткою № 33 прошеніе и доношу, что арестантка это все время вела себя здѣсь вполне безупречно, хотя одиночное заключеніе и производитъ на нее видимо подавляющее и весьма сильное впечатлѣніе. И. д. нач. управленія подполк. Кореневъ».

Въ этой бумагѣ, несмотря на ея officialную сухость, проскальзываетъ нотка сочувствія къ С. М. Гинсбургъ, — очевидно, тяжесть ея положенія и искренность страданій дѣйствовали даже на тюремщиковъ. Въ еще большей степени эта нотка сочувствія къ С. М. Гинсбургъ замѣтна въ другой бумагѣ того же подп. Коренева ²⁾:

«№ 163.

Секретно

«Командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ заведывающему полиціею.

Р а ц о р т ъ.

«Вчерашняго числа при посѣщеніи мною старой тюрьмы, арестантка № 33, видимо находившаяся въ возбужденномъ состояніи, подъ вліяніемъ одиночнаго заключенія, обратилась ко мнѣ съ просьбою разъяснить ей нѣкоторые, особенно интересующіе ее, вопросы, какъ напримѣръ—дозво-

¹⁾ Дѣло штаба, № 9 за 87 г., л. 198, отношенія отъ 19 дек. 90 г. за № 171.

²⁾ Тамъ же, л. 201, къ дѣлу приштаба копія, на которой дата не сохранилась, поэтому время, къ которому относится приводимый разговоръ, точно установить не удастся, однако, несомнѣнно, что рѣчь идетъ о послѣднихъ дняхъ 1890 г.

ляется-ли заключеннымъ здѣсь: переписка, свиданія съ родственниками можетъ-ли она всѣ, принадлежащія ей собственныя деньги (42 р. 68 к.) пожертвовать полностью на выписку, по ея указанію, нѣкоторыхъ книгъ для чтенія заключенныхъ здѣсь арестантовъ, на какой срокъ заключены здѣсь и прочіе, а затѣмъ, выслушавши сдѣланныя мною, въ предѣлахъ инструкціи, утвержденной 4 августа 1884 года, разъясненія на всѣ эти вопросы, повидимому, уже болѣе спокойно, но со слезами на глазахъ, заявила мнѣ, что готова совершить вновь такого рода преступленіе, за которое согласно, вывѣшеннаго на стѣнѣ ея камеры печатнаго экземпляра статей изъ вышеприведенной инструкціи, должна быть приговорена къ смертной казни.

«Довося о вышеизложенномъ вашему превосходительству, обязываюсь присовокупить, что въ теченіе, прошедшихъ послѣ моего посѣщенія, сутокъ упомянутая арестантка вела себя спокойно, что за нею имѣется тщательное наблюденіе, незамѣтное для заключенной, и что сообщеніе желаемыхъ свѣдѣній о ея ближайшихъ родныхъ, на что (въ виду бывшихъ примѣровъ милостиваго вниманія вашего превосходительства къ такого рода просьбамъ) я счелъ возможнымъ дать ей нѣкоторую надежду, могло бы, по моему мнѣнію, послужить къ успокоенію заключенной, еще не освоившейся со своимъ вполне изолированнымъ положеніемъ здѣсь, видимо, угнетающимъ ее по повости впечатлѣнія. Исправляющій должность начальника управленія подполковникъ *Кореневъ*».

Департаментъ полиціи не такъ легко поддавался «сентиментальностямъ», какъ подп. Кореневъ, и удовлетвореніе прошенія С. М. тамъ было признано «преждевременнымъ»¹⁾. Какъ видно изъ дѣла, единственное облегченіе, которое было признано возможнымъ допустить по отношенію къ Гинсбургъ, было разрѣшеніе работать, — ей выдали все необходимое для шитья. Гинсбургъ охотно воспользовалась этимъ разрѣшеніемъ: въ вѣдомости работъ, сдѣланныхъ арестантками за январь 1891 г., значится, что «арестантка № 33» сшила одну кофту и одни женскія кальсоны изъ бѣлаго холста»²⁾. Но нужнаго душевнаго равновѣсія С. М. это не принесло, и 7 января она покончила свою жизнь самоубійствомъ. Офіціальныя документы³⁾ рисуютъ слѣдующую картину этого самоубійства.

№ 14

Секретно.

«Командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ завѣдывающему полиціею.

Р а п о р т ъ.

«Вчерашняго числа въ исходѣ четвертаго часа пополудни старшій помощникъ подполковникъ Федоровъ доложилъ мнѣ, что содержащаяся въ камерѣ № 4 Старой тюрьмы арестантка Софья Михайлова Гинсбургъ, (№ 33) зарѣзалась выданными ей, для занятія швейною работою ножницами. Отправившись немедленно по этому докладу на мѣсто происшествія, куда вслѣдъ за мной прибылъ старшій врачъ сего управленія статскій совѣтникъ

¹⁾ «Былое» № 13, стр. 60.

²⁾ Дѣло № 11, за 1891 г., л. 32.

³⁾ Тамъ же, л. 12; рапортъ и судебно-медицинскій актъ вскрытія хранились вмѣстѣ въ запечатанномъ пакетѣ съ подписями: «Совершенно секретно» и «пріобщена къ дѣлу канцеляріи Штаба 1891 г. № 11 въ запечатанномъ конвертѣ въ виду важности» секрета о сообщенномъ. И. д. секретаря штаба Нестеровъ.

Нарышкинъ, мы называющую выше арестантку, нашли лежащею въ занимаемой ею камерѣ на койкѣ—сиднюю, причемъ голова была поворочена нѣсколько на правую сторону лицомъ къ стѣнѣ. Въ виду того обстоятельства, что заключенная находилась въ безчувственномъ состояніи, старшимъ врачемъ были приняты надлежащія медицинскія мѣры къ приведенію ея въ чувство. Когда всѣ успія въ этомъ направленіи оказались безплодными, и было положительно констатировано, что передъ нами находится безжизненный трупъ, то и было приступлено къ судебно-медицинскому послѣдованію его. Копію составленнаго по этому поводу акта при семъ представляю. Затѣмъ къ выясненію обстоятельствъ настоящаго случая мною приступлено было къ производству дознанія, по которому оказалось, что заключенная нѣсколько ночей плохо спала, а ночь на новый годъ много плакала, что все время съ прибытія сюда вела себя тихо, покойно. Въ виду чего и для разсѣянія скуки одиночнаго заключенія, ей на основаніи §§ 38, 42, 44 инструкціи, утвержденной 4 августа 1884 года, было разрѣшено заиматься шитьемъ бѣлья, для чего выданы были нужные матеріалы, нитки, иголки и ножницы (совершенно тупоконечныя съ закругленными концами), что вчерашнее число до обѣда Софья Гинсбургъ провела въ обычныхъ занятіяхъ, а послѣ обѣда прилегла на койку, сначала безъ одѣяла, а потомъ прикрывшись пѣть до лица, что безъ 20 минутъ въ 4 часа пополудни она вскрикнула, и что по этому поводу дежурнымъ унтеръ-офицеромъ Германомъ вызванъ былъ въ тюрьму сначала вахмистръ Пристѣпкинъ, а затѣмъ, по распоряженію послѣдняго, и начальникъ тюрьмы, что самоубійство совершено посредствомъ помянутыхъ выше ножницъ, лежа на койкѣ—подъ прикрытіемъ одѣяла. По осмотру камеры все въ ней найдено въ должномъ порядкѣ, на столѣ стояла обѣденная посуда, книги, выданныя для чтенія изъ тюремной бібліотеки и написанная рукою заключенной тетрадь, которая при семъ прилагается въ подлинникѣ, а на койкѣ лѣвѣе трупа лежали окровавленные ножницы, тѣ самыя, которыя были выданы начальникомъ тюрьмы заключенной для кройки бѣлья, никакихъ другихъ орудій или инструментовъ въ камерѣ не найдено.

Въ дополненіе къ вышеизложенному доношу вашему превосходительству, что сего числа въ 5 часовъ пополудни трупъ умершей арестантки преданъ землѣ за стѣною крѣпости, вблизи Свѣтлицной башни. Исправляющій должность начальника управленія, подполковникъ *Кореневъ*.

Судебно-Медицинскій актъ о скоропостижно умершей арестанткѣ, заключенной въ Штессельбургской тюрьмѣ, Софья Гинсбургъ.

Сего 1891 года, января 7-го, въ неходѣ четвертаго часа пополудни въ присутствіи исправляющаго должность начальника штессельбургскаго канцелярскаго управленія подполковника Коренева, помощника его подполковника Федорова и дежурныхъ унтеръ-офицеровъ Германа, Ярмолка и Сергіенко, въ зданіи старой тюрьмы, въ камерѣ № 4, было произведено судебно-медицинское изслѣдованіе трупа скоропостижно умершей арестантки Софій Гинсбургъ, для опредѣленія причины смерти.

Н а р у ж и н ы й о с м о т р ѣ. Въ камерѣ арестантка лежала на кровати, прикрытая одѣяломъ, съ согнутыми лѣвого ногами въ колѣнномъ сгибѣ и съ лицомъ, повернутымъ къ стѣнѣ. Обѣ подушки подъ головою и волосы были пропитаны кровью, покрыты и склеены сгустками свернувшейся крови; часть стѣны и полъ подъ кроватью, на уровнѣ головы, были

залиты свернувшейся кровью, на пространствѣ квадратнаго фута. Кожа лица крайне блѣднаго цвѣта, губы и слизистыя оболочки безкровны, глаза полузакрыты, неподвижны, зрачки расширены и на свѣтъ не реагировали. Вся передняя и задняя поверхность шеи запачкана кровью, частью свернувшейся. Спереди, на срединѣ шеи, какъ разъ на продолженіи вертикальной оси тѣла, имѣется рана эллиптической формы, съ продольнымъ діаметромъ около дюйма, который направленъ сверху внизъ и справа налѣво; поперечный діаметръ раны полдюйма. Края раны гладкіе, поверхность раны покрыта свернувшейся темнаго цвѣта кровью. При слѣдованіи рапы палецъ легко проникаетъ въ каналъ, который имѣетъ направленіе спереди назадъ, сверху внизъ и справа налѣво и въ глубь проникаетъ около полутора дюймовъ. Общая сонная артерія и внутренняя яремная вена порѣзаны. Вся задняя поверхность кофты на арестанткѣ, рубашка, а также и все постельное бѣлье и матрацъ пропитаны кровью. Количество вылившейся крови изъ раны можно полагать до двухъ съ половиною фунтовъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ тѣла, кромѣ крайней блѣдности общихъ покрововъ, никакихъ поврежденій не замѣчено. Признаки жизни въ началѣ осмотра уже отсутствовали.

«С в ѣ д ѣ н і я п р е д в а р и т е л ь н ы я. По настоящему дѣлу мнѣ извѣстно, что арестантка пять недѣль тому назадъ была доставлена совершенно здоровой, только имѣла незначительную экзематозную сыпь на лѣвой щекѣ, отъ которой чрезъ нѣсколько дней и излечилась. Во все время заключенія арестантка вела себя хорошо; при разспросахъ о здоровьи всегда отвѣчала, что совершенно здорова, жаловалась только на бессонницу, отчего разъ и получила лекарства; кромѣ того, было замѣчено, что она все время была въ возбужденно-нервномъ состояніи. Въ теченіе пяти недѣль прогулкою она не пользовалась ни разу. Въ послѣднее время ей стали давать матеріалъ для шитья и необходимыя принадлежности: нитки, иголки и ножницы.

«М н ѣ н і е. На основаніи вышеприведенныхъ фактическихъ данныхъ можно предполагать, что самоубійство произведено съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ; орудіемъ же послужили данныя ей для работы ножницы, и, можно предполагать, что оно было совершено на кровати слѣдующимъ образомъ: ножницами сначала была разрѣзана кожа на шеѣ, съ подкожною клетчаткою, до мышечнаго слоя, послѣ, въ сдѣланную рану были введены вѣтви ножницъ справа налѣво, сверху внизъ и спереди назадъ, по направленію общей сонной артерій и внутренней яремной вены, которыя и были вскрыты однимъ ударомъ ножницъ. За вскрытіемъ главныхъ кровеносныхъ сосудовъ смерть должна была послѣдовать въ нѣсколько минутъ, смотря по количеству излившейся крови. При такомъ раненіи своевременное поданіе медицинскаго пособія и сохраненіе жизни было невозможно.

«З а к л ю ч е н і е. Весь осмотръ сдѣланъ по сущей справедливости и совѣсти, согласно правиламъ медицины, долгу службы и присяги, въ чемъ подписью и приложеніемъ именной печати удостоверяю. Января 7-го дня 1891 года.

Подлинный подписалъ старшій врачъ плиссельбургскаго жандармскаго управленія статскій совѣтникъ *Нарыжкінъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно: исправляющій должность начальника плиссельбургскаго жандармскаго управленія, подполковникъ *Короневъ*.

Тетради, оставшейся послѣ С. М., какъ мы уже отмѣчали, намъ найти не удалось, а между тѣмъ только она одна могла бы вскрыть дѣйствительную причину самоубійства Гинсбургъ. Единственныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія о ней, —это данныя, опубликованныя въ № 18 заграничнаго «Былога». Ихъ мы приводимъ полностью.

1.

«18 января 1891 г.

«Въ тетради, оставшейся послѣ умершей государственной преступницы Софіи Гинсбургъ, имѣется, между прочимъ, такая записъ: «Обращаю вниманіе начальства тюрьмы на положеніе сумасшедшаго заключеннаго. Жандармы для времяпрепровожденія останавливаются у его дверей и начинаютъ всячески издѣваться надъ нимъ, доходя до невѣроятной животной гнусности... Я два раза останавливала жандармовъ, но такое обращеніе къ ихъ нравственному чувству было недостаточно, и лишь угроза пожаловаться начальству заставила ихъ отказаться отъ этого дикаго развлеченія».

«По докладѣ сего г. директору, его превосходительство изволилъ приказать сообщить копію этой записки полковнику Кореневу и просить его представить по ней объясненіе...

«Дѣлопроизводитель *Зволинскій*».

2.

«22 января 1891 г.

«Для разъясненія случая, упомянутого въ выпискѣ, приложенной къ требованію департамента полиціи отъ 19-го числа сего мѣсяца за № 283, своевременно было произведено негласное разслѣдованіе, по которому оказалось, что 26-го числа минувшаго декабря мѣсяца унтеръ-офицеры: Мелентовичъ, Вичуенковъ и Голушко были дежурными въ Старой тюрьмѣ, куда послѣ обѣда прибылъ нестроевой Марковъ, начавшій разносить дрова и топить камерныя печи, а унтеръ-офицеръ Вичуенковъ, помогая ему, подкладывая въ вытяжной каминъ (находившійся въ корридорѣ по сосѣдству съ камерою № 4, гдѣ содержалась арестантка № 33) косякъ, мѣшалъ его ко чергою; въ это время безъ всякой побудительной причины, арестантъ № 3-й въ порывѣ буйнаго помѣшательства, подойдя къ двери своей камеры, началъ громкогласно кричать, произнося самыя неприличныя слова и матерную брань противъ жандармовъ, какъ это бывало съ нимъ и ранѣе неоднократно, за что собственно, какъ нарушающій общее спокойствіе заключенныхъ, онъ и перемѣщенъ сюда изъ Новой тюрьмы; эти-то крики и брань, совершенно неожиданно испугавшіе арестантку № 33, побудили ее, посредствомъ стука въ дверь своей камеры, вызвать дежурнаго унтеръ-офицера Мелентовича, который немедленно явился и къ которому она обратилась съ вопросомъ: «скажите, пожалуйста, отчего тотъ арестантъ такъ шумитъ?» А когда Мелентовичъ объяснилъ ей, что на арестанта этого нашелъ кризисъ бывавшихъ съ нимъ болѣзненныхъ припадковъ, когда онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, то арестантка № 33, видимо, не довѣряя такому объясненію, возразила: «вы его (т. е. арестанта) не трогайте, а то я буду жаловаться начальству». Обо всемъ происшедшемъ, какъ значится выше, въ тотъ же день и 27 числа декабря, когда болѣзненный припадокъ у арестанта № 3 повторился, было вахмистромъ доложено начальнику тюрьмы, который, уже лично объяснивъ арестанткѣ № 33, въ чемъ дѣло, окончательно ее успокоилъ. Надо полагать, что это самое обстоятельство и записано было въ тетрадь умершею арестанкою. Къ вышеизложенному обязываюсь присовокупить, что при всѣхъ посѣщеніяхъ моихъ Старой тюрьмы, я всегда спрашивалъ означенную арестантку, не беспокоитъ-ли ее больной своимъ пронзительнымъ крикомъ, и она всегда отвѣчала, что пока не знала, въ чемъ дѣло, то сильно волновалась, придавая ему превратное значеніе; теперь же къ этимъ случаямъ будетъ относиться совершенно покойно, такъ какъ сама непосредственно успѣла уже убѣдиться, что съ заключенными здѣсь обращаются по человѣчески и содержать ихъ хорошо. Исп. д. нач. упр. подп. *Кореневъ*».

Сообщилъ *Б. И. Николаевскій*.

Достоевскій о „Братьяхъ Карамазовыхъ“.

Неизданныя письма 1879—1881 гг. ¹⁾.

Весь 1878 годъ у Достоевскаго пошелъ на писаніе «Братьевъ Карамазовыхъ»²⁾. Печатаніе этого крупнѣйшаго и любимѣйшаго произведенія, — о которомъ въ № 307 «Московскихъ Вѣдомостей» 1878 г., отъ 2 декабря, было помѣщено извѣщеніе, что «печатаніе новаго романа Ф. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы» начнется съ январьской 1879 г. книжки «Русскаго Вѣстника». — заняло у Достоевскаго цѣлыхъ два года—1879 и 1880³⁾. Изъ публикуемой ниже переписки, не требующей большихъ поясненій, видно, какъ много хлопотъ выпало на долю Достоевскаго въ связи съ изданіемъ романа, сколько затрудненій и осложненій — и внутренняго, и внѣшняго порядка — пришлось ему пережить прежде, чѣмъ онъ увидѣлъ въ печати эпилогъ своей жизни.

1.

Петербургъ. 30 Января/79.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ.

Завтра, т. е. 31 января, высылаю Вамъ продолженіе романа моего (Карамазовы), книгу третью (всю). Этой книгой третьей заканчивается вся первая часть романа. Такимъ образомъ, первая Часть состоитъ изъ трехъ книгъ.

¹⁾ Раннія письма Достоевскаго къ редакторамъ «Русскаго Вѣстника» М. Н. Каткову и Н. А. Любимову напечатаны въ № 14 „Былого“ въ статьѣ «Достоевскій—сотрудникъ „Русскаго Вѣстника“».

²⁾ „Работаю романъ“, — писалъ Достоевскій В. Ф. Пуцковичу изъ Старой Руссы 29 августа 1878 г., „но дѣло идетъ какъ-то туго, и я только лишь въ началѣ, такъ что я очень недоволенъ собой“ („Московскій Сборникъ“, изд. С. Шараповымъ, Москва, 1887 г., стр. 7). „Романъ я началъ и пишу, сообщалъ онъ С. А. Юрьеву 11 іюня 1878 г., изъ Старой же Руссы, но онъ далеко не доконченъ, онъ только что начать... Когда я послѣ долгаго сотрудничества въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ напечаталъ мой романъ „Подростокъ“ у Некрасова, по предложенію послѣдняго, хотя ждалъ этого романа „Русскій Вѣстникъ“, я увѣдомилъ М. Н. Каткова, что все-таки считаю себя преимущественно его сотрудникомъ. Вотъ почему на счетъ теперешняго романа уже вступилъ съ Мих. Никифоровичемъ и даже взялъ изъ нихъ редакцію 2.000 руб. впередъ (какъ и всегда прежде бралъ впередъ). Тѣмъ не менѣе о романѣ моемъ мы съ ними окончательно не рѣшили, по причинамъ, которыя, по подробностямъ ихъ, трудно уместить въ письмѣ, но которыя, въ сущности, заключаются въ обстоятельствахъ постороннихъ. до литературной сущности романа не относящихся, но могущихъ случиться и быть разъясненными, лишь въ концѣ сентября или въ октябрѣ сего 1878 года“. („Въ память С. А. Юрьева“. Сборникъ. Москва, 1890 г., стр. 279).

³⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1879 г. №№ 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11 и 1880 г. №№ 1, 4, 7, 8, 9, 10 и 11.

Всего Частей будетъ три и каждая Часть будетъ соответственно дѣлиться на книги, а книги—на главы.

Въ этой третьей книгѣ всего восемьдесятъ восемь моихъ полулистовъ, что и составитъ, кажется, ровно 5½ листовъ «Русскаго Вѣстника».

Такимъ образомъ, вся 1-я Часть романа будетъ содержать въ себѣ отъ 13-ти до 14-ти печатныхъ листовъ «Русскаго Вѣстника». Вмѣстѣ съ симъ, многуважаемый Николай Алексѣевичъ, спѣшу Васъ заранѣе предупредить, что на Мартовскую книжку «Русскаго Вѣстника» я ничего не могу (не въ силахъ) прислать, такъ что печатаніе 2-й Части начнется съ 4-й, т. е. съ Апрельской книжки «Русскаго Вѣстника», и эту вторую Часть я тоже напечатать желалъ бы непрерывно, до самаго ея окончанія.

Съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ буду ожидать изъ Редакціи корректуръ 2-й Части. Всѣ корректуры буду высылать заказными. (В. Третью Часть романа высылаю теперь тоже въ заказномъ пакетѣ, равно какъ и это письмо).

Такъ ли я адресую, и хорошо ли, что я слишкомъ подробно прибавляю въ адресѣ: «На Страстной бульварѣ» и т. д.?

Я до сихъ поръ въ чрезвычайномъ безпокойствѣ: дошли ли до Васъ всѣ высылки корректуръ первой Части? Только одну послѣднюю корректуру, послѣ Вашей телеграммы, я пошлю заказною. Первые жъ три отослалъ незаказными. Это меня чрезвычайно безпокоитъ, тамъ было не много поправокъ, но онѣ существенныя.

И такъ съ нетерпѣніемъ жду корректуръ этой третьей, высланной теперь книги. Кстати: убѣдительнѣе прошу Васъ напечатать эту третью книгу (5½ листовъ) въ Февральскомъ № «Русскаго Вѣстника» всю, безъ перерыва, не дробя, напримѣръ, на Мартъ, въ который я не могу дать текста. Совершенно нарушится гармонія и пропорція художественная. Я же эту третью Книгу, теперь высланную, далеко не считаю дурною, напротивъ, удавшеюся. (Простите великодушно маленькое самохвалство. Вспомните Ал. Павла: «Меня не хвалить, такъ я самъ начну хвалиться»).

Убѣдительнѣе прошу Васъ передать глубочайшее мое уваженіе Вашей супругѣ.

Засимъ примите и Вы увѣреніе въ моемъ уваженіи и лучшихъ къ Вамъ чувствахъ.

Вашъ слуга

Федоръ Достоевскій.

• • •

Въ дальнѣйшемъ письмѣ, отъ 10 мая 1879 г. встрѣчаемъ обычныя у Достоевскаго сужденія объ анархизмѣ и социализмѣ; аналогичныя мысли высказалъ онъ и въ письмѣ къ В. Θ. Пуцковичу, писанномъ подлѣю раньше — 3 мая 1879 г. (см. «Московский Сборникъ», подъ ред. Сергѣя Шарапова, Москва, 1887, стр. 11—12; тамъ же стр. 7—8).

2.

10 Мая/79. Старая Русса.

Милостивый Государь

Многуважаемый Николай Алексѣевичъ.

Сегодня выслать на Ваше имя въ Редакцію Р. Вѣстника два съ половиною (минимумъ) [листа] текста Братьевъ Карамзновыхъ для предстоящей Майской книги Р. Вѣстника.

Это Книга пятая, озаглавленная Pro и Contra, но не вся, а лишь половина. 2-я половина этой 5-й книги будет выслана (своевременно) для Юньской книги и заключать будет три листа печатных. Я потому принужден был разбить на 2 книги Русского Вѣстника эту 5-ю Книгу моего романа, что, во 1-хъ) Еслибъ даже и напрягъ всѣ усилія, то кончилъ бы ее развѣ къ концу Мая (за сборами и переѣздомъ въ Старую Руссу слишкомъ запоздалъ), стало быть не получилъ бы корректуръ, а это для меня важнѣе всего; во 2-хъ) Эта 5-я Книга въ моемъ взорѣннѣи есть кульминаціонная точка романа, и она должна быть закончена съ особенною тщательностью. Мысль ея, какъ Вы уже увидите изъ посланнаго текста, есть изображеніе крайняго богохульства и зерна идеи разрушенія нашего времени въ Россіи, въ средѣ оторвавшейся отъ дѣйствительности молодежи и рядомъ съ богохульствомъ и анархизмомъ—опроверженіе ихъ, которое и готовится мною теперь въ послѣднихъ словахъ умирующаго Старца Зосимы, одного изъ лицъ романа. Такъ какъ трудность задачи, взятой мною на себя, очевидна, то Вы, конечно, поймете, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, и извините то, что я лучше предпочелъ растянуть на 2 книги, чѣмъ испортить кульминаціонную главу моего послѣдностью. Въ цѣломъ глава будетъ исполнена движенія. Въ томъ же текстѣ, который я теперь выставляю, я изображаю лишь характеръ одного изъ главнѣйшихъ лицъ романа, выражающаго свои основныя убѣжденія. Эти убѣжденія есть именно то, что я признаю Синтезомъ современнаго русскаго анархизма. Отрицаніе не Бога, а смысла его созданія. Весь социализмъ вышелъ и началъ съ отрицанія смысла исторической дѣйствительности и дошелъ до программы разрушенія и анархизма. Основные анархисты были, во многихъ случаяхъ, люди искренно убѣжденные. Мой герой беретъ тему, по моему, неотразимую: безсмыслицу страданія дѣтей и выводить изъ нея абсурдъ всей исторической дѣйствительности. Не знаю, хорошо ли я выполнялъ, но знаю, что лицо моего героя въ высочайшей степени реально. (Въ Вѣсахъ было множество лицъ, за которыхъ меня укоряли, какъ за фантастическія, потому же, вѣрите-ли, они всѣ оправдались дѣйствительностью, стало быть вѣрно были угаданы. Мнѣ передавали, напримѣръ, К. П. Побѣдоносевъ о двухъ, трехъ случаяхъ изъ задержанныхъ анархистовъ, которые поразительно были схожи съ изображенными мною въ Вѣсахъ). Все, что говорится моимъ героемъ, въ посланномъ Вамъ текстѣ, основано на дѣйствительности. Свѣ анекдоты о дѣтяхъ случились, были, напечатаны въ газетахъ, и я могу указать, гдѣ—ничего не выдуманно мною. Генераль, затравившій собаками ребенка, и весь фактъ—дѣйствительное происшествіе, было опубликовано нынѣшней зимой, кажется, въ «Архивѣ» и перепечатано во многихъ газетахъ. Богохульство же моего героя будетъ торжественно опровергнуто въ слѣдующей (Юньской) книгѣ, для которой и работаю теперь со страхомъ, трепетомъ и благоговѣніемъ, считая задачу мою (разбитіе анархизма) гражданскимъ подвигомъ. Пожелайте мнѣ успѣха, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ. Корректуръ жду съ превеликимъ нетерпѣніемъ. Адресъ: Старая Русса, Ө. М-чу Достоевскому.

Въ посланномъ текстѣ кажется нѣтъ ни одного неприличнаго слова. Есть лишь одно,—что ребенка 5 лѣтъ мучители, воспитавшіе его, за то, что она не могла проситься почью, обмывали ея же каломъ. Но это прошу, умоляю не выкидывать. Это изъ текущаго уголовного процесса. По всѣхъ газетахъ (всего 2 мѣсяца назадъ, Мекленбург. мать—«Голосъ») сохранено было слово калъ. Нельзя смягчать, Николай Алексѣевичъ, это было бы слишкомъ, слишкомъ грустно. Не для 10 лѣтнихъ же дѣтей мы пишемъ. Впрочемъ, я убѣжденъ, что Вы и безъ моихъ просьбъ сохранили бы весь мой текстъ.

Еще объ одномъ. Пустячить. Лаврей Смердяковъ поетъ лаврейскую пѣсню и въ подкудуть:

Славная коропа,
Было бы чей милая второва.

Пѣсня мною не сочинена, а записана в Москвѣ. Слышала ее еще 46 лѣтъ назадъ. Сочинилась она у купеческихъ приказчиковъ 3-го разряда и перешла къ лакеямъ, нѣмъ никогда изъ собирателей не записана и у меня въ первый разъ является.

Но настоящій текстъ куплета:

Царская корона,
Была бы моя милая здорова.

А потому, если найдете удобнымъ, то сохраните, ради Бога, слово Царская вмѣсто славная, какъ я перемѣнилъ на случай. (Славная-то само собой пройдетъ).

Какое здоровье Михаила Никифоровича? Будьте такъ добры, передайте ему мое наиглубочайшее уваженіе.

Свидѣтельствую все почтеніе Вашей супругѣ.

Примите, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, искреннее увѣреніе въ самыхъ лучшихъ моихъ къ Вамъ чувствахъ.

Вашъ покорный слуга

Ф. Достоевскій.

Р. S. Нельзя ли включить на послѣдней страницѣ извѣщеніе: Окончаніе 5-й Книги Pro и Contra въ слѣдующемъ № 8.

На Юньскую книжку пришлю текстъ къ 10-му Юня (самое позднее), а то и раньше того. Такимъ образомъ, войду въ сроки и буду прикладывать еще разѣ 10-го числа каждаго мѣсяца. Буду печатать каждый мѣсяць безъ перерывовъ.

Разсказъ о генералѣ, затравившемъ собаками крѣпостного мальчика за то, что онъ зашибъ камнемъ ногу его любимой голчей, а также о 5-лѣтней дѣвочкѣ, которую истязали ея родители, запирая на всю ночь въ отхожее мѣсто, и подвергали ее другимъ мученіямъ, — вложенъ въ уста Ивана Карамазова, во время бесѣды его съ Алешей Карамазовымъ въ IV главѣ (Бунтъ) книги Пятой (Pro и Contra), появившейся въ майскомъ № «Русскаго Вѣстника» 1879 года. Подробное изложеніе происходившаго изъ Харьковѣ, въ окружномъ судѣ, въ мартѣ 1879 г., разбирательства дѣла объ иностранцахъ Александрѣ и женѣ его Евгениіи Брунстѣ, обвинявшихся въ истязаніяхъ своей 5-лѣтней дочери Эмилии, было дано въ 3-хъ фельетонахъ «Голоса» (№№ 79, 80 и 82) за 1879 г. подъ заглавіемъ «Мекленбургско-Шверинская мать» (Отъ корреспондента «Голоса»). Въ письмѣ къ В. Ф. Пуцкоичу отъ 21 января 1880 г. Достоевскій опять вспомнилъ ужасный случай съ истязуемой дѣвочкой: «Только что сейчасъ развернулъ «Варшавскій Дневникъ... и прочелъ статью отъ 17 января, въ которой редація стоитъ за истязаніе дѣтей. Осмѣиваютъ идею объ обществѣ покровительства дѣтямъ. Стоять за дѣтей и т. д. — значитъ по ихнему разрушать семейство. Какая нелѣпость! Но тѣ семейство, гдѣ отцы мажутъ 5-лѣтнюю дѣвочку г..., кормятъ ее г... и запираютъ въ морозную ночь въ пучинникъ, — то семейство развѣ святиня, развѣ ужъ оно не разрушено?» («Московскій Сборникъ», подъ ред. Сергѣя Шарапова, Спб., 1887 г., стр. 13).

Въ пѣснь Смердякова (въ главѣ «Смердяковъ съ гитарой») «Русскій Вѣстникъ» не побоялся напечатать:

Царская корона,
Была бы милая здорова.

(«Русскій Вѣстникъ», 1879 г., кн. 5, стр. 382); равнымъ образомъ и въ разсказѣ объ истязуемой дѣвочкѣ Любимовъ оставилъ грубое слово, о сохраненіи котораго умолялъ Достоевскій (стр. 404).

3.

Старая Русса, 17 Мая/79 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ,

Я хоть и откладывалъ до сихъ поръ расчесть съ «Русскимъ Вѣстникомъ» какъ какъ съ самаго начала забралъ впередъ, но теперь крайнія обстоятельства заставляютъ меня позволить Васъ обезпознать м.ею просьбою, что мнѣ очень непріятно, ибо рассчитывалъ сдѣлать это гораздо позже. Счеты наши, къ счастью, очень просты, Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ. Я печатаюсь по 300 р. за листъ, забралъ же впередъ всего на всего 4.000 руб., такимъ образомъ, если сосчитать все напечатанное, по листамъ и по страницамъ, то выйдетъ уже излишекъ пртивъ 4.000 руб. уже заработанный, и это я считаю лишь по отпечатанному. Два же съ половиною листа (печатныхъ) тексту, доставленныхъ съ недѣлю назадъ для текущей Майской книжки, въ счетъ не вошли.

Но бѣда въ томъ, что мнѣ теперь нужны деньги опять значительныя, не менѣе 2.000 руб., какъ и въ прошломъ году. (NB. Замѣтите, что къ 10 Іюня я вышлю тексту уже на Іюньскій №, и тогда выйдетъ заработаннаго мною уже болѣе, чѣмъ на 2000 руб.). Вотъ почему и обращаюсь къ Вамъ съ просьбой выслать мнѣ сюда, въ Старую Руссу (Ст. Русса, Ѳ. М. Достоевскому) эти 2.000 руб., чѣмъ крайне обяжете. Вѣрю себя вполне Вашему ко мнѣ благорасположенію, которое не разъ извѣдалъ. Хотѣлъ было къ ряду написать и Михаилу Никифоровичу, но боюсь обезпознать, а потому и рѣшился поручить всѣ эти заботы Вашему доброду посредничеству.

Примите, Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ, искреннѣйшее увѣреніе въ моемъ полнѣйшемъ уваженіи и преданности.

Вашъ всегдашній слуга

Ѳ. Достоевскій.

Р. S. Текстъ на Іюньскій № прибудетъ въ Редакцію къ 10-му іюня, нѣ минуты позже ¹⁾.... корректуру.

* . *

Въ слѣдующемъ письмѣ Достоевскаго—опять находимъ горячіе выпады противъ социализма по поводу посланной въ редакцію страшной пророческой V главы («Великій инквизиторъ»). Главы VI («Пока еще не очень ясная») и VII («Съ умнымъ чело-вѣкомъ и поговорить интересно») были посланы одновременно и вошли въ іюньскую книжку, закончивъ Книгу Пятую и Часть Вторую «Вратъевъ Карамазовыхъ». Въ письмѣ этомъ, весьма важномъ для пониманія Достоевскаго, онъ точно формулируетъ свои идеи, такъ сказать, «ставитъ точки на і» въ опредѣленіи характера Івана Карамазова и его убѣжденій и выясняетъ свое «сredo»: по его убѣжденію, «чистый, идеальный христіанинъ—дѣло не отвлеченное, и образно реальное, возможное, во-очію предстоящее», а «христіанство—есть единственное убѣжище Русской земли отъ всѣхъ ея золъ»...

¹⁾ Низъ письма. съ послѣдней строкой, отрѣзанъ.

Старая Русса, 11 Июня 79.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Третьяго дня я отпиралъ въ Редакцію «Русскаго Вѣстника» продолженіе Карамазовыхъ на Юньскую книжку (окончаніе 5-й главы Pro и Contra). Въ ней закончено то, что «говорятъ уста гордо и богохульно». Современный отрицатель, изъ самыхъ ярыхъ, прямо объявляетъ себя за то, что совѣтуетъ дьяволъ, и утверждаетъ, что это вѣрнѣе для счастья людей, чѣмъ Христосъ. Нашему русскому, дурацкому, но страшному социализму—(потому что въ немъ молодежь)—указаніе, и кажется энергическое: хлѣбы. Вавилонская башня (т. е. будущее царство социализма) и полное порабоженіе свободы совѣсти—вотъ къ чему приходитъ отчаянный отрицатель и атеистъ. Разница въ томъ, что наши социалисты (а они не одна только подпольная интеллигенція—вы знаете это)—сознательные иезуиты и лгуны, не признающіеся, что идеалъ ихъ есть идеалъ насилія надъ человѣческой совѣстью и низведеніе человѣчества до стаднаго скота, а мой социалистъ (Иванъ Карамазовъ)—человѣкъ искренній, который прямо признается, что согласенъ съ взглядомъ «Великаго Инквизитора» на челоѣчество, и что Христова вѣра (будто бы) вознесла челоѣвка гораздо выше, чѣмъ стоитъ онъ на самомъ дѣлѣ. Вопросъ ставится у стѣны: «Презираете вы челоѣчество или уважаете, вы, будущіе его спасители?»

И все это будто бы у нихъ во имя любви къ челоѣчеству: «Тяжелъ, дескать, законъ Христовъ и отвѣщенъ, для слабыхъ людей невыносимъ»,—и вмѣсто закона Свободы и Прощенія несутъ имъ законъ цѣпей и порабоженія хлѣбамъ.

Въ слѣдующей книгѣ произойдетъ смерть Старца Зосимы и его предсмертныя бесѣды съ друзьями. Это не проповѣдь, а какъ бы разсказъ, повѣсть о собственной жизни. Если удастся, то слѣзая дѣло хорошее: заставляю сознаться, что чистый, идеальный христіанинъ—дѣло не отвѣщенное, а образно реальное, возможное, вообщію предстоящее, и что христіанство есть единственное убѣжище Русской Земли отъ всѣхъ ея золъ. Молю Бога, чтобы удалось, вещь будетъ патетическая, только бы достало вдохновенія. А главная тема такая, которая никому изъ теперешнихъ писателей и поэтовъ и въ голову не приходитъ, стало быть совершенно оригинальная. Для нея пишется и весь романъ, но только чтобы уда ось, вотъ что теперь тревожитъ меня. Пришлю же непременно на Юльскую книгу, и тоже 10 Юля, не позже. Въ этомъ постараюсь изъ всѣхъ силъ.

Получилъ Ваше письмо, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, на счетъ высылки денегъ и живу съ вѣтеринѣемъ обѣщанной тысячей. Нахожусь почти безъ денегъ, а занимать не желаю бы. А потому чрезвычайно прошу выслать эту тысячу рублей, какъ можно скорѣе, если возможно, то ни мало не медля, потому что настоятельно нужно.

Гдѣ проживаетъ Михаилъ Никифоровичъ, въ Москвѣ или имѣньи, и какъ его здоровье? Передайте ему отъ меня мой горячій привѣтъ и поклонъ.

А теперь, если у Васъ есть ко мнѣ хотя бы нѣкоторое дружелюбіе (сужу потому, какъ мы выѣздили и говорили), то не слѣзаетъ ли мнѣ, если можете, одно одолженіе и це, уважаемый Николай Алексѣевичъ. Я вамъ писалъ какъ-то разъ вскользь о Пущиковѣ. Были мы издатель Гражданина. Онъ писалъ мнѣ, что Михаилъ Никифоровичъ обѣщаетъ ему высылать что-то помѣсячно за корреспонденцію въ Берлинъ. Между тѣмъ, онъ долженъ теперь (писать мнѣ) до самой крайней платы въ Берлинъ. Челоѣкъ же онъ весьма и весьма недурной. Теперь онъ оставилъ на мѣсяцъ, если у васъ не будетъ, по поводу недурной—издавать «Гражда-

ниязъ въ Берлинъ помѣсячно, выпусками, книжками. Хочетъ рискнуть печатать въ кредитъ, потому что даже и на бѣду у него денегъ нѣтъ. Подлости онъ не пашшетъ никогда, а лишний органъ Русскій, хотя бы и заграничный, издаваемый въ хорошемъ направленіи—дѣло недурное. Если бы возможно было его поддержать, хотя бы чѣмъ нибудь самымъ малымъ (буквально), какой нибудь сотней или двумя рублей, то онъ издалъ бы первый №, а тамъ бы можно бы и посматрѣть, что изъ этого выйдетъ. Его бы можно было руководить и направлять. Надѣется онъ на подписку хотя бы сначала и малую.—Я васъ просилъ бы убѣдительно лишь о томъ, чтобы Вы, переговоривъ съ Михаиломъ Никифоровичемъ, сообщили мнѣ: каковъ его взглядъ на Пуцковича и правда ли, что Михаилъ Никифоровичъ обѣщаль ему высылать помѣсячно (за корреспонденціи) нѣкоторую сумму въ Берлинъ? По крайней мѣрѣ онъ самъ мнѣ положительно это писалъ. Жду Вашего сообщенія объ этомъ.

Пожалуйста, добрыйшій Николай Алексѣвичъ, уделите время и черкните мнѣ хоть 2 словечка о семъ предметѣ. Этотъ Пуцковичъ мнѣ знакомъ, и я его нѣсколько люблю. Самъ же онъ погибаетъ и почти въ отчаяніи.

Засимъ

Съ великимъ уваженіемъ и преданностію.

Вашъ

Ф. Достоевскій.

P. S. Мое почтеніе Вашей многоуважаемой супругѣ.

Адресъ Пуцковича: Berlin, Dorotheen Strasse, 60. Victor Putzykovitch.

Викторъ Теофиловичъ Пуцковичъ (род. 1843)—писатель и публицистъ консервативнаго направленія, сотрудникъ «Гражданина», секретарь его редакціи, затѣмъ, съ 1874 г., послѣ Достоевскаго, его преемникъ въ должности редактора, а съ 1877 г.—и собственникъ журнала. Въ письмѣ къ Пуцковичу отъ 3 мая 1879 г. Достоевскій изъ Старой Руссы писалъ: «Не стѣнать Вамъ ничего до сихъ поръ въ Берлинъ за сѣ рами въ Старую Руссу, въ-за которыхъ запустилъ и доставку р-мана въ «Русскій Вѣстникъ». Завоевать удалось и на этотъ мѣсяцъ одѣлаюсь не раньше 15 мая,—тогда и напишу Вамъ еще, а теперь лишь нѣсколько строкъ, чтобы Вы не подумали, что я Васъ забылъ... Вы ничего точнаго не пишете, изъ чего заключаю, что и въ самой темершейшей Вашей судьбѣ есть неясность ужасная. Напримѣръ, Вы не объяснили, до сихъ поръ, съ какими средствами Вы отправились за границу, что у Васъ было въ карманѣ и что въ надеждахъ? Во-вторыхъ: какія надежды? Если обѣщаль Вамъ что-нибудь Катковъ, то что именно? И, наконецъ, и обѣщаль ли что дѣйствительно или все только въ одномъ предположеніи? Не зная всего этого, нельзя и судить о Вашемъ положеніи. Я вѣдь хотѣлъ было написать Каткову и напомнить о Васъ, но какъ я сдѣлаю, ничего не зная? Корреспондентъ ли Вы его, или нѣтъ? Вы пишете, что уже отвѣтили въ «Московскія Вѣдомости» кое что изъ Берлина, но не было напечатано. Тутъ самое важное: формальный ли Вы корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» по уговору, или послали корреспонденцію какъ всякій частный человѣкъ, которъ му гадумалось бы написать что нибудь? Все это время Катковъ былъ очень боленъ, карбункуломъ на колѣнкѣ, который ему вѣрзали и который онъ получилъ при паденіи на лѣстницѣ моей квартиры, когда дѣлалъ мнѣ визитъ въ Петербургъ... Я написалъ о Васъ недавно Любимову два словечка: не зная ли, вскакъ Михаилу Никифоровичу, но написалъ чуть-чуть, осторожно, потому что писалъ не самому Каткову...») Положеніе Ваше беспокоитъ меня до крайности») Кроме 5 письма Достоевскаго (1874—

1) Письма этого въ нашемъ собраніи писемъ Достоевскаго къ Любимову нѣтъ.

2) «Московскій Сборникъ», подъ ред. Сергія Шарапова. М., 1887, стр. 30—31.

1880 г.), опубликованных Пущиковичем в «Московском Сборнике» Сергея Шарапова (М. 1887, стр. 5—15), он в «Берлинском Листке» 1903 г. (№ 1. февраль—март) напечатал еще письма Достоевского к себе и воспоминания о писателе; дуга воспоминания о нем же он поместил еще в «Московских Вѣдомостях» 1910 г., № 22 и 130, наконец, в «Новом Времени» 1902 г. (№ 9292, от 16 января) напечатал очень ценное сообщение по поводу легенды о «Великом Инквизиторе» и в разъяснение полемики о прохождении легенды между «Инфолио» и В. В. Розановым: первый указал на аналогичные мотивы у Гете и Вольтера, а второй—спаривал всякое заимствование, находя, что герой легенды только по виду испанский инквизитор, а в сущности—«Русский интеллигент-фантазер». Пущикович сообщает по этому поводу свою бесѣду с Достоевским, который, во-первых, утверждал самостоятельность темы, им выношенной в своей душѣ почти в течение всей жизни, а во-вторых, объяснил, что легенда направлена против католичества и папства—а именно самого ужаснаго периода католичества, т. е. инквизиціоннаго его периода, имѣвшаго столь ужасное дѣйствіе на христианство и все человечество¹⁾.

Въ 1879 г. Пущикович издавалъ в Берлинѣ „Русскій Гражданинъ. Журналъ политическій и литературный“; здѣсь, въ № 5, отъ 31 іюля, было помѣщено «Письмо къ редактору» Ф. М. Достоевскаго. О Пущиковичѣ упоминаетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ и издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерскій (ч. II, 1865—1881, СПб., 1898). Ср. еще въ концѣ слѣдующаго письма.

5.

Старая Русса, 8 Іюля/79

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Считаю совершенно необходимымъ извѣстить Васъ о моихъ обстоятельствахъ и прошу любезнаго Вашего ко мнѣ вниманія.

По разстроившемуся здоровью мнѣ безотлагательно прописано сѣздить въ Эмсъ на 6 недѣль леченія. Просьбу о паспортѣ я подалъ отсюда, изъ Старой Руссы, и такъ какъ въ качествѣ бывшаго ссыльнаго я получаю заграничные паспорта каждаго разѣ особымъ (медленнымъ) путемъ, то надѣюсь получить его къ 15—20-му Іюля. Возвращусь въ Старую Руссу въ концѣ Августа. Поѣздка работѣ не помѣшаетъ, напротивъ, въ Эмсѣ, въ совершенномъ уединеніи, я еще свободнѣе, по объѣзду этому потомъ.

Главное же въ томъ, что на нынѣшній мѣсяцъ (на Іюльскую, 7-ю книжку) я бы очень просилъ Васъ не требовать отъ меня продолженія Карамазовыхъ²⁾. Оно почти готово, и, при нѣкоторомъ усилии, я бы могъ выслать и въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Но важное для меня въ томъ, что эту будущую, 6-ю Книжку (Pater Segrificus, Смерть старца) я считаю кульминаціонной точкой романа, а потому желалось бы отдѣлать ее какъ можно лучше, просмотрѣть и почитать еще разъ; беру ее съ собой въ Эмсъ и изъ Эмса вышлю въ Редакцію Рускаго Вѣстника не позже (ни въ какъ мѣ случаѣ) 10—12 числа будущаго Августа, т. е. къ этимъ числамъ она уже будетъ въ Редакціи. Такимъ образомъ появится она 31 Августа въ

¹⁾ См. еще «Литер. Вѣстн.» 1902 г., кн. 2 стр. 222—226 и Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешинскій): «Ф. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ», М., изд. Сытина. 1912 г., стр. 159—160, гдѣ перепечатана часть сообщенія Пущиковича.

²⁾ Въ Іюльской книжкѣ «Карамазовы» не печатались, а появились, опять, какъ просилъ Достоевскій, въ августовской и продолжались затѣмъ еженѣдельно до ноябрьской, послѣ чего возобновились съ январской,—опять таки, согласно желанію самого автора.

Р. Вѣстникъ (до 3-хъ печатн. листовъ). Затѣмъ послѣдуетъ 7-я Книга на Септѣбрѣ и Октябрѣ (по 2¹/₂ листа на каждый мѣсяцъ; впередъ заявлю, что эффектная), и этой 7-й Книгой закончится 2-я Часть романа Бр. Карамазовыхъ.

И вотъ я теперь у самаго главнаго пункта! Въ романѣ есть еще 3-я Часть (не столь великая числомъ листовъ, какъ 2-я, но такого же объема, какъ и первая). Закончить же ее въ нынѣшнемъ году я положительно не могу. Не рассчиталъ, привыкаясь за романъ, силъ моего здоровья. Кромѣ того, работать стало гораздо медленнѣе и, наконецъ, смотрю на это сочиненіе мое строже, чѣмъ на всѣ прежнія. Хочу, чтобъ закончилось хорошо, а въ немъ есть мысль, которую хотѣлось провести, какъ можно яснѣе. Въ ней судъ и казнь и постановка одио изъ главнѣйшихъ характеровъ Ивана Карамазова. Однимъ словомъ, считаю долгомъ, сообщить вамъ и предложить на Ваше согласіе слѣдующее. Послѣ окончанія 2-й Части (въ Октябрской книжкѣ) я приостановлюсь до будущаго года, до Января, и 3-я Часть появится въ Январской книжкѣ. Эта 3-я Часть (въ 10 или 11 листовъ) будетъ закончена.—а съ нею вмѣстѣ и романъ.—въ Январѣ, Февралѣ и Мартѣ (никакъ не долѣе), а можетъ быть даже въ Январѣ и въ Февралѣ, но чтобы не было газетныхъ (фельетонныхъ) обвиненій на Русскій Вѣстникъ (какъ при Аппѣ Карениной), что редакція нарочно растягиваетъ романъ на нѣсколько лѣтъ. Я въ Октябрской же книжкѣ сего года, т. е. при окончаніи 2-й Части, пришлю Вамъ мое письмо для напечатанія въ этой же книжкѣ, за моею подписью, въ которомъ принесу извиненіе, что не могъ кончить работу въ этомъ году по нездоровью, и что виновать передъ публикой выхожу одинъ только я. Письмо прислано будетъ предварительно на Ваше разсмотрѣніе¹⁾. Такъ какъ я считаю все это для меня весьма важнымъ, то и попрошу Васъ очень. Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, извѣстить меня объ этомъ хоть краткимъ письмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ попрошу Васъ передать объ этомъ и Михаилу Никифоровичу. По нѣк. торымъ соображеніямъ мнѣ мнѣ кажется, что планъ мой въ моемъ положеніи для меня лучшій, да и исходу другого не вижу.

Если напишете мнѣ, то адресуйте въ Старую Руссу на мое имя. Мнѣ, если бы и уѣхалъ уже въ Эмъ, жана перешлеть по всякомъ случаѣ тотчасъ же.

Я 3-го дня писалъ въ Редакцію Р. Вѣстника телеграмму съ просьбой выслать мнѣ послѣдній, 6-й, Юньскій № Р. Вѣстника, который я не получалъ до сихъ поръ, хотя въ Старую Русу. Предыдущіе 2 № были высланы мнѣ сюда, въ Старую Руссу. Этотъ №, вѣроятно, забыли. Весьма прошу Васъ, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, выслать мнѣ его немедленно. Во 1-хъ, авторское нетерпѣніе. а во 2-хъ необходима книжка даже для справокъ.

Объщающую 2-ю тысячу рублей (изъ обѣщанныхъ 2 мѣсяца назадъ двухъ) особенно попрошу Васъ выслать или выслать сюда, въ Старую Руссу, на имя жены моей: Аппѣ Григорьевнѣ Достоевской. Старая Русса, собственныи домъ. Обѣ прежнія присылки по 500 руб. (съ тѣхъ поръ, какъ я въ Старой Руссѣ) высылались на Ахенбаха и Колля въ Петербургъ, что повергло меня въ большіе хлопоты. ибо не бѣжать же въ Петербургъ за 300 верстъ получать ихъ. Первые 500 руб. были взяты отъ Ахенбаха и Колли лишь вслѣдствіе случайной поѣздки въ Петербургъ жены моей, 2-я же присылка на Ахенбаха и до сихъ поръ лежитъ у меня въ столѣ, до тѣхъ поръ, какъ поѣду самъ въ Петербургъ, чтобъ оттуда отправиться въ Эмъ. А потому чрезвычайно прошу выслать впередъ деньги, пока я не переѣду на зиму въ Петербургъ, кредити ми билетами.

Весьма благодарю Васъ за отвѣтъ на счетъ Г-на Пуцковича. Поступокъ его съ Михаиломъ Никифоровичемъ теперь осмыслилъ вполне и считаю глупымъ и неделикатнымъ. Между тѣмъ, это человекъ не худого сердца и не глупый, но у него внутренняго ума нѣтъ, царя въ головѣ. Въ Берлинѣ пропую ему рѣзку

¹⁾ См. его извѣст. подл. № 12.

нотацію, въ которой онъ нуждается. А за сими прошу принять завѣреніе въ мѣстѣ
полнѣйшемъ уваженіи и преданности къ Вамъ и супругъ Вашей.

Θ. Достоевскій.

Р. S. Чрезвычайно прошу передать Михайлу Никифоровичу мой нѣжайшій
поклонъ и лучшія пожеланія.

Простите за поправки въ письмѣ, рѣдко могу написать безъ поправокъ.

Д.

6.

Эмсъ, 25 Іюля (6 Августа)/79.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ.

Вчера я пріѣхалъ сюда въ Эмсъ для леченія и вчера же получилъ уже
ожидавшее меня здѣсь письмо жены моей изъ Старой Руссы, *poste restante*. Она
увѣдомила меня, между прочимъ, что на другой день моего выѣзда изъ Старой
Руссы полученъ былъ изъ редакціи Русскаго Вѣстника переводъ въ 500 р. опять
на имя Ахенбахъ и Колли въ Петербургъ. Между тѣмъ, я, дней за 10 еще до
отъѣзда моего въ Эмсъ, просилъ (а съ особенною, вслѣдствіе моего отъѣзда, высылать
деньги уже на имя жены моей, Анны Григорьевны Достоевской, въ Старую Руссу
и уже не переводомъ на Ахенбахъ и Колли, а прямо кредитными билетами. При
семъ я объяснилъ въ письмѣ моемъ къ Вамъ, какъ совершенно невозможно,
живя въ Старой Руссѣ, ждать какаго-либо разъ, бросая все, къ Ахенбаху и Колли
въ Петербургъ за получениемъ 500 руб. Теперь же, когда меня уже нѣтъ въ Старой
Руссѣ—жена поставлена въ полную невозможность получить деньги по переводу,
даже, еслибы и поѣхала къ Ахенбаху и Колли, такъ какъ я не могу же ей
отсюда высылать довѣренность на получение.

Смущаетъ меня чрезвычайно, что можетъ быть Вы и совсѣмъ не получили
письма моего. Письмо это было для меня очень важное,—въ немъ я, между про-
чимъ, излагалъ причины, почему не вышлю ничего на Іюльскую книгу, а вышлю
на Августовскую и потомъ на Сентябрьскую и Октябрьскую кряду, чѣмъ и закон-
чится 2-я Часть и останется послѣдняя—Третья. Если Вы, Многоуважаемый
Николай Алексѣевичъ, дѣйствительно не получили того письма, то прошу Васъ
убѣдительноше увѣдомить меня о семъ, сюда въ Эмсъ, дабы я могъ вновь из-
ложить Вамъ то, что составляло главную тему того письма.

Во всякомъ же случаѣ позвольте мнѣ, Многоуважаемый Николай Алексѣ-
вичъ, твердо гадать, что Вы уже ни одной минуты болѣе не оставите меня въ
сомнѣніи, что просьба моя о высылкѣ денегъ на имя жены моей, Анны Григорьевны
Достоевской въ Старую Руссу кредитными билетами (а не на Ахенбахъ и Колли)
будетъ на сей разъ исполнена тѣми, которымъ Вы поручаете высылку. То
же обстоятельство, что деньги высылаются не на мое имя, а на имя жены моей,
навѣрно въ Вашихъ глазахъ не имѣетъ значенія, ибо все наши счета съ журна-
ломъ ведутся до сихъ поръ какъ между довѣждующимися другъ другу вполне людьми,
а не формальнымъ образомъ.

На Августовскую книжку вышлю отсюда вначалѣ Августа, и между 10-мъ и
12-мъ числомъ посылка будетъ уже у Васъ въ редакціи.

За сими прошу принять увѣреніе въ моемъ самомъ искреннемъ и глубо-
чайшемъ уваженіи.

Вашъ слуга

Θ. Достоевскій.

Emms. Allemagne. A M-r Theodor Dostoievsky, *poste restante*.

Эмсь. 7/19 Августа/79.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ.

Слѣшу выслать Вамъ при семь Книгу шестую Карамазовыхъ, всю, для напечатанія въ 8-й (Августовской) книгѣ «Русскаго Вѣсника». Назвать эту 6-ю книгу: «Русскій Инокъ»—название дерзкое и вызывающее, ибо закричатъ всѣ нелюбяще насъ критики: «Таковъ ли Русскій Инокъ, какъ смѣть ставить его на такой пьедесталь?»

Но тѣмъ лучше, если закричатъ, не правда-ли? (А уже я знаю, что не утерпѣть). Я же считаю, что противъ дѣйствительности не погрѣшилъ: не только какъ идеалъ справедливо, но и какъ дѣйствительность справедливо.

Не знаю, только, удалось ли мнѣ. Самъ считаю, что и 1/10-й доли не удалось того выразить, что хотѣлъ. Смотрю однако на эту Книгу шестую, какъ на кульминационную точку романа. Само собою, что многое изъ поученія моего старца Зосимы (или, лучше сказать, способъ ихъ выраженія) принадлежитъ лицу его, т. е. художественному изображенію его. Я же хоть и воплощъ тѣхъ же мыслей, какія и онъ выражаетъ, но еслибъ лично отъ себя выражалъ ихъ, то выразилъ бы ихъ въ другой форѣ и другимъ языкомъ, снѣ же не могъ въ другимъ языкомъ, ни въ другомъ духѣ выразиться, какъ въ томъ, который я придаю ему. Иначе не создалось бы художественнаго лица. Таковы, напримѣръ, разсужденія старца о томъ, что есть инокъ, или о слугахъ и господахъ, или о томъ, можно ли быть судьей другого человека и проч. Взявъ я лицо и фигуру изъ древне-русскихъ иноковъ и святителей. При глубокомъ смиреніи надежды безпредѣльной, наивныя о будущемъ Россіи, о нравственномъ и даже политическомъ ея предназначеніи. Св. Сергій, Пѣтръ, Алексѣй Митрополиты развѣ не имѣли всегда въ этомъ смыслѣ Россію въ виду?—

Чрезвычайно прошу Васъ (умоляю), многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, поручить корректуру надежному корректору, такъ какъ самъ эту книгу за отсутствіемъ не могу корректовать. Особенно прошу обратить вниманіе на корректуру отъ 10 до 17 полулиста включительно (главка подъ рубрикой: О священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы). Эта глава госторженная и поэтическая; прототипъ взять изъ некоторыхъ поученій Тихона Задонскаго, а наивность изложенія—изъ книги Странствованій Инока Пареенія¹⁾. Пресмотрите сами Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, будьте отцомъ роднымъ.—Когда корректуры всей книги будутъ отсмотрѣны, то сообщите Михаилу Никифоровичу.—Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ прочелъ и сказалъ свое мнѣніе, ибо очень дорожу его мнѣніемъ.

Въ этой книгѣ, надѣюсь, ничего не найдете вычеркнуть или поправить какъ редакторъ,—ни словечка, за это ручаюсь.

Очень еще прошу сохранить всѣ раздѣленія на главы и подглавы, какъ есть у меня. Тутъ вводится въ романъ какъ бы чужая рукопись (Записка Алексѣя Карамазова), и само собою, что эта рукопись разграфирована Алексѣемъ Карамазовымъ по своему. Здѣсь вставляю ропщущее NBene: въ Июньской книгѣ, въ главѣ «Великій Инквизиторъ» не только нарушены мои рубрики, но даже все напечатано

¹⁾ По утвержденію Н. Н. Страхова, «Странствія Инока Пареенія» Достоевскій бралъ съ собою въ заграничную поездку, среди другихъ книгъ, еще въ 1867 г. («Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго», СПб., 1883, стр. 298). Странствіемъ Пареенія въ 1878 году интересовался также и графъ Л. Н. Толстой (см. Толстовскій Музей Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Л. Модзалевскаго. СПб., 1914, стр. 155, 156, 160, 165, 166 и 167).

слонъ, страницъ 10 сряду, безъ перенесенія на другую строчку даже. Это очень меня огорчило и на это припишу Вамъ мою сердечную жалобу.

Слѣдующую, 7-ю Книгу подъ названіемъ: «Грушенька»¹⁾, которую закончится въ этомъ году 2-я Часть Карамазовыхъ, вышло неуклюжео прикирно къ 10-му Сентября и уже изъ Старой Руссы. Эта 7-я Книга, предназначена мною на 2 книги Русскаго Вѣстника: Сентябскую и Октябскую. Будетъ всего въ книгѣ 7-й листа 4, такъ что на Сентябрь придется всего лишь листа 2, не болѣе, но что дѣлать: въ этой 7-й Книгѣ два отдѣльные эпизода, какъ бы двѣ отдѣльныя повѣсти. За то съ окончаніемъ этой 2-й Части исполнится совершенно духъ и смыслъ романа. Если не удастся, то моя вина какъ художника. 3-ю же Часть романа (не болѣе числомъ листовъ 1-й Части) отлагаю, какъ уже я писалъ Вамъ, до слѣдующаго года. Здоровье, здоровье помѣшалось! 2-я Часть выйдетъ, такимъ образомъ, какъ бы несоразмѣрно длинна. Но что было дѣлать, такъ пришлось.

Припишу Вамъ чрезвычайную благодарность мою на счетъ исполненія просьбы моей о порядкѣ высылки денегъ жень въ Старую Руссу, она меня уже увѣдомила.

Заранѣ спѣшу я еще объ одной просьбѣ. Августовскую книгу Р. Вѣстника не забудьте, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, приказать выслать своевременно въ Старую Руссу. Я именно приѣду домой къ ея выходу.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ и искреннемъ моемъ уваженіи.

Вашъ вѣсдашій слуга

Федоръ Достоевскій.

Всего въ высласмой Книгѣ шестой: Русскій Июнь 53 почтовыхъ полулистка.

Слѣдующее письмо послано уже изъ Старой Руссы, по возвращеніи Достоевскаго изъ Эмса послѣ курса леченія.

8.

Старая Русса, 8 Сентября/79.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Я воротился въ Старую Руссу, но такъ былъ изломанъ дорогой, что сѣлъ продолжать работу (на Сентябр. №) только третьяго дня. Пишу Вамъ теперь съ тѣмъ лишь, чтобъ увѣдомить Васъ, что на этотъ № принужденъ буду сълѣлать и шимъ образомъ опоздать присылкою продолженія романа, т. е. получить въ Редакціи все (для Сентябр. №) не ранѣе, какъ между 15 и 20 числами Сентября (за то ужъ никакъ не позже). Торопиться же слишкомъ я не могу, хотя бы и хотѣлъ, ибо предстоитъ закончить сцену изъ капитальѣйшихъ въ цѣломъ романѣ и хочется сдѣлать сколь возможно лучше. Такимъ образомъ я въ крайнемъ безпокойствѣ, не зная навѣрно: опоздаю я теперь до невозможности напечатать (съ моимъ срокомъ отъ 15 до 20) или еще нѣтъ. Вѣлчиною все будетъ въ 2½ печатныхъ листа, — кажется не болѣе, — отдѣльная и законченная сцена, или лучше сказать, эпизодъ. Мнѣ бы чрезвычайно же

¹⁾ Потому Достоевскій называлъ эту Седьмую Книгу Части Третьей (а не Второй, какъ онъ сначала предполагалъ, ср. ниже въ «Писемъ къ Издателямъ Русскаго Вѣстника» отъ 2 декабря 1879 г.) — Алеша.

лалось, чтобъ появилось въ Сентябрѣ ¹⁾. Само собою разумѣется, что корректуръ я уже ждать не буду, а по примѣру Августовскаго № (за корректуру котораго, довольно тщательно, изъявляю Вамъ полнѣйшую мою благодарность)—попрошу продержатъ имѣющее быть прислано продолженіе также тщательно, какъ и Августовскій отрывокъ. Общаю не опаздывать вполнѣдствіи такъ ужасно. Во всякомъ случаѣ считалъ нужнымъ написать Вамъ все это, чтобы увѣдомить. Весьма можетъ быть, что пришлю гораздо раньше 20-го—я взялъ нарочно самый отдаленный срокъ.

Примите утѣреніе, многуважаемый Николай Алексѣвичъ, въ моемъ искреннемъ и глубочайшемъ уваженіи

Вашъ слуга

Фед. Достоевскій.

Къ 25 Сентября, примѣрно, перебираюсь въ Петербургъ. Петербургскій адресъ мой тотъ же, что и прежде: Кузнечный переулокъ, близъ Владимірской церкви, домъ № 5, кварт. № 10, Ф. М. Д.

9.

Старалъ Руща, 16 Сентября/79.

Милостивый Государь,

Многуважаемый Николай Алексѣвичъ,

Вмѣстѣ съ симъ высылаю въ Редакцію Р. Вѣстника Книгу седьмую Карамазовыхъ, для Сентябрскаго числа, въ числѣ 41 полулиста. Въ этой Книгѣ четыре главы: три высылаю, а 4 вышлю черезъ два дня, получится въ Редакцію 20 числа. Въ этой 4-й главѣ всего будетъ 4 страницы печатныхъ, но она важнѣйшая и заключительная. Выслалъ бы вмѣстѣ, но припадокъ падучей болѣзни заставилъ на два дня отложить работу. Но по крайней мѣрѣ высылаю 41 полулистъ и ихъ можно сейчасъ начать набирать (получится 18 Сентября), остальные же 3 полулиста (т. е. 4-я глава), которую на два дня задержалъ, не составятъ много и не задержать, если только Вы рѣшитесь печатать все, не смотря на позднюю высылку. А какъ бы я желалъ теперь не дробить. Вся моя надежда на Васъ, многуважаемый Николай Алексѣвичъ.

Я къ 25 Сентября переѣзжаю въ Петербургъ (прежній адресъ). А потому корректуръ опять ждать не могу. Кажется переписано четко. Передайте отъ меня, многуважаемый Николай Алексѣвичъ, покорнѣйшую мою просьбу корректору, чтобы не утопилъ меня и на этотъ разъ, за прошлый же № большое ему спасибо.

Умоляю Васъ, Николай Алексѣвичъ, въ этой Книгѣ ничего не вычеркивать, да и нечего, все въ порядкѣ. Есть одно только словцо (про трупъ мертваго): про в о н я л ѣ. Но выговариваетъ его отецъ Ѳерапонтъ, а онъ не можетъ говорить иначе, и еслибъ даже могъ сказать: про п а х ѣ, то не скажетъ, а скажетъ про в о н я л ѣ. Пропустите это ради Христа. Вольше ничего нѣтъ. Кромя развѣ про пурганецъ. Но это написано хорошо и притомъ оно существенно, какъ важное о винеіе. Последняя глава (которую вышлю) Ка п а Г а л и л е й с к а я—самая существенная во всей книгѣ, а можетъ быть и въ романѣ. Съ этой высылкой кончаю съ монастыремъ: больше о монастырѣ ничего не будетъ. Въ слѣ-

¹⁾ Такъ и было сдѣлано. В. М.

дующей Книжѣ (или Октябрѣ) закончится часть и будетъ перерывъ, какъ я уже и уведомилъ.

А теперь примите увѣреніе въ моемъ самомъ искреннемъ уваженіи.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Ф. Достоевскій.

Петербургскій мой адресъ: Кузнечный переулочъ, близъ Владимірской церкви, домъ № 5, квартира № 10, Ф. М.—чу Достоевскому.

Одно маленькое Nota bene на всякій случай. Не подумайте, ради Бога, что я бы могъ себѣ позволить въ сочиненіи моемъ хотя малѣйшее сомнѣніе въ чудотѣйствѣи мощей. Дѣло идетъ лишь о мощахъ умершаго монаха Зосимы, а ужъ это совсѣмъ другое. Подобный переполохъ, какой изображенъ у меня въ монастырѣ, былъ разъ на Авонѣ и рассказанъ вкратцѣ и съ трогательною наивностью въ «Странствованіи Инокъ Паревенія».

Достоевскій.

Р. С. Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, особенно прошу хорошенько прокорректировать легенду о лужковѣ. Эта драгоценность записана мною со словъ одной крестьянки и ужъ конечно записана въ первый разъ. Я, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ никогда не слыхалъ.

Достоевскій.

На оборотѣ: Его Превосходительству Николаю Алексѣвичу Любимову. Ф. М. Достоевскаго.

10.

Петербургъ. 8 Октября /79.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Спѣшу уведомить Васъ, что для Октябрской книжки Р. Вѣстника опять принужденъ опоздать, но вышлю непременно. Продолженіе Карамазовыхъ издается въ Редакціи 16 или 17 октября,—изъ всѣхъ силъ постараюсь. Само собой, что не буду жмать корректуру (напечатанное изъ Сентябрской книжѣ прокорректировано почти безукоризненно, за что приношу великую благодарность). Вышлю опять отъ 2½ до 3 печатн. листовъ,—почти ровно столько же какъ и на Сентябрскую книгу. Дѣло въ томъ, что работа для меня трудная, и хотѣлось бы сделать по возможности лучше.

Увѣдомляю Васъ тоже, что въ Октябрской книжѣ не закончится еще то, что опредѣлено мною закончить въ нынѣшнемъ году, но доставлю еще и на Ноябрьскую книгу Р. Вѣстника и тогда уже пришло и то письмо, о которомъ писалъ Вамъ мѣсяца два назадъ на счетъ объясненія съ публикой о послѣдней Части Карамазовыхъ, которую я, по оплошности моей, принужденъ перевести на будущій годъ. Въ 17-му числу напишу Вамъ и еще письмецо, Николай Алексѣевичъ, въ которомъ подобіе объясню нѣкоторыя необходимыя вещи, и чрезвычайно боюсь, что это теперешнее письмо мое, которое посылаю, для скорости незаказнымъ, какъ-нибудь не дойдетъ до Васъ и пропадетъ дорогою.

А теперь, глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ, примите мое сердечное увѣреніе въ почтеніи и преданности, съ которыми пребываю

Вашимъ всегдашнимъ слугою

Ф. Достоевскій.

С.-Петербургъ.

Кузнечный переулочъ, домъ № 5, кварт. № 10, близъ Владимірской церкви, Ф. М. Достоевскому.

11.

Петербургъ, 16 Ноября /79.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ,

Вчера отправилъ къ Вамъ окончаніе 3-й Книги Карамазовыхъ, которое вѣроятно уже и получено въ Редакціи. Еще разъ очень извиняюсь, что опоздалъ. Во всей этой 8-й Книгѣ появилось вдругъ много совѣтъ новыхъ лицъ, и хоть мелькомъ, но каждое надо было очертить въ возможной полнотѣ, а потому книга эта вышла больше, чѣмъ у меня первоначально было намѣчено, и взяла больше и времени, такъ что опоздалъ на этотъ разъ совѣтъ и для себя неожиданно. Чрезвычайно прошу Васъ, многоуважаемый Николай Алексѣвичъ, о корректурѣ, такой же прекрасной, какъ и до сихъ поръ.

Я вамъ писалъ, что въ Ноябрѣ закончу и остановлюсь до будущаго года. а между тѣмъ обстоятельства сложились иначе, ибо и на Декабрскую книгу пришла еще 9-ю новую Книгу, чтобы тѣмъ закончить часть. Эта 9-я Книга возникла у меня тоже внезапно и неожиданно. Дѣло въ томъ, что первоначально я хотѣлъ лишь ограничиться однимъ судебнымъ слѣдствіемъ уже на судѣ. Но, совѣтуясь съ однимъ прокуроромъ (большимъ практикомъ), увидалъ вдругъ, что пѣлая, чрезвычайно любопытная и чрезвычайно хромающая у насъ часть нашего уголовного процесса (большое мѣсто нашего уголовного процесса) у меня въ романѣ, такимъ образомъ, безслѣдно исчезнетъ. Эта часть процесса называется «Предварительнымъ слѣдствіемъ» съ старою рутиною и съ повѣшею отвлеченностію въ лицъ молоденькихъ правовѣдовъ судебныхъ слѣдователей и проч. А потому, чтобы закончить Часть, и напишу еще 9-ю Книгу подъ названіемъ «Предварительное слѣдствіе», которую и доставлю Вамъ въ декабрѣ по возможности раньше. Кому же намѣчу еще сильнѣе характеръ Мити Карамазова: онъ очищается сердцемъ и совѣстью подъ грозой несчастья и ложнаго обвиненія. Принимаетъ душой наказанія не за то, что онъ сдѣлалъ, а за то, что онъ былъ такъ безобразенъ, что могъ и хотѣлъ сдѣлать преступленіе, въ которомъ ложно будетъ обвиненъ судебной ошибкой. Характеръ вполнѣ русскій: громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится. Нравственное очищеніе его начинается уже во время вѣсколькихъ часовъ предварительнаго слѣдствія, на которое и предназначаю эту 9-ю Книгу. Мнѣ, какъ автору, это очень дорого. Одно неловко: вся-то эта девятая Книга выйдетъ, можетъ быть, всего листа въ полтора печатныхъ. Но за то Книга выйдетъ пѣлая и законченная.

И такъ доставлю эту 9-ю Книгу въ Декабрѣ, и тогда же и извинительное письмо въ Редакцію (для напечатанья), по поводу перенесенія окончанія романа въ будущій годъ, о которомъ (письмѣ) я вамъ писалъ еще лѣтомъ. Это письмо мнѣ непременно хочется напечатать, на совѣсти моей лежитъ¹⁾.

Но въ письмѣ этомъ будетъ приписка, именно: теперь явится еще только 2-я Часть романа, раздвинувшаяся на 20 печатныхъ листовъ. Я первоначально дѣйствительно хотѣлъ сдѣлать лишь въ 3-хъ Частяхъ. Но такъ какъ пишу Книгами, то забылъ (или пренебрегъ) поправить то, что давно замыслилъ. А потому и пришлю при письмѣ въ Редакцію и приписку, чтобы эту вторую часть считать за двѣ части, т. е. за 2-ю и 3-ю, а въ будущемъ году напечатана будетъ, стало быть, лишь послѣдняя Четвертая Часть. Такимъ образомъ 4-я, 5-я и 6-я

¹⁾ Книга 9-я («Предварительное слѣдствіе») появилась уже въ январской книгѣ «Русскаго Вѣстника» за 1880 г.

²⁾ См. его далѣе, № 12.

Книги романа составлять вторую Часть, а 7-я, 8-я и 9-я Книги составлять 3-ю Часть. Во всѣхъ трехъ частяхъ будетъ такимъ образомъ въ каждой по три Книги, и почти по ровному числу печатныхъ листовъ. Такова же будетъ и 4-я Часть. т. е. въ 3-хъ книгахъ и отъ 10 до одиннадцати печатныхъ листовъ. Объ этомъ обо всемъ нахожу необходимымъ извѣстить Васъ, многуважаемый Николай Алексѣвичъ, теперь, т. е. заранѣ. Въ случаѣ если найдете какія препятствія, то еще есть время порѣшить предварительно. Но надѣюсь, что препятствій Вы не найдете, дѣло неважное.

У меня въ томъ, что теперь выслать, выведены два поляка, которые говорятъ или чисто по польски (между собою), или ломаню смѣсью русскаго съ польскимъ. Фразы чисто польскія у меня правильны, но въ смѣшанной рѣчи польскія слова, можетъ быть, вышли нѣсколько и дико, но я думаю тоже правильно.

Желательно мнѣ очень, чтобы въ этихъ польскихъ мѣстахъ корректура была продержана по возможности тщательнѣе. Переписано же у меня кажется четко.

Вставленъ анекдотъ о Панѣ Подвысоцкомъ—легендарный анекдотъ всѣхъ мелкихъ польскихъ игроцишекъ передъргивателей въ карты. Я этотъ анекдотъ слышалъ три раза въ моей жизни, въ разное время и отъ разныхъ поляковъ. Они и не садятся въ «банчишку», не рассказавъ этотъ анекдотъ ¹⁾. Легенда относится къ 20-мъ годамъ столѣтія. Но тутъ упоминается Подвысоцкій, фамилія, кажется, извѣстная (въ Черниговской губерніи есть тоже Подвысоцкій). Но такъ какъ въ этомъ анекдотѣ собственно о Подвысоцкомъ не говорится ничего обиднаго, поворнаго или даже смѣшного, то я и оставилъ настоящую фамилію. Не думаю, чтобы кто нибудь, когда нибудь могъ обидѣться и быть въ претензіи ²⁾.

И такъ вышло еще въ Декабрѣ.

Примите, многуважаемый Николай Алексѣвичъ, мое искреннѣйшее уваженіе.

Вашъ покорный слуга

Ф. Достоевскій.

PS. Если не Подвысоцкій, то можно бы напечатать: Подвисоцкій, по-польски совсѣмъ другой смыслъ, но лучше, если оставить «Подвысоцкій», какъ у меня.

Д.

NB. Пѣсня, пропѣтая хоромъ, записана мною съ натуры и есть дѣйствительно образчикъ новѣйшаго крестьянскаго творчества ³⁾.

• • •

«Письмо къ издателю «Русскаго Вѣстника» было напечатано въ этомъ журналѣ, какъ хотѣлъ того Достоевскій, въ 12-й, декабрьской книжкѣ (въ самомъ ея концѣ, на стр. 907—908), но не вполне точно по рукописи; даемъ, поэтому, его теперь здѣсь съ автографа Достоевскаго.

12.

Письмо къ издателю «Русскаго Вѣстника».

Милостивый Государь

Михаилъ Никифоровичъ.

Въ началѣ нынѣшняго года, начиная печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» мой романъ «Вратья Карамазовы», я помню это, дать Вамъ твердое обѣщаніе окончить

¹⁾ См. въ главѣ VII-й Книги Восьмой: «Прежній и безспорный».

²⁾ Фамилія Подвысоцкаго была сохранена.

³⁾ Въ главѣ VII-й («Брѣхъ»).

его въ этомъ же году. Но я рассчитывалъ на прежнія мои силы и на прежнее здоровье и вполнѣ былъ убѣжденъ, что данное обѣщаніе сдержу.

Къ моему несчастію случилось иначе: я успѣлъ написать лишь часть моего романа, а окончаніе его принужденъ перенести въ будущій 1880 годъ. Даже и теперь для Декабрской книжки не успѣлъ выслать въ Редакцію ничего, и девятуя Книгу моего разсказа принужденъ отложить на январскій номеръ «Русскаго Вѣстника» будущаго года, тогда какъ еще мѣсяцъ тому назадъ увѣренно обѣщалъ Редакціи закончить эту девятуя Книгу въ Декабрѣ. И вотъ вмѣсто нея посылаю Вамъ лишь это письмо, которое и прошу убѣдительно напечатать въ уважаемомъ Вашемъ журналѣ. Это письмо дѣло моей совѣсти. Пусть обвиненія за неоконченный романъ, если будутъ они, падутъ лишь на одного меня, а не коснутся Редакціи «Русскаго Вѣстника», которую если и могъ бы въ чемъ упрекнуть въ данномъ случаѣ иной обвинитель, то развѣ въ чрезвычайной деликатности ко мнѣ, какъ къ писателю, и въ постоянной терпѣливой снисходительности къ моему ослабѣвшему здоровью.

Кстати, пользуюсь случаемъ, чтобъ исправить одну мою ошибку, вѣрнѣе простой недосмотръ. Романъ мой «Братья Карамазовы» я пишу «Книгами». Вторая часть романа началась съ четвертой Книги. Когда же заключилась шестая Книга, я забылъ обозначить, что этою шестою книгою окончилась вторая часть романа.

Такимъ образомъ третью часть надо считать съ седьмой Книги, а заключится эта третья часть именно тою девятою Книгою, которая предназначалась на Декабрскій номеръ «Русскаго Вѣстника» и которую обѣщаю теперь выслать непременно на Январскій номеръ будущаго года.

Такъ что на будущій годъ останется лишь четвертая и послѣдняя часть романа, которую и попрошу Васъ начать печатать съ Мартовской (третьей) книги «Русскаго Вѣстника»¹⁾.

Этотъ перерывъ въ одинъ мѣсяцъ мнѣ опять необходимъ, все по той же причинѣ: по слабому моему здоровью, хотя и надѣюсь, начавъ съ Мартовской книжки, окончить романъ уже безъ перерывовъ.

Примите увѣреніе и проч.

Ф. Достоевскій.

2 Декабря /79 г.

13.

Петербургъ 8 Декабря /79 г.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Опять я выхожу до крайности виноватымъ передъ Вами и передъ «Русскимъ Вѣстникомъ». Обѣщанную столь утвердительно «Девятуя Книгу» Карамазовыхъ на Декабрѣ—я не могу прислать въ Декабрѣ. Причина та, что я заработался до болязней, что тема книги (Предварительное Слѣдствіе), удлинилась и усложнилась, а главное, главное—что эта Книга выходитъ одна изъ важнѣйшихъ для меня въ романѣ и требуетъ (я вижу это) такой тщательной отдѣлки, что еслибъ я понатужился и скомкалъ, то повредилъ бы себѣ, какъ писателю и теперь, и на вѣки.

Да и идея моего романа слишкомъ бы пострадала, а она мнѣ дорога. Романъ читаютъ всюду, пишутъ мнѣ письма, читаютъ молодежь, читаютъ въ высшемъ обществѣ, въ литературѣ ругаютъ или хвалятъ и никогда еще, по произведенному

¹⁾ Начало Четвертой части (Книга X) появилась не въ Мартовской, а въ Апрельской книгѣ «Русскаго Вѣстника».

ругомъ впечатлѣнію, я не имѣлъ такого успѣха. Вотъ почему и хочется кончить дѣло хорошо.

А потому простите меня, если можете. Эту девятую Книгу я пришлю Вамъ на Январскій №. Будетъ въ ней три листа *minimim*, можетъ быть 3 1/2 (столько же, какъ и въ Ноябрьской). Девятая Книга эта закончить три части Карамазовыхъ. Четвертую же часть напечатаю въ будущемъ году, начавъ съ Мартовской книги (т. е. пропустивъ Февральскую). Этотъ перерывъ мнѣ рѣшительно необходимъ. За то кончу уже безъ промежутковъ.

Тѣмъ не менѣ, я рѣшительно прошу Васъ, Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ, напечатать въ Декабрской теперешней книжкѣ Русскаго Вѣстника мое письмо въ Редакцію, о которомъ я писалъ Вамъ еще прежде. Письмо это пришлю Вамъ около 14 Декабря, т. е. въ этотъ день можетъ быть и получите. Въ газетахъ я уже самъ читалъ раза три обвиненія и инсинуаціи на Редакцію Русскаго Вѣстника въ томъ, что она нарочно (для какихъ-то причинъ непонятныхъ) растягиваетъ романы (Льва Толстого и мой) на два года. Въ письмѣ моемъ я именно объявляю, что виноваты одинъ я въ томъ, что обѣщаль кончить романъ въ одинъ годъ и оттянулъ на другой, и что отъ Редакціи Русскаго Вѣстника видѣлъ лишь самое деликатное и просвѣщенное къ сѣбѣ вниманіе, какъ къ (автору) писателю. (Это въ стѣтъ на другія инсинуаціи). Постараюсь написать прилично и убѣдительно (пройтить черезъ Вашу цензуру). Выѣстъ съ тѣмъ, объявляю въ письмѣ какъ и когда я намѣренъ продолжать романъ. Можетъ быть кстати скажу нѣсколько словъ объ идеѣ романа для читателей, но не знаю еще. Вообще постараюсь не написать лишняго. По моему соображенію это письмо²⁾ совершенно необходимо напечатать въ Декабрской книжкѣ, главное для меня необходимо, — это дѣло моей совѣсти.

Теперь позвольте мнѣ, столь виноватому передъ Вами, обратиться къ Вамъ съ самой убѣдительноѣйшей просьбой. Къ празднику я остаюсь совершенно безъ денегъ, и къ тому же долженъ раздать очень много и имѣю долги. Нельзя ли будетъ повтому выслать мнѣ къ празднику на Ахенбаха и Колли рублей тысячу. Если же будетъ можно и побольше, то было бы для меня просто спасительно, потому что ужасъ, какъ нуждаюсь. Всего лучше, еслибъ къ 20-му Декабря. А позже такъ у Ахенбаха и Колли пожалуй еще запрется Контора.

Извините за настоятельность просьбы, и еслибъ не нужда, я бы не сталъ беспокоить.

Отъ всего сердца благодарю Васъ, что такъ скоро и охотно исполнили просьбу мою касательно выдачи денегъ 60 р., племянницѣ моей Нинѣ Александровнѣ Ивановой¹⁾. Она мнѣ написала и ужасно Вамъ благодарна.

И такъ, повторяю, къ 14 Декабря (или раньше) получите письмо мое въ редакцію для напечатанія²⁾.

Еще разъ испрашивая извиненіе, прошу Васъ, Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ, принять искреннее мое увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ къ Вамъ почтенію и преданности.

Покорный слуга Вашъ

Ф. Достоевскій.

P.S. Позвольте еще поблагодарить за хорошее исправленіе польскихъ словъ въ моей послѣдней книгѣ.

¹⁾ Дочь сестры Достоевскаго — Вары Михайловны Ивановой.

²⁾ Оно помѣчено 2-мъ декабря и помѣщено выше.

14.

Петербургъ, 12 Декабря /79 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Прилагаю при семъ письмо «Къ Издателю Русскаго Вѣстника», о которомъ уже два раза извѣщалъ Васъ прежде и которое убѣдительнѣйше прошу напечатать въ Декабрской Книжкѣ¹⁾. Въ этомъ письмѣ, какъ Вы сами знаете, все правда, отъ перваго до послѣдняго слова. Другое дѣло, какъ выражено. Если найдете нужнымъ, что либо измѣнить и исправить, то сдѣлайте это, но чрезвычайно просить бы ничего не выбрасывать изъ него. Озаглавилъ я письмо «Къ Издателю Русскаго Вѣстника» и пишу на имя Михаила Никифоровича. Вы, конечно, ему покажете. Если сочтете нужнымъ озаглавить письмо иначе, т. е., напримѣръ, болѣе вообще «Въ Редакцію Русскаго Вѣстника», то поступите какъ найдете удобнѣе. Я на все согласенъ, только было бы напечатано письмо.

Я хотѣлъ было прибавить (о чемъ и писалъ Вамъ въ послѣдній разъ) нѣкоторыя разъясненія идеи романа для косвеннаго отвѣта на нѣкоторыя критики, не называя никого. Но, размысливъ, нахожу, что это будетъ рано, надѣясь на то, что по окончаніи романа Вы удѣлите мнѣ мѣстечко въ «Русскомъ Вѣстникѣ» для этихъ разъясненій и отвѣтовъ, которые, можетъ быть, я и напишу, если къ тому времени не раздумаю.

Девятую Книгу «Предварительное Слѣдствіе» пришло по возможности раньше для Январскаго нумера; хоть опоздалъ, но надѣюсь ее отдѣлать получше.

Меня очень беспокоитъ, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, что я оказался столь несостоятельнымъ передъ «Русскимъ Вѣстникомъ», не приславъ на Декабрь. Живу теперь съ искренними угрызѣніями совѣсти и упрѣкаю себя поминутно.—вѣрите мнѣ.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и искренней преданности

Покорнѣйшій слуга Вашъ

Ф. Достоевскій.

15.

Петербургъ, 8 Января /80 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Во первыхъ поздравляю Васъ съ Новымъ Годомъ и желаю Вамъ всего **самаго** лучшаго. Убѣдительнѣйше прошу передать мое привѣтствіе и поздравленіе многоуважаемому Михаилу Никифоровичу.

Письмо это пока только увѣдомленіе. Книга 9-я Карамазовыхъ почти вся уже готова, и на дняхъ вышла. Висзаппая болѣзнь жены моей, моей помощницы въ работѣ (она стенографируетъ съ написаннаго мною и потомъ переписываетъ), поставила меня вдругъ въ самое затруднительное положеніе, ибо, не будь этой бѣды надо мной, уже теперь бы Вамъ все выслалъ.—Эта 9-я Книга, къ тому же, вышла не равнѣнно длиннѣе, чѣмъ я предполагалъ: сидѣлъ я за нею 2 мѣсяца и

¹⁾ См. это выше, подъ № 12

отдѣлывалъ до послѣдней возможности тщательно. Всего будетъ, безъ малаго развѣ, до 5-ти печатныхъ листовъ. Что дѣлать! За то настолько же, неминуемо, сократится 4-я Часть, ибо сказанное въ «Предварительномъ Слѣдствіи» въ 4-й Части естественно можетъ быть теперь передано уже не въ подробности. Я думаю, что 11-го Января вышлю Вамъ 4 листа и 12-го Вы получите ихъ въ редакціи. Затѣмъ остальное, около 3/4-й листа, перешлю дня три спустя, такъ что полагаю, что и этотъ кончикъ прибѣдетъ въ редакцію не позже 15-го и максимумъ 16-го Января. Все это пишу утвердительно, если даже и самому придется все переписывать (ибо уже все написано).

Задерживаютъ тоже разныя мелочи, напримѣръ, надо перечитать все одному бывшему (провинціальному) прокурору, чтобы не случилось какой важной ошибки или абсурда въ изложеніи «Предварительнаго Слѣдствія», хотя я писалъ его, все время совѣтуясь съ этимъ же прокуроромъ. — Такимъ образомъ къ 16-му въ Редакцію будетъ около 5 листовъ, то есть вся законченная 9-я Книга, изъ коихъ 4 листа придутъ въ Редакцію не 16-го, а 12-го Января. — Боюсь, что Вы не найдете возможнымъ выслать мнѣ корректуры (а я бы ихъ вмигъ осмотрѣлъ и обратилъ назадъ).

Ну вотъ пока и все, о чемъ надо было увѣдомить. О дальнѣйшемъ напишу при отправкѣ. А пока примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности.

Покорный слуга Вашъ

Ф. Достоевскій.

* * *

Въ письмѣ отъ 15 января 1880 г. Достоевскій писалъ одной своей корреспонденткѣ: «Прежде всего простите, что замедлилъ отвѣтомъ: двѣ недѣли сряду сплѣтъ день и ночь за работой, которую только вчера изготовилъ и отправилъ въ журналъ, гдѣ теперь печатаюсь. Да и теперь отъ усиленной работы голова кружится». («Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго», СПб.: 1883, прил., стр. 340). Черезъ недѣлю, 21 января онъ тоже сообщалъ въ Берлинъ. В. Ф. Пупыковичу: «Давно не писалъ къ Вамъ и давно отъ Васъ ничего не получалъ. Съ моей стороны причина одна: страшная каторжная работа, свыше силъ моихъ. Въ послѣдніе три мѣсяца написалъ и сдалъ до 12 печатныхъ листовъ! Разстроилъ здоровье, запустилъ все: визиты, посѣщенія, письма. Вчера отправилъ послѣдніе 5 листовъ моего романа въ «Русскій Вѣстникъ» и теперь принимаюсь за послѣднюю часть романа, а пока имѣю недѣлю или даже 10 дней отдыха» («Московский Сборникъ» подъ ред. С. Шарапова, М. 1887, стр. 12).

Печатаніе «Карамазовыхъ» возобновилось съ Апрельской книги «Русскаго Вѣстника», которой и касается слѣдующее письмо Достоевскаго.

16.

Петербургъ, Апрѣля 9/80 ¹⁾

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Имѣю къ Вамъ одну покорнѣйшую и настоятельную просьбу: когда Редакція станетъ высылать мнѣ корректуру Апрельской книжки Р. Вѣстника, то пусть

¹⁾ Въ этотъ же день Достоевскій писалъ еще А. С. Юрьеву, по поводу предстоящаго Пушкинскаго праздника (см. «Въ память С. А. Юрьева». Сборникъ. М., 1890, стр. 280).

выслать всю эту корректуру въ 2-хъ экземплярахъ, т. е. въ 2-хъ оттискахъ. Всю лишнюю цѣну, которую возьметъ почтamtъ, поставьте на мой счетъ.—Здѣсь затѣвается (на Святой) Чтеніе въ пользу Славянскаго благотворительнаго общества, и меня просятъ прочесть что нибудь изъ этого Апрельскаго № «Карамазовыхъ», еще неизвѣстнаго публикѣ.¹⁾ Можетъ быть и можно будетъ что нибудь прочитать съ необходимыми сокращеніями. Вотъ для чего и нужны мнѣ теперь лишніе оттиски.

Есть и еще одно маленькое обстоятельство, которое капельку меня смущаетъ: это то, что у меня въ этой книгѣ «Маленькіе мальчики» упомянуто о прогимназій. И вотъ, уже отправивъ къ Вамъ рукопись, я вдругъ сообразилъ, что у меня всѣ эти мои мальчики одѣты въ партикулярныя платья. Я справился здѣсь у знающихъ дѣло и мнѣ сказали, что 13 лѣтъ тому назадъ (время дѣйствія въ моемъ романѣ) гимназисты имѣли все таки какую то форму, хоть и не теперешнюю. Приготовительные же классы (особенно если дѣти бѣдныхъ родителей) могли ходить и въ партикулярныя платья. Пальтишки же были какіе угодно, равно и фуражки. Но такъ ли это? И не нужно ли будетъ что нибудь измѣнить на счетъ платья въ корректуру. Если нужно, черкните мнѣ одну строчку сверху 1-го листочка корректуры, и я измѣню, что можно. Если же не очень нужно, то сойдемъ и такъ.

Очень прошу исполнить эти обѣ мои просьбы. Надѣюсь, что письмо мое не запоздаетъ.

Ради Бога, простите помарки въ письмѣ, не считите за небрежность и примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и преданности Вашего покорнѣйшаго слуги

Ф. Достоевскій.

* * *

На чтеніи въ пользу Славянскаго Благотворительнаго Общества (которое состоялось 27 апрѣля 1880 г.—см. ниже, въ письмѣ № 28). Достоевскій собирався выступать потому, что онъ былъ давнимъ дѣйствительнымъ членомъ Общества (съ 21 января 1873). и 3 февраля 1880 года былъ избранъ (утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 14 апрѣля) Товарищемъ Предсѣдателя Общества (въ томъ же засѣданіи Предсѣдателемъ былъ избранъ К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, а другимъ Товарищемъ П. А. Васильчикъ въ). Въ качествѣ представителя именно Славянскаго Благотворительнаго Общества Достоевскій выступилъ со своею знаменитою рѣчью о Пушкинѣ 6 іюня 1880 года. Черезъ годъ Общество, лишившись Достоевскаго, посвятило его памяти цѣлое засѣданіе 14 февраля 1881 года, на которомъ произнесли рѣчи: К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, О. Ф. Миллеръ (прочитавшій стихотвореніе К. К. Случевского и рѣчь А. Н. Майкова), Н. Н. Страховъ, М. А. Хитрово (стихотвореніе) и О. Ф. Миллеръ²⁾.

* * *

Слѣдующее письмо какъ и многія предыдущія, показываетъ, какъ заботился Достоевскій о правильности различныхъ деталей въ своихъ произведеніяхъ, какъ волновался отъ дѣйствительныхъ, а иногда воображаемыхъ только промаховъ и противорѣчій,—столь, конечно, возможныхъ при исключительной напряженности и спѣшкѣ его работы.

¹⁾ См. объ этомъ чтеніи ниже.

²⁾ См. въ книгѣ «Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», СПб., 1883 г., стр. 616, 618, 619, 647—665 (рѣчи въ засѣданіи памяти Достоевскаго), 821—822 (слово проф. І. К. Яхонтова 5 февр. 1881 г.), 843 и 862. См. также въ книгѣ «Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго», СПб., 1888, статью: «Участіе и поминки Ф. М. Достоевскаго въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ», прилож. стр. 47—84.

Петербургъ, 13 Апрѣля 180 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Благодарю Васъ за Ваше сегодня мною полученное письмо. Благодарю за обѣщанную высылку корректуръ, и, главное, за Ваше сужденіе объ этой девятой Книгѣ. Радъ, что Вамъ понравились мои мальчики. Мнѣніе же Ваше о Колѣ Красоткинѣ самъ вполнѣ готовъ раздѣлять. Но вотъ бѣда: я въ корректуру не исправилъ и сегодня корректуру ужъ отослалъ. Будетъ ли въ такомъ случаѣ возможность поправить мою опшибочку, и будетъ ли наконѣцъ время, если Вы сами Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, захотѣли взять на себя это исправленіе? И не будетъ ли хлопотливо для Васъ (еслибъ и оказалось время), ибо во многихъ мѣстахъ въ книгѣ надо, въ такомъ случаѣ, переимѣнить цифру, т. е. накинуть Колѣ Красоткину одинъ годъ. Во 1-хъ, при началѣ біографіи, на 1-й страницѣ, гдѣ говорится о вдовѣ Красоткиной, что мужъ ея умеръ столько то лѣтъ назадъ (если поправить, то помѣстить 13 лѣтъ). Во 2-хъ, на желѣзной дорогѣ съ мальчиками, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Коля сердится, что его принимаютъ за маленькаго. Эти «четыре-надцатилѣтніе»,—надо будетъ переимѣнить и поставить: 15-лѣтніе. Наконецъ, когда онъ стоитъ у забора и ждетъ Алешу и думаетъ о своемъ маломъ ростѣ: надо сказать, что Боровиковъ (забылъ фамилію) и 13 лѣтъ, да выше его ростомъ (вмѣсто 12, поставленныхъ у меня). Наконецъ, когда говорить съ Алешей, то надо вставить вмѣсто того, когда онъ говорить про свои лѣта: «14, 14, а не тринадцать, черезъ 2 недѣли 14». А Алеша долженъ спросить его вмѣсто: «Вамъ, кажется, 12 лѣтъ?»—«Вамъ, кажется, только 13 лѣтъ?»—Можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ придется кое-гдѣ выправить. Однимъ словомъ, я вполнѣ согласенъ накинуть годъ (всего одинъ), но въ томъ непремѣнно, смыслѣ, что ему 13 лѣтъ, но почти 14, т. е. черезъ двѣ недѣли 14. Этого, мнѣ кажется, довольно. А потому, если только возможно еще это сдѣлать, т. е. если есть время и Вы захотѣли бы это исправить сами, то чрезвычайно бы меня одолжили. Жена моя (которая Вамъ отъ души кланяется) еще раньше Вашего сдѣлала мнѣ точъ въ точъ такое же замѣчаніе, какъ Вы.

А въ заключеніе Христосъ Воскресе и примите увѣреніе въ моемъ самомъ горячемъ уваженіи и глубокой преданности.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Ф. Достоевскій.

PS. Убѣдительнѣйше прошу передать отъ меня поздравленіе съ всемірнымъ христіанскимъ праздникомъ и Глубокоуважаемому Михаилу Никифоровичу. Передовыя Моск. Вѣдомостей читаю съ наслажденіемъ. Онѣ производятъ глубокое впечатлѣніе.

Петербургъ, Апрѣля 29/80 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ,

Повѣрьте, что мнѣ слишкомъ тяжело писать Вамъ это письмо. Какъ я не бился, а на Майскій (будущій) № Русскаго Вѣстника опять ничего не могу доставить. Но чрезъ недѣлю уѣзжаю съ семействомъ въ Старую Руссу и въ 3 мѣсяца кончу весь романъ. Такимъ образомъ продолженіе можетъ начаться (если одобрится) съ Юньской книжки, кончится четвертая Часть въ Августовской книжкѣ и затѣмъ будетъ на Сентябрьскую книжку еще заключеніе 1½ листа печатныхъ (нѣсколько словъ о судьбѣ лицъ и совершенно отдѣльная сцена: похороны Илюши и надгробная рѣчь Алексѣя Карамазова мальчиками, въ которой отчасти отразится смыслъ всего романа) ¹⁾. Не могъ же написать теперь къ Майской книжкѣ потому, что здѣсь буквально не даютъ писать, и надо скорѣе бѣжать изъ Петербурга.

Виноваты же въ томъ опять такіе «Карамазовы». По поводу нихъ ко мнѣ ежедневно приходитъ столько людей, столько людей ищутъ моего знакомства, зовутъ меня къ себѣ,—что я рѣшительно здѣсь потерялся и теперь бѣгу изъ Петербурга! Не знаю, какъ Вы, Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ, но я на счетъ собственно помѣщенія въ лѣтніе мѣсяцы романа въ Р. Вѣстникѣ не смущаюсь, ибо лѣтомъ даже больше читаютъ, чѣмъ зимой. Тяжело мнѣ писать Вамъ это письмо: Союзу, страшно боюсь, чтобъ Вы и Многоуважаемый Михаилъ Никифоровичъ не заключили обо мнѣ, что я злоупотребляю Вашимъ безконечно ко мнѣ деликатностью. Сегодня только узналъ, что Михаилъ Никифоровичъ въ Петербургѣ, отъ К. П. Побѣдоносцева, и по указанію его пошелъ обѣдать къ Гн. Мещерскому въ надеждѣ, что встрѣчусь, можетъ быть, съ Михаиломъ Никифоровичемъ, но услышалъ тамъ, что онъ уже уѣхалъ. А то лично изъяснилъ бы ему все. Будете столь добры передайте ему мой низжайшій поклонъ. Черкните мнѣ, если будете столь безконечно добры, сердитесь Вы на меня или нѣтъ? (Адресъ прежній, дойдетъ гдѣ бы я ни былъ). Кстати, я очень доволенъ, что книга «Мальчики» (появляющаяся въ Апрельскомъ №) столь отдѣльна и эпизодна: читатель будетъ не столь претендовать, какъ если бы на самомъ неоконченномъ мѣстѣ вдругъ прервать и поставить: продолженіе будетъ. Вчера, 27 числа, читалъ эпизодъ изъ этой книги на Литературномъ вечерѣ въ пользу Славянскаго благотворительнаго общества,—и эффектъ, безъ преувеличенія и похвалы, могу сказать, былъ чрезвычайно сильный.

Примите увѣреніе въ наиглубочайшемъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

Вашъ покорный слуга

Ф. Достоевскій.

* * *

Любопытное свидѣтельство Достоевскаго о томъ, какъ въ это время онъ обремененъ былъ посѣщеніями, знакомствами, перепискою,—подтверждается и другими его о томъ сообщеніями и письмами его къ неизвѣстнымъ ему лично корреспондентамъ, обращавшимся къ писателю по различнымъ поводамъ, для разъясненія мучившихъ ихъ вопросовъ. Такъ, напримеръ, извиняясь передъ неизвестной намъ по имени корреспонденткой за пр. медленіе въ отвѣтѣ, онъ писалъ ей 11 апрѣля

¹⁾ Послѣ Апрельской книги «Русскаго Вѣстника», въ которой была помѣщена вся Десятая Книга «Карамазовыхъ» («Мальчики»), продолженіе появилось не въ Юньскомъ №, а въ Юльскомъ (первыя 5 главъ Книги Одиннадцатой).

1880 г.: «моя жизнь проходить въ такомъ беспорядочномъ кнѣтѣ и даже въ такой суётѣ, что, право, я рѣдко когда принадлежу весь себѣ» («Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго», СПб. 1883, прилож., стр. 341). «Въ послѣдніе годы,—свидѣтельствуетъ Н. Н. Страховъ,—особенно съ начала «Дневника Писателя», онъ былъ заваленъ перепиской и замученъ посѣтителями. Къ нему писали и шли люди совершенно незнакомые, со всѣхъ концовъ Петербурга и краевъ Россіи. Приходили съ просьбами о помощи, такъ какъ онъ усердно помогалъ бѣднымъ и принималъ участіе въ чужихъ затрудненіяхъ и несчастіяхъ, но также безпрерывно приходили съ выраженіями своего поклоненія, съ вопросами, съ жалобами на другихъ и съ возраженіями противъ него. Такого же рода были и письма. Нужно было разговаривать, разспрашивать, отписываться, объяснять. Популярность его радовала; много онъ встрѣтилъ заявленій, которые показывали, что слова его не пропали даромъ; много узналъ людей, принесшихъ ему отраду своими душевными качествами. Эти сношенія онъ считалъ прямымъ долгомъ поддерживать и направлять въ хорошую сторону. Особенно онъ былъ внимателенъ къ молодымъ людямъ, къ студентамъ, къ курсисткамъ¹⁾. Затѣмъ—сыпались приглашенія на застѣванія всякихъ обществъ, на обѣды по разнымъ случаямъ, на литературныя чтенія съ благотворительною цѣлью²⁾. Нужно было сговариваться о времени, выбирать, что прочесть, готовиться и читать. Но нельзя было вовсе забросить и знакомыхъ и хоть изрѣдка да не побывать у нихъ въ заведенныя среды или субботы. И все это помимо домашнихъ и семейныхъ и родственныхъ дѣлъ и заботъ, тоже бравшихъ время и силы... Понятно, что онъ жилъ въ постоянномъ напряженіи, что внутри его кипѣла непрерывная работа, о которой не имѣютъ нѣнія люди, не занимавшіеся писательствомъ... Онъ сверхъ того былъ человекъ болѣзливъ, принадлежалъ «священной болѣзни» (паузы), такъ часто совмѣщающейся съ высокими нервными организаціями, отнимали у него память, приводили его въ мрачное настроеніе... («Биографія» и т. д., стр. 316—317). Немуздreno, что Достоевскій менталь «обжигалъ» изъ Петербурга и, вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ чѣтомъ—Пушкинымъ—мысленно восклицалъ: «Нора, мой другъ, пора, Покоя сердце просить!»

Побѣдоносцевъ, о которомъ здѣсь уже вторично упоминаетъ Достоевскій въ перепискѣ своей съ Любимовымъ, по поводу смерти писателя такъ высказался о немъ въ письмѣ къ И. С. Аксакову отъ 30 января 1881 года: «Тяжко, тяжело, ты, еще не зная о кончинѣ Ф. М. Достоевскаго. А вотъ у его гроба и вдвоетяжко. Я близко зналъ этого человека. Для него исключительно у меня была назначена вечеръ субботній, и онъ нерѣдко приходилъ проводить его вѣкомъ со мною. И своего «Зосиму» онъ задумывалъ по моимъ указаніямъ: много было и между нами душевныхъ рѣчей. Насъ облизало время его редакторства въ «Гражданинѣ». Тогда, изъ участія къ его отчаянному положенію, я цѣлое лѣто работала съ нимъ, вмѣстѣ, и мы весьма сошлись. Въ нынѣшнюю пору³⁾ такъ разъ онъ пришелъ ко времени. И теперь несамѣнимъ, ибо стоялъ самъ по себѣ. (Новое Время, 1909 г., № 12118, иллюстр. прилож.).

Князь Мещерскій, упоминаемый въ серединѣ письма Достоевскаго—знаменитый Владиміръ Петровичъ (родной, по матери, внукъ Карамзина), основатель и долготлѣтній издатель «Гражданина», органъ этотъ, въ началѣ своего существованія и редакторства Достоевскаго (1873—1874) отнюдь не носилъ того одиознаго, рѣзко-ретроград-

¹⁾ Любопытное указаніе на эти сношенія Достоевскаго съ его многочисленными читателями см. въ Воспоминаніяхъ о немъ метранпажа М. А. Александрова—«Русск. Стар.» 1892 г. т. LXXIV, стр. 208—207. Б. М.

²⁾ Одна записка Достоевскаго къ П. И. Вейнбергу по поводу чтенія на вечерѣ въ пользу дѣтей (недатированная, но относящаяся, конечно, къ послѣднимъ годамъ жизни писателя) воспроизведена факсимиле въ книгѣ «Письма рукописей А. Е. Бурцева», СПб. 1901 стр. 6—7 Б. М.

³⁾ Письмо писано за мѣсяцъ до 1 марта. Б. М.

наго отпечатка, что въ 1890-е и 1900-е годы, удерживая за собой характеръ изданія консервативнаго направленія, боровшагося лишь съ крайними теченіями. Мещерскій, посвятившій въ своихъ мемуарахъ одну главу Достоевскому, характеризуетъ послѣдняго, какъ убѣжденнаго консерватора. Выражая удивленіе тому, какимъ образомъ Достоевскій, будучи человѣкомъ, политически вполнѣ «благонадежнымъ», могъ попасть въ заговоръ Петрашевскаго, а потомъ на каторгу, Мещерскій пишетъ: «Я не видѣлъ на своемъ вѣку болѣе долгаго консерватора, не видѣлъ болѣе убѣжденнаго и преданнаго своему знамени монархиста, не видѣлъ болѣе фанатичнаго приверженца самодержавія, чѣмъ Достоевскій!..». И далѣе: «Такого цѣльнаго и полнаго консерватора я никогда не видѣлъ и не встрѣчалъ... Мы всѣ были маленькими передъ его грандіозною фигурою консерватора... Апостолъ правды во всемъ, въ крупномъ и въ мелочахъ, Достоевскій былъ какъ аскетъ строгъ и какъ неофитъ фанатиченъ въ своемъ консерватизмѣ... И тутъ какая оригинальность въ сопоставленіи того, чѣмъ Достоевскій былъ, съ тѣмъ, чѣмъ онъ слытъ для массы русскаго интеллигентнаго люда, искавшаго въ немъ, благодаря его эпохѣ, какого-то фетиша либеральной революціонной картинѣ и т. д. («Мои воспоминанія». Часть вторая. (1865—1881)». СПб. 1898, стр. 178, 179).

По поводу упоминанія Достоевскаго о своемъ выступленіи на Литературномъ вечерѣ въ пользу Славянскаго Благотворительнаго Общества, приведемъ извлеченіе изъ разсказа одной современницы о чтеніи Достоевскимъ отрывка изъ «Карамазовыхъ» 9 марта 1879 г. на вечерѣ Литературнаго Фонда: «Послѣ антракта первымъ вышелъ на эстраду Ф. М. Достоевскій. Глубокое волненіе охватило меня, когда я... услышала этотъ давно неслышанный голосъ. Разомъ вспомнилось все: наша работа за однимъ столомъ, ночныя бесѣды на чердакѣ, филиппики противъ «либераловъ» и таинственныя воззвѣщенія объ антихристѣ... Онъ читалъ главу изъ «Братьевъ Карамазовыхъ»... Для многихъ, въ томъ числѣ и меня, это было чѣмъ то въ родѣ откровенія всѣхъ судебъ... Это была мистерія подъ заглавіемъ: Страшный Судъ или Жизнь и Смерть... Это было анатомическое вскрытіе больного гангреною тѣла, — вскрытіе язвъ и недуговъ нашей притупленной совѣсти, нашей нездоровой, гнилой, все еще крѣпостнической жизни... Пластъ за пластомъ, язва за язвой... гной, смрадъ..., томительный жаръ агоніи... предсмертныя судороги... и освѣщающія, цѣлительныя улыбки... и кроткія, боль утѣляющія слова сильнаго здороваго существа, у одра умирающаго. Это былъ разговоръ старой и новой Россіи, разговоръ братьевъ Карамазовыхъ—Дмитрія и Алеши... Проникновенный, страстный голосъ (Достоевскаго) до глубины потрясалъ намъ сердца. Не я одна,—весь залъ былъ взволнованъ. Я помню, какъ нервно вздрагивалъ и вздыхалъ сидѣвшій подлѣ меня нѣзнакомый мнѣ молодой человѣкъ, какъ онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, судорожно встряхивая головою и сжимая пальцы, какъ бы съ трудомъ удерживая ихъ отъ невольныхъ рукоплесканій. И какъ, наконецъ, загремѣли эти рукоплесканія... Всѣ хлопали, всѣ были взволнованы. Эти внезапныя рукоплесканія, не во время прервавшей чтеніе, какъ будто разбудили Достоевскаго. Онъ вздрогнулъ и съ минуту неподвижно оставался на мѣстѣ, не отрывая глазъ отъ рукописи. Но рукоплесканія становились все громче, все продолжительнѣе. Тогда онъ поднялся, какъ бы съ трудомъ освобождаясь отъ сладкаго сна, и, сдѣлавъ общій поклонъ, опять сѣлъ читать. И опять послышался таинственный разговоръ на странную, совсѣмъ не «современную», даже «ненормальную» тему:

Вѣрь тому, что сердце скажетъ:
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ!

говорилъ одинъ съ ядовитой и страстной проніей. А другой отвѣчалъ ему съ такой же страстной, иступленной лаской: «Я не мстить хочу! Я простить хочу!» — Мы слушали это съ возраставшимъ волненіемъ и съ трепетомъ сердца тоже хотѣли простить! И вдругъ все въ насъ чудотѣйственно переключилось: мы вдругъ по-

чувствовали, что не только не надо намъ «погодить», но именно нельзя медлить ни на минуту... Нельзя потому, что каждый мигъ нашей жизни приближаетъ насъ къ вѣчному сумраку или къ вѣчному свѣту,—къ евангельскимъ идеаламъ или къ збѣ-
рямъ. А неподвижной середины не существуетъ..., нѣтъ остановокъ для мыслящаго ума, какъ нѣтъ покоя для живущаго сердца. Или—«чортова ахинея» и укусы таран-
тула, или «возьми свой крестъ и иди за Мною». Или «блаженны алчущіе и жаж-
дующіе правды»,—и тогда «не убей», «не укради», «не пожелай!» Или—ходи по
трупамъ завалянныхъ и рви кусокъ изъ чужого рта, ѣди верхомъ на другихъ и
плюй на вслѣдскіе завѣты!..» и т. д. (Изъ воспоминаній В. В. Починковской—
«Историч. Вѣстн.», 1904 г., № 2; цит. по книгѣ Ч. Вѣтринскаго, «Ф. М. Досто-
евскій», М. 1912, стр. 155—157). Впечатлѣніе о выступленіи автора «Карамазо-
выхъ» передано здѣсь вѣрно и безъ утрировки: таковы показанія и другихъ со-
временниковъ отъ чтеній Достоевскаго,—напр., репортера газеты «Голосъ», который,
давая отчетъ о томъ же литературномъ вечерѣ 9 марта 1879 г. въ залѣ Благород-
наго Собранія (онъ былъ устроенъ Литературнымъ Фондомъ и на немъ выступали:
Салтыковъ, Плещеевъ, Потѣхинъ, Полонскій и Тургеневъ), писалъ: «Вторая часть
вечера открылась чтеніемъ Ф. М. Достоевскаго. Нѣсколько секундъ рукоплесканія
не давали Ф. М. Достоевскому начать чтеніе. Чрезвычайно улачный выборъ отрывка
изъ романа «Братья Карамазовы»—«Разсказъ по секрету»—признанія Дмитрія Ка-
рамазова младшему брату своему Алексѣю,—въ которомъ отразились всѣ особен-
ности дарованія и манеры автора, и прочувствованное чтеніе произвели сильное
впечатлѣніе. Въ одномъ мѣстѣ даже наша публика, холодная и шепетильная, не
выдержала и прервала чтеніе взрывомъ рукоплесканій... Послѣ чтенія Ф. М. До-
стоевскій былъ вызванъ нѣсколько разъ и привѣтствованъ шумными рукоплеска-
ніями» («Голосъ» 11 марта 1879 г., № 70). Приведемъ, наконецъ, разсказъ еще
одного очевидца—метранпажа М. А. Александрова, который въ воспоминаніяхъ своихъ
о Достоевскомъ разсказываетъ о чтеніи имъ отрывка изъ «Карамазовыхъ» на томъ
самомъ литературномъ вечерѣ (въ Благородномъ Собраніи) 27 апрѣля 1880 г.
(въ Фомино воскресенье), о которомъ пишетъ Достоевскій Любимову: «Когда по про-
граммѣ дошла очередь до выхода на эстраду Федора Михайловича, въ залѣ водво-
рилась необыкновенная тишина, свидѣтельствовавшая о напряженномъ вниманіи, съ
которымъ присутствовавшіе устремили свои взоры на эстраду, гдѣ вотъ-вотъ по-
явится авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ», писатель давно знаменитый, но недавно
признанный такъ выхъ... И вотъ, когда этотъ моментъ наступилъ, среди напряженной
тишины раздался взрывъ рукоплесканій, лившіійся то чуть чуть ослабѣвая, то
вновь вдругъ возрастая, около пяти минутъ. Федоръ Михайловичъ, дѣловою по-
ступью вышедшій изъ-за кулисъ, и направлявшійся къ столу, стоявшему посрединѣ
эстрады, остановился на полѣ дорогѣ, поклонился нѣсколько разъ привѣтствовав-
шему его партеру и продолжалъ, тою-же дѣловою поступью путь къ столу: но едва
онъ сдѣлалъ два шага, какъ новый взрывъ рукоплесканій остановилъ его вновь.
Поклонившись опять направо и налево, Федоръ Михайловичъ поспѣшилъ было къ
столу, но оглушительныя рукоплесканія продолжались и не давали ему сѣсть за
столъ, такъ что онъ еще съ минутъ стоялъ и раскланивался. Наконецъ, выждавъ,
когда рукоплесканія нѣсколько пріутихли, онъ сѣлъ и раскрылъ рукопись; по то-
тчасъ же, вслѣдствіе новаго врыва рукоплесканія, долженъ былъ снова встать и
раскланиваться. Наконецъ, когда рукоплесканія стихли, Федоръ Михайловичъ при-
нялся читать. Читалъ онъ въ тотъ вечеръ непечатанныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ»
главы изъ «Братьевъ Карамазовыхъ». Чтеніе его было по обыкновенію, мастерское,
отчетливое и настолько громкое или, вѣрнѣе, внятное, что сидѣвшіе въ самомъ
отдаленномъ концѣ довольно большой залы Благороднаго Собранія, вмѣщающей въ
себѣ болѣе тысячи сидящихъ человѣкъ, слышали его превосходно. Нечего и гово-
рить, что публика горячо аплодировала чтенію Федора Михайловича, когда онъ
кончилъ назначенное по программѣ, и просила его еще что-нибудь прочесть. Но-

смотря на продолжительность только что оконченного чтенія, Федоръ Михайловичъ чувствовалъ себя настолько бодрѣмъ, что охотно исполнилъ эту просьбу. Передъ многочисленнымъ собраніемъ публики онъ чувствовалъ себя такъ же хорошо и держалъ себя такъ же свободно, какъ бы въ дружескомъ кружкѣ...». Далѣе Александровъ подробно рассказываетъ, какъ Достоевскій мастерски прочелъ сперва «Власа» Некрасова, а потомъ «Илью Муромца» графа А. К. Толстого, вызвавъ бурю рукоплесканій и овацій (см. «Русск. Стар.» 1892 г., т. XIV, стр. 320—322).

. . .

Быть можетъ, къ веснѣ 1880 г. надо отнести слѣдующую записку Достоевскаго къ Каткову или Любимову, писанную на визитной карточкѣ Достоевскаго. Въ Кузнечномъ переулкѣ Достоевскій проживалъ съ 1878 года до самой смерти («Биографія» и т. д., стр. 301).

19.

Слышалъ отъ К. П. Побѣдоносцева о Вашемъ прибытіи. Хотѣлъ сказать Вамъ два слова о чрезвычайно для меня важномъ. Главное уѣзжаю завтра, въ 10 часовъ вечера, въ Старую Руссу. Буду завтра дома отъ 2-хъ до 3-хъ. Еще дома каждодневно отъ 6 до 7. Если нельзя Вамъ ко мнѣ, то не дадите ли знать по городскій почтѣ, когда я завтра могъ бы застать Васъ.

Вашъ весь

Ф. Достоевскій.

Кузнечный переулокъ, домъ № 5, кв. 10. близъ Владимірской церкви.

20.

Старая Русса. 6 Іюля /80 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Видѣвъ съ этимъ письмомъ отправляю (отъ 6-го жг) въ Редакцію Р. Вѣстника и Карамазовыхъ. Будетъ три печатныхъ листа. Продолженіе этой (одиннадцатой) Книги не замедлю выслать своевременно для Августовской книжки. Затѣмъ на Сентябрьскую книжку послѣдуетъ и уже безъ всякаго перерыва послѣдняя, 12-я Книга Карамазовыхъ (Судъ), чѣмъ и заключается 4-я Часть романа (и послѣдняя). Затѣмъ на Октябрьскую книгу послѣдуетъ (и непременно тоже безъ перерыва) коротенькій Эпизодъ романа (1½ или 2 печатныхъ листа не болѣе), чѣмъ и закончится весь романъ.

Въ этой части (которую высылаю) надѣюсь ничего не найдете неудобнаго для Р. Вѣстника.

Работаю довольно легко, ибо все уже давно записано и приходится лишь возстановлять. Задержался немного изданіемъ Дневника (единственнаго № 1880-й г.; выйдетъ въ концѣ Іюля), въ которомъ воспроизведу мою рѣчь въ Общ. Люб. Р. Словесности, съ предисловіемъ довольно длиннымъ и, кажется, съ послѣсловіемъ, въ которомъ хочу отвѣтить нѣсколько словъ моимъ милымъ критикамъ. Не думаю, чтобъ задержало меня болѣе 5 дней. Слѣдующій, Августовскій № Карамазовыхъ вышлю, я думаю, тоже не позже 10-го будущаго Августа мѣсяца.

Гуляете ли Вы въ Вашемъ Люблинѣ, пользуетесь ли лѣтомъ? Какъ жалѣю, что не могъ все время бытности въ Москвѣ воспользоваться Вашимъ милымъ приглашеніемъ побывать на Вашей дачѣ. Но Вы знаете, какъ я былъ занятъ,—въ послѣднюю недѣлю, такъ приходилось даже почти не спать по ночамъ. Погода у насъ здѣсь восхитительная, то ли у Васъ? Свидѣтельствую мое глубочайшее уваженіе Вашей супругѣ. Убѣдительнѣйше прошу передать отъ меня глубокій и душевный поклонъ Михаилу Никифоровичу.

Буду ждать съ терпѣніемъ корректуръ. Правда, сюда, въ Старую Руссу, почта приходитъ изъ Москвы днемъ позже, чѣмъ въ Петербургъ. Но я не задержу ни на секунду. Адресъ мой: Старая Русса, Новгородской губерніи.

Θ. М. Достоевскому.

За границу я не поѣду и до 1/2 Сентября все буду жить здѣсь, въ Старой Руссѣ. Примите увѣреніе въ искреннѣйшемъ и глубокомъ моемъ уваженіи.

Вашъ неизмѣнно преданный

Θ. Достоевскій.

* * *

Говоря о предстоящемъ выходѣ «Дневника Писателя», Достоевскій упоминаетъ о своей славаго рѣчи «Пушкинъ», произнесенной имъ 8 іюня 1880 г. въ заведеніи Общества Любителей Россійской Словесности ¹⁾. На Пушкинскихъ торжествахъ онъ участвовалъ въ качествѣ представителя Славянскаго Благотворительнаго Общества ²⁾, коего былъ Товарищемъ Предсѣдателя. Слово Достоевскаго было триумфомъ его: оно вызвало бурю восторга, встрѣчено было съ единодушнымъ восхищеніемъ. Вотъ какъ рассказываетъ онъ самъ о своемъ торжествѣ и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ въ письмѣ къ В. Θ. Пушквичу отъ 18 іюля, изъ Старой Руссы: «20 Мая отправился въ Москву на празднѣкъ Пушкина,—и вдругъ послѣдовала кончина Императрицы. Затѣмъ празднѣкъ все откладывали и откладывали, и такъ шло до 6-го Іюня, а въ Москвѣ мнѣ не давали даже выспаться,—такъ я непрерывно былъ занятъ и окруженъ новыми лицами! Затѣмъ послѣдовали праздники и затѣмъ, буквально измученный, воротился въ Старую Руссу. Здѣсь тотчасъ же засѣлъ за Карамазовыхъ, написалъ три листа, отослалъ и затѣмъ тотчасъ же, не отдохнувъ, написалъ одинъ № «Дневника Писателя» (въ который войдетъ моя рѣчь), чтобъ издать его отдѣльно, какъ единственный № въ этомъ году. Въ немъ и отвѣты критикамъ, преимущественно Градовскому. Дѣло уже идетъ не о самолюбіи, а объ идеѣ. Новый, неожиданный моментъ, проявившійся въ нашемъ обществѣ на празднѣкъ Пушкина (и послѣ моей рѣчи) они бросились записывать и затирать, испугавшись новаго настроенія въ обществѣ, въ высшей степени ретрограднаго по ихъ понятіямъ. Надо было возстановить дѣло, и я написалъ статью, до того ожесточенную, до того разрывающую съ ними всѣ связи, что они теперь меня проклинаютъ на семи соборахъ. Такимъ образомъ,—заключаетъ Достоевскій,—въ мѣсяцъ по возвращеніи изъ Москвы я написалъ всего буквально шесть листовъ печати. Теперь разломанъ и почти боленъ». («Московскій Сборникъ» подъ ред. Сергія Шарапова, М. 1887 г., стр. 14—15). Наканунъ, 17 іюля, Достоевскій писалъ Еленѣ Андреевнѣ Штакеншнейдеръ слѣдующія любопытные строки: «11-го іюня я возвратился изъ Москвы въ Руссу, ужасно усталый, но тотчасъ же сѣлъ за Карамазовыхъ и залпомъ написалъ три листа. Затѣмъ,

¹⁾ Соображенія Достоевскаго по поводу сдѣланнаго ему С. А. Юрьевымъ предложенія выступить съ рѣчью на этомъ празднѣкѣ см. въ письмѣ его отъ 5-го мая 1880 г. («Въ память С. А. Юрьева. Сборникъ». М., 1890, стр. 280—281).

²⁾ См. тамъ же, стр. 282.

оправивъ, пришлось перечитывать все написанное обо мнѣ и о моей московской рѣчи въ газетахъ (чего до сихъ поръ и не читалъ, занятый работой) и рѣшилъ отвѣчать Градовскому, т. е. не столько Градовскому, сколько написать весь нашъ profession de foi на всю Россію: ибо знаменательный и прекрасный, совѣтъ мой былъ моментъ въ жизни нашего общества, проявившійся въ Москвѣ на праздники Пушкина, быль злонамеренно затертъ и искаженъ. Въ прессѣ нашей, особенно Петербургской, буквально испугались чего-то совѣтъ моего новаго, ни на что прежняго не похожаго, объявившагося въ Москвѣ: значить, не хочетъ общество одного подхихкиванія надъ Россіей и одного оплеванія ея, какъ доселѣ: значить, настойчиво захотѣло иного. Надо это затереть, уничтожить, осмѣять, искажить и всѣхъ разувѣрить.. Я еще въ Москвѣ рѣшилъ, напечатать мою рѣчь въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, сейчасъ же издать въ Петербургѣ одинъ № «Дневника Писателя»: единственный номеръ на этотъ годъ, и въ немъ напечатать мою рѣчь и нѣкоторое въ ней предисловіе, пришедшее мнѣ въ голову буквально въ ту минутку на эстрадѣ, сейчасъ послѣ моей рѣчи, когда, выйдя съ Аксаковымъ и всѣми, Тургеневъ и Аяенковъ тоже бросались лобызать меня и, пожимая мнѣ руки, настойчиво говорили мнѣ, что я написалъ вещь геніальную. Увы! забыли ли о ней теперь думаютъ о ней? И вотъ мысль о томъ, какъ они подумываютъ о ней сейчасъ, какъ опоминились отъ восторга, и составляетъ тему моего предисловія. Это предисловіе и рѣчь я отправилъ въ Петербургъ, въ типографію, и уже корректуру получилъ; какъ вдругъ и рѣшилъ написать и еще новую главу въ «Дневникѣ», profession de foi, съ обращеніемъ къ Градовскому; выпило два печатныхъ листа, написалъ—всю душу положилъ и сегодня, всего только сегодня, отослалъ ее въ Москву въ Типографію». («Русск. Арх.», 1891 г., кн. III, стр. 307—308). Въ «Вѣстникѣ Европы» 1908 г. (кн. I, стр. 215—218) напечатано еще письмо Достоевскаго къ графинѣ С. А. Толстой (вдовѣ поэта графа А. К. Толстого), отъ 13 іюня 1880 г., на другой день по возвращеніи изъ Москвы, въ которомъ Достоевскій передаетъ такіа любопытныя подробности о впечатлѣніи отъ его знаменитаго слова: «Вѣрите-ли... что въ публикѣ, послѣ рѣчи моей, множество людей, плача, обнимали другъ друга и клялись другъ другу быть впредь лучшими, и это не единичный фактъ,—я слышалъ множество разказовъ съ лица совѣтъ мнѣ незнакомыхъ даже, которыя стѣснились кругомъ меня и говорили мнѣ изступленными словами (буквально) о томъ, какое впечатлѣніе произвела на нихъ моя рѣчь. Два сѣдыхъ старика подошли ко мнѣ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «Мы двадцать лѣтъ были другъ другу врагами и двадцать лѣтъ бѣжали другъ другу зло: послѣ вашей рѣчи, мы теперь, сейчасъ помирились и принялъ вамъ это заявить». Это были люди мнѣ незнакомые. Такихъ заявленій было множество, а я былъ такъ потрясенъ и измученъ, что самъ былъ готовъ упасть въ обморокъ, какъ тотъ студентъ, котораго привели ко мнѣ въ ту минуту студенныя товарищи и который упалъ передо мной на полъ въ обморокъ отъ восторга.. А сколько женщинъ приходили ко мнѣ въ Лоскутвую гостиницу (иныя не называя себя) съ тѣмъ только, чтобъ, оставшись со мной, припасть и цѣловать мнѣ руки». Въ томъ же письмѣ Достоевскій даетъ опредѣленіе основныхъ двухъ положеній своей рѣчи о Пушкинѣ (1) всемірная отзывчивость Пушкина и способность перевоплощенія его въ генія чужихъ націй и 2) Пушкинъ—народный поэтъ) и указывать, что главнымъ въ рѣчи онъ считаетъ то, что сказалъ въ концѣ ея, — т. е. формулу, слово примиренія для всѣхъ нашихъ партій» и «указалъ исходъ къ новой эрѣ».

№ «Дневника Писателя», вышедшій въ Августѣ 1880 г., былъ слѣдующаго содержанія: Глава I. Объяснительно: слово по поводу печатанной ниже Рѣчи о Пушкинѣ. Глава II. Пушкинъ (очеркъ) Произнесено 8 іюня въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности. Глава III. Придирка къ случаю.—Четыре лекціи по поводу одной лекціи, прочитанной мнѣ г. А. Градовскимъ.—Съ обращеніемъ

къ г. Градовскому.—I. Объ одномъ самомъ основномъ дѣлѣ.—II. Алеко и Держиморда.—Страданія Алеко по крѣпостному мужику.—Анекдоты.—III. Дѣѣ половинки: IV. Одному смиришь, а другому гордишь.—Вуря въ стаканчикъ».—Живой разсказъ о впечатлѣніи отъ Пушкинскаго праздника вообще и о рѣчи Достоевскаго въ частности см. въ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони: «На жизненномъ пути», т. II. СПб., 1912, стр. 88—95, а равно разсказъ другого очевидца—Н. Н. Страхова въ упомянутомъ сборникѣ «Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго», СПб., 1883, стр. 304—313 (ср. еще въ Приложеніяхъ, стр. 343).

21.

Старая Русса, 10 Августа /80 г.

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Видѣвъ съ этимъ письмомъ препроводилъ въ Редакцію «Русскаго Вѣстника» «Карамазовыхъ» на Августовскую книжку: оканчаніе «Книги одиннадцатой», 72 почтовыхъ полулиста и 3½ печатныхъ листа равно.

Убѣдительнѣе прошу прислать своевременно корректуру. Не задержу ни минуты.

Дѣвнадцатал, послѣдняя Книга Карамазовыхъ прибудетъ въ Редакцію неуклонно около 10-го или 12-го будущаго (Сентября) мѣсяца. Величиною будетъ тоже въ три—въ 3½ листа, не болѣе. Затѣмъ останется эпилогъ романа, всего въ 1½ печатныхъ листа—это уже на Октябрскую книгу.

Теперь о высылаемомъ.

6-ю, 7-ю и 8-ю главы считаю самъ удавшимися. Но не знаю, какъ Вы посмотрите на 9-ю главу, Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ. Нѣизвестъ. можетъ быть, слишкомъ характерною! Но право я не хотѣлъ оригинальничать. Долгомъ считаю, однако, Васъ увѣдомить, что я давно уже справлялся съ мнѣніемъ докторовъ (и не одного). (ни утверждаютъ, что не только подобные кошмары, но и галюцинаціи передъ «бѣлой горячкой» возможны. Мой герой, конечно, видитъ и галюцинаціи, но сѣшиваетъ ихъ и съ своими кошмарами. Тутъ не только физическая (болѣзненная) черта, когда человѣкъ начинаетъ временами терять различіе между реальнымъ и призрачнымъ (что почти съ каждымъ человѣкомъ хоть разъ въ жизни случалось), но и душевная созпадающая съ характеромъ героя: отрицающая реальность призрака, онъ, когда исчезъ призракъ, стоитъ за его реальность. Мучимый безвѣріемъ, онъ (безсознательно) желаетъ въ то же время, чтобъ призракъ былъ не фантазія, а нѣчто въ самомъ дѣлѣ.

Впрочемъ, что я толкую. Прочтя, все увидите сами, Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ. Но простите моего чорта: это только чортъ, мелкій чортъ, а не Сатана съ «опаленными крыльями». Не думаю, чтобъ глава была и слишкомъ скучна, хотя и длинновата. Не думаю тоже, чтобъ хоть что-нибудь могло быть нецензурно, кромѣ, развѣ, двухъ словечекъ: «истерическіе взвизги херувимовъ». Умоляю, пропустите такъ: Это вѣдь чортъ говорить, онъ не можетъ говорить иначе. Если же никакъ нельзя, то вмѣсто истерическіе взвизги—поставьте: радостные крики. Но нельзя ли взвизги. А то будетъ очень ужъ прозаично и не въ тонъ.

Не думаю, чтобъ что-нибудь изъ того, что мелеть мой чортъ, было нецензурно.—Два же разсказа о исповѣдальныхъ будочкахъ, хотя и легко-

мысленны, но уже вовсе, кажется, не сальны. То ли иногда вретъ Мефистофельъ въ обычныхъ частяхъ Фауста?

Считаю, что въ X-й и послѣдней главѣ достаточно объяснено душевное состояніе Ивана, а стало быть и кошмаръ 9-й главы. Медицинское же состояніе, повторяю, опять, проверялъ у докторовъ.

Хоть я самъ считаю, что эта 9-я глава могла бы и не быть, но писалъ я ее почему-то съ удовольствіемъ и самъ отнюдь отъ нея не отрекаюсь.

Вѣлая горячка поражаетъ моего героя наступленнымъ припадкомъ именно въ минуту, когда онъ даетъ показаніе въ судѣ (это уже въ двѣнадцатой, будущей Книгѣ).

И такъ выразилъ Вамъ всѣ свои сомнѣнія, Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ. Буду ждать съ чрезвычайнѣйшимъ нетерпѣніемъ корректуру.

Какъ Вы поживаете и все ли еще на дачѣ? Благословилъ-ли Васъ Богъ погодой? У насъ восхитительнѣйшая, только чтобы не сглазить, а въ Петербургѣ дождь, — казалось бы такъ близко. Здѣсь я только здоровью, несмотря на работу.

Буду имѣть большое удовольствіе прислать Вамъ мой «Дневникъ Писателя», который выйдетъ 12 Августа въ Петербургѣ — единственный номеръ на этотъ годъ.

Глубочайшій поклонъ мой Вашей супругѣ. Будьте столь добры, передайте мое глубочайшее уваженіе Михаилу Никифоровичу.

При семъ прилагаю расписку въ полученіи тысячи рублей. Премного благодарю за своевременное исполненіе просьбы.

Августовскую книжку «Русскаго Вѣстника» умоляю прислать мнѣ въ Старую Руссу. Юльскую получилъ съ благодарностію.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи моемъ и совершенной преданности.

Вашъ всегдашній слуга

Ф. Достоевскій.

* * *

Окончаніе «Вратъвъ Карамазовыхъ» Достоевскій писалъ съ такимъ великимъ напряженіемъ, что трудъ свой сравнивалъ съ каторгой: «Я здѣсь какъ въ каторжной работѣ», — писалъ онъ О. Ф. Миллеру 26 августа 1880 г.: «сижу день и ночь за работой — кончаю Карамазовыхъ. Кончу только къ самому концу сентября»; 28 числа онъ сообщалъ И. С. Аксакову: «Вы не повѣрите, до какой степени я занятъ, день и ночь, какъ въ каторжной работѣ! Именно — кончаю Карамазовыхъ, слѣдственно подвожу итогъ произведенію, которымъ, я, по крайней мѣрѣ, — дорожу, ибо много въ немъ легло меня и моего. Я же и вообще то работаю нервно, съ мукой и заботой. Когда я усиленно работаю, то боленъ даже физически. Теперь же подводится итогъ тому, что 3 года обдумывалось, составлялось, записывалось. Надо сдѣлать хорошо, т. е. по крайней мѣрѣ сколько я въ состояніи. Я работы изъ за денегъ на почтовыхъ не понимаю. Но пришло время, что всетаки надо кончить и кончить не оттягивая. Вѣрите-ли, не смотря, что уже три года записывалось, — новую главу напишу, да и забракую, вновь напишу и вновь напишу. Только вдохновенныя мѣста и выходятъ заразъ, залпомъ, а остальное все — претяжелая работа». («Віографія... Достоевскаго», прилож. стр. 343, 344—345). Черезъ два слишкомъ мѣсяца, 4 ноября, уже изъ Петербурга, онъ писалъ тому же Аксакову, упоминая о предъидущемъ письмѣ: «Какъ былъ въ каторжной работѣ тогда, такъ состою и теперь. Все кончаю мой романъ и не могу кончить. Но на дняхъ, кажется, кончу совсѣмъ». (Тамъ-же, стр. 346). Въ приведенномъ выше письмѣ къ Любимову Достоевскій ссылается дважды на мнѣнія докторовъ, о правильности сдѣланнаго имъ изображенія душевнаго состоянія Ивана Карамазова; въ этомъ отношеніи, не называя поимѣнныя специальныя статьи врачей-психіатровъ (В. Чижа и др.),

укажемъ любопытное письмо Достоевскаго къ врачу А. Ѳ. Благодравову, отъ 19 декабря 1880 г., въ отвѣтъ на его письмо съ мнѣніемъ по поводу мастерскаго изображенія галлюцинаціи Ивана Карамазова; письмо это напечатано въ сборникѣ «Віографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго» (СПБ., 1883, прилож., стр. 351—352; перепечатано въ сборникѣ Ч. Вѣтринскаго. стр. 303—304).

22.

Старая Русса, 8 Сентября 1880 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ,

Какъ ни старался кончить и прислать Вамъ всю двѣнадцатую и послѣднюю книгу Карамазовыхъ, чтобъ напечатать заразъ, но увидѣлъ, наконецъ, что это мнѣ невозможно. Прервалъ на такомъ мѣстѣ, на которомъ дѣйствительно рассказъ можетъ представлять нѣчто цѣлое (хоть, можетъ быть, и не столь эффектное), да и дѣйствіе, кстати, у меня на время прерывается. Это «Судъ». Не думаю, чтобъ я сдѣлалъ какія-нибудь техническія ошибки въ рассказѣ: совѣтовался предварительно съ двумя прокурорами еще въ Петербургѣ. Остановилъ рассказъ на перерывѣ предъ «Судебными преніями». Остаются рѣчи прокурора и защитника,—и тутъ надобно дѣло сдѣлать по возможности лучше, тѣмъ болѣе, что и адвокатъ, и прокуроръ представляютъ у меня отчасти типы нашего современнаго суда (хотя и ни съ кого лично не списанные) съ ихъ нравственностью, либерализмомъ и воззрѣніемъ на свою задачу. Этими двумя рѣчами я теперь и занимаюсь, и онѣ, съ «приговоромъ» и закончатъ двѣнадцатую и послѣднюю Часть романа. Останется Эпилогъ въ 1½ печатныхъ листа. Но у меня твердое намѣреніе и желаніе окончить и напечатать окончаніе 4-й Части вмѣстѣ съ Эпилогомъ. Это уже будетъ на Октябрьскую книгу «Русскаго Вѣстника», а покамѣстъ на Сентябрьскую посылаю лишь часть двѣнадцатой Книги (правда, большую) = 5 главъ. Будетъ, безъ очень малаго (безъ двухъ-трехъ страницъ) 3 листа. Ужасно и убѣдительно буду просить Васъ прислать мнѣ и теперь, какъ и въ прошлый разъ, во время корректуру. Я злѣсь, въ Старой Руссѣ, минимумъ до 25 сентября,—лѣто прекраснѣйшее. Передайте мое глубочайшее уваженіе Вашей супругѣ. Жена отъ всего сердца Вамъ кланяется и желаетъ Вамъ всего лучшаго. Мой глубокий поклонъ и привѣтъ Михаилу Никифоровичу.

Примите, глубокоуважаемый и дорогой Николай Алексѣвичъ, горячее изъясненіе моей сердечной и искреннѣйшей преданности.

Вашъ всегдашній слуга

Ѳ. Достоевскій.

Такую статью какъ «Противъ теченія» давнымъ бы давно надо пустить въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Къ тому же у насъ все до сихъ поръ преданія 48 года. Луи Вланъ, Ламартинъ. Особенно для молодыхъ умовъ наидетельно.

Старая Русса, Новгородской губерніи,

Ѳ. М.—чу Достоевскому.

* * *

Упомянутая только что статья «Противъ теченія»—принадлежала перу Н. А. Любимова; о ней мы сказали нѣсколько словъ въ предисловіи къ письмамъ.

[Петербургъ], Ноября 8/80 г.

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Николай Алексѣвичъ,

Вмѣстѣ съ симъ отсылаю въ Редакцію «Р. Вѣстника» заключительный Эпизодъ Карамазовыхъ, которымъ и поконченъ романъ. Всего 31 полулистокъ почтовой бумаги и, кажется, не болѣе чѣмъ 1³/₄ листа «Р. Вѣстника».

Я убѣдительно и особенно прошу выслать мнѣ корректуру въ 2-хъ экземплярахъ (а не въ одномъ). Второй экземпляръ мнѣ совершенно здѣсь необходимъ для предстоящихъ публичныхъ чтеній въ концѣ Ноября (послѣ 20-го). Я все свое перечиталъ, а тутъ новое.

Прочту послѣднюю главу: Похороны Илюшечки и рѣчь Алеши мальчикамъ. По опыту знаю, что такіа мѣста въ чтеніяхъ производятъ нѣкоторое впечатлѣніе.

Ну вотъ и конченъ романъ! Работалъ его три года, печаталъ два—знаменательная для меня минута. Къ Рождеству хочу выпустить отдѣльное изданіе. Ужасно спрашиваютъ и здѣсь, и книгопродавцы по Россіи; присылаютъ уже деньги ¹⁾.

Мнѣ же съ Вами позволяете не прощаться. Вѣдь я намѣренъ еще 20 лѣтъ жить и писать. Не поминайте же лихомъ ²⁾.

Хотѣлъ было сейчасъ по окончаніи Карамазовыхъ побывать въ Москвѣ, но кажется не удастся. Крѣпко жму Вамъ руку и благодарю Васъ за Ваше участіе. А пожалуй и за редакторскую ферулу: она иногда мнѣ необходима.

Вашъ послѣдній № удивительно составленъ. Но будутъ-ли продолжаться статьи: «Противъ теченія». Онѣ здѣсь сильно замѣтены. Если бъ въ Ноябрь и въ Декабрь помѣстятъ! Повѣрьте онѣ необходимы, ибо рѣшительный успѣхъ ³⁾.

Мое глубочайшее уваженіе глубокоуважаемой супругѣ Вашей. Будьте такъ добры, передайте отъ меня искренній привѣтъ глубокоуважаемому Михаилу Никифоровичу.

Жена моя шлетъ Вамъ глубокій поклонъ.

Примите сердечное увѣреніе въ моей искренней и всегдашней приверженности.

Вашъ весь

Ф. Достоевскій.

С.-Петербургъ. Кузнечный переулочъ, домъ № 5, квартира № 10 (близъ Владимирской церкви).

Ф. М-чу Достоевскому.

¹⁾ Отдѣльное изданіе „Братьевъ Карамазовыхъ“ было выпущено въ двухъ томахъ, съ посвященіемъ А. Г. Достоевской, въ Петербургѣ, въ концѣ 1880 г., хотя и помѣчено 1881 г. („Биографія“ и т. д., стр. 302, 303, 315).

²⁾ Достоевскій скончался черезъ 2 мѣсяца и 8 недѣль послѣ написанія этихъ словъ.

³⁾ Въ предисловіи мы привели рядъ отзывовъ объ этихъ статьяхъ Любимова.

24.

Петербургъ, 29 Ноября /80 г.

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Имѣю къ Вамъ двѣ чрезвычайныя и самыя покорнѣйшія просьбы, и только боюсь, какъ бы не обезпокоить Васъ не во время. Первая просьба состоитъ въ томъ, что такъ какъ „Бр. Карамазовы“ кончились (а теперь должно быть вышла уже и Ноябрьская книга Р. [Вѣстника]), то не сообразоволи-ли Вы составить намъ окончательный счетъ и выслать его мнѣ. Но до составленія и высылки счета, нельзя ли будетъ, дорогой и глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ, выслать мнѣ теперь же рублей 1500 на Ахенбаха и Колли! Я нахожусь въ чрезвычайной нуждѣ. Къ тому же публиковалъ на будущій годъ изданіе „Дневника Писателя“, когда-то еще начнется подписка, а наличныя деньги все-таки нужны до крайности. Если можно—удовлетворите просьбу. Не нуждался бы, то и не беспокоилъ бы.

Вторая просьба моя въ томъ: дней уже 10 назадъ, какъ жена моя послала въ Редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» для напечатанія объявленіе мое объ изданіи въ будущемъ году «Дневника Писателя» и однако же объявленіе еще не появилось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» до сихъ поръ. Сегодня она послала еще разъ это объявленіе и просьбу помѣстить его въ отдѣленіи объявленій. Денегъ за напечатаніе объявленія мы не приложили, имѣя въ виду, что въ Редакціи Московскихъ Вѣдомостей есть еще мочъ деньги за напечатанную лѣтомъ «Рѣчь» по поводу Пушкина. Не вышло ли тутъ какихъ затрудненій? Повѣрьте, что мнѣ тяжело обременять Васъ лишними просьбами по дѣлу совсѣмъ другой Редакціи. Но окажите мнѣ эту чрезвычайную дружескую помощь; не можете ли Вы справиться лично въ Редакціи Моск. Вѣдомостей, что именно помѣшало напечатанію моего объявленія о «Дневникѣ Писателя», и, такимъ образомъ, ускорить это дѣло. Объявленіе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ для меня необходимо. Оно идетъ въ глубь Россіи, а Голось, Новое Время и проч. гуляютъ болѣе по окраинамъ.

Еще разъ прошу извиненія. Не сѣюте, что Васъ утруждаю. Безъ нужды не сталъ бы беспокоить.

Жена Вамъ искренно кланяется. Передайте мое глубочайшее уваженіе Вашей глубокоуважаемой супругѣ.

При свиданіи съ Михайломъ Никифоровичемъ сообщите ему любезно о моемъ почтеніи, уваженіи и всегдашней искренней преданности моей теперь, впредь и вѣвѣки вѣковъ.

А за сими примите и сами искреннѣйшее увѣреніе въ моей всегдашней и совершеннѣйшей преданности, съ которою пребываю

Преданнѣйшимъ слугою Вашимъ

Ф. Достоевскимъ.

Н.В. А трудное дѣло предпринять теперь такое изданіе, какъ, напримѣръ, «Дневникъ». Сильно меня это волнуетъ.

* * *

Упоминаемый здѣсь Январскій № «Дневника Писателя» вышелъ уже послѣ неожиданной смерти Достоевскаго, 31 января 1881 г. (наканунѣ похоронъ), былъ быстро распроданъ и на другой день былъ выпущенъ вторымъ изданіемъ, въ траурной рамкѣ. Слѣдующее письмо—послѣднее въ серіи писемъ Достоевскаго къ Любимову и, вѣроятно, послѣднее въ его жизни: 26 января у него случилось сильное кровотечение горломъ,—и черезъ два дня, 28 числа, въ 8 ч. 38 м. вечера писателя не стало.

(Петербургъ), Января 26/81 г.

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Николай Алексѣвичъ,

Такъ какъ Вы, столь давно уже и столь часто, были постоянно благосклонны ко всѣмъ моимъ просьбамъ, то могу ли надѣяться и еще разъ на вниманіе Ваше и содѣйствіе къ моей теперешней, послѣдней можетъ быть просьбѣ. По счету, присланному мнѣ изъ Редакціи «Русскаго Вѣстника», мнѣ остается дополчить за Карамазовыхъ еще 4000 рублей съ чѣмъ-то. Въ настоящее время я крайне нуждаюсь въ деньгахъ. Будьте такъ добры, сообщите о томъ Глубокоуважаемому Михаилу Никифоровичу. Не возможно ли будетъ сдѣлать распоряженіе о высылкѣ мнѣ всей суммы? Вы не повѣрите, какъ Вы тѣмъ одолжите меня. Я именно предпринимаю одну затрату и нуждаюсь въ деньгахъ до крайности, иначе дѣло уйдетъ изъ рукъ.

Простите, что, не дождавшись собственнаго распоряженія Конторы «Русскаго Вѣстника», ускоряю дѣло моей просьбою. Везъ особой надобности не рѣшился бы.

Свидѣтельствую глубочайшее уваженіе Вашей глубокоуважаемой супругѣ и прошу Васъ очень передать таковое же Михаилу Никифоровичу.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ пребываю Вамъ воистину и вполне преданный

Ф. Достоевскій.

* * *

Письмо это писано все собственноручно, твердымъ, отчетливымъ и, какъ всегда, почти каллиграфическимъ почеркомъ,—и только фраза о «послѣдней можетъ быть просьбѣ» содержитъ въ себѣ зловѣщій намекъ на то, что, писавши его, Достоевскій уже предчувствовалъ свой конецъ. Приводимъ здѣсь статью «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 30 отъ 30 января), набросанную Катковымъ по полученіи рокового извѣстія и заключающую въ себѣ изъясненіе его чувствъ по поводу понесенной утраты:

«Какъ громъ поразило насъ вчера ночью извѣстіе о кончинѣ Федора Михайловича Достоевскаго. Еще наканунѣ, 27 января, получили мы отъ него собственноручное письмо, писанное твердымъ почеркомъ и не возбуждавшее никакихъ опасеній. Было однако въ этомъ письмѣ зловѣщее слово, которое тогда скользнуло для насъ незамѣтно. Прося насъ объ одномъ дѣлѣ, онъ прибавилъ: «это быть можетъ моя послѣдняя просьба». Только теперь сталъ намъ понятенъ скорбный смыслъ этого слова, «послѣдняя». Въ немъ оказалось предчувствіе смерти еще прежде, чѣмъ совершилось роковое кровоизліяніе, которое такъ быстро погасило дорогую жизнь нашего друга. Но предчувствіе смерти не нарушило мира и ясности его души. Тонъ этихъ предсмертныхъ строкъ его совершенно спокоенъ. Онъ входитъ въ нѣкоторыя дѣловыя подробности и шлетъ поклонъ друзьямъ.

«Прости, добрый дѣлатель на русской нивѣ! Мы еще многого ждали отъ тебя, но довольно и сдѣланного, чтобъ имя твое сохранилось навѣки въ русской народной памяти. Земля возьметъ свое, тѣлѣнное предается тѣлѣнью, но духовное наслѣдіе твое останется навсегда дорогимъ достояніемъ твоего отечества.

«Царство тебѣ небесное! Ты заслужилъ его, ты его выстрадалъ, сколько людямъ дозвоительно судить о томъ».

«Въ Субботу, 31 января, въ Сергіевской, что на Вольшой Дмитровкѣ, церкви будетъ совершена по усопшемъ заупокойная литургія и панихида.

«Сейчас получили мы депешу, что Государь Император повелѣлъ назначить пенсію вдовѣ покойного и воспитывать его дѣтей на счетъ казны».

«Завтра получимъ мы подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ и минутахъ Федора Михайловича».

*
*
*

Вдова Достоевскаго, Анна Григорьевна, столь много сдѣлавшая для распространенія его сочиненій и для увѣковѣченія его памяти въ Москвѣ—мѣстѣ его рожденія—образованіемъ при Московскомъ Историческомъ Музеѣ особаго отдѣла его имени,—по газетнымъ сообщеніямъ скончалась лѣтомъ 1918 года гдѣ-то на Кавказѣ или въ Крыму: о судьбѣ дѣтей Достоевскаго ¹⁾ въ настоящее время намъ ничего неизвѣстно, какъ не извѣстно и то, что сталося съ цѣннѣйшимъ архивомъ писателя и съ его домомъ въ Старой Руссѣ. Будемъ, однако, надѣяться, что судьба, преслѣдовавшая Достоевскаго въ продолженіе всей его многострадальной жизни, хотъ на этотъ разъ и въ этомъ отношеніи не окажется мачехою и сохранить для насъ въ вихрѣ пережитыхъ и переживаемыхъ грозныхъ стихійныхъ событій, съ такою прозорливостію предвидѣнныхъ Достоевскимъ, его литературное наслѣдіе: оно, конечно, много поможетъ изслѣдователямъ въ выясненіи сложнаго и во многомъ еще неразгаданнаго облика гениальнаго писателя.

4 дек. 1918.

Б. Модзалевскій.

¹⁾ Ихъ было четверо, изъ коихъ отца пережили сынъ Федоръ (род. 16 іюля 1871 г. и дочь Любовь (род. 14 сентября 1869 г.), пробовавшая силы на литературномъ поприщѣ; дочь же Софія (род. 22 февраля 1868) и сынъ Алексій (род. 12 августа 1875 г.) скончались въ младенчествѣ: первая—12 мая 1868 г., а второй—16 мая 1878 г.

Нѣсколько словъ о казни цареубійць 3-го апрѣля 1881 года.

Въ номерахъ 10—11 журнала «Былое», посвященныхъ 1-го марта 1881 г., помѣщенъ официальный отчетъ о казни пяти цареубійць 3 апрѣля того же года въ С.-Петербургѣ на Семеновскомъ плацѣ. По обязанностямъ службы мнѣ пришлось присутствовать на этой казни, причемъ я находился въ 20—30 шагахъ отъ эшафота. Видѣть казнь мнѣ довелось въ первый разъ въ жизни. Она произвела на меня сильное впечатлѣніе, и всѣ подробности глубоко врезались въ память.

Въ официальномъ отчетѣ о казни есть существенный пропускъ и нѣсколько характерныхъ невѣрностей. Полагаю, что читатели «Былого» заинтересуются ими. За точность передаваемого ручаюсь, такъ какъ видѣлъ все своими глазами, а не говорю съ чужихъ словъ.

Въ то время Семеновскій плацъ не былъ застроенъ, какъ теперь: тиръ, бѣговой кругъ, зданія инженернаго вѣдомства, все это возникло значительно позже. а въ 1881 году плацъ представлялъ огромную пустую площадь. 3-го апрѣля на ней толпились несмѣтныя массы народа; люди сидѣли также на крышахъ Семеновскихъ казармъ, станціонныхъ зданій и вагоновъ Царскосельской желѣзной дороги.

Первымъ былъ повѣшенъ, какъ и указано въ отчетѣ. Кибальчичъ, причемъ, повидимому, отъ быстрого, рѣзкаго выдергиванія ступенекъ изъ-подъ ногъ и отъ тяжести тѣла произошло поврежденіе спинныхъ, точнѣе, шейныхъ позвонковъ, и смерть была моментальной, безъ всякихъ судорогъ.

Вторымъ былъ повѣшенъ Михайловъ. Вотъ тутъ-то и произошелъ крайне тяжелый эпизодъ, вовсе не упомянутый въ отчетѣ: не болѣе какъ черезъ одну-двѣ секунды послѣ вынута ступеньчатой скамейки изъ-подъ ногъ Михайлова, петля, на которой онъ висѣлъ, разорвалась, и Михайловъ грузно упалъ на эшафотную настилку. Гулъ, точно прибой морской волны, пронесся по толпѣ; какъ мнѣ пришлось слышать потомъ, многіе полагали, что даже по закону фактъ срыва съ висѣльцы разсматривается, какъ указаніе свыше, отъ Бога, что приговоренный къ смерти подлежитъ помилованію; этого ожидали почти всѣ.

Несмотря на связанныя руки, на саванъ, стѣснявшій его движенія, и на башлыкъ, мѣшавшій видѣть, Михайловъ поднялся самъ и лишь направляемый, но не поддерживаемый помощниками палача, взомель на ступеньки скамейки, подставленной подъ петлю палачемъ Фроловымъ. Послѣдній быстро сдѣлалъ новую петлю на укрѣпленной веревкѣ и черезъ 2—3 минуты Михайловъ висѣлъ уже вторично. Секунда, двѣ... и Михайловъ вновь срывается, падая на помость! Больше прежняго зашумѣло море

людское! Однако палач не растерялся и, повторив уже разъ продѣланную манипуляцію съ веревкой, въ третій разъ повѣсилъ Михайлова. Но замѣтно было, что нравственныя и физическія силы послѣдняго истощились; ни встать, ни подняться на ступеньки безъ помощи сотрудниковъ Фролова онъ уже не могъ.

Медленно завертѣлось тѣло на веревкѣ. И вдругъ какъ разъ на кольцѣ подъ перекладиной, черезъ которое была пропущена веревка, она стала перетираться, и два стершіеся конца ея начали быстро и замѣтно для глаза раскручиваться. У самого эшафота раздались восклицанія: «Веревка перетирается! Опять сорвется!» Палачъ взглянулъ на верхъ, въ одно мгновеніе подтянулъ къ себѣ сосѣднюю петлю ¹⁾, влѣзъ на скамейку и накинулъ петлю на висѣвшаго Михайлова. Такимъ образомъ, тѣло казненнаго поддерживалось двумя веревками, что и показано совершенно ясно на рисункѣ, сдѣланномъ фотографомъ Насвѣтвичемъ (стр. 323-я «Былого»).

Весь этотъ эпизодъ въ официальномъ отчетѣ пропущенъ, вѣроятно, умышленно.

Рысаковъ упорно цѣплялся ногами за скамейку, какъ это и указано въ отчетѣ. Помощники палача, опасаясь, повидимому, повторенія того, что было съ Михайловымъ, выдергивали скамейку крайне осторожно и медленно. Тогда-же Фроловъ и толкнулъ впередъ тѣло Рысакова, причемъ ноги его соскользнули съ табуретки.

Перовская, все время крѣпившаяся и имѣвшая бодрый видъ, сдала въ послѣднія минуты: силы, а, можетъ быть, и сознаніе начали покидать ее; помощники вынуждены были энергично поддерживать ее подъ руки при поднятій на скамейку и во время надѣванія петли.

Остается исправить еще одну неточность официального отчета: на эшафотѣ поцѣлuyми простились не только Желябовъ и Михайловъ съ Перовской, но и всѣ осужденные другъ съ другомъ, и одна только Перовская отвернулась отъ Рысакова, когда онъ потянулся къ ней. Такое же враждебное отношеніе къ Рысакову выказывала Перовская и во время судебныхъ засѣданій. Подсудимые вводились въ залъ поочередно, причемъ позже входившіе обмѣнивались рукопожатіями съ ранѣе прибывшими; не было этого пріѣтствія только между Рысаковымъ и Перовской, которая демонстративно отворачивалась отъ него.

В. Н. ²⁾.

¹⁾ Эта шестая петля предназначалась для Геси Гельфманъ, казнь которой была отсрочена, а потомъ замѣнена каторгой.

²⁾ Эта существенная и важная поправка къ официальному отчету о казни первомартовцевъ принадлежитъ весьма видному боевому представителю прежней нашей арміи. По нѣкоторымъ соображеніямъ авторъ не счелъ возможнымъ помѣстить свою фамилию полностью, но редація можетъ завѣрить ея авторитетность. Вмѣстѣ съ тѣмъ редація «Былого» проситъ и другихъ свидѣтелей-очевидцевъ смертной казни первомартовцевъ подѣлиться своими впечатлѣніями объ этомъ трагическомъ эпизодѣ нашего прошлаго. Ред.

Любовь въ рavelинѣ.

1.

Это случилось въ С.-Петербургѣ, весной 1851 года, въ первыхъ числахъ мая.

Императоръ Николай только что отбылъ по важнымъ государственнымъ дѣламъ въ Варшаву на свиданіе съ прусскимъ королемъ; отсюда онъ проѣхалъ въ Ольмюцъ и видѣлся здѣсь съ австрійскимъ императоромъ. Въѣстъ съ Николаемъ уѣхалъ и всегдашній его спутникъ въ путешествіяхъ, начальникъ III Отдѣленія и шефъ корпуса жандармовъ князь А. Ѳ. Орловъ. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ остался править столицей, а править III Отдѣленіемъ сталъ генераль-лейтенантъ Л. В. Дубельтъ, правая рука графа Орлова. Ежедневно летѣли изъ С.-Петербурга фельдъегери и курьеры съ краткими докладами Дубельта своему шефу обо всемъ выдающемся, о всѣхъ петербургскихъ происшествіяхъ не только „для распоряженія“, но и „для свѣдѣнія“. Эти доклады графъ читалъ самъ, на поляхъ писалъ резолюціи и просто мнѣнія и давалъ на прочтеніе Николаю.

5 мая случилось происшествіе, не имѣвшее никакого отношенія къ революціоннымъ проискамъ, лишенное какого бы то ни было политическаго и государственнаго значенія, но оно кончилось заключеніемъ въ важнѣйшей государственной тюрьмѣ—Алексѣевскомъ рavelинѣ. Событіе это привлекло такой повышенный къ себѣ интересъ какъ въ верховномъ носителѣ русской государственной власти, поглощенномъ въ это время высокой дипломатической игрой съ нѣмецкими монархами, такъ и въ высшихъ представителяхъ власти, вызвало такой приливъ жандармской энергіи и привело къ такому взрыву административнаго восторга, какой обычно наблюдался въ моменты острой борьбы съ революціонной гидрой: исторія, разыгравшаяся вокругъ этого происшествія, въ своихъ бытовыхъ подробностяхъ необычайно красочна и характерна для послѣднихъ лѣтъ Николаевской Россіи, снаружи какъ будто мощно блестящей, внутри уже развалившейся и прогнившей, характерна для системы блестяще организованнаго безпорядка, какимъ въ сущности была николаевщина.

6 мая Дубельтъ доложилъ наслѣднику:

„Вчера вечеромъ у сына коммерціи совѣтника Жадимировскаго похищена жена, урожденная Бравура. Ее, какъ дознано, увезъ отставной офицеръ Федоровъ, но не для себя, а для князя Сергѣя Васильевича Трубецкаго. Федоровъ привезъ ее въ домъ брата своего, на Караванной, гдѣ и передалъ князю Трубецкому; такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ мужъ, который съ давняго времени замѣтилъ, что князь

Трубецкой обратилъ на жену его какое-то особенное вниманіе и былъ съ нею въ тайной перепискѣ. Докладывая о семъ Вашему Императорскому Высочеству, осмѣливаюсь испрашивать соизволенія донести объ этомъ случаѣ графу Орлову“. Александръ Николаевичъ надписалъ на докладъ Дубельта: „Я давно этого ожидалъ, ибо никакая мерзость со стороны князя Сергѣя Трубецкого меня не удивляетъ“.

7 мая Дубельтъ донесъ о случаѣ графу Орлову, присоединивъ самое послѣднее извѣстіе: „сейчасъ узнать я, что полиція окружила домъ князя Трубецкого для отысканія жены Жадимировскаго“. Графъ Орловъ, прочитавъ докладъ Дубельта, наложилъ резолюцію: „Происшествіе довольно скверное по своему соблазну, тѣмъ болѣе, что Государю, какъ и всѣмъ, кн. С. Трубецкой извѣстѣнъ закоренѣлымъ по-вѣсой“.

Оставаясь въ сторонѣ отъ полицейскихъ розысковъ, Дубельтъ съ безпечностью продолжалъ сообщать наслѣднику и графу Орлову подробности пикантнаго происшествія.

10 мая онъ доложилъ наслѣднику: „въ городѣ носятъ слухи, что князь Трубецкой съ женою Жадимировскаго бѣжали за-границу чрезъ Финляндію, что она переодѣлась въ мужское платье, а онъ выбрилъ себѣ бороду, досталъ четыре, на разныя имена, паспорта и у своихъ родныхъ 40 тыс. рубл. серебромъ и что они уже находятся въ Стокгольмѣ“. Наслѣдникъ подчеркнул слова доклада „досталъ у своихъ родныхъ 40.000“ и не безъ проны надписалъ сбоку „послѣднее невѣроятно“. 11 мая Дубельтъ въ своемъ ежедневномъ донесеніи Орлову повторилъ буквально свой докладъ наслѣднику и единственно для развлечения графа сдѣлалъ еще добавленіе: „А графиня Разумовская рассказываетъ, что они, напротивъ, уѣхали въ Тифлисъ, и что князь Трубецкой, черезъ два мѣсяца, продастъ Жадимировскую въ сераль турецкаго султана“. Но столь безпечное отношеніе должно было моментально исчезнуть послѣ изъявленія высочайшей воли.

12 мая графъ Орловъ въ своемъ докладѣ царю сообщилъ: „по полученнымъ свѣдѣніямъ, въ С.-Петербургѣ совершенная тишина и, благодаря Бога, все благополучно. Но долженъ сказать Вашему Величеству, что ни жены Жадимировскаго, ни кн. Сергѣя Трубецкого по сіе время отыскать не могутъ“. Вотъ тутъ-то и произошло высочайшее волепзъявленіе: „стыдно, что не нашли, надо Дубельту ввать для того строгія мѣры“,—написалъ царь. Пересылая листокъ съ этой резолюціей изъ Варшавы въ Петербургъ къ Дубельту, графъ Орловъ хотѣлъ немного смягчить тяжелое впечатлѣніе, которое должна была про-извести на Дубельта царская резолюція, и приписалъ: „вотъ собственноручная отмѣтка государя, я ему говорилъ, что это не наше дѣло, а мѣстной полиціи, но онъ возразилъ, чтобы я написалъ къ тебѣ, чтобы всѣ средства къ отысканію употреблены были. Непремѣнно исполни“. А немного позже, читая помянутое выше донесеніе Дубельта, графъ Орловъ вернулся къ обидѣ, причиненной своему помощнику. „Справедливы ли эти слухи или нѣтъ, неизвѣстно и потому непременно должно достигъ правды. Часто бываетъ, что распускаютъ эти слухи или сами виновники, или ихъ приверженцы. Я долженъ тебѣ сказать, что я сегодня опять осмѣлился спорить съ государемъ, что по этому дѣлу мы совсѣмъ не виноваты, сей разговоръ зашелъ отъ того, что онъ мнѣ сказалъ, что онъ велѣлъ тебѣ сдѣлать замѣчаніе. Я опять ему повторилъ, что сіе принадлежить къ обязанностямъ

мѣстной полиціи, что когда у насъ требуютъ пособія, мы никогда не отказывали, но даже и съ общими усиліями человѣку, личность скрывая, изъ Петербурга выѣхать легко и найти его весьма трудно, когда прежде онъ“ .. ¹⁾

Какъ старая полковая лошадь, услышавшая звукъ трубы, пришетъ въ движеніе и волненіе отецъ и командиръ, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, узнавъ высочайшую волю. Онъ сталъ распоряжаться. Въ погоню за Трубецкимъ онъ немедленно отправилъ жандармскихъ офицеровъ: поручика Чулкова до Тифлиса и поручика Эка до Одессы. Поручикамъ была дана подробная инструкція и разрѣшеніе „въ случаѣ надобности быть въ партикулярномъ платьѣ“. Поручики должны были, „стараясь всемѣрно“, открыть слѣды бѣглецовъ и, куда бы они ни отправились, достигъ и задержать ихъ, а по задержаніи отправить немедленно въ С.-Петербургъ съ особымъ жандармскимъ офицеромъ или при себѣ и съ двумя конвойными жандармами, а г-жу Жадимировскую подобнымъ же образомъ, но отдѣльно отъ него, черезъ нѣсколько часовъ позже и въ особомъ экипажѣ“. Поручики были снабжены подорожными на три лошади, открытыми листами на взиманіе обывательскихъ лошадей, открытыми листами объ оказаніи имъ содѣйствія со стороны мѣстныхъ властей и отношеніями къ высшимъ начальникамъ—кавказскому намѣстнику, графу М. С. Воронцову для поручика Чулкова и къ исправляющему должность новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора ген.-лейт. Федорову для поручика Эка. Кромѣ того Дубельтъ предложилъ окружнымъ жандармскимъ властямъ оказать всяческое содѣйствіе поручикамъ. Управляющій 6 округомъ корпуса жандармовъ въ Тифлисѣ полковникъ Юрьевъ обязанъ былъ содѣйствовать поручику Чулкову, управляющій 5 округомъ ген.-лейт. Шнелъ въ Одессѣ—поручику Эку. Но такъ какъ Трубецкой могъ скрыться въ Финляндіи, то Дубельтъ предписалъ гельсингфорскому жандармскому полковнику Регенкампу „произвести немедленно самое вѣрное дознаніе: не были-ли бѣглецы въ Або, Гельсингфорсѣ, въ окрестностяхъ этихъ городовъ или не проѣзжали ли другою дорогою по направленію“ къ границѣ и т. д. Регенкампу были сообщены примѣты бѣжавшихъ: „Кн. Трубецкой высокаго роста, темворусый, худощавъ, имѣетъ видъ истощеннаго человѣка, носить бороду. Г-жа Жадимировская очень молода, весьма красивой наружности, съ выразительными глазами“. Жандармское рвеніе разыгрывалось во всю. Корпуса жандармовъ капитанъ Герасимовъ доложилъ Дубельту: „Трубецкой съ Жадимировскою, какъ слышно, проживаютъ въ Воронежской губерніи“. Тотчасъ же III Отдѣленіе потребовало самыхъ тщательныхъ разысканій въ Воронежской губерніи отъ воронежскаго губернатора Лангеля и воронежскаго жандармскаго полковника Каверина. Но распоряжался не только Дубельтъ: и с. петербургскій военный генераль-губернаторъ Шульгинъ отъ себя вошелъ въ сношенія съ кавказскимъ намѣстникомъ и исправляющимъ должность новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора.

Итакъ полицейскій и жандармскій аппаратъ былъ приведенъ въ дѣйствіе и пущенъ полнымъ ходомъ. Было написано и отправлено огромное количество всяческихъ предписаній, донесеній и т. д., ра-

¹⁾ Последняя фраза невразумительна, но такъ нерѣдко выражался графъ Орловъ.

зосланы гонцы, потревоженъ рядъ мѣстныхъ властей... и изъ-за чего? изъ-за какой государственной нужды?..

Первыя попытки къ изловленію романической пары были неудачны. Наслѣдъ напали, но догнали не скоро. 15 мая Дубельтъ въ своемъ обычномъ донесеніи графу Орлову извѣстилъ графа, что „квартильный Гринеръ, командированный (не III Отдѣленіемъ, а до него петербургскимъ генераль-губернаторомъ Шульгинимъ) для отысканія кн. Трубецкого и Жадимировской, донесъ, что они были въ ночь на 7 мая въ Крестцахъ и оттуда отправились по Московскому тракту, а Гринеръ поѣхалъ ихъ догонять“. Графъ Орловъ рекомендовалъ Дубельту не довѣрять этому сообщенію: „не вѣрю,—написалъ онъ на докладѣ,—онъ долженъ быть за границей: это распускаютъ его друзья“. 17 мая Дубельтъ сообщалъ новыя вѣсти о розыскахъ Гринера: квартильный надзиратель Гринеръ, пріѣхавъ въ Москву, узналъ, что кн. Трубецкой и Жадимировская выѣхали изъ Москвы, по направленію къ Тулѣ, 9 мая; Гринеръ испросилъ у графа Закревскаго курьерскую подорожную и отправился догонять бѣжавшихъ. Но графъ Орловъ продолжалъ не вѣрить: „и это меня не удовлетворяетъ, надобно быть дураку такое взять направленіе“,—отмѣтилъ онъ на запискѣ Дубельта. Въ это время вниманіе графа дѣлилось между двумя событиями: поисками квартильнаго Гринера и только что состоявшимся въ Ольмюцѣ свиданіемъ трехъ монарховъ (русскаго, прусскаго и австрійскаго). И непосредственно послѣ замѣтки о Гринерѣ графъ Орловъ продолжалъ свою записку любопытнѣйшимъ сообщеніемъ о послѣднемъ событіи, которое по важности въ глазахъ графа, да и самаго царя, почти что шло въ уровень съ дѣломъ Трубецкаго. Это сопоставленіе записей, эта связь событій даетъ ключъ къ проникновенію въ психологическую сущность вещей той эпохи. „Сегодня 20,—пишетъ графъ Орловъ,—мы (т. е. государь и онъ) возвратились изъ Ольмюца, т. е. 19 мы уже ночевали въ Скверневицахъ, откуда сегодня послѣ обѣдни въ лагерѣ при Ловичѣ, государь сюда пріѣхалъ; отъ смотровъ я такъ усталъ, что не знаю, что и дѣлать, впрочемъ, долженъ признаться, что весело сердцу русскому видѣть, на какую степень царь поставилъ Россію во всей Европѣ. Свиданіе съ королемъ Прусскимъ обошлось гораздо лучше, нежели я полагалъ, сперва дружественно, а потомъ совершенно родственно. Молодой Императоръ (рѣчь идетъ о Францѣ Іосифѣ) принялъ царя, какъ отца и избавителя, со всѣми почтенными его генералами, какъ представителями цѣлой арміи; словомъ сказать, были видны общій восторгъ и истинное благодареніе. Фельдмаршалъ нашъ былъ принятъ отменно и насъ ничтожныхъ сильно ласкали. Войска много сдѣлали успѣховъ, мы видѣли до 25 тыс. подъ ружьемъ. Много что разсказать, но усталъ и лично разскажу. Но со всѣмъ тѣмъ, со всею поверхностною тишиною дремать не надо и держать ухо востро: время пришло, что всѣмъ благомыслящимъ надо соединиться вмѣстѣ и идти противъ одного общаго врага, безначалія и злодѣйства. Будемъ смотрѣть, чтобы зареза эта не проникла къ намъ. Да сохранить насъ Богъ! Государю цесаревичу засвидѣтельствуй мое почтеніе и поблагодари его за милостивое обо мнѣ воспоминаніе, которое передалъ мнѣ вчерашній курьеръ.“ Но если съ молодымъ императоромъ и прусскимъ королемъ все обстояло хорошо, то хорошее настроеніе портилъ квартильный Гринеръ. Свое обычное донесеніе 19 мая Дубельтъ началъ съ сообщенія опять же о Гринерѣ: „квартильный офицеръ Гринеръ, посланный

дреслѣдовать князя Трубецкого и жену Жадимировскаго, доѣхавъ до Тулы, возвратился въ Петербургъ, по той причинѣ, что у него не стало денегъ;—а какъ съ одной стороны ему, въ Крестцахъ и Москвѣ, станціонные смотрители описали наружность лицъ, проѣхавшихъ по подорожной отставного офицера Федорова, совершенно сходную съ наружностью князя Трубецкого и Жадимировской, а съ другой государь императоръ на запискѣ вашего сіятельства изволилъ написать, чтобы я принялъ строгія мѣры къ отысканію князя Трубецкого и Жадимировской, чего я до сего времени дѣлать не имѣлъ права, то независимо отъ распоряженій, сдѣланныхъ генераль-губернаторомъ, я счелъ нужнымъ послать и послать, по тракту къ Тифлису и Одессу, двухъ офицеровъ для отысканія бѣжавшихъ“. Это сообщеніе о Гринерѣ взорвало Николая Павловича. Собственной своей рукой карандашемъ онъ „созволилъ начертать“: „непростительно, что Гринеръ не вытребовалъ денегъ отъ губернатора, предъявивъ, зачѣмъ посланъ; подобныя глупости дѣлаются только у насъ; за это Гринера посадить до окончанія дѣла подъ арестъ“...

О Гринерѣ Дубельтъ сообщалъ въ началѣ своего донесенія, въ концѣ его онъ возвращался вновь къ дѣлу Трубецкого и своей обидѣ: „Сію минуту получилъ я увѣдомленіе вашего сіятельства отъ 14 мая. Ваше сіятельство, не повѣрите, съ какимъ сокрушеннымъ сердцемъ читалъ я о томъ, что Государь Императоръ повелѣлъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе. Скажите сами, чѣмъ же я виноватъ? вѣдь я не имѣю власти распорядительной, слѣдовательно могъ-ли я, имѣлъ-ли я право выѣшиваться въ дѣло, зависящее непосредственно отъ распоряженія генераль-губернатора. Но лишь только получилъ я записку вашего сіятельства отъ 12 мая, на которой Его Величество изволилъ написать: „Надо Дубельту принять строгія мѣры“—я въ ту же минуту началъ распоряжаться, какъ изволите усмотрѣть изъ вышеописаннаго моего донесенія, и съ той минуты дѣлаю все, чтобы поймать бѣжавшихъ, и, доколѣ станетъ у меня разумнѣнія и силы, не упущу ничего, чтобы исполнить волю моего Государя“.

Дѣйствительно, Дубельтъ лѣзъ изъ кожи. 21 мая онъ сообщалъ графу: „безпрерывно думая, какъ отыскать князя Трубецкого, я просилъ позволенія генераль-губернатора видѣться съ арестованнымъ Федоровымъ. Онъ дозволилъ мнѣ видѣть его завтра. Ежели Федоровъ извѣстно, куда скрылся князь Трубецкой, то я постараюсь вывѣдать у него объ этомъ.“ 28 мая Дубельтъ донесъ о результатахъ посѣщенія Федорова и самоличного воздѣйствія на него: „отставной штабъ-ротмистръ Федоровъ, которого я долго допрашивалъ, увѣряетъ честнымъ словомъ, что похищеніе жены Жадимировскаго совершилось слѣдующимъ образомъ: князь Трубецкой просилъ Федорова стать съ каретою у англійскаго магазина и привезти къ нему ту женщину, которая сядетъ къ нему въ карету.

Федоровъ желалъ знать, кто та женщина, но Трубецкой отвѣчалъ, что скажетъ ему о томъ завтра, и Федоровъ, не подозревая, чтобы тутъ было что-либо противузаконнаго, согласился на просьбу Трубецкого, пріѣхалъ къ англійскому магазину и лишь только остановился, то женщина, покрытая вуалемъ, сѣла къ нему въ карету и сказала: „Au nom de Dieu, deréçhons nous“. Федоровъ, давъ князю Трубецкому слово не смотрѣть на нее и не говорить съ нею, сдержалъ слово и привезъ ее къ Трубецкому, который ожидалъ ее у воротъ

Федорова дома. Тутъ карета остановилась, она вышла, и, бывъ встрѣчена Трубецкимъ, сейчасъ съ нимъ и удалилась.

„Далѣе, утверждаетъ Федоровъ, онъ ничего не знаетъ. Что же касается до того, что, по открытымъ слѣдамъ, князь Трубецкой уѣхалъ въ Тифлисъ, то это Федоровъ объясняетъ такъ: онъ, по болѣзни, хотѣлъ ѣхать на Кавказъ и оттуда посѣтить Тифлисъ; для этого онъ приготавилъ себѣ подорожную, которая и лежала у него въ кабинетѣ на столѣ, и только на другой день побѣга Трубецкого замѣтилъ онъ, что подорожная у него похищена.

„Подорожная Федорова, взятая имъ подъ предлогомъ поѣздки въ Тифлисъ, бросаетъ на него тѣнь сильнаго подозрѣнія, что онъ зналъ о намѣреніи князя Трубецкого и способствовалъ его побѣгу, но несмотря на то, что я именемъ государя требовалъ говорить истину, онъ, безъ наималѣйшаго замѣшательства, клянясь Богомъ и всѣми святыми, утверждалъ, что болѣе того, что пояснено имъ выше, ему ничего не извѣстно“.

Дубельтъ немного успокоился, когда получилъ отъ графа Орлова записку отъ 23 мая изъ Варшавы: „Я государю показывалъ твою записку, онъ одобрилъ взятія тобою мѣры и ни мало не гнѣвается на тебя, все обратилось теперь на непомѣрную глупость посланнаго полицейскаго офицера, изъ всего видно, что ему приказанія даны отъ начальника весьма обыкновенныя“.

2.

А тѣмъ временемъ жандармскіе поручики уносились на курьерскихъ все дальше и дальше, не успѣвая считать верстовые столбы, по слѣдамъ Трубецкого. Они установили, что князь прибылъ въ Москву въ полночь 9 мая и въ три часа утра выѣхалъ на Тулу, съ 9 на 10 мая онъ переѣхалъ за Тулой станціи Ясенки и Лапотково. Отсюда поворотъ на трактъ къ Воронежу. Добравшись до этого пункта, поручики здѣсь разстались: поручикъ Экъ покатилъ на Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Полтаву, Елисаветградъ, Николаевъ въ Одессу, а поручикъ Чулковъ отправился на Воронежъ, Новочеркасскъ, Ставрополь, Тифлисъ и дальше. 12 іюня поручикъ Экъ послѣ бѣженной гонки вернулся въ Петербургъ и доложилъ, что все предписанное инструкціей онъ выполнилъ, но слѣдовъ князя Трубецкого не нашелъ. Въ оба конца поручикъ Экъ сдѣлалъ 4.058 верстъ.

Посчастливилось поручику Чулкову. 30 мая въ 6 часовъ вечера онъ прикатилъ въ Тифлисъ прямо къ управляющему 6 округомъ корпуса жандармовъ полковнику Юрьеву. Самого полковника не случилось дома: пакетъ III Отдѣленія распечаталъ старшій адъютантъ майоръ Сивериковъ и немедленно вмѣстѣ съ Чулковымъ направился къ начальнику гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ князю Бебутову. Бебутовъ вскрылъ пакетъ на имя князя Воронцова и поручилъ майору Сиверикову предпринять экстренно всѣ необходимыя розыски. Сивериковъ дознался, что князь Трубецкой пріѣхалъ въ Тифлисъ въ 11 ч. утра 24 мая и на другой день выѣхалъ на вольныхъ лошадяхъ по направленію къ Кутаису. Князь Бебутовъ направилъ за нимъ поручика Чулкова съ открытымъ предписаніемъ. Въ Кутаисѣ Чулковъ узналъ, что бѣглецы выѣхали въ Редуть-Кале. О его дальнѣйшихъ походахъ князь Бебутовъ сообщалъ въ III Отдѣленіе: „Не найдя возможности, въ 16 верстахъ за Кутаисомъ переправиться черезъ рѣчку Губисъ-

Цкали по случаю разлитія ея, поручикъ Чулковъ возвратился въ Кутаисъ и, явившись къ управляющему Кутаисской губерніи вице-губернатору полковнику Колюбакину, объяснилъ ему о цѣли своей поѣздки. Вслѣдствіе чего полк. Колюбакинъ тотчасъ командировалъ кутаисскаго полицмейстера штабъ-капитана Мелешко, который, прибывъ въ Редуть-Кале 3 іюня, нашелъ тамъ князя Трубецкого и Жадимировскую, собиравшихся къ выѣзду за-границу, и первый изъ нихъ тотчасъ арестованъ.

Наконецъ, Дубельтъ могъ вздохнуть свободно. 26 іюня онъ доложилъ графу Орлову: „Сію минуту получилъ я изъ Тифлиса частное извѣстіе, что посланный мною поручикъ Чулковъ поймалъ князя Трубецкого и жену Жадимировскаго. Между тѣмъ, независимо отъ официального донесенія, которое еще не получено, старшій адъютантъ 6 корпуса жандармовъ майоръ Сивериковъ, пишетъ къ нашему дежурному штабъ-офицеру полковнику Брячанинову слѣдующее: „князь Трубецкой захваченъ въ Редуть-Кале, за два часа до отправленія его въ море, и 8 іюня доставленъ въ Тифлисъ, гдѣ и посаженъ на гауптвахту, а г-жа Жадимировская пріѣхала въ Тифлисъ съ поручикомъ Чулковымъ только вчера и остановилась въ гостиницѣ Чавчавадзева. Выѣздъ ихъ изъ Тифлиса будетъ не прежде 14 іюня, потому что не готовы экипажи, въ которыхъ ихъ отправятъ. У князя Трубецкого найдено денегъ 842 полу-имперіала и нѣсколько вещей, но совершенно незначительной цѣнности“.

Прочелъ графъ Орловъ докладъ Дубельта и немедленно представилъ его царю, написавъ: „вотъ нѣкоторыя подробности о поимкѣ князя Трубецкого“. Царь положилъ резолюцію: „не надо дозволать везти ихъ ни вмѣстѣ, ни въ одно время и отнюдь не видѣться. Его прямо сюда въ крѣпость, а ее въ Царское Село, гдѣ и сдать мужу“.

29 іюня былъ доставленъ въ Петербургъ князь Трубецкой, а 30 іюня съ поручикомъ Чулковымъ прибыла Жадимировская.

Навстрѣчу поручику Чулкову посланъ былъ изъ Петербурга офицеръ съ приказаніемъ, чтобы Чулковъ съ Жадимировскою ѣхалъ прямо въ Царское Село, но Чулковъ разѣхался съ офицеромъ и прибылъ въ Петербургъ. Дубельтъ въ ту же минуту отправилъ его въ Царское Село, вмѣстѣ съ Жадимировскою, такъ что „здѣсь ее рѣшительно никто и не видѣлъ“,—по увѣренію Дубельта въ докладѣ 30-го іюня. Въ этомъ докладѣ Дубельтъ сдѣлалъ приписочку о душевномъ состояніи изловленныхъ влюбленныхъ: „Кн. Трубецкой все полагалъ, что его везутъ въ 8-е Отдѣленіе и во время всей дороги былъ покоенъ, но когда онъ увидѣлъ, что его везутъ на Троицкій мостъ и слѣдовательно въ крѣпость,—заплакалъ. Жадимировская всю дорогу плакала“.

Комендантъ с.-петербургской крѣпости, генераль-адъютантъ Набоковъ 29 іюня представилъ всеподданнѣйшій рапортъ: „Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что доставленный во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія отставной штабъ-капитанъ князь Сергѣй Трубецкой, сего числа во вѣрной мнѣ крѣпости принять и помѣщенъ въ домъ Алексѣевскаго рavelина въ покоѣ подъ № 9-мъ“.

На этомъ рапортѣ Николай Павловичъ изложилъ свою волю: „вели съ него взять допросъ, какъ онъ осмѣлился на сдѣланный поступокъ, а къ Чернышеву—объ нарядѣ военнаго суда по 3 пунктамъ: 1) кражу жены чужой; 2) кражу чужого паспорта; 3) попытку на побѣгъ за-границу, и все это послѣ данной имъ собственноручной

людишки, что вести себя будетъ прилично. Объ ней подробно донести, что говорить въ свое оправданіе, и какъ и кому сдана подъ расписку“.

Графъ Орловъ отослалъ рапортъ Дубельту при слѣдующей запискѣ: „по приложенной бумагѣ и собственноручнымъ рѣшеніямъ, ты увидишь, любезный другъ, Леонтій Васильевичъ, волю Государеву.

„На мой вопросъ, что мужа нѣтъ въ Царскомъ Селѣ, а онъ въ Москвѣ, Высочайше повелѣлъ остановиться въ Царскомъ Селѣ, увѣдомить мать ее, чтобы она пріѣхала за дочерью, и сдать ее матери, взявъ съ нее расписку, то есть съ матери. Нашими жандармами онъ доволенъ, и что ты все дѣло своими распоряженіями поправилъ, но надержки всѣ велѣлъ обратить на счетъ генерала Шульгина и Галахова, не заирая на мои по сему предмету возраженія“.

Такъ излился царскій гнѣвъ, искусно отведенный графомъ Орловымъ отъ III Отдѣленія, на голову высшей столичной полиціи. Генераль Шульгинъ—петербургскій генераль-губернаторъ, а Галаховъ—оберъ-полицеймейстеръ. Можно представить себѣ изумленіе и огорченіе полицейскихъ генераловъ. Сумма, истраченная на поиски Трубецкого, была весьма значительна по тому времени: 2,272 р. 72⁵/₇ к. серебромъ. Присылая свою половину, Шульгинъ писалъ графу А. Ф. Орлову: „не могу умолчать предъ вашимъ сіятельствомъ, что послѣдовавшее въ настоящемъ случаѣ повелѣніе тѣмъ болѣе для меня чувствительно и прискорбно, что я опасаясь встрѣтить въ немъ высочайшій гнѣвъ, болѣе всего меня тяготѣющій“... Надо сказать, что впоследствии въ добрый часъ графъ Орловъ передоложилъ царю вопросъ объ надержкахъ, и царь приказалъ вернуть деньги полицейскимъ генераламъ и выскать ихъ съ подсудимаго, князя Трубецкого.

8.

Поручикъ Чулковъ представилъ слѣдующій рапортъ о Жадимировской, доложенный самому Николаю: „жена Жадимировскаго, во время слѣдованія изъ Редутъ-Кале до Тифлиса чрезвычайно была разстроена, непрерывно плакала и даже не хотѣла принимать пищи. Отъ Тифлиса до С.-Петербурга, разговоры ея заключались только въ томъ: что будетъ съ княземъ Трубецкимъ и какбе наложить на него наказаніе. Приводила ее въ тревогу одна только мысль, что ее возвратятъ мужу; просила, чтобы доставить ее къ генераль-лейтенанту Дубельту, и при увѣреніи, что ее везутъ именно въ III Отдѣленіе,—успокаивалась. Привязанность ея къ князю Трубецкому такъ велика, что она готова идти съ нимъ даже въ Сибирь на поселеніе; если же ихъ разлучатъ, она намѣрена провести остальную жизнь въ монашествѣ. Далѣе и непрерывно говорила она, что готова всю вину принять на себя, лишь бы спасти Трубецкого. Когда братъ ея прибылъ въ Царское Село для ея принятія, онъ началъ упрекать ее и уговаривать, чтобы забыла князя Трубецкого, котораго поступки, въ отношеніи къ ней, такъ недобросовѣстны. Она отвѣчала, что всему виновата она, что князь Трубецкой отказывался увозить ее, но она сама на томъ настояла. Когда привезли ее къ ея матери, то она бросилась на колѣни и просила прощенія, но и тутъ умоляла, чтобы ее не возвращали къ мужу. Расписку г-жи Кохунъ (матери Жадимировской) при семъ представить честь имѣю“.

Генераль Дубельтъ уѣинилъ допросъ Жадимировской и 8 іюля доложилъ при представленіи ея показанія и свое мнѣніе: „я распрашивалъ г-жу Жадимировскую и, кромѣ изложенныхъ въ предлагаемой запискѣ обстоятельствъ, она рѣшительно ничего не показываетъ, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей о дурномъ съ нею обращеніи мужа, которое доходило до того, что онъ запиралъ ее и приказывалъ прислугѣ не выпускать ее изъ дому. Ей 18 лѣтъ и искренности ея показанія, кажется, можно вѣрить, ибо она совершенный ребенокъ. Мать и отчимъ Жадимировской приносятъ свою благоговѣйную признательность Государю Императору, за возвращеніе имъ дочери и за спасеніе ея еще отъ большихъ, угрожающихъ ей несчастій“.

Вотъ какъ наложила свой романъ Лавинія Александровна Жадимировская.

„Я вышла замужъ за Жадимировскаго по моему собственному согласію, но никогда не любила и до нашей свадьбы откровенно говорила ему, что не люблю его. Впослѣдствіи, его со мною обращеніе было такъ невѣжливо, даже грубо, что при обыкновенныхъ ссорахъ за бездѣлицы, онъ выгонялъ меня изъ дому, и, наконецъ, дераость его достигла до того, что онъ угрожалъ мнѣ побоями. При такомъ положеніи дѣлъ весьма естественно, что я, совершенно охладѣвъ къ мужу и встрѣтивъ въ обществѣ князя Трубецкаго, полюбила его. Познакомясь ближе съ Трубецкимъ, не онъ мнѣ, а я ему предложила увезти меня, ибо отвращеніе мое къ мужу было такъ велико, что если бы не Трубецкому, то я предложила бы кому-либо другому спасти меня. Сначала онъ не соглашался, но впослѣдствіи, по моему убѣжденію, согласился увезти меня, и карета была прислана за мною. Меня привезли къ дому Федорова, но зналъ ли Федоровъ нашихъ условій съ Трубецкимъ, мнѣ рѣшительно неизвѣстно. У дома Федорова встрѣтилъ меня Трубецкой; мы вышли за заставу, гдѣ ожидалъ насъ тарантасъ и, такимъ образомъ, отправились мы по дорогѣ къ Москвѣ. Слѣдовали мы по подорожной Федорова и, какъ я слышала, что князь Трубецкой заплатилъ будто бы Федорову за его подорожную девятьсотъ рублей серебромъ. Другой причины къ моему побѣгу не было и другого оправданія привести я не могу, кромѣ той ненависти, которую внушилъ мнѣ мужъ мой“.

4.

Въ холодныхъ, сырыхъ стѣнахъ Алексѣевского рavelина переживалъ свой знойный романъ князь Трубецкой. Въ отвѣтъ на предложеніе коменданта ему надо было собрать свои мысли, свои чувства и рассказать свою интимную исторію. Но прежде чѣмъ привести это необычное произведеніе тюремнаго творчества, пора, наконецъ, войти въ нѣкоторыя подробности о личности романическаго узника Алексѣевского рavelина.

Князь Сергѣй Васильевичъ Трубецкой родился въ 1815 году. Одинъ изъ сыновей блестящаго генераль-адъютанта Александра I князя Василя Сергѣевича, князь принадлежалъ къ высшему кругу русской аристократіи. Изъ камеръ-пажей вступилъ на службу на 18-мъ году жизни корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Служба въ кавалергардахъ была скорѣе вереницей шалостей, кутежей, проказъ и продѣлокъ, которымъ предавалась въ видѣ обычнаго времяпровожд-

денія золотая молодежь того времени, въ особенноти кавалергардская. Эта пора кавалергардской жизни весьма памятна русской литературѣ, потому что въ атмосферѣ этой безпечной жизни развился пышнымъ пѣвцомъ Жоржъ Дантесъ, убійца Пушкина. Въ 1834 году князь Трубецкой, „за извѣстную Его Имп. Высочеству шалость“, былъ переведенъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ. Въ день рожденія любимаго полкового командира кавалергардская молодежь устроила примѣрные его похороны съ факелами, пѣніемъ—въ этомъ заключалась извѣстная шалость. Въ томъ-же 1834 году Трубецкой былъ возвращенъ въ кавалергардскій полкъ, но не надолго. За разные шалости, продоланныя въ Новой Деревнѣ,—за причиненіе ночью безпорядка и по жалобѣ жителей Новой Деревни,—въ октябрѣ 1835 года Трубецкой былъ переведенъ въ Орденскій Кирасирскій полкъ и только черезъ два года былъ возвращенъ въ л.-гв. Кирасирскій Ея Величества полкъ. Въ 1840 году былъ посланъ на Кавказъ и прикомандированъ къ Гребенскому казачьему полку. Здѣсь онъ былъ сослуживцемъ и пріятелемъ Лермонтова, вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ экспедиціи генерала Голофѣева и въ бою при рѣкѣ Валерикъ. И здѣсь на Кавказѣ Трубецкой былъ въ рядахъ блестящей великосвѣтской молодежи, къ которой такъ тянулся Лермонтовъ. Онъ былъ свидѣтелемъ послѣднихъ мѣсяцевъ жизни поэта, подъ аккомпаниментъ его игры произошла ссора Лермонтова съ Мартыновымъ, также бывшимъ кавалергардомъ. Онъ былъ секундантомъ Мартынова, но его участіе въ дуэли было скрыто во время официального разслѣдованія. Въ 1842 году князь былъ переведенъ въ Апшеронскій полкъ и въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку, „для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ“. Трубецкой былъ женатъ на Е. П. Пушкиной, и его дочь отъ этого брака 7 января 1857 г. вышла замужъ за французскаго посла герцога Морни. Характеристику князя находимъ въ воспоминаніяхъ графини А. Д. Блудовой. „Часто встрѣчались мы тогда съ Трубецкими. Это было семейство красавцевъ и даровитыхъ дѣтей. Старшіе сыновья были уже скорѣе молодые люди, нежели отроки, и мы подружились со вторымъ Сергѣемъ, поскольку можно подружиться на балахъ и вечеринкахъ, ибо мы не были вѣжами въ домъ другъ къ другу. Онъ былъ изъ тѣхъ остроумныхъ, веселыхъ и добрыхъ малыхъ, которые весь свой вѣкъ остаются Мишей или Сашей, или Колей. Онъ и остался Сережей до конца и былъ особенно несчастливъ, или неудачливъ (хотѣлось бы выразить понятіе unluck, которое такъ прискорбно къ нему идетъ). Конечно, онъ былъ кругомъ виноватъ во всѣхъ своихъ неудачахъ, но его шалости, какъ ни были они непростительны, сходятъ съ рукъ многимъ, которые не стоятъ бѣднаго Сергѣя Трубецкого. Въ первой молодости онъ былъ необычайно красивъ, ловокъ, веселъ и блистателенъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по наружности, такъ и по уму; и у него было теплое, доброе сердце и та юношеская безпечность съ какимъ-то ухарствомъ, которая ограничить съ отвагой и потому, можетъ быть, плѣняетъ. Онъ былъ сорви голова, ему было море по колено, и иногда, увы, по той причинѣ, къ которой относится эта поговорка, и кончилъ онъ жизнь безпорядочно, какъ провелъ ее: но онъ никогда не былъ злымъ, ни корыстолюбивымъ, и не приученъ былъ въ дѣтствѣ къ той моральной выдержкѣ, которая единственно можетъ воспитать въ человѣкѣ вѣрность долгу и стойкость противъ искушеній жизни. Жаль такой даровитой натуры, погибшей изъ-за ничего“.

Отсутствіемъ стойкости противъ искушеній жизни графиня Блудова желаетъ, очевидно, объяснить послѣдній „безпорядочный“ поступокъ его жизни—романъ съ Жадимировской, о которомъ она съ стыдливимъ лицемѣріемъ умалчиваетъ. Немудрено, что 35-лѣтній князь, съ очаровательной вѣжностью, съ такимъ сердцемъ, съ такимъ прошлымъ подѣйствовалъ на юное чувство молоденькой женщины. Что онъ нашелъ въ этомъ романѣ, объ этомъ онъ попытался рассказать на предложенный ему сейчасъ же по заключеніи въ равелинѣ вопросъ отъ коменданта:

„Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ взять съ васъ допросъ: какъ вы рѣшились похитить чужую жену, съ намѣреніемъ скрыться съ нею за границу, и какъ вы осмѣдились на сдѣланный вами поступокъ? Почему имѣете объяснить на семъ же, со всею подробностью и по истинѣ, съ опасеніемъ за несправедливость подвергнуться строгой отвѣтственности“.

Князь Трубецкой отвѣтилъ:

„Я рѣшился на сей поступокъ, тронутый жалкимъ и несчастнымъ положеніемъ этой женщины. Зная ее еще дѣвицею, я былъ свидѣтелемъ всѣхъ мученій, которыя она претерпѣла въ краткой своей жизни.—Мужа еще до свадьбы она ненавидѣла и ни за что не хотѣла выходить за него замужъ. Долго она боролась и ни утѣшенія, ни угрозы, ни даже побои не могли ее на то склонить. Ее выдали (какъ многіе даже утверждаютъ, несовершеннолѣтнею) почти насильственно; и она только тогда дала свое согласіе, когда онъ увѣрилъ ее, что женится на ней, имѣя только въ виду спасти ее отъ невыносимаго положенія, въ которомъ она находилась у себя въ семействѣ, и когда онъ ей далъ честное слово быть ей только покровителемъ, отцемъ и никакихъ другихъ не имѣть съ нею связей, ни сношеній, какъ братскихъ.—На такомъ основаніи ихъ семейная жизнь не могла быть счастливою: съ перваго дня ихъ свадьбы у нихъ пошли несогласія, споры и ссоры. Она его никогда не обманывала, какъ до свадьбы, такъ и послѣ свадьбы; она ему и всѣмъ твердила, что онъ ей противенъ и что она имѣетъ къ нему отвращеніе. Каждый день ссоры ихъ становились непріятнѣе, и они—ненавидѣли другъ друга: наконецъ, дошло до того, что сами сознавались, лицамъ даже совершенно постороннимъ, что жить вмѣстѣ не могутъ. Она нѣсколько разъ просила тогда съ нимъ разойтись, не желая отъ него никакого вспомошествованія; но онъ не соглашался, требовалъ непремѣнно ея любви и обращался съ нею все хуже и хуже. Зная, что она никакого состоянія не имѣетъ и—я полагаю, чтобы лучше мстить—онъ разными хитростями и сплетнями отстранилъ отъ нея всѣхъ близкихъ и успѣлъ, наконецъ, поссорить ее съ матерью и со всѣми ея родными.“

„Нынѣшней весной уѣхалъ онъ въ Ригу, чтобы получить наслѣдство, и былъ въ отсутствіи около мѣсяца. По возвращеніи своемъ узналъ онъ черезъ людей, что мы имѣли съ нею свиданія. — Это привело его въ бѣшенство и вмѣсто того, чтобы отомстить обиду на мнѣ, онъ обратилъ всю злобу свою на слабую женщину, зная, что она беззащитна. Домъ свой онъ заперъ и никого не сталъ принимать. Въ городѣ говорили, что онъ обходится съ нею весьма жестоко, бьетъ даже и что она никого не видитъ, кромѣ его родныхъ, которые поносятъ ее самыми скверными и площадными ругательствами. Я сознаюсь, что тогда у меня возродилась мысль увести ее

отъ него за-границу.—Не знаю, почему и какимъ образомъ, но я имѣлъ этотъ планъ только въ головѣ и никому его не сообщалъ: а уже многіе ко мнѣ тогда приставали и стали подшучивать надо мной, говоря, что я ее увезти хочу отъ мужа за-границу. Эти шутки и всѣ эти слухи многими способствовали рѣшиться мнѣ въ послѣдствіи ѣхать именно на Кавказъ: я зналъ, что они до мужа дойдутъ непременно.

„Вскорѣ послѣ сего узналъ я, что онъ своимъ жестокимъ обращеніемъ довелъ ее почти до сумасшествія, что она страдаетъ и больна, что онъ имѣетъ какія-то злыя помышленія, что люди, приверженные ей, совѣтовали ничего не брать изъ его рукъ, что онъ увозить ее за-границу, не соглашаясь брать съ собою не только никого изъ людей, бывшихъ при ней, но даже брата, который желалъ ее сопровождать, и наконецъ, что этотъ братъ, вѣрно, также по какимъ-нибудь подозрѣніямъ съ своей стороны, объявилъ ему, что онъ жизнью своею отвѣчаетъ за жизнь сестры. Въ это самое время я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она мнѣ описываетъ свое точно ужасное положеніе, проситъ спасти ее, пишетъ, что мать и всѣ родные бросили ее и что она убѣждена, что мужъ имѣетъ намѣреніе или свести ее съ ума, или уморить. Я отвѣчалъ ей, уговаривая и прося думать только о своей жизни: вечеромъ получилъ еще маленькую записку, въ которой проситъ она меня прислать ей на всякій случай, на другой день, карету къ квартирѣ ея матери.—Я любилъ ее безъ памяти; положеніе ея доводило меня до отчаянія;—я былъ какъ въ чаду и какъ въ сумасшествіи, голова ходила у меня кругомъ, я самъ хорошенько не зналъ, что дѣлать: тѣмъ болѣе, что все это совершилось менѣе, чѣмъ въ 24 часа. Сначала я хотѣлъ ей присовѣтовать просить убѣжища у кого-нибудь изъ своихъ родныхъ, но какъ ни думалъ и какъ ни искалъ, никого даже изъ знакомыхъ прискать не могъ: тогда я вспомнилъ, что когда-то хотѣлъ съ Федоровымъ ѣхать вмѣстѣ въ Тифлисъ. На другое же утро я заѣхалъ къ нему, дома его не засталъ: подорожная была на столѣ, я ее взялъ и отправился тотчасъ же купить тарантасъ. Я такъ мало увѣренъ былъ ѣхать, что рѣшительно ничего для дороги не приготовилъ. Тарантасъ послать на Московское шоссе, а карету послать на уголъ Морской съ Невскимъ. Она вышла отъ матери, среди бѣлаго дня, около шести часовъ; мы выѣхали за заставу въ городской каретѣ, потомъ пересѣли въ тарантасъ и отправились до Москвы на передаточныхъ, а отъ Москвы по подорожной Федорова. Я признаюсь, что никакъ не полагалъ дѣлать что-либо противозаконное или какой-нибудь проступокъ противъ правительства; думалъ, что это частное дѣло между мужемъ и мною, и во избѣжаніе непріятностей брать предосторожности только, чтобы онъ или братъ ее какъ-нибудь не открыли нашихъ слѣдовъ и не погнались за нами. Что мы не желали ѣхать за-границу, на то доказательствами могутъ служить факты. Во-первыхъ, за-границу она должна была сама ѣхать: мнѣ было гораздо проще и легче пустить ее и ѣхать послѣ. Во-вторыхъ, если бы имѣли намѣреніе ѣхать за-границу, то, во всякомъ случаѣ, мы бы торопились и не ѣхали такъ тихо. Отъ Тифлиса до Редутъ-Кале мы ѣхали 9 дней, вездѣ останавливались, вездѣ ночевали, между тѣмъ, какъ изъ Тифлиса есть тысячу средствъ перебраться за-границу въ одни сутки, черезъ сухую границу, которая въ 125-ти верстахъ. Въ-третьихъ, когда насъ арестовали въ Редутъ-Кале, у насъ была нанята

кочерма или баркасъ въ Поті и съ нами долженъ былъ отправиться таможенный унтеръ-офицеръ, котораго по тамошнему называютъ гардіономъ. Въ Поті ожидали два парохода, которые должны были отправиться въ Одессу. Въ-четвертыхъ, наконецъ, у насъ было слишкомъ мало денегъ и никакихъ рѣшительно бумагъ, кромѣ подорожной Федорова, которая ни къ чему не могла служить. Что подавало поводъ этимъ слухамъ, это я полагаю, бумага, по которой насъ остановили и въ которой было сказано арестовать меня съ женщиною, старающихся перебраться черезъ границу, похитивъ 400 тысячъ серебромъ денегъ и брильянтовъ на 200 тысячъ серебромъ. Изъ-за нея мы теперь слыземъ по всему Кавказу за бѣглецовъ и за воровъ.

„Когда мы уѣхали отсюда, я желалъ только спасти ее отъ явной гибели; я твердо былъ убѣжденъ, что она не въ силахъ будетъ перенести слишкомъ жестокихъ съ нею обращеній и впадетъ въ чахотку или лишится ума. Я никакъ не полагалъ, чтобы мужъ, котораго жена оставляетъ, бросаетъ добровольно, рѣшился бы идти жаловаться. Мы хотѣли только скрываться отъ него и жить гдѣ-нибудь, тихо, скромно и счастливо. Клянусь, что мнѣ съ нею каждое жидовское мѣстечко было бы тысячу разъ красяще, чѣмъ Лондонъ или Парижъ. Я поступилъ скоро, необдуманно и легкомыслиемъ своимъ погубилъ несчастную женщину, которая ввѣрила мнѣ свою участь“.

5.

Князь Сергій Васильевичъ Трубецкой былъ посаженъ въ равелинъ 29 іюня 1851 г.; 12 февраля 1852 года изъ равелина былъ освобожденъ уже не князь Сергій Трубецкой, а рядовой Сергій Трубецкой. Военный судъ, наряженный надъ Трубецкимъ, быстро закончилъ свое дѣло. Уже 9 августа 1851 года на докладъ генералъ-аудиторіата послѣдовала высочайшая конфирмація, по коей „за увозъ жены почетнаго гражданина Жадимирѣвскаго, съ согласія, впрочемъ, на то ея самой, за похищеніе у отст. шт.-кап. Федорова подорожной и за намѣреніе ѣхать съ Жадимировскою за-границу повелѣно князю Трубецкому, лишивъ чиновъ, ордена св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“, дворянскаго и княжескаго достоинствъ, оставить въ крѣпости еще на 6 мѣсяцевъ, а потомъ отправить рядовымъ въ Петрозаводскій гарнизонный батальонъ подъ строжайшій надзоръ, на отвѣтственность батальоннаго командира“.

Не скоро пришло облегченіе участи рядового Сергія Трубецкого. Правда, уже въ іюлѣ наслѣдникъ ходатайствовалъ у Николая Павловича о переводѣ Трубецкого въ войска Кавказскаго корпуса, и Николай выразился: „Я не буду противъ этого перевода, ежели получу свѣдѣніе, что онъ служить“. Но когда въ ноябрѣ 1852 г. Дубельтъ представилъ докладъ о переводѣ, Николай сказалъ, что еще рано. Только въ маѣ 1853 г. С. Трубецкой былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры съ переводомъ въ Оренбургскіе линейные батальоны, а 27-го августа Николай написалъ: „Трубецкого отправить на службу туда, гдѣ есть случай къ дѣлу: въ Аральскъ, или въ новый фортъ Перовскій“. Въ мартъ слѣдующаго года Оренбургскаго линейнаго батальона № 4, унтеръ-офицеръ Трубецкой былъ произведенъ въ прапорщики. Только послѣ смерти Николая, 20 ноября 1855 года, за болѣзнь уволенъ со службъ въ чинѣ подпоручика, съ установленіемъ за нимъ

секретнаго надзора. Было дано и специальное указание о невыдачѣ ему заграничнаго паспорта. 17 апрѣля 1857 года Трубецкому были возвращены права потомственнаго дворянства и княжескій титулъ, но секретный надзоръ за нимъ быть сохраненъ и подтверждено за-
прещеніе выдавать заграничный паспортъ.

Князь Трубецкой поселился въ своемъ имѣніи Муромскаго уѣзда, Владимирской губерніи, и штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, находящійся во Владимирской губерніи, полковникъ Богдановъ 3-й время отъ времени доносилъ въ III Отдѣленіе о поднадзорномъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ донесеній жандармскій штабъ-офицеръ деликатно доложилъ, что „князь привезъ съ собою изъ Москвы въ мартѣ 1858 года экономку, у которой, говорятъ, хорошій гардеробъ, что князь самъ будто бы не въ состояніи былъ слѣлать, что живетъ тихо а экономка никому не показывается“; черезъ мѣсяцъ штабъ-офицеръ докладывалъ, что Трубецкой „ведетъ скромную и обходительную жизнь, часто выѣзжаетъ на охоту и почти всегда съ той женщиной, которая появилась съ нимъ изъ Москвы“; а еще черезъ два мѣсяца штабъ-офицеръ въ дополненіе своихъ донесеній сообщалъ, что „живущая у князя дама довольно еще молода, хороша собою, привержена къ нему такъ, что вездѣ за нимъ слѣдуетъ и безъ себя никуда не пускаетъ“.

Эта экономка была Лавинія Александровна Жадимировская. 19 апрѣля 1859 года умеръ князь Трубецкой, и Жадимировская тотчасъ же уѣхала изъ имѣнія князя Трубецкого. Штабъ-офицеръ донесъ, что она огорчена смертью князя и, выѣзжая въ Петербургъ, говорила, что будетъ просить у правительства разрѣшенія поступить въ одинъ изъ католическихъ монастырей. Въ маѣ 1859 года Александръ II разрѣшилъ выдать Лавиніи Жадимировской заграничный паспортъ.

Романъ Трубецкого и Жадимировской Николаю Павловичу угодно было считать гнусной мерзостью князя. Всѣ мѣры, принятія по его личной инициативѣ противъ князя Трубецкого вплоть для Алексѣевского равелина, были выставкой лицемерія Николая Павловича. Въ глазахъ подданныхъ онъ былъ образцомъ семьянина и вѣрнаго супруга, ибо преданность семейному очагу—необходимая черта въ официальномъ образѣ русскаго монарха, но теперь-то мы получили возможность говорить о придворной распушенности нравовъ, о романахъ и измѣнахъ самого Николая Павловича. И вотъ этотъ человекъ, въ стѣнахъ своего дома измѣнившій своей женѣ, преисполнился священнаго рвенія въ охрану святости брака и выступилъ противъ князя Трубецкого.

Но только ли проявленіемъ лицемерной жажды къ охранѣ семейныхъ устоевъ должно объяснить стремительность Николая въ дѣлѣ Трубецкого и Жадимировской? Не нужно ли искать иныхъ, менѣе лицемерныхъ и высокихъ, мотивовъ царскаго поведенія, а поведеніе было таково, что поневолѣ вызывало представление о какой-то обидѣ чисто мужскому чувству царя? Дѣйствительно, есть определенное свидѣтельство о томъ, что красавица Жадимировская на дворцкомъ

балу обратила высочайшее вниманіе, въ заведенномъ порядкѣ была увѣдомлена о царской „милости“, готовою излиться на нее, но вопреки заведенному порядку, она не пришла въ восхищеніе отъ мысли, что ея тѣломъ будетъ владѣть русскій императоръ, а оскорбилась и отвѣтила рѣзкимъ отказомъ на вождельнія царя. Царь будто бы поморщился и промолчалъ, но когда до него дошли вѣсти объ увозѣ Жадимировской, онъ остро почувствовалъ, что ему предпочли другого, вознегодовалъ и далъ волю своему гнѣву. Отсюда — непримиримая стремительность царскихъ волеизъявленій, тяжелая царская расправа съ соперникомъ.

Свѣтскимъ пріятелямъ князя романъ его съ Жадимировской казался послѣдней проказой князя Трубецкого, но не вѣрнѣ ли признать этотъ романъ настоящимъ душевнымъ дѣломъ князя, первымъ и послѣднимъ подвигомъ его жизни. По мысли Николая, крѣпость должна была сломить, подавить мерзостную въ его глазахъ романическую страсть князя. Монархъ оборвалъ нить вѣншей жизни, благополучія, карьеры своего подданнаго, но даже и рavelинъ не могъ покорить страсть. Въ холодныхъ стѣнахъ рavelина не умерло горячее чувство любви ¹⁾.

П. Щеголевъ.

¹⁾ Свѣдѣнія о преступленіи князя Трубецкого—въ дѣлѣ III Отдѣл. 4 эксп. 1851 года № 142—о скрывшихся изъ С.-Петербурга князѣ С. В. Трубецкомъ и женѣ Жадимировской, въ дѣлѣ III Отд. 4 эксп. 1857 года № 262—о наблюденіи за кн. С. Трубецкимъ, въ папкѣ № 81 (№ 93) секретного архива III Отд., въ дѣлѣ Алексѣевского рavelина № 38 о заключеніи Невдачина, Никитина, Юрьева, Ленацкаго, Посникова и переписка о Трубецкомъ 1852 года.

Портретъ и біографическія свѣдѣнія о С. В. Трубецкомъ у С. Панчулидзева въ „Сборникѣ біографій кавалергардовъ 1826—1908 г.“ СПб. 1908 г., стр. 74 и въ біографіяхъ Н. А. Жерве (тамъ же, стр. 40), А. С. Кроткова (стр. 43) и Н. С. Мартынова (стр. 98). Характеристика — въ воспоминаніяхъ А. Д. Блудовой—Русск. Арх., 1872 г., ст. 1235—1236. О романическомъ интересѣ Николая Павловича, см. въ статьѣ А. И. Соколовой «Имп. Николай I-ый и васьильковыя дурачества» (Истор. Вѣст., 1910, янв., 104—107). Къ этой статьѣ, исполненной фактическихъ ошибокъ, см. поправку С. Козубскаго (тамъ же, 1910, июнь, 1124—1125) и полную фактическихъ неправильностей замѣтку М. Жемчужникова (тамъ же, 1912, январь, 431—432).

Германъ Лопатинъ о К. Марксѣ.

Лѣтомъ 1906 г. мнѣ пришлось прочесть лекцію по аграрному вопросу въ Вильнѣ. Среди слушателей находился Германъ Лопатинъ. Я былъ ему представленъ, и такъ какъ было далеко за полночь, то получилъ отъ него приглашеніе зайти къ нему на слѣдующій день. Г. Лопатинъ жилъ за городомъ; занималъ комнату съ балкономъ въ верхнемъ этажѣ небольшого деревяннаго зданія въ глубинѣ сада. Бесѣда продолжалась нѣсколько часовъ. По его предложенію я задавалъ ему вопросы, на которые онъ подробно отвѣчалъ. Г. Лопатинъ очень много рассказывалъ мнѣ о семейной жизни Маркса, объ Элеонорѣ Марксѣ, такъ трагически окончившей съ жизнью, о своемъ отношеніи къ Марксу и Энгельсу, по большей части бесѣды касались теоретическихъ вопросовъ—«противорѣчій» между I-мъ и III т. «Капитала», «открытыхъ» различными критиками,—метода Маркса, его манеры работать; были также затронуты и волновавшіе тогда русское общество политическіе и экономическіе вопросы.

По возвращеніи въ Петербургъ я рѣшилъ подѣлиться услышаннымъ, заключавшимъ много цѣннаго, имѣвшаго общественный и теоретическій интересъ, съ широкой публикой на страницахъ журнала «Современный Миръ». Зная, однако, нерасположеніе Г. Лопатина къ подобнаго рода сообщеніямъ о немъ,—англійскіе интервьюеры, какъ онъ мнѣ рассказывалъ, написали тогда очень много чепухи о немъ,—я и написалъ ему письмо, въ которомъ просилъ разрѣшенія на такую статью, предлагая ему предварительно прислать рукопись для просмотра. Въѣстъ съ тѣмъ я задать ему рядъ дополнительныхъ вопросовъ, которыхъ не коснулся во время бесѣды. Въ отвѣтъ я и получилъ отъ Г. Лопатина печатаемое ниже безъ сокращеній письмо... Къ сожалѣнію, нѣкоторые обстоятельства помѣшали мнѣ тогда написать предполагаемую статью.

Письмо Германа Лопатина.

6. VII. 06.

Тамбовская, 18—1.

«Спасибо вамъ, Александръ Юльевичъ, за присылку Вашихъ произведеній. Пробѣжать ихъ я еще не успѣлъ, такъ какъ, согласно Вашему желанію, спѣшу отвѣтить на Ваше письмо».

- 1) Объ Элеонорѣ Марксѣ печатать что-либо считаю *невозможнымъ*.
- 2) Не помню, что-бы я рассказывалъ Вамъ о Марксѣ что-либо, заслуживающее печати. Всего пріятнѣе для меня было бы, что бы Вы совсѣмъ не печатали объ этомъ частномъ разговорѣ. Но если мнѣ не удастся удер-

жать Васъ, то, конечно, желательно было бы просмотрѣть предварительно Вашу статью въ гранкахъ или рукописи.

3) Марксъ *никогда* не высказывалъ мнѣ ни въ *категорической*, ни въ сколько нибудь *опредѣленной* формѣ своихъ надеждъ на то, что русская община поможетъ Россіи миновать капиталистическую стадію развитія. *Не думаю*, что бы онъ вѣрилъ въ это хотя одну минуту.

4) Правда, въ его письмѣ въ «Отеч. Зап.» есть фраза, позволяющая съ натяжкой сдѣлать такое предположеніе. Но, по моему мнѣнію, фраза эта требуетъ очень осторожнаго чтенія и толкованія и не такъ-то легко рѣшить, что слѣдуетъ отнести въ ней на долю политической *дипломатіи* и что—на долю искренняго мнѣнія. Выражаюсь такъ осторожно потому, что хотя это письмо дошло въ Россію и черезъ меня (переводъ *не мой*), но мнѣ не довелось говорить по его поводу лично съ Марксомъ, а получилъ я его отъ Энгельса, который нашелъ его въ посмертныхъ бумагахъ Маркса.

5) Я былъ арестованъ въ началѣ 1879 г. «за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія или крещенія «Народной Воли», а вырвался изъ узъ и переѣхалъ русскую границу какъ разъ въ день смерти Маркса, такъ что его сношенія съ людьми «Н. В.» лежали внѣ сферы моихъ личныхъ наблюденій. Но я *никогда не слышалъ* ни отъ Лаврова, ни отъ Тихомрова, ни отъ Ошаниной ни отъ кого-либо иного, чтобы Марксъ *былъ, считался или называлъ себя* когда-нибудь *агентомъ* «Н. В.». Въ первый разъ слышу эту басню. Но зная широкія симпатіи Маркса ко всякому революціонному движенію, неохоту его прикладывать собственный неизмѣнный масштабъ ко всѣмъ странамъ, временамъ и народамъ, отсутствіе у него всякаго отвращенія къ т. н. «терроризму» *an und für sich*, т. е. вездѣ, всегда и всюду, а, напротивъ, очень сочувственное отношеніе, напр., къ прландскимъ и русскимъ подвигамъ этого рода, я ничуть не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ охотно встрѣчался и водился съ людьми «Н. В.», хотя бы завѣдомо прикосновенными къ самымъ громкимъ террористическимъ актамъ (напр., Гартманъ и др.) и оказывалъ имъ посильныя услуги. Но это совсѣмъ не *агентство*.

Больше писать мнѣ некогда.

Всего хорошаго. Вашъ Г. Д.

* * *

По поводу опровергаемой Г. Лопатинымъ «басни»,—слышанной мною еще на студенческой скамьѣ,—что Марксъ былъ агентомъ «Народной Воли», не лишнимъ, можетъ быть, будетъ замѣтить, что эта басня имѣла все же подъ собою нѣкоторыя основанія. Въ IV т. «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx», появившемся въ 1913 г., помѣщено письмо Маркса къ Энгельсу отъ 14-го Сентября 1870 г., которое Марксъ подписалъ жирнымъ шрифтомъ «Secretary for Russia». Повидимому, рассказчикъ «басни», что-то слышавшій объ этомъ, перепуталъ: вмѣсто «секретарь» назвалъ Маркса «агентомъ»,—русскую секцію Интернаціонала замѣнилъ «Народной Волей»...

* * *

Въ 1913 г., при одной изъ встрѣчъ съ Германомъ Лопатинымъ въ Петербургѣ, я сообщилъ ему, что готовлю статью, направленную противъ столь хваленной книги Гильфердинга: «Финансовый Капиталъ», и просилъ позволить мнѣ сослаться на сдѣланное имъ мнѣ когда-то сообщеніе о методахъ Маркса и о манерѣ его работать. Германъ Лопатинъ далъ свое согласіе. По его указанію, я разыскалъ въ «В.-Эконом. Обществѣ» статью Зиберъ, о

которой у Маркса была рѣчь съ Лопатинымъ, и послать ему въ рукописи предполагавшуюся замѣтку. Онъ вернулъ ее, изложивъ конецъ самъ. Въ такомъ видѣ я и напечаталъ ее въ статьѣ «Современный Капитализмъ» («Совр. Міръ», декабрь 1913 г.), причемъ мѣсто, принадлежащее Лопатину, взято мною было въ кавычки. Ниже привожу это примѣчаніе:

«Германъ Лопатинъ разсказывалъ намъ, между прочимъ, что Марксъ по поводу возраженій Зиберы относительно примѣненнаго Марксомъ метода («Знаніе», 1874 г., № 1, «Эконом. теорія Маркса», 56—57 стр.) высказалъ удивленіе, какъ такой серьезный экономистъ не замѣтилъ, что въ начальной основѣ его работы лежитъ изученіе предварительно накопленнаго фактическаго матеріала, что дедукція предшествовала у него индукція, абстракціи—анализъ реальныхъ отношеній. При этомъ Г. А. Лопатинъ привелъ примѣръ, какъ Марксъ, съ цѣлью прослѣдить движеніе и роль денежнаго капитала въ современной экономической жизни, въ теченіи долгаго времени «ежедневно извлекалъ изъ биржевой хроники «Times» и др. газетъ цифровые данныя, не рѣшившись никому довѣрять этой черной, но безусловно необходимой и важной работы даже на время своей продолжительной болѣзни, которая и положила ей конецъ, къ его великому и постоянному огорченію».

А. Финнъ-Енотаевскій.

Новое о прошлом.

Изъ сибирскихъ газетъ и журналовъ 1918—1919 гг.—Самозванцы въ Сибирѣ.—Декабристы въ ссылкѣ.—Иркутская бурса временъ А. П. Шапова.—Поляки-повстанцы.—Казнь Неустрова.—«Секретный арестантъ № 1».—Изъ исторіи студенческаго движенія.—Къ исторіи 1905 г. въ Читѣ и Томскѣ.—Тѣни 1905—1908 гг.—Изъ жандармскихъ архивовъ.—Ленская стачка 1912 г.—О Л. Н. Толстомъ.—Къ исторіи періодической печати.

Ненормальныя условія, въ которыхъ живетъ наша страна, препятствуютъ нормальному веденію нашихъ обзоровъ,—регулярныхъ по разѣ навсегда задуманному плану. И не только потому, что книжки журнала, фактически превратившагося въ неперіодическій сборникъ, выходятъ слишкомъ рѣдко, съ промежутками въ 3—6—8 мѣсяцевъ, но и потому, что Россія волею судьбы расколота рѣзкими границами и строгими кордонами на рядъ отдѣльныхъ территорій, живущихъ каждая своею самостоятельною жизнью и особыми своеобразными интересами политической борьбы, научною работою, если только можно говорить о послѣдней въ наши дни, и, конечно, литературою.

Обмѣна и вообще какихъ-либо правильныхъ сношеній между этими различными частями Россіи почти не существуетъ. Уже пересылка простыхъ писемъ, коротенькихъ вѣсточекъ черезъ какую-либо изъ такихъ границъ—вещь крайне трудная; регулярное же полученіе книгъ и газетъ изъ «зарубежнаго» міра для простого смертнаго вещь положительно невозможная. Въ такихъ условіяхъ задача обзорѣнія *всей* россійской прессы становится неосуществимой, и наши обзоры изъ общероссійскихъ неизбежно должны превратиться въ районныя, областныя. Данный обзоръ и является однимъ изъ такихъ областныхъ обзоровъ литературы о нашемъ революціонномъ прошломъ, появившейся въ той области, которая была доступна наблюденію автора—въ теченіе минувшей зимы, а именно въ Сибирѣ и Поволжѣ, причемъ рамки обзора мы ограничиваемъ еще и хронологически, вводя въ него лишь ту періодическую, а отчасти и неперіодическую печать, которая выходила въ указанныхъ районахъ въ періодъ существованія тамъ какой-либо изъ анти-совѣтскихъ властей. Обширная литература по исторіи революціоннаго прошлаго, появившаяся въ сибирской печати до сверженія тамъ власти большевиковъ и неиспользованная нами въ нашихъ предыдущихъ обзорахъ, въ данный обзоръ, какъ правило, нами также не введена.

Едва-ли нужно оговариваться, что и въ этихъ рамкахъ и предѣлахъ нашъ «обзоръ» все же не можетъ претендовать на полноту: слѣдить за достаточно обильной періодической печатью въ Сибирѣ ¹⁾ едва ли не болѣе

¹⁾ По официальнымъ свѣдѣніямъ отдѣла печати при сибирскомъ совѣтѣ министровъ, въ августѣ 1919 г. на территоріи этого правительства выходило

трудно, чѣмъ въ Совѣтской Россіи, ибо тамъ нѣтъ такихъ, хотя бы и не исчерпывающе полныхъ, но все же богатыхъ центральныхъ книгохранилищъ, какія имѣются въ Москвѣ и Петроградѣ. Поэтому въ нашемъ обзорѣ неизбежны пропуски и пробѣлы, но мы уже и раньше говорили, а теперь, въ виду современныхъ условій, вновь и съ новой силой повторяемъ, что полными наши «Обзоры» смогутъ стать лишь въ томъ случаѣ, если веденію ихъ будутъ помогать всѣ, интересующіеся прошлымъ нашего революціоннаго движенія ¹⁾.

* * *

Изъ появившихся въ сибирской прессѣ статей и матеріаловъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ интересующей насъ темѣ, наиболѣе раннихъ періодовъ касаются статьи Б. Кубалова (въ пріутскомъ «Свободномъ Краѣ») и И. А. (въ красноярской «Свободной Сибири»).

Очерки первого ставятъ своей задачей познакомить читателей съ весьма любопытнымъ и мало еще изученнымъ явленіемъ народной жизни — съ самозванствомъ, живучесть котораго поразительна (самозванцевъ было не мало и въ XX вѣкѣ) и съ которымъ историкъ революціонныхъ движеній нерѣдко приходится сталкиваться, съ одной стороны, при изученіи массовыхъ народныхъ движеній, съ другой — при ознакомленіи съ тактикой революціонныхъ кружковъ и группъ 60—70-хъ гг. Матеріалъ, которымъ оперируетъ авторъ, — дѣла весьма богатого и интереснаго (одного изъ самыхъ интересныхъ, если не самаго интереснаго изъ провинціальныхъ архивовъ) архива быв. генераль-губернатора Восточной Сибири. Извѣстные намъ два очерка этого автора, — о самозванцахъ «Великой княгинѣ Маріи Павловнѣ» (№ отъ 1 декабря 1918 г.) и «императорѣ Павлѣ I» (номеръ отъ 11 января 1919 года), — позволяютъ судить о заданіяхъ автора въ предѣлахъ темы, объ его подходѣ къ ней. Удовлетворяющими современнымъ требованіямъ науки эти заданія автора, къ сожалѣнію, признать нельзя. Въ изслѣдованіи о самозванствѣ, какъ явленіи народной жизни, главнымъ моментомъ должно быть изученіе общественныхъ причинъ появленія и успѣховъ самозванцевъ. Что привлекало на ихъ сторону сердца? Какіе моменты въ ихъ программныхъ, если можно такъ выразиться, заявленіяхъ находили наибольшій откликъ въ окружающей средѣ? Г. Кубалова эта сторона темы, повидному, мало интересуетъ, хотя значеніе ея, какъ видно изъ его краткаго предисловія, онъ признаетъ. Онъ подробно излагаетъ исторію появленія самозванцевъ,

всего 157 періодич. изданій, изъ коихъ 95 газетъ и 61 журналъ, причемъ изъ этого общаго числа выходило въ Запад. Сибири 39 газетъ и 33 журнала: въ Вост. Сибири — 32 газеты и 22 журнала; въ Манчжуріи 4 газеты и 1 журналъ; на остальной территоріи 20 газетъ и 6 журналовъ. Изъ 97 газетъ 74 выходили ежедневно, причемъ 38 въ форматѣ большихъ газетъ; остальные 22 газеты выходятъ отъ 1 до 3 разъ въ недѣлю. Изъ 61 журнала — 6 выходятъ ежемѣсячно, остальные отъ 2 до 4 разъ въ мѣсяцъ; болѣе всего журналовъ посвящено вопросамъ коопераціи (23); остальные распределяются слѣд. образомъ: земскихъ 8, военныхъ — 1, духовныхъ — 5, старообрядческихъ — 1, профессионально-учительскихъ — 4, общественно-политическихъ и литературныхъ — 4, театралныхъ — 2, торгово-промышленныхъ — 1, медицинскихъ — 1; ученическихъ — 1; посвященныхъ професс. вопросамъ рабоче-й жизни — 6; промышленности и торговли — 2; земледѣлія и лѣсного хозяйства — 1. Изъ городовъ, имѣющихъ наибольшее количество періодическихъ изданій, на первомъ мѣстѣ стоятъ г. Омскъ, въ которомъ выходило 6 газетъ и 10 журналовъ; затѣмъ идутъ Барнаулъ (3 газеты и 7 журналовъ), Екатеринбургъ (4 газеты и 5 журналовъ), Томскъ (5 газетъ и 3 журнала) и Чита (4 газеты и 4 журнала). (Цитир. по Тюменской газетѣ «Нашъ Путь» отъ 11 марта 1919 г.).

¹⁾ Пользуемся случаемъ выразить благодарность за сдѣланные указанія и замѣчанія М. А. Максимову, Н. С. Т. и Б. Д. Федорову.

группируетъ біографическія о нихъ данныя, знакомитъ съ ходомъ слѣдствій; моменты же общественно-политическіе у него стоятъ даже дальше, чѣмъ на второмъ планѣ. А между тѣмъ указанія на нихъ въ дѣлахъ, несомнѣнно, имѣются,—это видно изъ тѣхъ же очерковъ г. Кубалова; особенно это относится къ самозванной «Маріи Павловнѣ», которая вела настоящую политическую агитацію о предстоящей «перемѣнѣ правленія», облегченіи податей, выдачѣ пособія бѣднымъ, уничтоженіи стѣсненій и т. д. Единственнымъ обобщеніемъ, на которыя идетъ авторъ,—въ выводахъ изъ даваемыхъ матеріаловъ, а не въ предисловіи къ нимъ,—это установленіе извѣстной преемственности самозванцевъ (вслѣдъ за «Павломъ I» появился — лѣтъ черезъ 10—и «Константиъ Павловичъ», и притомъ въ томъ же приближеніи районѣ), совершенно справедливо указывая, что всѣ указанные самозванцы—«Павель», «Марія» и «Константиъ»—подготовили почву для будущаго «Александра I»—Федора Кузмича.

Менѣе интересны составленные также по архивнымъ матеріаламъ очерки И. Л., посвященные ряду эпизодовъ изъ жизни Туруханскаго края въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Два изъ нихъ.—«Монастырская пидллія» (въ № отъ 17 ноября 1918 г.) и «Волокита» (въ № отъ 15 декабря 1918 г.),—знакомятъ съ двумя эпизодами изъ жизни духовенства тѣхъ давно минувшихъ лѣтъ и имѣютъ интересъ только бытовомъ: «Волокита» знакомитъ съ дѣломъ по обвиненію священника-вдовца въ незаконномъ сожителствѣ съ дальней родственницею; «Монастырская же пидллія»—съ произведеннымъ подвѣсившими монахами опытомъ пслѣдованія сохранности мощей туруханскаго святаго (не канонизированнаго) Василия Мангазейскаго, причемъ выяснилось, точъ въ точъ, какъ въ наши дни, что вмѣсто мощей въ рактъ хранится «такъ, косточка одна»; этотъ результатъ, конечно, не помѣшалъ обвиненію монаховъ-пслѣдователей въ «кошунствѣ», а затѣмъ послѣдовалъ строгій приказъ епископа «слуховъ о семьѣ событіи пяряднаго кошунства не пускать и разговоры и басни предотвращать» (а «разговоры» и «басни» шли, и была даже версія о томъ, что «мощи имъ не дались видѣться»), самихъ же виновниковъ «послать въ дальній изъ монастырей на безысходное въ ономъ заточеніе безъ срока». Бытовой же интересъ имѣетъ и третій очеркъ «Изъ дней минувшихъ» (въ № отъ 13 ноября 1918 года), посвященный столкновенію между туруханскимъ «штабъ-лекаремъ Шаровымъ» и «протопопомъ Гаврилоу Ушаковымъ»; столкновение это, закончившееся избіеніемъ «штабъ-лекаря» «протопопомъ», произошло на ппружкѣ мѣстныхъ чиновниковъ, и возникшее по этому поводу «дѣло» даетъ рядъ любопытныхъ штриховъ для знакомства съ составомъ администраціи Туруханскаго края, гдѣ въ эти годы приходилось быть въ ссылкѣ нѣсколькимъ декабристамъ.

Рядъ интересныхъ матеріаловъ опубликованъ въ сибирскихъ газетахъ и о декабристахъ; среди этихъ матеріаловъ по ихъ цѣнности на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить опубликованныя И. Чагинымъ въ иркутскомъ «Свободномъ Краѣ» «Документальныя данныя къ «Русскимъ женщинамъ» Некрасова» (№№ отъ 17 и 30 ноября и 13 декабря 1918 года); собранные изъ ряда дѣлъ архива секретнаго отдѣленія канцеляріи быв. ген.-губ. Вост. Сибири, эти документы представляютъ большой интересъ, давая рядъ новыхъ свѣдѣній о тѣхъ препятствіяхъ, которыя ставились женамъ декабристовъ, при ихъ попыткахъ слѣдованія за мужьями. Къ сожалѣнію, публиковавшій документы, г. Чагинъ, повидимому, недостаточно хорошо знакомъ съ литературой вопроса и иногда печатаетъ, въ качествѣ новыхъ документовъ, давно уже опубликованные; такъ, онъ публикуетъ полный текстъ инструкціи, данной иркутскому губернатору Цейдлеру ген.-губ.

Вост. Сибири Лавинскимъ, по вопросу «объ увѣщаніи» женъ декабристовъ, въ то время какъ этотъ документъ опубликованъ лѣтъ уже 15 тому назадъ П. Е. Щеголевымъ въ его статьѣ о женахъ декабристовъ. Наибольшій интересъ изъ дѣйствительно новыхъ, найденныхъ г. Чагинымъ документовъ представляются замѣчанія Николая I на представленный ему Лавинскимъ проектъ упомянутой выше инструкціи. Эти замѣчанія дополняютъ характерными черточками уже извѣстный въ общихъ чертахъ, но далеко не разработанный въ деталяхъ образъ царя, — «тюремщика декабристовъ». Любопытно, что царь рѣшительно отвергъ предложеніе Лавинского разъяснить «подъ рукою дворовымъ, слѣдующимъ въ Сибирь съ женами декабристовъ, что съ момента подписанія послѣдними выработанныхъ инструкцій обязательствъ, права ихъ господъ на нихъ прекращаются и они могутъ имъ не подчиняться». Противъ этого пункта проекта инструкціи царь съ явнымъ неудовольствіемъ написалъ: «Это совершенно воспрещая; бунтовать людямъ не должно». Царь-тюремщикъ ни на одну минуту не забывалъ, что онъ прежде всего «первый помѣщикъ въ Россіи»!

Замѣтимъ также, что было бы большою ошибкой думать, что г. Чагинъ исчерпалъ всѣ матеріалы по данному вопросу, хранящіеся въ Иркутскомъ архивѣ; автору этихъ строкъ во время его работъ (къ сожалѣнію, весьма кратковременныхъ и въ силу этого поверхностныхъ) въ означенномъ архивѣ удалось найти еще нѣсколько новыхъ и весьма цѣнныхъ данныхъ (напр., письмо Цейдлера къ Лавинскому съ описаніемъ увѣщанія кн. Трубецкой и т. д.), п., несомнѣнно, немалое количество данныхъ предстоитъ еще разыскать.

Значительный интересъ представляетъ опубликованное тѣмъ же И. Чагинымъ письмо декабриста Игельстрома къ своему товарищу А. А. Крюкову¹⁾. Это письмо было написано Игельстромомъ вскорѣ послѣ его выхода изъ тюрьмы на поселеніе, изъ мѣста приписки (Тасьевскъ, канск. у., енисейской губ.) и рисуетъ условія жизни декабристовъ на поселеніи; особенно интересно «наставленіе», данное въ письменномъ видѣ Игельstromу канскимъ земскимъ исправникомъ (въ письмѣ оно приведено полностью) и въ грубой формѣ, съ обращеніемъ на «ты», предписывавшее «правила» поведения. Легко себѣ представить, какъ дѣйствовало это «ты» на декабристовъ, привыкшихъ, даже на каторгѣ, къ совершенно иному обращенію. Конечно, по назначенію письмо дойти не могло, хотя написано оно было безъ всякихъ рѣзкостей, и до послѣдняго времени лежало въ архивѣ пришитымъ къ «дѣлу».

Значительно меньшій интересъ представляютъ опубликованные также г. Чагинымъ документы къ биографіи декабриста кн. Ф. П. Шаховского²⁾; нѣкоторые свѣдѣнія о пребываніи послѣдняго и, въ частности, его опыта въ области сельскаго хозяйства во время пребыванія въ Туруханскомъ краѣ въ печати уже имѣются (см., напр., замѣтку г. Ауэрбаха въ № 6 «Сибирскихъ Записокъ» за 1917 г.); извлеченные г. Чагинымъ изъ Иркутскаго архива документы говорятъ о благосклонномъ отношеніи Николая I къ начинаніямъ Шаховскаго (повидимому, Николая I, какъ разъ въ это время готовившаго свои войны съ крестьянствомъ во имя популяризаціи картофеля, привлекло къ опытамъ Шаховскаго желаніе послѣдняго привить въ Ту-

¹⁾ Иркутскій «Свобод. Край», № 96 отъ 27 окт. 1918 г. «Одно изъ недавнихъ писемъ декабристовъ».

²⁾ Однодневная газета «Иркутскій Госуд. Университетъ» (вышла въ г. Иркутскѣ 27 окт. 1910 г. — въ день торжественнаго открытія означеннаго университета); статья — «Новое о декабристахъ. Къ вопросу о первыхъ культурныхъ поведе-

руханскомъ краѣ «разведеніе картофеля») и о планахъ послѣдняго. Къ сожалѣнію, изъ документовъ г. Чагина не видно, осталась-ли благосклонность Николая только на бумагѣ или выразилась въ чемъ-либо реальномъ.

Декабристамъ же посвящена статья И. Ревякина ¹⁾, знакомящая читателей съ тѣми матеріалами о жизни декабристовъ Трубецкого и Вадковскаго въ ссылкѣ на поселеніи въ с. Оскѣ, Иркутской губ. въ 40-хъ годахъ, которые сохранились въ оскомъ волостномъ архивѣ; наиболѣе интересны изъ этихъ данныхъ свѣдѣнія о торговыхъ операціяхъ Вадковскаго съ крестьянами (Вадковскій велъ хлѣбную торговлю, арендовалъ мельницу и «глиняную» гору, и т. д.), причемъ приведенъ полностью текстъ договора Вадковскаго съ сельскимъ обществомъ объ арендѣ первымъ горы для выработки глины. Помимо этихъ двухъ декабристовъ г. Ревякинъ даетъ свѣдѣнія еще объ одномъ ссыльномъ, относимомъ имъ неправильно къ числу декабристовъ, Александрѣ Кучевскомъ ²⁾. Такъ какъ подобная квалифікація Кучевскаго можетъ нѣкоторыхъ ввести въ заблужденіе, то нелишне, думаемъ, будетъ дать попутно небольшую справку о томъ, что представлялъ изъ себя Кучевскій въ дѣйствительности.

Отмѣтимъ, что въ Сибирѣ не такъ еще давно довольно распространеннымъ среди старыхъ уголовныхъ поселенцевъ былъ обычай причислять себя къ декабристамъ (объ одномъ такомъ «декабристѣ» разсказалъ Л. Г. Дейчъ въ своихъ воспоминаніяхъ ³⁾). Вѣрить такимъ словеснымъ заявленіямъ и устнымъ преданіямъ, конечно, не приходится, но А. Кучевскаго къ числу декабристовъ («лицъ, осужденныхъ за причастность къ возмущенію 14 декабря 1825 г.») относитъ не только устное преданіе, но и рядъ документовъ, часть которыхъ приведена въ указанныхъ статьяхъ гг. Ревякина и Овчинникова; даже въ вѣдомостяхъ, препровождавшихся Лепарскимъ въ III Отдѣленіе и къ ген.-губ. Вост. Сибири со списками содержащихся въ Петровскомъ заводѣ «государственныхъ преступниковъ по дѣлу 14 декабря 1825 г.», Кучевскій неизмѣнно фигурируетъ въ одной группѣ со всеми декабристами. Отсутствие Кучевскаго въ списокѣ осужденныхъ по большому процессу декабристовъ еще ничего не опровергаетъ, такъ какъ много лицъ было осуждено по мелкимъ добавочнымъ процессамъ и списки этихъ дополнительно осужденныхъ намъ извѣстны далеко не полностью, поэтому далеко не невозможно открытіе того или иного новаго декабриста. И тѣмъ не менѣе, мы можемъ съ полной категоричностью утверждать, что Кучевскій никакого отношенія къ декабристамъ не имѣлъ.

Прежде всего сами декабристы Кучевскаго причислять къ своей семьѣ не были склонны; Васаргинъ (кстати сказать, единственный, насколько намъ извѣстно, изъ декабристовъ-мемуаристовъ упоминающій о Кучевскомъ) пишетъ о немъ вполнѣ определенно:

«По прибытіи уже (декабристовъ) въ Петровскій заводъ прислали туда слѣпного старика Сосиновича (изъ поляковъ) и какого-то разжалованнаго майора Кучевскаго. Мы приняли ихъ радушно, не обращая вниманія и не спрашивая, за что они попали къ намъ, и какъ всѣ они не имѣли никакихъ способствъ, то и участвовали въ общей нашей артели на томъ же положеніи, какъ и мы сами» ⁴⁾.

¹⁾ «Памяти славныхъ» въ иркутскомъ «Наш. Дѣлѣ», № отъ 28 января 1919 года.

²⁾ О Кучевскомъ см. статью М. П. Овчинникова: «Нѣсколько словъ о майорѣ Кучевскомъ» въ «Трудахъ Иркут. Архивн. Комисіи», т. II, стр. 59—61.

³⁾ «16 лѣтъ въ Сибирѣ», изд. II—Глаголева, стр. 176, «Декабристы Карла» влѣвъ.

⁴⁾ Сборникъ «ХІХ вѣкъ» (подъ ред. Бартечева), т. I, стр. 171.

Достаточно хотя бы немного знать отношенія декабристовъ къ своимъ товарищамъ на каторгѣ, чтобы оцѣнить рѣзкость отзыва Басаргина о Кучевскомъ; такую рѣзкость онъ могъ допустить только по отношенію къ челоѣку совершенно чуждому и по прошлому, и по душевному складу. Болѣе обстоятельное сужденіе архивнаго матеріала поддерживаетъ эту догадку; въ томъ же иркутскомъ архивѣ б. ген.-губ. Вост. Сибири намъ удалось чѣйтъ слѣдующія свѣдѣнія о Кучевскомъ:

«Дворянинъ Александръ Кучевскій, бывшій майоръ Астраханскаго гарнизоннаго полка, уроженецъ Херсонской губерніи. По Высочайшей конфирмаціи, изъясненной въ статейномъ объ немъ спискѣ, полученномъ изъ Тобольскаго приказа о ссыльныхъ въ 1827 году, за составленіе общества для кражъ и грабежей, оскорбленіе самодержавной власти и другія преступленія лишенъ чиновъ и дворянства, сосланъ въ каторжную работу»¹⁾.

Въ Сибири Кучевскій прожилъ до глубокой старости, всѣми причисляемый къ категоріи декабристовъ, и умеръ 1 сентября 1871 г. въ с. Осѣ, ирк. губ.²⁾.

Вниманіе, удѣляемое сибирскою прессою исторіи пребыванія декабристовъ въ Сибири (достаточно сказать, что новыхъ матеріаловъ о декабристахъ въ сибирской прессѣ за истекшую зиму появилось больше, чѣмъ за все время послѣ февральской революціи во всѣхъ остальныхъ газетахъ Россіи), является хорошимъ свидѣтельствомъ о томъ, что Сибирь до сихъ поръ помнитъ и цѣнитъ культурную работу декабристовъ. Въ этомъ отношеніи очень показательны маленькій городокъ Забайкалья—Верхнеудинскъ,—съ большою любовью справившій въ январѣ текущаго года 50-тилѣтнія поминки по декабристѣ Горбачевскомъ: въ день пятидесятилѣтней годовщины со дня его смерти номеръ мѣстной газеты («Забайкальская Жизнь» отъ 22 января по нов. ст. 1919 г.) былъ заполненъ юбилейными статьями, а именно въ этомъ № дана относительно большая біографія И. И. Горбачевского («Памяти декабриста И. И. Горбачевского», составленная Вл. Г.) и двѣ небольшія замѣтки о жизни его въ Верхнеудинскѣ, составленныя по воспоминаніямъ и разсказамъ мѣстныхъ сторожиловъ. Эти послѣдніе разсказы мало сдержательны, но все же имѣютъ нѣкоторый интересъ для біографовъ Горбачевского, и мы приведемъ отрывокъ изъ воспоминаній нынѣ умершаго войскового старшины А. Е. Разгильдѣева (въ томъ видѣ, какъ онъ данъ «Приб. Жизнью»).

«Въ 1854 году, когда я былъ на службѣ въ Петровскомъ заводѣ, Иванъ Ивановичъ Горбачевскій имѣлъ въ заводѣ (рѣчь идетъ о Петровскомъ заводѣ, лежащемъ вблизи Верхнеудинска) въ нагорной его части, своей домикъ, состоявшій изъ одной большой комнаты съ голландкой и каминомъ и черезъ капитальную стѣну такой же кухни. Вся обстановка его комнаты была весьма убогая, костюмъ его тоже не отличался изяществомъ, даже (да проститъ онъ мнѣ это) былъ неряшливъ. Не знаю хорошо, сколько онъ получалъ на свое содержаніе отъ правительства, но, кажется, не болѣе 400 руб., чего, конечно, было ему недостаточно, поэтому онъ бралъ подряды въ казнѣ и доставлялъ на заводъ древесный уголь, для чего имѣлъ нѣсколько работниковъ и до 10 лошадей.

«На дому у себя училъ дѣтей безвозмездно. Обѣдъ имѣлъ у тамошняго управляющаго заводомъ Н. Н. Дубровина. Вообще жилъ весьма скромно,

¹⁾ Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ хранящагося въ архивѣ б. ген. губ. Вост. Сибири составленнаго для III Отдѣленія списка государственныхъ преступниковъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи въ иркут. губ. въ 1865 г.

²⁾ Архивъ иркут. губернатора, д. № 84 за 1871 г., по I отд., I стол, секретн. е.

держалъ себя отлично, былъ до крайности добръ и довѣрчивъ. Много читалъ газетъ и журналовъ, которые давалъ ему управляющій заводомъ.

Нѣкоторое отношеніе къ дѣлу декабристовъ, повидимому, имѣетъ опубликованный Н. Коншинымъ въ омской «Русской Арміи» эпизодъ «о намѣреніи сосланнаго въ Сибирь еврея Линки Ванжерера открыть Е. И. В.—ву государственныя тайны»¹⁾. Изъ омскаго архива б. ген.-губ. Зап. Сибири Н. Коншину по этому дѣлу удалось извлечь слѣдующія свѣдѣнія:

Л. Ванжереръ, быв. феоодосійскій купецъ, былъ сосланъ въ Сибирь въ 1822 г. за ложный доносъ, сдѣланный имъ командующему II арміей гр. Ритгенштейну о злоупотребленіяхъ при поставкѣ провіанта для войскъ въ Гессарабской области. Живя въ Тобольскѣ, Ванжереръ объявилъ въ мартѣ 1826 г. губернатору, что знаетъ важныя государственныя тайны, а затѣмъ послалъ черезъ него прошеніе ген.-губ., въ которомъ донесъ, что «еще въ 1816 г. онъ, благодаря «провидѣнію», постигъ нѣкоторыя тайны, важныя для Всероссійскаго Престола и Имперіи», каковыя тайны онъ и открылъ тогда же Александру I, за что и «удостоился» знаковъ «Высочайшаго благоволенія»; рассказавъ затѣмъ, какъ онъ несправедливо былъ наказанъ, Ванжереръ просилъ ген.-губ. препроводить въ Петербургъ Николаю I приложенный къ прошенію пакетъ. Вытребованный въ Омскъ, Ванжереръ представилъ ген. губ. доказательства своей поѣздки въ С.-Петербургъ въ 1816 г. по вызову царя, тѣмъ самымъ убѣдивъ генералъ-губернатора въ серьезности своего заявленія, и его пакетъ былъ препровожденъ въ Петербургъ. «Тайны» оказались серьезными и вскорѣ послѣ отсылки пакета Ванжереръ получилъ «Всемиловѣйшее прошеніе», причемъ Государь «повелѣтъ соизволить» выдать женѣ и сыну Ванжерера прогонныя на пару лошадей для возвращенія на родину. Какія именно «тайны» были разоблачены Ванжереромъ, изъ документовъ омскаго дѣла не видно, и было бы желательно, чтобы кто-нибудь взялъ на себя трудъ поискать соответствующіе матеріалы въ центральныхъ архивахъ. Быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-нибудь неудачнымъ Шервудомъ (ибо изъ прошенія Ванжерера видно, что его «тайны» несомнѣнно имѣли отношенія къ «политикѣ»).

Въ этомъ же очеркѣ г. Коншинъ знакомитъ и съ нѣкоторыми другими ссыльными «открывателями тайнъ и секретовъ», менѣе удачливыми (по результатамъ ихъ разоблаченій), чѣмъ Ванжереръ; изъ нихъ нѣкоторый интересъ представляютъ свѣдѣнія, къ сожалѣнію, весьма краткія, о дѣлѣ нѣкоего Аристова, неудачно разоблачавшаго въ 1848 году «тайное злоумышленное общество» и попавшаго за ложный доносъ на каторгу, которую ему пришлось отбывать вмѣстѣ съ Достоевскимъ.

Г. А. Дунинъ, уже опубликовавшій нѣкоторыя новыя данныя о А. И. Полежаевѣ въ Сибири, напечаталъ краткій очеркъ²⁾, знакомящій съ дѣломъ Полежаева по до сихъ поръ еще неизданнымъ матеріаламъ—дѣлу III Отдѣленія «о студентѣ Александрѣ Ивановичѣ Полежаевѣ» и найденнымъ г. Дунинымъ отрывкомъ изъ дневниковъ А. И. Полежаева. Приводимыя Дунинымъ данныя очень цѣнны для характеристики жестокой игры Николая I съ юнымъ поэтомъ: къ сожалѣнію, цѣнность ихъ ослабляется тѣмъ, что авторъ цитируетъ документы на память (въ примѣчаніи онъ поясняетъ, что «выписки изъ дневника и вообще всѣ работы по полежаевскимъ матеріаламъ при переѣздѣ въ Сибирь онъ оставилъ въ Москвѣ»).

¹⁾ «Архивные очерки. Открыватели тайнъ и секретовъ».—«Русск. Армія» отъ 27 апрѣля 1919 г.

²⁾ «А. И. Полежаевъ» въ пово-николаевской «Наро и Сибири»; № отъ 29 января 1919 г.

Большой интерес представляют очерки Пав. Горизонтова об Иркутской «бурсе» времени А. П. Шапова¹⁾. До сих пор биографы последнего (Аристов, Лучицкий, Н. Н. Козьмин, Ядринцев и др.), касаясь этого периода его жизни, оперировали исключительно материалом, данным в отрывкѣ изъ воспоминаній Шапова или въ известномъ въ Сибири романѣ-биографіи Загоскица («Магистръ» въ Сиб. газетѣ «Сибирь»). Г. Горизонтовъ привлекаетъ къ изученію этого періода жизни Шапова богатѣйшій матеріалъ, хранящійся въ архивѣ того самого Иркутскаго мужского духовнаго училища, которое такъ ненавидѣлъ потомъ всю жизнь А. П. Шаповъ, и на основаніи этихъ документальныхъ данныхъ рисуетъ официальную, такъ сказать, картину жизни бурсы. Невеселая выходитъ эта картина! Порка, карцеръ, голодъ, кражи, пьянство—вотъ тѣ главные пункты, вокругъ которыхъ вращается жизнь бурсы, по цитируемому г. Горизонтовымъ документамъ. И надъ всѣмъ этимъ весьма глупая, бессмысленная зубрежка, объ итогахъ которой совершенно правильно писалъ семинарскому правленію Иркутскій епископъ Нилъ: «усмотрѣлъ я, что преподаваніе языковъ греческаго и латинскаго шло съ явной безуспѣшностью. Иные, прочитавшіе два-три года, не знаютъ самыхъ первыхъ началъ языковъ сихъ. И вообще о большей части учениковъ надлежитъ пожалѣть, какъ о потерявшихъ цѣлые годы, или вовсе совращенныхъ съ пути образованія».

Авторъ этого послѣдняго отзыва, епископъ Нилъ, какъ онъ рисуетъ изъ публикуемыхъ г. Горизонтовымъ документовъ, былъ человѣкомъ, стоявшимъ на много выше окружающей среды. Онъ не только рѣзко клеймилъ бессмысленную зубрежку, но и пытался бороться съ поркою и вообще частыми наказаніями учениковъ. «Къ наказаніямъ учениковъ не должно пріучать: иначе, ставъ обыкновенными, будутъ безплодны. На упорныхъ, чѣткихъ и большихъ шалуновъ надобно смотрѣть мудрымъ окомъ, провикать, гдѣ причина зла; надобно пробуждать въ ученикахъ чувство благодарства дѣйствию или презрѣнности ихъ въ смыслѣ нравственномъ»,—такъ поучалъ онъ учителей и воспитателей бурсы. Эти повѣщства не привились послѣднимъ; въ инспекторскихъ отчетахъ не срывается недовольство подобнымъ ограниченіемъ власти школьнаго начальства. Какъ и слѣдовало ожидать, настоячивость епископа Нила была не особенно большой и, какъ говоритъ г. Горизонтовъ, «скоро инспекторскіе отчеты о поведеніи попрежнему заперстрѣли замѣчаніями на счетъ провинившихся: «наказанъ розгами», «наказанъ розгами отечески» или—«въ духѣ отческаго благоснисхожденія»...

Недостаткомъ очерковъ г. Горизонтова служитъ полное игнорированіе имъ имѣющейся литературы вопроса, ибо сопоставленіе имѣющихся въ его распоряженіи документовъ съ воспоминаніями, напр., Шапова, было бы весьма любопытно. За всѣмъ тѣмъ его очерки представляютъ большую цѣнность, и мимо нихъ не должень пройти ни биографъ Шапова, ни историкъ нашей духовной школы. Можно только пожелать, чтобы авторъ продолжилъ свою работу въ этомъ направленіи и расширилъ свои очерки.

Опубликованныя въ новониколаевской газетѣ «Русская Рѣчь» Б. Герасимовымъ «Новыя данныя о жизни Достоевскаго въ Семипалатинскѣ»²⁾ ничего «новаго» въ себѣ не содержатъ, являясь краткимъ пересказомъ прежнихъ статей этого автора³⁾, основанныхъ какъ на изученіи печатныхъ источ-

¹⁾ «Въ бурсѣ при Шаповѣ» (по поводу 100-лѣтія Иркут. муж. духов. училища. За Иркутскомъ «Свободномъ Краѣ». №№ отъ 21 и 22 ноября за 1918 годъ).

²⁾ «Русская Рѣчь», отъ 22 февр. 1919 г.

³⁾ Намъ известны слѣд. его статьи и замѣтки: 1) «Документы о О. М. Достоевскомъ» въ «Сиб. Архивѣ» № 2 за 1913 г.; 2) «Къ пребыванію О. М. Достоевскаго въ г. Семипалатинскѣ» въ «Сиб. Архивѣ» № 1 за 1913 г.; 3) «Изъ жизни О. М.

никовъ, такъ и на новыхъ, имъ найденныхъ въ Семипалатинскихъ архивахъ документахъ. Равнымъ образомъ, повидимому, ошибочно наименованіе новымъ найденнаго тѣмъ же Герасимовымъ «документа, касающагося производства Достоевскаго въ прапорщики»; судя по данному газетамъ изложенію этого «поваго» документа (см. омскую «Зарю», литерат. приложение № 1 за 1918 годъ), рѣчь идетъ объ уже опубликованномъ г. Герасимовымъ лѣтъ 6 тому назадъ ¹⁾ протоколѣ засѣданія Семипалатинскаго областного правленія отъ 20 ноября 1856 г. Зато много матеріала содержитъ въ себѣ изданная Семипалат. подготдѣломъ Зап.-Сибир. Отдѣла Рус. Геогр. О-ва работа того же свящ. Бор. Герасимова о ссыльныхъ полякахъ въ Семипалатинской области; правда, эта работа также не является новымъ трудомъ; она написана авторомъ еще въ 1905—06 гг. и первая попытка издать ее относится къ 1907 г., но тогда издатель, — Семипалат. подготдѣл., — испугался ответственности за изданіе столь «крамольнаго» труда и не выпустилъ въ свѣтъ уже почти законченную печатаніемъ работу, такъ что только единичные экземпляры несброшюрованныхъ листовъ книги попали тогда въ руки читателей (одинъ такой экземпляръ намъ пришлось видѣть въ коллекціи матеріаловъ по исторіи польской ссылки, собранной сибирскимъ Польскимъ Націон. Совѣтомъ). Очень громоздко построенная и сухо написанная (авторъ пытается давать сводку архивныхъ свѣдѣній относительно каждаго поляка-ссылнаго отдѣльно), поэтому мало пригодная для распространенія среди сколько-нибудь широкихъ круговъ читателей, для лицъ, специально интересующихся исторіей политической ссылки книга будетъ очень цѣннымъ пособіемъ. И будущій біографъ Достоевскаго найдетъ въ ней немало цѣнныхъ для себя свѣдѣній (во всякомъ случаѣ значительно больше, чѣмъ въ означенныхъ двухъ замѣткахъ), познакомившись по ней съ рядомъ данныхъ о лицахъ, дѣлвшихъ съ Достоевскимъ тяготы и каторги, и ссылки.

Объ одномъ весьма любопытномъ эпизодѣ изъ жизни въ ссылкѣ поляковъ-повстанцевъ 1863 г. говорится въ опубликованномъ «Сибирск. Записками» приказѣ ген.-губ. Вост. Сибири и командующаго войсками г.-л. Корсакова, отданномъ послѣднимъ 26 сент. 1866 г. въ связи съ возстаніемъ ссыльныхъ поляковъ на Кругобайкальской дорогѣ ²⁾; перечисляя въ этомъ обширномъ (10 страницъ убогистаго текста) приказѣ подвиги чиновъ коновъ и отрядовъ, командированныхъ для усмиренья возстанія, Корсаковъ попутно описываетъ рядъ его эпизодовъ, конечно, давая ихъ въ опредѣленномъ освѣщеніи, но при общей скудности свѣдѣній о данномъ возстаніи и этотъ матеріалъ можетъ быть полезенъ.

Продолжающіеся печатаніемъ въ «Сибир. Запискахъ» письма Н. М. Ядринцева къ Г. Н. Потанину ³⁾ даютъ все новые и новые матеріалы для исторіи формированія и развитія такъ наз. сибирскаго областничества; мѣстами въ нихъ попадаются также интересныя свѣдѣнія и любопытныя характеристики ряда ссыльныхъ-товарищей Ядринцева по Шенкурску, — напр., о Христофорѣ (стр. 6, «Сиб. Зап.», № 2—3 за 1918 г.), Журавкомъ (№ 4, стр. 53) и др.

Достоевскаго въ Семипалатинскѣ», «Сибир. Архив», № 5 за 1916 г. и 4) «Матеріалы къ пребыванію Достоевскаго въ Семипалатинскѣ», «Сибир. Литосеръ», № 11—12 за 1916 г.

¹⁾ А именно въ № 2 «Сибир. Арх.» за 1913 годъ.

²⁾ «Сибирск. Записки» (журналъ выходитъ въ Красноярскѣ), № 1 за 1919 г.

³⁾ Тамъ же №№ 2—3 и 4 за 1918 и № 1 за 1919 г. Предыдущія письма, печатавшіяся въ журналѣ въ 1916—17 г., вышли отдѣльнымъ изданіемъ («Письма Николая Михайловича Ядринцева къ Г. Н. Потанину» вып. 1 съ 20 февр. 1872 г. по 8 апр. 1873 г. Изд. ред. журн. «Сиб. Зап.» на средства А. М. Григорьевой. Ц. 3 р. Красноярскъ, 1918 г.).

Большую цѣнность представляет напечатанный въ тѣхъ же «Сибир. Запискахъ» небольшой рассказъ Ф. Бейнера «О послѣднихъ часахъ жизни учителя иркутской гимназіи К. Г. Неустроева»¹⁾. Ф. Бейнеръ въ началѣ 80-хъ гг. служилъ офицеромъ въ иркут. резервн. пѣхотн. караул. батальонѣ, былъ начальникомъ караула въ иркут. тюрьмѣ въ день казни Неустроева и присутствовалъ при разстрѣлѣ послѣдняго; его рассказъ,—простой и четкій въ деталяхъ,—является единственнымъ, вполне достовернымъ рассказомъ о послѣднихъ дняхъ жизни иркутянина-революціонера. Послѣдними словами Неустроева были: «Прощай мать, прощай отецъ, прощайте братья!», причемъ Ф. Бейнеръ поясняетъ, что подъ «братьями» Неустроевъ «подразумѣвалъ, вѣроятно, народъ». Въ небольшомъ предисловіи къ этому рассказу редакторъ журнала Вс. М. Крутовскій, товарищъ Неустроева по петроградскому университету и сибирскому землячеству, далъ, на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, краткую характеристику Неустроева.

Замѣтимъ, что Ф. Бейнеръ исправляетъ неточность, вкравшуюся въ дату казни Неустроева: послѣднюю обычно относятъ къ 9 ноября 1882 г. (напр., «За 100 лѣтъ», ч. II, стр. 112 или «Календарь русской революціи»), въ то время, какъ Бейнеръ годомъ казни называетъ 1883. Правда въ этомъ вопросѣ, несомнѣнно, на сторонѣ Бейнера: намъ удалось найти въ архивѣ б. ген.-губ. Вост. Сибири подлинное дѣло о Неустроевѣ, въ которомъ сохранился слѣд. рапортъ нач. штаба Вост. Сибир. Воен. Округа г.-м. Максимовича о казни Неустроева, адресованный на имя «битаго» генераль-губернатора Анучина и датированный 10 ноября 1883 г.:

«Имѣю честь довести Вашему Высокопревосходительству, что приговоръ военнаго суда надъ бывшимъ учителемъ иркутской женской гимназіи Константиномъ Неустроевымъ по Высочайшему повелѣнію, сообщенному мнѣ въ предписаніи 31 минувшаго октября за № 3297, мною подтверждать и по конфирмаціи этой Неустроевъ 9 сего ноября по лишеніи всѣхъ правъ состоянія подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

Начальникъ Штаба ген.-майоръ Максимовичъ.

Оберъ-аудиторъ Гладковъ²⁾).

Извѣстный шлисслербуржецъ В. Панкратовъ напечаталъ въ омской «Зарѣ»³⁾ отрывокъ изъ «Воспоминаній стараго рабочаго»—«Рабочіе прежде и теперь», въ которомъ пытается провести параллель между прежними рабочими—временемъ «Земли и Воли» и «Народн. Воли»,—и современными. Надо сказать откровенно, этотъ отрывокъ автору, мягко говоря, не удался. Мы уже не говоримъ про совершенно ошибочную идеализацію прежнихъ рабочихъ, про невѣрную характеристику прежнихъ методовъ пропаганды среди нихъ⁴⁾, все это можно было бы объяснить вполне естественной склонностью смотрѣть на прошлое сквозь розовые очки. Гораздо хуже даваемая авторомъ характеристика современныхъ рабочихъ и рабочаго и марксистскаго движенія 90—900-хъ годовъ; здѣсь попадаются такіе перлы:

¹⁾ «Сиб. Зап.» № 1 за 1918 г. Неустроевъ разстрѣлянъ по приговору военн. полев. суда за пощечину ген.-губ. Вост. Сибири г.-л. Анучину.

²⁾ Архивъ б. ген.-губ. Вост. Сибири, д. № 30 по описи 1883 г. «О нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ г. генераль-губернатору Вост. Сибири быв. учителемъ Константиномъ Неустроевымъ», л. 4.

³⁾ № 90 отъ 1 мая 1919 г.

⁴⁾ Напр. онъ утверждаетъ, что пропагандисты-народовольцы главное вниманіе обращали на чтеніе въ кружкахъ «серьезныхъ книгъ, а не нелегальной литературы».

«Поклонники Ленина (надо замѣтить, что рѣчь идетъ о 90-хъ г.г., въ отношеніи къ каковому періоду о «поклонникахъ Ленина», какъ о чемъ то специфическомъ, говорить нельзя, и рѣчь можетъ идти только о с.-д. вообще. Б. Н.) стали пичкать рабочихъ легкими брошюрами, листовками, прокламаціями, вызывали непрерывныя забастовки и стачки, которыя удавались благодаря низкому уровню заработной платы и благодаря участію провокаторовъ,—укажемъ на Зубатовщину, на редактора «Новаго Слова Гурвича». И дальше: «Все вниманіе марксистовъ было обращено на материальную сторону рабочихъ, а не души; ихъ совѣсть оставлена въ загонѣ».

Если даже мы отнесемъ «Гурвича» (въ дѣйствительности рѣчь идетъ, конечно, о Гуровицѣ) за счетъ плохой корректуры (хотя ошибка эта тѣмъ болѣе характерна, что нѣсколькими строками выше г. Панкратовъ ту же фамилію ставитъ наряду съ Ленинымъ въ числѣ вождей марксизма 90-хъ г.г.), то все же остается общій тонъ и смыслъ фразы, отнюдь не говорящій о пониманіи и даже желаніи цѣнить значеніе массоваго движенія 90-хъ г.г. И... и сразу можно угадать, что фразу писалъ Панкратовъ—авторъ пресловутаго разоблаченія, а не Панкратовъ—революціонеръ, самъ, если не обманываетъ насъ память, участникъ стачекъ начала 80-хъ г.г.

Отрывки изъ воспоминаній другого народовольца—П. Ровенскаго¹⁾,—производятъ иное впечатлѣніе. Авторъ—осужденный въ свое время по т. наз. «Стрѣльниковскому процессу»,—безъ особыхъ мудствованій, просто, но не безынтересно рассказываетъ нѣсколько эпизодовъ изъ своего тюремнаго сидѣнія въ 1882—83 г.г. въ Одессѣ. Особенно новаго въ его рассказѣ нѣтъ ничего, но рядъ мелкихъ любопытныхъ штришковъ, несомнѣнно, данъ (напр., эпизодъ о столкновеніи автора съ ген.-губ. Гурко).

Для исторіи народовольческаго періода сибирской политической ссылки крайне цѣнный матеріалъ данъ Н. Яковлевымъ (псевдонимъ) въ его двухъ очеркахъ: «Секретный арестантъ № 1»²⁾ и «Шлиссельбуржецъ Поливановъ въ Акмолинской обл.»³⁾. Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, первый очеркъ, въ которомъ рѣчь идетъ о Фоминѣ-Медвѣдевѣ, участникѣ извѣстной харьковской попытки освобожденія Войнаральскаго. Неоднократныя попытки устроить Фомину-Медвѣдеву побѣгъ привели къ тому, что III Отдѣленіе рѣшило содержать его въ совершенно исключительныхъ условіяхъ и по соглашенію съ ген.-губ. Зап. Сибири препроводило для содержанія въ тобольскую городскую тюрьму съ тѣмъ, «чтобы онъ былъ содержимъ въ тюрьмѣ особенно строго, отдѣльно и настолько, по возможности, скрытно, чтобы его нахожденіе въ Тобольскѣ не было обнаружено». Условія, въ которыхъ содержали Фомина-Медвѣдева въ Тобольскѣ, были, дѣйствительно, исключительно строгія; о нихъ по личнымъ воспоминаніямъ лѣтъ 6 тому назадъ повѣдалъ намъ Вл. Г. Короленко въ своемъ отрывкѣ изъ воспоминаній⁴⁾; найденныя г. Яковлевымъ данныя документально подтверждаютъ этотъ рассказъ. Вотъ отчетъ о режимѣ, созданномъ для Фомина,

¹⁾ Харбинская «Манчжурія»; № 39 и 90 за январь 1919 г. Авторъ писалъ и печаталъ свои воспоминанія и раньше; намъ извѣстны изданныя въ 1903 г. въ Харбинѣ его брошюры: «Собака» (изъ жизни въ Якутск. ссылкѣ) и «Въ Нерчинской сатрапіи».

²⁾ Омскій «Правит. Вѣстникъ» (органъ правительства Колчака) № 6 отъ 24 ноября 1918 г.

³⁾ Напечатанъ въ февралѣ или мартѣ 1919 г. въ омской «Нашей Запѣ»; очерка этого въ данное время въ нашемъ распоряженіи не имѣется и цитируемъ его мы на память.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, эти воспоминанія Н. Яковлеву, повидимому, не были извѣстны, а жаль: было бы весьма желательнo сопоставить ихъ съ документами.

данный тобольскимъ губернаторомъ Лысогорскимъ въ его рапортѣ ген.-губ. Казнакову.

«По прибытіи въ тобольскій тюремный замокъ 14 апрѣля 1879 г., Фомины были помѣщены въ отдѣльной, приготовленной заблаговременно по моему (т. е. Лысогорскаго) личному указанію, камерѣ съ ватерклозетомъ, передъ окномъ которой поставленъ заборъ выше окна, а въ сосѣдней съ камерой комнатѣ постоянно находился одинъ изъ назначенныхъ спеціально для надзора за Фоминимъ двухъ надзирателей, дежурившихъ при немъ посуточно, которымъ приказано было за всѣми дѣйствіями арестанта наблюдать и докладывать смотрителю замка, а также не допускать къ нему никого, кромѣ смотрителя замка и полицеймейстера, что ими исполнялось въ точности. Первое время по прибытіи въ замокъ Фомина довольствовался пищею, какъ каторжный арестантъ, а потомъ, вслѣдствіи болѣзни желудка, происшедшей отъ грубой пищи и недостатка движенія (Фомина изъ камеры не выпускался), какъ объяснилъ врачъ тюремной больницы, который впрочемъ, Фомина не видѣлъ, ему отпускалась больничная пища, т. е. мясной супъ и 1½ ф. полубѣлаго хлѣба. Фомина снабжался одеждою, какъ каторжный арестантъ, и содержался въ кандалахъ; бѣлье для него мылось прачками тюремнаго замка. Въ баню Фомина не водили, а дѣлали ему 2 раза въ мѣсяцъ ванны въ его камерѣ, причѣмъ ванна и вода приносилась въ камеру наблюдавшими за нимъ надзирателями».

Эта нѣсколько длинная выдержка хорошо иллюстрируетъ исключительность условій содержанія Фомина; г. Яковлевъ совершенно правъ, когда онъ говорилъ, что этотъ режимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ суровѣе режима Шлиссельбургской крѣпости, даже наиболѣе тяжелаго періода ея. Конечно, во всей полнотѣ эти правила въ жизни не проводились, — трещины въ нихъ было немало, и В. Г. Короленко разсказалъ намъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, — но характеренъ уже самъ замыселъ созданія такого режима.

Въ такихъ условіяхъ Фомина просидѣлъ 2 года и только весною 1881 г. переведенъ въ Омскъ, причѣмъ характерна причина этого перевода: Фомина перевели не для смягченія режима, а потому, что тайну его пребыванія удалось разоблачить (Короленко повѣдалъ намъ — какимъ путемъ) и на его имя поступилъ въ тюрьму переводъ (5 руб.). Начальство этимъ было встревожено; переводъ вернули отправителю съ помѣткой, что Фомина въ Тобольскѣ не розысканъ, а Фомина подъ строгимъ коновоемъ препроводили въ Омскъ «съ содержаніемъ его при прежнихъ условіяхъ». Въ Омскѣ Фомина содержался съ неменьшей строгостью, — его перестали даже именовать по фамиліи, а просто «секретнымъ арестантомъ № 1», — но совершенно изолировать его и здѣсь не удалось: въ январѣ 1883 г. при обыскѣ у полит. ссыльнаго Д. Лейвина были найдены документы, доказывавшіе, что полит. ссылка о Фоминѣ знала и даже пыталась сноситься, а, быть можетъ, и сносилась съ нимъ. Въ результатѣ, по требованію департамента полиціи, Фомина 4 марта 1883 г. былъ отправленъ въ Петербургъ.

На этомъ обрываются найденныя г. Яковлевымъ данныя. Онъ заканчиваетъ свою статью пожеланіемъ, чтобы лица, знающія что-либо о дальнѣйшей судьбѣ Фомина, подѣлились этими свѣдѣніями въ печати. Г. Яковлевъ, очевидно, не знаетъ, что рядъ нужныхъ ему свѣдѣній онъ могъ бы найти въ литературѣ о Карійской каторгѣ (см., напр., Дейчъ: «За 16 лѣтъ», стр. 405), и единственно неосвѣщеннымъ въ исторіи тюремныхъ мытарствъ Фомина является періодъ его кратковременнаго (1—1½ года) заключенія въ Петропавловской крѣпости.

Менѣе интересенъ очеркъ Н. Яковлева о Поливановѣ, но и въ немъ есть рядъ новыхъ свѣдѣній объ условіяхъ надзора за Поливановымъ въ ссылкѣ, а также о поискахъ его послѣ его побѣга.

Студенческому движению посвящены отрывки из воспоминаний Вячеслава Новикова и М. Г. Бейлина.

Первый дает мало интересного, — всего лишь несколько строк в своих «Воспоминаниях о С.-Петербургском университете 1894—95 г.г.»¹⁾, посвящает он т. наз. «Вѣтровской демонстраціи» 1897 г., участником которой авторъ былъ самъ. Тѣмъ болѣе интересны воспоминания М. Г. Бейлина²⁾, рассказавшаго о студенческих настроеніяхъ въ томскомъ университетѣ въ эпоху конца царствованія Александра III — начала царствованія Николая II. Центральнымъ эпизодомъ этихъ воспоминаній является попытка студенчества отпраздновать смерть Александра III: въ девятый день послѣ его кончины, когда весь городъ былъ погруженъ въ трауръ (то были дни казенной «народной печали»), и всѣ увеселенія были запрещены, студенты устроили вечеринку — съ музыкой и рефератами. Конечъ вечеринки былъ обычный: «раздался звонокъ», и явилась полиція, переписавшая участниковъ; затѣмъ университетскій судъ, протесты, исключенія. При скудости свѣдѣній о студенческомъ движеніи въ провинціи очеркъ Бейлина является весьма цѣннымъ.

Совершенно случайному эпизоду — избраніе въ г. Читѣ земскимъ собраніемъ нѣкогого г. Скубіева въ уѣздное воинское присутствіе, — обязаны мы появленіемъ весьма любопытнаго письма «нечаевца» А. К. Кузнецова, посвященнаго описанію событій 1905—6 г.г. въ г. Читѣ и роли въ нихъ г. Скубіева (чиновникъ, выступавшій завѣдомо ложнымъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія въ извѣстномъ процессѣ Костюшка-Валюженича, Сталарова, А. К. Кузнецова и др.³⁾). Это письмо является нѣкоторымъ дополненіемъ къ исторіи декабрьскихъ дней въ Читѣ и расплаты за нихъ, недавно данной г. Переврзевымъ⁴⁾.

Одному изъ эпизодовъ того же бурнаго 1905 года посвящена небольшая брошюра Г. С. Рассохина, изданная въ Томскѣ («Событія въ Томскѣ въ октябрѣ 1905 г.»⁵⁾). Посвященная кровавымъ октябрьскимъ событіямъ въ Томскѣ (сожженіе черной сотней и полиціей дома управленія жел. дороги вмѣстѣ съ находившимися въ немъ служащими), брошюра составлена изъ двухъ частей, причѣмъ въ первой половинѣ авторъ по личнымъ воспоминаніямъ, газетамъ и воспоминаніямъ своихъ знакомыхъ пытается возстановить общую картину Томска въ дни октябрьской забастовки, а во второй — печатаетъ документъ, — секретное донесеніе несомнѣннаго инспиратора погрома томскаго губернатора Азанчеева-Азанчевскаго, посланное послѣднимъ министру внутр. дѣлъ 16 ноября 1905 г. съ изложеніемъ хода тѣхъ же событій. Судя по данной работѣ, авторъ — человекъ, жившій далеко въ сторонѣ отъ революціоннаго движенія тѣхъ лѣтъ и лишь случайный гость на митингахъ; это сказывается на содержаніи брошюры: исторіи возникновенія событій, партійнаго руководства ими, вообще всей «закулисной» стороны забастовки, онъ не даетъ; его рассказъ посвященъ описанію внѣшнихъ фактовъ движенія. Но при бѣдности нашей литературы матеріалами по исторіи 1905 г. данная работа, даже при этомъ недостаткѣ, можетъ быть крайне по-

¹⁾ Омская «Наша Заря». № отъ 21 февраля 1919 г.

²⁾ «Былое» (изъ жизни томскаго студенчества) въ красноярской «Свободной Сибири». № отъ 18 октября 1918 г.

³⁾ Письмо это напечатано въ читинскомъ «Нашемъ Пути». № отъ 7 марта 1919 г.; оно явилось отвѣтомъ на заявленіе Скубіева (въ № отъ 26 февраля 1919 г. въ читинской газетѣ «Забайкальская Новь»).

⁴⁾ Въ № 5—6 «Былого» за 1917 г.; кстати, эта статья привлекла вниманіе ряда сибирскихъ газетъ, сдѣлавшихъ изъ нея большія выдержки (напр. въ «Прибайкальскій Живн»).

⁵⁾ Томскъ. Типо-литографія Томской жел. дороги 1917 г. Ц. 60 коп. Стр. 30.

лезной работающему надъ соответствующими вопросами. О цѣнности второй части брошюры—донесеніе губернатора—говорить, конечно, не приходится. Можно лишь пожалѣть, что въ другихъ городахъ такъ рѣдко удѣляютъ вниманія исторіи недавняго революціоннаго прошлаго и не издаютъ соответствующихъ документовъ, сохранившихся въ архивахъ различныхъ правительственныхъ учреждений.

Рядъ порою весьма цѣнныхъ очерковъ далъ въ нѣкоторыхъ уфимскихъ изданіяхъ видный мѣстный защитникъ по политическимъ дѣламъ А. А. Кійковъ подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ воспоминаній защитника»¹⁾; наиболее интересны изъ этой серіи три очерка: «Якутовъ», «Петръ Летвинцевъ» и «Рабочій Алексѣевъ». Въ первомъ изъ этихъ очерковъ г. Кійковъ даетъ характеристику, къ сожалѣнію, слишкомъ бѣглую, и краткія біографическія свѣдѣнія о казенномъ въ 1907 г. въ Уфѣ рабочемъ соц.-дем. Иванѣ Степановичѣ Якутовѣ, председателѣ перваго (1905 года) уфимскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ²⁾; попутно авторомъ дается общая картина событій «бурнаго» 1905 г. въ Уфѣ, во главѣ котораго въ декабрьскія дни всталъ Якутовъ, находясь все время на самыхъ отвѣтственныхъ постахъ. На отвѣтственномъ посту былъ онъ и въ ночь на 10 декабря 1905 г., когда казаки и полиція пытались разогнать митингъ рабочихъ, собравшихся въ жел.-дор. мастерскихъ. Казакамъ было оказано сопротивленіе, «дружинники» бросили бомбы, ранивши нѣсколькихъ казаковъ,—и нападеніе ихъ было отбито; на этотъ разъ Якутову удалось скрыться, но года черезъ 1½ онъ былъ арестованъ на югѣ Россіи, привезенъ въ Уфу, обвиненъ въ бросаніи бомбъ (хотя лично онъ бомбъ не бросалъ) и умеръ героемъ на висѣлищѣ. Исправимъ, кстати, одну неточность автора: онъ сообщаетъ, что въ 1889 г. Якутовъ выѣхалъ съ Егоромъ Сазоновымъ входилъ въ составъ уфимской группы с.-р.; группа эта не была чисто с.-р.-ской организаціей, а смѣшанной и такъ и называлась: «объединенная уральская группа с.-д. и с.-р.» (свѣдѣнія объ ея позиціи и критикѣ послѣдней см. въ «Искрѣ»).

Если И. С. Якутовъ—представитель массоваго движенія 1905 г., то выведенные г. Кійковымъ въ двухъ остальныхъ очеркахъ Летвинцевъ и Алексѣевъ являются представителями слѣдующей полосы революціонной борьбы, т. наз. «партизанства» и «экзисма», какъ извѣстно, широкой волной разливавшегося по Уралу, но представителями безусловно лучшими, идейными.

Петръ Летвинцевъ, вѣрнѣе именующій себя Летвинцевымъ (его настоящая фамилія Петровъ), участникъ Потемкинскаго возстанія и активный работникъ с.-д. боевой дружины, зрѣлый, выдержанный человѣкъ, умѣющій смотрѣть въ глаза смерти; случайно попавъ, будучи нелегальнымъ, по небольшому дѣлу въ уфимскую тюрьму, онъ воспользовался «удобнымъ случаемъ», вооруженнымъ побѣгомъ, организованнымъ группой анархи-

¹⁾ Намъ извѣстны слѣдующіе его очерки: 1) «Петръ Летвинцевъ» въ № 1 (и единственномъ) «Литер.-худож. листка» (Уфа, іюль 1918 г.); 2) «Якутовъ» въ № 203 за 1918 г. уфимскаго «Голоса Рабочихъ», (органъ с.-д. менши.); 3) «Рабочій Алексѣевъ» въ №№ 96 и 97 той же газеты; 4) «Два побѣга», тамъ же, № 205; 5) «Дѣло, какихъ много» (Н. Вагина за распространіе воззванія рабочихъ депутатовъ I Гос. Думы); тамъ же, № 211; 6) «Палачъ», (объ убитомъ с.-р.-ами палачѣ тюремномъ надзирателѣ г. Уфы Уваровѣ) и «Защитникъ» (бесѣда съ председателемъ военнаго суда, любившимъ брать съ собой во время поѣздокъ на извозчикѣ защитника, видя въ этомъ гарантію отъ покушенія) въ № 222 той же газеты.

²⁾ Интересныя свѣдѣнія объ И. С. Якутовѣ даны также въ статьѣ П. Померанцева: «Письма Ивана Якутова» (напечатана въ уфимскомъ «Впередѣ», органъ Р. К. П., въ номерахъ отъ 12 и 16 іюня за 1918 годъ); къ этой статьѣ мы разсчитываемъ еще вернуться въ одномъ изъ слѣд. обзоровъ.

ство, — и удачно выскользнул из тюрьмы, не приняв участия в вооруженном столкновении (за отсутствием у него оружия). Через полгода он был арестован (вновь вблизи Уфы), опознан и предан военному суду, на котором свидетель-надзиратель клялся, что Летвинцев стрелял в него и ранил его. Приговор, конечно, известен. Такова несложная канва данного дела, но не в этой фактической стороне ценность данного очерка, — несомненно, наиболее удавшаяся автору, — а в характеристике Летвинцева и в сцене его последнего прощания с женою. «Рабочий Алексеев» — человек совершенно иного порядка и закала: это — юный энтузиаст — с.р. (ставший в тюрьме анархистом), пошедший на террористический акт с целью отомстить за избития политических заключенных (он убил уфимского тюремного инспектора Кольбе), причем он умышленно совершил покушение в назначенный срок, дабы избавить от риска других участников организации, долженствовавших прикрывать его отступление после покушения; чтобы устранить опасность ареста других, он увеличивал шансы своей поимки. Г. Кийков о нем, как о личности, отзывался почти восторженно: «18-ти летний, стройный юноша, высокого роста, со скульптурно-развитыми мышцами, он в своей плотно его облегающей черной сатиновой рабочей блузе являл вид прекрасного языческого бога. И этой чудной внешности, этим открытым голубым глазам соответствовала и его открытая, прямая, незнаящая никаких компромиссов и никаких обходных путей молодая, действительно прекрасная душа». Помимо характеристики Алексеева, в этом очерке дано краткое изложение его «последнего слова» на суде и краткие сведения об организации убийства тюр. инсп. Кольбе и о казни Алексеева: «палачи, боявшиеся его страшной физической силы, выждали, когда он заснул, проникли в камеру, связали, закутали голову тряпьем, волоком вытащили на тюремный двор и там удавили его».

Остальные очерки г. Кийкова значительно менее интересны.

Материалов о более близких годах в сибирских газетах помещено было очень мало. Быть может, известную роль в этом отношении сыграла наблюдающаяся местами в Сибири недоступность для исследователей архивов бывш. гражданских управлений, охранных отделений и секретных столов канцелярий губернаторов. Читатели должны знать, что теперь в Сибири не редкость прочитать в газете замечку, вроде следующей:

«Вчера, 27 марта, из помещения областной земской управы ротмистром Бабычем¹⁾ вывезен весь архив старого охранного отделения²⁾».

А у «Бабычей» материалы исследователи, конечно, не получают. Но пока «Бабычи» завладели еще не всеми архивами, некоторые данные из них по истории последнего десятилетия существования самодержавия в печати появились.

В благовещенской газете «Амурское Эхо» напечатаны два фельетона под заглавием: «Жандармское донесение о Благовещенск в 1911 году»³⁾, составленные на основании особого обзора, написанного благовещенскими жандармами в 1912 г., «во исполнение личного приказа ген.-губ. области г. Гондатти» (ныне заведующий гражданской частью при ген. Хорватъ, наместник Колчака на Дальнем Востоке). Известная «разносторонность» жандармской любознательности сделала этот обзор почти универсаль-

¹⁾ Б. ротмистр охран. отделения во Владивостоке, служивший в политической полиции при ген. Хорватъ.

²⁾ «Дальневосточное Обозрение» (Владивосток) от 28 марта 1919 г.

³⁾ №№ от 15 и 20 февраля 1919 г.

нымъ; нѣкоторое представленіе о содержаніи документа мы получили изъ слѣд. перечисленія подзаголовковъ, сдѣланныхъ газетою «Амурск. Эхо»: «Общество по леченію о начальномъ образованіи; общество изученія Сибири; націоналистическія-инородческія общества; союзъ Михаила Архангела; мѣстная пресса; неблагонадежныя лица, причѣмъ въ число послѣднихъ попалъ даже протоіерей Благовѣщенскаго кафедральнаго собора Вознесенскій». Интересъ такого документа (тѣмъ болѣе цѣннаго, что онъ составленъ для мѣстнаго употребленія и въ центр. архивы не попалъ) несомнѣненъ, и нельзя не пожалѣть, что редакція не сочла возможнымъ и нужнымъ перепечатать этотъ документъ цѣлкомъ, а только въ рядѣ выдержекъ, къ тому же сильно разбавленныхъ собственными разсужденіями.

На основаніи матеріаловъ жандармскихъ же и полицейскихъ архивовъ написаны очерки, напечатанные въ барнаульской газетѣ «Новый Алтайскій Лучъ» съ общимъ подзаголовкомъ «Изъ романовскихъ временъ» и подписанные псевдонимомъ «Нѣкто». Первый изъ извѣстныхъ намъ очерковъ этой серіи—«Политическія дѣла»¹⁾—посвященъ ознакомленію съ закулисной техникой возбужденія полиціей мелкихъ дѣлъ объ «оскорбленіи величества» или просто «начальства». Очеркъ мало интересенъ и содержитъ мало фактическихъ данныхъ. Болѣе любопытенъ второй очеркъ того же автора.—«Политическое изученіе края»²⁾—знакомящій съ постановкой въ барнаульскомъ полиц. управленіи дѣла о надзорѣ за «настроеніемъ населенія»; въ очеркѣ приведены анкетные листки (два образца—одинъ 1911, другой 1917 г., разсылавшіеся барнаульскимъ уѣзднымъ исправникомъ становымъ приставамъ), заполнять которые послѣдніе были обязаны ежемѣсячно; кругъ интересовъ уѣздной полиціи былъ очень широкъ, и напечатанный въ очеркѣ отвѣтъ на эту анкету—одинъ изъ многихъ отвѣтовъ, хранящихся въ архивѣ,—пристава 4 стана барнаул. уѣзда отъ 4 декабря 1916 г. даетъ любопытнѣйшій матеріалъ для характеристики настроенія глухой провинціи наканунѣ февральской революціи, когда населеніе сильно волновалось—настолько сильно, что даже пристава не могли не замѣтить—и «бѣлые столбцы» въ газетахъ, и вопросъ о томъ, почему «германцамъ удалось побѣдить на румынскомъ фронтѣ».

Что касается до обильной въ періодъ 1917—1918 г.г. литературы по разоблаченію провокаторовъ, то въ Сибири за истекшій годъ она совершенно не пополнялась,—отчасти, по причинѣ упомянутой выше недоступности архивныхъ матеріаловъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе уклона умонастроеній, среди которыхъ господствовали сторонники реабилитаціи всего стараго. Въ газетахъ попадались даже попытки реабилитаціи лицъ, уличенныхъ въ извѣстнаго рода сношеніяхъ съ жандармскими управленіями; характеренъ въ этомъ отношеніи слѣд. эпизодъ: городская дума г. Тайги выбрала город. головою нѣкоего г. Ш., о которомъ въ газетѣ «Сибир. Жизнь» отъ 18 апр. 1917 г. было напечатано, что онъ состоялъ секретнымъ сотрудникомъ (кличка «Случайный») барнаульскаго жандарм. управленія. По сему поводу въ печати возникла полемика. Г. Ш. оправдывался, доказывая, что онъ, дѣйствительно, получилъ предложеніе «сотрудничать», но отказался и свѣдѣній не далъ; барнаульскія же газеты (см., напр., «Жизнь Алтая» № 88 за 1918 г.) «разоблачали», приводя документы,—рапортъ по начальству помощн. начальника томск. жанд. упр. по г. Барнаулу о томъ, что этотъ самый г. Ш. сотрудничать согласился и зачисленъ подъ кличкой «Случайный». Судить, кто правъ, кто виноватъ въ семъ спорѣ, мы, конечно, не бе-

¹⁾ № отъ 7 января 1919 г.

²⁾ № 19 за 1919 г.

ремя: мы просто регистрируем этот эпизод, как характерный и для «прошлого», и для «современного».

Чтобы покончить с этой частью нашего обзора, мы остановимся еще на любопытных воспоминаниях «рабочего судженских копей, бывшего прискателя Федосьевского приска (пресловутаго «Лензора») Ивана Кудрявцева о ленских событиях¹⁾. Авторъ,—рядовой рабочий съ Ленских присковъ,—прожил на прискахъ весь тотъ 1912 годъ, когда ротмистромъ Трещенковымъ были совершены извѣстные разстрѣлы рабочихъ; нынѣ онъ въ этомъ отрывкѣ изъ воспоминаній рассказываетъ относительно подробно и объ условіяхъ жизни рабочихъ до самихъ событій, о ходѣ забастовки, о разстрѣлѣ (онъ былъ въ одной изъ тѣхъ партій рабочихъ, которые попали подъ обстрѣлы) и о послѣдующихъ дняхъ,—дняхъ пріѣзда «сенаторской ревизіи» и пр. О «ленскихъ» событіяхъ у насъ уже имѣется небольшая литература (наиболѣе цѣнны въ ней вышедшая въ 1913 г. отдѣльными изданіемъ и вскорѣ конфискованная книга «Правда о Ленскихъ событіяхъ», содержащая матеріалы, собранные на мѣстѣ во время разслѣдованія, и очерки А. Керенскаго въ «Завѣтахъ»), но данный рассказъ займетъ въ ней совершенно особое мѣсто,—это, насколько намъ извѣстно, первый рассказъ о событіяхъ, написанный рабочимъ—непосредственнымъ участникомъ ихъ,—и ни въ какомъ случаѣ не будетъ лишнимъ²⁾.

Извѣстное, хотя и небольшое, количество матеріаловъ напечатано въ сибирскихъ газетахъ и для исторіи русской литературы и журналистики. Изъ нихъ мы прежде всего остановимся на литературѣ, посвященной памяти Л. Н. Толстого. Статей о Толстомъ и его ученіи въ сибирскихъ газетахъ появилось достаточно большое количество, но въ подавляющемъ большинствѣ—это легкая публицистика. Болѣе или менѣе цѣнные матеріалы даны только въ изданныхъ къ 90-лѣтію со дня рожденія Л. Н. Толстого хабаровскомъ сборникѣ «Россия на Голгофѣ»³⁾ и ачинской (Енисейск. губ.) еднородной газетѣ «Памяти Льва Николаевича Толстого»⁴⁾.

Въ первомъ изъ этихъ изданій,—сборникѣ,—интересъ представляютъ главнымъ образомъ письма Л. Н. Толстого, изъ которыхъ три («Письма къ революционеру», «Пріѣхъ отказавшимся» и «Пора понять»), по свидѣтельству редакціи сборника (проверить его правильность мы не могли), появ-

¹⁾ «Къ годовщинѣ Ленскихъ событій (4) 17 апрѣля 1912 г. Воспоминанія участника въ «Сибирск. Горнорабочемъ» (Томскъ) № 3 отъ 23 апр. 1918 г. Напечатанъ очеркъ этотъ нѣсколько раньше чешскаго возстанія, каковой моментъ мы, какъ правило, беремъ начальнымъ для нашего обзора, но въ виду рѣдкости изданія, въ которомъ очеркъ появился, и его выхода наканунѣ самого возстанія (первая испышки—заятіе Канека, Маринска, Ново-Николаевска—относятся ко второй половинѣ мая), вслѣдствіе чего въ России данный номеръ совершенно не могъ попасть, мы рѣшили эти воспоминанія включить въ нашъ обзоръ.

²⁾ Авторомъ настоящаго обзора за время его пребыванія въ Сибири такъ же напечатанъ рядъ написанныхъ на основаніи архивнаго матеріала очерковъ, имѣющихъ отношеніе къ затрагиваемымъ обзоромъ темамъ; не собираясь, конечно, вводить эти очерки въ нашъ обзоръ, мы ограничимся простой регистраціей ихъ: 1) «Первые декабристы въ Иркутскѣ» въ иркутской «Нов. Сибири» №№ отъ 29 дек. 1918 г. и 2) «Первый иркутскій провокаторъ-доброволецъ» въ №№ 8 и 9 (отъ 16 г. 23 марта) 1919 г. иркутскаго «Сибир. Рабочаго»; 3) «Переводъ декабристовъ изъ Читы въ Петропавловскій заводъ въ Владивостокскомъ «Дальневосточномъ Обзорѣ», № отъ 12 апр. 1919 г.; 4) «Къ біографіи Чернышевскаго» въ Иркутскомъ «Наш. Дѣлѣ» №№ отъ 21 и 24 января 1919 г. и 5) «Первое преступленіе» Максима Горькаго въ Владивостокскомъ «Дал.-Вос. Обзорѣ» №№ отъ 25 и 26 марта 1919 года.

³⁾ Хабаровскъ. Изд. Зарницы М. Н. Фрица. Электро-типографія «Прямур. Жизнь», 1918 г. стр. 36. Ц. не обозначена.

⁴⁾ № вышелъ 10 сентября и, ст. 1918 г. ц. 60 коп. Чистый сборъ—въ пользу нуждающихся дѣтей городскихъ начальныхъ школъ.

ляются въ печати впервые. Интересна также статья М. Ф.: «Невольно вспомнишь» (стр. 31—36), въ которой авторъ вспоминаетъ о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ отъ чтенія въ 1904 г. книгъ Толстого «Въ чемъ моя вѣра», «Одумайтесь» и др., а также о своемъ участіи въ толстовской манифестаціи въ 1910 г. въ Петербургѣ. Что касается до ачинской однодневной газеты, то кромѣ ряда статей, посвященныхъ выясненію значенія Л. Н. Толстого (а именно: Обл.—Толстой и мы, М. Р. «Земля и налоги» по сочиненіямъ Г. Джорджа и Л. Н. Толстого; Я. Петровича—Яснополянская школа; К. А. Хейсина—«Левъ Толстой объ евреяхъ»; К. Долгополовъ—«Л. Н. Толстой о кооперат. движеніи» и др.) напечатанъ небольшой, но любопытный отрывокъ—«Сибиряки у Толстого въ 1909 г.»—разсказъ о посѣщеніи Л. Н. Толстого ачинскими крестьянами-старообрядцами.

Не везетъ сибирской печати по части открытія неизданныхъ стихотвореній. Такъ Верхнеудинская «Прибайкальская Жизнь»¹⁾ напечатала стихотвореніе И. С. Никитина, какъ не вошедшее ни въ одно изъ доселѣ выходившихъ изданій этого поэта. Къ сожалѣнію, редакция не имѣла подъ рукою изданія, редактированнаго А. Г. Оминымъ, гдѣ это стихотвореніе напечатано.

Но зато действительно появляется впервые рядъ новыхъ стихотвореній П. Ф. Якубовича (въ Благовѣщенскомъ с.-р. органѣ «Народное Дѣло» за 1917 г.); стихотворенія относятся къ періоду пребыванія поэта на каторгѣ и печатаются съ копій, сохранившихся у одного изъ товарищей П. Ф. Якубовича по каторгѣ.

Для историка нашей провинціальной печати извѣстный интересъ представляютъ отрывки «Изъ литературныхъ воспоминаній» А. Дунина, напечатанные въ ново-николаевской «Народ. Сибиря»²⁾; въ первомъ изъ этихъ отрывковъ г. Дунинъ разсказываетъ о своей работѣ въ 90-хъ г.г.³⁾ въ одной изъ казанскихъ газетъ, издателемъ которой былъ недурной мыловаръ, но плохой издатель, расплатившійся съ сотрудниками «натурою», т.-е. мыломъ со своего завода; во второмъ отрывкѣ разсказана попытка автора за время его пребыванія въ одномъ изъ городковъ, носящихъ репутацію «ссылныхъ» (авторъ его не называетъ), работать въ мѣстныхъ «Губерн. Вѣдом.», по томъ, что изъ сего вышло,—вѣрнѣе, какъ его «вышли» изъ этихъ «Вѣдомостей».

Для ознакомленія съ положеніемъ печати большой интересъ представляютъ два очерка, подписанные однимъ и тѣмъ же псевдонимомъ «Нѣкто»: «Цензура романовскихъ временъ» «по даннымъ барнаульской полиціи въ 1916—17 г.г.»⁴⁾ и «Цензоръ», составленный по матеріаламъ о дѣятельности военной цензуры 1914—17 г.г. въ г. Архангельскѣ⁵⁾. Въ первомъ изъ этихъ очерковъ приведены нѣкоторые распоряженія Главн. Управл. по дѣламъ печати, а также тексты отобранныхъ по сему поводу отъ редакторовъ мѣст-

¹⁾ № 133 за 1919 г.

²⁾ №№ отъ 26 января и 1 февр. 1919 г.: «Изъ прошлаго».

³⁾ Авторъ пишетъ, что рѣчь идетъ о 90-хъ г.г., но это очевидно корректурная ошибка, ибо дальше г. Дунинъ упоминаетъ, что это было въ тѣ времена, когда М. Горькій былъ неизвѣстнымъ литераторомъ.

⁴⁾ «Нов. Алт. Лучъ», отъ 1 января 1919 г. Отмѣтимъ попутно, что рядъ циркуляровъ Гл. Упр. по дѣламъ печати перепечатанъ въ 1917 г. въ «Туркест. Вѣдом.» (г. Ташкентъ: офиц. органъ комиссара Времен. Правит.) въ статьѣ В. Нагеля: «Архивная пыль».

⁵⁾ Архангельская газета «Возрожденіе Сѣвера». № отъ 27 сент. 1919 г. Замѣтимъ, что архангельскими газетами—и то не всѣми, а только офиц. органомъ правительства въ «Возрожд. Сѣвера», мы могли пользоваться только за первые 4—5 мѣсяцевъ существованія тамъ антибольшевистской власти.

ных барнаульскихъ газетъ подписокъ. Авторъ второго очерка подходитъ къ темѣ иначе, и, не касаясь циркуляровъ, на основаніи газетныхъ архивовъ, возстановливаетъ картину работы краснаго карандаша военнаго цензора.

И, наконецъ, для исторіи послѣ-революціонной журналистики нѣкоторое количество матеріаловъ мы найдемъ въ напечатанныхъ въ Иркутскомъ «Нашемъ Дѣлѣ» библиографическихъ очеркахъ А. Константиновича объ «иркутской печати»¹⁾; въ этихъ очеркахъ, распадающихся на три отдѣла по смѣнѣ властей: Врем. Правит., большевики; анти-совѣтская власть,—зарегистрированы, повидимому, съ исчерпывающей полнотой, всѣ періодическія изданія, возникшія въ Иркутскѣ за годы революціи; къ сожалѣнію, крайне сжатые очерки ограничиваются регистраціей однихъ заголовковъ, не касаясь совершенно характера и направленія изданій; даже даты возникновенія и смерти изданій регистрируются только по мѣсяцамъ. При всемъ томъ эта работа будетъ очень цѣннымъ,—ибо составлена по свѣжей памяти,—пособіемъ для будущаго библіографа русской провинціальной прессы въ годину революціи.

Другой характеръ носитъ статья А. С. въ «Тобольск. Народн. Словѣ»²⁾, посвященная исторіи этой газеты за годъ—первый и пока единственный—ея существованія,—она посвящена больше характеристикѣ «терниевъ безъ розъ», которыми былъ усыпанъ путь провинціальной газеты при смѣнявшихся правительствахъ.

Въ заключеніи мы регистрируемъ статью М. К.: «У Шалыпина»³⁾. Написанная по случаю обошедшихъ всю сибирскую печать слуховъ о разстрѣлѣ большевиками Ф. И. Шалыпина⁴⁾, она содержитъ рассказъ о посѣщеніи Шалыпина авторомъ въ 1906 г. въ составѣ делегаціи одной изъ петербургскихъ революціонныхъ организацій (какой—авторъ не называетъ), желавшей устроить на нужды избирательной кампаніи концертъ «съ Шалыпинымъ». Рассказовъ о Шалыпинѣ и его отношеніи къ революціон. организаціямъ было не мало, но данный выдѣляется содержательностью, хотя, какъ и полагается въ «надгробныхъ» воспоминаніяхъ, авторъ нѣсколько подкрашиваетъ Шалыпина (не въ рассказѣ о посѣщеніи, а въ данной послѣ рассказа характеристикѣ артиста).

Заканчивая на этомъ нашъ, затянувшійся обзоръ, мы откладываемъ на слѣдующій разъ рядъ другихъ отдѣловъ, имѣющихъ для насъ интересъ: матеріаловъ по исторіи февральской революціи, коринловщина и т. д.

Б. Николаевскій.

¹⁾ №№ 71, 91 и 96 за 1919 г.

²⁾ «Къ нашимъ читателямъ», въ № 48 отъ 6 марта 1919 г.

³⁾ Иркутская «Новая Сибирь». № отъ 17 ноября 1919 г.

⁴⁾ Въ Сибири такихъ слуховъ циркулируетъ больше, чѣмъ достаточное количество; для курьеза авторъ этихъ строкъ, напр., коллекціонировалъ слухи о Луначарскомъ (его почему-то особенно любятъ убивать въ Сибири); такъ оказалось, что Луначарскаго убивали 3 раза и,—характерно.—все при защитѣ музеевъ: въ Петроградѣ, на Дворцовой площади, когда онъ уговаривалъ матросовъ пощадить хотя бы Эрмитажъ (не пощадили, Луначарскаго убили, а Эрмитажъ по кусочкамъ разнесли); въ Москвѣ на митингѣ въ Больш. Театрѣ, когда Луначарскій разъяснялъ пользу красноармейцамъ музеевъ и призывалъ къ бережному съ ними обращенію (кто-то изъ красноармейцевъ распалился за это на него гнѣвомъ и булыжникомъ голову проломилъ) и, наконецъ, третій разъ въ Москвѣ же на площади передъ музеемъ изящныхъ искусствъ (при невыясненной обстановкѣ). Шалыпину же посчастливилось: его хоронили одинъ лишь разъ.

Наум Леонтьевич Геккер.

Некролог.

В Одессе скончался на 59-м году жизни писатель и революционер Наум Леонтьевич Геккер. Уроженец Екатеринославской губ., Геккер окончил гимназию в Бердянске, где его товарищами были. Л. М. Коган-Бернштейн, впоследствии казненный, и много других юношей, проникшихся революционными идеями еще на школьной скамье. С переселением в Одессу Н. Л. вступил в „Южно-Русский рабочий союз“ и занялся пропагандой среди рабочих, но уже в апреле 81 года был арестован и в 82 году осужден на 10 лет каторги. С января 84 г. по декабрь 84 г. Н. Л. пробыл безвыходно в карийской каторжной тюрьме, а после этого он был выпущен в так называемую „вольную команду“, т. е. получил возможность жить вне стен тюрьмы, на частной квартире, подчиняясь, однако, всем требованиям тюремного режима. В этот период он пережил драму, навсегда погубившую его здоровье: в октябре 89 года, после применения порки к политической каторжанке Н. К. Сигиде, заключенные карийской тюрьмы протестовали против этого надругательства коллективным самоубийством посредством отравления, а Геккер в своей одинокой избушке, из товарищеской солидарности, сделал попытку застрелиться из своего дешевенького револьвера, оказавшегося слишком слабым. Два раза Н. Л. стрелял себе в голову, — один раз в висок, авторично — в середину лба, но обе пули вызвали только глубокий обморок и большую потерю крови, но не повели к смерти. Собрав последние силы, Н. Л. доплелся до избушки своих ближайших соседей и с трудом пропаялся слова, попросил их дать ему револьвер более крупного калибра, после чего вновь лишился чувств. Товарищи оказали ему первоначальную медицинскую помощь, отправили раненого в больницу, где он после тяжелой болезни и оправился, хотя получил зачатки глубокого недуга, который несколькими годами позже превратил молодого и полного духовных сил человека в калеку, навсегда прикованного к креслу.

В 1892 году Н. Л., отбыв полный срок каторги, был выслан на поселение в Якутскую область и сначала жил в улусе, заполняя время, как и на Каре, главным образом, серьезным чтением, но в 1895 году товарищи, всегда ценившие его дарования и энергию, не без затруднений со стороны администрации, привлекли его к участию в организованной Восточно-Сибирским Отд. Геогр. Общества этнографической экспедиции на средства И. М. Сибирякова. Н. Л. принял на себя антропометрическое исследование якутов и с этой целью совершил ряд поездок по дикому краю, главным образом верхом, что было ему.

как впоследствии оказалось, безусловно вредно." Результатом его неутомимых работ, продолжавшихся более года, явились весьма подробные и старательно выполненные измерения нескольких сотен мужчин и женщин ранее совершенно неисследованного антропологически племени, в семнадцати различных наслегх Якутского окр. Большую часть этого огромного материала Н. Л. передал для обработки одному из своих ближайших товарищей по экспедиции, а некоторую часть он успел обработать сам и в 1897 г., по выезде в Иркутск, опубликовал свой труд в изданной Восточно-Сибирским Отд. Геогр. Общ. книжке „К характеристике физического типа якутов“. Новизна сообщаемых в ней данных и тщательность обработки обратили на это произведение внимание Московского Общ. Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, удостоившего автора Расцветовской премии.

К этому-же периоду относится начало литературной работы Н. Л.-ча, с 1896 года помещавшего свои статьи в иркутском „Восточном Обозрении“ и в „Сибирской Газете“.

В 1899 году Н. Л. вернулся в Россию и поселился в Одессе, где вступил в состав постоянных сотрудников „Одесских Новостей“, а затем и журнала „Южное Обозрение“. Несмотря на развивавшийся у него паралич ног, Н. Л. сохранял полную умственную свежесть и удивительную нравственную бодрость. Он жадно следил за ходом жизни и писал не только для местных газет (в „Од. Новост.“ он вел отд. критики), но и для столичных журналов. В „Былом“, за сентябрь 1906 года, им помещена статья „Политическая каторга на Каре“, появлялись его статьи в „Русском Богатстве“ и в „Современнике“, а в 1903 году им была издана особая работа о произведениях Леонида Андреева.

Политические интересы также не замирали в этом неизменно жизнерадостном человеке во все эти долгие годы его нового заключения в собственном кабинете, где его перекатывали с места на место в особо приспособленном кресле. В его отшельнической келье нередко собирались представители всех прогрессивных партий одесского политического мира и приезжие из столиц или из-за границы, также как и возвращавшиеся из ссылки, и тут шли оживленные беседы на темы дня. Чуждый всякого сектанства, Н. Л. сохранял теплоту в личных отношениях к честным людям всех оттенков, но собственнo его взгляды и старые связи притягивали его к партии социалистов-революционеров, в делах которой он принимал самое живое интеллектуальное участие.

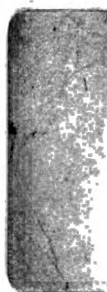
В последние годы паралич распространился и на руки больного, так что он должен был уже диктовать свои статьи, но мозг его не уступал недугу поразительно долго, и еще немного лет тому назад Н. Л. сохранял в обществе всю свою прирожденную живость и отзывчивость ко всему новому и свежему в области политики и литературы. Если покойный не проявил себя на этих поприщах ярче, то причиной этого была только его тяжкая болезнь.

И. М.

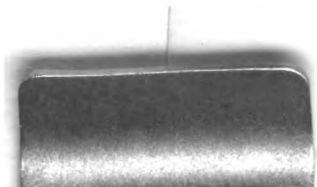
DK1
B982
New Sw.
No. 14-15

3 0000 108 522 834

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

DEMCO

